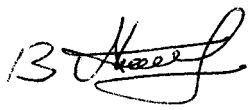
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт российской истории Российской академии наук

На правах рукописи



Аксенов Владислав Бэнович

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ (1914-1917)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук
Булдаков Владимир Прохорович

Москва – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение……..…4

Глава 1. Историография, источники и методология изучения общественных настроений……...…...……44

1. Историография изучения общественных настроений 1914-1917 гг.....44
2. Источники изучения общественных настроений. Проблемы классификации и критики……..……92
3. Методология и инструментарий исследования общественных настроений……...……110

Глава 2. Социальное поведение кануна и периода мобилизации и парадоксы патриотических настроений……..……..130

1. Рабочие беспорядки весны-лета 1914 г. как аффективно-эмоциональный тип социального действа…….....130
2. Парадоксы патриотических манифестаций июня-июля 1914 г…….146
3. Трудности мобилизации: явка и формы протеста……...…179
4. Женский взгляд на мобилизацию: от слез к погромам……..206
5. Идейные противоречия патриотических настроений. Патриотизм как эмоция…….225

Глава 3. Сельские и городские слухи как барометр общественных настроений…….254

1. Народ и власть в свете 103 статьи Уголовного уложения 1903 г…….……..…….254
2. Крестьянское политическое сознание от неприятия войны до проклятий царя…….294
3. Поиски внутренних врагов: от антинемецких настроений к слухам о предательстве в верхах……..325
4. Слухи и настроения городских обывателей:

между войной, политикой и повседневностью……..357

5. Война, техника и призраки Апокалипсиса: устные слухи, литературные фантазии и визуальные образы……410

Глава 4. Православие-самодержавие-народность: дискредитация и инверсия патриотических символов……..445

1. Церковь, образы духовенства и народная религиозность: расцерковление прихожан и вера в окопах……..445
2. Визуальное мышление и крах стратегии демократической фоторепрезентации верховной власти…….……482
3. Дискредитация образов русских воинов и сестер милосердия на фоне патриотической пропаганды…….512

4. Государственная дума как символ гражданского патриотизма…….561

Глава 5. Психоэмоциональное измерение российской революции…..598

1. Информационный кризис кануна революции: слухи как революционный фактор……...598
2. Пулеметы, белые кресты и черные авто: факторы невротизации обывателей……..…..625
3. Патриотическая эйфория и семантика позитивных образов революции…….....653
4. Психическая теория и психоэмоциональная динамика российского общества в 1914-1917 гг…….……....669

Заключение…….691

Список источников и литературы…….…….703

Приложение №1. Графики и диаграммы ……..…754

Приложение №2. **Фотодокументы**……...…….……764

Приложение №3. **Печатная графика (лубок, плакаты, журнальные иллюстрации, открытки)**……...…..……766

Приложение №4. **Список наиболее резонансных тревожных политических слухов, циркулировавших в Петрограде и Москве (июль 1914 – февраль 1917)**…….789

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Первая мировая война стала событием, на долгие десятилетия определившим вектор развития Европы. Не случайно современные историки связывают с Первой мировой крушение западной цивилизации XIX столетия и начинают отсчет «короткого XX века», а также обращают внимание, что «для людей, родившихся до 1914 г., слово „мир“ обозначало эпоху до начала Первой мировой войны»[1]. Подобное восприятие войны как рубежа столетий встречается в дневниках и воспоминаниях современников по разные стороны фронта[2]. Однако актуальность темы исследования не ограничивается выбранной эпохой, но определяется, прежде всего, самим предметом: общественными настроениями. Изучение таких сложных социальных явлений как революции требует обращения к сфере ментальности, сознательного мышления и бессознательных чувств, эмоций, аффектов. Нарастание революционных настроений нельзя объяснить одними «объективными» материальными показателями, да и в самих революционных взрывах определенная роль принадлежит стихийным факторам. В основе стихийных массовых бунтов 1914-1917 гг. нередко лежал страх перед вымышленным внутренним врагом (от немцев/евреев-шпионов до полицейских-пулеметчиков). Не менее важным представляется изучение предпринимаемых властями попыток контроля общественного сознания, их патриотической политики, а равно отношение к этой политике со стороны широких социальных слоев. Современник той эпохи оказался заложником различных официальных и не официальных потоков информации, в которых перемешивались факты, слухи, интерпретации. Характерно, что в конце 1916 г. даже агенты охранного

[1] *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991. М., 2004. С. 32.

[2] Впрочем, Ю. Остерхамель отмечает, что осознание глобальности перемен пришло современникам уже после войны: *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. Munchen: C.H. Beck, 2009. S. 88.

отделения не могли отличить правду от вымысла, в результате чего слухи начинали определять действия властей. Взаимодействие рациональных стратегий политических акторов и эмоциональных реакций общественных групп на них демонстрирует определенные алгоритмы самоорганизации общества в русле развития революционных настроений. Исследование общественных настроений россиян в 1914-1917 гг, их структуры и динамики, позволяет не только глубже осмыслить переломную для российской истории эпоху столетней давности, но и лучше понять современность.

Объектом диссертационного исследования является российское общество периода Первой мировой войны и революции в качестве определенного поколения эпохи «смуты», носившего характерные психологические черты; **предметом** – общественные настроения российской империи, в которых отразились как осознанные отношения россиян к войне, власти, повседневности, так и не всегда артикулированные чувства, эмоции. Понятие «общественные/массовые настроения» употребляется в науке достаточно давно. С его помощью определяются те или иные политические симпатии народа, вместе с тем подчеркивается их временный, подчас стихийный характер. В русской исторической традиции изучение настроений связано с трудами В.О. Ключевского. В «Курсе русской истории», описывая настроения общества после Смуты, историк охарактеризовал их с помощью таких категорий, как тревога, страдание, терпение, недовольство, раздражительность, впечатлительность, тем самым подчеркнув их чувственно-эмоциональную природу[3]. На рубеже XIX–XX вв. изучение общественных настроений получило толчок в социальной психологии, в качестве обобщающего появился термин «массовая психология». Г. Лебон основополагающими элементами «психологии масс» называл как рациональные идеологические конструкции (политические, религиозные), так и иррациональные чувства, эмоции[4]. В XX в. в исторической науке массовая или общественная психология изучалась, как правило, путем

[3] См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории. СПб., 1904.

[4] См.: *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.

исследования народной ментальности или общественного сознания. Вместе с тем между этими понятиями имеются принципиальные различия: в то время как менталитет народа может основываться на неотрефлексированных, но закрепленных в традициях, обычаях, практиках императивах, в основе массового сознания лежит осознанная коллективом, отрефлексированная установка, ценность. В отличие от термина «менталитет», размывшегося на протяжении его изучения в XX в., понятие «общественные настроения» кажется более предпочтительным в историческом исследовании, во-первых, потому что связывает исследование с конкретным обществом определенного периода истории, во-вторых, представляется актуальным с учетом перспектив развития эмоциологического направления в истории. В сравнении с ментальностью коллективные настроения отличаются большей динамичностью, подвижностью, а потому лучше передают отношение тех или иных социальных групп к меняющимся событиям социально-политической истории.

Следует отметить, что в современной социально-психологической литературе в качестве универсального термина, описывающего характеристики психологии общественного, коллективного организма, употребляется «массовое сознание». Тем не менее в ряде работ оно противопоставляется «коллективному сознанию» и «общественной психологии». Определяющим здесь выступает понятие массы (толпы) как специфической социально-психологической общности, в поведении которой большую роль играют стихийные факторы. В этом плане массовое сознание и массовое настроение оказываются не равнозначными, а подчиненными терминами. Так, массовые настроения становятся элементом массового сознания в работах Д.В. Ольшанского, который в качестве структурных компонентов последнего выделяет первичный эмоционально-действенный уровень и вторичный рациональный[5]. При этом Ольшанский подчеркивает важность изучения именно массовых настроений тем, что они являются переходными состояниями от непосредственных эмоций к

[5] *Ольшанский Д.В.* Психология масс. СПб., 2002. С. 20–21.

осознанным мнениям, предшествующим массовым действиям[6]. Отметим, что на практике «осознанное мнение» не всегда является обязательным условием для перехода к действию — примеры массовых бунтов демонстрируют типы аффективного поведения, — а потому констатация переходного состояния «настроения» может вызывать определенные вопросы. Даже Б.Д. Парыгин в 1971 г. признавал как стихийный, так и сознательный факторы динамики социальных настроений: перехода от неосознанного недовольства к осознанному революционному настроению[7]. Тем не менее это лишь доказывает важность изучения данного феномена социальной психологии в историческом контексте.

В данном исследовании «общественные настроения» и «массовые настроения» употребляются как синонимичные, но не полностью тождественные понятия: термин «массовые настроения» используется как универсальный, а «общественные настроения» – имеющий отношение к конкретному обществу определенной эпохи. Соответственно, когда изучаются действия тех или иных толп во время массовых погромных акций, предпочтительным является термин «массовые настроения», описывающий психологию толпы, а когда даются характеристики психологической атмосферы периода в целом – «общественные настроения»[8].

Изучение общественных настроений предполагает определение форм их выражения, что имеет особенное значение в исторической науке, так как позволяет уточнить источниковую базу работы. Так, настроения могут иметь

---

[6] Там же. С. 140.

[7] *Парыгин Б.Д.* Социальное настроение как объект исторической науки // История и психология. М., 1971. С. 95.

[8] Тем не менее некоторые социальные психологи не проводят между ними принципиальных различий, употребляя и третий синонимичный термин – социальные настроения – и даже предлагая именно его в качестве объекта исторических исследований (См.: *Парыгин Б.Д.* Социальное настроение как объект исторической науки // История и психология. М., 1971. С. 90-105; *Парыгин Б.Д.* Социальная психология: проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999).

ментальные формы, выражаться в символических продуктах творческой деятельности (устные, письменные, визуальные тексты), а также непосредственно проявляться в социальных действиях, поступках (жестах) людей. Поэтому помимо исследования непосредственно ментальных элементов массового сознания (идеи, слухи, образы, символы), внимание уделено и действенным формам выражения настроений как акции протеста, манифестации (верноподданнические или оппозиционные), погромы и пр.

В диссертационном исследовании учитывается структура «общественных настроений» с точки зрения тех сфер общественной жизни, в которых они формируются: политические настроения (патриотические, революционные и пр.), религиозные (эсхатологические, мистические и т.д.), обыденные (меланхолические, гиперстенические и пр.). При этом особенное внимание уделяется пересечениям разных факторов различных общественных сфер, взаимовлияниям хозяйственно-бытовых и политических настроений (например, интерпретации «монетного голода» осени 1915 г. обывателями в контексте шпиономании и ксенофобии).

Хронологические рамки диссертации охватывают период с лета 1914 по октябрь 1917 гг. – период от кануна Первой мировой войны (рабочих протестов лета 1914 г.) до октябрьского этапа революции 1917 г. Начало исследования с июня 1914 г. обусловлено тем, что в советской историографии существовала традиция интерпретации рабочих беспорядков в качестве революционной ситуации, которая не привела к революции лишь из-за того, что начавшаяся Первая мировая война ее отложила. Обращение к перлюстрированной корреспонденции современников также показывает, что многие обыватели интерпретировали события начала июля в Петербурге как первые акты революции, писали о «революционном настроении». Тем интереснее сопоставить ощущения и настроения современников во время «настоящей» революции 1917 г., тем более что их динамика от февраля к октябрю в сжатом виде повторяет динамику настроений периода мировой войны: от патриотической эйфории определенных кругов общества летом 1914 г. к апатии и тревожным

предчувствиям осени 1916 г. Ограничение верхней рамки исследования осенью 1917 г. связано с началом в октябре 1917 г. принципиально нового этапа «длинной» революции – Гражданской войны.

Территориальные рамки охватывают Российскую империю за исключением тех регионов, которые оказывались под неприятельской оккупацией в процессе военных действий, а также кроме непосредственно самого фронта и национальных окраин в силу того, что отношение на их территории к верховной власти рядового населения во многом определялось давними этнокультурными противоречиями, конфликтами, что затрудняет вычленение специфических характеристик массовых настроений именно военного времени и требует отдельного исследования.

Тем не менее изучение писем и воспоминаний солдат, необходимое для сравнения настроений тылового населения и комбатантов, реакций обывателей на неофициальную информацию, поступавшую с фронта и вступавшую в противоречие с официальной пропагандой, позволяет в общем реконструировать массовые настроения солдат в зоне боевых действий.

Целью исследования является изучение общественных настроений россиян периода Первой мировой войны как системы осознанных (рациональных) ценностей и неосознанных (иррациональных) чувств, эмоций, обладающей собственной динамикой, трансформирующейся под воздействием внешних (военных, политических, социально-экономических) событий. Для этого в диссертации ставятся следующие **задачи**:

1. Изучение протестных настроений кануна Первой мировой войны с точки зрения формирования «революционного настроения»;
2. Анализ патриотических настроений первых месяцев войны в контексте их идейных и эмоциональных составляющих;
3. Выявление особенностей социального поведения различных слоев российского общества на начальном этапе Первой мировой войны;

4. Исследование образов власти и войны в крестьянском политическом дискурсе на материалах уголовных дел, заведенных за оскорбление императора и августейших членов семьи (ст. 103 Уголовного уложения);
5. Изучение пространства массовых городских слухов как зеркала общественных настроений городских слоев общества и выявление их динамики;
6. Анализ причин дискредитации основных составляющих политической символики Российской империи периода Первой мировой войны: образа православной церкви, образа самодержавной власти, народных героических образов;
7. Реконструкция психоэмоциональной динамики общества периода Первой мировой войны и революции 1917 г., выяснение роли стихийных компонентов (слухов, фобий, аффектов).

Степень изученности темы

В отечественной историографии Первая мировая война оказалась заслоненной историей российской революции и Гражданской войны, а впоследствии и Великой отечественной. В зарубежной историографии восточному фронту и тем более внутриполитическим процессам, происходившим в Российской империи, было уделено недостаточно внимания. Особенно это касается исследования общественных настроений, эпизодически появлявшихся в отдельных работах. Вероятно одной из первых попыток комплексного изучения настроений и образов, мифов о войне стала вышедшая в 1975 г. монография американского ученого Пола Фассела, посвященная опыту фронтового повседневного сознания британских солдат[9]. Она во многом стала предшественницей активно развивающегося в настоящее время такого направления, как исследования исторической памяти[10]. Вместе с тем уже современники

[9] См.: *Фассел П.* Великая война и современная память. СПб., 2015.

[10] *Winter J.* Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century. Yale University Press, New Heaven and London. 2006.

Первой мировой войны предпринимали первые публицистические попытки описания динамики массовых настроений общества[11].

Трудности изучения общественных настроений были связаны как с неразработанностью методологии, сложностью искусственного совмещения социально-психологических и психиатрических теорий с исторической наукой, а также подбором репрезентативной источниковой базы. Тем не менее условно существующие исследования можно сгруппировать по следующим направлениям: социально-психологический подход, классовый подход, антропологический подход, история повседневности, история эмоций, исследования исторической памяти. Как частный случай изучения общественных настроений относительно образов внешних и внутренних врагов – имагология. Более подробная историография будет дана в первой главе диссертационной работы, сейчас же ограничимся краткой характеристикой этих направлений.

Социально-психологический подход опирается на достижения психологии толп и психиатрии начала XX в. Уже в годы Первой мировой войны В.М. Бехтерев, П.Я. Розенбах, В.П. Осипов на основе клинических случаев своих пациентов пытались делать первые обобщения о психологическом состоянии общества. Этот подход в годы Гражданской войны развивали Н.И. Кареев (теория интерментальных факторов истории) и П.А. Сорокин (теория социокультурной динамики). Однако по причине недостаточно репрезентативной источниковой базы, методологической неразработанности многим профессиональным историкам подход казался искусственным, поэтому теории Кареева и Сорокина не привели к формированию собственных школ по изучению Первой мировой войны и российской революции. Тем не менее, как ни парадоксально, в СССР в 1960-х гг. предпринимались попытки некоторой ревизии социально-психологического подхода к истории (работы

[11] *Кузьмин-Караваев В.Д.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 412–417.

Б.Ф. Поршнева, Б.Д. Парыгина, Г.Л. Соболева)[12]. С 1990-х годов он все чаще применяется в исторических трудах[13]. Однако отдельные попытки изучения социально-психологической проблематики сталкиваются с устаревшей методологической базой, определенными клише марксистско-материалистической концепции истории[14].

Классовый подход, легший в основу «марксистско-ленинской» историографии, также подразумевал изучение классовой сознательности тех или иных социальных групп. Примечательно, что современные специалисты в области истории эмоций отмечают классовую (и гендерную) обусловленность «структур чувств», оправдывая, тем самым, классовый подход к изучению эмоций[15]. Прошедшее в 1964 г. заседание секции общественных наук Президиума АН СССР способствовало росту интереса историков к социальной психологии. Показательно, что в вышедшей в 1975 г. коллективной монографии «История первой мировой войны» под редакцией И.И. Ростунова авторы критиковали отечественных предшественников за недостаточное внимание к проблеме настроений масс[16]. Тем не менее изучение этих настроений в советской историографии не выходило за рамки известных марксистских штампов о высокой

[12] См.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; *Парыгин Б.Д.* Общественное настроение. М., 1966; *Соболев Г.Л.* Проблемы общественной психологии в исторических исследованиях // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967; История и психология. М., 1971.

[13] См., например: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* 1917. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015; *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012; *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917 — 1918 гг. М., 2010.

[14] *Земцов Б.Н.* Революция 1917 г.: социальные предпосылки. М., 1999.

[15] См.: *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, сексе и чувствительности в прежние времена и теперь. М., 2019.

[16] История первой мировой войны 1914-1918 / Под редакцией доктора исторических наук И.И. Ростунова. М., 1975. С. 12.

классовой сознательности пролетариата, мелкобуржуазном сознании мещан, шовинизме буржуазии и аристократии. Однако даже в этих вопросах возникали некоторые дискуссии, как, например, о степени зараженности столичного пролетариата шовинизмом в первые месяцы войны, в чем расходились М.Г. Флеер, Б. Граве с И. Меницким[17]. С.В. Тютюкин предложил компромиссный вариант, отметив, что политические настроения пролетариата летом-осенью 1914 г. еще только выкристаллизовывались[18]. Более революционно для советской историографии прозвучали выводы Ю.И. Кирьянова о недостаточной степени классовой сознательности пролетариата, усмотревшего в массовых акциях рабочего протеста не сознательный, а стихийный характер[19].

Хуже обстояли дела с изучением психологии средних и зажиточных слоев. М.Н. Покровский, И.И. Минц теорию «двух заговоров» – царизма (с целью выхода из войны путем заключения сепаратного мира) и буржуазии (с целью осуществления дворцового переворота для расширения собственного влияния) – противопоставляли настроениям широких социальных слоев[20]. Более детально массовое сознание буржуазии и аристократии было изучено в трудах Е.Д. Черменского, А.Я. Авреха и В.С. Дякина, не отождествлявших буржуазию с царизмом и выделявших динамику настроений буржуазии в годы

[17] *Меницкий И.* Революционное движение военных годов (1914–1917). Т. 1. Первый год войны (Москва). М., 1925; *Флеер М.Г.* Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л., 1926; *Граве Б.* К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926.

[18] *Тютюкин С. В.* Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении в России. 1914—1917 гг. М., 1972.

[19] *Кирьянов Ю.И.* Были ли антивоенные стачки в России в 1914 году? // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 43–52; Он же. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. — февраль 1917 г.). М., 2005.

[20] *Покровский М.Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков. М., 1924; История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935.

Первой мировой войны[21]. Одним из первых монографических исследований настроений внутри российского правительства стала работа М.Ф. Флоринского, в которой автор констатировал разногласия как между царем и членами совета министров, так и между различными группами внутри самого правительства[22]. На современном этапе изучение настроений царского правительства в годы Первой мировой войны продолжают К.А. Соловьев, В.М. Шевырин, Ф.А. Гайда[23].

Советское «крестьяноведение» сконцентрировалось преимущественно на изучении крестьянских восстаний. Ю.П. Бокарев не без сарказма заметил, что, «просматривая бесконечные тома „Крестьянское движение в России“, издававшиеся в 50–60 годы под редакцией Н.М. Дружинина, можно проникнуться убеждением, что состояние непрерывного бунта было нормой крестьянской жизни»[24]. Интерес к крестьянской повседневности реализуется лишь в исследованиях конца XX – начала XXI вв. В.П. Данилов обращал внимание на общинный уклад как основу патриархального сознания крестьян[25]. Вместе с тем дискуссионным оказывается вопрос, привела ли Первая мировая война к

[21] *Черменский Е.Д.* Россия в период империалистической войны. Вторая революция в России. (1914 — март 1917). М., 1954; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. (1914–1917). Л., 1967; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

[22] *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914 – 1917 гг.). Л., 1988.

[23] *Соловьев К.А.* Взаимодействие Совета министров и представительных учреждений России в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 50-61; *Шевырин В.М.* Сотрудничество и борьба: власть и общественные организации в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2015. № 1. С. 95-123; *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.

[24] *Бокарев Ю.П.* «Умом Россию не понять» (поведение крестьян в революционную эпоху) // Революция и человек. М., 1996. С. 80.

[25] *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции. М., 1996. С. 22.

архаизации или рационализации крестьянского мышления. Если В.П. Данилов, А.В. Гордон настаивают на последнем варианте[26], то Д.И. Люкшин, О.А. Сухова отмечают сохранение архаичных, традиционных черт ментальности сельских жителей[27]. При этом многие специалисты пишут о дискредитации образа Николая II в глазах крестьян в годы Первой мировой войны[28].

Отдельное место занимают исследования, посвященные настроениям российского духовенства. Т.Г. Леонтьева, С.Л. Фирсов, В.А. Федоров, П.Г. Рогозный обращают внимание на пестроту политических настроений этого сословия и даже его революционизацию в процессе Первой мировой войны[29]. Появляются и конспирологические теории, обвиняющие синодальное духовенство в заговоре против императора[30].

Долгое время исследователи обходили стороной настроения творческой интеллигенции. Главным классическим трудом советского «интеллигентоведения» оставалась работа В.Р. Лейкиной-Свирской «Русская интеллигенция в

---

[26] *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община…; *Гордон А.В.* Война в крестьянском сознании: преображение традиций // Русское крестьянство и Первая мировая война: сб. научных статей. М., 2016.

[27] *Люкшин Д.И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006; *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — нач. XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.

[28] *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999; *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

[29] *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — XX вв. М., 2002; *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002; *Федоров В.А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700–1917. М., 2003; *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

[30] *Бабкин М.А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007.

1900–1917 годах», изданная в 1981 г., в которой историк создавала в соответствии с традицией классового подхода некий образ пролетария художественного труда и тем самым обращала внимание на накапливавшиеся противоречия между творческой интеллигенцией и самодержавием. Несмотря на заявленные хронологические рамки, Лейкина-Свирская проигнорировала период Первой мировой войны в самоорганизации и творческом наследии художников. «Забытыми» оказалась и война, и русский авангард. Не лучше обстояли дела в советском искусствоведении. То, что недооценивала советская историография, привлекало внимание западных исследователей. В 1950–1980-х гг. С. Томпкинс, М. Малиа, А. Бесанкон, Дж. Бурбанк, Р. Хингли пытались понять роль российской интеллигенции в революции 1917 г.[31] Однако и в этом случае исследования за редким исключением велись вне контекста создаваемой творческой интеллигенцией системы образов, так как преимущественно речь шла об интеллектуальной, а не художественной продукции. Частично ситуация была исправлена в работах Х. Яна, А. Коэна[32]. В отечественной историографии одной из немногих работ последнего времени, посвященных художественной интеллигенции, является монография И.В. Купцовой «Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны», в которой значительное внимание уделено именно представителям изобразительного искусства, исследуется тема структуры и динамики патриотических

[31] *Tompkins S.R.* The Russian Intelligentsia: Makers of the Revolutionary State. Norman, 1957; *Malia M.* What is the Intelligentsia // The Russian Intelligentsia / Ed. R. Pipes. New York; London, 1961; *Besancon A.* The Intellectual Origins of Leninism. Oxford, 1981; *Hingley R.* Nightingale fever: Russian poets in revolution. New York, 1982; *Burbank J.* Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922. New York; Oxford, 1986.

[32] *Jahn H.* Patriotic culture in Russia during World War I. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1995; *Stites R.* Days and nights in wartime Russia: cultural life, 1914–1917 // European Culture in the Great War. The arts, entertainment and propaganda, 1914–1918 / Ed. by Aviel Roshwald and Richard Stites. Cambridge University Press, 2002; *Cohen A.* Imagining the Unimaginable: World War, Modern Art, and the Politics of Public Culture in Russia, 1914–1917. Lincoln; London: University of Nebrasca Press, 2008.

настроений художников[33]. Тем не менее, историки редко отваживаются на применение современных методов работы с визуальными образами (семиотическими, иконографическими, иконологическими и др.), отдавая их на откуп искусствоведам. В работах Д.В. Сарабьянова, А.В. Крусанова, В.Д. Дажиной исследуется искусство периода Первой мировой войны, в котором отразились в том числе и настроения эпохи[34].

Социально-стратификационный метод хоть и позволяет уточнить структуру политических настроений общества, грешит определенным упрощением проблемы, так как внутри определенных классов встречались противоположные отношения к войне и власти. Вероятно, самым парадоксальным в этом отношении окажется студенчество в силу своих психолого-возрастных особенностей. Поддержка войны часто у студентов сочеталась с оппозиционными и даже откровенно революционными настроениями. С. Морисси обратила внимание, что «выражая готовность выполнить свой гражданский долг в этот трудный час, они (студенты. — В.А.) надеялись, что наградой за единение во имя победы и отказ от внутренних политических разногласий послужит политическая оттепель»[35].

Существенное обогащение историографии Первой мировой войны новыми темами произошло благодаря антропологическому повороту в истории[36], в результате которого толчок получило изучение настроений широких

---

[33] *Купцова И.В.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.). СПб., 2004.

[34] *Сарабьянов Д. В.* Русская живопись. Пробуждение памяти. М., 1998; *Крусанов А. В.* Русский авангард 1907–1932 гг. Исторический обзор. В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. М., 2010; *Дажина В.Д.* Великая война (1914-1918) и судьбы европейского искусства. М., 2014.

[35] *Морисси С.* Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 291.

[36] В опубликованном в марте 2020 г. докладе Вольного исторического общества «Историки в современной России: структура и самоопределение сообщества» на основе

социальных слоев. Так, в историографии рабочего движения акцент сместился с изучения политических требований на морально-этические, на что обратили внимание Н.В. Михайлов, М. Стейнберг, Л. Хаймсон[37]. Переосмыслению подверглись политические символы эпохи, ее язык, скрывавшие дискурсивные смыслы, значения, закрепленные в массовом сознании современников. В работах Б.И. Колоницкого, С.И. Григорьева, О. Файджеса, Дж. Уинтера исследовалась антропология языка и образов Первой мировой и революции[38]. Изучение последних составило предмет имагологии – анализ образов «чужих» и «своих». В этом направлении ведут свои исследования Т.А. Филиппова, П.Н. Баратов, Е.С. Сенявская, А.В. Голубев и О.С. Поршнева и др.[39]

проведенного анкетирования российских историков делается вывод о произошедшем антропологическом повороте в отечественной исторической науке (https://volistob.ru/vio-news/istoriki-v-sovremennoy-rossii-struktura-i-samoopredelenie-soobshchestva?fbclid=IwAR3xF7i60O_J12IGQXoSiKdP2sdOJO8RT7TXOjh597c1CdSHLFH0_tviNyU).

[37] *Михайлов Н.В.* Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 — февраль 1917. СПб., 1997; *Хаймсон Л.* Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999; *Steinberg M.D.* Voices of Revolution, 1917. New Heaven; London, 2001; *Steinberg M.D.* Proletarian Imagination. Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925. Itaca; London, 2002.

[38] *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007; *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; *Figes O., Kolonitskiy B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. Yale University Press, 1999; *Winter J.* Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century. Yale University Press, New Heaven and London. 2006.

[39] *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; *Голубев А. В., Поршнева О. С.* Образ союзника в

Антропологический поворот способствовал также росту интереса историков к эмоциологическим исследованиям, о необходимости которых ученые говорили еще в конце XIX в.[40] На современном этапе в рамках этого направления изучаются меланхолия в российском обществе накануне Первой мировой войны, эмоция страха в русской армии и среди тылового населения, революционная эйфория и т.д.[41]

Настроения средних социальных слоев, так называемых обывателей, изучаются в рамках истории повседневности. В последнее десятилетие появилось много работ, написанных преимущественно на местных материалах, посвященных будничным заботам горожан, а также отдельных социальных групп Российской империи[42]. Вместе с тем этому направлению свойственна

сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011; *Филиппова Т. А., Баратов П. Н.* «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М., 2014.

[40] См.: *Ланге Г.* Душевные движения. Психофизиологический этюд. СПб., 1896.

[41] См.: *Виницкий И.* Заговор чувств, или русская история на эмоциональном повороте // Семиотика августа в XX веке: трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. Новое литературное обозрение. № 117. 2012; *Стейнберг М.* Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Ред. Я. Плампер, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010. С. 202–226; *Плампер Я.* Страх в русской армии в 1878–1917 гг.: К истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 453–460; *Аксенов В. Б.* «Революционный психоз»: массовая эйфория и нервно-психические расстройства в 1917 году // Материалы международной научной конференции. М., 2017. С. 465–474.

[42] См.: Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны). СПб., 2014; *Семенова Е. Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012; *Ватник Н. С.* «Германская война» и повседневная жизнь учащихся средних школ России в 1914–1917 гг. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: Материалы Междунар. науч. конф. М., 2014; *Патраш Н.В.* Повседневная жизнь населения псковской губернии в условиях Первой мировой войны (по материалам судопроизводства) // Псковский исторический вестник. Вып. 2.С.

некоторая методологическая неразработанность, оборачивающаяся в отдельных случаях описательностью в ущерб аналитике[43].

Встречается и иное: желание написать глобальную историю настроений 1914 г. приводит к чрезмерному увлечению презентистскими социальными или политическими теориями в ущерб критике источников[44]. В этом случае свидетельства документов подгоняются под заранее выдвинутую гипотезу, а обнаруживающиеся противоречия оправдываются модерными теориями.

В юбилейный 2014 г. в средствах массовой информации неоднократно звучал тезис о «забытой войне», подхваченный и некоторыми историками. Эта тема получила развитие в серии работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных исторической памяти о Первой мировой[45].

---

41 – 45: *Зезегова О.И.* Повседневная жизнь интеллигента в годы Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь России XVII-XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. СПб., 2014. С. 265-270; *Синова И.В.* Повседневная жизнь детей в условиях Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь России XVII-XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. СПб., 2014. С. 487-492; *Запорожцева О.Г.* Повседневная жизнь Российской провинциалки в период Первой мировой войны // Семья. Общество. Государство: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Ставрополь, 2014. С. 152-159; *Дубровская Е.Ю.* Повседневная жизнь российских военных в Финляндии в годы Первой мировой войны // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. С. 83-98; *Джумига Е.Ю.* Чутки як ментальна складова повсякденного життя мешканців одеси в період Першої світової війни (1914-1917 гг.) (Слухи как ментальная составляющая повседневной жизни жителей одессы в период Первой мировой войны (1914-1917)) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. №35. С. 98-101.

[43] См.: *Руга В., Кокорев А.* Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011.

[44] См.: *Юдин Н.В.* Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. М., 2013.

[45] *Колоницкий Б.И.* "Забытая война"? Политика памяти, российская культура эпохи первой мировой войны и культурная память // Наше прошлое: ностальгические воспоминания

Главным недостатком большинства работ, за исключением монографий О.С. Поршневой[46], Б.И. Колоницкого, В.П. Булдакова, А.Б. Асташова, в которых поднимается проблема массовых настроений, оказывается неиспользование массовых источников, что не позволяет объективно исследовать проблему. Некоторые авторы, например, констатируют всеобщий патриотический подъем лета 1914 г. на примере нескольких свидетельств из опубликованных воспоминаний современников, игнорируя огромный массив перлюстрированной корреспонденции, отчеты Департамента полиции, Охранного отделения[47]. Но даже привлечение массовых источников нуждается в более критическом подходе и применении адекватной методологии. Так, другие авторы, работающие с документами органов политического сыска, впадают в иную крайность: смотрят на проблему общественной оппозиционности глазами агентов охранного отделения[48]. Однако последним в ряде случаев была свойственна профессиональная аберрация, иногда доходившая до паранойи в отношении общественных организаций.

Одной из центральных проблем в исследовании общественных настроений периода Первой мировой войны является проблема трансформации

или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти В.Б. Голофаста. Редактор и составитель - О. Б. Божков. СПб., 2015. С. 318-334; *Орловски Д.* Великая война и российская память // Россия и Первая Мировая война (Материалы международного научного коллоквиума) / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 49-57; *Cohen, Aaron J.* Oh, That! Myth, Memory and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review. 2003. Vol. 62, No 1. P. 69 – 86.

[46] При этом если О.С. Поршнева в монографии 2004 г. «Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны» давала весьма сдержанные оценки патриотическим настроениям 1914 г., то в последующих работах она попала под влияние источников, относящихся к патриотической пропаганде, что в некоторой степени перечеркнуло ее заслуги работы с массовыми документами.

[47] См.: *Базанов С.Н.* Первая мировая. От «войны до победного конца» к «миру любой ценой». М., 2017.

[48] См.: *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917. М., 2020.

патриотического настроения 1914 г. в революционное настроение 1917 г. Советская историография преимущественно придерживалась линейной схемы революционизации массового сознания[49], однако в современных работах все чаще обращается внимание на революционные оттенки патриотизма 1914 г. и патриотические оттенки революции 1917 г.[50] В целом современная историография «настроений 1914 г.» условно представлена «патриотической» и «скептической» позициями. Ряд авторов, например О.С. Поршнева, Е.С. Сенявская, пишут о патриотической эйфории, захватившей все слои российского общества[51], другие обращают внимание на сравнительно меньший энтузиазм россиян, отмечая что «летом 1914 г. в России не было того массового шовинистического психоза, который наблюдался на Западе» или что Россия «не достигла уровня немецкого организованного энтузиазма»[52]. «Скептическая» историография указывает на широкий диапазон оттенков патриотизма или различных «патриотических культур»[53]. Ф.Б. Шенк, Дж. Ферхай подвергают сомнению реальность «августовского переживания», связывая его с предшествующим периодом информационного голода[54]. Н. Фергюсон обращает внимание на

[49] Хотя ряд авторов отрицал патриотизм российского пролетариата (см.: *Граве Б.* К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926).

[50] См.: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015; *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914-1918). М., 2020.

[51] *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке. М., 1999. С. 171–172; *Поршнева О. С.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185.

[52] *Тютюкин С. В.* Первая мировая война и революционный процесс в России… С. 240; *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М., 2014. С. 60.

[53] См.: Культуры патриотизма в период Первой мировой войны: сборник статей. СПб., 2020.

[54] *Шенк Ф.Б.* «Августовское переживание»: начало Первой мировой войны как поворотный пункт немецкой истории // Новое литературное обозрение. 2012. № 116; *Verhey J.* Der

религиозный пласт патриотических настроений и называет их эсхатологическим страхом и тревогой[55]. Д. Санборн обращает внимание на карнавальную природу российских патриотических манифестаций, а Х. Ян подчеркивает их кратковременный характер[56]. Х. Стрэчен массовое добровольчество, характерное для всех стран-участниц, определяет в качестве «пассивного» патриотизма, объясняющегося общими условиями, вынужденно толкавших призывное население на подобный шаг[57]. С.В. Тютюкин, С.В. Леонов пишут о разных идейных основах российского патриотизма и рассматривают патриотические настроения 1914 г. в условиях, когда «традиционный патриотизм» переживал кризис, а новый «гражданский патриотизм» только формировался[58]. Также остается дискуссионным и вопрос о природе революционного настроения 1917 г., в котором причудливо переплелись социалистические, христианские, имперские представления масс.

Таким образом, в историографии существует определенная традиция изучения массовых настроений отдельных социальных групп, однако настроения российского общества в целом в период Первой мировой войны и российской революции как совокупности сознательных и бессознательных

«Geist von 1914» und die Erfindung der Volksgemeinschaft. Hamburg: Hamburger Edition, 2000. S. 86, 130, 156.

[55] *Ferguson N.* The Pity of War. London, 1998;

[56] *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 203–206; *Ян Х.* Патриотический Петроград: культурная жизнь и массовые развлечения во время Первой мировой войны // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 388.

[57] *Стрэчен Х.* Культуры патриотизма в Европе времен Первой мировой войны //Культуры патриотизма в период Первой мировой войны. СПб., 2020. С. 17.

[58] *Тютюкин С. В.* Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 240; *Леонов С. В.* Эволюция массового сознания в России в Первую мировую войну // Россия в мировых войнах XX века. Материалы научной конференции. М.; Курск, 2002. С. 61–73.

(эмоциональных) реакций еще не становились предметом отдельного комплексного исследования, что подчеркивает особую роль определения источниковой базы и методологических основ диссертационной работы.

Источниковая база исследования включает в себя максимально широкий и репрезентативный круг письменных и визуальных документов, среди которых наибольшей важностью обладают те, которые обнаруживают характеристики массового источника, позволяют изучать настроения большинства населения. Следует напомнить, что в источниковедении нет единства определения массового источника, Б.Г. Литвак, И.Д. Ковальченко, А.К. Соколов предлагали разные дефиниции[59], однако в настоящем исследовании речь пойдет о документах с характеристиками массового источника, которые являются результатом повседневных практик и отражают характерные, повторяющиеся черты эпохи. К таковым следует отнести материалы перлюстрации, протоколы дознаний обвиняемых в оскорблении представителей правящей династии в соответствии со ст. 103 Уголовного Уложения, анонимные доносы «бдительных граждан», поступавшие в Департамент полиции МВД, а также визуальные документы – лубочные картинки и плакаты, иллюстрированные почтовые открытки, журнальные иллюстрации, в том числе карикатуры.

В процессе исследования использовались документы, не являющиеся массовыми, но позволяющие дополнить картину общественных настроений: это дневники современников и мемуары (всего 107 наименований), различные сведения из периодики (криминальная и светская хроника, вести и слухи, бытовые зарисовки из 59 изданий), газетная и журнальная публицистика, отчеты чинов полиции по результатам наружного наблюдения, статистические данные, в которых отражались социальные процессы (статистика самоубийств,

[59] *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979; Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979; Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. Под ред. А.К. Соколова. М. 2004.

душевных расстройств, конфликтов с представителями власти и пр.). Даже в документах личного происхождения, традиционно относящихся к уникальным источникам, обнаруживаются общие характеристики времени. Еще А.С. Лаппо-Данилевский указывал на то, что в историческом источнике присутствует как авторская индивидуальность, так и общее сознание эпохи, требующее психологической интерпретации[60]. Ко многим источникам применялся квантитативный анализ с целью выстраивания динамики тех или иных процессов, определения частотности явлений.

Среди перечисленных источников особое место в настоящем исследовании занимают сведения по министерству юстиции о нарушениях ст. 103 Уголовного уложения – оскорбление императора и членов августейшей семьи (дела из фондов губернских жандармских управлений Государственного архива Российской Федерации, а также доклады по Министерству юстиции из фонда № 1405, описи № 521, дела № 475 и 476 Российского государственного исторического архива, в общей сложности около 1500 дел). Они интересны в нескольких аспектах. Во-первых, документы из фонда Министерства юстиции, будучи собранными в соответствии с высочайшим повелением от 10 февраля 1916 г. с целью ограничить привлечение к уголовной ответственности, они представляют собой коллекцию сведений, отражающих характерные, массовые обсценные практики населения. Во-вторых, сведения об обвиняемых включают в себя указание пола, возраста, сословной принадлежности, религиозных взглядов, семейного статуса, грамотности человека, что, в случае применения квантитативного анализа, позволяет составить портрет среднестатистического хулителя власти. В-третьих, содержащаяся информация об избранной мере пресечения или наказании показывает существовавшие судебно-репрессивные практики властей (например, зависимость тяжести наказания от национальной принадлежности обвиняемого). В-четвертых, данный вид источника включает в себя эхо документов иных двух типов – устных источников (в протоколах обвинений упоминаются характерные разговорные

[60] *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Т. 2. М., 2010. С. 66-67.

выражения, фразеологические обороты, матерная лексика) и фольклорных материалов (нередко обвиняемые пересказывают распространенные слухи, в которых обнаруживается сказочно-фольклорный пласт).

Следует заметить, что интерес к данным источникам возник в конце 1950-х гг. благодаря публикации Л.М. Иванова, рассмотревшего их в источниковедческом ключе[61]. В 1990-е гг. к ним нередко обращались историки (В.Б. Безгин, Ю.П. Бокарев, О.С. Поршнева), изучавшие политическое сознание крестьян в XIX – XX вв. Наиболее полный на сегодня источниковедческий анализ дел по нарушениям статьи 103 Уголовного уложения за 1914–1916 гг. проведен в монографии Б.И. Колоницкого[62]. Тем не менее, в полной мере источниковый потенциал этих документов еще не раскрыт.

Другим важным источником выступают материалы перлюстрации, также давно привлекаемые разными исследователями (по гражданскому ведомству хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде № 102 Министерства внутренних дел, опись № 265, насчитывающие ок. 40 000 документов). З.И. Перегудова, В.С. Измозик, В.В. Шелохаев и К.А. Соловьев отмечают планомерный и массовый характер перлюстрации частной корреспонденции[63]. Перлюстрированную корреспонденцию можно рассматривать в качестве репрезентативной выборки, отражающей массовые настроения. Однако бросается в глаза, что политический язык частной корреспонденции отличается как от политических высказываний, отраженных в протоколах по ст. 103, так и зафиксированных в дневниках современников. Объясняется это тем, что образованные слои общества понимали вероятность того, что их письма будут

---

[61] *Иванов Л.М.* Дела о привлечении крестьян к ответственности по статьям 103 и 246 как источник для изучения крестьянских настроений кануна первой русской революции // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VIII. С. 119–134.

[62] См.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»…

[63] *Перегудова З.И.* Политический сыск в России. 1880-1917 М., 2013; Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. К.А. Соловьев. М., 2014; *Измозик В.С.* «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII - начало XX века. М., 2015.

просмотрены цензором и в некоторых случаях обращались в письмах к цензорам напрямую, делая последних соучастниками обсуждения политических дел в стране. В настоящем диссертационном исследовании используются как перлюстрированные письма по гражданскому ведомству, так и солдат (из Российского государственного военно-исторического архива, фонда военной цензуры при главном почтамте в Петрограде № 13838, опись № 1, в общей сложности насчитывающие более 100 000 документов), при этом следует обратить внимание на то, что с психологической (и источниковедческой) точки зрения их следует отнести к разным группам эпистолярного жанра[64].

Большой интерес в рамках выбранной темы представляют доносы обывателей в Департамент полиции МВД, также обладающие характеристиками массового источника. По ним можно реконструировать массовые фобии, самая сильная из которых — шпиономания — приобретала характер невротического расстройства (а в некоторых случаях и психического, когда сопровождалась галлюцинациями). Доносы также выявляют издержки патриотической пропаганды. Помимо доносов «бдительных подданных» использовались донесения агентов Охранного отделения. Показательно, что накануне революции 1917 г. они строились вокруг распространенных в обществе слухов, в результате чего власти получали искаженные картины действительности и теряли контроль над ситуацией, что проявилось во властных «конвульсиях» января–февраля 1917 г.

Другим важным источником по изучению как массовых настроений, так и пропаганды периода Первой мировой войны является периодическая печать. В диссертационном исследовании использовался широкий спектр газет и журналов различной политической направленности от правомонархической «Земщины» до большевистской «Правды», как центральных, так и

[64] Частично письма из фондов ГА РФ и РГВИА опубликованы в книгах: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. К.А. Соловьев. М., 2014; Письма с войны 1914–1917 / Сост. А.Б. Асташов, П.А. Симмонс. М., 2015.

провинциальных. Вероятно, наиболее информативными в контексте исследуемой темы оказываются газеты, относящиеся к «желтой прессе»: «Газета-копейка», «Петроградский листок», «Московский листок», «Маленькая газета» и пр. В погоне за сенсациями они одними из первых публиковали слухи, отражавшие обывательские страхи.

Учитывая явления невротизации массового сознания в 1914 – 1917 гг. в диссертации используется и специальная медицинская периодическая печать – «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии», «Современная психиатрия», «Обозрение психиатрии», «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», «Русский врач», «Журнал Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова», на страницах которых обсуждалась правомерность использования понятий «военный психоз», «революционный психоневроз» и др. применительно к текущим событиям. Так как душевнобольные рассматриваются в качестве некой лакмусовой бумажки, на которой проявляются наиболее травматичные для массового сознания явления общественной жизни, важным представляется выстраивание динамики душевных расстройств в 1914 – 1917 гг, с чем помогают периодические издания городских управ: «Ежемесячник статистического отделения петроградской городской управы» и «Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве».

Не обойдены вниманием и официальные «институциональные» издания органов власти и церкви, например, «Ведомости Петроградского Градоначальства», «Известия Петроградской городской думы», различные губернские ведомости, а также церковные издания «Церковный вестник», «Церковные ведомости», «Московские церковные ведомости», «Миссионерское обозрение», «Приходской священник», «Вестник военного и морского духовенства».

Реконструкция распространенных в обществе образов светской и духовной власти, общественных организаций, внешних и внутренних «врагов» требует привлечения визуальных документов. В работе использовались фотодокументы из фондов РГА КФФД и ЦГА КФФД СПб., лубочные картинки и плакаты (коллекция из фонда Изобразительного отдела Российской

государственной библиотеки, коллекция из фонда Государственной публичной исторической библиотеки России, собрания Государственного центрального музея современной истории России, около 500 изображений[65]), иллюстрированные почтовые открытки (коллекция из фонда Изобразительного отдела Российской государственной библиотеки, более 500 единиц), а также журнальные иллюстрации, в том числе карикатуры из журналов «Огонек», «Нива», «Летопись войны», «XX век», «Вестник Европы», «Природа и люди», «Новый Сатирикон», «Стрекоза», «Будильник», «Барабан», «Бич», «Пугач» и др. Несмотря на официальное происхождение многих из них, квантитативный анализ (например, подсчет упоминаний образов внешнего и внутреннего врага, тех или иных типов сражений) позволяет понять распространенные общественные страхи, а семиотический анализ изобразительных источников с ярко выраженной авторской интенциональностью (живопись, социально-политическая карикатура) помогает вскрыть внутренние смыслы, нередко спрятанные автором от глаз цензора.

Тем самым источниковая база исследования является достаточно репрезентативной, позволяет изучить массовые действия, слухи, образы, эмоции – т.е. все то, что отражало и одновременно формировало массовые настроения рассматриваемого периода.

Методология и методы исследования общественных настроений

Диссертационное исследование проводится в соответствии с принципом историзма, предполагающим изучение процессов и явлений в их связи с конкретно-историческими условиями существования и в процессе их развития. Общественные настроения, менявшиеся под воздействием как внешнеполитических (события на фронте), так и внутриполитических событий, в этом отношении являются показательным предметом. Для этого в диссертации

[65] Коллекция из собрания ГЦМСИР опубликована в двухтомнике «Лубочная картинка и плакат периода Первой мировой войны. 1914–1918 гг.» В 2 т. М., 2014; коллекция ГПИБ выложена на сайте http://vvpmv.shpl.ru/.

применяются традиционные для исторической работы методы: сравнительно-исторический, историко-генетический, статистический.

Однако предмет диссертационного исследования обязывает также использовать междисциплинарный подход и методологию социально-психологических наук, семиотики, в рамках которых полнее раскрывается источниковедческий потенциал документов. Прежде всего следует отметить, что материалы перлюстрации, протоколы дознаний, дневники современников интересны своей интертекстуальностью, тем, что включают в себя голоса «молчаливого большинства» — цитируют устные высказывания третьих лиц, т. е. отражают устные исторические источники. Среди последних большое значение для реконструкции массового сознания и настроений имеют слухи, обнаруживающие интертекстуальную природу: в слухах переплетаются и фольклорные мотивы, и актуальная политическая информация почерпнутая из газет или рассказов «бывалых», и практики повседневной речи (например, обсценной), отражаются особенности религиозного мышления (языческие традиции или увлеченность мистическими учениями).

Одним из важных подходов к исследованию слухов выступает теория интертекстуальности, согласно которой общим свойством текстов (устных, письменных и визуальных) является наличие связей между ними, определяющих явные или скрытые ссылки друг на друга. Одна из основоположниц этой теории Ю. Кристева признает, что в ее основе лежит теория полифонизма М.М. Бахтина. Также кажется очевидной связь теории интертекстуальности с понятием полидискурсивности, исследовавшейся Р. Бартом и М. Фуко[66].

[66] См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Barthes R.* The Discourse of History // Comparative Criticism. 3. 1981; *Фуко М.* Археология знаний. Киев, 1996; *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог, роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4; *Пеше М.* Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 266–270; *Чернявская В.Е.* Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 106–111; *Тубалова И.В.* Фольклор как прототекстовая среда полифонического текста бытовой культуры: к

Выявление разных пластов деревенских или городских слухов позволяет не только полнее представить массовое сознание современников, но и обнаружить в них скрытые, не всегда артикулированные страхи и образы.

Структуралистский подход к устным, письменным и визуальным текстам также предполагает использования инструментария семиотики – науке о знаковых системах, использующихся в процессе общественной коммуникации[67]. Следует заметить, что семиотика, зарождение которой связывается с трудами американского философа и математика Ч.С. Пирса в конце XIX в., довольно быстро нашла применение в источниковедении. Так, в своей классификации источников А.С. Лаппо-Данилевский выделял группу документов не изображающих, а с помощью условных знаков, символов «обозначающих факт» (к которым относил устные и письменные памятники)[68]. То, что Лаппо-Данилевский определял как реконструкцию условных знаков, содержащихся в «обозначающих» источниках, позже семиотики стали называть декодификацией информации[69].

Три раздела семиотики – синтактика, семантика и прагматика – изучают функционирование коммуникативных знаков в обществе. Изучение синтактики крестьянских слухов с точки зрения интертекстуального анализа показывает присутствие в когнитивных механизмах народа сказочного дискурса, а применение к последнему морфологического анализа В.Я Проппа[70] позволяет

проблеме полидискурсивности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 96–102; *Белоглазова Е.В.* Полидискурсность в контексте идей о дискурсной гетерогенности // Актуальные проблемы современной лингвистики. Вып. 2. СПб., 2010. С. 105–111; *Link J., Link-Heer U.* Diskurs / Interdiskurs und Literaturanalyse // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1990. № 2. S. 88–99.

[67] *Лотман Ю. М.* Люди и знаки. / В кн. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2010. С. 6.

[68] *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Т. 2. М., 2010. С. 42-43.

[69] См.: *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989; *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998; *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2010.

[70] *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 1998.

реконструировать «сказку о царе и мировой войне» (систему мифологических интерпретаций мировой войны крестьянами).

Особый интерес представляет также прагматический раздел семиотики, изучающий преломление синтаксического и семантического уровней дискурса в сознании реципиентов. В диссертации этот раздел семиотики используется для анализа эффективности пропаганды, в частности, будет показано, что в крестьянской и городской среде (в силу известных эмоциональных, психологических, образовательных различий) создававшиеся властью образы воспринимались по-разному и нередко приводили к обратному от ожидаемого эффекту. Одним из следствий оказывалась реализация функции слуха как «самоисполняющегося пророчества», согласно которой, в соответствии с теорией Р. Мертона, ложное предсказание, кажущееся современникам истинным, будет влиять на поведение людей так, что их действия сами приведут к исполнению этого предсказания[71]. Проявление «самоисполняющегося пророчества» обнаруживается в действиях власти по предотвращению революции накануне событий февраля 1917 г.

Изучение слухов как социально-исторического феномена невозможно без привлечения специальной литературы, тем более что к настоящему времени исследование слухов в социологии и социальной психологии оформилось в такое направление как руморология[72]. Вероятно, одним из важнейших достижений руморологии стало признание того факта, что даже искажающий первоначальную информацию слух несет в себе определенные сведения. Так, еще в 1944 г. Р. Кнапп в «Психологии слухов» отметил такую их важную функцию, как выражение эмоциональных потребностей общества[73]. В этом плане

[71] *Merton R. K.* Social Theory and Social Structure. Free Press. 1968. P. 477.

[72] *Stern W.* Zur Psychologie der Aussage. Experimentelle Untersuchungen über Erinnerungstreue. Zeitschrift für die gesamte Strafechtswissenschaft. Vol. XXII. Cahier 2/3, 1902; *Allport G., Postman L.* Psychology of Rumor. Russell and Russell. 1951; *Knapp R.* A Psychology of Rumor. Public Opinion Quarterly. 8/1. 22–37. 1944.

[73] *Knapp R.* A Psychology of Rumor. Public Opinion Quarterly. 8/1. 22–37. 1944.

руморология сближается с другой современной дисциплиной – эмоциологией, в которой обнаруживается пересечение как естественных, так и гуманитарных наук[74]. Р. Уильямс, а вслед за ним К. Юханнисон пишут о «структуре чувств» определенной эпохи, рассматривая эмоции в качестве социального опыта индивида и группы, характеризующие определенные периоды истории[75]. Для настоящего исследования важность представляют концепции «эмоциональных сообществ», «эмоциональных режимов» и «эмоциональной навигации», введенные в научный оборот Барбарой Розенвейн и Уильямом Редди[76]. На примере социальных конфликтов в России накануне и в период Первой мировой войны показывается столкновение разных эмоциональных практик и роль эмоциональных реакций в процессе революционизации общества, даются эмоциологические характеристики определенным этапам 1914-1917 гг.

Изучение массовых эмоциональных реакций, свойственных уличным толпам, требует привлечения теории психологии толп, возникшей в конце XIX

---

[74] *Zeldin Th.* France, 1848–1945. Vol. 1: Ambition, Love. Oxford: Oxford UP, 1979; *Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813–836; *Elias N.* The Civilizing Process. Oxford: Blackwell, 1994. P. 292; *Reddy W.M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. N.Y.: Cambridge University Press, 2001. XIV, 380 p.; *Rosenwein B.H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006; *Gross D.M.* The Secret History of Emotion: From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science. Chicago: University of Chicago Press, 2006. X, 194 p.; Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Ред. Я.Плампер, Ш. Шахадат, М. Эли. М., 2010; *Виницкий И.* Заговор чувств, или русская история на эмоциональном повороте // Семиотика августа в XX веке: трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. НЛО. № 117. 2012; *Плампер Я.* История эмоций. М., 2018/

[75] *Williams R.* Marxism and Literature. Oxford, 1977; *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, сексе и чувствительности в прежние времена и теперь. М., 2019.

[76] *Rosenwein B.H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006; *Reddy W.M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. N.Y.: Cambridge University Press, 2001.

в. в трудах Г. Лебона, Г. Тарда, Н. Михайловского, Х. Ортега-и-Гассета, З. Фрейда, Э. Дюркгейма и др.[77] Отталкиваясь от теории психологии толпы, немецкий социолог М. Вебер разработал теорию социального действия, в котором выделил несколько форм исходя из возможной мотивации участников: целерациональное; ценностно-рациональное; аффективно-эмоциональное; традиционное[78]. В настоящем исследовании показано, что многие массовые действия в 1914-1917 гг. соответствовали признакам аффективно-эмоционального действа.

Использование в диссертации художественных произведений (поэзия, литературные отрывки, печатная графика и пр.) требует также некоторых замечаний методологического характера. Одна из их особенностей —выраженная эмоциональность, что делает их исключительно актуальными в контексте нашей темы исследования, т.к. художественные произведения нередко выполняли роль переносчика эмоций. Использование визуальных документов предполагает, помимо семиотики, определенные заимствования из опыта искусствоведения и антропологии образов. Визуальные произведения, также как информация, передававшаяся в устной и письменной форме, будут рассматриваться как тексты, имеющие внешние и внутренние связи, структуру, что позволяет провести их декодификацию и интерпретацию. Для этого важно рассмотреть изображения с применением разноуровневого подхода: на иконографическом уровне выявить характерные приемы, формы, создающие первичную структуру изображения, на иконологическом — выяснить символическое содержание произведения, на семиотическом — рассмотреть дискурсивную структуру визуального текста-сообщения и его взаимодействие со зрителем.

---

[77] См.: *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995; *Тард Г.* Социальная логика. СПб., 1901; *Сигеле С.* Преступная толпа // Преступная толпа. М., 1998; *Михайловский Н.К.* Герои и толпа: В 2 т. М., 1999; *Бехтерев В.М.* Избранные работы по социальной психологии. М., 1994; *Московичи С.* Век толп. М., 1998, и др.

[78] *Вебер М.* Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков. М., 1996. С. 455–491.

Исследование визуального документа, таким образом, выходит за рамки классического искусствоведения или — тем более — истории искусства и оказывается в области антропологии образов. На рубеже XX и XXI вв. именно об этом писали Дэвид Фридберг и Ханс Белтинг — видные протагонисты антропологического поворота[79], — а еще раньше — основоположники иконологии Аби Варбург и Эрвин Панофски[80].

Стремление уйти от жесткой классовой стратификации ради поиска универсальных психологических черт обнаружилось в советской историографии в так называемом «новом направлении». Так, еще в 1964 г. П.В. Волобуев попытался «нарисовать образ среднего русского кадрового пролетария», выделяя в качестве классовых его особенностей «чувство собственного достоинства», «здравый смысл», «выдержку и стойкость»[81]. Данные черты, естественно, никак не могут являться классовой характеристикой ни пролетариата, ни какого-либо другого класса, так как являются личностными особенностями, которыми может обладать любой индивид, вне зависимости от классовой принадлежности. Тем не менее, в работе Волобуева показательна попытка расширения рамок «классовой истории», постановки принципиально новых проблем, пусть не всегда корректных с точки зрения современной социологии и психологии, в результате чего помимо пролетариата советские историки начинают изучать поведение, историю «средних слоев», мещан, что создает предпосылки для ввода в научный оборот термина «обыватель» (в 1970-х гг. это Н.И. Востриков, Э.Р. Гречкина; в 1980-х — В.П. Булдаков, В.В. Канищев)[82].

---

[79] Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры / Ред.-сост. Н.Н. Мазур. М.; СПб., 2018. С. 10.

[80] *Варбург А.* Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб., 2008; *Панофски Э.* Этюды по иконологии. СПб., 2009.

[81] *Волобуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964.

[82] См.: *Востриков Н.И.* Борьба за массы. М., 1970; *Гречкина Э.Р.* Средние слои на пути к социализму. Таллин, 1976; Изменение социальной структуры советского общества. Октябрь 1917–1920 гг. М., 1976; Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат

Пересмотр постулатов «Краткого курса» приводил к расширению классового подхода за счет обращения к социально-психологической проблематике. Помимо вопроса классовой сознательности внимание привлекала тема стихийного творчества масс, что нашло отражение в публикациях А.Я. Грунта, Я.С. Драбкина, Б.Ф. Поршнева, Е.Н. Городецкого, М.Я. Гефтера и др.[83] Г.Л. Соболев затронул проблемы «психологического климата» и общественной психологии в период революции 1917 г., обратившись к изучению такого массового источника, как «письма во власть»[84].

На современном этапе термины «обыватель», «маленький человек» оказываются центральными в истории повседневности, которая через описание быта граждан раскрывает характерные социально-психологические черты времени. В повседневной речевой практике начала XX в. под термином «обыватель» (в отличие от XVIII в., когда он обозначал сословную принадлежность, или от второй половины XX в., когда он наполнялся определенным морально-этическим, мировоззренческим содержанием) понималось население, постоянно проживающее на определенной территории без различия сословного происхождения. Именно в этом значении понятие используется в настоящей работе. Оно удобно тем, что позволяет сконцентрироваться на неких усредненных универсальных значениях, в равной степени актуальных для большинства населения. В этом смысле термин «обыватель» сближается с понятием «маленького человека», применяемого в социально-исторических исследованиях.

Данное направление представлено трудами таких авторов, как И.В. Нарский, С.В. Яров, А.К. Соколов, С.В. Журавлев, Н.Б. Лебина, Е.Ю. Зубкова,

---

и городские средние слои. М., 1981; Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1984; Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989.

[83] См.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969.

[84] *Соболев Г.Л.* Письма в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1. С. 159–173.

Н.Н. Козлова, Е.А. Осокина, Ш. Фитцпатрик и др.[85] При этом историки во многом пересматривают тот образ «маленького человека», который сложился в русской классической литературе благодаря А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, А.П. Чехову — в период социально-политических потрясений 1914–1922 гг. он становился одним из самых зловещих героев российской смуты, предвосхищая идущим снизу стихийным насилием репрессии властей[86].

Обращение к истории повседневности «маленького человека» в условиях глобальных трансформаций ставит перед исследователем проблему соотношения объективного и субъективного, закономерного и случайного в истории. Эти вопросы на материале революции 1917 г. уже поднимались в советские годы представителями «нового направления», однако в связи с разработкой синергетики как метанауки, которая исходит из нелинейности и сложности социальной реальности как системы открылись новые перспективы. Г. Хакен, К. Майнцер, И. Стенгерс, И. Пригожин, Л.И. Бородкин подчеркивают неустойчивость развития сложных динамических систем, которые характеризуются такими понятиями, как бифуркации (точки разветвления), аттракции (точки привлечения состояния динамической системы) и флуктуации

[85] *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; *Яров С.В.* Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999; *Журавлев С.В., Соколов А.К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287–232; *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского электрозавода в советском обществе 1920-х–1930-х гг. М., 2000; *Лебина Н. Б* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-е–1930-е годы. СПб., 1999; *Зубкова Е.Ю.* Мир мнений советского человека. 1945–1948. По материалам ЦК ВКП (б) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 99–108; *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005; *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». М., 2008; *Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. М., 2008.

[86] См.: *Булдаков В.П.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 55–75; *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. С. 566.

(случайные отклонения, характеризующие хаотичность системы)[87]. В настоящем исследовании анализ устных слухов, визуальных образов, эмоциональных реакций обывателей в контексте определенной логики внутриполитического развития России, противостояния различных политических групп, позволяет опровергнуть тезис о линейном развитии социума и показать сквозь призму массовых настроений российское общество как сложную динамическую систему, в которой кризисные моменты усиливали значимость стихийных флуктуаций.

Настоящее исследование стоит на междисциплинарном перекрестке. Однако в первую очередь это исследование историческое. Несмотря на использованную методологию, теорию смежных гуманитарных дисциплин, в монографии изучается прошлое не с высоты наукоемких концептуальных схем, а сквозь призму исторических источников, раскрывающих мышление людей в конкретно-историческую эпоху. Именно постоянное обращение к историческому документу как главному свидетелю (а также его источниковедческая критика) позволяют разрушить прокрустово ложе монофакторных (социологических, психологических, экономических, политических и пр.) интерпретаций истории, особенно когда речь заходит о таких сложных и переломных периодах, как Первая мировая война и российская революция.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном исследовании рациональных и иррациональных форм массовых настроений с привлечением достижений социальной психологии, эмоциологии, а также в использовании современных подходов к источникам, в первую очередь интертекстуального, в рамках которого устные и визуальные документы (не считая собственно письменные) рассматриваются как тексты, содержащие разные дискурсивные уровни, благодаря чему проводится реконструкция нарративов

[87] См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986; *Майнцер К.* Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М., 2009; *Бородкин Л.И.* Вызовы нестабильности: концепции синергетики в изучении исторического развития России // Уральский исторический вестник. № 2 (63). 2019. С. 127–136.

массового сознания: крестьянской «сказки о царе и мировой войне», городских легенд о царе и императрице, тайной организации на черных авто и пр. Особое внимание уделяется комплексному анализу слухов, в которых преломлялись массовые настроения сельских и городских слоев населения, квантитативному анализу массовых источников (включая изобразительные) с целью определения частотных характеристик тех или иных образов. Все это позволяет исследовать процессы стихийной самоорганизации российского общества, предопределявших революцию 1917 г. и ее дальнейшее течение. В контексте преобладающих сегодня как глобальных интерпретаций объективных причин революции, так и политтехнологических концепций, рассматривающих революцию в качестве заговоров тех или иных элит, научная новизна исследования состоит в выявлении ментальных процессов, внутренних механизмов стихийной самоорганизации общества, что позволяет обнаружить скрытую логику революции.

Научно-практическая значимость работы состоит в возможности привлечения ее результатов в педагогическом процессе, при разработке основных и элективных курсов по отечественной истории, источниковедению, методологии исторической науки.

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа была обсуждена в центре «Изучения новейшей истории России и политологии» Института российской истории РАН и рекомендована к защите. По теме диссертации опубликована индивидуальная монография «Слухи. Образы. Эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914-1918)» М.: НЛО, 2020. 992 с. (62 п.л.), а также главы в трех коллективных монографиях: «Веселие Руси, XX век. Градус новейшей российской истории: от "пьяного бюджета" до "сухого закона"». М., 2007; «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис». М., 2014; «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура». Т. 2. М., 2017. Кроме того, в научных журналах из перечня ВАК опубликованы 25 статей (из них 18 в журналах, индексируемых в Web of Science и

Scopus), четыре статьи переведены на английский язык и опубликованы в российских переводных и зарубежных журналах. Основные положения диссертационного исследования апробировались в выступлениях на международных и всероссийских конференциях, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Самаре, Смоленске, Твери.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Начало Первой мировой войны не вызвало всеобщего патриотического подъема в российском обществе: в то время, как часть образованных городских слоев, публицистов, политиков приветствовала начало войны, с которой связывали надежды на реализацию имперских амбиций (территориальной, культурной, религиозной экспансии России), в среде рабочих и крестьян война воспринималась как трагедия, что свидетельствовало о культурном и эмоциональном расколе российского общества и предопределяло крах патриотической пропаганды.
2. Патриотические идеи, поддержанные частью общества, демонстрировали глубинные противоречия: концепции традиционного (государственническо-патерналистского), гражданского и революционного патриотизмов не позволяли разработать единой патриотической стратегии. Неудачи на внешнем и внутреннем фронте приводили к тому, что положительные эмоции радости, восторга, окрашенные в цвета патриотизма на начальном этапе войны, сменялись чувствами разочарования и злости, добавлявших патриотическим основам оттенок досады, оппозиционности, в результате чего новый бурный всплеск патриотических чувств пришелся на февраль-март 1917 г., что позволяет рассматривать февральский период революции 1917 г. как гражданско-патриотическую эйфорию.
3. Период мобилизации лета 1914 г. отличался пассивным сопротивлением крестьян и рабочих: поиски работы, гарантировавшей «бронь», получение «белого билета», а «пьяные погромы» обретали черты политического протеста, направленного против полиции, местной администрации и в отдельных

случаях против верховной власти. Однако даже после призыва новобранцы демонстрировали нежелание воевать за Родину, что проявлялось в массовом дезертирстве, самопораненииях.

4. Пространство сельских слухов отражало синкретизм народного мышления, сочетавший внешнюю покорность мобилизации с внутренним неприятием войны, а желание проучить немца с признанием, что если немец победит, то при нем жить будет лучше. Показательны метаморфозы образа Николая II, воспринимавшегося некоторыми крестьянами олицетворением зла, воплощением Антихриста; вместе с тем, согласно другим высказываниям, именно Антихрист должен осуществить вековую мечту народа — дать крестьянам землю. Тем не менее массовое оскорбления царя и членов его семьи позволяет говорить о десакрализации императорской власти, внутреннем отречении народа от своего царя, а регулярно повторяющиеся слухи фольклорных форм позволяют реконструировать сказочный нарратив «о царе и мировой войне».
5. Пространство городских слухов ярче всего выявило метаморфозы патриотической пропаганды: германофобская риторика властей и раздуваемая военными шпиономания спровоцировали слухи об измене в верхах, которые стали распространяться даже на самих представителей власти. По мере усугубления внешнего и внутреннего кризисов, вызванного цензурными ограничениями информационного кризиса происходило сближение устного, иррационального, и письменного, рационального, пространств слухов. Российское общество подошло к началу 1917 г. в состоянии глубокого социально-психологического кризиса (одной из характеристик которой была инфодемия – эпидемическое распространение слухов), сформировавшиеся образы внутренних врагов в лице представителей династии обеспечивали возможность перерастания безадресного стихийного бунта в массовый политический протест.
6. В годы Первой мировой войны усиливается дискредитация основных государственных политических символов: церкви, самодержавной власти и народа как военного героя. Расцерковление россиян протекало параллельно росту популярности сектантства и народной религиозности, вследствие чего единая

вера переставала играть роль фундамента национального сознания, при этом в обществе усиливались интерпретации войны как наступления «металлического мира» – последних времен. Участие духовенства, в первую очередь военного, в патриотической пропаганде, в условиях, когда общество начинало уставать от войны, способствовало развитию антицерковных настроений.

7. Выбранная властями стратегия репрезентации царского образа, соответствовавшая документальной природе военного фоторепортажа, вступила в противоречие с символическим визуальным мышлением крестьянства, которому ближе был традиционный облик самодержца-царя. Первая мировая война, воспринимавшаяся в народе в контексте эсхатологических ожиданий, поставила проблему ответственности царя за невзгоды, которые со временем начинали интерпретироваться в качестве божьей кары за царские прегрешения. Детали документальной фотохроники рассматривались народом в качестве знаков-индексов профанности самодержца и приводили к развитию коллаборационистских настроений, предусматривавших убийство императора, что, в частности, выразилось в совершении над царскими портретами мистического ритуала проклятия. Усугубляло ситуацию расхождение выбранной демократической стратегии саморепрезентации с самоидентификацией Николая II в качестве самодержавного монарха.
8. Народные образы героев Первой мировой — солдата и медсестры — сильно отличались от тех образов героев из народа, которые навязывались патриотической пропагандой. На фоне конструирования патриотического мифа о святом русском воинстве поступавшая с фронта неофициальная информация создавала собственные, далеко не героические картины войны, в которых русские солдаты нередко представали мародерами, насильниками, убийцами, а сестры милосердия — проститутками, аферистками и сумасшедшими. В России создавалось два мифа о войне – официальный и народный – оба в близкой степени расходившиеся с реальным положением дел.
9. В условиях краха традиционных патриотических символов самодержавной России возрастала роль Государственной думы и общественных организаций

как новых символов гражданского патриотизма, которые в глазах современников по мере их разочарований в высшей и верховной власти наделялись нехарактерными чертами революционности. Полиция и охранка, фиксируя возраставший авторитет Думы в обывательских слоях и слухи об участии депутатов в подготовке революции, принимали превентивные карательные меры, чем только усугубляли социально-политическую напряженность и приближали революцию, в чем проявился механизм «самоисполняющегося пророчества».

10. Революция 1917 г. была предопределена социально-политическими противоречиями в империи и предчувствована современниками в конце 1916 г., однако, несмотря на ее закономерный характер, начавшийся 23 февраля хлебный бунт произошел во многом под воздействием слухов. Слухи выражали явные и скрытые общественные фобии (перед голодом, перед полицейскими провокациями и т. д.), поэтому с первых дней революции в ее основу легло стихийное насилие, ставшее некоей защитной реакцией толпы как общественного организма; даже после создания Временного правительства старые страхи в форме новых городских легенд терроризировали население («белые кресты», «черные авто»). Тем не менее революция 1917 г. стала самым сильным нервным потрясением для современников за 1914 – 1917 гг., как для ее сторонников, так и противников. Условная динамика общественных настроений в 1917 г. была представлена переходом от позитивных эмоций «медового месяца» через чувство тревоги мая-июня к эсхатологическим переживаниям поздней осени 1917 г. в условиях развязанной Гражданской войны.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1.
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ

1. Историография изучения общественных настроений 1914-1917 гг.

Массовые настроения, которые относятся к сфере психологии, достаточно давно оказываются в фокусе исторической науки. В отечественной историографии интерес к ним появляется еще в трудах В.О. Ключевского. В «Курсе русской истории», описывая настроения общества после Смуты, историк охарактеризовал их с помощью таких категорий, как тревога, страдание, терпение, недовольство, раздражительность, впечатлительность, тем самым подчеркнув их чувственно-эмоциональную природу[88]. Неудивительно, что современники Первой мировой войны с самого начала обращали внимание на настроения общества. Летом-осенью 1914 г. в большинстве публицистических работ русских философов, историков, общественных деятелей центральным вопросом оказывались патриотические настроения, в доминировании которых практически никто не сомневался. Вместе с тем предпринимались попытки разобраться с их природой, вследствие чего происходило разведение таких патриотических основ, как народность, национализм, шовинизм, гражданственность. Так, Е.Н. Трубецкой настаивал, что основой патриотизма должен быть не национализм, а сверхнародность, усматривая ее проявления в современном обществе[89]. А. Обухов основой патриотизма считал развивавшуюся с начала войны благотворительность, заботу о социально-незащищенных слоях населения, в частности, детях[90]. 1915 г. принес с собой массовые разочарования, в результате которых начинаются попытки переосмысления общественных настроений. Вероятно, одна из первых публикаций на тему анализа

[88] См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории. СПб., 1904.

[89] *Трубецкой Е.Н.* Патриотизм против национализма // Русские ведомости. 1914. 2 августа.

[90] *Обухов А.* Война и дети // Русская мысль. 1914. № 10. С. 88–93.

динамики общественных отношений за 1914–1916 гг. принадлежит профессору юридического факультета Санкт-Петербургского университета В.Д. Кузмину-Караваеву, в которой автор отметил постепенное угасание патриотических настроений и рост массовых разочарований в результате антиобщественных шагов власти (арест депутатов социал-демократов, роспуск Государственной думы и проч.)[91].

Вместе с тем подобные попытки не шли дальше личных наблюдений, отсутствовала необходимая методологическая и источниковая база. Восполнить подобный недостаток пытались русские психологи и психиатры, экстраполируя клинические данные своих пациентов на все российское общество. Так, В.М. Бехтерев, констатируя летом 1915 г. спад патриотических настроений, пытался объяснить это эмоциональной цикличностью, свойственной любому обществу, и делал ошибочный прогноз о скором возрождении чувства национальной гордости обывателей[92]. П.Я. Розенбах описывал события российской революции 1917 г. как «революционный психоз», обращая внимание на увеличение числа душевных расстройств и определенную специфику течения болезней[93]. И.П. Павлов в 1918 г. рассматривал революцию как период возбуждения нервной деятельности человека, В.П. Осипов пытался политическую борьбу рассмотреть как результат конфликта корковых связей в головном мозге[94].

Несмотря на сильные натяжки подобного подхода, психиатрическая терминология была заимствована первыми исследователями, социологами и историками, попытавшимися переосмыслить трагические для России 1914-1917

---

[91] *Кузьмин-Караваев В.Д.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 412–417.

[92] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 17 июля.

[93] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1917. 18 мая.

[94] *Павлов И.П.* Основа культуры животных и человека // Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 1999. № 9–10; *Осипов В.П.* О контрреволюционном комплексе у душевнобольных // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1926. № 2. С. 86.

гг. в русле анализа изменений психического состояния общества. Так, Н.И. Кареева и П.А. Сорокина можно считать пионерами социально-психологического подхода к истории русской революции. Летом 1918 г. в книге «Общие основы социологии» Н.И. Кареев писал об интерментальных факторах истории, характеризуя революцию как эпидемию коллективного психоза[95]. На близких позициях стоял П.А. Сорокин, поднимая тему массовых психических девиаций в книгах «Голод как фактор», «Социология революции»[96]. Однако эти попытки привлечения психиатрических теорий не шли дальше первичных обобщений с крайне бедной эмпирической базой. Неудивительно, что в среде профессиональных историков психоисторический подход вызывал определенный скепсис. Так, С.П. Мельгунов высокомерно отзывался о «психологическом подходе» в истории российской революции: «Пусть социологи и моралисты ищут объяснение… в искажении идеологических основ человеческой психики и мышления. Пусть психиатры отнесут все это в область болезненных явлений века; пусть припишут это влиянию массового психоза. Я хотел бы прежде всего восстановить реальное изображение и прошлого, и настоящего»[97]. Однако игнорирование Мельгуновым психологического фактора привело его к не менее серьезным ошибкам, когда он и Февральскую революцию, и октябрьский переворот рассмотрел в качестве «заговоров элит», упустив из виду вызревание объективных предпосылок в виде социокультурных трансформаций общества.

Некоторая наивность теоретических построений Кареева и Сорокина не означала ошибочности всех их выводов, тем более что в той или иной степени психологическая проблематика возникала в разных историографических направлениях. Как правило комплексные исследования массовых настроений отсутствовали, в исследовательский фокус попадали лишь некоторые из

[95] *Кареев Н.И.* Общие основы социологии. Пг., 1919. С. 175.

[96] *Сорокин П.А.* Голод как фактор. Пг., 1922; *Сорокин П.А.* Социология революции. Прага, 1923.

[97] *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. М., 2017. С. 79–80.

сюжетов. Например, несмотря на господствовавшее и в советской, и западной историографии мнение о германском милитаризме как главной причине мирового конфликта и личной ответственности Вильгельма II, некоторые авторы обращали внимание на фактор массовой предвоенной истерии, подталкивавший политиков к определенным решениям. Так, А. Тарсаидзе отметил, что накануне войны часть тревожных сведений, поступавших в российское министерство иностранных дел, было основано на слухах, а ответственным за решение императора объявить вместо частичной мобилизации всеобщую историк считал С.Д. Сазонова, напуганного недостоверными известиями о начавшейся мобилизации германской армии[98]. Роль периодической печати в формировании общественного мнения накануне войны в Германии исследовалась Г. Гейдорном[99]. В частности, немецкий историк определенную роль в подготовке общественного сознания отвел публиковавшимся в прессе слухам на тему сербских зверств в отношении германцев[100]. Разбирая международную обстановку накануне войны, Н. Фергюссон обратил внимание на германофобию и «наполеоновский невроз» британских политиков[101]. Даже в советской коллективной монографии «История первой мировой войны» 1975 г. И.И. Ростунов, В.И. Виноградов обращали внимание на политические настроения тех или иных классов, на проводившуюся властями идеологическую пропаганду в духе милитаризма и шовинизма, а также критиковали отечественных предшественников за недостаточное внимание к проблеме настроений масс[102]. Впрочем, в «Истории первой мировой войны» массовое сознание также не оказалось предметом исследования, фрагментарно появляясь на страницах книги в

[98] *Тарсаидзе А.* Четыре мифа. Нью-Йорк, 1969. С. 41-44.

[99] *Гейдорн Г.* Монополии. Пресса. Война: Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год: Роль прессы в подготовке первой мировой войны. М. 1964.

[100] Там же. С. 497.

[101] См.: *Ferguson N.* The Pity of War. London, 1998.

[102] История первой мировой войны 1914-1918 / Под редакцией доктора исторических наук И.И. Ростунова. М., 1975. С. 12, 69.

связи с отдельными сюжетами. Так, Д.В. Вержховский, описывая июньский кризис, обращал внимание на равнодушие широких общественных слоев к сообщению об убийстве Франца-Фердинанда, на основании чего делал вывод об искусственном разжигании повода для войны германскими и австрийскими милитаристами[103]. Вероятно, одним из немногих исключений стала вышедшая в том же 1975 году в Оксфорде монография американского ученого Пола Фассела «Великая война и современная память», посвященная опыту повседневных и магических практик британских солдат Первой мировой, конструированиям мифов о войне[104]. Тем не менее реконструкция настроений тылового населения все еще ждет своего исследователя.

Классовый подход, предполагавший изучение политической сознательности, классовых интересов тех или иных социально-экономических групп населения в некоторых случаях допускал обращение исследователя к вопросам социальной психологии. Так, одним из первых вопросов в отечественной (советской) историографии Первой мировой войны стало изучение степени классовой сознательности пролетариата весной-летом 1914 г. в условиях массовых рабочих протестов, а также перед лицом массовой патриотической пропаганды, последовавшей за объявлением Германией войны России. Следует заметить, что современные специалисты по истории эмоций признают классовую обусловленность «структур чувств».

В 1926 г. М.Г. Флеер сформулировал концепцию «отложенной революции», справедливо сопоставив масштаб рабочего протеста в январе 1905 г. и июле 1914-го[105]. Следует оговориться, что Флеер ошибся, когда главную роль в отступлении революции отвел объявлению войны. В действительности резкий спад забастовочного движения произошел за неделю до начала войны и за пять дней до мобилизации — 12 июля фабриканты отказались от локаута и большинство рабочих вернулись в свои цеха (А.Г. Шляпников писал, что

[103] Там же. С. 209.

[104] *Фассел П.* Великая война и современная память. СПб., 2014.

[105] *Флеер М.Г.* Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л., 1926. С. 6.

рабочие стачки прекратились 13 июля, а Л. Хаймсон впоследствии продлил их до 17 июля, очевидно имея в виду участие революционизированных рабочих в патриотических манифестациях[106]). Вероятность массовых расчетов, наподобие локаута 20 марта 1914 г., когда за один день было уволено более 70 000 бастовавших рабочих, пугала представителей пролетариата. Фактически не начало войны положило конец июльскому рабочему движению — оно само продемонстрировало низкую степень политической, антисамодержавной направленности, пойдя на компромисс с администрацией. Кроме того, события июля — августа 1917 г. выявили недостаточную, с точки зрения марксистко-ленинской теории, классовую сознательность рабочих, проникнувшихся патриотической идеологией и принявших участие в проправительственных манифестациях средних городских слоев в связи с началом войны.

Развивая ленинский тезис об антишовинистической прививке пролетариата, Флеер, ссылаясь на воспоминания А.Г. Шляпникова, пытался доказать антивоенный настрой большинства рабочих в июльские дни[107]. В это же время Б. Граве отрицала патриотические настроения пролетариата в период мобилизации, отмечала попытки организации антивоенных митингов в Петербурге и Москве, однако, в отличие от Флеера, она не считала, что война сорвала революцию. Обращая внимание на тот факт, что массовые рабочие забастовки закончились за несколько дней до начала мобилизации, Граве объясняла это сознательной тактикой большевиков: считала, что Петербургский комитет РСДРП(б) целенаправленно ликвидировал стачку, понимая, что момент для вооруженного восстания еще не наступил («слишком мало сплочены рабочие массы, слишком слаба организационно партийная организация, вооружения

[106] *Хаймсон Л.* Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 22.

[107] *Флеер М.Г.* Рабочее движение... С. 6–7.

нет»)[108]. Тем самым Граве выводила пролетариат из-под обвинения в патриотизме, объясняя прекращение забастовочного движения не стихийным распространением «шовинистической заразы», а сознательным ходом партии. Тем не менее, повторяя слова Ленина о руководящей роли большевиков, Граве явно переоценила степень их идейно-тактической консолидации: фактический материал не позволяет считать тезис о неподготовленности к вооруженному восстанию распространенным в их среде, так как в действительности даже 22 июля в Петербурге появлялись большевистские прокламации, призывавшие рабочих к вооруженному восстанию и свержению Николая II[109]. Таким образом, едва ли можно согласиться с мнением о тактическом характере прекращения рабочих забастовок 12 июля.

Одновременно с отрицанием патриотических настроений в рабочей среде Флеером и Граве зазвучали признания обратного. Так, И. Меницкий характеризовал настроения московских рабочих на начальном этапе войны как отравленных монархистами и кадетами «ядом шовинизма»[110]. Эта концепция сохранялась и в 1970-х гг., в частности, в работах И.П. Лейберова, вслед за Меницким считавшего, что «шовинистический угар ослабил революционную энергию пролетариата»[111]. Однако если в 1920-е гг. преобладала концепция «молчания рабочего класса как антивоенного протеста» и историки по крупицам собирали информацию об антивоенных митингах рабочих в первые месяцы войны, пытаясь доказать сохранение классовой сознательности[112], то впоследствии Ю.И. Кирьянов писал о сильно преувеличенной в историографии роли антивоенных стачек, а беспорядки в период мобилизации охарактеризовал в

[108] *Граве Б.* К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926. С. 89.

[109] *Тютюкин С.В.* Война, мир, революция… С. 18.

[110] *Меницкий И.* Революционное движение военных годов (1914–1917). Т. 1. Первый год войны (Москва). М., 1925. С. 63.

[111] *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979. С. 26.

[112] *Флеер М.Г.* Рабочее движение... С. 7.

качестве стихийных пьяных бунтов[113], при этом С.В. Тютюкин отмечал, что летом–осенью 1914 г. «отношение пролетариата и различных социалистических течений к войне еще только выкристаллизовывается из хаоса противоречивых мнений», оправдывая рабочих, поддавшихся патриотической пропаганде, тем, что и среди большевиков имели место колебания и споры[114]. Историографические парадоксы вынесения оценок июльским демонстрациям по шкале «антивоенные–патриотические» хорошо видны на следующем примере. Так, если Тютюкин в 1972 г. писал, что в июле 1914 г. под руководством большевиков «забастовки и демонстрации протеста против войны прошли в Петербурге, Риге, Москве, Твери, Киеве, Самаре и некоторых других городах», то Кирьянов в 1998 г. пересмотрел эту позицию: «С момента объявления первой мобилизации 16–17 июля и до конца 1914 г. в России не было ни одной антивоенной стачки», и упоминает лишь о попытках организации трех антивоенных демонстраций в Петербурге 19 июля[115]. Хотя Тютюкин также согласен с преувеличением антивоенных настроений рабочих в советской историографии, он вместе с тем остается верен теории «молчаливого протеста», противопоставляя настроения в рабочей среде настроениям представителей прочих социальных групп[116].

Одно из противоречий советской модели рабочего протеста лета 1914 г. в историографии обнаруживается в том, что, несмотря на явно исключительный характер событий, сопоставимый с 1905 г., ему так и не нашлось должного

---

[113] *Кирьянов Ю.И.* Были ли антивоенные стачки в России в 1914 году? // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 43–52; Он же. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. — февраль 1917 г.). М., 2005.

[114] *Тютюкин С.В.* Война, мир, революция… С. 10.

[115] *Тютюкин С.В.* Война, мир, революция… С. 19; *Кирьянов Ю.И.* Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 438.

[116] *Тютюкин С.В.* Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 240.

определения в исторической науке, во многом по причине узкой трактовки революционной ситуации в марксистско-ленинской теории и повышенной требовательности к классовой сознательности пролетариата. В начале 1913 г. В.И. Ленин, анализируя стачечную борьбу предшествующего года, писал о «массовой революционной стачке», констатируя начало новой стадии революционной борьбы, а в статье «Маевка революционного пролетариата» назвал митинги и шествия 1 мая 1913 г. «открытой демонстрацией революционных стремлений»[117]. Именно в этой работе Ленин впервые подошел к определению подхваченной впоследствии в историографии концепции «революционной ситуации» — правда, поначалу употребляя другие термины — «непосредственный революционный кризис» и «революционное состояние», — главным признаком которой был назван рост революционного стачечного движения пролетариата, «раскачивавшего» крестьянство и армию. В 1915 г. в работе «Крах II Интернационала» появляется классическое определение революционной ситуации, выраженной тремя объективными признаками (кризис верхов; обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенного класса; значительное повышение активности масс) и одним субъективным (способность революционного класса на революционные массовые действия)[118]. Совокупность всех четырех признаков, по мысли Ленина, должна приводить к революции.

Вместе с тем указанные признаки носят слишком общий характер для того, чтобы считать их верифицируемыми критериями определения революционной ситуации. Например, при более глубоком изучении темы возникает вопрос о роли буржуазии в период революционного кризиса, насколько оправданно ее отнесение в модели революционной ситуации к «верхам». Данная проблема была поднята в дискуссии вокруг теории М.Н. Покровского о «двух заговорах» — царизма (с целью выхода из войны путем заключения сепаратного мира) и буржуазии (с целью осуществления дворцового переворота для расширения собственного влияния). Эта теория позволяет противопоставлять

[117] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 298.

[118] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 218–219.

их интересы интересам народных масс, т. е. низов[119]. И.И. Минц в написанной им главе «Канун буржуазно-демократической революции» для «Истории Гражданской войны в СССР», отредактированной И.В. Сталиным, развил эту теорию, сместив акцент с противоречий между царизмом и буржуазией на их совместный поход против народных масс: сепаратный мир и дворцовый переворот рассматривались как средство спасения от революции[120]. Впоследствии в ряде работ отмечалось упрощение проблемы в подобной схеме, политическая неоднородность как буржуазных, так и великокняжеских кругов[121]. Если Б. Граве рассматривала убийство Распутина в декабре 1916 г. как первый акт готовившегося дворцового переворота, то в ряде работ более позднего периода оно преподносилось в качестве попытки спасения в первую очередь самой царской семьи и отмечалась неспособность буржуазии взять власть в свои руки[122]. Критикуя отождествление буржуазии с царизмом, А.Я. Аврех отмечал, что Ленин под «верхами» имел в виду политически господствующий класс, в то время как до февраля 1917 г. у российской буржуазии подобного статуса не было, на основании чего историк предлагал разделять понятие «верхи» в узком (непосредственно правящий слой) и широком (правящий класс) смыслах и, говоря о складывающейся революционной ситуации, предпочитал не относить к верхам буржуазию накануне второй российской революции[123].

Попытка некоторого вуалирования противоречий ленинской теории была предпринята в 1960-х гг. А.Я. Аврехом, писавшего о двух типах

---

[119] *Покровский М.Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков. М., 1924. С. 201.

[120] История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935.

[121] См.: *Черменский Е.Д.* Россия в период империалистической войны. Вторая революция в России. (1914 — март 1917). М., 1954; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. (1914–1917). Л., 1967, и др.

[122] См.: *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

[123] *Аврех А.Я.* О некоторых вопросах революционной ситуации // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 40.

революционной ситуации — общей и непосредственной[124]. Аврех признавал, что сам Ленин об общей и непосредственно-революционной ситуации не упоминал, однако предпринял попытку отождествления употребленного им в статье «Крах II Интернационала» термина «объективная революционная ситуация» с понятием «общая революционная ситуация», чем допустил определенную натяжку, так как если общая ситуация противопоставляется частной, т. е. непосредственной, то объективную ситуацию следует противопоставлять субъективной. В то же время Ленин употреблял понятие не «субъективная революционная ситуация», а «субъективный признак революционной ситуации»; это говорит о том, что Аврех отождествил частный признак явления с самим явлением, что представляется неверным. Кроме того, данная концепция, смещающая акценты с частных признаков на общую характеристику, попрежнему не решает отмеченные проблемы верификации.

Вместе с тем примечательно, что Аврех не являлся автором гипотезы о двух типах революционной ситуации. Историк ссылался на тезисы XIV партконференции РКП(б), прошедшей в апреле 1925 г., по понятным причинам, не называя фамилии докладчика, разработавшего данную концепцию, — Г.Е. Зиновьева, до реабилитации которого в момент выхода статьи Авреха оставалось еще 22 года. «Я думаю, что надо различать три вещи, — говорил Зиновьев на партконференции. — 1) Революционную ситуацию вообще, 2) непосредственно-революционную ситуацию и 3) прямую революцию»[125].

Применительно к рассматриваемому нами периоду следует отметить, что на основании выступления Зиновьева партконференция постановила время с 1908 по 1915 г. включительно считать общей революционной ситуацией, а 1916 г. — непосредственной. Открытое выступление Зиновьева против Сталина на XIV съезде ВКП(б) и последующий разгром «ленинградской

[124] Там же. С. 30–44.

[125] Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.; Л., 1925. С. 231–232.

оппозиции» предопределили дальнейшую судьбу как самого автора, так и его концепции, изъятой из официальной истории (что, в частности, видно по отредактированному самим Сталиным Краткому курсу Истории ВКП(б)), пока она не была реанимирована Аврехом в 1960-е гг. Вместе с тем слабость концепции двух революционных ситуаций состоит в том, что, по сути, любой период, в котором обнаруживается хоть какая-то степень недовольства низов, можно подогнать под определение общей революционной ситуации. Повторяя вслед за Зиновьевым тезис о том, что общая революционная ситуация способна сохраняться даже в период реакции, Аврех заявлял, что все начало XX в. в России вплоть до 1916 г. являлось одной сплошной общей революционной ситуацией (исключая лишь период 1905–1907 гг. — период «прямой революции»), что представляется упрощением проблемы и попыткой уклонения от разрешения внутренних противоречий ленинской теории[126].

Зарубежная историография рабочих настроений в Российской империи накануне и на начальном этапе Первой мировой войны была лишена многих идеологических ограничений. В ряде работ имело место смещение исследовательского фокуса с политической к социальной проблематике, что стало особенно заметно в последние десятилетия так называемого «антропологического поворота». Так, американский историк Леопольд Хаймсон делал акцент не на политической, а на социальной мотивации рабочего протеста. Отталкиваясь от статьи Л. Клейнборта «Очерки о рабочей демократии» 1913 г., автор отмечает стремление рабочих к социализации в городском социуме. Рассуждая о революционном движении весны–лета 1914 г., Хаймсон говорит о бессмысленности вопроса, произошла бы в 1914 г. революция, если бы не война, и обращает внимание на то, что рабочие стачки первой половины 1914 г. «были направлены не только против политических представителей власти, но и являлись протестом против всех проявлений унизительного отношения к рабочим со стороны властей, администраций предприятий и даже представителей

[126] *Аврех А.Я.* О некоторых вопросах… С.38.

цензового общества»[127]. Эти идеи развивает другой американский ученый — Марк Стейнберг. Рассматривая место универсальных категорий личности в представлении российского пролетариата, требование вежливого к себе обращения он считает не просто одним из требований рабочих, а обнаруживает в нем «глубинное этическое видение, через призму которого они рассматривали свою собственную общественную и политическую жизнь… Именно естественные права человека, а не партикуляристские интересы класса, лежали в основе социальных представлений»[128]. Возможно, Стейнберг несколько переоценивает глубину проникновения в массовое сознание рабочих категории естественных прав человека, вместе с тем представляется верным, что личностная самоидентификация городских рабочих отличалась от сельского населения. В современных исследованиях подчеркивается, что изучение экономических и политических проблем в качестве единственных источников межгрупповых конфликтов является грубой ошибкой, так как эмоциональные репрессии по отношению к тем или иным сообществам часто оказываются важными факторами ответной жестокости и насилия[129].

Отечественная историография также не обошла стороной морально-этический компонент рабочего протеста. Хотя П.В. Волобуев и признал в 1997 г., что американские историки ушли вперед, так как их советские коллеги просто не имели возможности браться за изучение новых тем[130], сам он в 1964 г. в монографии «Пролетариат и буржуазия в 1917 году» попытался выявить психологические характеристики «среднего русского кадрового пролетария»[131].

---

[127] *Хаймсон Л.* Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 18–19.

[128] *Стейнберг М.* Представление о «личности» в среде рабочих интеллигентов // Рабочие и интеллигенция… С. 96–97.

[129] *Scheff T.* Repression of Emotion: A Danger to Modern Societies? // Emotions in Politics. The Affect Dimension in Political Tension. Palgrave Macmillan, 2013. P. 84.

[130] *Волобуев П.В.* Дискуссии // Рабочие и интеллигенция… С. 200–201.

[131] *Волобуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964.

На прошедшем в 1964 г. заседании секции общественных наук Президиума АН СССР ряд ученых высказался за то, что история должна отражать все проявления человеческой психики, эмоций и страстей, массовые настроения, порывы и увлечения[132]. Результатом стал выход исследований Б.Ф. Поршнева, Б.Д. Парыгина, Г.Л. Соболева, посвященных вопросам исторической психологии[133]. В 1970-е гг. вопросы нравственного облика пролетариата поднимали Ю.И. Кирьянов и В.Ф. Шишкин[134]. А.Я. Аврех писал о революционном характере рабочего протеста в 1913–1914 гг., но при этом обратил внимание, что стачка на заводе «Новый Лесснер», длившаяся все лето 1913 г., произошла из-за самоубийства рабочего, ложно обвиненного мастером в воровстве. Рабочие не выдвинули никаких требований, кроме увольнения мастера-клеветника[135]. В 1990-е гг. Ю.И. Кирьянов, разбирая рабочие требования к заводской администрации, отдельно отмечает стремление рабочих к вежливому обращению: во время всеобщей забастовки 1903 г. в Киеве 71% рабочих требований касался повышения заработной платы, 68% — сокращения рабочего дня и 66% — вежливого обращения по отношению к себе[136]. Исследователь в качестве общей черты ментальности высших, средних и низших категорий рабочих называет «потребность и стремление к материальному достатку, к обустроенной „человеческой“ культурной жизни, к защите своего достоинства, своих

[132] *Парыгин Б.Д.* Социальное настроение как объект исторической науки // История и психология. М., 1971. С. 90–91.

[133] См.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; *Парыгин Б.Д.* Общественное настроение. М., 1966; *Соболев Г.Л.* Проблемы общественной психологии в исторических исследованиях // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967.

[134] *Кирьянов Ю.И.* Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 100–140; *Шишкин В.Ф.* 1917 год в нравственном развитии пролетариата // Там же. С. 242–255.

[135] *Аврех А.Я.* Царизм и IV Государственная дума (1912–1914). М., 1981. С. 98.

[136] *Кирьянов Ю.И.* Менталитет рабочих России на рубеже XIX- XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 — февраль 1917. СПб., 1997. С. 57.

прав человека и рабочего»[137]. Н.В. Михайлов обращает внимание, что приехавшие в город молодые рабочие обладали таким маркером маргинальности, как грубость, однако по мере социализации, адаптации к новой субкультуре перенимали новые поведенческие практики, в частности, становились вежливыми[138].

Крестьянские настроения рассматриваемого периода изучены в меньшей степени, тем не менее в 1971 г. под редакцией Б.Ф. Поршнева и Л.И. Анцыферовой вышел сборник «История и психология», в котором Б.Г. Литвак одним из первых в советской историографии крестьянского движения поставил задачу «изучить психологию „микромира“, дойти до ее самых первичных пластов… В этих целях необходимо совместить изучение конкретно-исторического материала крестьянских выступлений с осмыслением его в категориях социальной психологии»[139]. Литвак вслед за В.И. Лениным оперировал понятием «крестьянской личности»: по его мнению, наиболее примитивные виды крестьянских выступлений — акты мести и пассивное сопротивление — были связаны с процессом личностной самоидентификации крестьян, обретения ими чувства собственного достоинства (мы уже рассматривали схожую историографическую традицию объяснения конфликтов рабочих с мастерами, управляющими фабрик и заводов). В то же время в деревенской среде имели место факты социальной мимикрии, когда крестьяне старались предстать в глазах помещика беднее и неразумнее, чем были на самом деле. Литвак делает важное замечание относительно психологической особенности крестьянского движения: под давлением внешних обстоятельств оно быстро определялось с тем, *против* чего оно было направлено, но крайне медленно определялось с

[137] Там же. С. 58–59.

[138] *Михайлов Н.В.* Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция… С. 152.

[139] *Литвак Б.Г.* О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971. С. 201.

тем, *за* что оно[140]. По мнению В.И. Ленина, личностная самоидентификация крестьянства была результатом развития капиталистических отношений, которые оторвали крестьянина от крепостных уз и создали «подъем чувства личности»[141].

Советская историография концентрировалась преимущественно на изучении конфликтов крестьян со своими главными классовыми антагонистами — помещиками. Вместе с тем для изучения массового сознания деревенских жителей не менее важно обратить внимание на локальные, внутриобщинные конфликты. Американский историк Стивен Фрэнк исследовал крестьянские самосуды как неотъемлемую черту культуры крестьянского мира[142]. Он отрицал стихийный характер самосуда как явления, выделяя три организационных формы деревенского «правосудия»: 1) ритуализированное публичное срамление без применения насилия; 2) физическое наказание за преступления против собственности; 3) физическое наказание колдунов и ворожей. По его мнению, самосуды являлись своеобразной формой самоорганизации и самозащиты общинного мира, отстаивавшего собственное право на суд перед усиливавшимся внешним вмешательством (помещика или государства в целом). Фрэнк отмечает, что в глазах крестьянского мира самосуды обладали законностью.

В трудах отечественных крестьяноведов изучение массового сознания сельских жителей, как правило, происходит либо в связи с крестьянскими движениями, либо в связи с общинным хозяйствованием. В.П. Данилов и Л.В. Данилова справедливо отметили, что «ментальность крестьянства — это общинная ментальность, сформированная в рамках замкнутого локального

---

[140] Там же. С. 205.

[141] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 434.

[142] *Frank S.* Popular Justice, Community and Culture among the Russian Peasantry 1870–1900 // The World of the Russian Peasant: Post-Emancipation Culture and Society / Ed. B. Eklof and St. Frank. Boston : Unwin Hyman, 1990.

сообщества, в сельской соседской организации»[143]. Определение крестьянской общины как локального сообщества созвучно теории американского исследователя Роберта Рэдфилда о сельском «малом сообществе», которое он рассматривает как самодостаточную «экологическую систему», в которой нормы передаются из поколения в поколение[144]. Изучение влияния сельскохозяйственного труда на ментальность крестьян неизбежно подводит исследователя к теме «человек и природа». Подавляющее большинство исследователей согласно с тем, что «специфические черты ментальности крестьянства связаны… с характером его производственной деятельности, с хозяйствованием на земле в тесном и непосредственном общении с природой»[145]. Л.В. Милов, указывая на исключительно тяжелые и неблагоприятные для ведения сельского хозяйства климатические условия на большей части России, которые нередко сводили на нет результаты труда крестьян, приходит к выводу, что природный фактор способствовал укоренению идеи о всемогуществе и огромной роли в жизни крестьян бога, что соответствовало архаичной языческой картине мира[146]. При этом Милов объясняет способность русских крестьян выживать в тяжелых условиях вопреки отрицательным чертам национального характера влиянием общины, которая в экстремальные времена организовывала и сплачивала селян. Американский историк Рональд Сиви писал об «этике праздности», стремлении к минимизации трудозатрат как чертах, характерных для общинной деревни[147]. Исследователь аргументировал тезис, в частности, тем, что в условиях Первой мировой войны Россия поддерживала

---

[143] *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции. М., 1996. С. 22.

[144] См.: *Redfield R.* The Little Community, and Peasant Society and Culture. Chicago. L., 1960.

[145] *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община… С. 22.

[146] *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции. М., 1996. С. 44.

[147] См.: *Seavoy R.E.* Famine in Peasant Societies. N.Y., L., 1986.

производство продовольствия на довоенном уровне, хотя 40% крестьян было мобилизовано на войну, из чего сделал вывод, что по крайней мере 40% крестьянского трудового потенциала в мирное время съедает «праздность». Последний аргумент, конечно, несостоятелен ввиду некорректности сравнения мирной экономики с мобилизационной — в годы войны в отдельных губерниях вводились продовольственные реквизиции, кроме того, 1915 г. оказался урожайным — на европейской части России хлеба собрали на 10,6% больше, чем в среднем[148]. Характеризуя крестьянский мир как «культуру шаривари», Сиви не учитывал компенсационного характера деревенских празднеств, следовавших после долгого, изнурительного труда. Несмотря на то, что «этика праздности» Сиви перекликается с отдельными высказываниями Милова, отечественный исследователь критически воспринял положения Сиви, указав, что приведенные им схемы плохо коррелируются с российской действительностью[149]. При этом В.В. Кондрашин, В.В. Бабашкин, А.П. Корелин были менее категоричны в оценках монографии американского историка[150].

Исследователи признают, что Первая мировая война оказалась испытанием для общины и общинного сознания крестьянства. При этом существуют два историографических направления: одни авторы считают, что война усилила архаизацию сельской жизни и общественной психологии, другие, наоборот, отмечают усиление самоорганизации крестьян, повышение уровня политической сознательности. Отправной точкой в выстраивании динамики крестьянских настроений выступает период мобилизации, по-разному характеризующийся крестьяноведами. Здесь выделяется «патриотическая» и «скептическая» точки зрения. В рамках первого направления некоторые историки пытаются объяснить свидетельства сельского патриотизма с помощью фактора

---

[148] Ежегодник. Торгово-промышленный мир России. Год войны. Ч. 4. Отдел V. Пг., 1916. С. 3.

[149] Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Ред. В.В. Бабашкин. М., 2015. С. 448–449.

[150] Там же. С. 436–440, 444–446, 449–451.

религиозности. Так, О.А. Сухова некритично воспроизводит сообщения периодической печати о литургиях и молебнах, проходивших в деревнях, якобы свидетельствовавшие о патриотическом подъеме, повторяя вслед за официальными сообщениями, что «удушающая затхлость общественной атмосферы сменилась всеобщим ликованием и радостным оживлением, а массовые манифестации по случаю объявления войны напоминали скорее масленичные народные гуляния»[151]. Вместе с тем Сухова, настаивая на религиозном воодушевлении крестьян, упомянула, что в ряде мест известие о начале войны вызвало шок и слезы сельских жителей, полагая, по-видимому, что это были слезы религиозного восторга[152].

Противоречивую картину отношения крестьян к войне рисует О.С. Поршнева. Справедливо обращая внимание на то, что война, отрывавшая крестьян от земли, мыслилась ими как зло, историк отмечает, что единственным вариантом легитимации войны в глазах крестьян могло стать приращение земли в результате войны[153]. Однако далее Поршнева делает спорный вывод о том, что крестьянство мыслило войну в качестве «крестового похода за землю и веру, в котором присоединение новой земли означает одновременно и расширение ареала истинной веры»[154]. Схожая концепция, действительно, навязывалась церковной печатью, среди солдат из крестьян распространялись слухи о том, что за участие в боевых действиях они будут получать землю, тем не менее нет достаточных оснований утверждать, что подобное отношение к войне было характерно для крестьянства с самого ее начала. Исследователи обращают внимание на то, что некоторые крестьяне шли на войну не за германской, а за помещичьей землей, рассуждая, что «если победит Россия —

---

[151] *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — нач. XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 386.

[152] Там же. С. 387.

[153] *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России… С. 90.

[154] Там же.

земля будет от дворян-помещиков отобрана и отдана в надел крестьянам, так как они, главным образом, являются защитниками Родины и победителями врага»[155].

Тем не менее, ряд крестьяноведов не поддерживают тезис о крестьянском патриотизме. Так, А.В. Гордон пессимистически оценивает крестьянский патриотизм в период первой мобилизации, задаваясь справедливым вопросом: насколько отражает действительность утверждение, что «настроение инициированного властью, монархическими объединениями и купеческой верхушкой торжества распространилось и на деревню?»[156] Описывая восприятие войны крестьянами в 1914 г., автор использует мифологему «катастрофы», верно отмечая ее последующую трансформацию в сторону эсхатологических ожиданий. В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева сообщают, что добровольческое движение крестьян было связано с желанием найти себе место в армии потеплее, так как добровольцы получали право выбора рода войск[157].

Даже те авторы, которые пишут о крестьянском патриотизме, интуитивно сознавая противоречивость данной концепции и явные различия в понимании патриотизма крестьянами и теми, кто писал о нем в официальной прессе, делают акцент на бессознательном, стихийно-иррациональном патриотизме народа. Так, например, О.А. Сухова объясняет парадоксальную природу крестьянского патриотизма 1914 г. психологической теорией защитной реакции психики на внешний раздражитель: «Мощный всплеск стихийного крестьянского патриотизма, осознание себя в качестве жертвы… были своего рода проявлением стереотипной реакции на угрозу военной опасности. Только в этом случае участие в военных действиях приобретало сакральный смысл, что, в свою очередь, позволяло снизить психологическое напряжение»[158].

---

[155] *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015. С. 322–323.

[156] *Гордон А.В.* Война в крестьянском сознании: преображение традиций // Русское крестьянство и Первая мировая война: сб. научных статей. М., 2016. С. 107.

[157] *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию… С. 320.

[158] *Сухова О.А.* Десять мифов… С. 391.

Отчасти историографические парадоксы исследований крестьянской ментальности связаны с ее синкретичностью и амбивалентностью многих составных элементов. В стремлении дать непротиворечивое объяснение отношения крестьян к тому или иному объекту авторы забывают о противоречивости самого крестьянского сознания. Исследователи уже указывали на противоречия целей и средств в крестьянском мышлении. О.Г. Буховец обратил внимание на синкретизм крестьянского политического сознания, который усмотрел в нестыкуемости привнесенных и традиционных компонентов, в сочетании адекватных представлений о своих социальных целях и иллюзий относительно путей их достижения[159]. О «сочетании несоединимого» в крестьянской ментальности писал А.В. Гордон[160].

Хотя исследователи и расходятся в вопросе восприятия начала войны крестьянами, тезис о том, что в процессе войны произошли определенные ментальные сдвиги селян, в целом, не подвергается сомнению. Проблема, правда, в том, в какую именно сторону были эти сдвиги направлены. Некоторые авторы полагают, что война способствовала архаизации жизни крестьян и соответствующим образом отразилась на их психологии. Н.А. Дунаева, О.А. Сухова считают, что начало мировой войны привело к возврату к истокам, «традиционному укладу» жизни деревни. Н.А. Дунаева указывает, что националистический угар начала войны в деревне «трансформировался в традиционную идею „черного передела“», а также стал сигналом для разрешения назревших противоречий внутри общины: бунта молодых общинников против «стариков», общинников против хуторян и отрубников и т. д.[161]. Сухова,

---

[159] *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века. М., 1996. С. 225.

[160] *Гордон А.В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989. С. 91, 205.

[161] *Дунаева Н.А.* Характер общественных настроений Поволжского крестьянства в условиях Первой мировой войны // Русское крестьянство и Первая мировая война: Сб. научных статей. М., 2016. С. 127, 128.

рассматривая массовое движение крестьян в 1917 г., соглашается с позицией В.П. Булдакова и Д.И. Люкшина, отмечающих значимую роль иррационально-аффективных форм поведения[162], доминирование которых Сухова объясняет архаизацией массового сознания и победой в нем локализма[163].

С этой позицией полемизирует А.В. Гордон, настаивающий на многоукладности крестьянского сознания и акцентировании в годы войны сознательных его пластов, делающих возможным крестьянскую самоорганизацию. При этом Гордон признает, что начало войны породило общую атмосферу народного бедствия, к которому «крестьянство отнеслось по вековечной традиции покорности высшим силам и приспособления к обстоятельствам», что соответствовало архаичному пласту сознания[164]. Многие историки отмечают кризис монархического сознания крестьян в годы мировой войны на примере дискредитации образа Николая II. П.С. Кабытов связывает это, в частности, со слухами о двусмысленной роли при дворе Г. Распутина и о вмешательстве Александры Федоровны в государственные дела[165]. О.С. Поршнева также считает, что распространявшиеся слухи о похождениях Распутина и его влиянии на царя дискредитировали образ последнего в глазах сельских жителей[166]. При этом наиболее обстоятельным исследованием воздействия слухов на массовое сознание различных социальных групп Российской империи, приводившее к десакрализации монархии, является монография Б.И. Колоницкого[167]. Колоницкий, наоборот, обращает внимание на то, что в заведенных по 103 ст. Уголовного уложения делах об оскорблении крестьянами императора Распутин не

---

[162] См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Люкшин Д.И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006.

[163] *Сухова О.А.* Десять мифов… С. 602.

[164] *Гордон А.В.* Война в крестьянском сознании: преображение традиций // Русское крестьянство и Первая мировая война: сб. научных статей. М., 2016. С. 108.

[165] *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999. С. 126

[166] *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России… С. 107.

[167] См.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

упоминается, а главным антагонистом после царя в народных представлениях оказывается вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Вероятно, одна из самых категоричных позиций в вопросе о степени рационализации общественного сознания крестьян принадлежит В.П. Данилову и Л.В. Даниловой, которые посчитали, что в ходе Первой мировой войны «крестьянский менталитет становится республиканским с решительным отрицанием любой возможности единовластия»[168]. Авторы сослались на «Примерный наказ» 1917 г. Вместе с тем этот наказ, отредактированный эсерами, отражал не только массовое сознание крестьянского сообщества, но и идеологию определенной политической группы, которая игнорировала явственные черты патернализма крестьянской ментальности, чуждые республиканским идеям. Письма крестьян во власть периода Гражданской войны также сохраняют признаки патерналистского отношения к адресатам[169].

О распаде патриархальной психологии крестьянства и повсеместном росте революционных настроений в ходе войны пишет П.С. Кабытов[170]. При этом автор согласен с тем, что под воздействием правительственной пропаганды в деревне распространялись патриотические настроения, но преимущественно среди зажиточного крестьянства и середняков: «Иногда эти настроения и „добросовестные заблуждения“ крестьян в первые месяцы войны выливались в фольклорные формы, получая при этом своего рода моральную санкцию традиции» [171].

При всем этом не сложно заметить, что в упомянутых работах исследовались преимущественно формы активности крестьян, социально-политической или хозяйственной. Историки отмечают, что именно период исторических

---

[168] *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община… М., 1996. С. 37.

[169] См.: *Аксенов В.Б.* Массовые настроения в эпоху Гражданской войны: историографические традиции и перспективы изучения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М., СПб., 2018. С. 514.

[170] *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века... С. 119.

[171] Там же. С. 120.

кризисов, трансформаций представляет особенный интерес для исследователя ментальных сфер. С этим трудно не согласиться, однако нужно иметь в виду, что менталитет относится, по выражению Ф. Броделя, к структурам большой длительности (в отличие, например, от политических настроений, которые могут меняться изо дня в день под влиянием быстро развивающихся событий). Это означает, что не менее ценным оказывается изучение ментальности в «тихие» периоды. Ю.П. Бокарев не без сарказма заметил, что, «просматривая бесконечные тома „Крестьянское движение в России“, издававшиеся в 50–60 годы под редакцией Н.М. Дружинина, можно проникнуться убеждением, что состояние непрерывного бунта было нормой крестьянской жизни»[172]. Историк обращал внимание на то, что в поведении российских крестьян сочетаются периоды отчаянного бунта с временами чрезмерного смирения, причем периоды бунтарства не коррелируют с временами ухудшения материального положения крестьян. Причину этого Бокарев усматривал в ментальных особенностях сельских жителей: традиционализм крестьян сопротивлялся непонятным нововведениям, даже если они применялись властями во благо народа. По мнению исследователя, «не столько сама действительность управляла крестьянским поведением, сколько ее преломление через особенности крестьянской ментальности», в результате чего «крестьянский менталитет являл настолько искаженную, иллюзорную картину происходящего, что связь между реальными изменениями и движением крестьян оказывается очень размытой»[173].

Религиозный пласт мышления российских крестьян нашел отражение в научных исследованиях. При этом некоторые авторы — например, А.В. Буганов — явно преувеличивают степень православности русского неграмотного крестьянина. Отдавая предпочтение источникам, близким к церкви, автор приходит к выводу, что «первейшим критерием оценки монархов и крупнейших

---

[172] *Бокарев Ю.П.* «Умом Россию не понять» (поведение крестьян в революционную эпоху) // Революция и человек. М., 1996. С. 80.

[173] Там же. С. 80–91.

полководцев была их верность православной идее, высшим религиозным ценностям», а затем добавляет к этому «патриотический подход»[174]. Буганов не отрицает, что в 1914–1916 гг. в народном сознании происходила дискредитация образа Николая II, но считает это делом рук революционеров[175]. Конечно, фактический материал периода Первой мировой войны полностью опровергает этот тезис. О.С. Поршнева также считает, что война усилила крестьянскую религиозность, полагая, что рост числа посещений крестьянами церквей свидетельствует об интеграционных процессах между народом и властью. Вместе с тем Т.Г. Леонтьева обращает внимание, что народная религиозность носила в большей степени обрядовый характер, местами доходивший до фарисейства, что выразилось в распространении всевозможных суеверий[176]. Народная вера, настоянная частично на языческих, частично на христианско-сектантских традициях, не могла стать основой для патриотического единения народа и власти через институт православной церкви. Религиозный синкретизм крестьянского мышления отмечается большинством ученых.

Живучесть языческой ментальности российских крестьян Л.В. Милов связывает с большим значением в их жизни природно-климатического фактора[177]. Не отрицая искренность христианской веры деревенских жителей, он считает, тем не менее, что в русском крестьянине было больше язычника, чем христианина, обращает внимание, что вера в Христа совмещалась с отчуждением от официальной церкви[178]. Британский исследователь Теодор Шанин обратил внимание, что в крестьянских наказах периода первой революции содержалось много рассуждений на моральные темы, о том, что хорошо, а что

---

[174] *Буганов А.В.* Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX–XX вв. Историко-этнографическое исследование. М., 2013. С. 278, 281.

[175] *Буганов А.В.* Личности и эпохи в исторической памяти русских крестьян XIX — начале XX в. // Социология власти. 2003. № 2. С. 104.

[176] *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию…. С. 261.

[177] *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор… С. 45.

[178] Там же. С. 51, 53.

плохо, часто в библейских категориях[179]. Утверждение, что «земля — Божья», кажется автору основным моральным постулатом и примером того, как религиозные представления влияли на экономические взгляды. Однако этические принципы крестьян не были исключительным порождением религиозных представлений, они являлись неотъемлемой частью процесса социализации. Этическая система выстраивалась в процессе социализации крестьян в общине, ценностные ориентиры формировались в ходе наблюдения за природой. В этом отношении нельзя не отметить созерцательности мышления крестьянина. Размышляя, он сам находил ответы на вопросы, без помощи религиозной традиции. Это формировало определенный психотип селянина. В.В. Бабашкин, обращаясь к литературной традиции, обратил внимание на образ крестьянина-романтика, практически не изученный историками[180]. Вместе с тем обращение к дневниковым записям грамотных крестьян позволяет раскрыть такую сторону «романтической натуры», как визуальная образность мышления, вытекавшая из созерцательности[181].

К сожалению, попытки комплексного изучения крестьянского менталитета, духовной жизни деревни, практикуемые в среде этнографов и фольклористов, пока еще остаются исключением для историков. Этнографический материал не всегда удается соотнести с конкретными социально-политическими событиями и показать его связь с историческим процессом. Лучше всего это изучено на материале XVIII в., исторические повороты которого определили судьбы российского крестьянства и отразились в фольклоре. Р.Г. Пихоя исследовал отражение событий от раскола XVII в. до Пугачевского восстания в

---

[179] См.: *Shanin T.* Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World. Oxford, 1990.

[180] *Бабашкин В.В.* Крестьянин как романтик. Златовратский Н.Н. Устои. История одной деревни. М.: Гос. Издат. Худ. Лит., 1951 // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. №3. С. 152–161.

[181] *Аксенов В.Б.* Убить икону: визуальное мышление крестьян и функции царского портрета в период кризиса карнавальной культуры 1914–1917 гг. // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 6. 2012. С. 386–410.

мировоззрении населения Урала, указал на языческие пережитки, влияние апокрифической литературы, на основании чего изучил такие вопросы, как представления о времени горнозаводского населения и его отличия от ощущений времени крестьянами, теологические представления уральских рабочих, отношение к богу и дьяволу, роль «тайного знания» в повседневном труде рудничных рабочих и старателей и т. д. Одним из тезисов ученого, который далее будет раскрыт на материале уголовных дел против крестьян за оскорбление представителей династии, является констатация материализации болезни, что позволяло использовать соответствующие магические практики как для лечения, так и для насылания порчи[182]. Следует заметить, что материализация и даже персонификация болезней, например, лихорадок как дочерей царя Ирода, сохранялась и в начале XX в. Источники показывают, что в начале XX в. проклятия и связанные с ними «темные» обряды совершались не только колдунами, но и обычными крестьянами в адрес верховной власти, тем самым «тайное знание» растворялось в повседневных практиках, отчасти теряло свою сакральную природу и переходило в сферу профанно-политических актов.

В 1986 г. М.М. Громыко предприняла попытку системного исследования традиционного поведения крестьян в XIX в., указав на то, что в общественном сознании сельских жителей существовали устойчивые, зафиксированные нормы поведения, уходящие, с одной стороны, в давнюю традицию, регламентируемые религиозными представлениями и общиной, с другой стороны — подвижные нормы, определявшиеся актуальными, прагматическими задачами хозяйственной жизни[183]. Еще ранее К.В. Чистов показал диалектическое единство варианта (импровизации, инициативности) и инварианта (традиции, стереотипа), сохранявшееся в народной среде[184]. По его мнению, традиция как система связей настоящего с прошлым регулирует реакции на повторяемые,

[182] *Пихоя Р.Г.* Записки археографа. М., 2016. С. 215.

[183] См.: *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения крестьян в XIX в. М., 1986.

[184] *Чистов К.В.* Традиция и вариативность // Советская этнография. 1983. № 2. С. 14–22.

типовые ситуации, однако изменчивость среды предполагает и вариативность традиции. Таким образом, вариант и инвариант, опыт стереотипного поведения и готовность к импровизации, постоянно присутствуют в народной психологии, определяя ее синкретичность и амбивалентность. Громыко при этом дополняла, что соотношение вариативности и традиционности в крестьянском сознании и поведении для тех или иных исторических периодов оказывается разным. Будет справедливым предположить, что периоды бурных реформ, войн и революций, менявшие привычную крестьянскую повседневность, характеризовались переходом от инвариантной системы к вариативной. Именно в эти моменты крестьяне демонстрировали повышенный интерес к политической жизни, начинали выписывать газеты, интересоваться государственными вопросами. Л.В. Иванов обратил внимание на повышение социально-политической активности крестьян в годы русско-японской войны и пришел к выводу, что она «открывала глаза крестьянам на самодержавие как на виновника войны, развязанной в интересах буржуазии и помещиков», и способствовала краху монархических настроений[185]. Как известно, согласно другой концепции, крах наивного монархизма, веры в доброго царя произошел после 9 января 1905 г. Подобные поиски точки бифуркации крестьянского монархизма, вероятно, обречены на провал в силу того, что монархические представления народа нельзя изобразить в качестве нисходящей или восходящей прямой, более точным будет график, описывающий циклические колебания. С 1907 г. начался определенный «откат» крестьянской психологии к традиционному мышлению и стереотипным социальным практикам, но Первая мировая война вновь усилила вариативность мышления и поведения. Вместе с тем изучение крестьянских инициативных актов, связанных, например, с протестом против определенных действий власти, показывает их типичность относительно аналогичных периодов истории. Вариативность периода потрясений, кризиса

[185] *Иванов Л.М.* Дела о привлечении крестьян к ответственности по 103 и 246 статьям как источник для изучения крестьянских настроений кануна первой русской революции // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VIII. С. 134.

повседневности оказывалась инвариантом народной ментальности, что является очередным примером синкретичности крестьянского менталитета.

В 1991 г. М.М. Громыко попыталась расширить круг изучаемых проблем мира крестьянской деревни и выпустила книгу, показавшуюся по ряду причин существенно менее удачной, чем монография 1986 г.[186] И не только потому, что, ориентированная на широкие круги читателей, она была написана в публицистической манере, с сильно сокращенным научным аппаратом, а главным образом по причине ее тенденциозности и односторонности, приведшим к мифологизации отдельных сторон жизни российской деревни. В работе «Традиционные нормы поведения и формы общения крестьян в XIX в.» были недостатки, которые можно было бы устранить в последующих трудах. Главным образом это касается того, что, изучая нормы поведения крестьян, Громыко проигнорировала формы девиантного и делинквентного поведения сельских жителей (воровство, разбои, убийства, поджоги, сексуальные перверсии, бунтарство и пр.) и варианты реакции на них крестьян — в основном, по-видимому, из-за того, что эти формы не получили достаточного отражения в этнографическом материале, составившем источниковую основу исследования. Вместе с тем свидетельства крестьянской преступности хорошо известны по другим источникам, которые автор оставила без внимания и в 1991 г. Кроме того, вопреки этнографическому материалу, была переоценена роль православной религиозности. В разделе «Вера» описывается ее официально-обрядовая сторона, посещение крестьянами церкви считается достаточным аргументом их православности. При этом исследовательница пытается дискутировать с некоторыми своими оппонентами: «Сейчас иногда приходится слышать утверждение о том, что неграмотные крестьяне, мол, не знали православия, так как не читали священного писания. Это представление людей, которые не бывают в церкви и не имеют понятия о том, что служба постоянно включает чтение разных мест из Евангелия, Деяний и Посланий апостолов, Ветхого

[186] См.: *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.

Завета»[187]. Аргумент Громыко малоубедителен в силу того, что она не проводит различий между устным и печатным словом. Очевидно, что у человека, читавшего священные тексты, и у того, кто только слышал отдельные места из них, при прочих равных условиях формируются разные представления о религии как системе. С таким же успехом автор могла бы добавить, что иконы с фресками рассказывают о христианстве, а потому и службу посещать необязательно. Однако исключительно визуальное изучение религии, как и исключительно устное, без культуры письменного текста, не позволяет получить адекватное и глубокое представление о предмете. Не указывает Громыко и на значение апокрифической литературы, роли русского сектантства, сохранявшихся языческих представлений в сознании народа, что не позволяет сводить проблему крестьянской веры исключительно к православной обрядности. Ссылаясь на тенденциозные работы А.В. Буганова и приводя в качестве источника народное песенное творчество, Громыко обнаруживает высокий уровень национального самосознания крестьян, пронизанного патриотизмом: «Нетрудно заметить, — пишет автор, — что исторические представления и знания крестьян буквально пронизаны патриотизмом. С позиций интересов Отечества оцениваются события, деятели, отдельные поступки»[188].

Среди комплексных исследований крестьянской ментальности, закрепленных в традициях сельской повседневности, можно отметить монографию В.Б. Безгина «Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века)»[189], в которой, помимо описания земледельческих традиций, взаимоотношений крестьянства с разными уровнями власти, изучаются гендерные аспекты деревенской повседневности, структура крестьянской семьи и отношения между ее членами. В главе «Сельские пороки» автор пишет о пьянстве, плотских утехах, абортах и убийстве новорожденных, показывая, что, вытекая

[187] Там же. С. 112.

[188] Там же. С. 229.

[189] См.: *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов, 2004.

из реалий сельской жизни, они являлись вполне типичными ее явлениями. Отмечая патерналистскую основу народного восприятия верховной власти, Безгин оспаривает тезис В.П. Данилова о том, что к 1917 г. крестьянский менталитет стал республиканским, пишет о разочарованности крестьян в царской власти в начале XX в., подчеркивает также огромное значение православия в жизни русского крестьянина, но при этом подходит к вопросу с иной стороны: отмечает, что православность характеризовалась не знанием канонов и догм, а глубоко личной верой в бога. С одной стороны, констатируя сохранение языческих представлений и верований, а с другой — подчеркивая православную форму веры русских крестьян и считая, что она определялась не уровнем знаний о религии, а уровнем духовности (еще один абстрактный термин, затрудняющий познание предмета и уводящий исследователя в сторону), Безгин впадает в противоречие, которого можно было бы избежать, введя понятие «народное православие», которое он, тем не менее, сознательно отвергает. При этом автор признает, что православные традиции в процессе модернизации общества были подвергнуты сильной деформации.

Для многих современных работ на тему патриотических настроений 1914 г. характерен уход от социально-стратификационного принципа в сторону изучения психологического состояния общества в целом. Такой подход кажется тем более обоснованным, учитывая, что переживаемые людьми эмоции универсальны, не имеют социальной детерминированности. Кроме того, это позволяет допустить, что патриотические настроения во многом имели внешненаносной и мимолетный характер, обусловленный пропагандистскими акциями. Так, Д. Санборн, В.П. Булдаков пишут о праздничном, карнавальном эффекте патриотических манифестаций в июле 1914 г., которые не могли оставить равнодушными зрителей, завлекая случайных прохожих[190]. Массовый патриотизм, как правило, преподносится как общеевропейская тенденция,

[190] *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 203–206; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015. С. 32.

характерная для всех стран-участниц. Возникают попытки определить, какая же страна сумела особенно отличиться на этой почве. В коллективной «Истории первой мировой войны» под редакцией И.И. Ростунова авторы полагали, что основная масса российского общества не поддержала войны: «Ни в одной стране не было такого движения протеста против войны, как в России»[191]. Большинство современных отечественных исследователей также соглашаются с тем, что «летом 1914 г. в России не было того массового шовинистического психоза, который наблюдался на Западе», или что Россия «не достигла уровня немецкого организованного энтузиазма»[192]. Вероятно, сказались, с одной стороны, неразвитость институтов гражданского общества, а с другой — страхи российских властей перед стихийными общественными движениями — еще не была забыта картина массового рабочего протеста начала июля. При этом В.П. Булдаков в качестве российской особенности отношения к войне справедливо отметил повышенную тягу к асоциальному поведению (пьяные бунты и погромы)[193]. Заметим, что не случайно петербургский градоначальник в конце концов запретил проведение уличных патриотических манифестаций после того, как они все чаще начали приобретать черты хулиганских погромов — сказывалась инерция погромных акций рабочих. Вместе с тем Хубертус Ян обращает внимание на то, что, в отличие от Запада, в России патриотические манифестации носили кратковременный характер[194]. При этом исследователь также относит их к стихийным, непредсказуемым событиям, вызывавшим подозрения властей. Следует заметить, что современные

[191] История первой мировой войны... С. 228.

[192] *Тютюкин С.В.* Первая мировая война и революционный процесс в России… С. 240; *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне. (1914–1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М., 2014. С. 60.

[193] *Булдаков В.П.* Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. М., 2014. С. 17.

[194] *Ян Х.* Патриотический Петроград: культурная жизнь и массовые развлечения во время Первой мировой войны // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 388.

западные исследователи также считают сильно преувеличенными представления о патриотизме в Германии, Франции, Англии[195].

Тем не менее вопрос о распространении патриотических настроений в широких социальных слоях Российской империи остается дискуссионным. Советская историография исследовала не только тему «шовинистической заразы» в пролетарских рядах, но и динамику патриотизма среди буржуазии. В.С. Дякин выстраивал линеарную схему политических настроений либерально-буржуазных кругов: от «патриотического воодушевления» начального периода войны через чувство «патриотической тревоги» весны 1915 г. до «всеобщего недовольства царизмом» осенью 1916 г.[196]

Консервативно-настроенная часть общества искренне приветствовала царский манифест об объявлении войны. С.В. Тютюкин обозначил социально-групповые (классовые) различия в отношении к войне: «Угрюмое молчание народа красноречиво контрастировало с патриотической эйфорией, охватившей господствующие классы, часть интеллигенции, студенчества, городского мещанства, казачества. Основная же масса крестьян и рабочих восприняли войну как страшное стихийное бедствие»[197]. Большинство современных авторов, в том числе западные исследователи, соглашаются с данной формулой. Л. Хаймсон считает, что патриотизм был характерен в первую очередь для цензового общества, а если под его воздействие попадали рабочие, то исключительно в результате наступившей психологической растерянности и дезориентации[198]. Даже те историки, кто считает возможным говорить о патриотизме

---

[195] State, Society, and Mobilization in Europe during the First World War. Cambridge, 1997. P. 225; *Ferguson N.* The Pity War. L., 1998. P. 177; *Ziemann B.* War Experiences in Rural Germany. 1914–1923. Oxford, N.Y., 2007. P. 19–23.

[196] *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 70, 254.

[197] *Тютюкин С.В.* Первая мировая война и революционный процесс в России… С. 240.

[198] *Хаймсон Л.* Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 27.

как характерной составляющей массовых настроений лета 1914 г., признают отличия психологии различных социальных групп. О.С. Поршнева не сильно изменила вывод Тютюкина, записав, что «в звуках патриотического энтузиазма первого месяца войны голоса крестьянства слышно почти не было»[199]. Вместе с тем исследовательница хоть и говорит о гетерогенности массового сознания на начальном этапе войны, в целом характеризует российское общество как объединенное патриотическими идеями и эмоциями, отмечает, что вступление России в войну «вызвало мощный подъем патриотических настроений, охвативший *все общественные слои* (выделено мной. — В.А.) и регионы страны». Это противоречит ранее выдвинутому тезису о гетерогенности массового сознания[200]. Е.С. Сенявская также полагает, что в самом начале войны российскому правительству «удалось обеспечить общий патриотический подъем», который затем иссяк по причине ошибок пропаганды[201].

Н.В. Юдин рассматривает патриотический энтузиазм 1914 г. как результат длительного процесса складывания национальной идентичности, пишет о формировании «общественного консенсуса»[202], что вызывает целый ряд вопросов: неужели у российского дворянства, у российской интеллигенции до Первой мировой войны не сложилась национальная идентичность, как можно говорить об общественном патриотическом консенсусе в условиях, когда в публицистике высказывались диаметрально противоположные мнения о сущности патриотизма, не говоря уже об отрицательном отношении к войне части российского общества? Впрочем, Юдин изначально допускает грубую методологическую ошибку: вместо того, чтобы изучить голоса современников во

---

[199] *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 88.

[200] *Поршнева О.С.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185.

[201] *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. М., 1999. С. 171–172.

[202] См.: *Юдин Н.В.* Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. М., 2013.

всем их многообразии он пытается примерить к ним социологическую теорию – конструктивизм. Причем считает, что изучать нужно коллективные настроения, «присущие государствам» (sic!), а не обществу[203]. С помощью конструктивистской теории, признающей неоднородность коллективистских представлений, Юдин пытается снять противоречие своей гипотезы с разнообразным отношением к войне различных частей общества. По Юдину выходит, что единства патриотических настроений не было, но именно в этом и заключалось единство патриотических настроений.

Признание всеобщего патриотического энтузиазма со вступлением России в войну порождает противоречие с протестной активностью кануна войны по крайней мере рабочей среды. В этом случае пришлось бы признать некую волшебную метаморфозу, случившуюся с пролетариатом. Впрочем, некоторые историки поддаются искушению упростить психологическую атмосферу июля–августа 1914 г., не далеко уходя от ленинского тезиса о захватившей рабочих шовинистической заразе. Так, Н.В. Савинова наивно полагает: «Первая мировая война обусловила всплеск патриотических настроений среди населения Российской империи. В день ее объявления тысячи рабочих, которые еще накануне участвовали в революционных забастовках, направились по улицам различных городов с патриотическими манифестациями»[204]. Вместе с тем критичное отношение к источникам позволяет отделить исторические факты от патриотической пропаганды.

Н.М. Александров, исследующий настроения населения Костромской губернии, обращается к анкетам Костромского научного общества по изучению края, с помощью которых составители пытались «подметить то русло, по которому в связи с войной начинает течь жизнь народа». Историк в итоге приходит к выводу, что «в общественном сознании российской деревни в этот

---

[203] *Юдин Н.В.* Патриотический подъем в начале Первой мировой войны: конструктивистский ракурс // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №4(37). С. 18.

[204] *Савинова Н.В.* Антинемецкие настроения населения Российской империи в 1914–1917 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2, Вып. 2. С. 179.

период отсутствовали элементы, указывающие на ее нелояльность власти»[205]. Однако, во-первых, этот вывод противоречит массовым источникам — например, протоколам, составленным по обвинению крестьян в оскорблении императора, о которых речь пойдет ниже, материалам перлюстрации, а во-вторых, автор сам признается, что ответы дали лишь 8% респондентов. Очевидно, что нелояльно настроенные крестьяне опасались принимать участие в анкетировании, не говоря уже об основной массе неграмотного народа. В первую очередь именно грамотные участники анкетирования, бывшие объектом газетной пропаганды, зафиксировали свое отношение к войне и власти. В некоторых случаях и вовсе печатная пропаганда выдается за подлинные настроения. Так, Д.Г. Гужва патриотическо-пропагандистские публикации центральной прессы считает следствием роста патриотических настроений в обществе, не проводя при этом различий между публикациями известных общественных деятелей и политиков и настроениями рядовых подданных[206].

В.В. Крайкин использует рапорты жандармских чинов о прошедших в Орловской губернии патриотических манифестациях 17–21 июля и делает вывод о том, что большая часть населения восприняла начало войны с энтузиазмом[207]. При этом автор отмечает, что в последующие недели и месяцы подобных манифестаций не повторялось. В связи с этим было бы уместно задуматься об организации патриотических мероприятий членами правых партий, тем более что упоминаются косвенные признаки — хорошая обеспеченность манифестантов средствами визуального воздействия (царские портреты, хоругви); обращает на себя внимание деятельность представителей церкви,

---

[205] *Александров Н.М.* Общественное сознание сельского населения в начальный период Первой мировой войны / Россия в годы Первой мировой войны… С. 146.

[206] *Гужва Д.Г.* Военная печать как основное средство укрепления морального духа военнослужащих русской армии в годы Великой войны // Россия в годы Первой мировой войны… С. 574.

[207] *Крайкин В.В.* Начальный период Первой мировой войны в сознании провинциальных жителей (на материале Орловской губернии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 96. С. 52.

устраивавших молебны перед началом или по окончании патриотических актов. Однако Крайкин игнорирует подобные вопросы. Следует заметить, что жандармские отчеты являются специфическим источником, т.к. в некоторых случаях под давлением губернатора в них умалчивалось о тех или иных эксцессах, о чем, например, упоминает в воспоминаниях предводитель тверского дворянства П.П. Менделеев[208].

Особенный интерес к патриотической тематике наблюдался в работах отечественных авторов в 2014 г. Он был связан со столетней годовщиной начала Первой мировой войны, а также с известными международными политическими событиями. Вкупе и то, и другое приводило авторов к преувеличению патриотических настроений, лишний раз доказывая готовность части исторического сообщества интерпретировать события прошлого в современном ключе, навязывая им собственную логику. О.С. Поршнева очевидно идеализировала общественное сознание лета 1914 г., приписывая современникам, несмотря на свои прошлые куда более сдержанные оценки, характерные патриотические стереотипы: «Религиозный подъем, жертвенность, преодоление эгоизма во имя общих интересов были одними из проявлений духовной атмосферы начала войны… В полной мере эти настроения проявлялись и в России, имея такие поведенческие измерения, как участие в мобилизации, добровольческом, благотворительном движении»[209]. Следует заметить, что попытка доказать высокий патриотический подъем добровольчеством и участием населения в благотворительности является весьма распространенным приемом, хотя западные авторы настроены тут более скептично. Так, Хью Стрэчен, говоря о благотворительности, не считает ее достаточным доказательством массового распространения патриотизма, противопоставляя патриотизм и гуманизм, а

[208] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни. Обрывки воспоминаний: 1864-1933. М., 2017. С. 318-319.

[209] *Поршнева О.С.* Эволюция общественных настроений в России в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1917 г.) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918… С. 136.

также отмечает стремление благотворителей к получению за свою деятельность определенных преференций[210]. Некоторые молодые люди (артисты, художники, поэты) занимались благотворительностью, жертвуя собранные с концертов деньги различным комитетам, избегая тем самым мобилизации[211].

И.Б. Белова, исследовавшая патриотические настроения на материалах Калужской и Орловской губерний, выводит их из участия населения в мобилизации: «Мобилизационные мероприятия 1914 г. в регионе, как и по всей стране, прошли организованно, чему, без сомнения, способствовал общий подъем патриотических настроений»[212]. При этом имевшие место случаи пьяных бунтов, в котором участие принимали как мобилизованные, так и местное население, не попавшее под призыв, она считает «не носящими массового характера» и не противоречащими тезису о высоком патриотизме ввиду того, что они не имели в своей основе пораженческих настроений. Однако иных взглядов придерживается Д. Санборн, считающий, что пьяные бунты новобранцев выходили за рамки простого поиска алкоголя, а помимо прочего означали протест против войны[213]. Вероятно, точка зрения Санборна ближе к истине: конечно, пьяные беспорядки не были формой антивоенных выступлений, так как мобилизованные в своей массе фаталически воспринимали призыв на войну, однако они являлись формой протеста против власти, нарушавшей сложившиеся традиции проводов новобранцев. Повсеместно погромщики вступали в столкновения с полицией, повторяя сценарии периода рабочей революционной борьбы. В некоторых местностях вышедшие из-под контроля толпы

---

[210] *Стрэчен Х.* Культуры патриотизма в Европе времен Первой мировой войны // Культуры патриотизма в период Первой мировой войны: сборник статей. СПб., 2020. С. 17.

[211] См.: *Морфесси Ю.* Жизнь, любовь, сцена: воспоминания русского баяна. Париж, 1931.

[212] *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция: 1914 — февраль 1917 гг. По материалам Калужской и Орловской губерний. Дисс. … канд. ист. наук. Калуга, 2007. С. 231.

[213] *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 208–209.

мобилизованных от погрома винных складов перешли к погрому помещичьих имений. Более подробно особенности проводившейся мобилизации и пьяные беспорядки мы рассмотрим ниже.

Санборн не считает возможным вести речь о «всеобщем патриотическом подъеме» и, в частности, критикует Е.С. Сенявскую и Х. Яна за то, что они используют слишком узкую источниковую базу и не включают события, подобные пьяным беспорядкам, в более широкий контекст. Санборн пытается структурировать общественные настроения по поводу войны и выделяет три распространенных типа реакций: 1) частные реакции на угрозу войны и трудности, которые она влекла за собой; 2) гласная общественная поддержка; 3) активное общественное неприятие[214]. При этом сам автор явно переоценивает степень гражданского самосознания российского крестьянства и его сознательность в деле неприятия войны, оспаривая распространенный тезис о том, что российскому крестьянству не хватало национальной самоидентификации. Все же большинство современных авторов соглашаются с тем, что «начало войны было воспринято широким общественным мнением как свершившийся факт, как данность, однако происхождение большой войны и преследуемые в ней цели массой российского населения так и остались непонятыми… Учитывая уровень гражданского сознания, культуры и образованности народных масс, трудно было рассчитывать на осмысленное и мотивированное отношение большинства к войне»[215].

Е.Ю. Семенова на материалах Поволжья отмечает, что мобилизация влияла на формирование неблагоприятных условий для жизни горожан, выступала конфликтным фактором. Не отрицая в целом патриотических настроений в Поволжье, исследовательница отмечает отдельные проявления антивоенных

[214] Там же. С. 206.

[215] *Гребенкин И.Н.* «За что воюем?» Национальные интересы и цели России в общественном восприятии // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной науч. конф. М., 2014. С. 44.

настроений[216]. Тем не менее Семенова вслед за О.С. Поршневой склонна выстраивать упрощенно-линейную периодизацию патриотических настроений, плохо коррелирующую с массовыми источниками, ссылаясь, например, на адреса с выражением верноподданнических чувств и подцензурную периодику (и не подвергая эти источники критике) как на главные аргументы всеобщего патриотического подъема[217]. Тем не менее даже несмотря на изначальную политическую ангажированность такого источника, как верноподданические адреса, их содержание в период 1914-1916 гг. обнаруживает некоторую эволюция: губернский предводитель тверского дворянства П.П. Менделеев вспоминал, что с осени 1915 г. в них стали включаться определенные «пожелания»[218].

Изучая патриотическую деятельность на Дальнем Востоке, Т.Я. Иконникова обратила внимание, что хотя начало войны с Германией стало неожиданностью для местного населения, которое полагало, что очередная война непременно должна быть с Японией, оно почти мгновенно включилось в мощные патриотические акции, «показавшие стремление поддержать царя»[219]. Вместе с тем автор указывает и на стремление части населения уклониться от военного призыва, что плохо коррелируется с ее предыдущими обобщениями. Е.Д. Борщукова постаралась выявить разные оттенки патриотических настроений и указала на два их вида: «патриотизм государственный, связанный с осуществлением политики Российской империи, и народный, возникший на волне противодействия вражескому вторжению на земли нашей страны», а также справедливо обратила внимание, что «архаика общественных отношений налагала определенные особенности на формирование патриотических

---

[216] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012. С. 116.

[217] Там же. С. 639-641.

[218] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 348.

[219] *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл в годы Первой мировой войны, 1914–1918. Дисс… канд. ист. наук. Хабаровск, 1999. С. 399.

настроений населения страны». Исследовательница пришла к спорному выводу, что патриотизм являлся мощным мобилизующим фактором и улучшал боевой потенциал армии[220]. Однако последний вывод противоречит тезису о сохранении архаичных форм сознания, ставших частью патриотических настроений, так как они мешали консолидации общества, понижали и боевой потенциал русской армии. Общая ошибка авторов, рассуждающих о патриотизме в 1914 г., — недостаточное использование массовых источников, позволяющих вскрыть пласты массового сознания широких слоев населения. Как будет подробнее показано в дальнейшем, архаичные формы сознания способствовали формированию коллаборационистских настроений среди крестьян уже в первые месяцы войны. Одна из причин — несоответствие народных, патерналистских представлений о царе образу Николая II, которого народная молва лишала волевых качеств. Как верно заметил Б.И. Колоницкий, «в основе антимонархических настроений многих современников лежала патриархальная, по сути монархическая ментальность: императору в вину вменялось то, что он не был „настоящим“ царем»[221]. В.П. Булдаков вместо «патриархальной ментальности» предпочитает употребление термина «патернализм», но обращает внимание на скрытый в нем потенциал архаичного бунтарства, а также на «латентный конфликт между „городской“ (чиновничьей, предпринимательской, „барской“) и „сельской“ (традиционной) культурами», который в условиях войны приобретал антивоенную и антиправительственную направленность[222].

Амбивалентность патриотических настроений подразумевает неоднозначность не только отношения к войне или власти, но и соотношения таких

---

[220] *Борщукова Е.Д.* Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны. Автореферат дисс… канд. ист. наук. СПб., 2002.

[221] *Колоницкий Б.И.* К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999. С. 86.

[222] *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015. С. 332.

понятий, как «власть» и «отечество». Патернализм предполагает их отождествление, в то время как более развитое гражданское сознание — разделение. Вместе с тем С.В. Тютюкин настаивал на том, что в значительной части российского общества понятия «власть» и «отечество» были отделены друг от друга[223]. Можно согласиться, что в крестьянском сознании это происходило в процессе десакрализации царской власти, кризиса патриархально-патерналистского сознания. С.В. Леонов рассматривает патриотические настроения 1914 г. в условиях, когда «традиционный патриотизм» переживал кризис, а новый «гражданский патриотизм» только формировался[224]. При этом автор хоть и считает имеющиеся в источниках (прежде всего материалах перлюстрации) свидетельства в пользу отсутствия в российском обществе патриотизма авторскими преувеличениями, тем не менее вслед за Тютюкиным отмечает, во-первых, прагматический характер крестьянского патриотизма («Ежели немец прет, то как же не защищаться?»), а во-вторых — его изначальную обреченность на затухание вследствие разрушения лежащих в его основе традиционных ценностей (монархизма, православности и пр.)[225]. Булдаков предпочитает начинать разговор о патриотизме (который он берет в кавычки) не с социально-групповых или идеологических отличий, а индивидуально-психологических, обращая внимание, что в одном человеке может умещаться несколько уровней патриотизма (естественного, т. е. природного, и противоестественного), способных к своеобразным метаморфозам: «Не приходится сомневаться, что в основе всякого патриотизма лежит естественное ощущение неразрывной — по месту рождения и взросления — связи с определенной

---

[223] *Тютюкин С.В.* Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 240.

[224] *Леонов С.В.* Эволюция массового сознания в России в Первую мировую войну // Россия в мировых войнах XX века. Материалы научной конференции. М.; Курск, 2002. С. 61–73.

[225] Там же. С. 67.

культурной средой. Всякий человек — „природный“ патриот. Однако при известных условиях патриотическое чувство может испытывать противоестественные метаморфозы»[226].

В западной и отечественной историографии постепенно начинает преобладать скептическое отношение к тезису о высоком энтузиазме широких слоев населения в связи с началом войны[227]. К тем же выводам приходит и Н. Фергюсон относительно настроений британцев, французов, отмечая присутствующий милленаристский страх и отчаяние: «Да, на улицы вышло множество людей, однако неверно приписывать им исключительно “воодушевление” или “эйфорию”. В той ситуации отчаяние, тревога и даже милленаристские страхи были обычной реакцией»[228]. В.П. Булдаков соглашается с данной позицией, отмечая, что людьми во время массовых акций часто руководил «не столько патриотический энтузиазм, сколько потребность заглушить испуг»[229]. При этом исследователь дополняет тему эсхатологических настроений, когда пишет о присутствии в определенных кругах интеллигенции ощущения «оптимистического апокалипсиса», связанного с надеждами на то, что война приведет эпоху Просвещения к своему логическому итогу — наступлению века Разума, Прогресса, Счастья[230]. Д. Санборн, пытаясь понять психологические мотивы участия людей в массовых патриотических акциях, приходит к выводу, что жители небольших провинциальных городов просто не могли проигнорировать организованные шествия, которые стали частью новой

[226] *Булдаков В.П.* Август 1914-го: природа «патриотических» настроений // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 4. С. 18.

[227] *Шенк Ф.Б.* «Августовское переживание»: начало Первой мировой войны как поворотный пункт немецкой истории // Новое литературное обозрение. 2012. № 116; *Verhey J.* Der «Geist von 1914» und die Erfindung der Volksgemeinschaft. Hamburg: Hamburger Edition, 2000. S. 86, 130, 156.

[228] *Фергюсон Н.* Горечь войны. М., 2019. С. 211.

[229] *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию… С. 33.

[230] *Булдаков В.П.* Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной науч. конф. М., 2014. С. 12.

городской повседневности, приметой нового времени, пришедшей на смену рутинным заботам прошлого: «Трудно представить, как многие жители… могли остаться дома и заниматься стиркой белья в самый волнующий день года, независимо от того, что думали о войне»[231].

Несколько особняком стоят исследования политических настроений представителей российской творческой интеллигенции. Долгое время главным классическим трудом советского «интеллигентоведения» оставалась работа В.Р. Лейкиной-Свирской «Русская интеллигенция в 1900–1917 годах», изданная в 1981 г. Исследование продолжало и дополняло монографию 1971 г. «Интеллигенция в России во второй половине XIX в.», в нем появилась новая глава о русских художниках. Описывая материальные трудности, с которыми сталкивались русские художники рубежа XIX–XX вв., в том числе конфликты внутри Академии художеств, Лейкина-Свирская создавала в соответствии с традицией классового подхода некий образ пролетария художественного труда и тем самым обращала внимание на накапливавшиеся противоречия между творческой интеллигенцией и самодержавием. Одной из особенностей развития русского искусства исследовательница считала как постоянную борьбу с навязываемой государством бюрократической системой, так и борьбу за новые жанры и направления. Вместе с тем анализ складывавшихся направлений проведен не был, а среди художников 1900–1917 гг. ни разу не было названо ни одного имени представителя русского авангарда (исследовательница явно отдала предпочтение передвижникам и «мирискусникам», а из «нового направления» вскользь упомянула К.С. Петрова-Водкина, З.Е. Серебрякову, К.Ф. Юона). При этом Лейкина-Свирская считала, что в некоторых случаях живопись сильнее отражала «демократические идеи и эмоции», чем подцензурная литература, но заявляла, что «политическое сознание массы художников отставало от темпа революционных событий»[232]. Несмотря на

[231] *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников… С. 206.

[232] *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 171, 175.

заявленные хронологические рамки, Лейкина-Свирская проигнорировала период Первой мировой войны в самоорганизации и творческом наследии художников.

То, что недооценивала советская историография, привлекало внимание западных исследователей. В 1950–1980-х гг. С. Томпкинс, М. Малиа, А. Безанкон, Дж. Бурбанк, Р. Хингли пытались понять роль российской интеллигенции в революции 1917 г.[233] Однако и в этом случае исследования за редким исключением велись вне контекста создаваемой творческой интеллигенцией системы образов, так как преимущественно речь шла об интеллектуальной, а не художественной продукции. Тем не менее в последнее время ученые все активнее привлекают художественные произведения для реконструкции массового сознания эпохи[234]. В этом контексте возникает проблема перевода языка: образы, символы эпохи складываются в тексты, формирующие новые значения. Новый подход к дискурсивным практикам прошлого, отраженным в вербальных и визуальных актах коммуникации, присутствует в исследованиях Х. Яна, Б. Колоницкого, О. Файджеса, М. Стейнберга[235]. М. Стейнберг обратил внимание на произошедший методологический поворот: если социальные историки старой школы обращали внимание на язык эпохи как отражение социальных, экономических, политических реалий, то историки нового

[233] *Tompkins S.R.* The Russian Intelligentsia: Makers of the Revolutionary State. Norman, 1957; *Malia M.* What is the Intelligentsia // The Russian Intelligentsia / Ed. R. Pipes. New York; London, 1961; *Besancon A.* The Intellectual Origins of Leninism. Oxford, 1981; *Hingley R.* Nightingale fever: Russian poets in revolution. New York, 1982; *Burbank J.* Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922. New York; Oxford, 1986.

[234] См.: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017.

[235] *Jahn H.* Patriotic culture in Russia during World War I. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1995; *Figes O., Kolonitsky B.* Interpreting the Russian revolution: the language and symbols of 1917. New Haven; London, 1999; *Steinberg M.* Voices of Revolution, 1917. New Heaven; London: Yale University Press, 2001.

направления воспринимают язык как непосредственный предмет исследования, самодостаточный феномен[236].

Визуальному искусству периода мировой войны посвящена монография А. Коэна «Воображая невообразимое: мировая война, искусство модерна и политика массовой культуры в России, 1914–1917»[237]. Автор небезосновательно считает, что Первая мировая война оказала большее влияние на российское искусство, чем революция, так как считает ее не просто прологом к 1917 г., а важным этапом переоценки подданными российской империи политических, социальных и культурных ценностей[238]. Говоря о массовом визуальном искусстве, нельзя не упомянуть монографию немецкого историка Хубертуса Яна «Патриотическая культура в России периода Первой мировой войны»[239]. В ней речь идет о «низком» искусстве, причем литературный жанр не рассматривается автором, который ограничивается изучением визуальной продукции (лубок, карикатура, плакаты, открытки), театрального искусства и кинематографа. Историк пишет о необходимости изучения «мира образов» и тех значений, которые этот мир формировал, подчеркивает большой потенциал визуальных источников, однако на практике Ян слишком осторожно подходит к анализу визуального, что оборачивается описательностью. Вместе с тем работа содержит ценные заключения. Одним из важных тезисов является констатация культурной конвергенции представителей разных социальных групп как следствия воздействия на зрителей разнообразной визуальной пропаганды[240].

---

[236] *Steinberg M.* Voices of Revolution… P. 4.

[237] *Cohen A.* Imagining the Unimaginable: World War, Modern Art, and the Politics of Public Culture in Russia, 1914–1917. Lincoln; London: University of Nebrasca Press, 2008.

[238] Ibid. P. 1, 4.

[239] *Jahn H.* Patriotic culture in Russia during World War I. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1995.

[240] Ibid. P. 83.

В отечественной историографии одной из немногих работ последнего времени, посвященных художественной интеллигенции, является монография И.В. Купцовой «Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны», в которой значительное внимание уделено именно представителям изобразительного искусства[241]. Купцова, по сравнению с Лейкиной-Свирской, существенно расширяет методологическую и источниковую базу исследования, учитывает как общественную деятельность, повседневную жизнь, так и творческие поиски художественной интеллигенции 1914–1916 гг., не выходя при этом за ограничительные рамки сложившейся исторической традиции изучения данной социальной группы вне контекста анализа созданных ею произведений. Исследовательница, в отличие от Коэна, обращает внимание на неоднозначное отношение художественной интеллигенции к войне, выделяя две условные группы: «патриоты» и «пацифисты». При этом Купцова делает важное наблюдение, что большинство деятелей искусств восприняли войну не в международно-политическом, а в цивилизационном аспекте: как столкновение двух культур Запада и Востока[242]. В последнее время историки все чаще обращаются к творческой интеллигенции и создаваемым ими образам с целью реконструкции социально-психологической атмосферы эпохи[243].

Следует обратить внимание на исследования повседневности городских и сельских слоев в период Первой мировой войны и революции 1917 г.[244]

---

[241] *Купцова И.В.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.). СПб., 2004.

[242] Там же. С. 36.

[243] См.: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017; *Аксютин Ю.В., Гердт Н.Е.* Русская интеллигенция и революция 1917 года: в хаосе событий и в смятении чувств. М., 2017.

[244] См.: *Патраш Н.В.* Повседневная жизнь населения псковской губернии в условиях Первой мировой войны (по материалам судопроизводства) // Псковский исторический вестник. Вып. 2.С. 41 – 45: *Зезегова О.И.* Повседневная жизнь интеллигента в годы Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь России XVII-XX вв. (К столетию начала

Повседневный уровень сознания пока еще недооценен в исследовательской литературе, вместе с тем в социально-политической активности нередко политические позиции субъектов оказывались вторичными относительно бытовых забот, повседневное определяло политическое. Однако часто общим недостатком работ по истории повседневности оказывается уход в описательность и узкий локализм, лишающий их научной аналитики. В некоторых случаях авторы и вовсе оказываются не в состоянии осмыслить собранный материал и выдают компиляцию газетных сообщений вперемешку с собственным текстом[245].

Таким образом, историографический анализ показывает, что в современных исследованиях все еще жив миф о «всеобщем патриотическом энтузиазме» россиян летом 1914 г., при этом большинство исследователей соглашаются с постепенным «выветриванием» патриотических настроений и революционизации общества к 1917 г. Главным недостатком большинства работ, за

Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. СПб., 2014. С. 265-270; *Синова И.В.* Повседневная жизнь детей в условиях Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь России XVII-XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. СПб., 2014. С. 487-492; *Запорожцева О.Г.* Повседневная жизнь Российской провинциалки в период Первой мировой войны // Семья. Общество. Государство: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Ставрополь, 2014. С. 152-159; *Дубровская Е.Ю.* Повседневная жизнь российских военных в Финляндии в годы Первой мировой войны // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. С. 83-98; *Джумига Е.Ю.* Чутки як ментальна складова повсякденного життя мешканців одеси в період Першої світової війни (1914-1917 гг.) (Слухи как ментальная составляющая повседневной жизни жителей одессы в период Первой мировой войны (1914-1917)) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. №35. С. 98-101.

[245] *Руга В., Кокорев А.* Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011.

исключением монографий О.С. Поршневой[246], Б.И. Колоницкого, В.П. Булдакова, А.Б. Асташова, в которых поднимается проблема массовых настроений, оказывается неиспользование массовых источников, что не позволяет объективно исследовать проблему. Несмотря на присутствие социально-психологической проблематики в историографии Первой мировой войны и революции до сих пор не проведено комплексное и разноуровневое исследование общественных настроений, включая их «действенный» уровень, идейно-концептуальную составляющую, политическую символику, уровень слухов, образов и проч., который бы позволил лучше понять механизм самоорганизации общества в кризисные времена.

2. Источники изучения общественных настроений. Проблемы классификации и критики

Изучение массовых настроений общества ставит перед исследователем задачу подбора такой источниковой базы, которая отразит все многообразие индивидуальных переживаний, чувств, эмоций современников и позволит выявить не только частные, но и общие характеристики. Очевидно, что это возможно лишь при привлечении максимального количества разных типов исторических источников: помимо традиционных письменных документов – визуальных, устных, поведенческих (обряды и ритуалы, коллективные и индивидуальные действия). При этом особенную актуальность в рамках настоящего исследования представляют те, которые можно отнести к массовым.

Следует напомнить, что в источниковедении нет единства определения массового источника. Б.Г. Литвак, И.Д. Ковальченко, А.К. Соколов

[246] При этом если О.С. Поршнева в монографии 2004 г. «Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны» давала весьма сдержанные оценки патриотическим настроениям 1914 г., то в последующих работах она попала под влияние источников, относящихся к патриотической пропаганде, что в некоторой степени перечеркнуло ее заслуги работы с массовыми документами.

предлагали разные определения. Так, Литвак считал одним из важных критериев массового документа ординарность его происхождения (т.е. связь с повседневностью обывателей), при этом несколько ограничивал данный вид наличием стандартизированного формуляра[247]. Ковальченко главное внимание уделял не столько форме массовых документов, сколько их отражению «сущности и взаимодействия массовых объектов», т.е. процессов и явлений общественной жизни[248]. А.К. Соколов, отмечая условность противопоставления массовых источников и уникальных, считал более точным определение массовых источников как «массовых объектов, отражающих системные характеристики исторических явлений и процессов», с помощью которых становится возможным «исторический конструктивизм»[249]. С этой точки зрения Соколов допускал рассмотрение в качестве массовых источников произведения литературы и искусства в случаях, когда к ним применяется структурный анализ.

Настоящее диссертационное исследование, включающее максимально широкий спектр источников разного типа и видов, основывается в первую очередь на тех, которые обладают признаками массовых: являясь результатом повседневных практик отражают характерные, повторяющиеся черты эпохи. К таковым следует отнести материалы перлюстрации (по гражданскому ведомству хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде № 102 Министерства внутренних дел, опись № 265, а также письма с фронта из Российского государственного военно-исторического архива, фонда военной цензуры при главном почтамте в Петрограде № 13838, опись № 1, в общей

---

[247] *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. С. 7.

[248] Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979. С. 6.

[249] Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. Под ред. А.К. Соколова. М. 2004. С. 448.

сложности насчитывающие более 100 000 документов[250]), протоколы дознаний обвиняемых в оскорблении представителей правящей династии в соответствии со ст. 103 Уголовного Уложения (дела из фондов губернских жандармских управлений Государственного архива Российской Федерации, а также доклады по министерству юстиции из фонда № 1405, описи № 521, дела № 475 и 476 Российского государственного исторического архива, в общей сложности около 1500 дел), анонимные доносы в Департамент полиции МВД, а также визуальные документы – лубочные картинки и плакаты (коллекция из фонда Изобразительного отдела Российской государственной библиотеки, коллекция из фонда Государственной публичной исторической библиотеки России, собрания Государственного центрального музея современной истории России, около 500 изображений[251]), иллюстрированные почтовые открытки (коллекция из фонда Изобразительного отдела Российской государственной библиотеки, более 500 единиц). Из визуальных источников необходимо отметить и журнальные иллюстрации, в том числе карикатуры, содержавшие в себе повторяющиеся, характерные для разных художников образы.

Среди перечисленных источников особое положение в настоящем исследовании занимают сведения по министерству юстиции о нарушениях ст. 103 Уголовного уложения. Они интересны в нескольких аспектах. Во-первых, будучи собранными в соответствии с высочайшим повелением от 10 февраля 1916 г. с целью ограничить привлечение к уголовной ответственности за оскорбление царя и членов императорской семьи, они представляют собой коллекцию сведений, отражающих характерные, массовые практики

[250] Частично эти документы опубликованы в книгах: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. К.А. Соловьев. М., 2014; Письма с войны 1914-1917 / Сост. А.Б. Асташов, П.А. Симмонс. М., 2015.

[251] Коллекция из собрания ГЦМСИР опубликована в двухтомнике «Лубочная картинка и плакат периода Первой мировой войны. 1914 — 1918 гг.» В 2 т. М., 2014; коллекция ГПИБ выложена на сайте http://vvpmv.shpl.ru/

населения. Во-вторых, сведения об обвиняемых включают в себя указание пола, возраста, сословной принадлежности, религиозных взглядов, семейного статуса, грамотности человека, что, в случае применения квантитативного анализа, позволяет составить портрет среднестатистического хулителя власти. В-третьих, содержащаяся информация об избранной мере пресечения или наказании показывает существовавшие судебно-репрессивные практики властей (например, зависимость тяжести наказания от национальной принадлежности обвиняемого). В-четвертых, данный вид источника включает в себя эхо документов иных двух типов – устных источников (в протоколах обвинений упоминаются характерные разговорные выражения, фразеологические обороты, матерная лексика) и фольклорных материалов (нередко обвиняемые пересказывают распространенные слухи, в которых обнаруживается сказочно-фольклорный пласт).

Следует заметить, что дела по статье 103 давно привлекают внимание исследователей главным образом тогда, когда речь заходит о массовых настроениях крестьян, так как именно они чаще представителей других сословий становились фигурантами процессов (о причинах этого будет сказано ниже). Вместе с тем далеко не всегда используется весь потенциал этого исторического источника. Чаще всего цитируются отдельные высказывания крестьян о власти в подтверждение тезиса о дискредитации правящей династии в глазах простого народа. Реже обращается внимание на контекст, обстоятельства, приведшие к нарушению статьи 103, и тем более на анализ документов с источниковедческой точки зрения. Одним из первых исследований указанных дел в качестве исторического источника стала статья Л.М. Иванова, в которой он, разбирая оскорбительные высказывание крестьян в годы русско-японской войны, отметил важность подобных материалов для изучения настроений и политических взглядов сельских жителей[252]. Иванов заметил, что этот исторический

[252] *Иванов Л.М.* Дела о привлечении крестьян к ответственности по статьям 103 и 246 как источник для изучения крестьянских настроений кануна первой русской революции // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VIII. С. 119–134.

источник раскрывает «целый мир крестьянского сознания: здесь и наивная вера в царя, и озлобление против него за то, что он не дает земли, и ожидание „мятежа“, который приведет, наконец, к тому, что земля перейдет в руки крестьян»[253]. Сравнивая выявленные Ивановым особенности массового сознания крестьян, можно обратить внимание на стереотипные практики мышления и поведения, характерные для периодов Русско-японской и Первой мировой войн: отрицательное отношение к мобилизации, непонимание причин войны и попытки домыслить их на доступном для себя уровне, роль слухов в информационном пространстве русской деревни, дискредитация царя, усиление конфликтов с помещиками, которые воспринимаются в качестве изменников, и пр. Тем не менее статью Иванова едва ли можно назвать полноценным источниковедческим исследованием, так как в ней не затрагивался ряд важных вопросов, например степень репрезентативности этой группы документов. К делам по статье 103 из докладов министру юстиции обратилась О.С. Поршнева, которая выделила несколько типов крестьянских высказываний, обращая внимание на аргументированные, повторявшиеся не менее трех раз[254]. Тем самым были отделены типичные характеристики власти от случайных, нетипичных, что позволяет вести речь о массовом сознании. Вместе с тем внимание только к аргументированным суждениям сужает исследовательский фокус анализом осознанных и артикулированных характеристик как элементов политического сознания, оставляя за его границами случайные эмоциональные высказывания как элементы настроений. Представляется, что сочетания осознанных, рациональных высказываний с неосознанными, иррациональными выражениями своих чувств (как вербальными, так и невербальными, например жестами, упоминавшимися в протоколах) составляют одну из уникальных особенностей данных исторических документов.

Наиболее полный на сегодня источниковедческий анализ дел по нарушениям статьи 103 Уголовного уложения за 1914–1916 гг. проведен в

[253] Там же. С. 125.

[254] *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России… С. 100.

монографии Б.И. Колоницкого[255]. Так, исследователь перечислил наиболее типичные ситуации, при которых звучали оскорбления в адрес представителей династии («случайные», «карнавальные», «конфликтные» и др.), использовал квантитативный анализ с целью выявления динамики оскорблений по годам в отдельных местностях, выяснения мест, где чаще всего звучали обсценные высказывания (10% в 1914 г. были зафиксированы в присутственных местах), какие эпитеты, которыми награждали власть, были наиболее распространенными, а также определения наиболее распространенных объектов критики. Среди последних по частоте упоминаний следовали: император Николай II, великий князь Николай Николаевич, вдовствующая императрица Мария Федоровна, императрица Александра Федоровна[256]. В отличие от Поршневой, Колоницкий учитывал каждый случай оскорбления императора, но также обращал внимание на повторяемость высказываний и сюжетов. Дискутируя с В.Б. Безгиным, отметившим, что чаще всего оскорбления царя носили пьяный характер и звучали в трактирах, Колоницкий пишет о том, что по мере приближения к 1917 г. обсценные высказывания становились все более «трезвыми». При этом автор отметил и ограничения, налагаемые данным материалом: характер фиксации правонарушения и смягчение правоприменительной практики в феврале 1916 г. не позволяют выстроить график динамики оскорблений по годам в масштабах всей империи. Впрочем, этот недостаток может быть восполнен иными историческими источниками. В любом случае территориальный охват и распространенность определенных высказываний о власти, а также имеющееся количество зафиксированных фактов позволяют считать их массовыми и использовать для изучения массового сознания в качестве выборки.

Несмотря на указанные достижения по изучению данной группы источников их потенциал все еще не раскрыт в полной мере. Представляется актуальным дальнейшее изучение дел по статье 103, и в первую очередь самих

[255] См.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»…

[256] Там же. С. 70.

высказываний крестьян с привлечением квантитативного (исследование, например, половозрастной структуры обвиняемых), семиотического (изучение тех или иных слов и образов как знаков, отсылавших к архетипическому или иному уровням сознания), дискурсивного (рассмотрение высказываний как системы значений, характеризующейся интертекстуальностью и формирующей определенные практики) и других анализов.

Другим важным источником выступают материалы перлюстрации, также давно привлекаемые разными исследователями. З.И. Перегудова, В.С. Измозик, В.В. Шелохаев и К.А. Соловьев отмечают планомерный и массовый характер перлюстрации частной корреспонденции, указывается, что ежегодно в Российской империи перлюстрировалось 380 000 писем, из которых делалось 8000 – 10 000 выписок[257]. Следует заметить, что хотя в ряде случаев цензоры получали указания, за чьей именно перепиской необходимо следить (под контролем оказывались студенты, вовлеченные в оппозиционную деятельность, известные политики, представители духовенства), вскрывались письма и по случайному принципу, благодаря чему перлюстрированную корреспонденцию можно рассматривать в качестве репрезентативной выборки, отражающей массовые настроения. Тем не менее, очевидны отличия в политических высказываниях, содержащихся в частной переписке, от тех, которые зафиксированы в уголовных делах по ст. 103 в плане меньшей грубости, эмоциональности и критической направленности против верховной власти. Однако объяснение этому простое: во-первых, фигурантами уголовных дел по ст. 103 становились преимущественно неграмотные в правовом отношении крестьяне, в то время как участники переписки большей частью относились к образованным слоям населения; во-вторых, адресанты знали о вероятности вскрытия их

[257] *Перегудова З.И.* Политический сыск в России. 1880-1917 М., 2013; Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. К.А. Соловьев. М., 2014; *Измозик В.С.* «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII - начало XX века. М., 2015.

писем, в результате чего тщательно подбирали слова, иногда использую Эзопов язык (в других случаях прибегали к шифрованию писем). В некоторых письмах периода Первой мировой войны встречается риторический прием обращения к цензору, затрагивая какой-то политический сюжет адресант как будто спрашивает санкцию у цензора упомянуть об этом, делая его как бы соучастником дискуссии. В этом смысле тексты частных писем цензового времени требуют определенного умения читать между строк, анализировать содержащуюся информацию в контексте актуальных событий. Пересказывая слухи об августейших особах, современники не называли имен, но подбирали характерные существительные, по которым становилось ясно, о ком именно шла речь. Так, например, Г. Распутин нередко фигурировал как «известное лицо» (впрочем, в зависимости от контекста, под «лицом» мог скрываться и какой-либо другой известный персонаж). В письме Н.С. Мальцева от 10 февраля 1917 г. к княгине Е.Д. Шаховской, в котором речь шла об императрице Александре Федоровне и ее сестре Елизавете, адресант называл последнюю «вдова моего покойного друга», а саму императрицу именовал «сестрой»[258].

Изучая настроения низших слоев общества, в первую очередь крестьян, необходимо обратить внимание на любопытный источниковедческий парадокс: если массовые источники, отразившие их настроения, позволяют говорить о процессах десакрализации монархии и даже фиксируют коллаборационистские настроения, то материалы перлюстрации солдатских писем (тех же крестьян) по военному ведомству рисуют в первые месяцы войны патриотическую атмосферу. А.Б. Асташов обращает внимание, что цензурные отчеты о настроениях в русской армии опровергают тезис советской историографии о том, что новобранцы якобы изначально не хотели воевать[259]. Впрочем, автор отмечает, что военные цензоры даже в январе 1917 г. описывали настроения

[258] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 33.

[259] *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 — начале 1917 г.: военный опыт и современность. М., 2014. С. 114.

солдат как бодрое, ставя под сомнение репрезентативность этого источника[260]. Тем не менее в солдатских письмах не содержится критики верховной власти, которая в мягкой форме присутствует в материалах перлюстрации по гражданскому ведомству, отражается в заведенных на крестьян уголовных делах за оскорбление членов императорской фамилии. В воспоминаниях офицеров также имеются свидетельства распространенности среди солдат оскорбительных для представителей династии слухов[261]. Некоторые солдаты, возвращавшиеся в свои деревни в отпуска, часто принимались ругать власть и правительство, чего, возможно, не позволяли себе в окопах. Вероятно, для объяснения этой особенности необходимо иметь в виду два фактора. Во-первых, солдатские письма чаще всего для отправки по почте подавались офицерам в незапечатанном виде — было хорошо известно, что их выборочно будет просматривать военный цензор. Князь В.А. Оболенский вспоминал, что сестры и санитары писали письма под диктовку неграмотных солдат: «Целые ворохи этих писем ежедневно сдавались на почту, минуя полковую цензуру… И тогда, когда военные корреспонденты в пышных фразах воспевали геройский дух русской армии…, мы в отряде их сотен и тысяч солдатских бесхитростных писем узнавали, что все это лишь словесная мишура, что солдаты устали от войны и жаждут мира, мира немедленного, на любых условиях, только бы вырваться из окопного ада и вернуться в свои деревни, к своему хозяйству, к своим семьям»[262]. Во-вторых, оказавшийся на фронте вчерашний крестьянин приобретал новую психологию комбатанта, которая предполагала адаптацию к чрезвычайным условиям военной повседневности. Для выживания в этих условиях необходимо было стать частью армейского коллектива, переняв соответствующую коллективную психологию, основанную на позитивных категориях.

[260] Там же. С. 124–125.

[261] Три брата (То, что было): Сборник документов / Сост., авт. предисл. и коммент. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова. М., 2019. С. 439.

[262] *Оболенский В.А.* Моя жизнь и мои современники: Воспоминания. 1869-1920. Т.2. М., 2017. С. 117.

Солдаты обращали внимание на то, что заранее можно было предсказать, кто будет убит: потерявшие веру, отчаявшиеся солдаты на фронте не выживали. При этом Асташов указывает на пессимистический, или страдательный, патриотизм солдат: «Несмотря на то, что в солдатских письмах присутствуют патриотические высказывания, однако большинство таких высказываний окрашено страдательной интонацией, ставящей под сомнение личную осознанность мотивов этой борьбы»[263].

В настоящем диссертационном исследовании используются как перлюстрированные письма по гражданскому ведомству, так и солдат, при этом следует обратить внимание на то, что с психологической (и источниковедческой) точки зрения их следует отнести к разным группам эпистолярного жанра. Как отмечают историки, в начале XX в. происходит «взрыв» частной корреспонденции, особенно характерный для периода Первой мировой войны, когда написание писем становится для некоторых солдат синонимом самого существования. Австралийский исследователь Мартин Лайонс этот рост числа писем назвал булимией, а португальский ученый Энрикио Родригес обозначил как «компульсивное сочинительство»[264]. Письма солдат домой были не просто обменом информацией с близкими, а связью с мирной жизнью и надеждой на возвращение к ней, необходимой для выживания в чрезвычайных условиях окопной войны, несли в себе важный терапевтический потенциал. С этой точки зрения солдатские письма требуют более тонкого, психологического анализа, нежели корреспонденция тылового населения.

Большой интерес в рамках выбранной темы представляют доносы обывателей в Департамент полиции МВД, также обладающие характеристиками массового источника. По ним можно реконструировать массовые фобии, самая сильная из которых — шпиономания — приобретала характер невротического расстройства (а в некоторых случаях и психического, когда

[263] *Асташов А.Б.* Русский фронт… С. 134.

[264] *Lyons M.* New Directions in the History of Written Culture // Culture and History Digital Journal. Vol. 1. № 2. 2012. P. 3. doi: http://dx.doi.org/10.3989/chdj.2012.007.

сопровождалась галлюцинациями). Доносы также выявляют издержки патриотической пропаганды. В департаменте полиции отмечали, что «ярый патриотизм» нередко был симптомом умопомешательства. Помимо доносов «бдительных подданных» использовались донесения агентов Охранного отделения. Показательно, что накануне революции 1917 г. они строились вокруг распространенных в обществе слухов, в результате чего власти получали искаженные картины действительности и теряли контроль над ситуацией, что проявилось во властных «конвульсиях» января–февраля 1917 г.

В процессе исследования использовались документы, не являющиеся массовыми, но позволяющие дополнить картину общественных настроений: это дневники современников и мемуары (всего 105 наименований), различные сведения из периодики (криминальная и светская хроника, вести и слухи, бытовые зарисовки из 59 изданий), газетная и журнальная публицистика, отчеты чинов полиции по результатам наружного наблюдения, статистические данные, в которых отражались социальные процессы (статистика самоубийств, душевных расстройств, конфликтов с представителями власти и пр.) Ко многим из них применялся квантитативный анализ с целью выстраивания динамики тех или иных процессов, частотности явлений. Помимо статистических данных, к которым естественно применение количественного анализа, проводился сплошной подсчет упоминаний войны, политических слухов на страницах дневников тех авторов, которые регулярно вели свои записи, что позволило выстроить на их основе динамику настроений. Особенный интерес в этой связи представляли дневники тех российских подданных, которые изначально демонстрировали аполитичность и нехотя обращались к военным или внутриполитическим сюжетам – упоминания в них войны и политических коллизий, как правило, отражали пики общественного беспокойства.

Среди источников личного происхождения вслед за перлюстрированными письмами по степени значимости следуют дневники современников. Причем их объем не связан напрямую со значимостью документа. В ряде дневников война и политика практически отсутствуют, однако это не лишает их

источникового потенциала. В случае, когда современники регулярно вели свои дневники, к ним может быть применим квантитативный анализ с целью изучения частотных характеристик определенных тем для выявления периодов их повышенной актуальности. Данная часть общества оказывается лакмусовой бумажкой, реагирующей на периоды особого общественного возбуждения (в отличие от тех, для кого переписывание в дневники из газет военных сводок становилось рутинным делом). Среди этой категории выделялись люди творческих профессий, погруженные в свое дело, для которых война оказывалась не более чем досадным внешним раздражителем, а также молодежь пубертатного возраста. Так, можно отметить дневники несовершеннолетних сестер Саводник, практически не отразившие тему войны. В этом отношении близко к ним стоит дневник известного литератора М.А. Кузмина. С 18 июля 1914 г. по 28 октября 1916 г. (конец дневника) им было сделано 427 записей и лишь в 19 из них была упомянута война (4%). При этом 8 записей пришлись на самое начало мирового конфликта (с 18 июля по 14 августа 1914 г.) и 7 на этот же период 1915 г. Повторение периода объясняется призывом сына Кузмина Юрия, по поводу чего отец сильно переживал и оставлял близкие по смыслу комментарии: «смутно от войны», «дела на войне неважны», «когда-то кончится эта дурацкая война?», «как надоела эта война, кому она теперь нужна»[265]. За 1915 г. был лишь один случай упоминания военных событий, не связанный с личными интересами Кузмина – взятие Перемышля 9 марта. Основная часть дневника писателя посвящена его семейным, дружеским и деловым встречам, творческим планам, на фоне которых война и политика представлялись незначительными сопутствующими явлениями жизни. Кузмин стоял на пацифистских позициях, не испытывал патриотического экстаза первых месяцев войны, задаваясь гуманистическими вопросами: «Сколько будет убитых. Жизнь единственно невозвратная вещь… Сколько падет молодых. Боже мой»[266]. На таких же позициях стоял и А.Н. Бенуа, который тяготился

[265] *Кузмин М.* Дневник… С. 550-571.

[266] Там же. С. 466.

окружавшими его разговорами о войне: «К сожалению, почти все заполнено войной. Как людям просто не надоест и не опротивеет этот ужас?»[267] Тем не менее, в отличие от Кузмина, Бенуа занимал более принципиальную гражданскую позицию и нередко ввязывался в споры о войне, о политике, фиксируя это без особого удовольствия в своем дневнике. С 14 сентября по 31 декабря 1916 г. им было сделано 108 записей, из которых в 25 упоминалась война. На дневник Кузмина похожи записи сельского священника Стефана Смирнова. Подавляющее большинство из них – вопросы, связанные с пчеловодством, на втором месте – приходские дела. Из 151 записи за июль 1914 – декабрь 1916 г. лишь в 6 (4 %) упомянута война. Характерна его запись от 20 сентября 1915 г.: «Народ к войне как будто привык и разговоров о войне стало меньше»[268]. Действительно, по сравнению с летом 1914 г. война уже не вызывала былого ажиотажа. За 1916 г. Смирнов лишь один раз упомянул войну (1,2 % от всех упоминаний за этот год). Вдова Л.Н. Толстого С.А. Толстая с июля 1914 по декабрь 1916 г. оставила в дневнике 264 записи, из которых война упоминалась в 29 (11 %). Причем их динамика свидетельствовала о постепенном угасании интереса: 17,4 % упоминаний войны за 1914 г., 11,4 % за 1915 и 6 % за 1916 г.[269]

Дневники историка, археолога В.А. Городцова, наоборот, являются примером глубокого погружения человека в процесс пересказа, интерпретации и систематизации полученной за день информации. Записи Городцова сопровождаются рисунками, схемами, вклеенными вырезками из газет, открытками. Любопытно, что автор периодически выражает неудовольствие такой увлеченностью, отмечает, что теряет понапрасну время, отвлекается от научной работы, однако война занимает все его мысли и у него формируется подобие болезненной зависимости от дневника (что можно сравнить с «компульсивным сочинительством», о распространении которого на фронте пишут

[267] *Бенуа А.Н.* Мой дневник… С. 26.

[268] *Смирнов С.* Записки сельского священника. М., 2008.

[269] *Толстая С.А.* Дневники в двух томах. Том 2… С. 411-440.

современные исследователи[270]). Тем не менее, объем записей от 1914 к 1916 г. постепенно уменьшается. Насыщенный событиями 1917 г. представлен в дневнике еще беднее.

Заметное сокращение с 1915 г. упоминаний войны и внутриполитических тем свидетельствует о естественном стремлении людей даже в чрезвычайные времена сохранять привычный уклад жизни, образ мыслей, а также о привыкании современников к известиям с фронта. Игнорирование войны, политических слухов в ежедневных записях, которые сами по себе носят некоторый терапевтический эффект, может быть истолковано в качестве попытки сохранить маленькое личное пространство, свободное от наиболее раздражительных тем. При этом затягивавшаяся война оставалась серьезным травмирующим фактором, отрицательно сказываясь на психике отдельных индивидов и всего общества. «Эта война убивает всех медленным огнем», – записала С.А. Толстая в июне 1915 г.[271]

Использование определенных источников личного происхождения требует отдельных замечаний, тем более что практика публикации дневников, воспоминаний некоторыми современными издательствами игнорирует научно-справочный аппарат и вводит читателя в заблуждение относительно видовой принадлежности источников. Так, например, «Кучково поле» в серии «Военные мемуары» переиздало литературное произведение И.А. Зырянова (написанное под псевдонимом В.В. Арамилев) «В дыму войны. Записки вольноопределяющегося. 1914-1917», не удосужившись снабдить его хотя бы кратким предисловием. Следует заметить, что произведение написано на основе личных впечатлений, воспоминаний Зырянова, прошедшего Первую мировую войну (хотя и не в качестве вольноопределяющегося) и в большинстве случаев авторские зарисовки подтверждаются разнообразными документами. В настоящей работе литературно-оформленные впечатления Зырянова цитируются в

[270] *Lyons M.* New Directions in the History of Written Culture // Culture and History Digital Journal. Vol. 1. #2. 2012. P. 3. doi: http://dx.doi.org/10.3989/chdj.2012.007

[271] *Толстая С.А.* Дневники в двух томах. Том 2... С. 425.

качестве дополнений к скупым отчетам представителей администрации или сведениям из эпистолярного наследия современников. Та же ситуация с литературно-оформленными воспоминаниями Я.Е. Мартышевского, написанными от лица подпоручика В.С. Никитина (впрочем в этот раз «Кучково Поле» оставило скупое пояснение к рукописи). В другом случае это же издательство опубликовало дневник П.Е. Мельгуновой-Степановой, снабдив книгу предисловием, примечаниями и указателями[272]. Однако их автор – В.Д. Лебедев – работая в архиве с текстом не смог понять, что перед ним не первоначальный дневник, а поздняя рукопись, составленная при подготовке материалов к публикации и содержащая вставки. К чести Мельгуновой нужно отметить, что все позднейшие дополнения помещены ею в квадратные скобки[273], однако Лебедев в нарушении всех мыслимых правил археографии превратил квадратные скобки в круглые, объединив изначальные авторские пояснения в круглых скобках и последующие редакторские вставки. Схожая ситуация с дневниками З.Н. Гиппиус, также цитируемых в настоящем исследовании. Как показал Б.И. Колоницкий, поэтесса, готовя издание «Синей книги», переработала свой дневник, смягчив, в частности, многие жесткие характеристики Николая II после его убийства[274]. Вместе с тем общий тон записок и общие оценки действительности соответствовали настроениям современников, реконструируемым по широкому кругу источников, что оправдывает обращение к данному историческому документу. Изучение отразившихся в разнообразных источниках фольклорных сюжетов позволяет в некоторой степени реабилитировать другую проблемную книгу – «Народ на войне» С.З. Федорченко. Писательница призналась, что, работая сестрой милосердия, она не делала никаких записей,

[272] *Мельгунова-Степанова П.Е.* Дневник: 1914-19120 / Вступ. ст., коммент., именной указ. В.Д. Лебедева. М., 2014.

[273] ГА РФ Ф. Р5881. Оп.2. Д. 781.

[274] *Колоницкий Б.И.* К вопросу об источниках «Синей книги» З.Н. Гиппиус // Русская эмиграция: Литература, история, кинолетопись (Материалы международной конференции, Таллинн, 12–14 сентября 2002). Таллинн, 2004. С. 23–34.

но впоследствии по памяти воспроизводила запомнившиеся высказывания раненых. Действительно, многие фразы и по форме, и содержанию соответствуют настроениям и риторике представителей низших сословий, хотя считать книгу Федорченко собранием фольклорного материала в строгом смысле нельзя. Тем не менее признание ее мемуарного характера снимает многие вопросы использования. Также нельзя не упомянуть записи А.Н. Яхонтова, которые он вел на секретных заседаниях Совета министров в 1915–1916 гг., известные сегодня в двух опубликованных вариантах – пространных «Тяжелых днях», вышедших в 1926 г. в гессенском «Архиве Русской революции», и более лапидарных первоначальных карандашных записок, перепечатанных его вдовой и изданных в 1999 г.[275] Р.Ш. Ганелин и М.Ф. Флоринский, сопоставив оба варианта, отметили, что в ряде случаев изменена очередность выступлений министров, авторство некоторых высказываний, отдельные выступления приводятся более полно[276]. Однако исследователи допустили, что при подготовке «Тяжелых дней» Яхонтов использовал иные, помимо наспех составленных во время заседаний Совета министров записок, источники с целью заполнения смысловых лакун, воссоздания контекста дискуссий. Вопреки заявлениям Яхонтова какая-то часть дискуссий воспроизведена им по памяти. Тем не менее авторы приходят к выводу о беспристрастности Яхонтова как протоколиста в «Тяжелых днях», которые считают «ценнейшим источником»[277]. Учитывая некоторую бессвязность первоначальных записей Яхонтова в настоящей диссертации цитаты будут приводиться по «Тяжелым дням» с вынесенными в примечания комментариями и сравнениями с первоначальными

[275] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926; Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999.

[276] *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* А.Н. Яхонтов и его «Тяжелые дни». История текста и издания // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 670-703.

[277] Там же. С. 699.

записками по изданию «Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова».

Другим важным источником по изучения как массовых настроений, так и пропаганды периода Первой мировой войны является периодическая печать. Несмотря на то что газеты и журналы находились в 1914–1916 г. под контролем военной цензуры, исполнявшей функции и политической, в них время от времени публиковались письма рядовых обывателей, точные наблюдения собственных корреспондентов, происшествия, которые фиксировали изменения массовых настроений. В диссертационном исследовании использовался широкий спектр газет и журналов различной политической направленности (всего 59 наименований) от правомонархической «Земщины» до большевистской «Правды», как центральных, так и провинциальных. Вероятно, наиболее информативными в контексте исследуемой темы оказываются газеты, относящиеся к «желтой прессе»: «Газета-копейка», «Петроградский листок», «Московский листок», «Маленькая газета» и пр. В погоне за сенсациями они одними из первых публиковали слухи, отражавшие обывательские страхи. Впрочем, колонки «Вести и слухи» заводили многие издания, как консервативного, так и либерального толка. Слухи публиковала черносотенная «Земщина», суворинское «Вечернее время», либеральные «Биржевые ведомости». Вместе с тем именно последнее издание неоднократно пыталось понять метаморфозы массового сознания, обращаясь за экспертным мнением к видным психологам и психиатрам, таким как В.М. Бехтерев, П.Я Розенбах и др. Учитывая, что некоторые явления массового сознания, например шпиономания, достигали уровня психического расстройства (когда сопровождались галлюцинациями и бредом), в диссертации используется и специальная медицинская периодическая печать – «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии», «Современная психиатрия», «Обозрение психиатрии», «Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова», «Русский врач», «Журнал Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова», на страницах которых обсуждалась правомерность использования понятий «военный психоз»,

«революционный психоневроз» и др. применительно к текущим событиям. Так как душевнобольные рассматриваются в качестве некой лакмусовой бумажки, на которой проявляются наиболее травматичные для массового сознания явления общественной жизни, важным представляется выстраивание динамики душевных расстройств в 1914 – 1917 гг, с чем помогают периодические издания городских управ: «Ежемесячник статистического отделения петроградской городской управы» и «Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве».

Не обойдены вниманием и официальные «институциональные» издания органов власти и церкви, например, «Ведомости Петроградского Градоначальства», «Известия Петроградской городской думы», различные губернские ведомости, а также церковные издания «Церковный вестник», «Церковные ведомости», «Московские церковные ведомости», «Миссионерское обозрение», «Приходской священник», «Вестник военного и морского духовенства» и др.

Отдельно следует оговорить подход к визуальным документам (лубок, карикатура, иллюстрированная почтовая открытка) как массовому источнику. Произведения живописи и графики, с одной стороны, относятся к уникальным документам, содержат сильный интенциональный пласт своих авторов, с другой стороны, любой автор творит в определенной исторической обстановке и волей-неволей отражает характерные для своей эпохи настроения. Творческий человек особенно подвержен эмоциональному воздействию окружающей среды, в результате чего в некотором роде соавтором художника становится само общество и его зрители, наполняющие произведения определенным смыслом. В данном диссертационном исследовании предпринимается попытка квантитативного анализа журнальной карикатуры. Карикатура рассматривается как жанр графики, имеющий сильную эмоциональную составляющую. Причем важно, что карикатура относится как к безопасно-смешному, отражает позитивные эмоции (развлекательная, эстетическая функции), так и выражает тревоги, страхи общества (алармистская функция). На основе сплошного анализа иллюстраций таких популярных столичных сатирических

изданий, как «Стрекоза», «Будильник», «Новый Сатирикон», «Бич», «Пугач», выделяются образы внешних и внутренних врагов, отмечается, что летом 1915 г. «внутренний враг» начинает вытеснять врага внешнего, а также с целью изучения эмоциональной динамики выстраивается частотность позитивных и негативных сюжетов карикатур.

Таким образом, совокупность источников разных типов и видов формируют широкую репрезентативную базу, позволяющую изучить массовые настроения россиян в годы Первой мировой войны и революции.

3. Методология и инструментарий исследования общественных настроений

Изучение массовых настроений, помимо репрезентативной источниковой базы, требует привлечения инструментария смежных научных дисциплин. Несмотря на то, что массовые настроения уже становились предметом исследования исторической науки (в том числе в трудах В.О. Ключевского), сам предмет исследования более характерен для социальной психологии и психологии эмоций. Синтез дисциплин, связанных с исследованием психологии, и истории известен с начала XX в. Еще в 1900–1920-х гг. немецкий психолог В. Вунд написал двадцатитомную «Психологию народов. Исследование закона развития языка, мифов и обычаев». В контексте нашего диссертационного исследования важно, что Вунд объектом своей работы видел совокупность различных проявлений культуры, включая мифы и нравы общества, религию и науку, разделяя область психологии народов как научной дисциплины на «историю психологии народов» и «психологическую этнологию»[278]. Главная заслуга Вундта заключалась в том, что ему удалось уйти от господствовавшего в романтический период и сохранявшегося в начале XX в. представления о «национальной

[278] См.: *Вундт В.* Проблемы психологии народов. М., 1912.

душе» как независимой субстанции, сверхдуше, и перейти к изучению результатов психической деятельности человека.

Начатое на страницах «Журнала исторического синтеза» А. Берра сближение истории, социологии и философии продолжилось в журнале «Анналы социальной истории», ставшего колыбелью школы, основанной Л. Февром и М. Блоком. Несмотря на то, что целью школы «Анналов» стало создание «тотальной истории», объединявшей политическое, экономическое и культурное пространство, именно в ее рамках получили развитие микроистория и история ментальности. Тем не менее, междисциплинарность становилась важным условием развития социальной истории. В статье 1941 г. «Чувствительность и история» Л. Февр размышлял о способах воссоздания эмоциональной жизни прошлого, предлагая историкам «погрузиться во мрак психологии» и настаивая, что эмоции, формируя систему межличностного общения, превращаются в «общественный институт», требующий исследования[279].

В 1940-х гг. историки и философы увлеклись поиском универсальных законов развития истории, в том числе в качестве попытки дать ответ марксизму, претендовавшему на поиск объективных механизмов исторического развития, обращаясь за помощью не к экономике, а социальной психологии. Появление в 1942 г. статьи Карла Хемпела «Функция основных законов в истории» вызвало дискуссии, очередной раз поставило вопрос о том, может ли история считаться наукой и дало толчок развитию новых направлений[280]. В 1970-х гг. американский историк Ллойд Демос начал разрабатывать психоисторию как новое направление исторической науки[281]. При этом вступая в дискуссию с Хемпелом, Демос предлагал весьма сомнительное объяснение различий истории и психоистории, сравнивая их с астрологией и астрономией соответственно. Полагая, что главная функция истории – создание нарративов,

[279] *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 109-112.

[280] *Hempel C. G.* The Function of General Laws in History // Journal of Philosophy. 1942. №39(2). P. 35-48.

[281] *DeMause, Lloyd*. The New psychohistory. New York: Psychohistory Press. 1975.

главной функцией психоистории он считал поиск законов[282]. Вместе с тем методологической основой психоистории Демоса являлся психоанализ, с помощью которого он, по сути, изучал историю детства. Согласно концепции историка, полученный в процессе воспитания опыт ребенка накладывает отпечаток на его личность и в сумме приводит к появлению поколений, характеризующихся определенными социально-психологическими чертами, определяющими, в свою очередь, цивилизационные особенности того или иного периода. Тем не менее, психоаналитическая основа психоистории Демоса в известной степени ограничивала возможности нового направления. В 2002 г. Л. Демос расширил психоисторическое направление за счет привлечения истории эмоций[283].

С 1980-х гг. в англоязычной литературе усиливается интерес к эмоциологии как гуманитарной смежной дисциплине, пользующейся наработками в области психологии, нейрофизиологии, этнологии. Этот интерес не исчезает и в XXI в.[284] Ян Плампер, изучив историографию истории эмоций, предлагает бинарную схему ее развития как противопоставление взаимоисключающих подходов, что предопределено интересом к данному феномену со стороны как

---

[282] *DeMause, Lloyd*. Foundations of Psychohistory. New York: Creative Roots. 1982. P. 85.

[283] *DeMause, Lloyd*. The Emotional Life of Nations. New York: Karnac. 2002.

[284] *Zeldin Th.* France, 1848–1945. Vol. 1: Ambition, Love. Oxford: Oxford UP, 1979; *Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813–836; *Elias N.* The Civilizing Process. Oxford: Blackwell, 1994. P. 292; *Reddy W.M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. N.Y.: Cambridge University Press, 2001. XIV, 380 p.; *Rosenwein B.H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006; *Gross D.M.* The Secret History of Emotion: From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science. Chicago: University of Chicago Press, 2006. X, 194 p.; Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Ред. Я.Плампер, Ш. Шахадат, М. Эли. М., 2010; *Виницкий И.* Заговор чувств, или русская история на эмоциональном повороте // Семиотика августа в XX веке: трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. НЛО. № 117. 2012.

естественных, так и гуманитарных наук[285]. В то время как психология и особенно нейрофизиология ищут биолого-природные основания эмоциональной системы человека, антропология и этнология обращают внимание на культурно детерминированные эмоциональные практики, отличающиеся друг от друга в различных обществах. В результате рождаются два подхода: один отрицает существование универсальных эмоций, другой, наоборот, признает общие переживания и эмоциональные реакции людей вне зависимости от культурных традиций. Примечательно, что оба подхода имеют экспериментальное подтверждение. Вместе с тем решением данного парадокса может быть, во-первых, разделение эмоций на первичные, или базовые (природно детерминированные), и вторичные (культурно детерминированные), а во-вторых — отделение изучения собственно эмоций от способов их выражения. Вместе с тем полного единения ученых относительно количества базовых эмоций нет.

Критики универсалистской концепции указывают, что те или иные мимические реакции носят подражательный характер и больше относятся к сфере культурных традиций, нежели биологии. Вместе с тем даже наличие двух противоположных мимических реакций на общий эмоциональный стимул не доказывает различие внутренних чувств, переживаний испытуемых субъектов, а всего лишь констатирует различные традиции, практики выражения тех или иных эмоциональных состояний. При этом на биохимическом уровне сами состояния выражаются едиными процессами, протекающими в организме человека: тревога связана с выработкой адреналина, злость —норадреналина, чувство удовлетворения — серотонина, печали — мелатонина и т. д.

Источник эмоционального переживания может быть как внутри самого человека (возникший в голове образ, воспоминание), так и во внешнем мире (внешняя опасность или близкий человек). В первом случае обнаруживается связь между идеей и эмоцией, мыслью и чувством. Кэррол Изард, изучая эмоции как нейрофизиологические процессы, вводит понятие аффективно-когнитивной структуры, представляющей собой комбинацию драйва, эмоции и

[285] См.: *Плампер Я.* История эмоций. М., 2018.

когнитивных процессов[286]. Комплекс из различных аффективно-когнитивных структур становится основой для мировоззрения или идеологии. В годы Первой мировой войны официальная пропаганда эксплуатировала патриотические эмоции российских подданных, в журнальной публицистике, визуальном пространстве можно обнаружить следы подобных аффективно-когнитивных структур, однако комплексного мировоззрения так и не возникло.

Одна из главных проблем, возникающих при изучении эмоций посредством методов гуманитарных дисциплин, в первую очередь историками и лингвистами, заключается в несоответствии переживаемых эмоций и средств их вербального выражения. Зачастую для точного описания переживания слов оказывается недостаточно. Кроме того, человек крайне редко испытывает одну-единственную эмоцию, как правило эмоции перетекают друг в друга, вызывая нечто вроде цепной реакции. Последовательность этих реакций может быть индивидуальной, связанной с личным опытом субъекта. На основании этого некоторые исследователи отрицают существование дифференциальных эмоций. Вместе с тем в том или ином эмоциональном букете, или аккорде, можно обнаружить одну доминирующую эмоцию. К. Изард, автор психологии дифференциальных эмоций, вводит понятие эмоциональных триад. Психолог обращает внимание на то, что гнев, отвращение и презрение, являясь дискретными эмоциями, тесно взаимодействуют друг с другом, активируются при одних и тех же ситуациях, что позволяет говорить о них как о «триаде враждебности». По этой же аналогии можно выстроить «триаду доброжелательности». На материале 1917 г. — периода, когда эмоции, по меткому замечанию М. Горького, определяли политику, — будет показан потенциал эмоциологического подхода.

Для настоящего исследования важность представляют концепции «эмоциональных сообществ» и «эмоциональной навигации», введенные в научный оборот соответственно Барбарой Розенвейн и Уильямом Редди. Б. Розенвейн на материале Средних веков показала, что выражение эмоций в определенных

[286] *Изард К.* Психология эмоций. СПб., 1999. С. 28, 39.

кругах (например, вспышки ярости у королей) не были проявлением эмоциональной незрелости, а наоборот, представляли собой расчетливо используемые знаки символической коммуникации[287]. При этом Розенвейн указывает, что в Средние века человек мог принадлежать одновременно к разным эмоциональным сообществам. У. Редди, разрабатывая собственную иерархию эмоциональных категорий на пути достижения человеком «эмоциональной свободы» (минимизации эмоционального страдания), изучает особенности «эмоциональной навигации» — маневрирования субъекта между различными «эмоциональными режимами» (ансамбль эмоциональных символических практик)[288]. Понятия «эмоционального сообщества» и «эмоционального режима» сближают теории Розенвейн и Редди, так как «эмоциональный режим» оказывается характеристикой «эмоционального сообщества». В настоящем исследовании концепция «эмоциональной навигации» между «эмоциональными сообществами» используется при описании социальных конфликтов, вызванных миграцией крестьян в городскую среду, а также появлением в городах праздношатающихся солдат, дезертиров. Очевидно, что способы выражения эмоций в деревне и городах, на фронте и в тылу отличались друг от друга (например, для деревни было характерно сочетание публичной сдержанности проявления романтических чувств с открытым проявлением физиологических влечений, в то время как для городского эмоционального сообщества все было наоборот). В целом деревенское сообщество отличалось большей эмоциональной открытостью, несдержанностью, чем городское (Н. Элиас полагал, что развитие цивилизации предписывает ужесточение контроля за эмоциями). В социальных конфликтах 1914–1918 гг. обнаруживаются характерные признаки столкновений разных эмоциональных режимов.

---

[287] *Rosenwein B.H.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006.

[288] *Reddy W.M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. N.Y.: Cambridge University Press, 2001.

Изучение массовых настроений предполагает поиск таких источников, в которых проявляются коллективные эмоции. Одним из них выступают слухи, отражающие общественные фобии или, наоборот, надежды. В последние десятилетия в рамках социальных наук изучение слухов сформировалось в самостоятельное направление – руморологию.

В настоящей диссертации используется широкое определение слуха как информации, передаваемой устным способом (что не исключает на каком-то этапе появление слуха в печатной форме), источник которого доподлинно неизвестен. С.О. Шмидт отмечал, что «всякая терминология условна. Это объясняется не только полисемичностью слов и изменением во времени смысла тех или иных понятий, но прежде всего тем, что всякие дефиниции – короткие определения – не могут, как правило, дать исчерпывающего представления о явлении, выделяя обычно одну или лишь некоторые его стороны»[289]. Поэтому намного важнее разбирать не существующие определения понятия слуха, а его социальные функции. Слухи выполняют в обществе несколько важных функций. Главная из них — информационная. Слухи содержат актуальную информацию и делают ее массовой, доступной для многих. Другая функция — коммуникативная, когда значение имеет не сама информация, а развитие каналов, по которым она распространяется. Третья функция — алармистская, призванная обращать внимание власти и общества на проблемы, получающие в слухах массовое распространение. Четвертая и наименее очевидная функция — провидческая (часто слухи опережали события, иногда предопределяли их). Кроме того, слухи являются вместилищем народных традиций, представлений, что проявляется в наслаивании архаичных, мифических пластов, интерпретации полученной информации в фольклорном ключе, что повышает их источниковый потенциал.

Слухи не просто искажают информацию, они трансформируют актуальные для обывателей известия в соответствии с массовыми ожиданиями,

[289] *Шмидт С.О.* Памятники письменности в культуре познания истории России. Т.2. От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Кн.1. М., 2009. С. 9.

отражая представления общественного сознания о том или ином предмете. Интертекстуальность слухов отчасти определяется тем, что стимулами для их возникновения и распространения могут выступать как внешние факторы повседневной, политической жизни, так и некие внутренние архетипы, поднимающиеся в кризисные времена из глубин подсознания. Так, например, когда с весны 1915 г. начинается «сахарный голод», рождается слух о том, что весь сахар отправляет в Германию императрица-шпионка (Александра Федоровна в представлениях городских слоев, Мария Федоровна — сельских). Здесь мы наблюдаем в первую очередь повседневный стимул слуха. Однако общее недоверие к императрицам поднималось из архетипического уровня, главным аргументом их предательства выступало утверждение, что они «плачут, когда бьют немцев, и смеются, когда убивают наших», что уходит корнями в мифологические описания природы дьявола. В этой же группе находятся эсхатологические слухи о том, что Николай II являлся Антихристом.

Некоторые слухи, оперировавшие архетипическими образами, настолько укоренялись в массовом сознании, что превращались в мифологемы. Одним из ярких примеров стал появившийся в 1917 г. слух о «черных авто», сохранявшийся в разных вариациях на протяжении всего XX и даже начала XXI в. («черная маруся», «черный воронок», «черная волга»).

К слухам как историческому источнику всегда было приковано внимание историков. Еще у Гомера слух выступает источником знания, когда Антиной обращается к Телемаху, чтобы тот отправился «в Пилос священный и слухи собрал об отце многославном». Телемах собирает слухи об участии отца в Троянской войне («по слухам, / вместе с тобою под Троей сражался и город разрушил»). Слухи выступают источником информации, могут относиться как к актуальным событиям, так и выступать легендами прошлого. Важно, что для Гомера слух не равнозначен вымыслу и дезинформации, это всего лишь способ передачи сообщения. В исторической науке, в отличие от литературного эпоса, с самого ее зарождения авторы противопоставляли информацию устную, рассказанную третьими лицами, и информацию, полученную опытным

путем, из свидетельств непосредственных участников событий. Некоторое пренебрежение образованного человека к слухам обнаруживается в древнерусской книжной культуре: «Я, грешный, первый был очевидец, о чем и расскажу не по слухам, а как зачинатель всего того», — писал автор «Повести временных лет». Еще раньше правдивость слухов была поставлена под сомнение Геродотом: «Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан»[290].

В XX в. благодаря развитию социальной психологии изучение слухов получает необходимую методологическую основу. В 1902 г. немецкий ученый В. Штерн исследовал способность слухов искажать информацию по принципу «испорченного телефона» (в западноевропейской традиции — «китайского телефона»)[291]. Со временем исследователи слухов перестали ограничивать их роль исключительно функцией передачи информации, обращая внимание на то, что слухи отражают психологическое состояние социума. Г. Олпорт и Л. Постман показали, что функционирование слуха предполагает три действия: «выравнивание» (исключение малозначимых, лишних деталей), «обострение» (концентрация и выделение общественно важных деталей) и «ассимиляция» (искажение информации в результате подсознательной интерпретации)[292]. В 1944 г. Р. Кнапп в «Психологии слухов» отметил такую их важную функцию, как выражение эмоциональных потребностей общества[293]. Д.В. Ольшанский, отмечая, что слухи практически никогда не бывают достоверными (само по себе не слишком корректное замечание, так как проблема достоверности как тождественности слова событию относительна), считает, что в слухах присутствует сильный эмоциональный компонент, который

[290] *Геродот*. История. Кн. VII, 152.

[291] *Stern W.* Zur Psychologie der Aussage. Experimentelle Untersuchungen über Erinnerungstreue. Zeitschrift für die gesamte Strafechtswissenschaft. Vol. XXII. Cahier 2/3, 1902.

[292] *Allport G., Postman L.* Psychology of Rumor. Russell and Russell. 1951. P. 75.

[293] *Knapp R.* A Psychology of Rumor. Public Opinion Quarterly. 8/1. 22–37. 1944.

компенсирует недостаточную достоверность[294]. С точки зрения эмоциональных характеристик слухов Ольшанский выстраивает не бесспорную классификацию: слухи-желания, слухи-пугала, агрессивные слухи, нелепые слухи[295]. Объясняя последний тип, психолог замечает, что они особенно характерны для периодов «перелома массового сознания, когда люди находятся в растерянности в связи с тотальной сменой систем ценностей», и в качестве примера приводит булгаковское описание московских слухов 1920-х гг.: «Что в Москве творится — уму непостижимо человеческому! Семь сухаревских торговцев уже сидят за распространение слухов о светопреставлении, которое навлекли большевики. Дарья Петровна говорила и даже называла точно число: 28 ноября 1925 года, в день преподобного мученика Стефана земля налетит на небесную ось». Однако данный пример представляется некорректным ввиду того, что упоминание «небесной оси» является не нелепым, а вполне типичным способом интерпретации настоящего с помощью эсхатологического фольклора. В этом аспекте слухи следует отличать от других форм бытования устной информации — городских легенд, мифов, сказок и пр. Очевидно, что для более полного понимания феномена слухов социально-психологическую теорию необходимо существенно дополнять историческим, фольклористическим, этнографическим материалом. В целом следует признать, что в социальной психологии и современной фольклористике слухи давно уже стали вполне традиционным предметом исследования[296].

В исторических исследованиях слухи стали привлекать внимание ученых с конца XIX в. В.О. Ключевский по слухам реконструировал массовые настроения XVII в. Особое внимание слухам было уделено в трудах представителей французской «Школы Анналов». М. Блок, участвовавший в Первой мировой

---

[294] *Ольшанский Д.В.* Психология масс. С. 276.

[295] Там же. С. 276–279.

[296] См. социально-психологическую историографию слухов в статье: *Осетрова Е.* Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 55–82.

войне, вспоминал, как в среде немецких солдат слухи о наличии бойниц в домах бельгийских крестьян, порожденные незнанием местных архитектурных традиций, катализировали страх и ненависть к мирному населению[297]. Французский историк обратил внимание на то, что окопная повседневность, архаизировавшая массовое сознание, приводила комбатантов к мысли, что правдой может быть все что угодно, кроме печатного слова. Подобное противопоставление устного слова и письменного или, шире, «устной культуры» и «письменной культуры» представляется особенно важным в контексте настоящего исследования. В 1932 г. Ж. Лефевр исследовал феномен массового распространения слухов накануне Французской революции. Эти слухи породили «великий страх», ставший катализатором революционной активности[298].

С конца 1990-х гг. слухи как индикатор массовых настроений в период 1914–1917 гг. привлекают внимание российских исследователей. В 1999 г. Б.И. Колоницкий исследует отражение процесса десакрализации монархии в политических слухах в годы Первой мировой войны, еще раньше, в 1997 г., В.П. Булдаков показывает роль слухов в революционном насилии 1917 г.[299] В 1997 г. В.В. Кабанов одним из первых акцентировал внимание на роли слухов о недостатке хлеба в событиях 23 февраля 1917 г., также он предпринял попытку классификации слухов исходя из их роли в обществе, выполняемых функций[300]. Так, было предложено делить слухи на причины и катализаторы событий, «слухи-формулы», передававшие массовое представления о функционировании какого-то явления, «слухи-легенды», оставшиеся в исторической памяти народа. В качестве другого варианта классификации Кабанов

---

[297] *Блок М.* Апология истории, или ремесло историка. М., 1986.

[298] *Lefebvre G.* La Grande peur de 1789. Suivi de Les foules révolutionnaires. Paris, 1988.

[299] *Колоницкий Б.И.* К изучению механизма десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999. С. 72–86; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

[300] *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997.

предлагал деление на «оптимистические» и «пессимистические», а также «сбывшиеся» и «несбывшиеся». Последняя особенность слухов нуждается в отдельном пояснении.

Массовые слухи демонстрировали способность массового сознания предчувствовать и предугадывать развитие событий даже в ситуации общественно-политического хаоса тогда, когда сильны ощущения «конца истории» (например, о «красном» и «белом» терроре в ноябре 1916 г., тогда же — о неизбежности революции в 1917 г., летом–осенью 1917 г. — о предопределенности «Корниловского мятежа» и большевистского переворота и т. д.). Чувственно-эмоциональная природа слухов предопределяет их чуткость к внешним процессам и оказывается более эффективной в плане прогнозирования, чем попытки рационального анализа. Вместе с тем нельзя отрицать и того, что стихийно распространявшиеся слухи сами могли стать неким сигналом к действию, предопределить ту или иную развязку. Эмоциональная атмосфера кануна революции, в которой главной эмоцией оказывалось чувство страха, предполагала самые трагические сценарии политической развязки.

Найти объяснения прогностических способностей слухов можно в философско-социологической теории. Австрийский и британский социолог К. Поппер, критикуя историцизм, использовал понятие «Эдипова эффекта» — «влияние предсказания на предсказанное событие (или, шире, влияние информации на ситуацию, к которой эта информация относится); причем несущественно, направлено ли это влияние на осуществление или на предотвращение предсказанного события»[301]. Еще раньше У. и Д. Томас в 1928 г. объяснили похожий феномен тем, что события конструируются представлениями людей о них: «Если люди считают ситуации реальными, то они оказываются реальными по последствиям»[302]. На основе «теоремы Томаса» Р. Мертон разработал теорию «самоисполняющегося пророчества» («the self-fulfilling prophecy»),

[301] *Поппер К.* Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 49–79.

[302] *Thomas W.I., Thomas D.S.* The child in America: Behavior problems and programs. New York: Knopf, 1928. P. 571–572.

согласно которой ложное предсказание, кажущееся современникам истинным, будет влиять на поведение людей так, что их действия сами приведут к исполнению этого предсказания[303]. В.П. Булдаков выдвинул оригинальную концепцию «хроники заранее объявленной революции» (оммаж Г. Маркесу), согласно которой слухи подготовили массовое сознание к идее неизбежности революции, тем самым запрограммировав общество на нее[304].

В условиях повышенной социально-политической неопределенности слухи нередко играют роль стимулов активности толп, для изучения которых необходимо использовать достижения современной социальной психологии. Еще на самой заре формирования социологии и психологии как самостоятельных научных дисциплин начинает развиваться такое смежное направление, как психология толпы или масс. Изучению особенностей поведения индивидов в толпе и формам активности больших уличных масс посвящали работы Г. Лебон, Г. Тард, Н. Михайловский, Х. Ортега-и-Гассет, З. Фрейд, Э. Дюркгейм и др.[305] Отмечая высокую степень подражательности и превалирование эмоционального восприятия событий над рационально-логическим, ученые констатировали стихийность и иррациональность действий толпы. Эти же вопросы привлекали внимание психиатров. Один из основоположников русской психиатрии В.Х. Кандинский еще в 1880-х гг. писал о феномене психических эпидемий, распространение которых объяснял «душевной контагиозностью» — инстинктом подражания, объяснявшего заразительность чувств и эмоций, — и в качестве примеров приводил массовые религиозные движения,

---

[303] *Merton R. K.* Social Theory and Social Structure. Free Press. 1968. P. 477.

[304] *Булдаков В.П.* Метанарративы и микронарративы Русской революции: к переосмыслению сложившихся представлений // Столетие русской революции 1917 года и ее значение в мировой истории и культуре. Будапешт: Russica Pannonicana. 2018. С. 77–90.

[305] См.: *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995; *Тард Г.* Социальная логика. СПб., 1901; *Сигеле С.* Преступная толпа // Преступная толпа. М., 1998; *Михайловский Н.К.* Герои и толпа: В 2 т. М., 1999; *Бехтерев В.М.* Избранные работы по социальной психологии.М., 1994; *Московичи С.* Век толп. М., 1998, и др.

а также революции[306]. Отталкиваясь от теории психологии толпы, М. Вебер разработал теорию социального действия, в котором выделил несколько форм исходя из возможной мотивации участников: целерациональное; ценностно-рациональное; аффективно-эмоциональное; традиционное. С точки зрения ленинской теории подлинно революционным действием может быть лишь то, которое укладывается в рамки целерационального, т. е. характеризуется высоким уровнем политической сознательности индивидов, однако сам Вебер отмечал условность границ между этими формами, определяемую тем, что мотивация участия индивида в том или ином событии может быть связана как с рационально осознанными целями, так и неосознанным подражанием на основе эмоционального восприятия событий: «Причина недостаточной четкости границ объясняется в данном, как и в других случаях, тем, что ориентация на поведение других и смысл собственного действия далеко не всегда могут быть однозначно установлены или даже осознаны, а еще реже — осознаны полностью. Уже по одному этому далеко не всегда можно уверенно разграничить простое „влияние“ и осмысленную „ориентацию“»[307]. Стихийные формы революционной активности как в 1914, так и в 1917 гг., выражавшиеся в аполитичных хулиганских акциях, таким образом, относятся к аффективному типу социального действия. Нельзя не обратить внимание на любопытный казус: Ленину, требовавшему от пролетариата развитого классового сознания, самому было отказано в этом сознании одним из основателей РСДРП А.Н. Потресовым. Потресов считал в 1917 г., что Лениным во время революции движет не «дисциплинированный опыт классового сознания», а «элементарный классовый инстинкт», концентрированные и утрированные чувства[308]. Что, тем не менее, не помешало ему захватить власть.

---

[306] См.: *Кандинский В.Х.* Общепонятные психологические этюды М., 1881.

[307] *Вебер М.* Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков. М., 1996. С. 455–491.

[308] *Потресов А.Н.* Рубикон. 1917-1918. Публицистика. М., 2016. С. 55.

Иррационализация социального поведения масс и политика как фактор революции изучалась К. Манхеймом. Социолог отмечал, что рациональное поведение, сдерживающее хаотическое начало, сохраняется лишь до тех пор, «пока в общественном устройстве выполняются определенные условия и соответствующие силы действуют в этом направлении», иными словами – различные группы стремятся к компромиссам. Манхейм сделал важное наблюдение, что в период революции, когда обостряются конфликты между различными «силами масс», «группы лидеров, полагающие, что они используют эти силы, все более подпадают под действие закона, в соответствии с которым они, думая, что подталкивают их, в действительности подталкиваются ими»[309]. История революционизации российского общества в 1914 – 1917 гг. показывает, что в ряде случаев те или иные политические лидеры оказывались невольными проводниками настроений масс. Тем самым теории М. Вебера, К. Манхейма помогают рассмотреть в исторических событиях скрытые законы социальной динамики.

Изучение устных, письменных и визуальных текстов показывает их сложную, неоднородную структуру: связи с фольклорными традициями, интенциональный пласт автора (когда таковой есть), переклички с другими текстами, влияние общей среды. Это предполагает использование интертекстуального подхода и рассмотрение текстов как дискурсов. Беглый взгляд на контекст употребления понятия «дискурс» в исторических работах обнаруживает известную противоречивость: он используется в значениях индивидуального мировоззрения, социальной фразеологии, политической идеологии, национальной ментальности[310]. Нельзя не согласиться с Ф. Эдером, что

---

[309] *Манхейм К.* Возрастание иррациональных элементов в общественном сознании. Атмосфера ожидания насилия // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М., 2009. С. 14.

[310] См.: *Suny R.G*. The Making of the Georgian Nation. Indiana University Press, 1994; *Suny R.G*. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and The Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993; *Edith W.* Clowes The Limits of Discourse: Solov'ev's Language of Syzygy and the Project

неопределенное употребление термина «дискурс», а также отсутствие методологии дискурсивного анализа девальвируют его значение в современной исторической науке[311]. Однако в работах М. Бахтина, Р. Барта, М. Фуко, Ю. Кристевой отмечаются характерные признаки дискурса, важным из которых в свете поднимаемых в настоящей статье вопросов выступает полидискурсивность, исследуемая сегодня в рамках французской школы анализа дискурса и когнитивной лингвистики[312]. Полидискурсивная структура может содержать такие элементы, как интердискурс (внешние по отношению к дискурсу «источники», «преконструкт», «прототекст»), дискурсивные практики (формы непосредственных высказываний по предмету), интрадискурс (внутренние формы дискурса, дискурс по отношению к самому себе) и метадискурс

of Thinking Total-Unity // Slavic Review. 1996. Fall. Vol. 55. № 3; *Krylova A*. Reginald E. Zelnik, and Igal Halfin Discussion of Anna Krylova's «Beyond the Spontaneity-Consciousness Paradigm: „Class Instinct“ as a Promising Category of Historical Analysis» // Slavic Review. Vol. 62. № 1; *Smith S.A.* Citizenship and the Russian Nation during World War I // Slavic Review. Vol. 59. № 2; Achim Landwehr Historische Diskursanalyse. Frankfurt/Main. 2008 etc.

311 *Franz X.* Eder Historische Diskursanalysen. Genealogie, Theorie, Anwendungen. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften. 2006. S. 11.

312 См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Barthes R.* The Discourse of History // Comparative Criticism. 3. 1981; *Фуко М.* Археология знаний. Киев, 1996; *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог, роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4; *Пеше М.* Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 266–270; *Чернявская В.Е.* Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 106–111; *Тубалова И.В.* Фольклор как прототекстовая среда полифонического текста бытовой культуры: к проблеме полидискурсивности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 96–102; *Белоглазова Е.В.* Полидискурсность в контексте идей о дискурсной гетерогенности // Актуальные проблемы современной лингвистики. Вып. 2. СПб., 2010. С. 105–111; *Link J., Link-Heer U.* Diskurs / Interdiskurs und Literaturanalyse // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1990. № 2. S. 88–99.

(рожденная в результате диалога новая форма высказывания о первоначальном предмете).

В настоящем исследовании под политическим дискурсом будет пониматься совокупность высказываний на определенную тему (власть в период Первой мировой войны), обнаруживающих интертекстуальные связи (текст в широком смысле этого слова, не ограниченный только письменной практикой). Учитывая, что интертекстуальность (полифонизм) дискурса свидетельствует о некоторых общих особенностях коллективного мышления, заставляющих ряд индивидов схожим образом высказываться по отношению к событию, можно предположить, что структура дискурса находится в известной корреляции со структурой общественного сознания.

Структуралистский подход к устным, письменным и визуальным текстам также предполагает использования инструментария семиотики – согласно Ю.М. Лотману – науке о знаковых системах, использующихся в процессе общественной коммуникации[313]. Зарождение семиотики в конце XIX в. связывается с трудами американского философа, математика Ч.С. Пирса, выделившего три вида знаков: иконы-подобия, индексы-указатели, символы-конвенции[314]. Еще А.С. Лаппо-Данилевский обращал внимание, что успешная интерпретация источников «обозначающей» группы (к которой ученый относил устные и письменные памятники) возможна лишь при анализе составляющих их условных знаков, при этом классифицируя источники на остатки, пережитки и предания, Лаппо-Данилевский сравнивал пережитки со знаками-символами, в которых сохраняются остаточные значения[315].

Три раздела семиотики – синтактика, семантика и прагматика – изучают функционирование коммуникативных знаков в обществе. Для данной темы диссертационного исследования важны все три раздела: синтактика, согласно

---

[313] *Лотман Ю. М.* Люди и знаки. / В кн. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2010. С. 6.

[314] *Пирс Ч.С.* Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3(7). С. 88-95.

[315] *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Т. 2. М., 2010. С. 54.

Ч. Моррису и Н. Хомски изучает первичную языковую структуру[316], в настоящем исследовании предполагает выстраивание структуры слухов, ходивших в городском и сельском обществе, анализ изобразительной структуры визуальных источников; семантика соответствует традиционному герменевтическому подходу в исторических исследованиях, предполагает изучение вторичной структуры, т.е. тех значений, которые присваивались авторами своим текстам; прагматика изучает восприятие текста реципиентами. В диссертации этот раздел семиотики используется для анализа эффективности пропаганды, в частности, будет показано, что в крестьянской и городской среде создававшиеся властью образы воспринимались по-разному и нередко приводили к обратному от ожидаемого эффекту.

Использование визуальных документов предполагает, помимо семиотики, определенные заимствования из опыта искусствоведения и антропологии образов. Визуальные произведения, так же как информация, передававшаяся в устной и письменной форме, будут рассматриваться как тексты, имеющие внешние и внутренние связи, структуру, что позволяет провести их декодификацию и интерпретацию. Для этого важно рассмотреть изображения с применением разноуровневого подхода: на иконографическом уровне выявить характерные приемы, формы, создающие первичную структуру изображения, на иконологическом — выяснить символическое содержание произведения, на семиотическом — рассмотреть дискурсивную структуру визуального текста-сообщения и его взаимодействие со зрителем. Исследование визуального документа, таким образом, выходит за рамки классического искусствоведения или — тем более — истории искусства и оказывается в области антропологии образов. На рубеже XX и XXI вв. именно об этом писали Дэвид Фридберг и Ханс Белтинг — видные протагонисты антропологического

[316] См.: *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков. Семиотика. М., 1983; *Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. Cambridge, 1965.

поворота[317], — а еще раньше — основоположники иконологии Аби Варбург и Эрвин Панофски[318].

Таким образом, использование как традиционных исторических, так и междисциплинарных подходов (социально-психологического, семиотического, эмоциологического), а также разработанных на их основе методов работы с историческими источниками позволяет осуществить цель настоящей диссертации – исследовать массовые настроения россиян в период Первой мировой войны как совокупности ментальных (рациональных и иррациональных) и действенных (манифестации, бунты, погромы) форм.

***

В XX в. изучение массовых настроений происходило на стыке истории, психологии и семиотики. Даже в раннесоветской историографии предпринимались попытки изучения классовой психологии тех или иных социальных групп в эпоху Первой мировой войны и революции, а во время «нового направления» 1960-1970-х гг. ряд ученых признали необходимость обращения к методологии социальной психологии. Современный антропологический поворот и углубление проблемного поля исследований привело к формированию на рубеже XX – XXI вв. таких самостоятельных направлений, как руморология и эмоциология. Сформировалась необходимая инструментальная база, позволяющая применять к источникам методы исследования таких тонких материй, как настроения, чувства, эмоции, представленная дискурсивным и интертекстуальным методами, методами семиотики, в отношении визуальных источников – иконографии, иконологии. При этом крайне важным представляется подбор максимально репрезентативной источниковой базы. Учитывая, что

[317] Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры / Ред.-сост. Н.Н. Мазур. М.; СПб., 2018. С. 10.

[318] *Варбург А.* Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб., 2008; *Панофски Э.* Этюды по иконологии. СПб., 2009.

предметом исследования являются массовые настроения, то и основные группы источников должны обладать признаками массовых – отражать типичные реакции современников. Используемые в диссертации материалы перлюстрации, протоколы обвинений подданных в оскорблении членов августейшей семьи, доносы обывателей друг на друга, дневники современников, материалы визуальной пропаганды (лубок, плакаты, иллюстрированные почтовые карточки, журнальные иллюстрации) – все это позволяет в полной мере изучить структуру и динамику массовых настроений российского общества в годы Первой мировой войны и революции 1917 г.

ГЛАВА 2.
СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАНУНА И ПЕРИОДА МОБИЛИЗАЦИИ И ПАРАДОКСЫ ПАТРИОТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ

1. Рабочие беспорядки весны-лета 1914 г. как аффективно-эмоциональный тип социального действа

Современные эмоциологические исследования показывают, что столкновение представителей разных эмоциональных режимов (например, «сдержанного» городского с «несдержанным» сельским), а также репрессии по отношению эмоциональных практик, ритуалов со стороны властей становятся важным фактором бунтарства. Демографические изменения, происходившие в России с конца XIX в., урбанизация вкупе с некоторой инерцией первой российской революции 1905-1907 гг. усиливали социальную напряженность, которая периодически окрашивалась в цвета политического протеста. С 1912 г. в России планомерно росло рабочее забастовочное движение. В результате постепенной революционизации пролетариев уже первая половина 1914 г. дала в масштабе России большее количество стачек, чем весь 1905 г. В забастовках участвовало около полутора миллионов человек, причем 80% стачек носили политический характер (при том, что разделение стачек на политические и экономические носит условный характер, следует отметить, что о политизации забастовок говорили и современники, это же отмечалось в статистических сведениях, собиравшихся Санкт-Петербургским Обществом заводчиков и фабрикантов). А.Г. Шляпников отмечал усилившуюся психологическую напряженность и нервозность в рабочей среде: «Атмосфера весною 1914 года в фабрично-заводских районах была напряжена до крайности. Все конфликты, от малого и до великого, независимо от их происхождения, вызывали стачки протеста, демонстративные окончания работ за час до конца работ и т. п.

Политические митинги, схватки с полицией были явлениями обыденными. Рабочие начали заводить знакомства и связи с солдатами близлежащих казарм. Велась революционная пропаганда и в лагерях. Весьма активная роль в этой пропаганде выпадала на долю женщин-работниц, ткачих и других текстильщиц»[319].

В 1914 г. забастовочным движением были охвачены такие города, как Петербург, Москва, Киев, Баку, Варшава, Таганрог, Рига и др. Если, по данным Петербургского Общества заводчиков и фабрикантов, в столице за весь 1913 г. произошли 624 забастовки, причем из них политическими было 59%, то только за июнь–июль 1914 г. в Петербурге было зафиксировано 337 забастовок, и уже 81% из них относился к политическим[320]. Кроме того, общее число потерянных рабочих дней за 1913 г. составляло 1 132 324, тогда как лишь за июнь– июль 1914 г. — 1 020 039.

В масштабах всей России соотношение примерно такое же. Так, за весь 1913 г. количество потерянных рабочих дней составляло 3 868 257, в то время как в 1914 г. (фактически, за первые полгода, так как число забастовок после начала войны резко сократилось) — 5 755 072. Примечательно, что количество потерянных рабочих дней за революционный 1917 г. составило всего 3 822 656[321].

Ощущения надвигавшейся революционной бури достигали даже Сибири. Один из находившихся в окруженном болотами Нарыме политических ссыльных с горечью писал друзьям в июне 1914 г.: «Дело в том, что меня страшно мучает мое вынужденное бездействие. Теперь везде, везде в России страшное оживление, и вот когда мы, не складывавшие руки в самые мрачные времена,

---

[319] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: В 3 т. Т. 1: Канун семнадцатого года. М., 1992. С. 40.

[320] РГИА Ф. 150. Оп. 1. Д. 669. Л. 12, 77.

[321] Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 88.

должны сидеть здесь молчаливыми наблюдателями, — то это страшно угнетает»[322].

В июле 1914 г. в Петербурге количество забастовок возросло более чем в три раза по сравнению с предыдущим месяцем[323]. 4 июля в столице была расстреляна демонстрация Путиловских рабочих, выступивших в поддержку продолжавшейся с 28 мая забастовки Бакинских нефтяников. В итоге 2 человека были убиты и около 50 ранены. Это вызвало широкий общественный резонанс, рабочие организации Москвы, Киева, Варшавы, Риги принимали резолюции и устраивали в поддержку путиловцев собственные акции протеста. Применение столичными властями оружия развязало руки рабочим и направило ход стачечной борьбы в русло событий 1905 г.: в Петербурге стали возводить баррикады, опрокидывая телеграфные столбы, переворачивая телеги и трамвайные вагоны, опутывая их проволокой, вступали в вооруженное противостояние с полицией и казаками. 7 июля баррикады из восьми опрокинутых вагонов конки возникли на Безбородкинском проспекте, а шестиэтажный дом по соседству превратился в своеобразную крепость, из которой рабочие вели прицельный обстрел полиции, срывая всяческие попытки штурма здания. 8 июля в городе прекратилось трамвайное движение, пошли массовые погромы магазинов, ресторанов, не прекращавшиеся даже по ночам[324]. Петербуржец так описывал происходившее в письме от 10 июля 1914 г. своему московскому адресату: «Уведомляю тебя, что у нас на заводе началась забастовка. Сейчас у нас в Петербурге идет забастовка против расстрела Путиловских рабочих, трамвайное движение остановлено ввиду того, что рабочие разбили много вагонов, да и служащие боятся ехать, что теперь делается у нас в Петербурге близко к тому, что у вас было в Москве в 1905 году. Местами строятся баррикады и идет перестрелка с полицией и казаками. Есть убитые. Одно горе мало оружия. На Выборгской стороне рабочие нападают на полицию и

[322] ГА РФ Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 73.

[323] РГИА Ф. 150. Оп. 1. Д. 669. Л. 77.

[324] Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1914. 4–14 июля.

избивают их ихним оружием. Одного околоточного его же шашкой изрубили, что будет дальше не знаем»[325].

Днем казаки в рабочих кварталах еще пытались поддерживать видимость порядка, однако с наступлением сумерек они покидали рабочие районы. Находившийся в те дни под видом иностранного рабочего в Петербурге А.Г. Шляпников вспоминал, как при попытке пройти в свой район он был остановлен казаками, которые, увидев перед собой «иностранца», стали отговаривать его от этой затеи, но при этом сами не решились его сопроводить до дома: «С наступлением сумерек полиция и казаки не решались углубляться в рабочие кварталы, и до глубокой ночи там слышались революционные напевы»[326].

Москва не сильно отставала от северной столицы: из-за начавшихся демонстраций в городе также почти прекратилось трамвайное движение, статистические данные которого могут являться косвенным свидетельством динамики социального протеста — резкий спад обычного уровня пассажирских перевозок, не вызванный техническими проблемами, обратно пропорционален численности пешеходов, сознательно или нет влияющих на протестную уличную активность. За 8–9 июля в Москве трамвайный пассажиропоток, в обычные июльские дни составлявший около 800 000 человек в день, в сумме сократился до 487 047 пассажиров за два дня, т. е. снизился более чем в три раза[327]. Помимо Петербурга и Москвы протестное движение было поддержано рабочими и студентами Киева, Варшавы, Риги, Баку и других крупных городов Российской империи.

Сравнение с революцией 1905 г. часто встречается в перлюстрированных письмах современников. «Революция стучится в дверь», — написал петербургский рабочий Иван, а варшавский обыватель, отмечая, что столичные события эхом откликнулись и в Польше, с нетерпением ждал будущего, полагая:

---

[325] ГА РФ Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 64.

[326] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. С. 43.

[327] Подсчитано по: Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве. 1914. № 7.

«оно принесет нам кое-что…»[328]. Даже житель французского Гренобля делился с адресатом в Казанской губернии настроениями в Европе: «Говорят, в России готовятся к революции»[329]. Более осторожные в оценках свидетели тех дней предпочитали говорить если не о революции, то о переходе некоего Рубикона, после которого возврат к прошлому представлялся уже невозможным: «Это не революция, до революции еще далеко, но это грозный симптом. Alea jacta est (Жребий брошен. — В.А.)»[330].

13 июля градоначальник Петербурга князь А.Н. Оболенский ввел запрет на проведение митингов в столице. Однако эта мера, совершенно неожиданно, оказалась вредной для самих властей, так как с началом 17 июля[331] частичной мобилизации революционная риторика уличных митингов стала приобретать патриотический характер, что позволило пустить революционный энтузиазм масс в выгодное для правительства русло.

Вместе с тем не стоит переоценивать сознательность рабочих акций протеста. Даже революционно настроенные современники с горечью констатировали, что местами рабочие беспорядки обретали форму банального пьяного хулиганства. В этом взгляды некоторых социалистов и консерваторов на природу событий июльских дней совпадали. В «Новом времени» вышла статья под заголовком «В тине революционного хулиганства», в которой обращалось внимание как на стихийную природу бунта, так и на организационную[332]. Если переворачивание трамваев с целью постройки баррикад можно было отнести на счет сознательной революционной активности, то начавшаяся волна погромов торговых заведений ей противоречила. Так, например, 7 июля толпа рабочих в количестве около 3000 человек подошла к ресторану «Выборг» и

[328] ГА РФ Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 75(об), 80.

[329] ГА РФ Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 10.

[330] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 65.

[331] В пограничных с Австро-Венгрией военных округах частичная мобилизация началась 16 июля.

[332] Новое время. 1914. 11 июля.

перебила в нем стекла; ночью 10 июля были разбиты все фонари на Забалканском проспекте; та же толпа громила попадавшиеся на пути магазины, рестораны и пивные[333]. 11 июля большая толпа рабочих разгромила трактир «Бережки». Разбив все оконные рамы, она перешла к расположенному поблизости трактиру «Яр», где также начался разгром. Лишь подоспевшие казаки, пустив в ход нагайки, прекратили дальнейшее уничтожение трактиров и пивных лавок. Концентрация фактов столкновений рабочих и полиции рядом с местами продажи алкогольной продукции не кажется случайной. В рамках борьбы с подобными формами протестной активности рабочих власти столицы пошли на закрытие всех питейных заведений в городе[334]. Петербуржцы писали в частных письмах накануне войны: «У нас в Петербурге разыгралась даже не забастовка, а прямо хулиганская оргия, которая окончательно вооружила против себя всех благоразумных людей»; «В Петербурге — гнусные времена. На три четверти все манифестации хулиганские, а что еще хуже, так это заражение рабочей среды националистическим духом»; «Тебя интересуют наши июльские дни. Разочаруйся, голубчик, они прошли до нельзя отвратительно. Вещи идейные нельзя переплетать с хулиганскими выходками, а это-то последнее в наших июльских днях и преобладало»[335].

Многие современники по инерции отказывались признавать революционный характер событий на том основании, что ни участники беспорядков, ни сторонние наблюдатели не видели внятных политических лозунгов, целей протестов, логики действий. З.Н. Гиппиус, тем не менее, была поражена их иррациональностью, она была склонна усматривать некую скрытую, мистическую силу, которой подчинялась толпа: «Меня, в предпоследние дни, поражали петербургские беспорядки. Я не была в городе, но к нам на дачу приезжали самые разнообразные люди и рассказывали, очень подробно, сочувственно... Однако я ровно ничего не понимала, и чувствовалось, что

[333] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1914. 11 июля.

[334] *Меницкий Ив.* Революционное движение... С. 39–40.

[335] ГА РФ Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 99; Д. 976. Л. 1.; Д. 967. Л. 111.

рассказывающий тоже ничего не понимает. И даже было ясно, что сами волнующиеся рабочие ничего не понимают, хотя разбивают вагоны трамвая, останавливают движение, идет стрельба, скачут казаки. Выступление без повода, без предлогов, без лозунгов, без смысла... Что за чепуха? Против французских гостей они, что ли? Ничуть. Ни один не мог объяснить, в чем дело. И чего он хочет. Точно они по чьему-то формальному приказу били эти вагоны. Интеллигенция только рот раскрывала — на нее это, как июльский снег на голову. Да и для всех подпольных революционных организаций, очевидно»[336]. В действительности именно с того момента, когда толпа выходит за границы рационального, и начинаются революции, в основе которых лежит мощный социальный взрыв, заставляющий рационально-организованное начало подчиняться стихийно-аффективному. Когда в феврале 1917 г. революция будет разгораться с хлебных беспорядков, Гиппиус точно так же по привычке станет отрицать их революционный характер: «Так как (до сих пор) никакой картины организованного выступления не наблюдается, то очень похоже, что это обыкновенный голодный бунтик, какие случаются и в Германии»,[337] — запишет поэтесса в дневнике 23 февраля 1917 г.

По сообщениям начальников губернских жандармских управлений очень часто инициаторы забастовок описывались в политически нейтральных характеристиках как «хулиганистые молодые люди»[338]. Довольно часто именно подростки проявляли повышенную инициативу и агрессию. Во время июльских забастовок недалеко от станции «Новая Деревня» Петербургской губернии толпа рабочих в количестве 2000 человек, большую часть которой, согласно докладной записке губернатора, составляли подростки, заблокировали движение двух пассажирских поездов[339]. Тем самым в рабочем протестном движении обнаруживается заряд пубертатного бунтарства.

---

[336] *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М., 2003. С. 155.

[337] Там же. С. 206.

[338] ГА РФ Ф. 102. Оп. 244. ДП-ОО. Д. 341л. Б 1. Л. 206–206(об.)

[339] ГА РФ Ф. 102. Оп. 123. Д. 61 ч. 2. л.Б. Л. 12–12(об).

Следует заметить, что в ряде случаев во время массовых выступлений рабочих полиции приходилось защищать их участников друг от друга: между разными артелями вспыхивали нешуточные споры, переходившие к выяснению отношений с помощью камней, арматуры и даже огнестрельного оружия. Так, Петербургское Охранное отделение сообщало, что 5 мая 1914 г. в Выборгской части и на Охте произошел «выдающийся случай кровавого столкновения рабочих двух артелей каталей каменного угля»[340]. Предыстория «побоища» следующая: работавшая на Медно-прокатном и трубочном заводе артель каталей за частое хищение с завода металлических изделий была заменена другой артелью, причем последние, чтобы получить работу, снизили расценки на оплату своего труда. На этой почве между двумя группами рабочих возникла неприязнь. 5 мая рабочие уволенной артели решили побить одного из членов второй артели, но он успел от них скрыться. В свою очередь его товарищи, узнав об этом, подстерегли и побили зачинщика из первой артели. По окончании работ катали первой артели, желая отомстить за нанесенную обиду своему товарищу, на углу Тимофеевской улицы и Полюстровской набережной вступили в драку с каталями второй артели, возвращавшимися на квартиры на Охту. Провожавший своих рабочих подрядчик Христофор Разсенис в целях самообороны произвел выстрел из револьвера в воздух, и в то же время к месту происшествия подоспел наряд городовых, и нападавшие разбежались. Затем, когда рабочие первой артели, которых было около шестидесяти, прошли с версту, на них снова напала толпа рабочих второй артели — их было несколько сотен. Последовала общая свалка, в ход пошли камни. Побоище прекратилось по прибытии на место наряда полиции. Трое рабочих первой артели были направлены в больницу, получив тяжкие, но не угрожающие жизни травмы. Следует заметить, что и во время проведения политических демонстраций рабочие, бывало, наносили друг другу ножевые ранения.

В историографии нередко преувеличивалась степень противостояния рабочих и полиции. Эти две силы рассматривались как антагонистические. Не

[340] ГА РФ Ф. 102. Оп. 123. Д. 108. Ч. 61 Л.А. Л. 19(об).

касаясь темы сотрудничества рабочих с полицией, а также неформального общения околоточных и городовых с проживающим в их районах населением, обратим внимание на конфликтные столкновения представителей двух сил во время массовых акций. Если внимательно почитать отчеты департамента полиции, то окажется, что толпе бунтующих рабочих в количестве несколько сотен человек, как правило, противостояли 3–4 полицейских чина. Так, например, во время массового протеста 9 июля в 11 часов утра из села Рыбацкое Санкт-Петербургской губернии по направлению к Усть-Славянке вышла толпа рабочих Обуховского завода в количестве около 500 человек. Протестующие несли красный флаг и пели революционные песни — этого было достаточно, чтобы записать демонстрацию в разряд политических. Целью манифестантов было снять рабочих механического завода Шульца и лесопильного Лебедева в Усть-Полянке, но при переходе через реку Славянку рабочие были встречены урядником Кондратенко с тремя конными стражниками. Урядник не только отобрал у рабочих флаг, но и арестовал троих наиболее активных[341]. Толпа в 500 человек не пыталась оказать сопротивление четырем стражам порядка и защитить революционное знамя и своих товарищей. Того же числа в Дубовой Роще императора Петра Великого в «Дубках» собралась толпа в 300 человек. Рабочие были вооружены, стреляли в воздух, однако при приближении полиции все разошлись[342].

Тем не менее толпе не свойственно рациональное поведение. Она подчиняется эмоциям, поэтому, когда в ней присутствуют истеричные молодые люди, подростки, толпа становится агрессивной и склонной к насилию. Так, 19 марта в Петрограде происходили забастовки, связанные с массовым отравлением женщин-работниц т-ва «Треугольник». На Большой Зелениной улице собралась толпа в 300 человек и с пением «Вставай, подымайся» направилась к Большому проспекту. На углу Колпинской улице и Малого проспекта дорогу ей перегородил постовой, городовой 2-го участка Петербургской части

[341] ГА РФ Ф. 102. Оп. 123. Д. 61 ч. 2. л.Б. Л. 12–12(об).

[342] Там же. Л. 14–14об.

Самкович, потребовавший прекратить пение. Самкович позвал себе на подмогу нескольких дворников. Толпа подчинилась, и городовой арестовал ее «руководителя» — 18-летнего крестьянина Ивана Федорова. Однако когда дворники захотели увести молодого человека, тот стал вырываться, кричать и просить помощи у толпы: «Товарищи, выручайте!». Только после этого рабочие набросились на городового, повалили его на мостовую и стали избивать. Лежа на земле, Самкович смог вынуть револьвер и трижды выстрелить в толпу. Рабочие разбежались. Двое, включая Федорова, оказались ранены[343]. Следует заметить, что в периоды более сильного эмоционального напряжения, как, например, в феврале 1917 г., пытавшихся стрелять городовых толпа убивала на месте, в лучшем случае — отбирала оружие и избивала. При этом надо учесть, что к 1917 г. образ полицейского в глазах народа претерпел одно принципиальное изменение, вызывавшее негативные эмоции: к нему стали относиться как к предателю, уклоняющемуся от воинской повинности. Также стоит отметить, что после начала войны роль эмоционального катализатора в толпе вместо подростков чаще начинали играть женщины, что накладывало свои особенности на поведение демонстрантов.

В некоторых случаях большее возмущение рабочих вызывали действия не полицейских, выполнявших свои профессиональные обязанности, а дворников. Так, 22 марта на Петергофском шоссе в сторону Путиловского завода двигалась толпа с пением революционных песен. И в этом случае городовой разогнал манифестантов с помощью дворников соседних домов. При этом один из рабочих выплеснул свой гнев именно на дворника — ударил его напильником, нанеся колотое проникающее ранение[344].

Учитывая низкую степень политической сознательности рабочих, не приходится удивляться тому, что определенную роль в динамике массовых выступлений играли стихийные факторы: технологические аварии или погодные условия. Так, говоря о массовости демонстрации 4 апреля, посвященной

[343] ГА РФ Ф. 102. Оп. 123. Д. 108 ч. 61. л. А. Л. 12(об)–13.

[344] ГА РФ Ф. 102. Оп. 123. Д. 4. ч. 3. л. А. Л. 15–15(об).

годовщине Ленского расстрела и в знак протеста против локаута 20 марта, необходимо принимать во внимание, что из-за аварии на электростанции в ночь с 3 на 4 апреля в Петербурге остановилась почти половина трамваев, вследствие чего горожанам пришлось добираться до работы пешком, вынужденно пополняя численность вышедших на улицу манифестантов[345]. Также стоит отметить зависимость проведения городских демонстраций от погодных факторов. После протестных акций 4 апреля на повестке встало проведение первомайской общегородской демонстрации на Невском проспекте и ряда районных демонстраций на окраинах, но если 1 мая на фабриках и заводах рабочие смогли отметить праздник, то из-за дождя, шедшего с ночи до полудня. городские манифестации провалились: «Вчера, 1 мая, вопреки всем тревожным ожиданиям, день прошел удивительно спокойно. Все сделал сильный дождь, который начался еще ночью и беспрерывно лил до двенадцати часов вчерашнего дня»[346]. Одна революционно настроенная жительница Петербурга, праздновавшая 1 мая, в письме своему знакомому в Енисейскую губернию рисовала картину всеобщей рабочей забастовки, в которой приняло участие свыше 250 000 человек, но при этом сокрушалась, что «забастовки прошли везде и всюду очень энергично, но только по случаю дождя не было демонстраций, хотя и были, но слишком мелки»[347]. Незначительная часть «сознательных рабочих» вечером все же выбралась в город, где у них произошло столкновение с полицией, в котором сложно обнаружить революционный мотив. Около 7 часов вечера на углу Большого Сампсониевского проспекта под трамвай попала пятилетняя дочь столяра. Хотя девочка осталась жива, прибывшим чинам полиции не удалось самостоятельно извлечь ее из-под трамвая, в результате чего было принято решение дождаться техпомощи с домкратами. Тем временем на проспекте собралась толпа рабочих, в которой было много пьяных по случаю праздника. В произошедшем обвинили полицейских и

[345] Петербургский листок. 1914. 4 апреля.

[346] Петербургский листок. 1914. 2 мая.

[347] ГА РФ Ф. 102. Оп. 244. ДП-ОО. Д. 101–Б. Л. 2.

принялись забрасывать их камнями. Когда прибыл поезд с домкратом, рабочие забросали и его, ранив машиниста. Для прекращения беспорядков были вызваны отряды конной полиции. 10 человек были арестованы[348].

Следует отметить, что впоследствии сами революционеры признавали недостаток организованности рабочего движения и некоторый фактор стихийности в его развитии. А.Г. Шляпников так описывал рабочую среду весной 1914 г.: «Чувствовалось, что рабочие индивидуально значительно выросли. Однако отсутствие профессионального объединения давало себя знать. Внутренние, не писаные, а действительные порядки в мастерских были чрезвычайно разнообразны, менялись не только от одного завода к другому, но были неодинаковы даже между цехами одного и того же завода… Опыта в повседневной упорной борьбе было мало, профессиональные союзы были слишком слабы и жили под угрозой закрытия, а поэтому и не могли воспитать и дисциплинировать профессиональную борьбу рабочих масс»[349].

В июльские дни питерские рабочие выказывали недовольство тем, что их товарищи из Кронштадта не поддержали забастовочное движение. Агент охранки передавал, что было решено в будущем чаще высылать в Кронштадт пропагандистов[350]. Примечательно, что в самом Кронштадте среди рабочих 20 июля распространился слух, что «происходившие за последние дни рабочие забастовки в Санкт-Петербурге и в других городах были организованы немцами, которыми для этой цели были затрачены значительные денежные суммы»[351]. Впрочем, вероятнее всего распространение подобных слухов было делом рук правых партий. Революционная и охранительная пропаганда часто использовали общие методы борьбы, по-разному интерпретируя одни и те же события. Так, например, в марте 1914 г. на резиновой фабрике «Треугольник» отравились женщины-работницы. Прошли массовые акции протеста против

[348] Петербургский листок. 1914. 2 мая.

[349] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. С. 35–37.

[350] ГА РФ Ф. 102. Оп. 244. ДП-ОО. Д. 341 л. Б1. Л. 141.

[351] Там же. Л. 147.

администрации, к которым присоединись рабочие табачного, бумагопрядильного и металлургического производства, требовавшие улучшения условий труда. Ситуация широко освещалась в западной социалистической прессе, где выходили статьи под заголовками «Царизм травит русских рабочих»[352]. В результате было проведено официальное расследование, которое подтвердило факт отравлений, однако черносотенные авторы заявили, что «отравления среди рабочих — дело рук шайки революционеров-отравителей»[353]. Осенью 1914 г., во время расцвета шпиономании, газеты распространяли слух о том, что во всем виноват служащий фабрики «Треугольник» немец-химик Келлер, дома у которого якобы нашли переписку на немецком языке, в которой речь шла об удушающих газах[354].

Революционеры-современники не строили иллюзий относительно классовой сознательности рабочих, признавая, что даже питерские рабочие-металлисты, считавшиеся наиболее революционизированными, не отличались развитой профессиональной солидарностью[355]. Чтобы собрать рабочих на митинг, иногда приходилось прибегать к хитростям: так, например, когда после окончания смены рабочие устремлялись из своих цехов во двор предприятия, несколько партийных «товарищей» блокировали выход, создавали в дверях «пробку», и прежде чем по вызову администрации прибывала полиция, успевал выступить оратор и рабочие выносили свое «решение».

Основная масса рабочих достаточно добродушно относилась к партийным товарищам, нередко на словах поддерживая их инициативы, не вдаваясь в нюансы политической программы. После продолжительного рабочего дня участие в спонтанном митинге казалось забавой, способом психологической релаксации. 3 июля 1914 г. во дворе Путиловского завода кто-то из рабочих запел «Похоронный марш» («Вы жертвою пали»), другие тут же подхватили.

---

[352] Там же. Л. 67.

[353] Там же. Л. 68.

[354] Минская газета-копейка. 1914. 6 сентября.

[355] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. С. 40.

Исполнили почти весь репертуар рабочих революционных песен, пока не прибыла полиция и не начались задержания. Всего было арестовано 65 человек[356]. По местам их проживания прошли обыски, однако в ряде случаев никакой компрометирующей литературы найдено не было. Из показаний следовало, что некоторые рабочие случайно оказались во дворе завода, плохо понимали, что происходит, но, очевидно, поддавшись всеобщему настроению, наступившей эйфории от коллективного исполнения знакомых песен, остались на импровизированном митинге. Пение песен объединяло людей на эмоциональном уровне, однако политическая подоплека репертуара формально способствовала их революционной идентификации. Любопытное наблюдение можно сделать на основе письма из Самары, где 14 июля прошла рабочая манифестация: первоначально по Дворянской улице рабочие ходили маленькими группами, но когда раздались слова «Похоронного марша», они тут же объединились в толпу в 400 человек и двинулись в сторону Саратовской. Прибывшие конные городовые без труда разогнали манифестантов[357]. Эти примеры показывают, как эмоциональное состояние собравшихся, возникшее благодаря коллективному пению, становилось стержнем массового социального действа.

Город накладывал отпечаток на поведение и мышление бывших крестьян. Предписывалось подавление эмоций: на улицах городов запрещалось шуметь, за чем следили стражи порядка, дворники; к собеседникам полагалось обращаться вежливо и т. п. Многие из этих правил были чужды крестьянской ментальности и вызывали в первое время конфликты. Вместе с тем более серьезной проблемой для рабочих было то, что требовавший от них вежливого обращения «город» сам не спешил придерживаться тех же правил по отношению к ним. Вчерашние крестьяне, прибывавшие в города, сталкивались с «тыканьем», грубостью, а иногда и физическим насилием со стороны полицейских чинов, дворников, заводской администрации.

---

[356] ГА РФ Ф. 111. Оп. 5. Д. 506. Л. 2-4.

[357] ГА РФ Ф. 102. Оп. 244. ДП-ОО. Д. 341 л. Б1. Л. 175-175 об.

Запрет на пение также можно рассмотреть в контексте эмоциональных конфликтов, ведь совместное публичное исполнение песен способствовало не только политической самоидентификации рабочих, но и эмоциональному единению. Вмешательство полиции и пресечение публичного пения означало подавление эмоциональных потребностей толпы, что порождало негативную реакцию и конфликты с полицией. В силу определенных возрастных и психологических факторов пение запрещенных песен использовалось в качестве провокации, некой демонстрации удали. Заметим, что в крестьянской среде песня также рассматривалась как средство политической идентификации и эмоционального единения. Вологодский крестьянин И. Юров вспоминал, что в молодости мечтал познакомиться с «политическими», но пока это ему не удавалось, они с друзьями распевали революционные песни. В некоторых случаях пение носило хулиганско-провокационный характер. Так, оказавшись на празднике у своего родственника, где сидел подвыпивший урядник, Юров на просьбу урядника спеть что-нибудь затянул с товарищами «Отречемся от старого мира»: «Глотки у нас были молодые, и мы так гаркнули, что дрожали рамы… А рожа урядника черт-те на что и похоже была. Он так растерялся, что и после того, как мы кончили песню, еще долго не мог прийти в себя. Потом, очухавшись и даже как будто протрезвев, он начал нас упрашивать больше таких песен не петь. Я сказал: „Верно ребята… Давайте лучше другую“, — и начал: „Вихри враждебные веют над нами…“»[358] Следует отметить, что Юров и его друзья-крестьяне революционерами не были и политическими делами не занимались. Совместное пение выступало одним из ритуалов, широко распространенных в народной среде, но когда с помощью пения открывалась возможность пощекотать нервы представителю власти, молодежь легко меняла свой репертуар на политический. При этом исследователи обращают внимание на слияние в народном песенном творчестве политических произведений с тюремными и бродяжьими: в последние нередко встраивался революционно-

[358] *Юров И.* История моей жизни. Рыбинск, 2017. С. 133–134.

пропагандистский дискурс[359]. По подсчетам М. и Л. Джекобсонов на 1906 – 1914 гг. пришелся пик издания арестантского песенного фольклора[360]. К началу Первой мировой войны пение стало важным фактором политической идентификации, но говоря о ритуале политического пения рабочими, необходимо учитывать также и эмоционально-возрастной аспект.

Другим ритуалом, который пыталась нормировать полиция, были рабочие похороны. Естественные причины смерти не привлекали внимания больших масс пролетариев, а гибель рабочих от несчастных случаев на производстве, самоубийства, в которых усматривался социально-политический подтекст, и убийства при подавлении властями протестных акций вызывали в рабочей среде возмущение. В этих случаях устраивались массовые похоронные процессии, за которыми следила полиция. Однако у властей были свои представления о ритуале рабочих похорон: кроме запрета на исполнение «Похоронного марша», «Вечной памяти» запрещалось декорировать гроб красными лентами, сопровождавшим процессию не разрешалось нести в руках траурные венки, не говоря уже о знаменах и транспарантах. 21 марта в Петербурге состоялись похороны рабочих, погибших 17 марта при взрыве паропроводных труб. Хоронили их по отдельности, и самая большая процессия сопровождала гроб с рабочим Романовым — первоначально попрощаться с однофамильцем царя пришло 500 человек, но по мере следования толпа увеличилась до 1000 человек, причем помимо рабочих в нее вливались и студенты. Полиция сопровождала процессию, пресекая попытки запеть «Вечную память» и снимая с гроба красные ленты, тем самым раздражая собравшихся[361]. На

[359] *Лурье М.* Политические и тюремные песни в начале XX века. Между пропагандой и фольклором // Русский политический фольклор. Исследования и публикации. М., 2013. С. 15.

[360] *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Преступление и наказание в русском песенном фольклоре (до 1917). М., 2006. С. 14.

[361] ГА РФ Ф. 102. Оп. 123. Д. 4. ч. 3. л.А. Л. 12–12(об).

кладбище была попытка произнести политическую речь, что также было пресечено представителями власти.

Таким образом, рабочие протесты весны-лета 1914 г. несли в себе заряд неорганизованного, стихийного бунтарства, в котором эмоционального было больше, чем идейного. Современные эмоциологические концепции хорошо коррелируют с теорией М. Вебера, выделяющей аффективно-эмоциональный тип социального действа. Данный аспект представляется крайне важным для понимания природы революционного движения, так как выводит последнее из-под давления политического или экономического детерминизма и позволяет рассматривать его в более широком социокультурном контексте.

2. Парадоксы патриотических манифестаций июня-июля 1914 г.

Самая известная патриотическая манифестация, о которой писали газеты и журналы в июле 1914 г., состоялась в Петербурге 20 июля — в день оглашения царского манифеста о вступлении России в войну. По свидетельству корреспондентов, на Дворцовой площади стотысячная толпа в порыве верноподданнических чувств опустилась перед вышедшим на балкон императором на колени. При этом печать по естественным причинам умолчала о не менее масштабном и символическом действе — в тот же день в Лысьве Пермской губернии рабочие и призывники загнали полицию вместе с заводской администрацией в контору и подожгли ее. В ряде городов во время «патриотических» манифестаций толпы пели революционные песни. Подобный дуализм является характерной приметой июльских дней.

Первая июльская патриотическая манифестация произошла в Петербурге еще до объявления мобилизации — она сопровождала эскорт президента Франции Р. Пуанкаре, прибывшего в столицу 8 июля 1914 г. От Царской пристани на Английской набережной и до Зимнего дворца расположились группы патриотически настроенных и просто любопытствующих подданных. Из окон

домов, фасады которых выходили на набережную, свисали национальные флаги. Играли оркестры. Накануне на улицах столицы продавали маленькие французские и русские флажки с надписями «Россия приветствует дорогих гостей» и «Добро пожаловать», которыми теперь махали обыватели[362].

У современников не было сомнений в том, что «патриотические» толпы были искусственно собраны властями: «Власти были озабочены организацией встречи. Ко дню приезда Пуанкаре в самый Питер полиция мобилизовала для встречи в качестве фигурантов „русского народа“ — дворников. Полицию и казаков также стянули туда, и на местах, соединяющих окраину с городом, были поставлены патрули, чтобы не пропускать рабочих-демонстрантов», — писал А.Г. Шляпников[363]. Но если большевика можно заподозрить в субъективизме, желании нивелировать патриотические настроения заказным характером манифестаций, то свидетельства французского посла, в целом отмечавшего подъем энтузиазма столичного общества, представляются беспристрастными. М. Палеолог, сопровождавший Пуанкаре во время его посещения Петербурга, записал в дневнике 8 июля: «На всем пути нас встречают восторженными приветствиями. Так приказала полиция. На каждом углу кучки бедняков оглашают улицы криками „ура“ под наблюдением полицейского»[364]. Впрочем, помимо бедняков в толпе, согласно сохранившимся фотодокументам, было достаточно много представителей средних городских слоев, женщин в дорогих платьях и модных шляпках, мужчин в костюмах, а также студентов. О показушности патриотических акций 8 июля писал корреспондент «Вечернего времени» в статье «Убогая роскошь». В конце статьи корреспондент иронизировал: «И если французы, быть может, не получили ясного представления о военной нашей мощи, то наверное преисполнились удивления перед полнотой полицейского могущества»[365].

---

[362] Вечернее время. 1914. 7 июля.

[363] *Шляпников А.Г.* Канун 17-го года… С. 43.

[364] *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 18.

[365] Вечернее время. 1914. 9 июля.

В то же самое время, когда «патриоты» под контролем полиции и дворников встречали французского президента, на Выборгской стороне рабочие строили баррикады. По воспоминаниям А.Г. Шляпникова, в рабочей среде появилась идея отправиться встречать Пуанкаре, чтобы демонстративно заявить: «У нас в доме непорядок и нам не до гостей»[366]. Под звуки «Варшавянки» рабочие начали движение с Выборгской стороны, но были рассеяны казаками. Современникам, плохо представлявшим себе рабочее движение, в условиях сгущавшейся международной ситуации казалось, что это дело рук Германии. «Мой осведомитель, хорошо знающий рабочую среду, утверждает, что движение было вызвано немецкими агентами», — записал в дневнике М. Палеолог[367]. «Вечернее время» также распространяло эту версию, достаточно наивно предполагая, что в прекрасный летний день рабочие по собственной воле не вышли бы на манифестации, и забывая о том, что рабочее движение в России активно набирало силу с мая 1914 г.[368]. Черносотенная «Земщина» традиционно усматривала в рабочем движении происки «иудейских наемников»[369]. Впоследствии, в условиях распространявшейся шпиономании, людям, склонным к конспирологии, казалось, что развитие революционного движения — дело рук внешних или внутренних врагов. Большинство — германофобы — подозревали немецких агентов, но существовала и англофобская партия, искавшая британский след.

Смешение искусственных патриотических и естественных рабочих манифестаций в сознании обывателей создавало образы протестных акций чуть ли не общенационального масштаба. Испуганное сознание порождало слухи. Так, еще 7 июля, накануне прибытия Пуанкаре, в столице появился слух, что к рабочей забастовке добавилась забастовка интеллигентов — свидетели видели, как толпа хорошо одетых мужчин и женщин, перейдя мост, хлынула на

[366] *Шляпников А.Г.* Канун 17-го года… С. 44.

[367] *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 16.

[368] Вечернее время. 1914. 9 июля.

[369] Земщина. 1914. 11 июля.

Литейный проспект. Однако позже выяснилось, что этими людьми были пассажиры трамвая, который неподалеку потерпел аварию[370]. По-видимому, трамвай был остановлен рабочими: во время манифестаций последние нередко отбирали у вагоновожатого ключи, а вагоны трамвая порой переворачивали, сооружая баррикады, или просто сдвигали с рельсов, преграждая путь другим вагонам и вынуждая пассажиров присоединяться к уличным толпам. В конце концов на некоторых линиях было прекращено трамвайное движение. Минимум пассажирских перевозок пришелся на 9 июля, когда было перевезено 87 826 человек, при средней норме в 900 000[371]. По ощущениям петербургского городского головы И.И. Толстого, пользовавшегося личным транспортом, трамвайное движение в столице восстановилось 11 июля, однако согласно статистическим сведениям городской управы, обычный пассажиропоток восстановился лишь в первый день мобилизации — 18 июля, составив 940 593 человека[372]. При подавлении рабочих беспорядков применялось оружие. С 4 по 10 июля было убито 7 рабочих и 14 ранено[373].

Была и другая версия «происшествия на Литейном мосту»: якобы на него вышли прибывшие с Пуанкаре французские матросы и запели «Марсельезу». Казаки же, не разобравшись и приняв их за русских рабочих, а также не отличив французский национальный гимн от русскоязычной «рабочей Марсельезы» («Отречемся от старого мира…»), набросились на них с нагайками и всех разогнали[374]. Этот слух стал символичным, так как приезд Пуанкаре рассматривался многими как прямой вызов Германии, тогда как в плане политической системы Россия походила куда больше на Германию, чем на Францию.

---

[370] Вечернее время. 1914. 7 июля.

[371] Еженедельник статистического отделения Санкт-петербургской городской управы. 1914.

[372] Еженедельник статистического отделения Санкт-петербургской городской управы. 1914.

[373] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 108. ч. 61 л. А. Л. 25(об).

[374] *Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника: В 2 кн. Кн. 1. Париж, 1988. С. 238.

Известный поэт В.П. Мятлев отреагировал на приезд Пуанкаре «поэмой», в которую включил и эпизод «сражения» казаков с французскими матросами. Заканчивалась, правда, поэма воцарением прежнего сплина после отъезда президента:

Он уехал. Стало тише.
В Петергофе тот же сплин.
Хуже раненному Грише,
Очень сердится Берлин.
А во внутреннем режиме
Непроглядней, чем в дыре.
Помоги мне, Серафиме,
Не оставь, Пуанкаре![375]

В действительности рабочий протест в столице лишь набирал силу. «Патриотическое» и «революционное» действо с улиц перемещалось на воду. На Неве прибывших французских гостей приветствовали празднично декорированные флагами пароходы, два французских миноносца, однако поодаль, на Большой Невке, дрейфовали баржи, на которых рабочая молодежь распевала революционные песни. Полиция ничего не могла с ними поделать, так как рабочие предварительно разобрали мостки и шестами не подпускали к себе городовых[376]. Тем не менее полиции удалось воспрепятствовать рабочим испортить патриотические торжества в центре города, изолировав их на окраинах.

Вместе с тем в глазах современников разыгрывавшиеся события все больше напоминали начало революции. 10 июля петербуржец Иван описывал своему знакомому масштаб рабочих акций протеста в форме вооруженных столкновений рабочих с казаками на баррикадах, после которых оставались убитые и раненые[377]. Другой свидетель петербургских беспорядков и,

[375] Там же.

[376] *Шляпников А.Г.* Канун 17-го года… С. 45.

[377] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 967. Л. 75 — 75 об.

возможно, один из их участников, писал в тот же день в Москву, сравнивая июльские события 1914 г. с декабрьским вооруженным восстание в Москве в 1905 г[378]. На некоторых улицах разыгрывались настоящие боевые действия. Шляпников отмечал, что наиболее ожесточенный характер события приняли около клиники Вилье, у которой рабочие опрокинули два столба, перегородив улицу, а проволочными заграждениями перекрыли для казаков обходные пути через переулки[379].

Тем не менее с 12 июля рабочее движение пошло на спад после того, как администрация заводов отказалась от угрозы локаутом (по всей видимости, не без участия властей, предчувствовавших возможную развязку, в чем были уверены некоторые современники[380]), однако, согласно отчетам Охранного отделения, локальные рабочие забастовки продолжались вплоть до 17 июля[381]. Параллельно ослаблению рабочего протеста активизировалась деятельность правых сил, небезуспешно организовывавших локальные патриотические манифестации в различных городах России. Те, кто следил за международной обстановкой, предчувствовали приближение войны.

Определенным сигналом приближающейся войны стало решение досрочного производства в офицеры юнкеров старших курсов Павловского, Владимирского, артиллерийского и кавалерийского училищ, принимавших участие в маневрах в районе Царского Села. 12 июля перед дворцом великого князя Николая Николаевича их лично поздравлял Николай II. Юнкера были в восторге и хотели войны, наверное, как никто другой в России. «Как в тумане я начал представлять себе будущие сражения, окутанные пламенем и дымом, огненные языки пожарищ, стоны и крики раненых, смешивающиеся с неумолчным громом канонады. И над всем этим я видел грозную фигуру

[378] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 975. Л. 64.

[379] *Шляпников А.Г.* Канун 17-го года… С. 45.

[380] Там же. С. 48.

[381] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 108. ч. 61 л.А. Л. 26.

великого князя, озаренную светом славы победителя», – фантазировал, стоя на площади 12 июля, новопроизведенный подпоручик Я.Е. Мартышевский[382].

13 июля в «Минской газете-копейке» появился раздел «Накануне войны», в котором, помимо взаимоотношений Австро-Венгрии с Сербией, говорилось о распространившихся в Петербурге слухах о неизбежности мобилизации в России[383]. Слухи гнали людей на улицы. 14 июля манифестация прошла в Москве на Тверской, раздавались лозунги «Долой Австрию и Германию», около полуночи толпа пыталась пройти к зданию Германского консульства, но была рассеяна конными городовыми[384]. Последний инцидент показал, что поддержанные полицией патриотические акции очень быстро выходили из-под контроля, грозя перерасти в стихийный погром. Именно по этому сценарию впоследствии развивались события 22 июля 1914 г. в Петербурге или майский погром в Москве в 1915 г., в обоих случаях власти, спровоцировав массовые акции, не справились с ними и потеряли контроль над ситуацией. В условиях нараставшей международной напряженности правые и желтые газеты постоянно делали акцент на локальных «патриотических» манифестациях: «Многочисленные патриотические манифестации, происходившие за последние дни в столицах и других местах Империи, показывают, что твердая и спокойная политика правительства нашла сочувственный отклик в широких кругах населения», — писало «Вечернее время» 15 июля 1914 г., еще не зная об объявлении войны Австрией Сербии.

В половине первого ночи с 15 на 16 июля вышли «летучки» и «прибавления» к газетам с одним заголовком — «Война». Несмотря на поздний час их вмиг разобрали у газетчиков на Невском. В Москве на Тверской вокруг газетчиков собралась толпа, состоявшая преимущественно из публики, вышедшей из сада «Аквариум». На следующий день посетители увеселительного сада были представлены в газетах как главные патриоты города, следящие за

[382] *Мартышевский Я.Е.* По скорбному пути: Воспоминания. 1914 – 1918. М., 2016. С. 20.

[383] Минская газета-копейка. 1914. 13 июля.

[384] Вечернее время. 1914. 15 июля.

международной обстановкой даже по ночам. Помимо сообщения об объявлении Австрией войны Сербии, описания отношений к войне в разных странах Европы, газеты опубликовали правительственное сообщение, в котором говорилось: «Черпая силу в подъеме народного духа и призывая русских людей к сдержанности и спокойствию, Императорское правительство стоит на страже достоинства и интересов России»[385]. Тем самым власти задавали направление пропаганды — демонстрацию национального сплочения перед возможной войной, что должно было оказать определенное воздействие на австрийских и германских дипломатов в России. «Подъем народного духа мы видели в эти дни, — писали правые корреспонденты в условиях, когда в различных частях Петербурга еще проходили столкновения рабочих с полицией и стояли баррикады. — Он проявился во всех слоях населения, проявился неудержимым потоком, проявился с тем спокойствием и с той внушительностью, какие умеет показать в серьезные исторические минуты русский народ»[386]. Основой сплочения должны были стать панславистские идеи: «Сербия, Россия, Славянство в опасности. Сплотимся все до единого для защиты достояния наших предков. С нами Бог», — писали газеты 15 июля 1914 г[387]. Подобная риторика не могла вызвать сочувствие в широких социальных слоях, однако одной из целей пропаганды было заглушить негативный эффект рабочих забастовок, представить их в качестве случайных событий, противоречащих стремлениям рабочего класса. Поэтому причинами рабочего протеста, в дополнение к «немецкой версии», назывались провокационные действия рабочей молодежи и хулиганов, якобы осужденные большей частью рабочих[388]. Пытаясь создать видимость общественного единения, правые силы искали тех, на кого можно было переложить ответственность за беспорядки начала месяца. Не удивительно, что ими стала рабочая молодежь — наиболее маргинализированная часть

[385] Там же. Прибавление к № 816.

[386] Там же.

[387] Там же.

[388] Там же.

столичного пролетариата. 15 июля газеты поспешили объявить о том, что рабочие прекратили забастовки и раскаялись в своих действиях, осудив провокаторов. 17 июля в «Земщине» вышла статья «Счастливый поворот», описывавшая избавление русских рабочих от влияния хулиганов и преступных агитаторов[389]. Таким образом, можно утверждать, что 15 июля стало началом официального мифотворчества (не считая «пробы пера» в день посещения столицы французским президентом), создания видимости патриотического сплочения нации, тем более что значительная часть обывателей, действительно, была встревожена международными известиями, многие в ночь с 15 на 16 июля не могли заснуть, группы людей ходили по центральным улицам столицы и делились информацией, читали друг другу сообщения из последних газет.

Городские власти всячески содействовали массовым патриотическим шествиям, порой присоединяясь к толпе. 15 июля в Москве помощник градоначальника В.Ф. Модль лично возглавил патриотическую манифестацию, он ехал на своем автомобиле и направлял движение масс. 16 июля в Петербурге прошел молебен в Казанском соборе, митинг у памятника Александру III, около Сербского, Английского и Французского посольств. Газеты не скупились на восторги, как будто соревновались друг с другом в описании патриотического энтузиазма масс[390].

Социалисты считали, что в эти дни суворинское «Вечернее время» чуть не стало печатным органом «союзников» (сочувствующих и членов «Союза русского народа»). Согласно фотодокументам, именно перед зданием редакции «Нового» и «Вечернего времени» собирались группы «патриотов», там же караулили манифестантов фотографы[391]. Несмотря на то, что обыватели справедливо отмечали пестрый социальный состав участников патриотических шествий (при доминировании представителей средних городских слоев),

[389] Земщина. 1914. 17 июля.

[390] Вечернее время. 1914. 16 июля.

[391] ЦГА КФФД СПб. Ед. хр. № Г 19; Д 2014.

говорить об их многочисленности вряд ли корректно. Газеты сообщали о многотысячных толпах манифестантов, однако, судя по сохранившимся фотографиям, их численность не превышала несколько сот человек, основную массу составляли мужчины в костюмах и шляпах, а также гимназисты. Многие фотографы снимали демонстрации с нижней ракурсной точки, в результате чего создавалось ощущение, что толпа уходит чуть ли не за горизонт. Именно такие кадры чаще всего и публиковала правая пресса. Вместе с тем есть фотографии, снятые с верхнего ракурса, позволяющего приблизительно оценить количество демонстрантов[392]. Судя по отдельным кадрам, прохожие с любопытством рассматривали манифестантов, не спеша к ним присоединяться, выглядывали из окон проезжавших мимо трамваев, не прерывая поездок. Нужно заметить, что в период действительного общенародного единения и экстаза, как, например, в феврале–марте 1917 г., обыватели не пользовались трамваем, предпочитая находиться в толпе, среди народа, демонстрируя свою лояльность моменту. Учитывая порядок, с которым двигались группы в июле 1914 г., едва ли их можно считать стихийными, импровизированными образованиями, подтверждающими тезис об искреннем и всеобщем воодушевлении всех слоев населения.

Подобные манифестации проходили во всех более или менее крупных городах империи, где были ячейки «Союза русского народа» и прочих правых организаций, клубов. Товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов В.Ф. Джунковский, находившийся в эти дни в Баку, получал телеграммы из различных городов, в которых отмечалось, что патриотические манифестации организуются правыми партиями, обществами, причем помимо патриотических чувств выражают и ненависть относительно немецких и австрийских подданных, угрожая погромами. В Тифлисе, например, манифестанты пытались прорваться к австрийскому консульству, но полиция их не пропустила[393]. М. Палеолог собирал информацию об общественных

[392] ЦГА КФФД СПб. Ед. хр. № Г 20.

[393] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 371.

настроениях в России из газет, разговоров с официальными лицами — Н.А. Маклаковым, С.Д. Сазоновым, — личными информаторами, а потому попадал под влияние официальной патриотической пропаганды, писал о великолепно организованной мобилизации, всеобщем патриотическом единении. Когда Германия объявила войну Франции, перед французским посольством собралась очередная «патриотическая» толпа, что растрогало Палеолога; вместе с тем, будучи наблюдательным человеком, он не мог не обратить внимания на организованность манифестаций, на то, что одна толпа манифестантов сменяла другую через равные промежутки времени, задаваясь вопросом: «Но в этих манифестациях… какую часть инициативы надо приписать полиции?..»[394] Кадет Н.И. Астров, описывая московские ночные манифестации 17 июля, также обращал внимание, что они проходят под контролем полиции[395]. Некоторые убежденные монархисты не менее скептично воспринимали патриотизм тех дней. Доцент Юрьевского университета Б.В. Никольский записал в дневнике 18 июля: «Что касается манифестаций, то к ним я равнодушен. Это все бутафория»[396].

Тем не менее, после объявления всеобщей мобилизации, начавшейся в Петербурге 18 июля, психологическая атмосфера изменилась. Современники обратили внимание, что приказ был отпечатан на листках кровавого цвета — расклеенные на улице, они сразу бросались в глаза, однако вряд ли способствовали росту энтузиазма среди тех, кому предстояло самим отправиться на фронт или проводить туда своих близких. Особенность массовых шествий мобилизационного периода в том, что если в предыдущие дни стихийные рабочие акции протеста и организованные патриотические шествия средних слоев проходили в разных частях города, то теперь происходило смешение в центре представителей разных социальных и политических групп населения. При этом бунтарские настроения рабочей среды никуда не делись, однако были

[394] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 50.

[395] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 939.

[396] *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918. Т. 2.: 1904–1918. СПб., 2015. С. 195.

приглушены грандиозностью происходящих событий. Эту «приглушенность» некоторые современники, поддавшиеся патриотической эйфории, приняли за энтузиазм. М. Палеолог, которого различные официальные лица постоянно заверяли в национальном подъеме и всеобщем воодушевлении в предчувствии надвигавшейся войны, описал день 18 июля в патриотических тонах: «Приказ об общей мобилизации опубликован на рассвете. Во всем городе, как в простонародных частях города, так и в богатых и аристократических, единодушный энтузиазм. На площади Зимнего дворца, перед Казанским собором раздаются воинственные крики „ура“»[397]. Желтая пресса тиражировала ту же информацию, описывая всеобщий подъем духа. Передавали, что на Дворцовой площади толпа в 10–12 тысяч человек опустилась на колени, а на Исаакиевской площади перед зданием Военного министерства митингующие кричали: «Мы рады умереть, но победить! Пора проснуться!» «Петербургский листок», описывая патриотический энтузиазм, сообщал, что жены призванных на войну вагоновожатых сами снимали своих мужей с трамваев и вели на призывные участки[398].

Сообщения о проходивших в рабочих районах митингах интерпретировались по подобию патриотических шествий центральной части города. Полиции было приказано не провоцировать рабочих в первый день мобилизации и не вмешиваться в их краткосрочные и локальные уличные собрания. Вместе с тем непосредственные свидетели настроений жителей рабочих окраин оставляли наблюдения, резко контрастировавшие с официальной информацией, отмечая «тревожно-унылое настроение», плач и причитания женщин, проклятия войны, а также революционные песни и лозунги «Долой войну», звучавшие в Коломенской части города, на Знаменской площади, на выборгской стороне[399].

---

[397] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 42.

[398] Петербургский листок. 1914. 19 июля.

[399] *Шляпников А.Г.* Канун 17-го года… С. 50–51.

19 июля превзошел по накалу страстей предыдущий день в связи с объявлением Германией войны России. Как и в первый день мобилизации, в ночь с 19 на 20 июля многие не могли заснуть и ходили по центральным улицам города[400]. В день объявления войны России манифестации приобрели новую особенность: толпа останавливалась перед ресторанами и требовала, чтобы их оркестры исполняли музыкальные произведения. На панели Невского проспекта играл оркестр румын из ресторана «Квисисана», на Садовой — оркестр балалаечников[401]. Поздно ночью 21 июля толпа потребовала у заведующего Зоологическим садом, чтобы он направил в Александровский парк симфонический оркестр, что и было сделано. В парке на радость публике и под крики «ура» симфонический оркестр Владимирова играл национальные гимны вместе с военным оркестром[402]. Однако в музыкальном сопровождении патриотических шествий раздавались тревожные нотки: демонстранты требовали исполнения гимнов союзных держав, но когда оркестры принимались исполнять гимн Франции, кое-кто из нелояльной публики начинал напевать слова «Рабочей Марсельезы».

Вопреки тому, что пресса характеризовала шествия на Невском проспекте как исключительно патриотические, обыватели в частной переписке делились друг с другом совсем иными наблюдениями. 19 июля петроградский студент описал в письме товарищу «патриотическую» манифестацию, двигавшуюся от Лавры к Дворцовой площади, которая пела «Рабочую Марсельезу», «Варшавянку» и «Похоронный марш»[403]. Современники передавали, что кое-где между «патриотами-союзниками» и нелояльными подданными вспыхивали конфликты, переходившие в драки, которые тут же пресекались полицией и прочими участниками шествий. 18 июля в Екатеринославе произошла неудачная попытка организации патриотической манифестации членом «Союза

[400] Петербургский листок. 1914. 20 июля.

[401] Там же.

[402] Вечернее время. 1914. 22 июля.

[403] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 23.

русского народа»: во время призыва запасных чинов «союзник» Мартынов явился с национальным флагом, пытаясь вызвать патриотическую демонстрацию, но рабочие завода набросились на него, вырвали флаг и избили[404]. Многие современники из тех, кому предстояло по мобилизации отправиться на фронт, с недоверием и даже раздражением встречали патриотические митинги и их организаторов, справедливо полагая, что о патриотизме громче всего кричат и «трясут патриотическими штанами те, которые никогда на фронт не поедут»[405].

Историк, археолог В.А. Городцов отмечал диссонанс, порожденный видом «народных» (стихийных) и «союзнических» (организованных) манифестаций в Москве. Первые отличались тревожным настроением и сосредоточенностью; вторые – не только лучшей организованностью и оснащением (флагами, портретами, лозунгами), но и хулиганским поведением: мальчишки-оборванцы, подстрекаемые черносотенцами, во время пения гимна подбегали к прохожим и сбивали с них шапки. «Вообще все манифестанты-флажники производили на меня нехорошее впечатление и казались собранными черной сотней для проявления их гнусного патриотизма, приведшего Россию к настоящим дням», – записал ученый в дневнике 20 июля 1914 г.[406]

Следует также учесть, что в рядах искренних патриотов оказались те оппозиционно настроенные россияне, которые приветствовали войну как начало конца самодержавной России, предчувствуя, что она породит революцию. М. Палеолог обращал внимание на то, как по-разному представители власти и общества объясняли природу патриотизма: в то время, как министр внутренних дел Н.А. Маклаков радовался тому, что война положила конец рабочим забастовкам, другие объясняли это переходом протеста на новый уровень — в

[404] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 138. Л. 34.

[405] *Арамилев В.В.* В дыму войны… С. 14.

[406] *Городцов В.А.* Дневники ученого. 1914-1918: Из собрания Государственного исторического музея. В 2 кн. Кн. 1. М., 2019. С. 24.

результате национального единения должна была расшириться социальная база противников самодержавного строя[407].

Вместе с тем в первые дни мобилизации настроения тех, кому предстояло идти на войну, вопреки газетным сообщениям, едва ли можно описать как восторженные. На кинохронике, снятой оператором фирмы «Братья Патэ» 19 июля 1914 г. на улицах Петербурга видно, что радостно-восторженное настроение прежде всего у мальчишек, которые, сопровождая резервистов, машут кепками, смеются, позируют перед кинокамерой и корчат оператору рожи. Проходящие мобилизованные настроены куда более серьезно, редко обращают внимание на камеру, разговаривают друг с другом или молча курят. Привлекает внимание пьяный резервист, шатающейся походкой подошедший к камере и начавший активно размахивать кепкой. Толпа на него особого внимания не обращает. В условиях прекращения продажи алкогольной продукции пьяный призывник — это редкость. Вместе с тем кинохроника доказывает, что официальные сообщения печати о мгновенном отрезвлении нации — явное преувеличение. На основании кинокадров создается впечатление, что люди погружены в себя, в свои мысли. А вот проходящие по другой стороне улицы казаки, наоборот, веселы, улыбаются в камеру. В целом праздничное настроение, описанное в официальной прессе, не ощущается, несмотря на попытки отдельных прохожих весело поприветствовать оператора[408]. Нет однозначных свидетельств праздничного настроения (флаги, веселые лица, соответствующая жестикуляция) и на фотодокументах, оставленных фотографами ателье К. Буллы. Мобилизованные из числа простых людей несколько напряженно и даже враждебно смотрят в объектив фотокамеры, кое-кто прячет лицо за платком[409].

---

[407] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 48–49.

[408] Mobilisation of Russian Army at start of World War One. Br. Pathé https://www.british-pathe.com/video/russian-army-1

[409] ЦГА КФФД СПб. Ед. хр. № Г 46.

Охранное отделение с тревогой отмечало, что 19 июля в связи с призывом запасных по мобилизации войск возникла забастовка на 21-м предприятии, с общим числом рабочих до 27 000 человек. Забастовка, так же как и предыдущие, сопровождалась демонстративными выступлениями, причем толпа демонстрантов с фабрики Эриксона, увидев партию запасных около 100 человек, следовавшую в сопровождении околоточного надзирателя и двух городовых на сборный пункт, встретили их криками «долой войну!» и, окружив тесным кольцом, стала сопровождать партию с пением «Рабочей Марсельезы», требуя от полиции роспуска запасных по домам. Далее означенную партию запасных (частью смешавшихся с демонстрантами) встретила вторая толпа демонстрантов-«леснеровцев» и с криками «бей полицию!» набросилась на чинов полиции, сопровождавших запасных, причем все три полицейских чина были ушиблены камнями, а у одного из городовых, упавшего от удара камнем, кто-то из толпы отобрал револьвер. Демонстранты были рассеяны прибывшим разъездом конных городовых. Разбежавшиеся запасные прибыли на сборный пункт частью сами, а частью были собраны на месте происшествия. Другой случай имел место на Невском проспекте около двух часов дня. Когда партия запасных нижних чинов, шедшая из Шлиссельбургского участка, проходила мимо здания Городской думы, позади запасных сгруппировалась толпа человек из пятидесяти и стала кричать «долой войну!», выкинула красный флаг с надписью «От товарищей, в память 21 марта 1912 года» и запела «Марсельезу». После этого на них набросилась группа патриотов и устроила драку, которую остановила подоспевшая полиция[410].

Похожей была атмосфера и в других регионах России. В.Ф. Джунковский так описал настроения бакинских рабочих 19 июля 1914 г.: «На промыслах царило нервное настроение, рабочие-запасные готовились к призыву, другие их провожали, были и выпившие. Вечером совершенно неожиданно в предместье города запасные учинили беспорядок, разгромили винную лавку, и когда пристав бросился в толпу, чтобы схватить главаря, то был ранен камнем в голову.

[410] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 108. ч. 61 л. А. Л.26–26(об).

Подоспевшим нарядом толпа была рассеяна»[411]. Вместе с тем Джунковский, как и большинство современников, не связывал настроения рядовых обывателей, представителей низших слоев с тем патриотическим официозом, который демонстрировался политически лояльными подданными. Манифестации и адреса последних ему казались более репрезентативными свидетельствами всеобщего патриотического энтузиазма. В сознании политических элит, особенно тех, в чей адрес звучали приветствия, происходила некая аберрация, заставлявшая под определенным углом зрения рассматривать общественную атмосферу первых дней войны: «Объявление войны встречено было с огромным энтузиазмом по всей России, были забыты распри, вражды, мысли всех сосредоточились в одном единодушном порыве поддержать честь и достоинство России», — писал Джунковский, ни малейшего внимания не обращая на то, что эти слова вступали в противоречие с ранее отмеченным им нервным настроением рабочей среды и тем фактом, что патриотические шествия были организованы правыми партиями[412].

Рабочий-большевик А. Пирейко описывал антивоенные настроения пролетариата и запасных в Риге, выливавшиеся в столкновение с «союзниками»: «Хотя демонстрация против войны и была устроена с участием как рабочих, так и запасных, но это была чисто стихийная демонстрация: скоплялись по центральным улицам; толпой запасных и рабочих был разорван в центре города, у памятника Петру Великому, патриотический флаг демонстрации черносотенцев; выбросили красное знамя с лозунгом „долой войну!“, запели „марсельезу“»[413]. Пирейко сетовал на то, что движение было неорганизованным и носило стихийный характер, вместе с тем именно стихийно вспыхивавшие акции демонстрировали подлинные настроения обывателей.

---

[411] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 373–374.

[412] Там же. С. 375.

[413] *Пирейко А.* В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. Л., 1926. С. 8–9.

Можно с полным основанием утверждать, что реальная психологическая атмосфера в российских городах, где проходила мобилизация, соответствовала картине, описанной москвичкой Варей в письме от 22 июля 1914 г.: «Если бы ты, дорогой Ш., знал, что у нас делается! В городе тоска, — стыдно смотреть, кругом горе, всюду едут, идут с узлами, глаза заплаканные, женщины кричат. Где же подъем, о котором пишут газеты? Везде чувствуется, что войны не хотят. Ты, наверное, читаешь про оживление, про манифестации. Вечером ревут, — жутко становится, — двери запирают. Представь себе толпу без конца из подростков и хулиганов и полицейских. Лица неинтеллигентные, красные носы, нахальные глаза. Кричат, а сами смотрят, кому бы в зубы дать. Сегодня получила письмо из деревни, пишут: кругом один ужас, крики, стоны, рыдания не прекращаются»[414].

Так как совсем обойти молчанием тему антивоенных настроений было невозможно, редакторы правых газет списывали нелояльность части населения на национальные особенности, русофобские настроения. «Вечернее время», описывая патриотическую манифестацию в Гельсингфорсе, отмечало, что в ней приняло участие только русское население, а финляндцы оставались безучастны и уезжали из города в глубь великого княжества. При этом в самом Гельсингфорсе некоторые торговцы-финны отказывались принимать русские деньги[415]. О паническом бегстве населения из Финляндии писал в дневнике живший в Куоккале К.И. Чуковский, приводя в пример выдержку своего соседа — И.Е. Репина[416]. В Юго-Западных губерниях в нелояльности обвиняли евреев, на Кавказе — персов. В Центральной России с подозрением относились к полякам, украинцам, в Поволжье — к татарам и т. д. Война спровоцировала всплеск этнофобий. Один из авторов письма из Тифлиса, армянин Ованес, обвиняя грузин в том, что они не прекращали бастовать в дни

[414] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 14.

[415] Вечернее время. 1914. 21 июля.

[416] *Чуковский К.И.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 68.

мобилизации, утверждал, что «подлые грузины ставили выше всего свои личные интересы, а вовсе не интересы общества и государства»[417].

Другой характерной приметой времени стала паника, развившаяся в пограничных с Германией и Австрией регионах. Особенно перепугались дачники, которые, штурмуя поезда, бросая вещи на перронах, битком набивались в вагоны. В.В. Шульгин вспоминал, как на одной из станций в его купе, когда он направлялся из Киева в Петербург, ворвались возбужденные женщины и вынудили его отдать им свое место. Пытаясь по возможности охватить разные стороны общественных настроений, не выходя при этом за границы патриотической пропаганды, газеты нередко впадали в противоречия. Так, «Вечернее время» умудрилось на одной полосе совместить заметку «Напрасная паника», в которой шла речь о панике среди русского населения Финляндии, с описанием общественных настроений на соседней колонке: «Решимость и воодушевление, ни тени подавленности или угнетения. И что главное — никакой паники»[418].

Пропаганда продолжала развивать миф о всеобщем патриотическом настроении, ухватившись за очередное событие: 20 июля Николай II, подписав манифест о вступлении России в войну, вышел на балкон Зимнего дворца поприветствовать собравшуюся толпу. Газеты писали, а впоследствии повторяли и современники, что при виде императора стотысячная толпа, занявшая всю Дворцовую площадь, в один миг опустилась на колени и запела национальный гимн. «Русский инвалид» сообщал: «Государь Император и Государыня Императрица изволили выйти на балкон Зимнего дворца, где единодушно были приветствуемы собравшимся на площади стотысячным народом. Когда Их Величества вышли на балкон, весь народ опустился на колени; национальные флаги склонились и пение гимна „Боже, Царя храни“ и громовое „Ура“ огласили площадь. Государь Император и Государыня Императрица

[417] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1131.

[418] Вечернее время. 1914. 21 июля.

изволили милостиво отвечать на приветствия народа наклонением головы»[419]. Иллюстрированный журнал «Нива» опубликовал семь фотографий манифестации на Дворцовой площади 20 июля, снабдив их подписью «Стотысячная масса народа, опустившись на колени, со склоненными национальными флагами, приветствует царя гимном и громовым „ура“»[420]. Показательно, что, упоминая о манифестации на Дворцовой площади, «Вечернее время» сокрушалось по поводу того, что там было слишком много полиции, конных офицеров и общей показушности. В заметке «Не профанируйте духа народного» корреспондент акцентировал внимание читателей на том, что «народа сюда никто не привел… Ему не надо показывать путь ни к храмам, ни ко дворцу… Он сам идет туда, движимый одними и теми же мыслями и чувствами»[421]. При этом автор раздражался гарцевавшими на конях офицерами, что, по его мнению, создавало впечатление заранее спланированного мероприятия, хотя и нет сомнения в том, что значительная часть обывателей пришла на Дворцовую площадь по собственному желанию, зная о предстоящем оглашении царского манифеста.

События 20 июля 1914 г. на Дворцовой площади стали центральным элементом позднейшего конструирования мифа о всеобщем патриотическом подъеме 1914 г., причем количество манифестантов иногда увеличивалось вдвое. В работах некоторых современных исследователей также встречаются сильно завышенные цифры, поспешно заимствованные из периодики того времени. Так, О.Р. Айрапетов говорит более чем о четверти миллиона человек, М. Стокдэйл приводит чуть более «скромную» цифру - 200 000[422]. Вместе с

[419] Русский инвалид. 1914. 22 июля.

[420] Нива. 1914. №31. С. 617.

[421] Вечернее время. 1914. 21 июля.

[422] *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М., 2014. С. 61; *Stockdale M.* Mobilizing the Nation: Patriotic Culture in Russia’s Great War and Revolution, 1914–20 // Russian Culture in War and Revolution, 1914–22. Book 2: Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory. Bloomington, Indiana, 2014. P. 3.

тем изучение многочисленных фотографий, сделанных в тот день на Дворцовой площади с разных точек фотографами ателье К. Буллы, вызывает как минимум три вопроса: какова была численность толпы, имел ли место факт массового коленопреклонения, была ли эта акция спланирована заранее.

Начнем с того, что, по официальным данным, максимальная вместимость Дворцовой площади составляет около 100 000 человек, в то время как на всех фотографиях, сделанных 20 июля 1914 г., видно, что передний край толпы находится примерно на середине расстояния от Александровской колонны до фасада Зимнего дворца[423]. При этом ракурс большинства снимков, сделанных от дворца, не позволяет оценить ни плотность толпы, ни ее дальний край. Некоторые фотографии, в том числе те, которые публиковались в «Ниве» и других иллюстрированных периодических изданиях, создают впечатление, что собравшиеся тесно стоят друг к другу вплоть до арки Генерального штаба. В действительности это не так. На снимках тылов толпы, сделанных с противоположной стороны, видно, что люди стоят не плечом к плечу[424]. Плотные ряды доходили лишь до Александровской колонны, а далее до арки Генерального штаба любопытствующие обыватели прогуливались свободно. С учетом того, что площадь была занята народом лишь наполовину и что толпа на периферии была редкой, едва ли можно говорить, что там собралось более 25 000 человек.

Следует отметить, что в память о манифестации 20 июля была выпущена открытка «Война России с немцами. День объявления войны», ставшая одним из первых образцов визуальной патриотической пропаганды. Художник, по-видимому, находившийся в тот час на Дворцовой площади, запечатлел редкие ряды «патриотов». Вместе с тем, чтобы не выбиваться из патриотического тренда, он изобразил многочисленные национальные знамена в толпе, что противоречило истине.

[423] ЦГА КФФД СПб. Ед. хр. № Г 76; Г 78.

[424] ЦГА КФФД СПб. Ед. хр. № Г 34.

Фотодокументы демонстрируют, что флаги, транспаранты и портреты царя держали в руках немногочисленные «союзники» (несколько десятков человек), стоявшие в первом ряду перед дворцом, которые, к тому же, были отделены от основной массы народа полицией. В толпе же, кроме поднятых шапок, никаких иных жестов приветствия не наблюдалось. Также газеты преувеличили количество коленопреклоненных в момент выхода императора на балкон. Фотографы, снимавшие манифестацию с разных точек Дворцовой площади, засвидетельствовали коленопреклонение лишь все тех же «союзников», да и то не всех. Никакого массового, общенародного опускания на колени не было — это обстоятельство вряд ли бы осталось без внимания многочисленных фотокорреспондентов (Приложение №2. Илл. 1,2). Мероприятие закончилось проходом по площади запасных, направлявшихся в казармы.

Изучив сохранившиеся фотодокументы, можно реконструировать расположение групп людей в тот день. Реконструкция демонстрирует, что, как ни старались сотрудники «Вечернего времени» доказать обратное, манифестация 20 июля была организована и срежиссирована (Приложение №1, Илл. 1). Основная масса народа выполняла роль статистов, в то время как отделенные от нее кордоном полиции группы «союзников», запасных солдат, офицеров создавали видимость патриотического экстаза. Большинство обывателей демонстрировали те же смешанные чувства, что и во время манифестаций 18 и 19 июля: любопытство, тревогу, восторг и неприятие начавшейся войны. Правда, свидетельств, что в тот момент на площади пели «Варшавянку» или «Рабочую Марсельезу», звучавшие на Невском накануне, нет, но это не значит, что протестные настроения петербуржцев за сутки исчезли.

Тем не менее, оставленные в воспоминаниях современников картины манифестации на Дворцовой площади нельзя объяснить исключительно пропагандой. В ряде случаев речь должна идти о самообольщении и самообмане. Так, великий князь Андрей Владимирович, начав вести дневник 23 сентября 1914 г., дал следующую оценку манифестации 20 июля: «При появлении Государя все встали на колени. В эти короткие минуты Россия переродилась.

Самосознание воскресло у всех, чувство долга стало на первое место, и вся мобилизация прошла при таком блестящем порядке, которого никто не ожидал… Ни одного пьяного. Все трезвые»[425]. Феномен «постправды» характеризует состояние, когда ради достижения психологического комфорта люди предпочитают верить иллюзиям, игнорируя факты, что, в случае с великим князем, хорошо видно по его констатации «трезвого» характера мобилизации, о чем речь пойдет ниже. Конечно, в воспоминаниях современников отразились и реалии манифестации 20 июля. Князь В.А. Оболенский, находившийся в толпе и ощущавший ее общий патриотический настрой, отметил, что на колени опустились только «передние ряды». При этом он обратил внимание и на другое: показавшаяся на балконе маленькая фигурка царя, его скованные движения и небрежные позы придворных выявили между народной толпой, испытывавшей почти что чувство религиозного экстаза (или, по крайней мере, ее незначительной части), и официальными лицами, для которых это все представлялось привычной церемонией, глубокую пропасть. «Думаю, что не я один, а и многие, бывшие в этот день на Дворцовой площади, испытали неприятное чувство, точно в стройном симфоническом оркестре прозвучал фальшивый аккорд», – подытожил патриотическую манифестацию князь[426].

Москва встретила царский манифест 20 июля массовыми демонстрациями и митингами, продолжавшимися всю ночь. В час ночи толпа подошла к дому градоначальника и потребовала снять все вывески на немецком языке и рассчитать всех германских подданных на предприятиях. Многие современники были уверены, что ночные манифестации отличаются от дневных б*о*льшим количеством хулиганствующего элемента. Постепенно подобное выражение «патриотизма» начинало тяготить и вызывать раздражение. Один из обывателей писал: «3–4 шалопая поднимают на ноги порядочное количество публики. Вечером окон нельзя открыть — … уж больно орут иступленными

[425] Дневники, воспоминания, письма великого князя Андрея Владимировича. М., 2018. С. 55.

[426] *Оболенский В.А.* Моя жизнь… Т.2. С. 76.

голосами… Рабья психология покорности и готовности. Этот слюноточивый патриотизм и раздул страсти. Что в России, что у немцев»[427]. В «патриотических» толпах происходило брожение ксенофобских настроений, которое, повышая градус напряженности, ненависти, готово было вылиться в немецкие погромы. Однако одним из первых и самых масштабных погромов стал погром 22 июля в Петербурге.

В этот день на Невском проспекте состоялся очередной патриотический митинг «союзников». Как всегда, несли национальные флаги и портреты императора. Толпа разрасталась за счет присоединения к ней зевак. Прозвучало предложение двинуться к германскому посольству. В Москве, Тифлисе и других городах толпы «патриотов» уже предпринимали попытки прорваться к консульствам враждебных держав, однако тогда их сдерживала полиция; в этот же раз власти предпочли не вмешиваться, тем более что было известно, что сотрудники посольства к тому времени успели покинуть здание (как позже выяснилось, не все). Перед тем как добраться до посольства, толпа «разогрелась» на редакции газеты «Цейтунг», забросав окна камнями. На улице Гоголя с ресторана «Вена» манифестанты сорвали флаги. Подойдя к посольству, толпа сломала ворота, высадила двери и ворвалась в здание. Как писала пресса, в первую очередь погромщики устремились на крышу, где располагалась массивная скульптура Диоскуров. Статуи обнаженных «отроков Зевса» скульптора Э. Энке были установлены в 1913 г. и вызвали неоднозначную реакцию общества: консервативные обыватели с возмущением заявляли, что языческие персонажи, соседствовавшие с Исаакиевским собором, оскорбляют их религиозные чувства. Также критиковали и само здание, спроектированное архитектором П. Беренсом в неоклассическом стиле, которое выбивалось из архитектурного облика площади. Подобные замечания высказывали А.Н. Бенуа, Н.Н. Врангель, Г.К. Лукомский и др. Вполне определенно высказался о здании М. Палеолог, как бы оправдывая действия черни, которую обвинил в акте вандализма: «Отвратительное как произведение искусства, строение это

[427] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л.15.

очень символично: оно утверждает с грубой и явной выразительностью желание Германии преобладать над Россией»[428].

Теперь же обывателям представилась возможность зараз «удовлетворить» свои художественные и политические амбиции. Свидетели сообщали, что толпа первым делом устремилась на крышу, сняла немецкий флаг и подняла на флагштоке российский, сбросила с крыши немецкий герб. Погромщики устроили символический самосуд над государственным символом Германии — утопили герб в Мойке[429]. Также пытались сбросить и Диоскуров, но смогли одолеть только одну фигуру возницы, вторая повисла на выступе крыши. В.Ф. Джунковский вспоминал, что сброшенных гигантских коней толпа тоже безуспешно пыталась утопить в Мойке[430], однако некоторые газеты на следующий день опубликовали фотографии «нового вида» посольства — кони по-прежнему возвышались на крыше здания: вероятно, в Мойке пытались утопить одного из сброшенных Диоскуров[431]. После того как толпа закончила действия на крыше, приступили к погрому внутренних помещений, в одном из которых обнаружили прятавшегося германского подданного переводчика Альфреда Катнера[432]. Его приняли за шпиона (с 20 июля в газетах началась пропаганда об организованном Германией массовом шпионаже в России, поэтому возбужденная толпа была склонна в любом иностранце видеть шпиона) и убили на месте, нанеся «глубокие кинжальные раны». Впоследствии говорили, что его застали якобы за сожжением каких-то секретных бумаг, которые покидавшие в спешном порядке столицу работники посольства забыли захватить с собой (по другой версии, он прятался от громил на чердаке за ящиками, по третьей — был убит, спасая от вандалов статуи Диоскуров на крыше). Полиция тщетно пыталась прекратить погром, были вызваны

[428] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 51.

[429] Петербургский листок. 1914. 23 июля.

[430] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 382–383.

[431] Вечернее время. 1914. 23 июля.

[432] В некоторых источниках указан как Альфред Маврикиевич Кетнер.

пожарные, которые поливали из шлангов разбушевавшихся «патриотов», однако, когда бесчинствующая толпа, разбив мебель и хрусталь, добралась до винного погреба, стало ясно, что погром быстро не остановить. К тому же погромщики не собирались сдаваться полиции: попытки штурма здания отражались градом камней и прочих предметов, попадавшихся под руку. Одному из жандармов разбили голову. Погром продолжался до семи часов утра 23 июля. Разгромив немецкое посольство, толпа отправилась к австрийскому, но полиции удалось не допустить погромщиков к зданию[433].

Периодическая печать сочувственно отнеслась к подобному выражению народного гнева, частично оправдывая действия толпы возмущением, вызванным оскорбительными действиями немцев по отношению к вдовствующей императрице Марии Федоровне, чей поезд, направлявшийся из Дании в Россию, был задержан в Берлине и отправлен обратно в Копенгаген. Кроме того, газеты упоминали об аналогичных эксцессах, произошедших с русским посольством в Берлине: после отъезда посла С.Н. Свербеева немецкая толпа ворвалась в посольство и разгромила его и православную церковь[434]. При этом газеты переносили груз ответственности на представителей низших слоев общества, хулиганов, которые якобы и были единственными инициаторами и участниками погрома. Газета «Вечернее время» сообщала, что первоначально стихийный митинг был организован представителями интеллигенции, которые, пропев гимн перед Исаакиевским собором, с криком «бей немцев!» разворотили мостовую и закидали булыжниками окна здания, после чего отошли в сторону, но «в этот момент появились обычные спутники манифестаций — подростки и хулиганы. Раздались крики: „Надо громить! Идем внутрь“… Толпа хулиганов и подростков через ворота миссии ворвалась внутрь и забралась на крышу. Интеллигентная масса, участвовавшая в манифестации [и

[433] *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. 1914–1917. Кн. 1. Нью-Йорк, 1960.

[434] Московский листок. 1914. 9 августа.

забрасывании посольства камнями. — В.А.] начала поспешно отходить назад»[435].

Другие современники признавали разношерстность публики, участвовавшей в разгроме, отмечали даже роль великосветских дам[436]. Генерал-майор отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридович, наблюдавший погром, обратил внимание, что среди погромщиков, выбрасывавших вещи из окон посольства, особенно выделялась суетливостью «какая-то барышня в шляпке»[437].

Впоследствии «патриотическая» общественность пыталась забыть этот погром как черное пятно в процессе консолидации общества, однако многие усматривали прямую связь между «патриотическими» манифестациями 17–20 июля, разжигавшими национальную ненависть, пробуждавшими хулиганские инстинкты толпы, в которой новоявленные «патриоты» чувствовали свою безнаказанность, и погромом 22 июля. «Это последствие допускавшихся все эти дни патриотических манифестаций, принявших несомненно хулиганский вид», — записал 23 июля в своем дневнике городской голова И.И. Толстой о минувших событиях[438].

Несмотря на хулиганскую природу погром немецкого посольства отразился в патриотическом символическом пространстве. Поэт Б. Садовской посвятил ему стихотворение «Перед германским посольством»:

Оно вздымалось глыбой серой
И в белом сумраке ночном
Казалось сказочной химерой,
Тяжелым и недвижным сном.

[435] Вечернее время. 1914. 23 июля.

[436] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 383.

[437] *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. 1914–1917. Кн. 1. Нью-Йорк, 1960.

[438] *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 526.

Два гладиатора держали
Коней железных под уздцы
И терпеливо выжидали
Победу, славу и венцы…
…Когда же вспыхнул пыл военный
В сердцах, как миллион огней,
Они низринулись мгновенно
С надменной высоты своей…[439]

Случай в германском посольстве представляет интерес с точки зрения изучения психологии толпы, в которой происходит смешение сознания как образованных, так и необразованных индивидов, подчиняющихся единым эмоциональным порывам. Не случайно во время погрома «титулованные дамы» слились с массой обычных хулиганов, чье внимание очень быстро от символов германского имперства переключилось на содержание винного погреба. Кроме того, этот немецкий погром продемонстрировал развитие конспирологического мышления на почве шпиономании — пытаясь оправдать в смерти переводчика русских «патриотов», газеты выдвинули версию, что Катнера убили свои же немцы. Газета «Вечернее время», которая 23 июля в убийстве переводчика обвинила хулиганов, 24 июля изменила позицию. Была выдвинута версия, что погромщики обнаружили разложившийся труп Катнера, который был убит сотрудниками посольства за то, что «слишком много знал» и мог бы выдать оставшихся в столице немецких шпионов[440]. Этой же версии придерживалась «Земщина», добавлявшая, что «при осмотре здания Германского посольства на чердаках и в подвалах найдены сундуки, наполненные громадным количеством возмутительных прокламаций, призывающих

[439] Аполлон. 1914. № 6–7. С. 13.

[440] Вечернее время. 1914. 24 июля.

русских рабочих к забастовкам и революции на случай мобилизации»[441]. Впоследствии шпиономания охватила всех представителей российского общества — от неграмотных крестьян, считавших, что все велосипедисты — это шпионы, отравлявшие колодцы, до дворян, полагавших, что Александра Федоровна выдает немцам военные тайны. Также ходили слухи, что когда немецкий посол Пурталес отправлялся на вокзал, его сопровождали две таинственные дамы в черном. Однако на вокзале одна из них исчезла. Впоследствии образ «дамы в черном» (иногда использовался более драматичный образ «черной вдовы») регулярно возникал в шпионских слухах столичного общества. 15 июля 1915 г. на имя великой княжны Ольги Николаевны пришло анонимное письмо, в котором рассказывалось о появлении в Новом Петергофе таинственной дамы, выдающей себя за француженку по фамилии Эмбло, которая под видом уроков французского языка втирается в доверие к высокопоставленным лицам, имеющим доступ к военным тайнам. Адресанта настораживало то, что Эмбло постоянно возила с собой какой-то матрац, на основании чего автор заключал: «Существует предположение и довольно основательное, что г-жа Эмбло мужчина и немец, и что не есть ли она одна из тех двух дам „в черном“, которые сопровождали германского посла Пурталеса на Финляндский вокзал в день его отъезда и исчезли неизвестно куда»[442]. Ходили толки, что одной из таинственных дам была завербованная немцами сотрудница Петербургского телеграфного агентства. 22 июля «Земщина» распространила слух об аресте некой телеграфистки Н., которая регулярно посещала германское посольство.

Российская полиция хоть и предпочитала не вмешиваться в проявления народного патриотизма (Палеолог, Джунковский обвиняли ее почти в пособничестве громилам), 24 июля градоначальник князь А.Н. Оболенский все же напомнил жителям столицы о действующем с 13 июля запрете на проведение митингов, но демонстраций от этого меньше не стало. В меньшем масштабе,

[441] Земщина. 1914. 25 июля, 26 июля.

[442] ГА РФ ДП-ОО. Ф. 102. Оп. 245. Д. 33. Т.3. Л. 282 об.

но локальные погромы иностранных фирм продолжались. По подсчетам исследователей, с 22-го по 25 июля в Петрограде были разгромлены, помимо германского посольства, мебельный магазин фирмы «Братья Тонет», магазин инструментов для обработки металла и дерева торгового дома «Шухардт и Шютте», книжный магазин «А. Излер», магазин «Венский шик», «Кафе Рейтер», редакция газеты «St.-Petersburg Zeitung»[443]. Спустя некоторое время в печати стала появляться информация о том, что толпа в ряде случаев наносила ущерб русским подданным: «St.-Petersburg Zeitung» представляло собой русскую газету, выходившую на немецком языке, а кафе «Рейтер» принадлежало русской дворянке. Хозяйка кофейни, Варвара Николаевна Рейтер, урожденная Васильева, написала в редакцию «Вечернего времени» письмо: «Вчера в моей кофейне, на углу Невского проспекта и Садовой, были повреждены вывески и разбиты окна. Фамилия „Рейтер“ ввела возбужденную толпу в заблуждение. Я русская столбовая дворянка. Мой муж Чех, удостаивавшийся неоднократно Высочайших подарков и наград за долголетние заслуги. Мои трое детей воспитываются в здешних гимназиях. Я не только понимаю, но сочувствую волнению, которое охватило все наше общество. Я понимаю невольное заблуждение толпы и, как патриотка, прошу принять от меня на нужды военного времени 500 рублей»[444].

Петербургский немецкий погром, от которого пострадали русские подданные, был не единственным эксцессом тех дней в России. Погромами сопровождалась проводившаяся мобилизация. В тот же день, 22 июля, произошел погром в Барнауле, в процессе которого начался пожар, чуть не спаливший деревянный город. В Барнауле сказалось большое скопление мобилизованных солдат, до 20 тысяч, и начавшийся разгром винного склада, вследствие чего пьяная толпа решила выплеснуть свой гнев на представителей вражеских государств и разграбила по ошибке шесть датских торговых фирм (при

---

[443] *Савинова Н.В.* Антинемецкие настроения населения Российской империи в 1914–1917 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2. С. 179.

[444] Вечернее время. 1914. 23 июля.

посредничестве императрицы Марии Федоровны, этнической датчанки, Совет министров принял решение возместить ущерб). Следует заметить, что даже трезвые толпы москвичей и петроградцев во время погромов нередко громили магазины союзных держав — от стихийного бунта не следует ждать рационального исхода.

Патриотическая манифестация 20 июля, погром 22 июля стали в известном роде символами эпохи и обрели определенную коннотацию в исторической памяти: если 20 июля рассматривалось как пример позитивного единения общества и царя, то события 22 июля демонстрировали, во что может вылиться вульгарно понимаемый «патриотизм», в основе которого лежит страх перед образом внешнего или внутреннего врага и ненависть к нему. Тем не менее, как все символы, они приписывают значение событиям прошлого, чье реальное содержание было шире и многозначнее. Как уже упоминалось, в масштабе империи 20 июля ознаменовалось событиями разного порядка. Символу патриотического единения (сильно преувеличенному, как было показано) можно противопоставить событие-символ народного протеста. Одним из ярких примеров последнего, наверное, будут беспорядки рабочих и запасных, произошедшие в небольшом рабочем поселке Лысьва Пермской губернии, ставшие, тем не менее, одним из самых резонансных событий, которые пришлось расследовать на самом высоком уровне и которые обыватели обсуждали вплоть до конца 1914 г.

На Лысьвенском заводе с мая 1914 г. тянулась перманентная череда конфликтов (преимущественно экономического содержания) рабочих с заводской администрацией, однако объявление о мобилизации подлило масла в огонь: рабочие и запасные потребовали выплаты зарплаты за два месяца вперед и пособия, из средств, которые ранее были пожертвованы графом П.П. Шуваловым на просветительские цели. Управляющий Онуфрович не смог договориться с толпой и решил применить насилие — достал револьвер и выстрелил (после того, как один рабочий его ударил). Затем заперся в здании заводского управления, в котором, помимо управляющего, находились помощник

исправника, полицейский надзиратель, околоточный надзиратель, четыре стражника, а также главный бухгалтер Крепышев, помощник Семенов и счетовод Никулин[445]. Толпа пыталась ворваться в здание, но осажденные забаррикадировались и держали оборону. Это только еще больше возбудило толпу, у которой появилось оружие. Так, следствием было установлено, что по крайней мере один человек — запасной нижний чин из мастеровых Павловской волости и завода Алексей Касьянов — из ружья стрелял по окнам заводской конторы[446]. Когда осаждавшие поняли, что в здание им ворваться не удастся, появилась идея сжечь осажденных заживо. С этой целью из подвала соседнего здания купца Чащина выкатили три бочки с керосином и, черпая керосин ковшами и ведрами, принялись поливать стены заводоуправления. Заодно выплескивали керосин на соседние административные постройки. Кроме того, в керосине мочили тряпки и куски рогож и швыряли их в окна. Первым вспыхнуло здание лесничества, затем дома служащих завода, потом дом купца Чащина, но каменный дом управления не загорался. Тогда с помощью насоса толпа стала перекачивать керосин из бочек в здание заводоуправления. В конце концов Киселев и Онуфрович с Епимаховым выскочили из горящего дома, но были жестоко убиты толпой[447]. Толпа не просто убивала представителей власти, но и предварительно издевалась над ними — в раны умирающих вставляли папиросы[448]. Особая роль принадлежала женщинам, которые своими истеричными криками поднимали градус нервозности и жестокости. Женщины-солдатки, лишавшиеся своих мужей-кормильцев, оказывались вследствие мобилизации в самом уязвимом положении, поэтому призыв положил

[445] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 138. Л. 67–68; Пермские ведомости. 1914. 17 ноября.

[446] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 211. Д. 1516. Л. 11–11(об).

[447] Пермские ведомости. 1914. 17 ноября.

[448] *Забуга Н.А.* Протестные выступления рабочих Лысьвенского завода в 1914 г. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Сборник материалов четвертой региональной молодежной научной конференции. Новосибирск, 2010. С. 136.

начало серии бабьих бунтов, превосходивших, как отмечают некоторые исследователи, своей жестокостью «мужские» погромы[449].

Хотя беспорядки в Лысьве в целом носили стихийный и неорганизованный характер, в действиях толпы просматривался и рациональный момент — чтобы воспрепятствовать прибытию войск, бунтовщики перерезали телеграфные и телефонные провода, подожгли деревянный мост соединительной железнодорожной ветки[450].

Примечательно, что в беспорядки пытался вмешаться протоиерей с характерной фамилией Добротворский. Он поднял колокольный звон и намеревался пойти с небольшой группой прихожан с иконами к толпе, чтобы предотвратить задуманное убийство. Однако в церковь вбежал рабочий, унтер-офицер Майер, который, достав револьвер, потребовал прекратить звон и воспрепятствовал протоиерею выйти на улицу, угрожая убийством[451]. Впоследствии, провожая и благословляя запасных на вокзале, Добротворский узнал Майера, садящегося в вагон, но побоялся предпринять какие-то действия. Полиция сообщала, что после этих беспорядков в Лысьве среди местного населения долго сохранялись панические настроения[452].

В ходе беспорядков было убито 13 и ранено 10 человек[453]. Более 100 человек арестовано. Начатое дело было изъято из общего порядка и передано военно-окружному суду. 84 человека предали суду, правда, 17 обвиняемых из числа мобилизованных успели отправиться в действующую армию, дела нескольких погромщиков-подростков выделили в отдельное делопроизводство. Суд шел медленно, так как процесс был открытым и свидетели обвинения

---

[449] На особенную эмоциональность женского бунтарства и ее роль в революционных событиях обращает внимание, в частности, В.П. Булдаков. См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

[450] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 138. Л. 38.

[451] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 211. Д. 1516. Л. 45.

[452] Там же. Л. 41(об).

[453] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 138. Л. 68.

боялись мести со стороны друзей и родственников подозреваемых. Часть населения Лысьвы была на стороне последних и относилась к ним сочувственно. 14 ноября приговором военного суда 38 человек были оправданы, 45 обвиняемых признаны виновными, из них двадцати двум назначили смертную казнь, однако позже, испугавшись народного возмущения, к смертной казни через повешение приговорили десятерых[454].

С символической точки зрения в этих событиях важно не то, что начались они с экономического недовольства, а то, что они были направлены против власти. В условиях патерналистского массового сознания и авторитарной (самодержавной) системы управления любой бунт в империи автоматически приобретал политический характер. Критика местной администрации легко переходила в адрес царя, во время пьяных мобилизационных беспорядков, как будет показано в следующей главе, звучали революционные песни, а также сжигались портреты царя. События на Лысьвенском заводе и аналогичные им эксцессы периода мобилизации, прокатившиеся по всей стране, как минимум, опровергают тезис о общенациональном единении и примирении общества и власти в связи с началом войны. Наоборот, мобилизация и война создавали новую взрывоопасную почву в отношениях власти и общества.

Таким образом, мы видим, что так называемые «патриотические» манифестации июльских дней в действительности не являлись безупречными свидетельствами всеобщего национального подъема и единения общества и власти, как это пыталась представить дореволюционная пресса и, вслед за ней, некоторая современная историография. В тех манифестациях важно выделить следующие характеристики: организованность правыми партиями и полицией, условно-массовый характер (количество демонстрантов завышалось патриотической прессой), присутствие среди патриотов определенной части революционно настроенных рабочих, хулиганский характер сопутствующих «патриотических» акций, вылившихся в Петрограде в разгром германского посольства. Сопоставление массовых действий 20-х чисел июля в Петербурге,

[454] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 211. Д. 1516. Л.33, 39 об.

Москве, Барнауле, Лысьве и прочих городах демонстрируют не только сохранение протестного антиправительственного потенциала, но и, в некотором смысле, обострение конфликта на почве мобилизации и сопутствующих ей процессов (запрет на продажу алкоголя, вздорожание продуктов и т. д.).

3. Трудности мобилизации: явка и формы протеста

Мобилизация русской армии занимает особое место в дискуссии «патриотов» и «скептиков». Если патриотические манифестации в городах можно отнести на счет активности узких интеллигентских слоев общества, то военный призыв охватывал все слои населения, и в первую очередь ту массу «молчаливого большинства», которую не было слышно в период городских акций солидарности народа и власти, — крестьянство. Однако с начала 1920-х гг. в эмигрантской среде при попытках переосмысления катастрофы 1914–1922 гг. возникает дискуссия об истинных значениях мобилизации, как количественных, так и качественных. В 1924 г. бывший военный министр В.А. Сухомлинов повторил официальную версию, полемизируя с теми, кто начинал обращать внимание на отдельные ее эксцессы: «Наша мобилизация прошла как по маслу! Это навсегда останется блестящей страницей в истории нашего Генерального штаба, как бы отрицательно об этом теперь ни отзывались»[455].

У сторонников иных оценок мобилизации скептицизм вызывало в первую очередь не количество мобилизованных, а настрой, с которым запасные шли на призывные пункты. Генерал В.И. Селивачев отмечал в дневнике, что, попав в госпитали, солдаты тут же начинали расспросы медперсонала о мире: «Вообще же и в госпиталях сильно наблюдается “невоинственность” нашего солдата, спрашивающего сестер милосердия “скоро ли замирение”? При полной неразвитости нашего народа… что для него война с немцем…? Он знает лишь свою Вологодскую, Олонецкую или какую другую

[455] *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 313.

губернию…»[456] Генерал Ю.Н. Данилов назвал в 1924 г. патриотическую пропаганду «дешевым фасадом», поставив под сомнение истинный патриотизм русского солдата, а высокую явку призывников объяснил тем, что русский крестьянин привык исполнять все, что от него требовала власть[457]. Отрицали патриотизм у большинства новобранцев из крестьян также генералы А.И. Деникин, А.А. Брусилов, политик П.Н. Милюков. Последний в своих воспоминаниях о Первой мировой войне, описывая настроения крестьян, использовал словосочетание «вековая тишина», взятое им из известного стихотворения Н.А. Некрасова: «В столицах шум, гремят витии».

Милюков обращал внимание, что патриотическое сознание российских крестьян ограничивалось масштабом их губернии: «В войне 1914 г. „вековая тишина“ получила распространенную формулу в выражении: „Мы — калуцкие“, то есть до Калуги Вильгельм не дойдет. В этом смысле оправдалось заявление Коковцова иностранному корреспонденту, что за сто верст от больших городов замолкает всякая политическая борьба»[458]. «О патриотизме крестьян (тем более — рабочего) говорить не приходится», — писал в своих воспоминаниях офицер-артиллерист и участник Гражданской войны В.В. Савинков[459].

В 1926 г. генерал Н.Н. Головин вступил в полемику с данной скептической позицией, утверждая, что «русский рабочий шел на призыв с таким же сознанием своего долга, как и русский крестьянин»[460]. Головин ссылался на воспоминания М.В. Родзянко, который в радужных тонах описывал

---

[456] Генерал В.И. Селивачев. Дневники. 1901-1914. М., 2019. С. 583.

[457] *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. Б.м., 1924. С.111.

[458] *Милюков П.Н.* Как принята была война в России? // Воспоминания. М., 1991. С. 157–162.

[459] Три брата (То, что было): Сборник документов / Составители, авторы предисловия и комментариев К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова. М., 2019. С. 438.

[460] *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте»: В 4 т. Т. 1. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 83. (В настоящем исследовании цитаты проводятся по книге Головина 1926 г. издания, которая уже вошла в историографию Первой мировой войны и цитируется в ряде современных исследований).

общественные настроения лета 1914 г. При этом, соглашаясь, что «субъективизм участника событий накладывает свою печать» на описание такой тонкой материи, как чувства, эмоции людей, Головин призывал учитывать «объективный показатель» — явку мобилизованных на сборные пункты. Он отмечал, что в России не было уклонений от воинской повинности, так как при явке в 96% оставшиеся проценты приходятся на расхождение на 10% между расчетным и фактическим числом подлежавших призыву (не доказывая, что расхождение было именно в большую, а не меньшую сторону, так как в противном случае явка бы составила не 96%, а 86%, что, впрочем, все равно остается достаточно высоким показателем)[461]. Тем самым Головин произвольно «подтягивал» явку к 100%. В 1939 г. он повторил свою аргументацию, уже в открытую полемизируя с Б.А. Энгельгардтом и Ю.Н. Даниловым, причем помимо старых количественных аргументов попытался подойти к вопросу с другой стороны: «Может ли читателю… прийти сомнение в наличии патриотизма и готовности к жертвенному долгу среди нашей солдатской массы? Кровь миллионов и миллионов убитых и раненых, принесенная на алтарь Отечества, вопиет против такого обвинения»[462]. Тем самым Головин занимал позицию, согласно которой последствие события определяет его причину, «кровь миллионов убитых» не позволяет историку сомневаться в искренности и целесообразности принесенных жертв.

В июле–августе 1914 г. в российском обществе начали формироваться две картины военной мобилизации. Первая являлась пропагандистской конструкцией, вторая, неофициальная, передавалась в частных письмах, разговорах. В какой-то момент эти две картины окончательно разошлись, дискредитировав средства официальной информации в глазах народа.

Патриотическая пресса описывала энтузиазм, который якобы охватил новобранцев сразу после публикации приказа о призыве[463]. В литературных

[461] Там же. С. 85.

[462] *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. Париж, 1939. С. 376.

[463] Вечернее время. 1914. 19 июля.

журналах спешно печатались небольшие рассказы, посвященные злободневным темам. В некоторых из них сборные пункты запасных были описаны как некие светские салоны, куда пришли покрасоваться кавалеры и провожавшие их дамы, где царило веселье, бравада и в воздухе витало ожидание грядущих побед, геройства[464]. Мобилизация становилась частью романтическо-героического дискурса.

При этом авторы художественных произведений не приводили оригинальные диалоги, высказывания, которые звучали на призывных пунктах. Вместе с тем сами мобилизованные впоследствии воспроизводили тамошнюю атмосферу. Будущий пролетарский писатель И. Зырянов (В.В. Арамилев), отправившийся на фронт, спустя несколько лет вспоминал врезавшиеся ему в память частушки и народные песни, которые исполнял один запасной из крестьян Вятской губернии во время стрижки новобранцев. Эти куплеты были придуманы не им, они отражали традиционное отношение народа к царской службе, повторяющееся и в мобилизации 1914 г.: «Во приемну завели, / Во станок поставили, / Во станок поставили, / Ремешочком смерили. / Ремешочком смерили / И сказали — приняли. / Из приемной вышел мальчик, / Слезоньки закапали, / Слезоньки закапали, / Мать, отец заплакали. / Думал, думал — не забреют, / Думал — мать не заревет. / Из приемной воротился — Мать катается, ревет»[465].

Посетивший 31 июля Управление воинского начальника в Крутицах В.А. Городцов отметил грубость чиновников в отношении нижних чинов, а также, что все комнаты управления были набиты просителями и плачущими женщинами[466].

Конечно, раздавались и веселые песни, шутки-прибаутки, однако в первую очередь это было самоуспокоением новобранцев. Вологодский

---

[464] Нива. 1914. № 32. С. 631.

[465] *Арамилев В.В.* В дыму войны. Записки вольноопределяющегося. 1914–1917 гг. М., 2015. С. 84.

[466] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 37.

крестьянин И. Юров вспоминал, как его партия мобилизованных добиралась до Устюга на перекладных: «В пути, чтобы заглушить тоску, мы, хотя были все трезвы… горланили песни, неуклюже шутили, беспричинно хохотали, словом, вели себя как ненормальные… Смеяться мне, конечно, не очень хотелось, внутри точила, не давала покоя грусть, мысленно я был со своей любимой семьей… Так мы всю дорогу заглушали в себе то, о чем было тяжело говорить. Но про себя каждый думал тяжелую думу: придется ли вернуться домой и увидеть своих родных?»[467] Раненый солдат схожим образом описывал мобилизацию: «Эх, вначале, как погнали нас семнадцатеро из деревни, ничего не понятно, а больше плохо… Ух и заскучали мы… На каждой станции шум делали, матерно барышень ругали, пели чточасно, а весело не было…»[468] Порой раздавались политические куплеты. Генерал Н.А. Епанчин вспоминал, что «когда во время войны производились частые призывы огромного числа запасных и новобранцев, они иногда не стеснялись, шляясь по городу, распевать: „За немецкую царицу взяли парня на позицу“»[469].

Медсестра С. Федорченко, собиравшая характерные высказывания народа, фольклор Первой мировой, привела типичные слова крестьянина о начале войны: «Как громом меня та война сшибла. Только что с домом справился — пол настлал, крышу перекрыл, денег кой-как разжился. Вот, думаю, на ноги стану, не хуже людей. А тут пожалуйте! Сперва было пить задумал, а только сдержался, — на такую беду водка не лекарство»[470]. Важным фактором крестьянского недовольства было то, что война началась в разгар сельхозработ. Непосредственно наблюдавшие за деревенской жизнью современники отмечали это в своих дневниках. Раздражение крестьян по поводу мобилизации отмечала семидесятилетняя вдова Л.Н. Толстого в Ясной Поляне: «Все в унынии; те, которых отрывают от земли и семьи, говорят о забастовке: „Не пойдем

[467] *Юров И.* История моей жизни… С. 160–161.

[468] *Федорченко С.* Народ на войне. М., 1990. С. 25.

[469] *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 226.

[470] *Федорченко С.* Народ на войне... С. 24.

на войну!“», — и семнадцатилетняя гимназистка в г. Скопине: «Сколько слез, рыданий, горя! Остаются семьи без кормильцев, пора рабочая, хлеб не убран, у многих до сих пор стоит в поле. И все эти молодые, полные сил люди обречены на смерть»[471]. Предводитель дворянства Тверской губернии П.П. Менделеев в воспоминаниях описывал ту же картину и те же настроения уныния крестьян: «Жаркие июльские дни. Летняя страда в разгаре. Все в поле. Уборка хлеба. И вдруг… мобилизация… война. Немедленная отправка призывных в город… Проводы… Слезы… Унылая покорность судьбе… никакого воинственного подъема… Ни капли воодушевления»[472].

Официальная «Летопись войны» напоминала читателям о том, как развивались события в период мобилизации, глядя на них сквозь призму религиозного чувства и завершая статью выводом: «Порядок везде был образцовый. Чувства патриотического воодушевления безграничны»[473]. Примечательно, что, описывая патриотический подъем запасных, корреспонденты чаще всего ссылались на городские манифестации, т. е. подменяли одно массовое действие другим. Очевидно, что ни масштаб, ни социальная структура, ни организационные особенности манифестаций и мобилизации не совпадали, поэтому их следует рассматривать по отдельности.

Пропаганда настолько искажала восприятие читателей, что даже спустя много лет, когда уже были известны факты о пьяных бунтах, дезертирстве и пр., современники упрямо воспроизводили ее штампы. Так, В.В. Шульгин вспоминал о мобилизации: «Железные дороги были охвачены смерчем патриотизма, которого никак нельзя было ожидать. Патриотизмом была захвачена в то время вся Россия. Запасные являлись всюду, в полном порядке и даже не

---

[471] *Толстая С.А.* Дневники в двух томах. Том 2. Дневники 1901-1910. Ежедневники. М., 1978. С. 411; Две тетради. Дневник Н.А. Миротворской / Публ. Д. Иванов. М., 2010. С. 17-18.

[472] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864-1933. М., 2017. С. 303.

[473] Летопись войны. 1914. № 1. С. 22.

произвели бунта, когда продажа водки одним решительным ударом была прекращена во всей империи. Это было чудо. Неповторимое»[474]. Конечно, никакого чуда не было, как не было и полного порядка при следовании запасных. В то время как официальная печать в первые дни после начала мобилизации описывала высокую сознательность и подъем народного духа среди новобранцев, россияне в частной переписке рисовали совсем иные картины. Один из екатеринбуржцев так описывал настроение мобилизованных и населения в городе 5 августа 1914 г.: «За все время мобилизации, шатаясь по городу, могу сказать, что не видел не только энтузиазма, но даже не встречал просто веселой физиономии… полная апатия по отношению к личности и намерениям внешнего врага и очень осмысленное и яро враждебное отношение к внутреннему врагу — в первую очередь к полиции… Здесь полицейских сняли с многих постов, дабы не возбуждать запасных. В первый день мобилизации здесь было крупное столкновение со стражниками. Убито было 3 и ранено 3»[475].

Как видно из писем обывателей, раздражение выплескивалось не только на полицию, но звучали оскорбления и в адрес верховной власти. В письме некой Кати из Нижнего Рыбинска от 30 июля сообщалось: «Здесь мужики с большим неудовольствием шли на призыв, даже бранили государя, говоря, что, вот, они идут на войну, а их семьи остаются без работников, голодные и „сирыя“. Требовали водки, угрожая разгромить казенки»[476]. Мобилизация крестьян не способствовала единению народа и власти, наоборот, становилась очередным источником политической опасности для существующего строя. Националистически настроенный житель Армавира, в условиях раздувавшегося печатью патриотического «психоза» не потерявший заряд скептицизма, обнаружил весьма любопытную причину разговоров о внезапно охватившем всех патриотизме. По его мнению, причина мнимого патриотического единения заключалась во временном «протрезвлении людей» ввиду закрытия на

[474] *Шульгин В.В.* Последний очевидец… С. 237–238.

[475] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 48.

[476] ГА РФ. Ф.102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1104.

период мобилизации трактиров[477]. Зырянов подмечал не спокойствие и серьезность мобилизованных крестьян, а с трудом сдерживаемое раздражение от того, что их оторвали от привычной жизни[478]. Князь А.Д. Оболенский 12 августа 1914 г. отмечал, что в Калужской губернии настроение спокойное и выжидательное, самоуверенный тон столиц отсутствует, однако крестьяне находятся в состоянии «спокойной грусти» и «некотором печальном недоумении»[479]. В.А. Городцов описывал настроение крестьян села Дубровичи Рязанской губернии перед отправкой мобилизованных как тревожное: «Во многих домах слышался плач и причитания. Мужики угрюмо бродили по улицам или сидели у ворот, толкуя о набежавшей беде»[480].

В отличие от В.В. Шульгина, писавшего, что колонны призванных запасных двигались в полном порядке и в приподнятом настроении, М. Палеолог 25 июля в дневнике описал иную картину. Наблюдая встретившуюся ему на пути маршевую колонну, посол отметил беспорядочность следовавших транспортных средств, а также большое количество женщин, сопровождавших мужей, в том числе с детьми[481]. Плачущая женщина становилась одним из самых ярких символов мобилизации. Призванный по мобилизации рижский рабочий А. Пирейко вспоминал отправку своего эшелона: «Когда начали нас погружать в вагоны, раздались душераздирающие крики и плач женщин, родственников и близких мобилизованных… Жены мобилизованных от горя рвали на себе волосы, цеплялись за буфера вагонов, чтобы остановить отходящий поезд с близкими людьми. Вой поднялся такой, что казалось, будто отправляют людей на кладбище»[482]. «В Николаеве провожали новобранцев: жены, сестры, матери подняли ужасный вой и никак не хотели пропускать поезд. Они легли

[477] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 6.

[478] *Арамилев В.В.* В дыму войны… С. 7.

[479] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1237.

[480] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 65-66.

[481] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 56–57.

[482] *Пирейко А.* В тылу и на фронте империалистической войны. С. 14.

на пути, подобрались почти под самые колеса. Им уступили: дали несколько вагонов, усадили, прицепили к поезду и тронулись… Над ними жестоко и остроумно посмеялись: на третьей же версте вагоны отцепили, и поезд умчался…», – записал в дневнике Д.А. Фурманов[483].

Плакали не одни женщины. Вологодский крестьянин И. Юров, зачисленный в ратники ополчения из-за больной ноги, описывал отправку первых партий мобилизованных: «Огромная толпа простонародья — мужчин, женщин и детей. У многих мужчин, как они ни крепились, из глаз лились слезы, а все женщины истерически рыдали или скулили каким-то нечеловеческим голосом, держась обеими руками за своих мужей. Мужчины каким-то помертвевшим взглядом смотрели на оставляемых жен и детей. Глядя на все это, хотелось и самому завыть по-звериному от бессилья против этого великого и ужасного бедствия… В Устюге нам рассказывали, как женщина, имевшая пятерых детей, прощаясь с мужем, сошла с ума, а муж, видя это, от отчаяния удавился»[484]. Один молодой сельский дьячок рассказывал, как расплакался, наблюдая отправку запасных своего прихода[485].

Официальная визуальная картина мобилизации, формировавшаяся из нейтральных фотографий покорно следовавших на сборные пункты запасных, сегодня может быть дополнена частными фотографиями, которые составляли «другую», подпольную визуальную картину рассматриваемого периода. Непостановочные документальные кадры воссоздают моменты прощания близких, не оставляющие сомнения в том, какая именно психологическая атмосфера сопутствовала призыву. Уникальным визуальным документом является фоторепортаж из мордовского села Вечканово Самарской губернии, снятый в июле 1914 г. финским этнографом Армасом Вяйсяненом. На не всегда правильно сфокусированных, экспонированных кадрах жители выражают неподдельное горе, присутствие фотографа немного смущает их, так как

---

[483] *Фурманов Д.А.* Дневник… С. 151.

[484] *Юров И.* История моей жизни… С. 155.

[485] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 66.

многие отворачиваются от фотокамеры или закрывают лицо руками. На одной из фотографий, запечатлевшей рыдания женщин после отъезда мужчин, можно опознать по торчащей из одеял руке зарывшуюся в них женщину, которую пытаются утешить ее соседки (Приложение №2. Илл. 3-7). Эта подлинная картина народной войны вступала в противоречие с официальным урапатриотическим визуальным дискурсом.

Проводы на войну всегда были тягостным психологическим испытанием, поэтому народная традиция предполагала компенсаторный ритуал, позволявший снизить градус напряжения. Он предусматривал употребление алкоголя как средства релаксации. Однако военные власти боялись пьяных беспорядков, которыми ознаменовалась мобилизация периода русско-японской войны. Даже из тыловых районов винный след тянулся вплоть до театра боевых действий. Именно на это делал упор военный министр В.А. Сухомлинов, выступая за ограничение мест продажи питей в империи в период мобилизации[486]. Из событий 10-летней давности были извлечены уроки. 14 мая 1914 г. Государственный совет одобрил законопроект Н.А. Маклакова о передаче заведывания делами и учреждениями о попечении народной трезвости из Министерства финансов в МВД. Законопроект предусматривал передачу на местах попечения о народной трезвости земским и городским органам самоуправления, находившимся под контролем МВД.

13 июля Сухомлинов в письме Маклакову под грифом «секретно» подал сигнал о скорой мобилизации, предлагая принять «все меры к полному прекращению всякой торговли спиртными напитками во всех районах, где будет объявлена мобилизация»[487]. 15 июля Маклаков в соответствии с ходатайством военного министра в шифрованной телеграмме попросил губернаторов и градоначальников теперь же сделать все необходимые предварительные распоряжения на этот счет, а также «на всех путях следования запасных в войска и частей войск в районы сосредоточения на весь срок с первого момента

[486] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 74. Л. 1.

[487] Там же. Л. 1.

объявления и до закрытия сборных пунктов»[488]. Уже 17 апреля 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков разослал губернаторам и градоначальникам циркуляр, согласно которому «в случае объявления высочайшего повеления о мобилизации, торговля крепкими напитками должна незамедлительно прекращаться в пределах мобилизованных уездов»[489]. Данные мероприятия были официально закреплены в указе императора об ограничении продажи алкогольной продукции до 15 августа 1914 г.

«Летопись войны» с первого своего номера пыталась убедить читателей в том, что призывники чуть ли не с восторгом встретили запрет на алкогольную торговлю[490]. Официальная картина не соответствовала тому, что творилось в России. Зырянов описывал торговлю алкоголем в небольшом уездном городке в первые дни мобилизации, отмечая, что, несмотря на закрытие винных лавок, в городе много пьяных[491]. Причем пили не только мобилизованные крестьяне в маленьких провинциальных городках, но и рядовые горожане, так как запрет на продажу алкогольной продукции не распространялся на рестораны I разряда. Тем не менее алкоголя не хватало, поэтому начинались погромы. Современники даже выстраивали их последовательность: толпы мобилизованных и провожавших их рабочих и крестьян начинали с разгрома казенного винного склада, потом переключались на шинкарей, которые уже были не рады такому интересу со стороны жаждавших выпивки, а затем внимание части погромщиков переключалось на публичные дома — вполне типичная и естественная картина в условиях возобладавших биологических инстинктов[492].

С началом мобилизации по губерниям прокатилась волна разгрома запасными казенных винных лавок. Многие из них, согласно донесениям

---

[488] Там же. Л. 3.

[489] Там же. Л. 2.

[490] Летопись войны. 1914. № 1. С. 22.

[491] *Арамилев В.В.* В дыму войны… С. 7.

[492] Там же. С. 12–13.

чиновников, принимали характер мятежа[493]. Пьяные мобилизованные и провожавшие их родственники, товарищи, громили не только винные лавки, но и прочие торговые заведения, а также административные здания, полицейские участки. Кое-где поднимались красные знамена и уничтожались портреты Николая II.

Ситуацию усугубляла еще и неготовность местных военных властей должным образом организовать новобранцев, обеспечить их провиантом и обмундированием[494]. В результате некоторые губернаторы были вынуждены открыть на несколько часов винные лавки, чтобы запасным было чем заняться, что имело место, например, в Пензе[495].

О плохой организации призыва сообщалось в письме из Казани от 8 августа: «Работы тут много. Каждый день пригоняют все новых и новых запасных. Уж даже девать некуда. Ни обмундировки, ни оружия, конечно, нет. И все это ходит грязное, оборванное. Как выведут, никак нельзя подумать, что это войско, а прямо сброд всякий. Есть и хулиганы, понятно… Постоянно массы народа недосчитываешься — где-то себе гуляют. Повидимому, организация всего этого дела пребезобразная. Например: к нам понаслали массу пехоты, а теперь велят обратно куда-то пересылать»[496]. В другом письме сообщалось о бесчинствах новобранцев в Чистопольском уезде Казанской губернии, устроенных при попустительстве администрации: запасные разгромили несколько имений[497].

Аналогичные бесчинства запасных имели место в Киевской, Минской, Могилевской губерниях. Запасные двигались отдельными партиями по 200–300 человек, часто без надлежащего воинского надзора. Запасные нижние чины, призванные из Игуменского уезда Минской губернии, шли пешком в

[493] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 74. Л. 20.

[494] Там же. Л. 113–113(об).

[495] Там же. Л. 84.

[496] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1189.

[497] Там же. Л. 1101.

Минск по Игуменскому тракту, громя по пути винные лавки, заходя в близлежащие имения, вымогали деньги, забирали вещи, грабили и поджигали усадьбы[498]. В Могилевской губернии в имении Почаевичи графа Хрептовича-Бутенева крестьяне и запасные вырубили лес, забрали дрова[499]. Причем доставалось не только помещикам, но и крестьянам «чужих» деревень: по сообщению киевского губернатора, мобилизованные поджигали находящийся на полях в снопах овес, били стекла в домах, ломали изгороди[500].

Плохая организованность переброски маршевых команд запасных провоцировала конфликты на этой почве. Так, в ряде случаев запасные заявляли воинским начальникам, что не желают идти пешком, а требуют подводы. Те, кто получал подводы, требовали поездов или пароходов[501]. Нередко мобилизованные предъявляли еще большую щепетильность. В.Ф. Джунковский вспоминал, что в Сабунчах запасные при посадке на поезд убили полицмейстера Панина и разбежались. Поводом стал поданный поезд, состоявший из теплушек[502]. Когда Джунковский выезжал на автомобиле со двора сборного пункта, кто-то из запасных бросил в его автомобиль камень[503].

За время мобилизации в Департамент полиции поступали сведения о беспорядках призывников из следующих губерний: Астраханская, Бакинская, Витебская, Владимирская, Вологодская, Волынская, Вятская, Дагестанская область, Донская область, Екатеринославская губерния, Елисаветпольская, Енисейская, Иркутская, Казанская, Киевская, Ковенская, Кубанская область, Курская губерния, Минская, Могилевская, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Семиреченская область, Симбирская губерния,

[498] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 138. Л. 37.

[499] Там же. Л. 42.

[500] Там же. Л. 36.

[501] Там же. Л. 65.

[502] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 376–377.

[503] Там же. С. 380.

Ставропольская, Сувалкская, Тамбовская, Терская область, Тифлисская губерния, Тобольская, Томская, Тургайская, Уфимская, Ферганская область, Харьковская губерния[504]. Таким образом, 42% губерний и областей Европейской России, Привислинского края, Сибири, Кавказа, Среднеазиатских владений были охвачены погромами запасных. При этом в других губерниях и областях также проходили возмущения, которые, тем не менее, не приводили к массовым разгромам винных складов и лавок ввиду своевременных действий местной администрации, а также потому, что в них, в силу мобилизационного плана, не происходило скопления большой массы призванных на войну. Так, министр внутренних дел в письме губернатору Акмолинской области выразил благодарность за то, что тот своими действиями «воспрепятствовал дальнейшему распространению в области возникших в отдельных местностях волнений среди запасных и крестьян»[505].

Конфликты с представителями власти во время мобилизационных беспорядков являлись не только отголоском былого противостояния на революционной почве, борьбы с полицией как символом внутреннего политического и классового врага. Выдвигались претензии, вызванные мобилизацией: запасные были недовольны, что полицейских не отправляют на фронт, и требовали, чтобы мобилизация распространялась и на них. Так, например, 23 июля в Череповце толпу из запасных и частных лиц, намеревавшуюся разгромить винную лавку, остановили несколько полицейских. Собравшиеся начали обвинять последних в том, что они не идут на войну, пытались учинить насилие в отношении представителей власти, но последние открыли огонь, двое были убиты[506]. Во время бунта в Самаре запасные потребовали, чтобы стражников также отправили на фронт, после чего напали на них и на полицию[507]. В

[504] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 138. Л. 119–130(об).

[505] Там же. Л. 132.

[506] Там же. Л. 55.

[507] Там же. Л. 79.

Барнауле 22 июля началась форменная охота запасных на всех полицейских[508]. Во время мобилизационных беспорядков толпа запасных, случалось, поднимала красные флаги и выкрикивала политические лозунги, что произошло, например, 22 июля в Томске около сборного пункта[509]. Также имело место сознательное осквернение царских портретов, что случилось, например, в Барнауле и селе Ребриха во время разгрома запасными местного волостного управления[510].

Один политический ссыльный, следовавший в Сибирь в то время, когда из Сибири вывозили эшелоны с новобранцами, писал брату в Петроград, что запасные выражали поддержку ссыльным, были случаи попыток освобождения заключенных из тюрем[511].

Высокая явка запасных не свидетельствовала об их желании идти на войну. Приходившие на сборные пункты запасные иногда заявляли воинским начальникам, что на войну идти не хотят, вследствие чего подвергались арестам[512]. Историк и археолог В.А. Городцов пересказывал разговоры, что некоторые сибиряки отказывались идти защищать Россию, аргументируя это тем, что «у нас, де, своя земля, а до чужой нам дела нет»[513]. В воспоминаниях рядовые участники Первой мировой признавались, что являлись к войсковым начальникам от безысходности — некуда было бежать, а чтобы скрываться, нужны были деньги. В материалах перлюстрации встречаются письма запасных родным и знакомым, в которых авторы просят сообщать полиции и военным чинам неверные адреса проживания, чтобы до них не доходили призывные повестки[514].

---

[508] Там же. Л. 106.

[509] Там же. Л. 101.

[510] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 211. Д. 1988. Л. 1.

[511] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 15.

[512] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 138. Л. 119(об).

[513] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 131.

[514] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 21, 22.

Некоторые рабочие, предвидя, что не получат «бронь», на последние деньги меняли место жительства, переезжали в другие губернии (часто по поддельным паспортам) и пытались там устроиться на военные заводы. За места в последних начиналась конкуренция. Те, кто был побогаче, давали взятки управляющим, другие писали на управляющих и друг на друга анонимные доносы, добиваясь увольнений[515]. В одной из анонимок сообщалось, что проживавший в Петрограде ратник 2-го разряда Матвеев за 500 рублей был зачислен на пароход матросом и на основании подложного списка получил освобождение от призыва[516]. Был более простой и чуть более дешевый вариант — в условиях начавшегося дровяного кризиса в городах крестьяне покупали лодки (лодка-соминка, передвигавшаяся с помощью шеста, стоила 450 р.) и получали разрешение на перевозку дров, за что полагалась отсрочка,[517] или же устраивались простыми матросами к судовладельцам, ремонтными рабочими на железнодорожные станции[518]. По мере ухудшения продовольственной ситуации, в частности, хлебного вопроса, в том числе из-за нехватки пекарей, подлежавшие призыву мужчины устраивались в хлебопекарни, периодически меняя места работы и не информируя об этом полицию, тем самым уклоняясь от учета и отбывания воинской повинности, о чем сообщал в декабре 1916 г. петроградскому градоначальнику председатель комиссии по поверке призыва генерал Н.И. Филипповский[519].

Мобилизацию крестьяне восприняли покорно, как очередную повинность. Однако 96%-ная явка на призывные пункты не означала, что вся эта масса призывников отправилась на фронт — многие требовали немедленного медицинского освидетельствования или предъявляли уже заранее подготовленные справки о негодности к строевой службе. В результате массовых

[515] РГВИА. Ф. 763. Оп. 1. Д. 16. Л. 105.

[516] РГВИА. Ф. 763. Оп. 1. Д. 27. Л. 471.

[517] Там же. Л. 153–153(об).

[518] Там же. Л. 222–223.

[519] РГВИА. Ф. 763. Оп. 1. Д. 37. Л. 25.

масштабов достигла выдача белых билетов и зачисление в нестроевую службу. Уже осенью 1914 г. военные власти озаботились этим и была создана комиссия по переосвидетельствованию белобилетников и ратников 2-го разряда. Не последнюю роль в создании комиссии сыграло массовое доносительство, поощряемое властями. 23 января 1916 г. Петроградский губернатор писал в комиссию по поверке призывов чинов запаса и ополчения: «Заявления о неправильном освобождении от воинской службы стали поступать ко мне 26 июля 1914 г. … в чрезвычайно большом количестве и продолжают поступать и ныне»[520].

При рассмотрении в Государственной думе законопроекта о порядке призыва ратников было высказано пожелание о переосвидетельствовании всех лиц, признанных негодными к исполнению воинской повинности. Министерство внутренних дел нашло это предложение полезным, в том числе «в видах успокоения общественного мнения»[521]. Министерство внутренних дел по соглашению с военным ведомством разработало ряд правил, одобренных Советом министров 27 октября 1915 г. Эти правила должны были стать основой для специального закона. В то же время массовое переосвидетельствование, начавшееся осенью 1915 г., вызвало панику в рабочей среде: многие рабочие частных предприятий срочно начали переводиться в казенные или переезжать в другие губернии, чтобы прекратить свои «дела»[522].

В некоторых местностях необоснованные освобождения от службы получала половина прошедших медицинское освидетельствование. Так, в Саратове с августа 1914 г. по 20 июля 1915-го воинским присутствием было переосвидетельствовано запасных и ратников, по частным жалобам на неправильное освобождение от службы, 285 человек, и было признано из них годными к службе 142, т. е. ровно половина[523]. При этом всего по Саратовской губернии

[520] РГВИА. Ф. 763. Оп. 1. Д.16. Л. 1.

[521] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1915. С. 458.

[522] Саратовский листок. 1915. 30 октября.

[523] Саратовский листок. 1915. 22 июля.

было определено на переосвидетельствование 25 000 человек. Сложность организации процесса переосвидетельствования обусловливалась тем, что никакого учета белобилетников не велось, поэтому агентурные сведения и доносы соседей оставались главным источником информации для властей. С этой целью в газетах печатались объявления с призывом к местному населению сообщать об известных случаях уклонения от службы, что вызывало шквал анонимок. Сам процесс переосвидетельствования растягивался на неопределенное время. Комиссия по поверке призыва 20 ноября 1915 г. направила рапорт начальнику мобилизационного отдела главного управления Генерального штаба, в котором высказала необходимость подвергнуть переосвидетельствованию 41 человека. Дело затянулось до марта 1916 г. и в результате из 41 белобилетника 24 были признаны годными к службе, 11 годными в ополчение 2-го разряда и 5 признаны навсегда негодными[524].

Следует заметить, что 50% незаконно освобожденных от службы — это скорее исключение из правила. Общей статистики по России, по-видимому, нет, однако можно найти примеры куда меньшего злоупотребления полномочиями сотрудниками призывных комиссий. Как правило, подозрение вызывали отдельные участки, дававшие наибольшее количество освобожденных. В Петрограде выделялся 4-й участок Нарвской части, по которому на начало декабря 1915 г. вызывал подозрение 191 человек, получивший освобождение. По результатам проверки оказалось, что без должных оснований в нем от службы были освобождены чуть более 20%. В уездном городе Луга воинским начальником были освобождены 204 человека, и при перепроверке лишь 10 были признаны годными, а 85 получили отсрочку от призыва для поправки здоровья. Согласилась с освобождением Комиссия лишь в отношении 109 человек[525]. Конечно, приведенные цифры не позволяют выстроить полную картину уклонения от службы по медицинским показаниям, однако в какой-то мере объясняют высокую явку на призывные пункты: призывники стремились

[524] РГВИА. Ф. 763. Оп. 1. Д. 36. Л. 301–306.

[525] РГВИА. Ф. 763. Оп. 1. Д. 38. Л. 28.

пройти медицинское освидетельствование и получить незаконное освобождение от призыва, что является одним из контраргументов тезиса об исключительном всеобщем патриотическом настрое мобилизованных.

Мобилизация, начавшаяся для крестьян в разгар сельскохозяйственных работ, предполагавшая реквизицию лошадей и скота, вызывала не только критику власти, но и череду социальных и этнических конфликтов. В некоторых анонимках содержались достаточно точные данные о процедуре получения белого билета, включая существовавшие расценки. Так, стоимость полного освобождения от воинской службы у врача колебалась от 400 до 500 рублей. Естественно, что позволить себе такую сумму могли лишь состоятельные граждане, учитывая, что средний годовой доход рабочего был около 320 рублей. Неудивительно, что в обществе усиливалась социальная напряженность, росла ксенофобия[526].

В качестве альтернативы покупки «белого билета» нижними чинами из бедных слоев общества рассматривались самопоранение (самострельство, отрубание пальцев, впрыскивание под кожу растворов карболовой или азотной кислоты и др.), а также дезертирство. Иногда военнообязанные вместо себя на медицинское освидетельствование отправляли больных людей, которые для них получали освобождения от службы[527].

Членовредительство как способ уклонения от воинской службы практиковалось задолго до мировой войны. Еще в конце XIX в. подростки из беднейших слоев отрубали себе пальцы, лишь бы не идти в армию. Исследовавший это явление А.Б. Асташов обратил внимание даже на своеобразную географию членовредительства: в одних областях преобладали искусственные опухоли, в других — флегмоны, в третьих — грыжи[528]. Все это свидетельствовало о

[526] РГВИА. Ф. 763. Оп. 1. Д. 16. Л. 130.

[527] РГВИА. Ф. 763. Оп. 1. Д. 37. Л. 515–1 об.

[528] *Асташов А.Б.* Членовредительство и симуляция болезней в русской армии во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2012. № 34(4). С. 6.

сформировавшейся традиционной практике уклонения от службы, связанной с нежеланием воевать и погибать «за Веру, Царя и Отечество».

Согласно подсчетам Асташова, в некоторых партиях призывников, прибывавшие на медицинское обследование от уездных воинских начальников, насчитывалось до 12% симулянтов[529]. Причем практиковали это не только запасные, но уже принесшие присягу рядовые солдаты. Так, например, военным прокурором военно-окружного суда Киевского военного округа в 1914 г. было заведено в 2 раза больше дел, чем за 1913 г[530]. Как правило, пальцы себе отрубали люди малообразованные, не понимавшие, что за такое деяние им будет грозить уголовное преследование. При этом они в большинстве случаев не пытались обмануть призывную комиссию, а прямо заявляли, что не хотят служить. Один из таких самопораненцев угрожал в участке, что «прыгнет в окно или еще что-нибудь сделает, а служить не будет, так как это ему тяжело»[531]. Однако в действительности членовредительство не спасало от службы. 29 декабря 1914 г. ратник Никита Блоха в Харькове отрубил себе топором указательный, средний и безымянный пальцы левой руки, за что был приговорен к тюремному заключению на 2 года и 6 месяцев, но после окончания войны, а до тех пор был отправлен на фронт[532]. Также относительно легко вычисляли случаи самострельства, что встречалось даже среди офицеров[533]. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Н.И. Иванов, понимая массовый, угрожающий характер симуляций и членовредительства, уже 10 октября 1914 г. запросил верховного главнокомандующего о «принятии решительных мер против разразившегося среди нижних чинов армии умышленного членовредительства»[534]. Тем не менее явление разрасталось. Как отметил

[529] *Асташов А.Б.* Членовредительство и симуляция… С. 9.

[530] РГВИА. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 1403–65.

[531] РГВИА. Ф. 1352. Оп.1. Д. 1821. Л. 3, 6.

[532] РГВИА. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 503. Л. 2–26.

[533] *Асташов А.Б.* Членовредительство и симуляция болезней… С. 10.

[534] Цит. по: *Асташов А.Б.* Членовредительство и симуляция болезней… С. 11.

М.В. Оськин, в 1915 г. на Северном фронте самострелы составляли до 25% от всех ранений[535].

Более «прогрессивным» способом самопоранений было введение шприцем под кожу различных веществ, вызывавших гнойники и опухоли. В некоторых случаях врачи затруднялись определить, каково происхождение опухоли — искусственное или естественное. Так, в декабре 1915 г. рядовой 87-го пехотного Нейшлотского полка Яков Гроссман был заподозрен в умышленном производстве у себя паховой грыжи. Чтобы разобраться в ситуации, были приглашены два специалиста по грыжам. Мнения экспертов разделились: один констатировал искусственное происхождение, другой — естественное. Экспертизу повторили, и опять врачи пришли к противоположным выводам. Дело в итоге передали во Врачебное отделение Петроградского врачебного правления[536]. Подобные способы уклонения от участия в боевых действиях практиковались на протяжении всей войны. 23 сентября 1916 г. стрелок Латышского стрелкового запасного полка Рудольф Кунус, узнав о скорой отправке своей маршевой роты из Лифляндии на фронт, ввел себе под кожу в области шеи при помощи шприца можжевеловое масло, что привело к воспалению. В результате Кунус на фронт отправлен не был[537]. Асташов отмечает, что в годы войны среди населения распространялись целые списки способов уклонения от военной службы путем членовредительства[538], авторы которых внимательно следили за принимавшимися дополнениями к «Расписанию болезней» и предлагали соответствующие способы самопоранений.

Массовый характер на всем протяжении мировой войны носило и дезертирство. Отправленные в действующую армию после присяги новобранцы, случалось, убегали целыми вагонами. Начальник штаба главнокомандующего

---

[535] *Оськин М.В.* Российские дезертиры Первой мировой войны // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. 2014. Вып. 5 (60). С. 52.

[536] РГВИА. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1960. Л. 452–453.

[537] РГВИА. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1988. Л. 73.

[538] *Асташов А.Б.* Членовредительство и симуляция болезней… С. 8.

армиями Юго-Западного фронта М.В. Алексеев отмечал, что побеги нижних чинов с поездов в 1914 г. составляли 20%. Часто побеги носили коллективный характер[539]. Иногда в дезертиры подавалось по 500–600 человек — более половины едущих в железнодорожном составе[540]. По мере затягивания войны дезертирство только усиливалось. Хотя в эмигрантской историографии с подачи М.В. Родзянко устоялась цифра в 195 тысяч дезертиров, А.Б. Асташов считает ее сильно заниженной и полагает, что к 1917 г. 1–1,5 млн. солдат русской армии «прошли путь дезертира»[541]. Дезертирство как явление приводило к распространению массовых слухов о нем как среди солдат, так и в тылу. В конце 1915 г. говорили, что только зарегистрированных случаев дезертирства более миллиона[542]. Причем объясняли не только нежеланием воевать, но и находили социальные мотивы: издевательства офицеров над рядовыми и не желание последних мириться с унижениями и эмоциональными репрессиями.

Согласно канцелярии военного прокурора Петроградского военно-окружного суда, в 1914 г. больше всего дел на нижние чины было заведено за неподчинение офицерам — 18,3%, а на втором месте оказались случаи дезертирства — 14,6%[543]. К 1917 г. структура правонарушений меняется: в год революции больше всего дел было заведено за побеги со службы — 28,5%[544].

27 ноября 1915 г. во исполнение высочайшего повеления был издан приказ начальника штаба верховного главнокомандующего № 290 по организации военно-полицейского надзора в тылу армии для прекращения бродяжничества нижних чинов и задержания мародеров и дезертиров. Для этого создавались специальные отряды военной полиции, летучие конные разъезды, а по линиям

---

[539] РГВИА. Ф.1352. Оп.1. 1916. Д. 1960. Л. 393–393(об).

[540] *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 — начале 1917 г.: военный опыт и современность. М., 2014. С. 469.

[541] Там же. С.480.

[542] *Фурманов Д.А.* Дневник… С. 202.

[543] РГВИА. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1830–2008.

[544] РГВИА. Ф. 1352. Оп 1. Д. 2009–4376.

железных дорог учреждались офицерские подвижные заставы, в обязанности которых входила проверка документов всех нижних чинов (вероятно, по этой причине дезертиры предпочитали переодеваться в офицерскую форму). Кроме того, в городах нижним чинам запрещалось выходить на улицу после 9 часов вечера и ездить в трамваях[545].

Вместе с тем внимательного изучения требуют мотивы дезертирства: в одних случаях солдаты сознательно бежали с фронта, не желая воевать, проклиная войну, в других же объявлялись дезертирами по причине незнания устава, из-за самовольных отлучек. В случае побега всегда существовала проблема, где спрятаться. Отыскать дезертира, вернувшегося в родное село, не составляло для полиции большого труда. В чужих селах беглецов могли выдать крестьяне. При этом определенный процент беглецов отыскать все равно не удавалось, что породило слухи о формировании в России тайных сект «бегунов» и «скрытников». О них, в частности, сообщал в Синод крестьянин Ярославской губернии Иван Осокин. Он рассказывал, что крестьяне укрывают дезертиров, разыскиваемых полицией, но Синод не принял во внимание сообщение как не соответствующее действительности[546].

Часть крестьян бежала не столько боясь войны, сколько опасаясь за свои семьи, брошенные в разгар сельскохозяйственных работ. Еще во время мобилизационных беспорядков одной из главных претензий запасных к властям был вопрос о том, кто будет убирать поля и заботиться об оставленных женах и детях. Поэтому часто солдаты из крестьян бежали к себе на родину навестить близких, а спустя некоторое время возвращались в части. Обычно эти побеги носили сезонный характер (праздники, засев и жатва). В переписке военного прокурора Петроградского военно-окружного суда с командирами воинских частей встречается множество подобных дел. Так, нестроевой рядовой команды Красносельского военного госпиталя Иван Гаврилов, направленный

[545] Приказы начальника Штаба Верховного главнокомандующего за 1915 год. № 1–423. 6 сентября–31 декабря. Б. м., 1915.

[546] РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 2 отд. 3 ст. Д. 102. Л. 14(об).

4 августа 1915 г. по выписке из лечебного заведения из Управления Новгородского уездного воинского начальника одиночным порядком по месту прохождения службы, в свою часть не явился, а двинулся на родину в пределы Новгородской губернии и прибыл в Красносельский военный госпиталь лишь 15 августа 1915 г. При этом в выданном ему проходном свидетельстве он подложно переправил даты[547]. Нестроевой младшего разряда команды Красносельского военного госпиталя Иван Петров 27 июля 1915 г. самовольно направился на родину в пределы Гдовского уезда Петроградской губернии, пробыв в таковой отлучке до 31 июля, когда добровольно вернулся в свою часть[548]. Случались и массовые побеги на малую родину: 15 сентября 1915 г. восемнадцать солдат 6-го запасного саперного батальона в Петрограде отлучились самовольно из казармы и отправились к себе на родину в г. Ревель. 17 сентября четырнадцать человек из них добровольно вернулись в свою часть, а остальные были задержаны в Ревеле полицией и военным патрулем[549]. Эти случаи демонстрируют, что большинство «дезертиров» впоследствии возвращались в свои части.

В мае 1915 г. «Саратовский листок» опубликовал заметку о незадачливом добровольце: отправившись по патриотическим мотивам на войну, он, просидев несколько месяцев в своей части в тылу, самовольно оставил ее и бежал на фронт, где был пойман в качестве дезертира и помещен под арест. Но подобные случаи были редкостью.

Часто солдаты уходили из своих частей в город для продажи казенных вещей. Как правило, это происходило накануне отправки маршевых рот, когда солдатам выдавали походное снаряжение[550]. Например, рядовые 26-го пехотного запасного батальона Георгий Масленко и Силантий Соболев отлучились из своей части, расквартированной в г. Верро, и направились по железной

[547] РГВИА. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1960. Л. 340–340(об).

[548] Там же. Л. 390.

[549] Там же. Л. 393–393(об).

[550] РГВИА. Ф. 1352. Оп. 1. 1916. Д. 1988. Л. 25–25(об).

дороге в Порхов, где через сутки были арестованы патрулем. Успели промотать: 2 котелка, 2 патронные сумки, 2 полотнища для палатки, 2 полустойки, 2 веревки и 2 приколыша, вещевой мешок, 3 сухарных мешка, при этом унесли из части 2 утиральника, 2 фуфайки, теплые портянки, 4 носовых платка[551].

Нередко причиной бегства становились неуставные отношения в армии, произвол со стороны офицеров. Конфликты между офицерами и рядовыми обострялись на всем протяжении войны. Солдаты жаловались на физическое насилие со стороны командного состава, на вымогательство взяток за предоставление отпуска, на то, что офицеры обвешивали их сухарями и сахаром, из которых сами гнали самогон, и т. д.[552]

В то же время для кого-то армия представлялась социальным лифтом, и иногда некоторые рядовые, кому во время службы не удавалось подняться по карьерной лестнице, подделывали документы офицеров и по ним устраивались в городах. Показательна в этом отношении история потомственного дворянина Виктора Викторовича Беляева, который, участвуя с 167-м пехотным Острожским полком в боевых действиях против неприятеля и будучи в означенной части ранен в левую руку, прибыл в начале ноября 1915 г. в Петроград, где стал ложно именовать себя прапорщиком. При этом он встал на учет в офицерской комиссии, стал получать офицерское довольствие и успел подать 12 рапортов. Самовольно надел и носил не принадлежавший ему орден Св. Георгия 4-й степени[553]. То же самое произошло с уроженцем Кишинева Николаем Ивановичем Ган-Ган: участвуя с 249-м пехотным Дунайским полком в боях, он был ранен, 23 января 1915 г. прибыл в Петроград и стал ложно именовать себя прапорщиком, встал на учет, свидетельствовался в офицерских комиссиях, получал офицерское содержание и подал 4 служебные записки[554]. Крестьянин Радомской губернии Александр Вядерный, отправившийся в

[551] Там же. Л. 76–76(об).

[552] Там же. Л. 71.

[553] РГВИА. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1960. Л. 84–84(об).

[554] Там же. Л. 92(об).

армию добровольцем, после увольнения присвоил себе звание прапорщика, а заодно и титул князя[555]. Очевидно, что в рассмотренных случаях мы сталкиваемся с примерами службы в армии из корыстных интересов, но никак не осознанного долга по защите Родины от врага.

Таким образом, мы видим, что с самого начала войны у власти и общества формировались две разные картины, два разных представления о мобилизации. В одном случае акцент делался на 96%-ной явке, в другом же — в частных письмах и разговорах — обыватели делились друг с другом информацией, заставлявшей усомниться в наличии искреннего патриотического подъема среди низших слоев населения. Факты массовых бунтов призывников, насилие над представителями власти, осквернение портретов императора и угрозы в его адрес, дезертирство и членовредительство ясно указывают, что мобилизация вызвала народный протест. Однако в высших слоях общества отношение к мобилизации и войне было иным. Образованным людям, попадающим под власть модных теорий, бывает очень сложно среди наукообразных концепций разглядеть подлинные реалии современности. В официальной печати и в высшем свете актуальными были разговоры о цивилизационной миссии России, о ее обязательствах перед союзниками: дворянские и интеллигентские круги находились под властью геополитического дискурса, вступавшего в противоречие с народным дискурсом. Геополитические интересы России начинали противоречить интересам российского народа, слишком дорого платившего за амбиции властей. Поэтому в «патриотических кругах» о настроениях низов говорилось лишь в ключе констатации полного осознания ими важной миссии России в войне. Современники в дневниках отмечали пропасть, очередной раз образовавшуюся между интеллигенцией и народом: «Народ ни малейшей войны не ведет, он абсолютно ничего не понимает. А мы абсолютно ничего ему не можем сказать. Физически не можем. Да если б вдруг, сейчас, и

[555] Там же. Л. 354.

смогли… пожалуй, не сумели бы. Столетия разделили нас не плоше Вавилонской башни», — писала З.Н. Гиппиус в августе 1914-го[556].

Очень немногие в верхах осмеливались на озвучивание альтернативной точки зрения. Один из посетителей некоей госпожи О., занимавшейся благотворительностью, в феврале 1915 г. подошел к французскому послу М. Палеологу и обрисовал «народный» взгляд на войну: «Слишком много мертвых, раненых, вдов, сирот, слишком много разорения, слишком много слез… Подумай о всех несчастных, которые более не вернутся, и скажи себе, что каждый из них оставляет за собою пять, шесть, десять человек, которые плачут. Я знаю деревни, большие деревни, где все в трауре… А те, которые возвращаются с войны, в каком состоянии! Господи Боже!.. Искалеченные, однорукие, слепые!.. Это ужасно!.. В течение более двадцати лет на русской земле будут пожинать только горе»[557]. Звали этого человека Григорий Распутин. Неудивительно, что в столицах распространялись слухи о том, что он является немецким шпионом.

4. Женский взгляд на мобилизацию: от слез к погромам

Условно погромы, которые стали обыденной формой проявления массового протеста периода Первой мировой войны, можно разделить на несколько типов, взяв за основу классификации критерий причинности: пьяные беспорядки, националистические погромы, погромы на почве продовольственного кризиса. При этом чаще всего эти причины перемешивались, обнаруживаясь в одних и тех же протестных акциях. Это неудивительно — все три вопроса стояли очень остро и вызывали одинаковое раздражение масс. В результате вспыхнувшие на почве продовольственного кризиса беспорядки обрастали националистическим контекстом (немцы или евреи подняли цены на

[556] *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 8. С. 167.

[557] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 260.

продукты), а оказавшиеся в толпе любители крепких напитков под шумок громили винные склады, подпитывая алкоголем чувство праведного гнева по отношению к внутреннему врагу.

Однако помимо критерия причинности можно классифицировать погромы и с точки зрения участвовавших в них социальных групп. Накануне начала войны массовые акции протеста, захватившие ряд крупнейших промышленных центров России, проходили под знаменем рабочего движения. Многие тогда заговорили о революции, однако революции, в отличие от политических переворотов и восстаний, опираются на куда более широкие социальные слои, нежели одна страта общества. Внутренние социально-экономические и политические процессы в стране периода мировой войны актуализировали и для других слоев, помимо рабочих, участие в массовых акциях протеста. Так, заметно усилилось и политизировалось студенческое движение, росло недовольство крестьян, а также своеобразной визитной карточкой российских погромов 1914–1917 гг. стал бабий бунт.

В историографии женское измерение Первой мировой войны уже привлекло внимание исследователей. На Западе гендерные аспекты российской действительности рассматриваемой эпохи изучают Лора Энгельстейн, Диана Конкер, Барбара Энгл, Ричард Стайтс, Марк Стейнберг, Уилльям Розенберг, Стивен Смит и другие авторы[558]. Чаще всего эта тема рассматривается сквозь призму борьбы женщин за свои права. Вместе с тем феномен женского бунтарства 1914–1917 г. в России мало связан с феминистическим движением, но является характерным и значимым элементом социально-психологических

[558] *Koenker D, Rosenberg W.* Strikes and Revolution in Russia. Princeton, 1989; *Smith S.* Class and Gender: Women's Strikes in St. Petersburg, 1895–1917 and in Shanghai, 1895–1927 // Social history. #19. 1994; *Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930. Princeton, 1990; *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Cornel University Press, 1992; *Энгл Б.* Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. Т. 4. История. С. 148–178.

процессов. Неудивительно, что так или иначе проблемы гендера поднимаются в исследованиях историков, изучающих социокультурное пространство Первой мировой войны и революции, в частности, в трудах А.Б. Асташова, В.П. Булдакова, Б.И. Колоницкого, П.П. Щербинина и др[559].

Женское бунтарство в 1914 — начале 1917 г. являлось реакцией на вызовы военного времени, отражало отношение женщин как к войне вообще, так и к отдельным сопутствующим ей явлениям: мобилизации, хозяйственной разрухе, ухудшавшимся условиям труда и т. д. В дни июльской мобилизации едва ли не самым ярким символом России стал образ плачущей женщины, который врезался в память многим свидетелям. Схожие картины воспроизводятся в письмах, дневниках, воспоминаниях разных современников, как «изнутри» — офицерами и мобилизованными солдатами, — так и сторонними наблюдателями[560].

Тем не менее в некоторых приходивших с мест донесениях отмечалось, что призыв в подавляющем большинстве проходил организованно, «без женских воплей и причитаний». Уже само по себе акцентирование внимания официальным представителем власти на «женских причитаниях» указывает на неоднозначность тезиса. И все же некоторые историки, например А.И. Репинецкий, склонны верить подобным отчетам, повторяя тезис о том, что все российское общество в первые месяцы войны было охвачено патриотическими чувствами[561]. Однако необходимо отметить, что проводы на призывной

---

[559] *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 — начале 1917: военный опыт и современность. М., 2014; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015; *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX века. Тамбов, 2004.

[560] Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 19; *Арамилев В.В.* В дыму войны... С. 8–10.

[561] *Репинецкий А.И.* Женщины и дети в годы Первой мировой войны (на материалах Поволжья) // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала первой мировой войны). СПб., 2014. С. 457–462.

участок живущих в том же городе обывателей отличались от деревенских проводов запасных, уезжавших на подводах в губернские города. Последние всегда сопровождались женскими слезами и причитаниями. Не менее трагичные картины разворачивались на вокзалах во время отхода эшелонов с новобранцами, так что констатация «мужественного» поведения женщин у призывных пунктов, когда еще у супругов оставалось время для прощания, не доказывает их смирения и идейной солидарности с властью, развязавшей войну.

Можно оговориться, что женский плач, причитания, стенания — это неотъемлемый атрибут проводов мобилизованных на войну. Л. Олсон и С. Адоньева обращают внимание, что акт причитаний стал частью фольклорной традиции и даже привел к появлению в русских деревнях «профессиональных» причетниц, плакальщиц и вопленицы[562]. Традицию причитаний необходимо также включить в контекст «эмоциональных практик», под которыми этноисторик Моника Шеер понимала «манипуляции тела и ума с целью либо вызвать чувства там, где их нет, либо сфокусировать диффузное возбуждение и придать ему понятную форму, либо уже возникшие эмоции изменить или устранить»[563]. Эмоциональные практики, согласно Шеер, играют важную роль в различных обществах и выполняют мобилизующую, именующую, сообщающую и регулирующую функции[564]. Вероятно, можно дополнить, что проводы в целом и причитания как эмоциональная практика были тесно связаны и с магическими представлениями деревенских жителей: причитания в адрес мобилизованных как некая форма оплакивания должны были спасти их души. Мобилизованные оказывались потенциальными смертниками, поэтому в их адрес необходимо было провести обряды, функционально близкие отпеванию. «На войну провожают теперь, словно в могилу кладут», – записал в дневнике

---

[562] *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. М., 2016. С. 61.

[563] Цит. по: *Плампер Я.* История эмоций. М., 2018. С. 433.

[564] *Scheer M.* Are emotions a kind of practice (and is that what makes them have a history?) A Bourdieuan approach to understanding emotion // History and Theory. 2012. #51/2. P. 199.

медбрат Д.А. Фурманов[565]. Подобные практики регулировали эмоциональный режим крестьянского мира, однако было бы ошибочным рассматривать их как автоматизированные, бесчувственные акты. Хотя в некоторых случаях причитания могут показаться сугубо механическими, ритуализированными действиями, засвидетельствованные в многочисленных источниках акты расставаний жен со своими мужьями не позволяют усомниться в искренности эмоций, горя, которые испытывали провожавшие к провожаемым. Семнадцатилетняя гимназистка из г. Скопина отмечала, что поезда с запасными отправлялись со станций под громкие женские причитания: «Сколько в них горя, безвыходности! Часто причитания бывают искусственны, но много и искренних, сердечных, выражающих столько неподдельного страдания»[566].

Во всех уголках Российской империи вне зависимости от местных национальных традиций наблюдались одни и те же картины. Молодая дворянка Х.Д. Семина, жена военного врача, описывала похожие сцены в г. Шемаха Бакинской губернии, когда после объявленной мобилизации «поднялся такой плач и вой женщин и детей, что прямо жутко стало»[567]. Дорогу на станцию, проходившую мимо ее дома, Семина назвала «дорогой слез».

Первая мировая война изменила положение женщин в обществе, в первую очередь — представительниц низших слоев. Оставшиеся без мужей женщины вынуждены были взвалить на свои плечи значительную часть повседневных забот, вследствие чего патриотическая эйфория прошла мимо них. При этом в газетах особенно акцентировалась тема женского патриотизма, указывалось на то, что отдельные женщины вслед за мужьями рвались на войну. Печать представляла это как пример патриотизма, в газетах обсуждалась идея создания отряда амазонок[568]. «Вечернее время» писало о тяге русских женщин на

---

[565] *Фурманов Д.А.* Дневник: 1914-1916. М., 2015. С. 150.

[566] Две тетради. Дневник Н.А. Миротворской… С. 60.

[567] *Семина Х.Д.* Записки сестры милосердия. Кавказский фронт. 19141–918 гг. М., 2016. С. 24.

[568] Вечернее время. 1914. 2 октября.

фронт в статье под названием «Кого родит эта женщина»: «Русские женщины просятся в строй, они хотят сражаться в открытом бою наравне с мужчинами. Были предложения об образовании целых отрядов амазонок»[569]. С инициативой создания отряда амазонок выступила слушательница Бестужевских курсов Петрограда Софья Павловна Юрьева. Автор статьи в «Вечерних ведомостях» пытался доказать, что стремление женщин на фронт вызвано не политической борьбой феминисток за равноправие, а искренним патриотическим чувством. При этом сам автор скептически относился к подобной затее, полагая, что женщина должна проявлять прежде всего милосердие. В качестве аргумента приводились распространившиеся слухи о том, что немецкие медсестры «воюют» после боя, добивая русских раненых солдат. Автор приходил к выводу, что женщина-медсестра может родить только героя, а женщина-убийца — разбойника.

Отряд амазонок так и не был сформирован, женщинам требовалось получить особое разрешение на то, чтобы воевать наравне с мужчинами, поэтому некоторые переодевались мужчинами и тайно проникали в действующую армию. Такие истории широко освещались российской прессой. В ряде случаев авторы публикаций явно увлекались полетом собственной фантазии. Так, «Русское слово» со ссылкой на «Киев» опубликовало заметку о доброволице Тычининой, которая получила отказ на сборном пункте и, срезав косу и переодевшись в солдатскую амуницию, уехала с вокзала вместе с запасными. Тычинина участвовала в боях у Островца, Опатово и Сандомира, получив якобы шесть пулеметных ран в грудь (sic!). Лишь после того, как она попала в лазарет «Утоли моя печали» в Москве, была раскрыта ее личность[570].

Однако мотивы у женщин были разные. Если слушательниц высших женских курсов можно заподозрить в искреннем патриотизме, то в других случаях определяющим были личные интересы — желание вырваться из опостылевшей действительности. В качестве примера можно привести известный случай

[569] Там же.

[570] Русское слово. 1914. 12 ноября.

Марии Бочкаревой, ушедшей добровольцем на фронт осенью 1914 г. Война застала ее в Иркутской губернии, куда она отправилась в добровольную ссылку за своим гражданским мужем Яковом Буком. Однако тот стал пить, избивать жену, несколько раз чуть не убил, в результате у нее возникло желание бежать от него (как она бежала от предыдущего официального мужа). Начало войны дало повод. Бочкарева вспоминала впоследствии: «Покинуть Яшу ради собственного блага казалось мне почти немыслимым. Но оставить его и пойти на фронт во имя бескорыстного самопожертвования — нечто совершенно иное. Идея отправиться на войну все сильнее и сильнее овладевала всем моим существом, не давая покоя»[571]. Бочкаревой казалось, что начавшаяся война откроет для нее двери к новой жизни, в том числе поможет искупить некоторые грехи юности (соучастие в грабежах, прелюбодеяния и проституцию, покушения на убийство). У Марии «возникло неясное предчувствие того, что к жизни пробуждается новый мир, очистившийся от скверны, более счастливый и близкий к Богу». Очевидно, что эмансипированной столичной курсисткой Юрьевой и оказавшейся в сибирской ссылке крестьянкой Бочкаревой двигали разные мотивы. При этом общим оказывалось восприятие начавшейся войны как начала эпохи, открывавшей новые горизонты.

Реалии новой жизни не устраивали и оставшихся в тылу солдаток, что вызывало к жизни совсем иные реакции: вместо бегства на фронт — скандалы и бунты в тылу. Слухи о массовых бабьих погромах доходили до армии, и солдаты объясняли это просто: «Бабы бастуют. Мужиков стало мало, а баб много»[572]. При этом в пространстве слухов происходила характерная гиперболизация явления, порождавшая новые слухи о том, что в оставшихся без мужиков деревнях бабы устраивают охоту на мужчин, и когда поймают — замучают. Рядовой с укором писал своей знакомой: «Мы слышали, что вы ловите мужиков. 10 баб поймают одного мужика и замучают до смерти»[573].

---

[571] *Бочкарева М.* Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. Койданава, 2013.

[572] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 237(об).

[573] Там же.

Барбара Энгл считает изучение женского бунтарства недооцененной темой в истории российской революции, при этом прелюдией 23 февраля 1917 г. она называет продовольственный погром в г. Богородске Московской губернии, случившийся 1–4 октября 1915 г.[574] Исследовательница справедливо полагает, что ухудшение продовольственной ситуации в империи провоцировало «бабьи бунты», но спорит с Д. Конкер и У. Розенбергом, делающими акцент в активности женского движения на событиях 1917 г. Однако сама Энгл игнорирует более ранние проявления женского бунтарства — погромы солдаток июля–августа 1914 г. Вероятно, именно их следует рассматривать в качестве «прелюдии» бабьих бунтов периода мировой войны и революции. Предопределенные, как и продовольственные беспорядки, проблемами потребления (бунты солдаток в первые месяцы войны были вызваны задержками выплаты денежных пособий), они демонстрируют вместе с тем и гуманитарную сторону женского протеста, связанную с разрушением семейных отношений, переживаниями за жизнь мужчин, ушедших на фронт, оставшихся без отцов несовершеннолетних детей. Очевидно, что именно комплекс проблем, а не только банальная «жажда хлеба», толкала российских женщин на проявления жестокости и насилия. Кроме того, именно солдатки на протяжении всей войны оставались самой «взрывоопасной» категорией женщин.

Бабьи бунты в истории протестного движения в России важны еще и тем, что при их подавлении войска действовали более сдержанно, до последнего не применяя силу. Б. Энгл допускает, что в событиях февраля 1917 г. участие женщин повлияло на отношение казаков и войск гарнизона к беспорядкам, которые могли видеть в них жен и матерей солдат, воюющих на фронте[575]. Еще накануне первой революции крестьяне выработали своеобразную погромную стратегию, в которой прикрывались женщинами, пуская их первыми в «бой».

---

[574] *Энгл Б.* Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. Т. 4. История. С. 148–178.

[575] Там же. С. 174.

П.С. Кабытов на материале крестьянских восстаний начала XX века затронул тему бабьих бунтов и обратил внимание, что очень часто крестьянский погром начинался с того, что громить усадьбу принимались женщины, а мужчины присоединялись только после того, как удостоверялись в отсутствии карательных инициатив представителей власти. Управляющий имением Трепке Полтавского уезда сообщал в 1902 г. следственной комиссии: «Сначала явились бабы и занялись мелким хищением, а мужчины прятались, выглядывая по временам из-за изгородки и вошли в дело лишь тогда, когда убедились в безнаказанности баб»[576].

В 1914 г. новый статус множества женщин — солдаток — определял их оппозиционность. Хотя правительство и назначало пособия женам запасных, ушедших на фронт, денег не хватало, пособия задерживали, а в деревнях никакие пенсии не могли заменить рабочих рук. Поэтому в то время, как газеты упивались рассказами о патриотизме русских женщин, эти же русские женщины громили казенные учреждения, ругая правительство и царя за то, что забрали их мужей. «…его матери, нехай верне мини мужа, я его грошами не нуждаюсь», — матерно обругала Николая II тридцатилетняя крестьянка Киевской губернии Александра Побережная, в ответ на напоминание о том, что царское правительство заботится о солдатках, выплачивая им пособия[577].

Один из первых непосредственно женских бунтов произошел в последних числах июля в Царицыне: собравшаяся у здания мужской гимназии толпа женщин стала требовать письменного удостоверения относительно выдачи дальнейших пособий и после отказа принялась избивать полицейских. К ним присоединились запасные и студенты. В итоге были вызваны войска, открывшие огонь по толпе. В частном письме указывалось, что при подавлении беспорядков было убито 20 и ранено 80 человек[578].

---

[576] Цит. по: *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999. С. 57.

[577] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 388.

[578] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1121.

Ярая монархистка, член РНСМА, беспощадный борец со своими соседями-немцами С.Л. Облеухова вынуждена была признать, что власти не справляются со взятыми обязательствами поддержания семей запасных, частично оправдывая бунтарство солдаток хамским отношением к ним со стороны местной администрации[579].

Судя по частной корреспонденции, самое сильное возмущение солдаток вызывало отношение к ним властей в Одессе. Здесь в течение трех недель не выдавали пособий. В итоге протест одесситок вылился в погром, в котором проявились не только экономические, но и политические мотивы: женщины, вероятно, в память о бунтах 1905 г., наспех сооружали красные знамена, которые затем у них отбирала полиция[580].

Протестные выступления солдаток в Одессе продолжались весь август. Монархист, председатель Одесского Союза русских людей Н. Родзевич, в соответствии с распространявшейся германофобией, вину возлагал на женщин-членов городских управ, носивших немецкие фамилии[581].

Конечно, помимо бытовой германофобии, в критике монархистами (Облеуховой, Родзевича) работы городских управ просматривается их давнишняя борьба с общественным самоуправлением, подрывавшим устои самодержавия. Вместе с тем местные органы самоуправления денежные средства для презрения семей нижних чинов запасных получали из Государственного казначейства, поэтому недостаток или задержка причитавшихся средств — целиком вина царских правительственных учреждений. Однако была еще одна сложность в получении солдатками положенных денег: чрезмерная бюрократизация процесса. Хотя женщины могли рассчитывать на значительные суммы — от 30 до 45 рублей в месяц, закон о призрении семей солдат, призванных на войну, принятый еще 25 июня 1912 г., гласил, что за счет государственных средств финансировалась так называемая «малая семья», в то время

[579] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1225.

[580] Там же. Л. 1242.

[581] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 994. Л. 1393.

как в российской деревне проживали большие патриархальные семьи[582]. Отец, мать, дед, бабка и другая родня могли рассчитывать только на помощь местных попечительств, для чего нужно было составлять прошение в земство или попечительский комитет. Неграмотные крестьянки часто просто не могли правильно составить текст прошения. Известны случаи, как солдатки обивали пороги трактиров, чайных и прочих городских заведений, где можно было встретить сочувствующих грамотных мужчин, которые составляли за них требовавшиеся бумаги[583]. Не обходилось без курьезов: прошения составлялись то на имя военного министра — он построже, — то архиерея — он помилостивее, вместо того, чтобы писать в земскую или городскую управу.

Получив пособие, невесткам приходилось либо отдавать его свекрам со свекровями, либо идти на конфликт, отстаивая собственную финансовую независимость. Но последнее грозило перераспределением патриархальных ролевых функций в больших семьях, против чего активно выступали крестьяне. В Костромской губернии в феврале 1915 г. во время ссоры свекрови и невестки из-за денежного пайка свекровь, обругав царя, возмутилась: «Солдатским женам выдал книжки для получения пособия, а матери выходят дешевле жен»[584]. Мать солдата в народном сознании имела больше прав на компенсацию, лишение же ее данного права становилось переоценкой сложившейся социальной иерархии в деревне. В результате многие крестьянки, опасаясь за сохранность денежных пайков, тратили деньги сразу после получения, покупая вещи, которые не могли позволить себе раньше: кофточки, галоши, духи, помаду[585]. Естественно, это не снижало напряжения в семьях, а

---

[582] См.: *Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П.* Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2.

[583] *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX века. Тамбов, 2004. С. 272–273.

[584] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 101(об).

[585] *Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П.* Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны. С. 151.

наоборот, формировало в деревенском общественном мнении уверенность в том, что невесток деньги развращают: «Наш государь дурак за то, что много дает пособия солдаткам, которые ведут праздную жизнь»[586]. Со временем получение денежных пособий стало восприниматься как предательство, принятый крестьянками откуп за убитых мужей: «Солдатки за деньги продали своих мужей; им царь за них выдает деньги, не хотят ли они, чтобы царь и х.. им купил?»[587]

Таким образом, система призрения семей солдат как ввиду излишней забюрократизированности, так и из-за недостатка государственных средств, не только усугубляла социальные проблемы в деревенской среде, но и служила поводами для выражения женского протеста в различных административных центрах.

Разразившийся в империи общий продовольственный кризис размыл границы бунтарства солдаток. Из-за значительного роста цен на продукты и исчезновения ряда товаров из продажи ценность пособия понижалась, а желание бунтовать появлялось не только у одних жен призванных запасных, но и у всех, кто вел домашнее хозяйство. Повышение цен на продукты началось практически сразу после объявления войны, поэтому петроградская толпа, громившая 22 июля немецкое посольство, «делегировала» женщин на разгром продовольственных рынков. 25 июля в селе Смоленском за Невской заставой вспыхнул женский бунт на почве повышения цен на пищевые продукты. Газеты сравнивали его по степени озлобленности толпы с разгромом немецкого посольства[588]. 28 июля разгрому подвергся рынок в Петербурге, на Безбородкинском проспекте (Выборгская сторона)[589]. В следующем году ситуация с женскими погромами торговых заведений осложнилась. Исследователи отмечают, что только за 1915 г. в России было зафиксировано 654 бунта,

[586] РГИА Ф. 1405. Оп. 521. Д.476. Л. 123.

[587] Там же. Л. 530(об).

[588] Петербургский листок. 1914. 26 июля.

[589] Петербургский листок. 1914. 29 июля.

вспыхнувших на почве роста цен и недостатка продовольствия, а с января по май 1916 г., т. е. за неполные полгода, произошло уже 510 выступлений[590].

Продовольственный кризис был вызван объективными причинами и усугублялся субъективными инфляционными ожиданиями торговой части населения. Уменьшение трудоспособного населения деревни сказывалось на сельскохозяйственном производстве[591]. В первый же год войны сельское хозяйство недосчиталось 7,5 млн человек. Во второй и третий годы войны в армию было призвано еще 6 млн жителей деревни. В результате большое количество хозяйств осталось без мужских рабочих рук: например, в Московской губернии — 44% хозяйств, в Амурской — 43%, в Томской — 42%, в Тамбовской и Вологодской — 36%, в Киевской — 37%, в Харьковской, Саратовской и Уфимской — 30%[592]. Обыватели в частных письмах обращали внимание на то, что волны мобилизации приводят к вымиранию русских деревень, остающихся без мужчин[593].

Продовольственные погромы начинались, как правило, с «бабьего бунта», к которому впоследствии присоединялись хулиганствующие подростки, демобилизованные солдаты, рядовые обыватели. В отличие от узкосоциальных бунтов (например, рабочих, студенческих беспорядков), погромы, устраивавшиеся женщинами, имели одну важную отличительную особенность для самих погромщиков: конная полиция и войска действовали крайне нерешительно, редко открывая огонь на поражение. Поэтому к женскому погромному движению так любили присоединяться «профессиональные» громилы. При этом сами женщины были способны на проявление большой жестокости. 7 августа 1915 г. женский погром произошел в Колпине Петроградской

---

[590] *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начала XX века. Тамбов, 2004. С. 266.

[591] *Шигалин Г.И.* Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. С. 195.

[592] Северные записки. 1917. № 1. С.184; *Сириков М.А.* Очерки по аграрной статистике. 1924. С. 397–404.

[593] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 8.

губернии, в котором участвовало 400 человек. Поводом стал рост цен на овощи. В полдень одна из покупательниц обвинила торговца в спекуляции, вспыхнула ссора, женщины устроили погром, но вскоре были разогнаны полицией. Однако они не успокоились и отправились за подмогой к своим мужьям. К 5 часам вечера собралась уже смешанная толпа мужчин и женщин, с которой полиции пришлось биться 6 часов. Лишь в 11 часов вечера погром был остановлен. Любопытно, что разгрому подверглись заведения разного характера: не только продовольственные лавки, но и парикмахерская (вероятно, украли одеколон, который поднялся в цене в условиях сухого закона), табачные и писчебумажные лавки. В итоге полиция арестовала 10 женщин-зачинщиц[594]. В начале сентября 1915 г. в Петрограде на Охте случился бабий бунт, во время которого были разбиты все лавки по Пороховской улице. Для усмирения вызвали конных городовых. По свидетельству очевидцев, один городовой был убит[595].

Одновременно с беспорядками на Охте, носившими, в общем-то, локальный характер, начался настоящий бунт в Астрахани, продолжавшийся два дня — 8–9 сентября 1915 г. Помимо привычного стихийного течения он отличался и вполне рациональным и в некотором роде «героическим» поведением женщин: свидетели отмечали, что в то время, как одни погромщики просто уничтожали товар, другие, преимущественно женщины и дети, аккуратно его заворачивали и забирали с собой. Многих удивляло, с какой легкостью некоторые женщины убегали от полиции с мешками-пудовиками (16,3 кг) с мукой. После мучного ряда погромщицы переключились на магазин швейных машин компании «Зингер».

В июне 1915 г. в селе Гордеевка Нижегородской губернии 10-тысячная толпа женщин устроила «ревизию» запасов сахара в лавках. Полиция ничего не могла поделать с женщинами, в то время как последние вели себя агрессивно по отношению к стражам порядка, кидали в них камни. Б. Энгл

[594] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 8, 9 августа.

[595] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 24.

отмечает, что, в отличие от европейских продовольственных погромов, в которых также участвовали женщины, русский «бабий бунт» изначально был ориентирован на насилие. Исследовательница объясняет это традицией крестьянского доиндустриального бунтарства[596].

14 февраля 1916 г. серьезные беспорядки на продовольственной почве вспыхнули в Баку. Казалось, что все они разыгрываются по одному и тому же сценарию: пришедшие на базар женщины возмутились очередным ростом цен на продукты, вступили с торговцами в спор, переросший в драку. Сила оказалась на стороне женщин, которых поддержали местные деклассированные элементы, а также хулиганствующие подростки. Власти попытались остановить разгром рынка, вызвав конных городовых и пожарную команду, но это не помогло: толпа вырвалась за пределы рынка и направилась громить магазины в центре города. Погром продолжался еще два дня, причем самым страшным днем, согласно письмам очевидцев, было 15 февраля. На следующий день власти приняли решение стрелять в толпу, и беспорядки прекратились[597]. Та же картина описана в письме из Красноярска от 7 мая 1916 г.[598]

Важно отметить, что в ряде случаев, когда женщины поднимали крик на рынках, требуя снизить цены, торговцы шли им на уступки. Тем самым практика женского бунтарства оправдывалась: распространявшиеся по России слухи о женских зверствах по отношению к спекулянтам и мародерам пугали рыночных торговцев и позволяли хозяйкам иногда участвовать в регулировании цен на продукты. Как правило, тон задавали именно солдатки. Б. Энгл пишет, что в 1915 г. около 200 солдаток, собравшихся у управы в ожидании выплаты пособий, зашли в ближайший магазин и потребовали снизить цену на муку до 60 копеек за пуд. Но когда продавец отказался, одна из солдаток схватила мешок со словами «тащите, девки!», что сделало приказчика более

[596] *Энгл Б.* Не хлебом единым… С. 157.

[597] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1044. Л. 37–38.

[598] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1045. Л. 40–40(об).

сговорчивым[599]. В июле 1915 г. на таганском рынке Москвы женщины подняли крик по поводу повышенных цен на молодой картофель, угрожая разгромом рынка, в результате чего купцы снизили цены. Тем самым женщины вырабатывали определенную протестную тактику, которая в конце концов вылилась в массовые акции первых дней революции 1917 г. Не случайно в своих воспоминаниях генерал-майор отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридович называл женщин и детей «застрельщиками революции»[600].

Как отмечают исследователи, в конце 1916 — начале 1917 г. практически по всем городам Поволжья прокатилась волна «бабьих бунтов». 12 июля 1916 г. «бабий бунт» в Симбирске, во время которого погибло три человека и десяток оказались ранеными, обсуждался на секретном заседании Совета министров[601]. Крупный погром, вызванный недовольством хозяек от продажи тухлого мяса, произошел в Самаре 5 ноября 1916 г., во время которого было разгромлено 56 лавок и магазинов[602]. При этом, помимо продовольственного кризиса как причины бунтарства, историки обращают внимание на такой фактор, как изменившееся сексуальное поведение новой категории рабочих, получавших бронь. С.Г. Басин обратил внимание на то, что участившиеся случаи сексуального домогательства рабочих к солдаткам вызывали протест последних и усугубляли психологическую атмосферу в обществе[603]. Следует отметить, что о перверсивных практиках, участившихся в годы Первой мировой

---

[599] *Энгл Б.* Не хлебом единым… С. 155.

[600] *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. 1914–1917 гг. Т. 3. М.; Берлин, 2017. С. 36.

[601] Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 348.

[602] *Репинецкий А.И.* Женщины и дети в годы Первой мировой войны (на материалах Поволжья) // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны). СПб., 2014. С. 457–462.

[603] *Басин С.Г.* Самара в период империалистической войны (1914 — февраль 1917 гг.) // Учен. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. Вып. 15. Куйбышев, 1955. С. 122.

войны, писали многие современники. Правда, по понятным причинам, чаще всего это касалось поведения мобилизованных солдат и дезертиров.

Другим фактором, влияющим на усиление протестных настроений женщин, стало ухудшение условий работы на предприятиях и неравная оплата труда. А.И. Репинецкий указывает, что удельный вес женщин на предприятиях Поволжья к началу 1917 г. составлял 30,5%, женщины работали по 12 часов в день, плюс 2–4 сверхурочных часа, получая при этом только 3/4 заработной платы мужчин. Тяжелые условия труда приводили к физическому и психическому истощению работниц. Один из рабочих Трубочного завода Самары писал в «Волжское слово»: «Вхожу я в проходную (Трубочного завода в Самаре), смотрю на полу лежит девушка и еле дышит. Я спрашиваю ее что с тобой? Она повернулась ко мне и заплакала: „Не могу работать, а домой не пускают… я наверное умру, со мной второй год чахотка… от усиленной работы болит грудь, бок. Прихожу в 6 часов утра, ухожу в 8 часов вечера и не вижу ни дня, ни воздуха …Я-то, ладно, хоть давно работаю, а которые недавно поступили и тоже кандидаты на тот свет. А их человек 30“»[604].

Женские погромы отличались повышенной эмоциональностью и чаще всего были спровоцированы слухами, принимавшимися крестьянками на веру. Если рациональное восприятие действительности предполагает критически-сдержанное отношение к ним, то эмоции, которые захлестывали малообразованных солдаток, торговок, простых хозяек, провоцировали повышенную агрессию. В условиях превалирования чувственно-эмоционального восприятия реальности вызревали слухи, которые, согласно исследованию Л. Олсон и С. Адоньевой, играли важную практическую роль в жизни деревенских женщин[605]. При этом слухи, как отмечали Д. Олпорт и Дж. Постман, связаны с упрощенной эмоциональной гиперболизацией информации[606]. Передача

[604] Цит. по: *Репинецкий А.И.* Женщины и дети в годы Первой мировой войны…

[605] *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. С. 272.

[606] *Allport G., Postman J.* Psychology of Rumor. New York, 1947.

подобного сообщения предопределяла эмоционально-психологическую контагиозность, повышала возбудимость принимающего субъекта и создавала почву для насилия. В периодической печати описывались случаи неконтролируемого стихийного насилия, вспыхнувшего от чувства страха перед шпионами, провоцировавшего агрессию необразованных женщин. Так, например, «Петроградский листок» сообщил о происшествии в лесу графа П.П. Шувалова 10 сентября 1914 г. Около 2 часов ночи через лес шли женщины деревни Касимово, которые заметили сквозь деревья подозрительный свет, оказавшийся большим костром. Женщины тут же решили, что перед ними либо затаившиеся конокрады, либо тайная встреча немецких шпионов. Женщины бросились к местному десятскому Ивану Макееву, разбудили его и вместе с 20 односельчанами отправились в лес. Когда толпа подошла к костру, обнаружилось, что рядом с ним спали двое мужчин. Недолго думая, толпа набросилась на спящих и начала их избивать. Когда бить устали, выяснили, что незнакомцы — служащие имения графа Шувалова лесник Владислав Мороз и егерь Яков Богданов. Последним повезло, что они выжили, хотя и получили серьезные увечья[607].

Распространявшиеся в городах слухи подстегивали фантазию и приводили к рождению различных фобий, наиболее массовая из которых — шпиономания. Следствием массовой шпиономании становились немецкие погромы. Самый известный, но далеко не единственный из них — Московский погром конца мая 1915 г., спровоцированный серией абсурдных слухов, в котором также явно прослеживается мотив женского бунтарства. Американский историк Эрик Лор в провоцировании массовых беспорядков переносит вину с рабочих на женщин-солдаток, которые 26 мая в количестве ста человек собрались на Тверской улице в надежде получить от Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны свою еженедельную работу — шитье для армии[608]. Но

[607] Петроградский листок. 1914. 10 сентября.

[608] *Лор Э.* Русский национализм и российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 43.

им было объявлено, что нет пошивочного материала. Тогда женщины стали возмущаться. Проходивший в те часы по Тверской журналист И.В. Жилкин описал толпу: «Преобладали женщины, бедно одетые, в платочках, исхудалые, утомленные. У некоторых были дети на руках. Женщины эти или принимались что-то выкрикивать с надрывом и болезненным озлоблением, или замолкали, поджимая губы, с какой-то угрозой на темных лицах»[609]. Корреспондент отметил, что одним из факторов раздражения был стоявший у входа большой, шикарный черный автомобиль. Толпа ждала, кто выйдет и сядет в него, вероятно, не из простого любопытства. Кто-то крикнул, что работы нет потому, что «немка» великая княгиня отдала все заказы немецкой фабрике «Мандль» (следует заметить, что заказы действительно были переданы бывшей австрийской фирме «Мандль», которая была преобразована в акционерное общество во главе с графом Татищевым, но по решению не великой княгини, а интендантского ведомства[610]). Слухи о предательстве верхов уже давно будоражили общество, в числе главных подозреваемых среди малообразованной публики числились обе сестры — императрица Александра Федоровна (будто бы сообщавшая по телефону императору Вильгельму II военные планы России) и великая княгиня Елизавета Федоровна (будто бы скрывавшая в своем Марфо-Мариинском монастыре великого принца Гессенского), — поэтому данная версия была легко принята на веру. В сторону проезжавшего экипажа с великой княгиней раздавались проклятия, летели плевки и камни. К тому времени толпа распаленных женщин увеличилась до нескольких сот и стала угрожать штурмом здания, но подоспевший наряд полиции предотвратил беспорядки. Тем не менее по городу поползли слухи о произошедшем бабьем бунте на Тверской, возбуждая часть москвичей[611].

В дальнейших событиях, местами продолжавшихся до 5 июня, женщины также продолжали играть активную роль, на что указывали современники и

---

[609] *Жилкин И.В.* Московский погром // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 300.

[610] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 563.

[611] *Жилкин И.В.* Московский погром… С. 301.

открыто признавали газеты[612]. Особенность московского погрома заключалась в том, что начавшийся по «патриотическим» мотивам как расправа с местными немцами, он с 29 мая приобрел более широкий контекст, когда рабочие начали вступать в столкновение с полицией. Джунковский вспоминал, что, согласно донесениям, рабочие, участвовавшие в погроме, говорили: «Это ничего, что с немцев начали, — доберутся и до всех, кому следует „накласть“»[613]. Таким образом, националистический погром, разогретый агрессивными женщинами-солдатками, нес в себе заряд революционного бунтарства.

Начало войны ознаменовалось серией женских бунтов, с него же началась и революция 1917 г. Едва ли это случайно. И дело не только в том, что женщины особенно пострадали от войны, — затянувшаяся война создавала в обществе исключительно нервозную обстановку, в условиях которой протестная тактика крестьянок, отличавшаяся повышенной эмоциональностью, соответствовала общей социально-психологической атмосфере кануна революции. Не удивительно, что одним из визуальных символов приближавшейся революции, как будет показано в дальнейшем, стала «красная баба» Ф. Малявина — в стихии женского бунтарства современники узнали природу революционной бури. Вероятно также не случайно, что не принявшие февраль 1917 г. некоторые современники настаивали, что революцию сделали «пьяные бабы» (более типичный образ – «голодные бабы») – бабий бунт с пьяным погромом объединял мотив стихийного, выраженно-эмоционального бунтарства[614].

5. Идейные противоречия патриотических настроений. Патриотизм как эмоция

[612] Речь. 1915. 7 июня.

[613] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 565.

[614] *Сиверс А.М.* Дневник 1916–1919. М., 2019. С. 132.

Начавшаяся война вызвала брожение умов российской интеллигенции. У кого-то патриотическая эйфория своей искусственностью провоцировала протест и мысли о противоречивости патриотизма в случаях, когда обнаруживается противостояние народа и власти. «Что такое отечество? Народ или государство? Все вместе. Но если я ненавижу *государство* российское? Если оно — против моего народа на моей земле?»[615], — рассуждала З.Н. Гиппиус 2 августа 1914 г., приходя к выводу, что в настоящее время такие мысли высказывать рано. Тем не менее, на одном из собраний у М.А. Славинского поэтесса произнесла пацифистскую речь, доказывая, что любая война при любом исходе сеет зародыши новой войны. Подобная позиция преследовалась властями. Осенью 1914 г. под следствием оказалась группа толстовцев, распространявших воззвания «Опомнитесь, люди-братья!» и «Милые братья и сестры!» Автором первого из них был бывший секретарь Л.Н. Толстого В.Ф. Булгаков, гостивший в Ясной Поляне у С.А. Толстой. Последняя вспоминала, что полиция ночью 26 октября ворвалась в дом и устроила Булгакову допрос, а спустя два дня арестовала толстовца вместе с 27 подписантами. В первом воззвании говорилось: «Совершается страшное дело. Сотни тысяч, миллионы людей, как звери, набросились друг на друга, натравленные своими руководителями… забыв свои подобие и образ Божий, колют, режут, стреляют, ранят и добивают своих братьев… Наши враги – не немцы… Общий враг для нас, к какой бы национальности мы ни принадлежали, – это зверь в нас самих…»[616] Однако летом–осенью 1914 г. такие самокритичные взгляды были не популярны в обществе. Патриотизм завладел умами интеллектуалов, вот только понимали они его по-разному. Исследователи отмечают, что начавшаяся война вызвала в интеллигентской среде «ужас перед неизвестным», проявившийся в патриотической разноголосице[617]. «Патриотическое

[615] *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 8. С. 157.

[616] *Булгаков В.Ф.* Опомнитесь, люди-братья!: история воззвания единомышленников Л.Н. Толстого против Мировой войны 1914-1918 г.г. Т.1. М., 1922. С. 36.

[617] *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию… С. 83.

настроение 1914 г.» нельзя описать одной-единственной эмоцией, современники вспоминали о том, что их стихийно захватывали разные, порой противоречивые чувства: «Ужас перед начинающимся кровопролитием и тревога перед неведомым будущим соединялись с каким-то почти радостным ощущением своего национального самоутверждения… Никогда я раньше не испытывал такого чувства стихийного патриотизма» – писал князь В.А. Оболенский[618]. Верное наблюдение о природе патриотизма В.В. Розанова сделал А.Л. Юрганов, отметив, что философ считал причиной поражения в русско-японской войне отсутствие у народа воодушевления[619]. Тем самым патриотический подъем 1914 г. мыслился некоторыми философами в качестве противоядия нового поражения и был в этом отношении вынужденным, искусственным явлением, настоянным на подсознательных страхах. Пацифизм же воспринимался в контексте пораженчества и предательства. Симптоматично, что октябрь – ноябрь 1914 г. ознаменовались началом следствия над толстовцами-пацифистами и большевиками-пораженцами.

Помимо разной эмоционально-психической природы патриотических настроений исследователи отмечают идейные различия патриотизма. Философы, публицисты безуспешно пытались превратить патриотизм в идеологию, но он каждый раз оказывался лишь функцией того или иного идеологического подхода. Еще В.С. Дякин, анализируя патриотические настроения российской буржуазии, указал на идеологические различия в интерпретациях патриотизма[620]. 2 августа 1914 г. в «Русских Ведомостях» была опубликована статья князя Е.Н. Трубецкого «Патриотизм против национализма», в которой он представил войну России с Германией как битву патриотизма с национализмом. Трубецкой подчеркивал, что патриотическое единение России

---

[618] *Оболенский В.А.* Моя жизнь и мои современники. Воспоминания: 1869-1920. Т.2. М., 2017. С. 74.

[619] *Юрганов А.Л.* Первая мировая война и кризис русского модернизма // Россия XXI. 2017. №1. С. 97.

[620] См.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм...

происходит не на национальной, а «сверхнародной» основе: «Никогда единство России не чувствовалось так сильно, как теперь, и — что всего замечательнее — нас объединила цель не узко национальная, а сверхнародная»[621]. На близких позициях стоял А.А. Мейер, обращавший внимание на несоответствие национализма христианским добродетелям[622].

Однако эта концепция не встречала полного понимания. П.Б. Струве писал в декабре 1914 г.: «Великая Россия есть государственная формула России как национального Государства-Империи. Россия есть государство национальное. Она создана развитием в единую нацию русских племен, слившихся с собой, претворивших в себя множество иноплеменных элементов… Война 1914 г. призвана довести до конца внешнее расширение Российской Империи, осуществив ее имперские задачи и ее славянское призвание»[623]. Не забывал Струве и о концепции «Святой Руси», содержавшейся в царском манифесте. В ней он видел духовное содержание Великой России как империи[624]. Вместе с тем историками разрабатывались и обосновывались геополитические стратегии. А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков доказывали, что истинные цели войны для России лежат на Балканах, приводя в доказательство многовековую историю противостояния России с Османской империей. Н.И. Кареев, наоборот, рассматривал историю международных отношений как динамическую систему, в которой появление новых элементов, интересов, перестраивает ранее сложившиеся блоки и союзы и доказывал, что Россия вступила в Антанту ради сохранения в Европе мира[625]. На близкие позиции встал Р.Ю. Виппер, которого начавшаяся война заставила пересмотреть теорию прогресса и

---

[621] Русские ведомости. 1914. 2 августа.

[622] *Мейер А.А.* Религиозный смысл мессианизма // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге. История в материалах и документах. Т. 3. 1914–1917. М., 2009. С. 7.

[623] *Струве П.Б.* Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12.

[624] *Трубецкой Е.Н.* Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12. С. 89.

[625] *Варустина Е.Л.* Доктрины либерально-кадетской интеллигенции о войне // Историк и революция. СПб., 1999. С. 89.

склониться к циклическому характеру истории[626]. При этом, как отмечают исследователи, в значительной части либеральной интеллигенции, в том числе среди ученых, университетской профессуры, проступали «рецидивы имперского мышления», что особенно активно проповедовали лидеры кадетов, выступая за присоединение к России Галиции, Угорской Руси, всей Польши, Армении, не говоря уже о проливах[627]. Особенность «настроений 1914» заключалась в том, что великодержавно-шовинистическим психозом заражались представители разных политических взглядов. Однако при этом оттенки шовинистического патриотизма были разные.

Председатель Московского религиозно-философского общества памяти В. Соловьева Г. Рачинский переводил дискуссию из сферы материалистических концептов и прагматических вопросов о территориальных приобретениях в сферу философско-культурных построений, связывая их с теорией германского милитаризма как сущности германской культуры (что довел до абсурда В. Эрн в докладе «От Канта к Круппу»)[628]. Начало войны актуализировало вопрос о судьбе культурно-нравственных ценностей европейской и христианской цивилизаций. В связи с этим некоторые современники воспринимали ее в первую очередь как проверку духа, нравственного стержня народов. «Война есть великое нравственное испытание, в котором неисчислимо значение нравственного достоинства поставленной цели», — писал барон Б.Э. Нольде[629]. Н.А. Бердяев умудрялся великодержавно-шовинистические построения из международно-политической сферы перевести в сферу духовной жизни, предрекая в будущем начало духовно-идейной экспансии России: «Русское государство давно уже признано великой державой. Но духовная культура России… не занимает еще великодержавного положения… После

[626] *Виппер Р.Ю.* Теория прогресса и всемирная война 1914 г. // Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921.

[627] *Варустина Е.Л.* Доктрины либерально-кадетской интеллигенции... С. 93.

[628] *Рачинский Г.А.* Братство и свобода // Русская мысль. 1914. № 12. С. 84.

[629] *Нольде Б.Э.* Начало войны // Русская мысль. 1914. №10. С. 140.

великой войны творческий дух России займет, наконец, великодержавное положение в духовном мировом концерте»[630]. При этом Бердяев критиковал за излишний мистицизм патриотические взгляды В.В. Розанова, также считавшего, что война укрепляет народный дух, «сжигает в нем нечистые частицы»[631].

«Утро России» освещало лекцию философа С.М. Соловьева, прочитанную в университете Шанявского, отмечая, что его основной задачей стало «показать антихристианский характер германской культуры»[632].

Вероятно, самым резонансным стал доклад философа В.Ф. Эрна «От Канта к Круппу», который в концентрированной форме выразил наиболее шовинистические заблуждения современной интеллигенции. Эрн взял Канта за точку отсчета как выразителя истинного «германского духа». «Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предрешено *аналитикой* Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Круппа полны глубочайшей философичностью; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа», — формулировал Эрн свои основные тезисы[633]. Феноменализм Канта он называл «железобетонным завоеванием германского духа», а самого немецкого классика — «палачом старого и живого Бога». Отсюда следовал вывод о том, что кантовское теоретическое богоубийство «неизбежно приводит к посюстороннему царству силы и власти, к великой мечте о земном владычестве и о захвате всех царств земных и всех богатств земных в немецкие ручки»[634]. Тем самым из «Критики чистого разума» Эрн выводил природу германского милитаризма рубежа

---

[630] *Бердяев Н.А*. Душа России. М., 1915. С. 5.

[631] См.: *Розанов В.В.* Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1914.

[632] Утро России. 1914. 10 ноября.

[633] *Эрн В.Ф.* От Канта к Круппу // Меч и крест. Статьи о современных событиях. М., 1915. С. 21.

[634] Там же. С. 25.

XIX — XX вв., а орудия Круппа считал «самым вдохновенным, самым национальным и самым кровным детищем немецкого милитаризма»: «Генеалогические орудия Круппа являются таким образом детищем детища, т. е. внуками философии Канта». В конце своего доклада Эрн наделял Первую мировую войну признаками последней войны, эсхатологической битвы: «Люциферианская энергия с крайним напряжением, особенно в последнем столетии, сгрудились в немецком народе — и вот, когда теперь нарыв прорывается, все человечество в согласном порыве ощущает всемирно-исторический катарсис»[635].

Даже патриотически настроенные современники неоднозначно встретили этот доклад, отметив натянутый характер связи Канта и Круппа и обратив внимание, что Эрн сильно недооценил гуманистическое направление германской философии и многое другое. Некоторые и вовсе оценили выступление Эрна как предательство памяти его учителя В.С. Соловьева, полагая, что последний не одобрил бы таких вульгарно-упрощенных теоретических построений. Современник писал из Тулы в Москву 18 октября 1914 г.: «В последнее время я стал ужасно раздражаться всеми проявлениями „антинемецкого настроения“. Я не говорю о немецких погромах. То — простое хулиганство. Я говорю о той дикости, которая проникает в интеллигенцию, в газеты, иногда попадает контрабандой даже в „Русские ведомости“. Оплевывать Лютера, Канта, как делал Эрн, значит плевать на своих духовных предков. Если бы Соловьев был жив, он бы жестоко отделал Эрна»[636].

Вместе с тем В.П. Булдаков сделал очень важное предположение по поводу доклада Эрна, допустив, что «за подобного рода патриотическим философствованием прорывается амбивалентное отношение к собственной власти. Со времен славянофилов русская интеллигенция под видом критики Запада подсознательно выражала свое негативное отношение к бюрократической

[635] Там же. С. 34.

[636] ГА РФ Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1652.

этатизации российской общественной жизни»[637]. Анализ философских и публицистических текстов должен учитывать дискурсивный контекст, включающий не только внешние связи и переклички автора с единомышленниками и оппонентами, но и невербализованные интенции.

С резкой критикой Эрна выступил Д.С. Мережковский. «Утверждение, будто бы Германия — страна малокультурная, легкомысленно и невежественно. Связь Канта с Круппом сомнительна»[638]. Мережковский справедливо обращал внимание, что мировая война порождена не одним только германским национализмом, а кризисом всей европейской цивилизации[639]. Исследователи отмечают, что восприятие войны как краха материалистических основ всей новоевропейской цивилизации было характерно для многих русских философов, определяя их понимание мировой войны как некоего рубежа между старой и новой эпохами[640].

Как и Трубецкой, Мережковский считал, что патриотизм несовместим с национализмом, причем обращал внимание, что по своей сути патриотизм лежит вне рамок понятия государства, писал о «внегосударственном патриотизме»[641]. Такой подход к патриотизму лишал его политического содержания, переориентировал от государства, власти как объектов поклонения, к народу, культуре, природе — тому, что составляет подлинное содержание понятия Родины в широком смысле.

А.В. Карташев, выступая 26 октября 1914 г. в прениях по докладам А.А. Мейера и Д.С. Мережковского, пытался реабилитировать патриотизм как

---

637 *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию… С. 108-109.

638 *Мережковский Д.С.* О религиозной лжи национализма // Религиозно-философское общество… С. 16.

639 Там же. С. 18.

640 *Борщукова Е.Д.* Русская религиозно-философская мысль о характере и вероятных последствиях первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета. 2014. №5. С. 75.

641 *Мережковский Д.С.* О религиозной лжи национализма... С. 18.

национальное чувство, сводя его к инстинкту самосохранения, признавая в нем не христианскую, а языческую природу[642].

Можно утверждать, что начало войны оказало травмирующее воздействие на психику современников, многие из которых временно утратили способность воспринимать события в рационально-аналитическом, сдержанном ключе. С.Н. Булгаков не далеко ушел от своего современника, писавшего о повеселевшей и заговорившей по-человечески скотине, когда описывал картины единения царя и народа в свадебной риторике. Восторженное описание передавало не то, что было в реальности, а то, что Булгаков желал увидеть в этом «брачном часе». 3 августа он писал А.С. Глинке: «Живу, как все, как и Вы, потрясенный, умиленный, смущенный, возрадованный. Никогда Родина не переживала такого брачного часа, никогда еще народ не познавал так своего Царя, а Царь своего народа (как прекрасен, как смиренен и мужественен наш Государь, какие слова нашел он для выражения чувства всей России. Воистину, Господь с ним!). Какая молитвенность загорелась, как воссияла Мать Наша, Православная Церковь! Куда делась вся интеллигентская и партийная мерзость, распря, вражда! Совершилось воистину чудо, и радостно умереть при этом: „ныне отпущаеши…“ Что бы ни было впереди, но мы увидели Русь, и она сама себя увидала! Это неотъемлемо и это бесценно!»[643] Исключительная эмоциональность восприятия происходивших событий приводила современников к пограничному состоянию психики.

Российская интеллигенция, увлеченная размышлениями о судьбах России и цивилизации, вместе с тем не забывала и о насущно-прагматических вопросах. Некоторые деятели акцентировали внимание на том, что патриотизм должно понимать как консолидацию общества и государства на платформе развития общественных органов самоуправления, системы образования, заботы о наиболее уязвимых категориях граждан, в частности о детях, тем

---

[642] *Карташев А.В.* Прения // Религиозно-философское общество… С. 30–31.

[643] Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 585.

самым еще более расширяя и размывая содержание понятия[644]. В этом случае «гражданский патриотизм» противопоставлялся этатизму и тем самым становился фактором конфликта общества и самодержавной власти (что выразилось, в частности, в недоверии со стороны представителей власти к Земгору и ВПК). М. Стокдэйл отметила в различных патриотических нарративах 1914 г. большее стремление к построению справедливого демократического будущего, чем к сохранению «мнимых традиционных ценностей»[645].

Однако значительная часть общества не отделяла патриотизм от верноподданничества. Историки определяют этот «оттенок» патриотизма как «догражданский», отличительной чертой которого была слепая готовность «идти в указанном властью направлении»[646]. Вероятно, подобная вера во власть, лишенная здорового критицизма, свидетельствовала о состоянии психологической растерянности и о подсознательном страхе перед будущим. Патернализм оказывался психотерапевтическим средством, позволявшим снять с себя ответственность за исход патриотической мобилизации общества. В этом отношении война способствовала архаизации массового сознания. Рассматривая идейные искания русских писателей и философов в контексте соответствия модернистских представлений реалиям военного времени, А.Л. Юрганов приходит к выводу о постепенном угасании модернизма русского Возрождения, который не выдержал схватки «с некнижной реальностью мировой войны»[647]. Забегая вперед, дополним, что в конечном счете текстовая культура образованных слоев отчасти была ассимилирована устной традицией, что проявилось, в частности, в архаизации неформально-информационного пространства

---

644 *Обухов А.* Война и дети // Русская мысль. 1914. № 10. С. 88–93.

645 *Stockdale M.* Mobilizing the Nation: Patriotic Culture in Russia's Great War and Revolution, 1914–20 // Russian Culture in War and Revolution, 1914–22. Book 2: Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory. Bloomington, Indiana, 2014. P. 6.

646 *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию… С. 144.

647 *Юрганов А.Л.* Первая мировая война и кризис русского модернизма (окончание) // Россия XXI. 2017. №2. С. 53.

города. В какой-то степени этому поспособствовали публицисты консервативного направления.

В консервативной печати в годы войны резко возросла антилиберальная и антибуржуазная риторика, что мыслилось правыми в качестве истинного патриотизма, основанного на традиционализме и патриархальном укладе. Согласно проведенному М.В. Лыкосовым контент-анализу правой периодики, уже в июле 1914 г. появляются публикации (5%), в которых главным внутренним врагом называется буржуазия. Впоследствии этот процент растет: в июле–августе 1915 г. — 18%, а с сентября 1915-го по февраль 1917-го —35,6%[648]. Часть националистической общественности летом 1914 г. была готова принять некоторые реформы, но при условии, что они пойдут сверху, а не снизу. Протоиерей И. Восторгов писал в августе епископу Макарию в Нижний Новгород: «Какой момент мы переживаем! Это единение всех в России, грядущие победы, в которые я верю, новая конъюнктура условий церковно-политической жизни… отсутствие необходимости давать уступки и реформы по требованию снизу, и возможность дать их сверху, по свободному волеизволению власти…» Однако далее член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела определил границы свободы и реформ, которые он готов принять, демонстрируя никуда не девшийся антисемитизм и шовинизм: «Несомненно нас ждут реформы и против наделения крестьян землей и рабочих законодательством, обеспечивающим их права, мы и сами не будем говорить. Но впереди автономия Польши и эмансипация еврейства, впереди расширение прав народного представительства, сужение прав Государственного Совета, впереди умаление прав православной Церкви и прав коренного

[648] *Лыкосов М.В.* Антибуржуазная кампания в русской консервативной печати периода Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2011. Т. 10. Вып. 6: Журналистика. С. 19.

населения. На это как мы будем реагировать?»[649]. Юдофобия, как и германофобия, была спутницей патриотизма консервативных кругов.

Некоторые националисты шли еще дальше и подводили под патриотизм расовую теорию. Член-учредитель Союза русского народа и председатель его Санкт-Петербургского отдела С.А. Володимеров писал в черносотенной «Земщине», что столкновение германизма и славянства это борьба двух разных рас[650].

Церковная печать преподносила войну как решающую битву православия[651]. Царский манифест об объявлении войны уповал на Всемогущий Промысел, упоминал Святую Русь, чем наделял вооруженный конфликт религиозным содержанием. Церковная печать поддерживала данный пафос противопоставления Святой Руси погрязшей в грехе Германии[652]. Архимандрит Иллларион, рассуждая о европейской теории прогресса, сводил ее к германскому милитаризму, рассматривал как часть учения об эволюции и призывал отказаться от идеи прогресса как чуждой патриархальным истокам православной соборности[653].

В целом правоконсервативная идеология, проявившая свою традиционалистскую косность, неэластичность в условиях менявшегося в годы войны общества, была окончательно дискредитирована к 1917 г.

Отдельного внимания заслуживают патриотические настроения студентов, в которых также наблюдается широкий спектр противоречивых концепций. Это особенно важно потому, что печать, доказывая всеобщий

---

[649] ГА РФ Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1209.

[650] Земщина. 1914. 21 июля.

[651] *Леонтьева Т.Г.* «Победа зависит не от количества штыков и снарядов»: Настроения Тверской провинции в 1914–1917 гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 1. С. 28.

[652] Московские церковные ведомости. 1914. № 30–31. 26 июля. С. 554.

[653] Московские церковные ведомости. 1914. № 47–48. 28 ноября. С. 953.

патриотический подъем в стране, нередко апеллировала именно к настроениям студентов высших учебных заведений.

Своеобразной «проверкой на патриотизм» стала отмена отсрочек для студентов от призыва в армию 30 сентября 1914 г. В 1901 г. на основе принятых 29 июля 1899 г. «Временных правил» студенты Киевского университета были лишены отсрочек от воинской повинности и отданы в солдаты, что вызвало волну студенческих беспорядков в разных городах России. Однако осенью 1914 г. в столице, наоборот, прошла серия патриотических манифестаций учащихся высших учебных заведений, которые если не с энтузиазмом, то с пониманием встретили отмену отсрочек от призыва. Вместе с тем, несмотря на манифестации и запись вольноопределяющимися, студенты России не забывали о традициях политической борьбы, тем более что в начале XX в. роль студентов в общественно-политической жизни росла вместе с их численностью.

Изучая массовые настроения российского студенчества, необходимо учитывать психовозрастные особенности этой группы: их восприятие действительности было романтизированным, в его основе лежал не столько личный опыт, сколько полученные из книг теоретические знания, в некоторых случаях несопоставимые с социально-политическими реалиями. Исследовательница Сьюзан Морисси, обращая внимание на политический раскол между студентами-академистами и не-академистами, предлагает рассмотреть причины этого размежевания не с точки зрения идеологических разногласий, т. е. раскола «по горизонтали», а с точки зрения поколенческого конфликта по «вертикали»: между студентами старших курсов, которые являлись носителями традиций политической борьбы 1905–1907 гг., и младшекурсниками, в большей степени подверженными патриотической пропаганде, для которых чувство долга перед Родиной было важнее преданности идеалам революционного активизма[654]. Конечно, в действительности среди студентов разных курсов

[654] *Морисси С.* Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 291.

обнаруживались сторонники как «охранительного», так и «революционного» патриотизма. Вместе с тем данная позиция заставляет внимательнее отнестись к проблеме «зрелости» молодежи: помимо зрелости биологической, определяемой возрастом студента, необходимо учитывать зрелость эмоционально-психологическую. В ряде случаев не столько знания/незнания, сколько психологическая незрелость толкала молодежь в сторону правого или левого радикализма. Так студенты, как политически и эмоционально активная группа, становились важными акторами социально-политической истории.

Война произвела на студенчество особое впечатление — как вследствие возрастных психологических особенностей, так и по причине высокой политической грамотности в сравнении с широкими слоями общества. Вместе с тем патриотический подъем в студенческой среде, о котором писали газеты, в некоторых случаях был понят неверно. За воодушевлением молодежи нередко скрывались оппозиционные настроения. С. Морисси обращает внимание, что «выражая готовность выполнить свой гражданский долг в этот трудный час, они (студенты. — В.А.) надеялись, что наградой за единение во имя победы и отказ от внутренних политических разногласий послужит политическая оттепель»[655]. В некоторых случаях студенты и вовсе приветствовали войну как первый шаг к революционным изменениям в России. Так, некий московский студент Владимир был воодушевлен тем, что война, по его мнению, должна привести к государственному перевороту и свержению самодержавного строя[656]. Некая Варя рассуждала в письме из Москвы о том, идти или нет в сестры милосердия при пацифистских настроениях: «Я ненавижу войну, но не думаю, как Леля, что идти в сестры на войну значит признавать ее»[657]. В данном случае мы сталкиваемся с очередным парадоксом патриотического сознания: антивоенные настроения при готовности послужить обществу (раненым воинам). Однако патриотизм мог включать в себя не только пацифистские

[655] Там же.

[656] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 94.

[657] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 14.

взгляды, но и революционно-антимонархические. Так, петроградский студент в письме товарищу описывал прошедшую студенческую манифестацию и делал очень важные уточнения о природе студенческого патриотизма: «Говорилось много на тему „мы умрем“, но когда кто-нибудь произносил слово „государь“, — раздавались свистки и громкие голоса протеста. На тему „умрем“ один студент произнес речь, в которой сказал, что „мы идем на войну, повинуясь силе, но будем умирать не за настоящую Россию, а за Россию будущую“»[658]. Даже террорист Б.В. Савинков проникался патриотическими идеями и писал, что готов отдать жизнь за Россию, но для него война — это в первую очередь шанс «в борьбе обрести свободу свою». Таким образом, известный эсеровский лозунг приобретал патриотическую окраску[659]. К возрастным психологическим особенностям, составившим основу патриотизма в среде молодежи, также можно отнести любопытство и жажду новых впечатлений: «Я решил записаться санитаром, не из человеколюбия, а из двойного интереса; во-первых — интереса к войне, во-вторых, чтобы лучше разузнать „дух“ солдатский»[660]. Действительно, многие студенты, ушедшие на фронт вольноопределяющимися, вели дневниковые заметки, чем нередко раздражали начальство. Впоследствии подобные записи были опубликованы И. Зыряновым, Д.А. Фурмановым и др.

Нельзя не назвать и ту группу студентов, на которых начало войны не произвело особых впечатлений в силу их увлеченности научными вопросами, тайнами бытия. Так, семнадцатилетний Лев Британишский, учащийся рисовальной школы Общества поощрения художников, считал войну чепухой и в дневнике впервые упомянул о ней лишь в записи от 12 сентября 1914 г. в связи с тем, что у него из-за войны «рухнула стипендия»[661]. Впрочем, другая, куда

---

[658] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 16.

[659] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 24.

[660] Там же. Л. 90.

[661] *Британишский Л.Р.* Дневник 1913–1915 / Публ., вступ. заметка и прим. Владимира Британишского. СПб., 2014. С. 93.

сильнее войны волновавшая Британишского проблема —отсутствие у него барышни.

Важно, что выделенные две условные группы эмоционально и психологически «зрелых» и «незрелых» студентов никак не коррелировали с их политической классификацией. Вероятно, молодость и склонность к активности перевешивали политическую сознательность, в силу чего и «охранители-академисты», и «революционеры» нередко опускались до банального хулиганства — били стекла торговых заведений, забрасывали камнями полицию, когда та пыталась предотвратить погром. Как уже упоминалось, в петербургском погроме 22 июля участвовали и представители студенчества, вполне вероятно — представители обеих политических групп. «Русский инвалид» отмечал, что произошедший в тот день разгром издательства газеты «Zeitung» был исключительно делом рук молодежи[662]. Вместе с тем отдельная патриотическая манифестация студентов, в которой происходила их политическая самоидентификация, состоялась несколько позднее общегородских манифестаций, так как оказалась реакцией на отмену отсрочек от призыва.

Вероятно, объединяющей платформой для разных политических групп студентов становилась распространяемая пропагандой в обществе германофобия, которой волей-неволей поддавались молодые умы. Ксенофобские акции проходили в стенах учебных заведений. «Вечернее время» осветило «патриотическую манифестацию в университете» 3 октября 1914 г., которая, по существу, являлась хулиганской выходкой ксенофобски настроенных студентов по отношению к профессору римского права Карлу Фридриховичу фон Зеллеру, русскому подданному. Зеллер, как и многие отдыхавшие в Европе русские, после начала войны был задержан немцами, а когда вернулся в Петроград, то в первый же день чтения лекций в Императорском петербургском университете услышал в свой адрес выкрики студентов «Вон немцев», «Долой пруссаков», «Вам здесь не место»[663]. Занятия были сорваны, а об инциденте

[662] Русский инвалид. 1914. 24 июля.

[663] Вечернее время. 1914. 3 октября.

доложили министру народного просвещения Л.А. Кассо. Зеллера обвинили в том, что он симпатизирует немцам (назвал их «добродушной нацией») и плохо говорит по-русски. Был поставлен вопрос о дальнейшей судьбе этнических немцев в Императорском университете.

8 октября в утренних выпусках газет появился текст положения Совета министров об отмене отсрочек. Явившиеся в учебные заведения студенты устроили митинги и приняли решение не приступать к занятиям и идти на демонстрацию. Студентов университета поддержал ректор Э.Д. Гримм, произнесший перед ними патриотическую речь, закончившуюся пением гимна и «Спаси, Господи». После этого студенты большой толпой вышли из университета и с пением песен и национальными флагами в руках направились по Дворцовому мосту через Сенатскую площадь к Зимнему дворцу. К ним присоединились студенты Политехнического института, Лесного, курсистки петроградских женских курсов. На Дворцовой площади толпа студентов при пении «Спаси, Господи, люди твоя» «как один человек пала на колени». Газеты в красках описывали студенческую манифестацию: «Сегодня Петроград пережил высокие дни патриотического подъема, такие же, как и в дни предъявления ультиматума Германии нашему правительству. Сцены, свидетелями которых были все петроградцы, рисовали изумительный народный подъем. Многие плакали от умиления, видя огромную студенческую массу, которая с национальными флагами, при пении «Боже, Царя храни» и «Спаси, Господи», двинулась по главным улицам столицы. Сцены эти неповторимы и свидетельствуют о силе и глубине народного чувства, охватившего всю Россию»[664]. Отдельные группы студентов ходили по улицам столицы весь день, при этом газеты специально отмечали, что «порядок царил безукоризненный». Студенческая манифестация в Петрограде прошла и на следующий день. 9 октября студенческие манифестации прошли в Москве, Одессе и других городах. В Петрограде и Москве из-за скопления студентов временно было прекращено трамвайное движение.

[664] Вечернее время. 1914. 8 октября.

Вместе с тем московские манифестации отличались большей агрессивностью. Патриотизм, основанный на ненависти к врагу, давал о себе знать. Первоначально толпы студентов, как и в столице, ходили с флагами, портретами императора и пели песни. На Тверской опустились на колени перед памятником М.Д. Скобелеву, в Кремле опустились на колени перед памятником Царю-Освободителю. Однако двигаясь по Петровке, студенты остановились перед немецким магазином готового платья «Мандль» и потребовали немедленного его закрытия, что перепуганные служащие тут же исполнили, также по требованию студентов-патриотов был закрыт магазин «Эйнем». В последнем произошла стычка с двумя дамами, протестовавшими против закрытия магазина, что потребовало вмешательства полиции. Однако на следующий день, 10 октября, в Москве начался настоящий немецкий погром, в котором участвовали как студенты, «союзники», так и уличная шпана. В этот день на улицах Москвы встретились потоки представителей разных социальных групп, вдохновленных известиями о победах на фронте и решивших подкрепить успех войск успехами внутренней борьбы с немецким засильем. В газетах сообщалось, что главными инициаторами разгрома немецких магазинов были рабочие. Первой пострадала немецкая фирма «Эйнем» в Верхних торговых рядах. Уже в полдень рабочие сорвали с нее вывеску и потребовали закрытия магазина. Нарядом полиции толпа была рассеяна, но к трем часам пополудни собралась вновь, более многочисленная. Невзирая на слабые попытки полиции не допустить погрома, разбила окна, ворвалась внутрь магазина и уничтожила весь товар — варенье, конфеты, шоколад, пирожные и пр. Кроме того, пострадали магазины «Дрезден» на Мясницкой улице, «Мандль» на Софийке и Неглинном проезде, «Гаррах», «Циммерман» и «Фирман» на Кузнецком мосту, «Братья Боген» на Неглинном проезде[665]. Из-за погромов в отдельных частях города было прекращено трамвайное движение. Однако из частной корреспонденции мы узнаем дополнительные подробности немецкого погрома 10 октября в Москве. Во-первых, свидетели отмечают весьма активную роль

[665] Московский листок. 1915. 11 октября.

студентов, называя именно их, а не рабочих, зачинщиками беспорядков. Во-вторых, помимо немецких фирм, громились и магазины других иностранных держав, в том числе и французские. Свидетель погрома В. Мошков писал из Москвы 14 октября 1914 г.: «Ужасно обидно, что Москва осрамилась: горсть каких-то мерзавцев разгромила магазины „немецких подданных“ — не забыв, конечно, и свои карманы. В числе „немецких“ магазинов попали и Кутюрье, Сий и Лоок, Кузнецов, Бландов, Сущевский завод и др., не говоря о множестве немцев — русскоподданных»[666]. Другому свидетелю погромов они напомнили революционные беспорядки 1905 г. Он счел их не патриотическими порывами, а прежде всего проявлением хулиганских инстинктов: «Последние дни самое мрачное настроение вследствие ужасных погромов немецких фирм: буквально вся Москва разгромлена и магазины заколочены досками. Хулиганы буйствовали два дня и жутко было смотреть на попустительство начальства. Это так живо напомнило погромы 1905 г., и так больно задело за живое»[667]. Менее масштабные погромы немецких фирм повторились в Москве 24 ноября, и вновь не без участия студентов, которые 10-го отмечали «толстовский день», а 23 ноября вышли на улицы с акцией протеста против ареста депутатов от социал-демократической фракции Думы.

25 октября 1914 г. в Петрограде студенты Института инженеров путей сообщения устроили массовую манифестацию по поводу взятия союзниками-японцами порта Циндао[668]. Петроградский студент писал в Москву в ноябре 1914 г.: «В нашем студенчестве подъем такой же, как и в других слоях, только без „казенного патриотизма“ и без „Б.Ц.х“ (Боже Царя храни. — В.А.). Мы отчисляем из наших скудных средств деньги на раненых, а также посильным трудом стараемся дать хоть что-нибудь родине»[669]. Конечно, подобные обобщения являются крайне условными и неточными. Значительная часть

[666] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1621.

[667] Там же. Л. 1616.

[668] Петроградский листок. 1914. 26 октября.

[669] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 99(об).

студентов-академистов пела «Боже Царя храни» и вместе с толпой на Дворцовой площади опускалась на колени. Из письма от 15 октября 1914 г. из Петрограда в Москву: «Только что узнал подробности о Московских безобразиях, творившихся в день опубликования высочайшего указа об отмене отсрочек. А мы, брат, не лучше, а возможно и хуже: наши лазали на коленях перед пустым Зимним дворцом. Это уже скандал…»[670]

Часть студентов не скрывала своего участия в первом московском немецком погроме, причем оправдывала это как чувством священного долга, так и различными случайностями. Например, разбитую витрину магазина Манделя объясняли тем, что в толпе «у кого-то случайно, во время бега, снялась галоша и полетела в витрину магазина»[671]. Желание оправдать очевидные, сознательные акты вандализма студентов приводили к созданию не менее наивных картин. Московский студент, отвечая на письмо петроградского знакомого, в котором последний осуждал московские беспорядки, оправдывал поведение своих товарищей следующей, по его мнению убедительной, историей: «Стоит Сережа перед еще целой вазой в магазине Эйнема, глаза горят, видно, что хочется ему чем-нибудь выразить свою ненависть к враждебной нации. К сожалению, под руками нет ни одного твердого предмета; но вот к Сереже подходит мальчик, в шапке у него камни. „Барин, купите — маленькие по пятаку, большие по гривеннику“. — „Дай-ка десяточек побольше“, — говорит Сережа и дает мальчишке целковый. „Ваше благородие, посторонитесь, не ровен час, — зашибем“, кричит он подошедшему было полицейскому. Городовой отходит и самая красивая из ваз разлетается вдребезги. „Я этому в Берлине выучился“, — самодовольно говорит Сережа»[672].

Из писем студентов узнаем, что среди них было достаточно много сторонников социалистической идеологии, осуждавших развязывание войны, в

[670] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1630.

[671] Там же. Л. 1673.

[672] Там же.

чем они вслед за социал-демократами обвиняли царское правительство[673]. Часть студенчества, которой по жеребьевке не пришлось идти в армию, стремилась попасть на фронт по идейным соображениям: увлеченные социалистическими идеями, они желали быть поближе к народу, особенно к «человеку с ружьем», чтобы изучить настроения масс.

Хотя отмена отсрочек была встречена российским студенчеством в целом с пониманием, она содержала в себе положение, которое провоцировало новый виток конфликта между студенчеством и властью: в то время как русских православных студентов, католиков и лютеран, мусульман принимали в военные училища, где они могли получить офицерский чин, студенты-евреи, даже православного вероисповедания, вынуждены были идти на фронт обычными рядовыми. Еврейский вопрос достаточно остро стоял среди образованной части российского общества, оставаясь принципиальным в его взаимоотношениях с властью.

Патриотические настроения части студенчества не были тождественны верноподданническим чувствам. Студенческому расколу и полевению способствовала политика властей относительно представителей оппозиции. Так, например, сильный резонанс в студенческой среде вызвало «дело Бурцева». С началом Первой мировой войны Бурцев, находившийся в политической эмиграции, занял «оборонческую» позицию, заявил о поддержке российского правительства и в августе вернулся в Россию, где был тут же арестован. Студенты, возмутившиеся тем, как власти поступили с оппозиционером, протянувшим им руку, включали в прокламации требование немедленного освобождения В.Л. Бурцева[674].

Еще больший раскол произошел в студенческой среде в ноябре 1914 г., когда правительство обвинило пятерых депутатов Государственной думы, представителей социал-демократической фракции, в антигосударственном заговоре. Они были лишены депутатской неприкосновенности, арестованы и в

[673] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 46.

[674] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1630.

начале 1915 г. приговорены к ссылке на поселение в Туруханский край. Во время студенческих сходок требования всеобщей амнистии перемешивались с антицарскими лозунгами[675].

Ноябрь был месяцем традиционного брожения студенческой среды, так как 7 и 10 ноября студенты отмечали день смерти и день похорон Л.Н. Толстого, что имело политическую окраску. В эти дни студенты, как правило, пропускали лекции, устраивали массовые шествия, пели «Вечную память», а также революционные песни, что приводило к столкновениям с полицией. В период Первой мировой войны «толстовские дни» активно отмечались в 1914 и 1915 гг. 10 ноября 1914 г. в Петрограде проходили массовые акции студентов, сопровождавшиеся пением «Рабочей Марсельезы», «Варшавянки», собирались пожертвования в пользу политических ссыльных, распространялись карточки с портретами революционных деятелей, в частности, «бабушки русской революции» (Е.К. Брешко-Брешковской), картинки ленского расстрела рабочих[676]. 7 ноября 1915 г. в ряде крупнейших университетов России в Петрограде, Москве, Юрьеве были сорваны занятия по причине неявки студентов[677]. Другим днем студенческих акций был «Татьянин день» — день основания Московского университета, который студенты отмечали 12 января в качестве своего «профессионального» праздника. 12 января 1915 г. московские студенты прошли по улицам города с пением русской марсельезы и «Варшавянки», а у памятника Пушкину произносили революционные речи и кричали «долой Адрианова» (градоначальника)[678].

Изучение истории вовлечения молодежи в революционную деятельность показывает значимость морально-этических факторов, когда политический протест начинается с осознания несправедливости политической системы. Исследователи отмечают, что часто личностная мотивация революционной

[675] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 3.

[676] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 16.

[677] РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 509. Л. 29, 30.

[678] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 74.

борьбы превалировала над идейно-политической[679]. В некоторых случаях подпольная работа и вовсе приобретала форму семейного подряда, когда младшие братья «наследовали» деятельность старших (примером чего могут служить семьи Ульяновых, Савинковых, Цедербаумов и др.). Все это наполняло студенческое движение высокой степени экспрессивностью и эмоциональностью, что нередко приводило к пограничным состояниям психики.

Опасным сигналом для властей была начавшаяся консолидация студентов и рабочих. Если участие тех и других в беспорядках октября 1914 г. в Москве, закончившихся немецким погромом, можно считать стихийным, то с осени 1915 г. устраиваются организованные совместные акции протеста. Часто это происходило благодаря родственным связям: курсистки-жены рабочих поддерживали мужей, призывая сокурсниц и студентов присоединяться к рабочим манифестациям.

Изучая настроения низших слоев общества, в первую очередь крестьян, необходимо обратить внимание на любопытный источниковедческий парадокс: если массовые источники, отразившие их настроения, позволяют говорить о процессах десакрализации монархии и даже фиксируют коллаборационистские настроения, то материалы перлюстрации солдатских писем (тех же крестьян) по военному ведомству рисуют в первые месяцы войны патриотическую атмосферу. А.Б. Асташов обращает внимание, что цензурные отчеты о настроениях в русской армии опровергают тезис советской историографии о том, что новобранцы якобы изначально не хотели воевать[680]. Впрочем, автор отмечает, что военные цензоры даже в январе 1917 г. описывали настроения солдат как бодрое, ставя под сомнение репрезентативность этого источника[681]. Тем не менее в солдатских письмах не содержится критики верховной власти, которая присутствует в материалах перлюстрации по гражданскому

[679] Три брата (То, что было)... С. 29.

[680] *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 — начале 1917 гг.: военный опыт и современность. М., 2014. С. 114.

[681] Там же. С. 124–125.

ведомству, отражается в заведенных на крестьян уголовных делах за оскорбление членов императорской фамилии. В воспоминаниях офицеров также имеются свидетельства распространенности среди солдат оскорбительных для представителей династии слухов[682]. Некоторые солдаты, возвращавшиеся в свои деревни в отпуска, часто принимались ругать власть и правительство, чего, возможно, не позволяли себе в окопах. Вероятно, для объяснения этой особенности необходимо иметь в виду два фактора: во-первых, солдатские письма чаще всего для отправки по почте подавались офицерам в незапечатанном виде — было хорошо известно, что их выборочно будет просматривать военный цензор; во-вторых, оказавшийся на фронте вчерашний крестьянин приобретал новую психологию комбатанта, которая предполагала адаптацию к чрезвычайным условиям военной повседневности. Для выживания в этих условиях необходимо было стать частью армейского коллектива, переняв соответствующую коллективную психологию, основанную на позитивных категориях. Солдаты обращали внимание на то, что заранее можно было предсказать, кто будет убит: потерявшие веру, отчаявшиеся солдаты на фронте не выживали. При этом Асташов указывает на пессимистический, или страдательный, патриотизм солдат: «Несмотря на то, что в солдатских письмах присутствуют патриотические высказывания, однако большинство таких высказываний окрашено страдательной интонацией, ставящей под сомнение личную осознанность мотивов этой борьбы»[683]. Также исследователь усматривает разные оттенки крестьянского фатализма, в том числе «жизнерадостного», выражающегося в готовности к самопожертвованию, в осознании коллективных обязательств[684].

Таким образом, мы видим, что историки, изучающие феномен патриотических настроений 1914 г., указывают на их неоднородную, гетерогенную структуру. Необходимо добавить, что гетерогенность массовых настроений

[682] Три брата (То, что было)... С. 439.

[683] *Асташов А.Б.* Русский фронт... С. 134.

[684] Там же. С. 128.

подразумевала присутствие бинарных оппозиций (поддержка войны при поддержке или неприятии царской власти), строилась на совершено разных идейных основах. Однако политико-идеологический подход к исследованию патриотических настроений не позволит понять данный феномен в полной мере ввиду того, что в основе универсальных характеристик «патриотизма 1914» лежали не идеи, а чувства, эмоции, причем как позитивной (любовь), так и негативной (ненависть) направленности.

Современные исследователи патриотизма признают, что этот феномен лежит вне научно-аналитического русла, а относится к сфере политического языка, пропаганды. Не случайно исследования патриотизма и национализма неизбежно поднимают проблему роли эмоций в политической жизни[685]. Патриотизм, выражаясь на чувственном уровне, т.е. будучи эмоцией, является одновременно и порождением, и катализатором новых эмоций. Попытавшись применить к патриотизму аналитический подход, Р. Брубакер отметил его амбивалентный характер, а также сделал важное замечание о его эмоциональной функции: патриотизм провоцирует не только положительные эмоции (радость, гордость), но и отрицательные (стыд, гнев). Последние могут стать основой для оппозиционных настроений общества[686]. В этом случае проведенная властью патриотическая мобилизация общества, не оправдав ожиданий населения, может обернуться против нее самой. Еще Е. Хантер отмечал протестный и антиэтатистский потенциал патриотизма, а Э. Хобсбаум считал, что с 1789 г. патриотизм становился идеологией революционеров[687]. Но патриотизм 1914 г. не стал идеологией в России, он оказался химерой, обреченной на

---

[685] Nation und Emotion: Deutschland und Frankreich im Vergleich. 19. und 20. Jahrhundert (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft). Gottingen, 1995; *Westen D.* The Political Brain: The Role of Emotion in Deciding the Fate of the Nation. New York, 2007.

[686] *Brubaker R.* In the name of the nation: reflections on nationalism and patriotism // Citizenship Studies. 2004. № 8(2). С. 121.

[687] *Hunter E.* A sociological analysis of certain types of patriotism. New York, 1932. P. 22-26; *Hobsbaum E.* Nations and nationalism since 1870: programme, myth, reality. Cambridge, 1990. P. 87-88.

вымирание по причине внутренних противоречий, а также сложной социокультурной структуры российского общества, переживавшего духовный и психологический кризис.

Следует заметить, что заблуждения отечественной историографии насчет «патриотических настроений» 1914 г. не уникальны. В последние десятилетия западная историческая наука также пересматривает тезис о всеобщем патриотическом воодушевлении жителей Германии, Франции, Англии. Ф.Б. Шенк пишет: «Многочисленные исследования современных историков подвергают сомнению реальность “августовского переживания”, обращаясь к игнорируемым ранее социальным группам и территориям, изучая при помощи хронологического микроанализа развитие общественных настроений от июльского кризиса до начала августовской мобилизации»[688]. О наличии разнообразных настроений среди немецкого народа – карнавальных, чувстве любопытства и паники – пишет американский исследователь Дж. Ферхай, отмечая, что это указывает не на всплеск патриотизма, «а скорее на информационный голод и рассеянный в обществе страх перед реальностью и последствиями войны»[689]. К тем же выводам приходит и Н. Фергюссон относительно настроений британцев, французов, отмечая присутствующий милленаристский страх и отчаяние[690].

Для выявления структуры патриотических настроений 1914 г. необходимо на базе вышеприведенного материала выделить несколько пластов, их формирующих. В основе будут лежать четыре парные эмоции (интерес–восторг; страх–ненависть), которые определяли положительную или отрицательную коннотацию того или иного концепта (как, например, отмечавшийся оптимистический или пессимистический патриотизм, оптимистическая или

[688] *Шенк Ф.Б.* «Августовское переживание»: начало Первой мировой войны как поворотный пункт немецкой истории // Новое литературное обозрение. 2012. № 116.

[689] *Verhey J.* Der «Geist von 1914» und die Erfindung der Volksgemeinschaft. Hamburg: Hamburger Edition, 2000. S. 86, 130, 156.

[690] *Fergusson N.* The Pity of War…

пессимистическая эсхатология, патриотизм, основанный на ненависти или любви, и пр.). Помимо эмоций, отношение человека к действительности (в нашем случае к войне, что является ядром патриотических настроений) определяется тем типом мышления, которое больше всего ему соответствует в определенный момент: религиозное патриотическое мышление, научно-теоретическое (политическое в данном случае) и обыденное. Следует заметить, что все три уровня присутствуют в сознании большинства людей, однако в силу культурных, образовательных, психологических различий имеют разные степени выражения. Мышление задает определенный вектор развития идеи, которая оформляется в ту или иную форму, концепт. В рамках обыденного мышления, доминировавшего у людей, активно не вовлеченных в политику, формировались следующие патриотические формы: фаталистический патриотизм (он мог быть оптимистического или пессимистического характера), патерналистический (который часто путают с монархизмом), прагматический (имевший как альтруистические, так и эгоистические степени выражения), психопатологический (в случаях, когда основанный на страхе и ненависти патриотизм разрушал психику субъекта). В рамках политического мышления: революционный (война ради свержения в ее процессе самодержавия), либеральный (от общественно-демократического до великодержавно-шовинистического оттенка), националистический. В рамках религиозного мышления: православно-миссионерский патриотизм (концепция священной войны Святой Руси с германизмом), эсхатологический (пессимистической и оптимистической степени). Конечно, описанная палитра патриотических форм не содержит всех возможных его оттенков. Можно предложить и другую классификацию патриотизма по отношению к объекту поклонения: царистский, этатистский, имперский, общественный, народный, культурный и т. д. Тем не менее предложенная схема позволяет увидеть, что патриотические настроения 1914 г. не являлись (и не могли являться) целостным мировоззрением, на эмоциональном и идейном уровнях они распадались на широкий спектр взаимоисключающих элементов (Приложение №1. Илл. 2). По большому счету, патриотические

настроения 1914 г. — это всего лишь дискурс о войне, совокупность высказываний по теме, объединенная общим отношением. Таким образом, учитывая крайнюю степень неопределенности «патриотического» дискурса, мы не можем положительно решить вопрос о наличии патриотизма как общей идеи летом 1914 г. На эмоционально-психологическом уровне он может быть описан как состояние сильного возбуждения, вызванного разными эмоциями — страхом, интересом, восторгом, ненавистью — с различным теоретическим наполнением.

***

Изучая «патриотические» действия в период мобилизации и первых месяцев войны, нельзя однозначно констатировать единение власти и общества. В первую очередь настораживает организованный характер мероприятий, к которому приложили руку «союзники» — монархисты. Кроме того, ход патриотических демонстраций обнаруживает сходство с массовыми протестами кануна войны — роль эмоционально-аффективного поведения не позволяет говорить о высокой степени патриотической или национальной сознательности участников. Разгром германского посольства демонстрирует преобладание тех же инстинктов толпы, что действовали и во время рабочих беспорядков, и во время бунта призывников. Случаи последнего к тому же демонстрировали сохранение революционного духа и политических идей: с так называемыми «пьяными» беспорядками мобилизованных были связаны случаи оскорбления политических символов империи, включая уничтожение портретов императора. Вместе с тем пропаганда всеми силами стремилась нарисовать картину патриотического единения власти и общества. Печать сообщала, что мобилизованные отправляются на призывные участки с осознанным чувством долга. Эта картина не соответствовала реальности, вызывала возмущение в народной среде, для которой мобилизация в первую очередь была горем,

трагедией. Именно негативные эмоции — грусть, страх, ненависть — определяли эмоционально-психологическую атмосферу этого периода. Социально-стратификационный подход подтверждает этот вывод: солдаты, рабочие, крестьянство, студенчество, женщины и дети во многом негативно восприняли начало войны. В некоторых случаях война, вскрывая несовершенство политической системы, становилась причиной революционизирования населения, в котором большую роль играло эмоциональное восприятие событий. Отдельные группы населения, особенно чутко реагируя на несправедливость внешнего мира, проникались оппозиционными настроениями, протестуя против различных форм насилия. Война не столько стала фактором единения, сколько породила источники для новых социальных проблем и конфликтов и, тем самым, сыграла разъединяюще-деструктивную роль. Как ни странно, следующий после лета 1914 г. сопоставимый по силе бурливших страстей патриотический всплеск пришелся на февраль–март 1917 г. Эти два всплеска находились в своеобразной оппозиции: патриотический подъем российской революции был направлен, в том числе, на преодоление искусственной пропагандистско-патриотической мифологии, с помощью которой власти безуспешно пытались сплотить российское общество, полное противоречий.

ГЛАВА 3.
СЕЛЬСКИЕ И ГОРОДСКИЕ СЛУХИ КАК БАРОМЕТР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ

1. Народ и власть в свете 103 статьи Уголовного уложения 1903 г.

22 марта 1903 г. Николай II утвердил новое Уголовное Уложение, которое должно было прийти на смену Уложению 1845 г. В третьей главе «О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома» было девять статей (с 99 по 107), причем три из них (за посягательство на жизнь императора, императрицы или наследника престола, попытку изменения государственного строя, порядка наследования престола или отторжение от России какой либо территории) предусматривали высшую меру наказания — смертную казнь[691]. Вместе с тем в сравнении с Уложением 1845 г. заочное оскорбление императора по статье 103 хоть и предусматривало ту же максимальную меру наказания — восьмилетнюю каторгу, отменяло нижний шестилетний порог каторги и не содержало наказания плетьми с клеймением, ко были отменены указами в 1903–1904 гг.). Б.И. Колоницкий отмечает, что оскорбление представителей царствующего дома было самым распространенным государственным преступлением в России. Так, в 1911 г. 62% лиц, осужденных за государственные преступления, проходили по статьям третьей главы Уложения 1903 г.[692] В

[691] Новое Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 42–45.

[692] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»… С. 44–45.

правоприменительной практике самой «популярной» статьей третьей главы оказалась статья 103, в которой говорилось:

«Виновный в оскорблении Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, или в угрозе Их Особе, или в надругательстве над Их изображением, учиненных непосредственно или хотя и заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении или публичном выставлении с тою же целью сочинения или изображения, для Их достоинства оскорбительных, наказывается: каторгою на срок не свыше восьми лет.

Если же заочные оскорбления, угроза или надругательство учинены, хотя и при свидетелях, или публично, или в распространенных или публично выставленных произведении печати, письме или изображении, но без цели возбудить неуважение к Особе Царствующего Императора, императрицы или Наследника Престола, то виновный наказывается: заключением в крепости.

Если же заочное оскорбление, угроза или надругательство учинены по неразумению, невежеству или в состоянии опьянения, то виновный наказывается арестом»[693].

Можно заметить, что в аналогичной статье 268 Уложения 1845 г. отсутствовал второй абзац статьи 103, где речь шла о заочном оскорблении «без цели возбудить неуважение», что предусматривало меньшее наказание. Единственным смягчающим обстоятельством в Уложении 1845 г. оказывалось состояние опьянения. Кроме того, из Уложения 1903 г. исчезло наказание за недонесение свидетелями о преступлении. Тем самым можно констатировать, что Уложение 1903 г. было гуманнее своего предшественника, тем более что между «оскорблением с целью возбудить неуважение», предусматривавшим каторгу, и «оскорблением без цели возбудить неуважение», предусматривавшим крепость, была очень тонкая грань. Как правило, во время дознания обвиняемые отрицали намерение сознательно оскорбить представителей царствующего дома, ссылались на то, что были в состоянии аффекта, не понимали, что говорят, поэтому на практике максимальное наказание по данной

[693] Новое Уголовное Уложение... С. 44.

статье не применялось. Вместе с тем между формулировкой «оскорбление без цели возбудить неуважение» и «оскорбление по неразумению, невежеству или опьянению» грань оказывалась еще тоньше. В этом случае гарантированным способом получить арест вместо крепости было указать на собственную неграмотность или состояние опьянения. Б.И. Колоницкий пишет, что в 1911 г. в 97% случаев (1167 из 1203 дел) обвиняемые отделывались арестом, часто кратковременным[694]. Большое количество упоминаний в уголовных делах состояния опьянения обвиняемых не соответствовало реальному положению дел и не может служить аргументом в пользу того, что ругали царя подданные исключительно по пьяни.

Тем не менее статья 103 и общая правоприменительная практика предоставляли достаточно формальных поводов для обвинений. Так, например, использование в одной фразе матерного оборота и имени императора позволяло начать дознание в оскорблении государя. То же самое касалось матерного выражения в помещении, в котором висел портрет императора, даже если имя его не упоминалось. В последнем случае нарушителю обычно сначала делалось замечание, и уже в зависимости от его реакции свидетели или представители власти, если речь шла о присутственном месте, начинали действовать в рамках закона. Крестьяне — люди эмоциональные, поэтому на сделанное замечание, как правило, следовало новое, еще более агрессивное заявление.

Начавшаяся война подарила представителям разных социальных групп России новые поводы для обсценных высказываний в адрес верховной власти. К сожалению, прямое соотношение количества дел по статье 103 Уголовного уложения довоенного и военного периода окажется нерепрезентативным в силу проведенной мобилизации, изменившей демографическую структуру общества, в результате чего многие потенциальные «буяны» оказались на фронте. В 1918 г. Е.Н. Тарновский, ссылаясь на официальные данные уголовной статистики, обращал внимание, что уголовная преступность в России с 1914-го по 1916 г. возросла на 28%, вместе с тем количество политических

[694] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»… С. 45.

преступлений, в том числе по статье 103, снизилось[695]. Однако изучение жандармских отчетов по отдельным губерниям рисует противоположную картину. Так, Б.И. Колоницкий указывает, что в Самарской губернии количество обвинений по статье 103 с 1914-го по 1916 г. выросло с 19 до 105, т. е. в 5,5 раз[696]. Это неудивительно, так как по мере затягивания войны слухи, компрометировавшие династию, все более распространялись по России. 2 октября 1915 г. начальник московского охранного отделения полковник А.П. Мартынов доносил директору департамента полиции о «резко оппозиционном» настроении Москвы и росте «антидинастического настроения»[697]. Современники отмечали, что в 1916 г. люди без стеснения, публично — в трамваях, в очередях за продуктами —обсуждали истории о похождениях Распутина, измене Александры Федоровны, отношении ко всему этому Николая II. 29 февраля 1916 г. вышла очередная сводка московского охранного отделения «О настроении общества», в которой, в частности, отмечались «признаки начавшегося и неуклонно развивающегося антидинастического движения» как среди низов, так и буржуазии, и обращалось внимание на то, что реагировать на все случаи оскорблений императора не представлялось возможным, иначе бы «число процессов по статье 103 достигло бы небывалой цифры»[698]. Колоницкий находит верное объяснение расхождению официальной уголовной статистики с отчетами жандармских офицеров и офицеров охранки: «К официальным данным уголовной статистики следует относиться с большой осторожностью, ибо в различные периоды власти по-разному реагируют

[695] См.: *Тарновский Е.Н.* Война и движение преступности в 1911–1916 гг. // Сб. статей по пролетарской революции и праву. Пг., 1918.

[696] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»… С. 66.

[697] Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о заседании московского отдела центрального комитета к.-д. // Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 64.

[698] Сводка московского охранного отделения о «настроении общества» на 29 февраля 1916 г. // Буржуазия накануне февральской революции... С. 77.

на совершение одних и тех же преступлений, по-разному регистрируют их на разных этапах делопроизводства»[699].

Вместе с тем у Е.Н. Тарновского, констатировавшего спад уголовных преступлений, были оппоненты. Так, в 1916 г. М. Фигурин указал, что одним из основных источников, подтверждающих спад преступности в годы войны, являются справки о судимости, количество которых неуклонно сокращалось. Однако попытавшись разобраться с причинами этого явления, Фигурин обратил внимание, что в официальных объяснениях, связывавших спад преступности с мобилизацией и прекращением алкогольной торговли, скрываются недомолвки: мобилизация привела в первую очередь не к сокращению преступлений, а изменениям подсудности (из гражданских судов преступники были переведены в юрисдикцию военных), а прекращение официальной продажи спиртных напитков способствовало росту незаконного корчемства. Кроме того, на выдаче справок о судимости отразилось беженство, так как теперь совершалось меньше преступлений по месту жительства. Все это затрудняло сбор полной статистики, в результате чего Фигурин делал вывод, что убедительных статистических данных о сокращении преступности в целом по России нет, и поэтому могут быть районы, в которых в связи с оттоком населения преступность действительно снижалась, а могут быть другие, где она, наоборот, возрастала[700].

В любом случае, по ходу Первой мировой войны общественная обстановка накалялась и в адрес верховной власти раздавалась все более жесткая критика, попадавшая под статью 103. В 1916 г. в интересах власти было не замечать в отдельных случаях факты публичного оскорбления императора, главным образом тогда, когда задержание виновного грозило народным возмущением, могло подтвердить справедливость оскорбительного высказывания о власти в глазах толпы. Массовое распространение таких случаев вынуждает

---

[699] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»… С. 66.

[700] *Фигурин М.* Об уменьшении преступности за время войны и о возможных причинах этого // Журнал министерства юстиции. 1916. № 3. С. 197.

Николая II, дабы не усугублять психологическую атмосферу в обществе, подписать 10 февраля 1916 г. высочайшее повеление ограничить привлечение к уголовной ответственности за оскорбление царя и членов императорской семьи, в результате чего министр юстиции А. Хвостов распорядился прислать ему на пересмотр заведенные дела для возможного помилования обвиняемых или смягчения наказания. Коллекция из кратких сводок протоколов подобных дел (по которым приговор уже вынесен или дознание продолжается) в форме докладов по Третьему Уголовному отделению I Департамента Министерства юстиции сохранилась в фонде 1405 министерства юстиции Российского государственного исторического архива, кроме того, полные дела по статье 103 отложились в фондах губернских жандармских управлений Государственного архива Российской Федерации.

Следует заметить, что дела по статье 103 давно привлекают внимание исследователей, главным образом тогда, когда речь заходит о массовых настроениях крестьян, так как именно они чаще представителей других сословий становились фигурантами процессов (о причинах этого будет сказано ниже). Вместе с тем далеко не всегда используется весь потенциал этого исторического источника. Чаще всего цитируются отдельные высказывания крестьян о власти в подтверждение тезиса о дискредитации правящей династии в глазах простого народа. Реже обращается внимание на контекст, обстоятельства, приведшие к нарушению статьи 103 и, тем более, на анализ документов с источниковедческой точки зрения. Одним из первых исследований указанных дел в качестве исторического источника стала статья Л.М. Иванова, в которой он, разбирая оскорбительные высказывание крестьян в годы русско-японской войны, отметил важность подобных материалов для изучения настроений и политических взглядов сельских жителей[701]. Иванов заметил, что этот исторический источник раскрывает «целый мир крестьянского сознания: здесь и наивная

[701] *Иванов Л.М.* Дела о привлечении крестьян к ответственности по статьям 103 и 246 как источник для изучения крестьянских настроений кануна первой русской революции // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VIII. С. 119–134.

вера в царя, и озлобление против него за то, что он не дает земли, и ожидание „мятежа“, который приведет, наконец, к тому, что земля перейдет в руки крестьян»[702]. Сравнивая выявленные Ивановым особенности массового сознания крестьян, можно обратить внимание на стереотипные практики мышления и поведения, характерные для периодов русско-японской и Первой мировой войн: отрицательное отношение к мобилизации, непонимание причин войны и попытки домыслить их на доступном для себя уровне, роль слухов в информационном пространстве русской деревни, дискредитация царя, усиление конфликтов с помещиками, которые воспринимаются в качестве изменников, и пр. Тем не менее статью Иванова едва ли можно назвать полноценным источниковедческим исследованием, так как в ней не затрагивался ряд важных вопросов, например, степень репрезентативности этой группы документов. К делам по статье 103 из докладов министру юстиции обратилась О.С. Поршнева, которая выделила несколько типов крестьянских высказываний, обращая внимание на аргументированные, повторявшиеся не менее трех раз[703]. Тем самым были отделены типичные характеристики власти от случайных, нетипичных, что позволяет вести речь о массовом сознании. Вместе с тем внимание только к аргументированным суждениям сужает исследовательский фокус анализом осознанных и артикулированных характеристик как элементов политического сознания, оставляя за его границами случайные эмоциональные высказывания как элементы настроений. Представляется, что сочетания осознанных, рациональных высказываний с неосознанными, иррациональными выражениями своих чувств (как вербальными, так и невербальными, например жестами, упоминавшимися в протоколах) составляют одну из уникальных особенностей данных исторических документов.

Наиболее полный на сегодня источниковедческий анализ дел по нарушениям статьи 103 Уголовного Уложения за 1914–1916 гг. проведен в

[702] Там же. С. 125.

[703] *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России… С. 100.

монографии Б.И. Колоницкого[704]. Так, исследователь перечислил наиболее типичные ситуации, при которых звучали оскорбления в адрес представителей династии («случайные», «карнавальные», «конфликтные» и др.), использовал квантитативный анализ с целью выявления динамики оскорблений по годам в отдельных местностях, выяснения мест, где чаще всего звучали обсценные высказывания (10% в 1914 г. были зафиксированы в присутственных местах), какие эпитеты, которыми награждали власть, были наиболее распространенными, а также определения наиболее распространенных объектов критики. Среди последних по частоте упоминаний следовали: император Николай II, великий князь Николай Николаевич, вдовствующая императрица Мария Федоровна, императрица Александра Федоровна[705]. В отличие от Поршневой, Колоницкий учитывал каждый случай оскорбления императора, но также обращал внимание на повторяемость высказываний и сюжетов. Дискутируя с В.Б. Безгиным, отметившим, что чаще всего оскорбления царя носили пьяный характер и звучали в трактирах, Колоницкий пишет о том, что по мере приближения к 1917 г. обсценные высказывания становились все более «трезвыми». При этом автор отметил и ограничения, налагаемые данным материалом: характер фиксации правонарушения и смягчение правоприменительной практики в феврале 1916 г. не позволяют выстроить график динамики оскорблений по годам в масштабах всей империи. Впрочем, этот недостаток может быть восполнен иными историческими источниками. В любом случае территориальный охват и распространенность определенных высказываний о власти, а также имеющееся количество зафиксированных фактов позволяют считать их массовыми и использовать для изучения массового сознания в качестве выборки.

Несмотря на указанные достижения по изучению данной группы источников их потенциал все еще не раскрыт в полной мере. Представляется актуальным дальнейшее изучение дел по статье 103, и в первую очередь самих

[704] См.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»…

[705] Там же. С. 70.

высказываний крестьян с привлечением квантитативного (исследование, например, половозрастной структуры обвиняемых), семиотического (изучение тех или иных слов и образов как знаков, отсылавших к архетипическому или иному уровням сознания), дискурсивного (рассмотрение высказываний как системы значений, характеризующейся интертекстуальностью и формирующей определенные практики) и других анализов.

Всего было изучено 1474 случая оскорбления императора и членов его семьи. Как уже отмечалось, исходя из того, что на отдельных этапах изучаемого периода полиция с разной степенью служебного рвения преследовала подданных за оскорбление царственных особ, а также учитывая локальные, территориальные особенности, едва ли изученные дела позволяют выстроить динамику политических настроений населения в 1914–1916 гг. Однако эти документы являются ценным историческим источником по изучению социальных и психологических вопросов, так как представляют собой вполне репрезентативную выборку всей эпохи. Дела позволяют изучить сословный, гендерный и возрастной состав хулителей, распределить случаи фиксации оскорблений по губерниям. Особенную ценность в контексте проблематики данной главы представляет то, что высказывания крестьян передают нам устную речь «молчаливого большинства», а также позволяют исследовать особенности крестьянского «эмоционального режима» — не только обсценные обороты речи, но и жесты, которыми они сопровождали свои слова для придания им большей выразительности и эмоциональности. Жесты, направленные в сторону портретов членов царской семьи, также фиксировались в протоколах по статье 103 как факты оскорбления.

Среди поступивших в Министерство юстиции дел в связи с высочайшим повелением 10 февраля 1916 г. по 268 (19%) уже были вынесены приговоры по происшествиям 1914–1916 гг., которые позволяют оценить степень строгости судебных инстанций в вопросах оскорбления императора и понять общую практику правоприменения статьи 103. Прежде всего нужно заметить, что из числа изученных дел не обнаружено ни одного, когда обвиняемому была бы

присуждена высшая мера наказания, предусмотренная статьей, — восьмилетняя каторга (см. табл. 1). В 63,4% упоминавшихся в докладах дел предусматривался арест при полиции от двух суток до шести месяцев. При этом преобладали малые сроки — от двух суток до месяца, что составляло 83,5% от всех случаев ареста. Заключение в крепости назначалось в 34% случаев, причем большинство приговоров приходится на срок от двух недель до месяца. Сроки от года до трех лет назначались в 23% от всех случаев заключения в крепости, или в 8% случаев от всех видов наказания. Самое строгое наказание — ссылка на поселение с лишением прав состояния — составило 2% от всех приговоров.

Таблица 1. Наказания вынесенные по 103 ст. Уголовного уложения за 1914–1916 гг.

	Арест при полиции						**Заключение в крепости**												**Ссылка на поселение**	**Итого**
	От 2 суток до 1 мес.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	От 2 нед. до 1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	1 год	2 года	3 года		
Кол-во осужденных	142	11	13	2	0	2	20	8	14	4	3	14	0	4	3	1	18	2	1	6	
Общее кол-во	170						92													6	268

Разбор конкретных дел и назначенных наказаний показывает, что при одних и тех же обстоятельствах совершенного преступления обвиняемые могли получить разные сроки. Сказывались как тонкие различия между пунктами 1, 2 и 3 статьи 103, так и иные факторы, связанные с психологической атмосферой в обществе (в частности, с распространением шпиономании и ксенофобских настроений), местными национальными особенностями и т. д.

Минимальная мера наказания, встречающаяся в докладах в министерство юстиции, — помещение под арест на 2 дня. Такое наказание вынес Красноярский окружной суд по адресу мещанки г. Бирска Уфимской губернии сорокапятилетней Парасковии Кузнецовой, которая в августе 1915 г. в Красноярске заявила, что «наша старая государыня, немка, в какой-то город передавала провизию для германцев и ее теперь арестовали»[706]. На суде Кузнецова признала, что произносила эти слова, но отрицала, что ее намерением было оскорбить императрицу — она просто передавала слух. В докладе было отмечено, что Кузнецова неграмотна, старообрядка, имеет троих детей. Это позволило расценить преступление как «оскорбление по невежеству». При этом судьи не учли, что распространение именно таких слухов сильнее всего дискредитировало верховную власть, нежели ругательства в адрес императора. Решение о трехдневном аресте приняла Московская судебная палата 24 февраля 1916 г. (т. е. после выхода высочайшего повеления) в отношении сорокадвухлетнего крестьянина Тверской губернии Якова Андреева. 22 мая 1915 г. на поле близ деревни Гагиной Андреев в присутствии местного сельского старосты поссорился с крестьянином Васильевым из-за потравы скотом Андреева огорода Васильева. Во время ссоры Васильев сказал: «Ну что же, Государю на тебя жаловаться, что ли?» На что Андреев выматерился: «…(брань) с Государем, я не признаю ни Государя, ни другое начальство»[707]. Такая же мера наказания была принята Сарапульским окружным судом 10 декабря 1915 г. в отношении крестьянина Федора Кусаргина, который в мае того же года, зайдя в дом

[706] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 591(об).

[707] Там же. Л. 170(об).

крестьянина Трошкова, в разговоре о войне произнес: «У нас дело плохо насчет войны. Мать государя отправилась в Германию — значит, изменила»[708]. Обвиняемый свою вину не признал и настаивал, что сказал лишь, что императрица поехала в Германию и там попала в плен. Еще один случай трехдневного ареста связан с двумя крестьянами Ставропольской губернии, которые рассказывали, что «государыня императрица Мария Федоровна имеет двух незаконнорожденных сыновей. Она просила государя императора, чтобы этих ее сыновей почитали в церквях, в чем государь император отказал. Тогда она уехала с этими сыновьями в Германию и из-за этого началась война»[709]. Оба крестьянина признали себя виновными. Показательно, что ни один из обвиняемых не находился в состоянии алкогольного опьянения, неграмотным являлся лишь один, однако судьи усмотрели в этих случаях пункт 3 статьи 103 «оскорбление по неразумению, невежеству или опьянению». На этом фоне кажется суровым приговор в отношении неграмотного 86-летнего крестьянина Сахалинской области Семена Варфоломеева, который был присужден к месяцу ареста за то, что 20 октября 1914 г. в присутствии нескольких свидетелей на замечание одного из них, что скоро будут брать новобранцев в Сахалинской области, матерно выругался в адрес царя: «…(брань) я ему дам, что он кормит моих сыновей, поит… (брань)»[710]. На относительной суровости приговора в отношении старого человека сказалось, вероятно, то, что Варфоломеев был бывшим каторжником, осужденным в 1876 г. на 5 лет за убийство, а также, по-видимому, использованный по адресу императора крепкий матерный оборот, опущенный в докладе по Третьему уголовному отделению. Вместе с тем с точки зрения репутационного вреда верховной власти высказывание Варфоломеева представляется менее серьезным преступлением, чем вышеприведенные случаи распространения слухов, рисующих измену членов царской семьи. Такое же наказание — месяц ареста при полиции — получил 73-летний

[708] Там же. Л. 227.

[709] Там же. Л. 354.

[710] Там же. Л. 229.

мещанин г. Смоленска Семен Детков за то, что произнес: «Государя нам не нужно, надо его убить … (брань)»[711]. Как видим, фразы обоих — Варфоломеева и Деткова — содержали матерное оскорбление императора, но при этом Детков призывал к убийству царя, а получил за это такое же наказание, как и Варфоломеев. Смягчающим обстоятельством было то, что Детков произносил слова в состоянии опьянения. Однако мера наказания так и не была принята в отношении обоих обвиненных, так как в соответствии с высочайшим повелением от 10 февраля 1916 г. они были помилованы.

Более суровым наказанием являлось заключение в крепости. Законодательство допускало, что заключение в крепости могло сопровождаться лишением прав состояния, однако такие случаи по статье 103 выявлены не были. Как и в случае с арестом, наиболее распространенным сроком крепостного заключения был срок в пределах одного месяца. Минимальным временем оказалось двухнедельное содержание. Именно такой приговор вынесла Харьковская судебная палата в отношении двадцатипятилетней фельдшерицы Сони Гельфгат, которая в октябре 1914 г. во время разговора в аптеке с фельдшером Кореневым на замечание последнего, что немцы зверски обращаются с мирным населением, ответила: «А разве наш государь делал лучше, устраивая в городе Одессе и других местах погромы и проливая кровь», и вдобавок назвала императора «недалеким»[712]. В данном случае, хотя крестьяне получали за более оскорбительные высказывания куда меньшие сроки, сказалось, вероятно, еврейское происхождение фельдшерицы. Кроме того, подчас грубо-обсценное и абсурдное, настоянное на слухах высказывание крестьян списывалось на эмоциональность сельских жителей, тогда как рациональное обвинение мыслилось отягчающим фактором. Образованный человек, отдававший себе отчет в произнесенных словах, мог получить больший срок. Так, две недели крепости получил 56-летний мещанин Екатеринбурга Виктор Петер, управляющий конторой, за то, что в феврале 1915 г. разговоре с рабочими о мобилизации

[711] Там же. Л. 66.

[712] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 248–248(об).

ратников сказал: «В японскую войну вас дураки обманули, не дали земли и теперь обманут, не дадут. Издали вам манифест и то его Никулка скрыл». На вопрос, кто обманет, Петер ответил: «Ваш Никулка»[713]. В докладе отмечено, что Петер православный, домашнего образования, женат и имеет четырех детей.

По количеству приговоров к заключению в крепости на втором месте после месячного срока стояло годовое заключение. 30 декабря 1915 г. Томский окружной суд приговорил к заключению в крепости на один год и четыре месяца 19-летнюю еврейку, мещанку г. Каинска Мере Трескову за то, что, присутствуя на проводах на войну мужа своей знакомой, она напевала революционные песни (некий Самойлов играл их мелодии на балалайке) и, в частности, произнесла, имея в виду императора: «Если бы я была там (на войне. — В. А.), то всадила бы ему первую пулю»[714]. Отягчающим обстоятельством стали политические рассуждения Тресковой. В частности, она возмущалась тем, что «нас евреев на войну в первую голову гонят, а надела не дают». В докладе не отмечалось, была ли Трескова пьяна (очевидно, что собравшиеся проводить призывника пили не только чай), однако сочетание революционного фольклора, политических высказываний с еврейской национальностью обвиняемой представлялось достаточным основанием для серьезных опасений на ее счет, в результате за аналогичное высказывание с Детковым (оскорбление и угроза убийством императору) Трескова получила куда более серьезное наказание. Еще один земляк Тресковой, 70-летнй еврей Мовша Малкин, проживавший в деревне Богатихе, получил год крепости за то, что в январе 1915 г., вернувшись домой из Каинска, на вопросы находившихся в его доме крестьян о городских новостях сообщил, что из пяти сыновей его свата один умер, а четырех взяли на войну, после чего произнес: «…(брань) вашего государя, чтоб он околел»[715]. В отличие от Тресковой, Малкину не вменялись в вину

[713] Там же. Л. 375.

[714] Там же. Л. 129.

[715] Там же. Л. 162(об).

революционные высказывания, однако отягчающим обстоятельством была его трезвость и национальность. Правда, в соответствии с царским повелением на это дело резолюцию наложил министр юстиции А. Хвостов: «Полагал бы возможным это дело прекратить ввиду… преклонного возраста и состояния нарушенного душевного равновесия, вызванного призывом 4 сыновей близкого человека». Другой еврей, киевский купец I гильдии 49-летний Борук Бродский, также получил год крепости за то, что прокомментировал сообщение «Русского слова» о поездке императора в действующую армию словами: «Государь император должен был ехать из Петрограда прямо в Варшаву, а поехал кругом, вот сукин сын»[716]. В данном случае, несмотря на относительно нейтральное высказывание в сравнении с другими известными упоминаниями царской особы, отягчающим обстоятельством была «история» обвиняемого, который уже был подвергнут крепостному заключению на один месяц за оскорбление городового, а также был выслан из Киева под гласный надзор полиции в г. Цивильск. Тем не менее значительный процент евреев среди приговоренных к крепостному заключению не кажется простым совпадением в условиях развивавшейся в России ксенофобии и шпиономании.

Помимо евреев, в крепость по статье 103 часто отправлялись этнические немцы. Так, год заключения получил крестьянин Самарской губернии Генрих Гинтер за то, что в июне 1915 г. в разговоре с двумя десятниками о войне на замечание одного из них, что русские войска собираются оставить Львов, со смехом произнес: «Они, немцы, возьмут Львов, но даже придут в Петербург. Будут… царевых дочек, их у него много, и до самой царицы доберутся и ее…»[717] 28 февраля 1916 г. был осужден к годовому крепостному заключению германский подданный Готлиб Классен за то, что якобы с самого начала войны и до весны 1915 г. в г. Бердянске Таврической губернии регулярно в присутствии свидетелей оскорбительно отзывался об особе императора. Классен родился в России, происходил из семьи немецких колонистов

[716] Там же. Л. 240(об).

[717] Там же. Л. 198(об).

Екатеринославской губернии, его дети были российскими подданными, причем два сына сражались на войне против Германии. Классен не признал себя виновным и направил ходатайство о помиловании и принятии в русское подданство. Однако министр юстиции Хвостов отклонил прошение о помиловании, оставив приговор в силе[718].

Было бы неверным утверждать, что среди хулителей, получавших длительные сроки заключений, не было русских. Все же доминировали в качестве обвиняемых именно русские крестьяне (при этом привести точную статистику по национальностям вряд ли удастся, так как национальная принадлежность, как и вероисповедание, указывалось не всегда). Достаточно их было и в крепостях. Причем возвращавшиеся с фронта рядовые солдаты из крестьян также пополняли число хулителей. Так, например, находившийся в отпуске по ранению рядовой лейб-гвардии Егерского полка из крестьян Курской губернии Михаил Усов в разговоре с сельскими жителями о войне в декабре 1914 г. заявил, что «германцы 40 лет готовились к войне и крепости строили, а наш царь водкой торговал и строил монополькы. Наш царь после пяти месяцев войны уже побирается»[719]. Харьковская судебная палата приговорила Усова к заключению в крепости на два года с заменой наказания с заключением в дисциплинарной части на тот же срок. В итоге Усов вернулся на фронт.

Максимальное заключение в крепости на три года, из числа рассмотренных случаев по докладам министру юстиции, получил мещанин города Балтийского Порта Эстляндской губернии 40-летний эстонец Христиан Педдер за то, что осенью 1914 г. в разговоре с рабочими неоднократно позволял себе оскорбления императора и, в частности, произнес: «Русский император глупее, чем свинья, и ему не победить германца»[720]. В данном случае мы имеем дело с периодом расцвета шпиономании, когда доставалось всем носителям

[718] Там же. Л. 115.

[719] Там же. Л. 111(об).

[720] Там же. Л. 14(об).

нерусских фамилий. В отношении прибалтов, как и поляков, евреев, немецких колонистов, власти отличались особенной подозрительностью.

Приговоренными к ссылке и лишению всех прав состояния в докладах министру юстиции были упомянуты шесть человек: один дворянин (этнический немец), двое мещан (русский и еврей) и трое крестьян (русские). Рассмотрим кратко эти случаи.

1. Потомственный дворянин Александр Германович фон Бюллер 12 декабря 1914 г. в Тифлисе по поводу причин войны заявил: «Вильгельм, узнав о готовящемся нападении на Германию четырех хулиганов, не ожидая такового, первый начал войну», после чего пояснил, что под хулиганами он имел в виду Николая II, Георга V, а также Францию и Бельгию[721]. Отягчающим обстоятельством, помимо немецкой фамилии, стало образование обвиняемого, полученное в Германии.

2. В июле 1915 г. 50-летний мещанин г. Нарыма Николай Савин был приговорен Томским окружным судом к лишению прав состояния и ссылке на поселение за то, что в присутствии свидетелей произнес: «Вашего Николая скоро поведут на поводу как русскую собачонку»[722]. В деле указывалось, что Савин ранее проходил в качестве обвиняемого по статье 103. А. Хвостов отказался помиловать его.

3. Мещанин Таврической губернии еврей Давид Рудман с начала мобилизации, когда была запрещена торговля алкогольными напитками, подвергся серии обысков со стороны полиции, подозревавшей его в нелегальной торговле. В сентябре 1915 г., находясь в своей бакалейной лавке и жалуясь на притеснения со стороны полиции, Рудман произнес: «Государь наш — мошенник, хабарник, пьяница. Он не может воевать с немцами, а может только трусить у Рудмана водку и сажать его за это в тюрьму. Его кредитные билеты теперь ничто, а имеет ценность только золото и серебро»[723]. Как видим, обвиняемые

[721] Там же. Л. 160(об).

[722] Там же. Л. 106.

[723] Там же. Л. 113.

получали куда меньшее наказание за куда более оскорбительные высказывания в адрес императора с угрозами убийства.

4. Барнаульский окружной суд приговорил 28-летнего крестьянина Петра Маклакова к ссылке на поселение с лишением прав за то, что, услышав, что один его знакомый собирается вставить в рамку портрет императора, сказал: «Его … (брань) не застеклить, а облить керосином и сжечь надо. Да его самого-то, …, убить надо, чтобы не мучал крестьян и солдат»[724]. На замечание окружающих, что нельзя так отзываться об императорской особе, Маклаков заявил, что царя нужно выбирать, как выбирают старост. Хотя в докладе и отмечалось, что Маклаков ранее не привлекался по политическим статьям, указывалось, что он отбывал в тюрьмах сроки по другим статьям Уложения о наказаниях (за подлог в карточной игре, за разбой и умышленное убийство).

5. 45-летняя крестьянка Тобольской губернии Мария Агафонова была приговорена к ссылке с лишением прав за то, что 12 февраля 1915 г. в разговоре о войне заявила: «Вы, русские, дураки, царь ваш дурак и царствует подурацки. Как он женился, так и подавился. Он сам дает себе … в рот. Царь пьет, а русские страдают от его похмелья»[725]. В докладе отмечалось, что Агафонова ранее судима не была, неграмотна, странствует по святым местам, торгуя священными предметами и собирая пожертвования на масло к мощам преподобного Макария. Вызывает удивление, что при наличии смягчающих обстоятельств — неграмотность и отсутствие судимости, богоугодные занятия — Агафонова получила столь суровое наказание. Вероятно, в данном случае сыграл роль характер самого высказывания о царе. Впрочем, приговор впоследствии в отношении странницы был отменен.

6. Крестьянина Тверской губернии 51-летнего Федора Лобанова осудили на ссылку с лишением за то, что в мае 1915 г., рассуждая об отступлении русских войск из Галиции, сказал: «Вот бы нам Вильгельма вместо нашего

[724] Там же. Л. 133.

[725] Там же. Л. 150.

государя, а то он ничего не делает», после чего грязно обругал императора[726]. Однако сам Лобанов заявил, что его оклеветали односельчане, питавшие к нему неприязнь с тех пор, когда он, занимая должности сельского старосты и волостного старшины, принимал строгие меры к взысканию накопившихся за сельским обществом недоимок. Любопытно, что опрос свидетелей показал разделение их на две группы: одни подтверждали, что Лобанов регулярно неуважительно высказывался о царе, другая группа, включая полицейского стражника, защищала Лобанова, подтверждая его слова об оговоре. Тем не менее судебная палата признала крестьянина виновным и отказала в помиловании, несмотря на то, что на попечении Лобанова значилась жена, дочь и три сына, один из которых ушел на фронт. В апреле 1916 г. А. Хвостов помиловал Лобанова.

Власти применяли к фигурантам дел еще одну меру, не предусмотренную статьей 103, — принудительное психиатрическое обследование. Так, в лечебницу для душевнобольных по решению суда был отправлен крестьянин Тверской губернии Никита Брюнгин за то, что 19 апреля 1915 г. он заявил, что «государя императора у нас нет уж четыре года и за него у нас кто-то там правит»[727]. Следует заметить, что реакцию властей в данном случае едва ли можно признать адекватной — слухи о подменном, похищенном или сбежавшем царе во все времена были распространены в крестьянской среде, а Первая мировая война и непосредственно практика посещений царем линии фронта дала новый толчок к развитию этой темы. В этом смысле Брюнгин был вполне «нормален», так как демонстрировал стереотипное мышление, свойственное, как говорилось в предыдущей главе, общинному крестьянству. Тем не менее объективно Первая мировая война способствовала невротизации российского общества и увеличению случаев психических расстройств, о чем подробнее будет сказано в дальнейшем.

[726] Там же. Л. 64(об).

[727] Там же. Л. 99(об).–100.

Таким образом, мы видим, что судебные инстанции хотя и не приговаривали обвиняемых к каторжным работам, достаточно субъективно интерпретировали части статьи 103, оценивая не только осознанность — неосознанность обсценного высказывания, но и его характер, национальность обвиняемого. Сравнивая приговоры, можно заметить, что за более грубое и политически окрашенное высказывание вероятно было получить меньшее наказание, как, например, в случае Рудмана, лишенного прав состояния и отправленного в ссылку за то, что в трезвом уме назвал царя мошенником, и Деткова, призывавшего в пьяном виде убить императора, за что получил всего лишь месяц ареста при полиции. Конечно, трезвое состояние Рудмана являлось отягчающим фактором, однако его случай вполне мог быть интерпретирован по части 2 статьи 103 — «оскорбление без цели вызвать неуважение», тем более что в материалах дела отмечалось, что Рудман был спровоцирован действиями полиции.

В то же время можно заметить, что если по отношению к немцам и евреям власти, как правило применяли более строгое наказание, то представители других малых народностей или определенных социальных групп могли рассчитывать на некоторые поблажки. Так обстояли дела с казаками, дела которых рассматривали родные окружные суды. Например, Усть-Медведицкий окружной суд приговорил 57-летнего казака Николая Ромашкина всего лишь к недельному аресту при полиции за то, что тот в июне 1915 г. заявил: «Наш государь глупого рассудка и если бы не было Николая Николаевича, то война давно бы уже была проиграна»[728]. При этом еврей, произнесший, что государь «только кушает, пьет и с курвами гуляет, а за порядком не смотрит», получил три месяца крепости[729].

Примечательно, что во время следствия полиция нередко становилась на сторону обвиняемого и пыталась указать на смягчающие обстоятельства. Бывало, составители протоколов отмечали, что крестьяне произносили

[728] Там же. Л. 420(об).

[729] Там же. Л. 421.

ругательства «без всякого смысла, по привычке»[730]. Так, например, в Тобольской губернии была распространена идиома «царь не в копейку», связанная с временами, когда на копейке изображался всадник с пикой или саблей и царской короной на голове (XVI–XVIII вв.). Фраза употреблялась для выражения ценностного несоответствия одного объекта другому, носила абстрактный характер. Тем не менее в 1916 г. за употребление этих слов тобольский крестьянин Николай Коровин, 46 лет, был направлен под надзор полиции[731]. В ряде случаев высказывания крестьян следует интерпретировать в контексте местных фольклорных традиций. Как уже упоминалось, безадресное матерное ругательство во фразе, где упоминался император, также влекло ответственность. Так, в характеристике на крестьянина Пермской губернии 39-летнего Афанасия Осокина, выматерившегося в адрес императора, говорилось, что Осокин — порядочный человек, но на слова неосторожный и подвержен «постоянной матерной брани»[732].

Французский посол Морис Палеолог, блестяще знавший русскую литературу и живо интересовавшийся психологией простого народа, отметил своеобразное отношение русского крестьянства к уголовным преступлениям: «В глазах мужика нарушение уголовного кодекса не является проступком, тем более бесчестием. Это просто несчастный случай, неудача, злой рок, которые могут случиться с каждым, если на то будет Божья воля»[733]. С этой точки зрения уголовные преступления, включая и хулу по адресу верховной власти, являлись неотъемлемой частью повседневного существования и происходили в соответствии с божьей волей. Хула на царя, как наместника бога на земле, в глазах отдельных представителей сельского мира поднимала социальный статус оскорбителя, иногда представляла его юродивым, что считалось формой святости.

---

[730] Там же. Л.121(об).

[731] Там же.

[732] Там же. Л. 533(об).

[733] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 241.

Однако крестьяне быстро учились получать выгоду от Уголовного кодекса. В некоторых случаях начатые расследования по статье 103 были результатом сведения доносчиками личных счетов с обвиняемыми. Особенно это было эффективно, когда обвиняемыми оказывались этнические немцы. Так, например, горничная Анна Лукс была уволена в мае 1915 г. за лень и дурное поведение своей хозяйкой, мещанкой г. Ревеля Гульдой Шель, в прошлом германской подданной. Шель была заведующей школы-сада при приюте Эстляндского немецкого общества. Школа-сад была закрыта по распоряжению властей, и из кабинета школы дворник принес в квартиру Шель картину, изображавшую царскую семью. Однако Шель не захотела повесить картину в квартире и приказала дворнику унести ее. Уволенная Лукс донесла об этой истории властям, заявив, что Шель бросила царский портрет под стол со словами «такого хлама я не потерплю в своей комнате». На дознании Шель заявила, что картина была плоха по исполнению и не подходила к обстановке ее квартиры[734]. Полиция согласилась с тем, что горничная оклеветала хозяйку, и министр юстиции Хвостов прекратил расследование.

Разбирая общую структуру крестьянского хулительного дискурса, нельзя не обратить внимание на то, что доносчики и обвиняемые демонстрировали один тип мышления, употребляли одни и те же слова и выражения. Исследуя отношение к царской власти населения Урала в XVIII в., Р.Г. Пихоя заметил, что «доносчики в некоторых случаях формулировали слухи… смелее, чем то, что им удавалось подслушать»[735]. То же самое осталось справедливым и в начале XX в. С этой точки зрения было бы неверным интерпретировать дела по статье 103, порожденные доносами, как борьбу значительной части крестьянства с одиночками-хулителями царской власти, и делать на этом основании вывод о том, что такие дела относятся не к норме, а к исключениям социально-политической жизни. Наоборот, доносчики зачастую разделяли мнение того, на кого доносили, однако пользовались этим случаем для сведения личных

[734] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 30–30(об).

[735] *Пихоя Р.Г.* Записки археографа. М., 2016. С. 168.

счетов. Бывало, что писали взаимные доносы друг на друга по статье 103. Подобным образом проявился конфликт между псаломщиком церкви села Перевесья Пензенской губернии потомственным почетным гражданином Алексеем Феликсовым и священником этой же церкви Николаем Тиховым (конфликты между церковно- и священнослужителями были распространенным делом). Священник Тихов донес на Феликсова, что когда 26 июля 1915 г. он зашел в квартиру последнего узнать, готовы ли метрические выписки на подлежащих призыву на военную службу, псаломщик ответил: «На кой они черт нужны, все равно и этих людей переколотят. Варшаву и Ивангород немцы взяли и наших перекрошили. Наставил жопников, например, Фредерикса, вот они и работают. Раз к ним народ относится враждебно, то начерта их держать»[736]. Феликсов заявил, что Тихов возвел на него ложное обвинение, так как давно старается выжить его из прихода, при этом сообщил, что Тихов в мае 1915 г. при свидетелях, обвиняя правительство в бездеятельности, сказал: «А наш государь окружил себя министрами-немцами ослами, да и сам-то выходит осел»[737]. Вероятнее, всего в данном случае оба персонажа, и священник, и псаломщик, позволяли себе ругательства в адрес верховной власти.

В сословном отношении хулители большей частью относились к крестьянам, которые упоминаются в качестве обвиняемых в 72% случаев из 1474 дел. На втором месте шли мещане (16%), затем поселяне (5%), казаки (3%), дворяне (2%). В изученных протоколах в качестве обвиняемых были представлены все слои населения: рабочие, купцы, духовенство, чиновники и пр. Встречается дело, заведенное в отношении урядника полицейской стражи: 11 апреля 1916 г. в селе Дорогорском Архангельского уезда произошла ссора между крестьянином Поповым и урядником полицейской стражи Чащиным, с одной стороны, и фельдшером Нерядихиным — с другой. Последний был изгнан из квартиры Попова без шапки. Когда же фельдшер потребовал вернуть ему шапку «с гербом государя императора», Чащин и Попов крикнули ему в

[736] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 271–271(об).

[737] Там же. Л. 271(об).

ответ: «…(брань) Государя!»[738] В деле было отмечено, что Чащин и Попов находились в состоянии алкогольного опьянения, что являлось смягчающим вину обстоятельством. Б.И. Колоницкий пытается определить сословную динамику преступлений по статье 103, обращая внимание на примере Киевской судебной палаты на то, что если до войны и в ее первые месяцы оскорбления императора было в основном крестьянским уделом, то по мере затягивания войны возрастало число обвиняемых по этой статье среди мещан[739]. Тем не менее сводки министерства юстиции позволяют утверждать, что в целом по стране до 1916 г. лидерство в качество фигурантов политических дел сохраняли крестьяне.

Вместе с тем доминирование сельского населения в расследованиях не должно создавать иллюзии, что антидинастические настроения развивались лишь в низах общества. Донесения и сводки охранного отделения, жандармских управлений, письма и дневники рядовых подданных позволяют констатировать, что настроения, отразившиеся в делах крестьян по статье 103, были характерны для всего российского общества, правда, с некоторым тематическим разнообразием, о чем будет сказано позже. Морис Палеолог еще осенью 1914 г. писал, что для высшего столичного общества оскорбление императора в частных беседах было обычным делом[740]. В образованной среде шутили по поводу любовных отношений между царем и балериной М. Кшесинской, которые якобы не прекращались и после венчания Николая II и Александры Федоровне. 21 сентября 1914 г. гости К.И. Чуковского режиссер Н. Евреинов и художник Ю. Анненков нарисовали в рукописном альманахе «Чукоккала» ребус, расшифровывавшийся как «Кшесинская, „станцуя“ краковяк в Берлине, захваченном русскими, докажет мощь царя»[741]. Чуковский дорисовал ребус указаниями статей Уголовного уложения, за которые полагалось судить

[738] Там же. Л. 402(об).

[739] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»… С. 66.

[740] *Палеолог М.* Дневник посла... С.162.

[741] Чукоккала. М., 1979. С. 69–70.

авторов, включая и 103-ю. Помимо любовных похождений императора потешались над его интеллектуальным уровнем. Даже в среде монархистов признавали посредственный ум Николая II[742]. По мере приближения к 1917 г. ситуация только ухудшалась.

Объяснение преобладания крестьян в числе обвиняемых лежит в эмоционально-психологической плоскости. Это уже отмечавшаяся эмоциональная несдержанность, характерная для традиционного, общинного мира, низкая правовая культура, невежество крестьян, не понимавших, когда, что и где можно произносить, а также определенные социальные практики, как, например, доносительство. Если преступление, предусмотренное статьей 103, произошло не в присутствии представителя власти, то для заведения уголовного дела требовался донос. Для высших слоев общества доносительство не было характерной чертой, считалось постыдным занятием. Для деревни, особенно периода войны и учащения социальных конфликтов, доносы становились обычным способом сведения счетов (Приложение №1. Илл. 3).

Б.И. Колоницкий выделяет следующие типичные оскорбления императора: «случайные» оскорбления, «карнавальные» оскорбления, оскорбления, связанные с конфликтами на селе, мотивированные религиозные оскорбления и осознанные политические оскорбления[743]. Оправданным будет предположение, что по мере дискредитации царской власти и приближения к революции оскорблений последнего типа становилось все больше. Вместе с тем это не означало совершения оскорбителями сознательного политического выбора, перехода на социалистические, республиканские позиции, разочарование в монархизме. Речь в первую очередь идет о массовой дискредитации личности Николая II, политическая же самоидентификация российского крестьянства, в силу низкого уровня политической культуры, была слишком аморфна. Разочаровывались в Николае II даже те, кто был в свое время удостоен царского внимания. Так, например, 19 декабря 1914 г. 70-летний казак Терской области

[742] См.: *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918. Т. 2.: 1904–1918. СПб., 2015.

[743] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»… С. 46.

Захар Челканидзе во время тоста за императора прервал тостующего словами «мать … с вашим самодержцем», после чего стал рассуждать на тему, что простые казаки, раненные на войне, ничего не получают, а хорунжих засыпают деньгами[744].

Ругали императора не только умудренные опытом российские подданные, но и молодежь. Анализ половозрастных характеристик обвиняемых позволяет нарисовать портрет типичного хулителя: им окажется мужчина-крестьянин в широком возрастном диапазоне — от 20 до 60 лет. В гендерном отношении доля мужчин составляла 84%, женщин, соответственно, 16% (Приложение №1. Илл. 4). При этом мужчины не только чаще ругали представителей правящей династии, но и раньше начинали и позже заканчивали: так, самому юному обвиняемому было 11 лет, а самому пожилому — 95 (Приложение №1. Илл. 5). Среди женщин самый ранний случай зафиксирован в 15 лет, самый поздний — в 78. Пик оскорблений у женщин пришелся на 30-летних (19 случаев), а у мужчин на 40-летних (43 случая), причем если 30-летние женщины составляли 7,9% от общего числа хулительниц, то 40-летние мужчины — всего 3,7%. Это говорит о том, что принадлежность к определенной возрастной группе играла большую роль в случае женщин, чем мужчин. По всей видимости, 30-летние женщины — это солдатки, которые имели претензии к власти как в связи с призывом в войска их мужей-кормильцев, так и из-за задержек в выплате денежных пособий. Ситуация с 40-летними мужчинами менее ясная. Согласно данным Н.Н. Головина, в армию забирали в основном 20–29-летних — их было 49%, ко второй по численности группе относились 30–39-летние (30%), 18–19-летних среди призванных было 16%, а лиц 40, 41, 42 и 43 лет — всего 5%, да и те были призваны ратниками I и II разрядов[745]. Если распределить обвиняемых по аналогичным возрастным группам и сравнить с группами призванных на войну, то прямых совпадений мы не обнаружим: наибольшая группа мобилизованных 20–29-летних дает лишь третий

[744] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 103(об).

[745] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. С. 84–85.

результат по числу оскорблений, а наименьшая группа мобилизованных 40–49-летних занимает второе место (табл. 2). Чаще всего ругали представителей династии Романовых 30–39-летние (24%), однако группу 40–49-летних они опережали ненамного (23,3%). При этом 26% всех оскорблений приходится на возрастные группы, не затронутые мобилизацией. Таким образом, мы не наблюдаем прямой корреляции между нежеланием призывника отправляться на фронт и нарушением статьи 103, поэтому попытки объяснить массовые оскорбления правящей династии недовольством лишь определенных кругов населения — призывников и солдаток — не выдерживают критики. Причины недовольства верховной властью, катализированного войной, касались широких сфер жизни и не ограничивались одной мобилизацией. При этом следует заметить, что большинство крестьян, привлекавшихся по статье 103, ранее по подобным делам не привлекались.

Таблица 2. Распределение обвиняемых по статье 103 и призванных по мобилизации по возрастным группам.

Возрастная группа	% оскорблений	% призванных
10–19	6,7	16
20–29	19,8	49
30–39	24,1	30
40–49	23,3	5
50–59	17,3	-
60–69	7,5	-
70–79	1,5	-
80–95	0,3	-

Отсутствие прямой связи между мобилизацией и оскорблениями подтверждается территориальным распределением обвинений по статье 103. Так, например, лидером по числу оскорблений была Томская губерния, за ней следовали Саратовская, Московская, Область Войска Донского, Пермская, Казанская, Харьковская, Херсонская, Уфимская, Петроградская, Киевская, Тобольская, Вятская, Оренбургская, Виленская, Вологодская и т. д. Однако распределение губерний по числу призванных на фронт мужчин от числа трудоспособного мужского населения показывает, что наиболее тяжелая ситуация

сложилась в Акмолинской губернии (60,6% мобилизованных от числа трудоспособных мужчин), которая в нашей схеме занимает лишь 27-е место, на втором месте шла Амурская область с 55,8% мобилизованных (заняла лишь 53-е место с восемью зафиксированными случаями оскорблений), на третьем — Забайкальская с 54,8% (65-е место с тремя зафиксированными случаями оскорблений), на четвертом — Алтайская с 53,6% (случаев оскорблений не выявлено)[746] (Приложение №1. Илл. 6).

Распределение числа оскорблений по регионам России показывает, что наиболее тревожной ситуация была в Сибири (Акмолинская, Тобольская, Томская, Семипалатинская, Енисейская, Иркутская, Забайкальская, Амурская, Приморская области и губернии), далее шло Поволжье (Астраханская, Саратовская, Самарская, Симбирская, Казанская, Нижегородская губернии), Центральная Россия (Московская, Владимирская, Ярославская, Рязанская, Тверская, Смоленская, Тульская, Костромская, Калужская губернии, также для удобства подсчетов сюда был отнесен Петроград), Малороссия (Киевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Подольская губернии), Урал (Уральская, Оренбургская, Уфимская, Пермская), Области Донского и Кубанского казачества и Кавказ, включая область терского казачества (Приложение №1. Илл. 7). В Сибири со значительным отрывом от остальных лидировала Томская губерния, дав 53% дел по статье 103 по всему региону (на втором месте шла Тобольская с 14,6%). Вероятные причины этого заключаются в концентрации в губернии определенного числа ссыльных поселенцев, также это можно объяснить высокой концентрацией студенчества: высшее образование вкупе с традициями бунтарства давали гремучую смесь антидинастических настроений. В Поволжье наибольшее число оскорблений верховной власти было зафиксировано в Саратовской губернии (52,4%), при этом ее отрыв от Казанской (27,4%) был менее значительным, чем разница в Сибири между Томской и Тобольской губерниями. В Центральной России вместе с Петроградом лидировала Москва с 45,4% против 26,4% у Петрограда.

[746] *Головин Н.Н.* Военные усилия… Т. 1. С. 120.

В целом, конечно же, европейская часть России дала большее количество оскорблений, чем Сибирь. Однако не будем забывать о том, что речь идет о зафиксированных оскорблениях преимущественно среди низших слоев населения. При этом в разных регионах представители власти, в соответствии с местными национальными, культурными, хозяйственными особенностями, по-разному реагировали на нарушение статье 103. Распределение зафиксированных случаев на карте России показывает, что оскорбление представителей династии носило не только всесословный и всевозрастной характер, но было распространено на всей территории империи (Приложение №2. Илл. 8).

Разобравшись с портретом типичного обвиняемого, территориальными особенностями, рассмотрим теперь структуру высказываний и то, как народ представлял себе объект оскорблений.

Как уже отмечалось, по понятным причинам с большим отрывом в оскорбительных высказываниях лидировал Николай II — на его долю пришлось 80% упоминаний. Далее с 6% следовал великий князь Николай Николаевич, до лета 1915 г. бывший главнокомандующим; затем шла вдовствующая императрица Мария Федоровна с 5% оскорблений, далее — императрица Александра Федоровна с 4%, царевич Алексей с 3%, на долю всех княжон приходилось 2% упоминаний и менее 1% было у великой княгини Елизаветы Федоровны, великой княгини Марии Павловны-старшей (Макленбург-Шверинской) и принца А.П. Ольденбургского (Приложение №1. Илл. 9). Вместе с представителями династии ругали генералов, правительство, а также встречались случаи богохульства.

Б.И. Колоницкий подсчитал, что самым распространенным оскорблением Николая II было слово «дурак» — так называли царя в 43% случаев. Добавим, что за «дураком» шли следующие оскорбительные слова: «грабитель» — 23%, «Антихрист» — 13%, «развратник» — 11%, «изменник» — 10% (Приложение №1. Илл. 10). В данном случае при подсчете в определенную группу заносились близкие по смыслу оскорбления. Например, в группу «дурак» попали характеристики «глупый», «неграмотный», «ничего не понимает», «плохой

хозяин», «сумасшедший», в группу «грабитель» — обвинения в том, что забирает скотину и повышает налоги, к группе «Антихрист» были отнесены эпитеты «дьявол», «черт», «леший», обвинения в убийстве детей, потому что он отправлял их на войну (характеристика Ирода), в группу «развратник» вошли обвинения в распутном образе жизни (включая пьянство) и сексуальных перверсиях, в группу «изменник» — обвинения в продаже России Вильгельму II (за бочку золота), в выдаче военных тайн (за миллион рублей), помощь Германии (преимущественно поставками хлеба). При этом нужно отметить, что эти «ипостаси» пребывали в диалектической связи. Так, например, царя могли назвать «грабителем» потому, что он «дурак» или «Антихрист», или «дураком», потому что предается плотским утехам во время войны. Крестьянка Черниговской губернии Дарья Колосова, вернувшись из Екатеринодара и рассказывая о посещении города императором, сказала: «Он не раненых посещал, а был целых два часа в бл*дском институте. Он такой же дурак, как Лукашка шестипалый, у него голова с мой кулачок, у него мозги совсем не работают» (Лукашка — известный в селе калека. — В. А.)[747]. Глупость царя иногда связывалась с его алкоголизмом. Так, мещанин г. Скопина Рязанской губернии Федор Ходеев, беседуя на улице 19 июля 1915 г. с соседями, сказал: «Царь дурак, пьяница, гуляет, а за делами не смотрит»[748].

Градация «дурости» царя была достаточно широкой: от констатации бесхозяйственности и банальной необразованности (Николай II якобы был неграмотный и умел писать только свое имя, почему и подписывался одним именем, без фамилии[749]) до врожденной умственной отсталости, дебилизма, которую крестьяне обнаруживали, сравнивая портреты царя с лицами известных им местных умалишенных. При этом эпитеты «дурак» и «сумасшедший» иногда следовали в паре[750]. Часто глупость Николая II отмечалась через

[747] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 334.

[748] Там же. Л. 105(об).

[749] Там же. Л. 263.

[750] Там же. Л. 443.

сопоставление с Вильгельмом II. Крестьяне нередко использовали фразу: «У Вильгельма больше ума в пятке, чем у Николая в голове»[751]. В этом контексте тождественным эпитетом было определение «бестолковый хозяин» или «бестолковый главнокомандующий». Так, о принятии Николаем II верховного главнокомандования крестьянин Тверской губернии Степан Кукушкин отозвался весьма лаконично: «Он не генерал, а полковник, и вояка херовый»[752]. В августе 1916 г. нижний чин, прибывший из армии в отпуск в вятскую деревню, рассказывал, что государь император находится «на поруках», так как он «бестолковый», и что наследник цесаревич не сын государя императора, а брат[753].

Следует заметить, что анализ народных высказываний о царе в первую очередь демонстрирует отношение к нему на эмоциональном уровне; было бы неверно говорить о существовании рационально-осознанного и оформленного портрета. Портретов этих было множество, но главное, что они находились в динамическом состоянии, постоянно обмениваясь своими признаками. Часто это приводило к противоречиям: обвиняя императора в глупости или даже безумии, крестьяне и мещане тут же приводили в пример вполне рациональную мотивацию, некий продуманный план его действий. Так, 3 ноября 1915 г. мещанин местечка Светиловичи Гомельского уезда Могилевской губернии Тимофей Ковалев, 55 лет, в разговорах с рабочими на станции Грузкое в пределах Путивльского уезда Курской губернии сказал: «Царь наш Николай II дурак, идиот, продал Россию Вильгельму и войну затеял с целью уничтожить людей, чтобы не наделять их землей»[754].

Глупость Николая II прочно вошла в фольклор. «От Петербурга до Алтая нет глупее самодержца Николая» — пели по всей России крестьяне, студенты, арестанты. Творчество последних особенно часто было связано с нарушением статьи 103 Уголовного уложения.

---

[751] Там же. Л. 41(об).

[752] Там же. Л. 102.

[753] Там же. Л. 491(об)–492.

[754] Там же. Л. 27.

Образ царя-грабителя был связан, с одной стороны, с образом царя-дурака (грабит потому, что плохой хозяин), а с другой — царя-дьявола (грабит, потому что желает уничтожить людей). Простой народ не понимал, для чего ведется мировая война и гибнут люди, для чего уводить в армию сельских тружеников. Некоторые полагали, что ответ есть разве что у черта: «Черт его знает государя, что он думает, берет он народ и разоряет этим всех», — сказал об императоре в июле 1914 г. 55-летний Никита Андреев во время проводов сына на войну[755]. «Царь у нас кровосос и только истребляет народ», — говорили о царе крестьяне Вологодской губернии в ноябре 1916 г.[756] Во время ссор крестьян с мелкими чиновниками, когда те пытались вразумить своих оппонентов напоминанием, что они служат государю, иногда следовала типичная фраза: «Черту ты служишь, а не царю». Царских детей, бывало, называли «чертенятами»[757]. На формирование образа царя-Антихриста влияла старообрядческая традиция, а также недовольство православного духовенства синодальным положением церкви. «Государь, как взявший в свое ведение, помимо светских, и церковные дела, — антихрист», — произнес 69-летний крестьянин Саратовской губернии Алексей Алексеев в ноябре 1915 г.[758]

Важно отметить, что 44% всех оскорблений Николая II несли в себе угрозу убийства или иного физического насилия или пожелания смерти (пусть его убьют) (Приложение №1. Илл. 11). В одних случаях это были спонтанные проклятия, произнесенные в состоянии аффекта, в других же звучали вполне осмысленные оскорбления и даже угрозы, сопровождавшиеся «мотивировочной частью». Иногда мотивы были достаточно наивны, связаны с появлявшимися новыми повседневными заботами. Так, в сентябре 1914 г. 78-летняя крестьянка Смоленской губернии Пелагея Чижова жаловалась, что из-за мобилизации, забравшей сыновей, ей приходится самой ходить на скотный двор доить

[755] Там же. Л. 117.

[756] Там же. Л. 125.

[757] Там же. Л. 432.

[758] Там же. Л. 443(об).

коров, и, помимо прочего, сказала: «Пущай вашего царя убьют, пусть первая пуля попадет ему в грудь»[759]. Крестьянка Полтавской губернии Ульяна Шерстюк мыслила более широко и помимо ухода мужей в качестве претензии царю выдвигала земельный вопрос: «Нашего государя надо короновать коликом из-за угла за то, что забрал наших мужей и земли не дает»[760]. При этом следует заметить, что, несмотря на бунтарскую активность солдатских матерей и жен, царский «хулительный дискурс» на 86% был мужским. Причем ругали царя и желали ему смерти не только те, кому предстояло идти на войну. Уже 22 июля 1914 г. крестьянин Уфимской губернии Семен Тебейкин, вернувшийся с призывного участка, где получил освобождение по состоянию здоровья, сказал о царе: «Вымазать бы его дегтем и поджечь»[761].

По количеству пожеланий смерти из всех членов династии Николай II занимал первое место. На втором месте находился Николай Николаевич (28% пожеланий смерти из всех оскорблений в его адрес), на третьем — царевич Алексей (25%), на четвертом — Александра Федоровна (15%), а Марии Федоровне, опередившей по количеству оскорблений своих невестку и внука, смерти желали лишь в 5% случаев оскорбительных упоминаний. Обращает на себя внимание большой процент пожеланий смерти в адрес царевича Алексея при том, что среди оскорбленных членов династии он занимал лишь пятое место, уступая обоим родителям, бабушке и двоюродному дедушке. Вероятно, это связано не столько с личной неприязнью к персоне царевича, сколько с ненавистью ко всей династии, продолжателем которой он являлся (Приложение №1. Илл. 12).

Следующим после Николая II по количеству оскорблений шел его дядя, великий князь Николай Николаевич, до лета 1915 г. — верховный главнокомандующий. Структура оскорблений в целом соответствует оскорблениям, произносившимся в адрес царя (Приложение №1. Илл. 13). Мы можем

[759] Там же. Л. 24(об).

[760] Там же. Л. 338.

[761] Там же. Л. 522(об).

выделить те же пять групп, однако располагаются они в иной последовательности. В глазах большинства крестьян Николай Николаевич, в отличие от императора, был не дураком (глупость заняла лишь третье место), а в первую очередь изменником, продавшим Россию за бочку золота.

При этом следует отметить, что характеристики «изменник», «демон» и «дурак» набрали почти равный процент, что не позволяет говорить о доминировании какого-то одного, определенного образа Николая Николаевича. Так, например, слова тамбовского крестьянина Сергея Матвеева о том, что «великий князь Николай Николаевич продал Карпаты и Россию за бочку золота и теперь война проиграна»[762], характеризуют великого князя не только как изменника, но и как дурака, явно продешевившего со сделкой. В другом случае цена измены главнокомандующего поднималась: мещанин из Стерлитамака Григорий Петров сообщал, что Николай Николаевич продал одну только Варшаву за 16 пудов золота[763]. В этой же связи Николаю Николаевичу приписывались демонические характеристики, что он «седым чертом» наставляет императора и сворачивает того с истинного пути[764]. Глупость главнокомандующего связывалась с его разгульным образом жизни. Так, московский мещанин Михаил Калинин в июле 1915 г. произнес: «Забрали Ригу, Либаву и Варшаву. Скоро заберут и Брест-Литовск. Великий князь Николай Николаевич дурак из дураков. Был охотником в Тамбовской губернии, где отбивал чужих жен. Откуда его выкопали такого дурака? У него голова набита опилками. Его следовало бы повесить … (брань)»[765]. Обвиняли главнокомандующего и в пьянстве: «Николай Николаевич во время боя напивался и валялся в канаве», — рассказывала крестьянка Кутаисской губернии Метвея Гогучадзе 20 апреля 1916 г.[766] Встречались и более рациональные обвинения главнокомандующего,

[762] Там же. Л. 181.

[763] Там же. Л. 234(об)–235.

[764] Там же. Л. 231.

[765] Там же. Л. 68.

[766] Там же. Л. 439(об).

приближавшиеся к его личным качествам человека, жестко расправлявшегося с провинившимися офицерами. Мещанин г. Лиды Виленской губернии Зальман Молчадский рассуждал так: «Всему виновен верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич — он зверски расправляется со всеми генералами: талантливый генерал Рузский находится в Кисловодске, генерал Артамонов (ген. Л.К. Артамонов отдан под следствие после провала Восточно-Прусской операции, но был оправдан, переведен в резерв, умер в 1932 г. — В. А.) повешен ранее взятия Перемышля… казнены великим князем и многие другие генералы, имена которых станут известны лишь после войны… Нельзя так жестоко обращаться с генералами — толку не будет… Генералы разозлились и не стали выполнять планов главнокомандующего… поэтому нас немцы и бьют»[767].

Как и в случае с Николаем II, убийство великого князя рассматривалось как способ окончания войны: «Кабы этого самого черта дядю государя Николая Николаевича убили, то и война бы кончилась», — говорил крестьянин Томской губернии Людвиг Мертынш летом 1915 г.[768]

Вместе с тем в оскорблениях, адресованных императору, встречались и позитивные характеристики великого князя. Так, крестьянин Уфимской губернии Симского завода Иван Уренцев, 49 лет, 18 февраля 1916 г. в разговоре о войне и о дороговизне обругал Николая II и заключил: «Не ему, а Николаю Николаевичу нужно быть царем»[769]. В июне 1915 г. казак области войска Донского Николай Ромашкин, 57 лет, оскорбил императора, назвав дураком, и заметил: «Если бы не было Николая Николаевича, то война давно уже была бы проиграна»[770].

Оскорбления, направленные против императора и верховного главнокомандующего, были связаны с выполнением ими своих должностных функций

[767] Там же. Л. 167(об).

[768] Там же. Л. 125.

[769] Там же. Л. 244.

[770] Там же. Л. 420(об).

и, в этом смысле, носили некоторый функционально-рациональный характер. А вот оскорбления императриц, в сумме дававшие 9% от всех оскорбленных представителей династии, т. е. больше, чем оскорбления Николая Николаевича, были не функциональными, а связанными с ошибочно приписываемыми им характеристиками. Причем в фигурировавших в слухах и оскорблениях образах Александры Федоровны и Марии Федоровны было довольно много общих черт: обе они «немки», двоюродные сестры Вильгельма II, по телефону/телеграфу якобы передавали секретные сведения в Германию, переправляли туда собранные на благотворительных акциях теплые вещи и деньги, хлеб, снаряды, а также участвовали в организации взрывов на военных заводах и складах в России. Кроме того, обеих подозревали в сексуальных перверсиях. Как видно по первым двум позициям, характеристики Александры Федоровны (немецкое происхождение) крестьянами автоматически переносились на вдовствующую императрицу. Были и характеристики, связанные с их семейным статусом: Александра Федоровна изменяла мужу и родила незаконнорожденного наследника, Мария Федоровна также имела незаконнорожденных детей, хотела их сделать членами дома Романовых, а на императорском престоле желала видеть своего младшего сына Михаила. Говорили, что царевич Алексей на самом деле сын Марии Федоровны[771].

Можно предположить, что в некоторых случаях крестьяне просто путали, какая из императриц является матерью, а какая супругой императора. Так, например, характерно упоминание в одном высказывании императрицы Марии Федоровны и великой княгини Елизаветы Федоровны (сестры императрицы Александры Федоровны): «Машку и Лизку надо удавить, тогда война будет выиграна»[772]. Создается впечатление, что произнесший эти слова крестьянин Тверской губернии Иван Виноградов искренне полагал, что Мария Федоровна и Елизавета Федоровна являются сестрами. Впрочем, общее отчество вполне могло смутить малообразованную публику.

[771] Там же. Л. 491(об)–492.

[772] Там же. Л. 54.

В деревне Мария Федоровна была более «популярна», нежели супруга императора. Крестьяне преимущественно ругали вдовствующую императрицу, в то время как представители образованных слоев, знавшие, что немкой является именно Александра Федоровна, а также под воздействием слухов о ее связях с Распутиным, адресовали свою ненависть супруге императора. Как ни парадоксально, в делах по статье 103 практически не встречается упоминание Гришки Распутина (Б.И. Колоницкий обнаружил лишь один случай, в котором обвиняемым был казак). Этот постоянный герой городского политического фольклора отсутствовал в пространстве обсценно-политических слухов российской деревни. Тем самым и у Александры Федоровны оставалось меньше причин быть героиней крестьянского фольклора.

Анализ обстоятельств и контекста оскорбительных высказываний крестьян о Марии Федоровне позволяет предположить наличие нескольких групп причин. К первой можно отнести псевдоисторические высказывания, в которых Мария Федоровна обвинялась в том, что крестьянам не дали землю. По этой версии она якобы была любовницей П.А. Столыпина и отговорила его от земельной реформы[773]. В другом варианте крестьяне, отрицательно относившиеся к своим односельчанам, пытавшимся выйти из общины, винили во всем Столыпина, а Марию Федоровну, как его любовницу, заодно с ним. Помимо Столыпина, в любовники вдовствующей императрицы назначали генерала П.К. Ренненкампфа и министра путей сообщения, председателя Совета министров А.Ф. Трепова. Негативные образы Ренненкампфа и Трепова (первого считали немцем-изменником, второго реакционером и предателем) дискредитировали Марию Федоровну. К этой же группе причин можно отнести неверно интерпретированное в народе решение отменить празднование тезоименитства. Тезоименитство вдовствующей императрицы приходилось на 22 июля — день, близкий началу Первой мировой войны. Императрица решила прекратить отмечать его на период войны по моральным соображениям, но в народе нашли этому иное объяснение: «Праздник 22 июля был раньше, но теперь

[773] Там же. Л. 377.

отменен, так как государыня императрица Мария Федоровна является сторонницей германского народа и изменницей России»[774]. К слову, день рождения наследника престола царевича Алексея 30 июля 1914 г. был отмечен декорированием городов флагами и торжественными богослужениями в церквях[775].

Другую группу причин можно связать с фольклором и традициями обсценной лексики. Наиболее часто встречающимся прилагательным, обозначавшим вдовствующую императрицу, было «старая». Также использовался эпитет «злая царица»[776]. Злая старая царица в фольклоре соответствовала образу антигероя (мачехи, вдовы, свекрови), черты которого переносились крестьянским сознанием на Марию Федоровну. Так, например, рассказывали, что она пыталась сварить в ванне царевича — характерный поступок сказочного антагониста[777]. Нельзя игнорировать и более простое объяснение частого присутствия имени Марии в обсценных высказываниях крестьян. Б.И. Колоницкий совершенно верно отметил здесь влияние русской матерной традиции — ругань царя «по матери» автоматически в политическом дискурсе переадресовывалась Марии Федоровне[778]. При этом, если вспомнить историю матерной лексики, изначально брань «по матери» адресовалась богоматери — деве Марии. Отголоски этой богохульной традиции можно встретить в арестантском фольклоре, где часто звучат оскорбления в адрес не только царя, но и бога. Например, известностью пользовалась следующая строчка: «Бога нет, царя не надо, губернатора убьем, мы, мазурики-арестанты, всю Россиюшку пройдем!»[779] В другом варианте в качестве сакрального персонажа вполне могла

[774] Там же. Л. 252.

[775] Петроградский листок. 1914. 31 июля.

[776] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 527.

[777] Там же. Л. 336.

[778] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»… С. 521.

[779] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 286(об).

выступить и богоматерь: «Иду в Сибирь, кляну Россию, еб* царя и мать Марию»[780]. Мать Мария трансформировалась в императрицу Марию Федоровну.

Третье объяснение также связано с фольклорной традицией и патерналистским сознанием россиян. Патернализм предполагал не только восприятие царя как батюшки, «отца Отечества», но и царицы как матушки. Правоверные верноподданные нередко на старый манер ласково называли Александру Федоровну царицей-матушкой. В крестьянском сознании образы царицы-матушки Александры и императрицы-матери Марии сливались.

Сравнивая структуру оскорблений Александры Федоровны и Марии Федоровны в крестьянских высказываниях, можно обнаружить, что вдовствующая императрица лидирует по большинству характеристик: она на 40% больше изменница, чем Александра Федоровна, на 39% больше развратница, чем ее невестка, а также, в отличие от Александры Федоровны, именно она виновна в грабеже крестьян. По этой причине крестьянское сознание наделяло Марию Федоровну инфернальными характеристиками, но, как ни странно, на 60% чаще убить предлагали Александру, а не Марию. При этом единственной характеристикой, в которой императрица-супруга опередила императрицу-мать, была глупость: крестьяне не называли Марию Федоровну глупой, а считали хитрой, коварной (Приложение №1. Илл. 14).

Таким образом, дела по статье 103 позволяют реконструировать народное слово о царских особах, в котором отразился достаточно сложный образ верховной власти. Отмеченные дела обладают признаками массового источника, позволяющего исследовать массовое сознание. Оскорбления представителей династии были характерны для представителей всех сословий, полов и возрастов. При этом в силу определенных культурных отличий чаще всего под действие статьи 103 попадали неграмотные и малограмотные подданные. Вместе с тем, несмотря на массовость звучавших оскорблений, власти достаточно лояльно назначали наказания, ни разу не применив максимальную меру — восьмилетнюю каторгу. Однако при вынесении приговоров судьи часто

[780] Там же. Л. 34.

оказывались в плену распространявшихся слухами стереотипов о том, что этнические немцы и евреи сочувствуют Германии и являются потенциальными шпионами, вследствие чего им при прочих равных условиях выносились более строгие приговоры. Важно, что «хулительный политический дискурс» не был особенностью какого-то одного региона — например, столичного, — а распространялся по всей России. Как видим, по числу оскорблений лидировала Сибирь, далее следовало Поволжье и лишь на третьем месте шла Центральная Россия. По понятным причинам наиболее частым объектом критики выступал император Николай II, за ним располагался главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, а третье место занимала вдовствующая императрица Мария Федоровна, опережая свою невестку. Последнее объясняется тем, что проанализированный «хулительный дискурс» на 72% был крестьянским, а крестьяне намного чаще упоминали в оскорбительном контексте императрицу-мать, чем императрицу-супругу. При этом обеим приписывались одни и те же грехи (немецкое происхождение, политическая измена, развратный образ жизни), но те слухи, которые в городской среде ходили на счет Александры Федоровны, крестьяне переадресовывали Марии Федоровне. Несмотря на то, что оскорбления в ряде случаев носили экспрессивно-аффективный, эмоциональный характер, в целом они выражали вполне осознанную народом дискредитацию верховной власти. Присутствовавшие в оскорблениях мотивировочные части демонстрируют, что император и верховный главнокомандующий наделялись персональной ответственностью за обрушившиеся на народ несчастья, и массовое сознание приходило к выводу, что для избавления от всех невзгод необходима смерть главных виновников. Поэтому 44% оскорблений императора и 28% оскорблений великого князя заканчивались угрозами убийства или пожеланием смерти. Показательно, что занимавший лишь пятую позицию по числу оскорблений царевич Алексей по соотношению числа оскорблений к пожеланиям смерти находился на третьем месте (25%). При этом крестьяне не считали его ответственным за свои беды, наиболее часто встречавшиеся по отношению к нему характеристики — это

«незаконнорожденный» и «хромой». Однако частые пожелания смерти наследнику престола свидетельствуют о том, что массовое сознание народа желало конца роду Николая II.

2. Крестьянское политическое сознание от неприятия войны до проклятий царя

Как уже говорилось, объявление о начале войны и мобилизации в среде русских крестьян было встречено с раздражением. Тем не менее общинная психология не одобряла индивидуальных протестных акций, направленных против царского закона, поэтому, несмотря на недовольство, крестьяне предпочитали подчиниться новой повинности и хоть и не без ропота, но следовать на призывные участки. В подчинении закону о мобилизации обнаруживается не патриотизм, а фатализм, присущий крестьянской ментальности.

Распространение фаталистических настроений, в отличие от рационально-критических, свидетельствует о проявлении архаичных пластов мышления. Вместе с тем и протестная активность во время беспорядков призывников демонстрировала формы архаичного, стихийного бунтарства, хотя формальные претензии, предъявлявшиеся властям, выглядели более чем рационально: требование гарантий, что будут вовремя убраны поля и семьи не останутся голодными на зиму, что женам будут выплачены пособия и пр. Тем не менее дать однозначный ответ на вопрос, какие пласты сознания — архаичные или рациональные — были в первую очередь активированы начавшейся войной, нельзя в силу уже упоминавшейся синкретичности крестьянского мышления. Исследователи справедливо обращают внимание на то, что война волей-неволей пробудила интерес народа к внешней политике. В деревнях выросло число подписчиков газет. Мышление крестьян постепенно начинало выходить из узких локальных рамок своей деревни, уезда, губернии. Однако врожденный прагматизм, не позволявший оперировать абстрактными понятиями, теориями, приводил к весьма примитивным характеристикам. Так,

теоретические рассуждения столичной печати о том, что Россия победит в войне потому, что блок Антанты занимает более выгодное географическое положение и обладает большим запасом ресурсов, были не очень понятны крестьянской массе. Рассуждая о перспективах войны, крестьяне в поиске аргументов обращались к примерам недавней истории, и в первую очередь к русско-японской войне. Можно сказать, что ее негативный опыт надолго подорвал веру народа в боеспособность русской армии. Причем главным фактором поражения считались действия императора, который, в силу собственной глупости, без подготовки суется в чужие дела. Крестьянин Тверской губернии Леонтий Моисей в марте 1915 г. произнес: «Какой он государь, это сволочь — Японскую войну просрал, теперь и эту хочет просрать»[781]. Петр Вылегжанин, крестьянин Вятской губернии, запасной нижний чин, уволенный из действующей армии по болезни в продолжительный отпуск, в беседе с односельчанами 10 января 1915 г. развил эту мысль, настаивая на том, что царя нужно свергнуть с престола: «Давно бы его надо грязной метлой с престола смести; он всюду суется без всякой надобности, так же и в Японскую войну сунулся»[782]. По этой причине представлялось, что Россия обречена на поражение в войне, а значит нельзя идти в армию. Крестьянин Псковской губернии Иван Жук, в мае 1915 г. освобожденный от армии по состоянию здоровья, распевая песни, выкрикнул: «Сдадут в солдаты, служить не буду Николаю дураку»[783].

Чтение газет не во всех случаях просвещало крестьянские умы, так как восприятие печатного слова человеком устной культуры может быть весьма своеобразно: интерпретации крестьянами прочитанного не всегда коррелировали с вложенной в тексты авторской интенцией. В ряде случаев крестьяне и вовсе собирались послушать публичные чтения газет лишь для того, чтобы прокомментировать их в издевательском ключе. Так, например, в октябре 1915 г. начальнику Воронежского губернского жандармского управления

[781] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 94.

[782] Там же. Л. 108–108(об).

[783] Там же. Л. 190.

поступило заявление о том, что в селе Мечетке Бобровского уезда местные крестьяне регулярно собираются в чайной лавке, читают газетные статьи и телеграммы, которые «сопровождаются разными насмешками по отношению высшего начальства и по поводу войны»[784]. Надо сказать, что в чайных лавках велась активная нелегальная торговля спиртными напитками, поэтому неудивительно, что лавки эти становились средоточием народного юмора. При этом различия между карнавальными и политическими оскорблениями представителей верховной и высшей власти постепенно стирались, крестьяне все чаще готовы были мотивировать свои слова, выдвигая властям конкретные обвинения.

Одно из основных обвинений касалось начала войны. Причины мирового конфликта, известные письменной городской культуре, в деревне интерпретировали на свой лад, исходя из прагматических соображений. Поскольку для крестьян остро стоял земельный вопрос, была популярна земельная причина конфликта; в ней наблюдались два варианта: оптимистический и пессимистический. Первый уже упоминался: крестьяне верили, что в результате войны они получат помещичью землю. По этому поводу случались недоразумения между различными начальствующими лицами и демобилизованными по причине ранений солдатами-крестьянами. Горожане, участвовавшие в благотворительной работе общественных организаций в деле помощи раненым воинам, в письмах делились подобными историями: «Подходит, например, с ампутированной рукой солдатик и спрашивает: „Это вы записываете, кому сколько земли дать?“ Я раньше не поняла, а оказывается, что он думает, что от немцев отобрали землю и дают нашим крестьянам. Оказался он крестьянином Смоленской губернии, только что вышел на хутор, обзавелся и все его мысли около земли… А земельные мечты даже страшны немного, — подходящая почва для будущих недоразумений»[785]. В пессимистическом варианте война, наоборот, казалась затеянной для того, чтобы не давать людям землю.

[784] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 245. Д. 33. Т. 4. Л. 436.

[785] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1628.

Согласно этой версии царь «продал Россию Вильгельму и войну затеял с целью уничтожить людей, чтобы не наделять их землей»[786]. Представление о войне как о бессмысленном побоище доминировало в крестьянском сознании. Уже в декабре 1914 г., задолго до начала череды военных неудач русской армии, пришедшие за покупками в томскую артельную лавку крестьяне рассуждали: «Вы думаете, эта война идет из-за каких-нибудь наших интересов? Нет, ничего подобного — просто-напросто наш государь Николай и германский Вильгельм как раньше пили шампанское вино, так и теперь пьют его вместе; войну же ведут из-за того, чтобы уничтожить миллионы порядочных людей»[787]. Единственным рациональным объяснением этой бессмысленной для крестьян бойни выступало предположение о «решении» с помощью войны земельного вопроса путем уничтожения претендовавших на нее крестьян.

Постепенно в людях зрело недовольство, укрепляя во мнении, что война — еще один способ обмануть и обобрать народ. Как следствие, в крестьянской патриотической психологии произошло разделение понятий «царь» и «отечество». Призванный в армию 22-летний крестьянин Костромской губернии Александр Метлин 16 августа 1915 г., выпивая со своими друзьями в чайной и будучи в нетрезвом состоянии, сказал: «Я иду служить за веру и отечество», — после чего матерно обругал императора[788]. Находившийся на побывке в Вологодской губернии 27-летний крестьянин Василий Кузнецов, георгиевский кавалер, в ноябре 1916 г. произнес: «А мне что царь: я не царю служу, а за веру и родину. А царь у нас кровосос и только истребляет народ»[789]. Все чаще люди налагали на императора персональную ответственность как за развязывание бессмысленной с их точки зрения войны, так и за военные неудачи России. 26 июля 1915 г. в Тобольской губернии на сельском сходе в деревне Крашеневой, когда после обсуждения текущих дел разговор зашел о

[786] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 27.

[787] Там же. Л. 136(об).

[788] Там же. Л. 52.

[789] Там же. Л. 125.

войне, некоторые крестьяне предложили чаще молиться за государя и главнокомандующего великого князя, на что 59-летний Елизар Горбунов возразил: «Надо молиться за воинов и за великого князя Николая Николаевича. За государя же что молиться, он снарядов не запас, видно прогулял да пробл*дничал»[790]. Так образ царя постепенно исчезал из народных патриотических настроений и становился лишним в крестьянской картине мира.

Крестьяне, недовольные «Николашкой», все чаще спрашивали друг друга: «Кто его выбирал, этого государя?»[791] Сама постановка такого вопроса была равносильна отречению народа от своего царя, намекала на возможность переизбрания или выбора нового монарха: «Что государь? Наплевать на государя. У нас в деревне выберут мужика в старосты, и он также может распоряжаться, как царь, и он может быть такой же царь»[792].

Другим показательным примером внутреннего отречения народа от Николая является использование с существительным «царь» вместо притяжательного местоимения первого лица («наш») притяжательного местоимения второго лица («ваш»). Так, в марте 1915 г. мещанин Томской губернии Николай Савин во время спора со своей квартирной хозяйкой произнес: «Вашего Николая скоро поведут на поводу как русскую собачонку»; крестьянка Тобольской губернии Ксения Гришакова в январе 1916 г., возмущаясь запретом на торговлю пивом, кричала: «Насеру я на ваш закон и на государя, он даже извел весь народ»[793]. Вместе с этим Отечественная война также из «нашей» становилась «вашей»: «К … (брань) войну вашу и царя вашего», – произнес крестьянин Уфимской губернии в феврале 1916 г[794].

Внутреннее отречение от Николая и исключение его из народной военной драмы приводило к коллаборационистским настроениям. В сентябре 1915 г.

---

[790] Там же. Л. 53.

[791] Там же. Л. 84.

[792] Там же. Л. 476.

[793] Там же. Л. 106, 121.

[794] Там же. Л. 244.

крестьяне Черниговской губернии рассуждали: «Скорее бы немцы взяли Петроград, тогда всю сволочь эту выгнали бы оттуда»[795]; крестьяне Новгородской губернии были того же мнения: «За нашим царем последняя жизнь. Пусть Германия победит, за тем царем будет лучше жить»[796]. Еще радикальнее прозвучали обещания астраханского легкового извозчика Полякова в феврале 1916 г.: «Если меня будут брать на войну, я все равно не пойду, а если пойду, то за Вильгельма, и вместе с ним всажу нашему царю осиновый кол в задницу»[797]. Примечательно, что в составленном протоколе в качестве характеристики Полякова было указано: «политически благонадежен».

Весной 1916 г. коллаборационистские рассуждения крестьян стали раздаваться громче, бабы не стеснялись выражать свою позицию по этому вопросу в присутствии барей. Предводитель тверского дворянства П.П. Менделеев вспоминал, как пошел в поле, где у него состоялся разговор с крестьянками, спрашивавшими, скоро ли будет мир. Менделеев ответил, что сначала нужно прогнать врага, не то «он придет и к нам, в Тверскую губернию». «Так что же, пускай приходит, – говорят бабы, – нам под немцем, может, вольготнее жить будет. Мы их не боимся. При Василии-то Федоровиче (прозвище Вильгельма II, встречавшееся в военно-патриотическом лубке и народной лексике. – В.А.), наверное, все колбасу будем есть»[798].

Разочарование в собственном государе заставляло искать альтернативу в заморском царе; часто происходило сравнение двух императоров по их личным качествам. В Тверской губернии в мае 1915 г. крестьяне беседовали в чайной: «Вот бы нам Вильгельма вместо нашего государя, а то он ничего не делает»[799]. Вынося оценки Николаю, крестьяне, как правило, иллюстрировали их картинками фольклора, ставили в пример сюжеты знакомой повседневности:

---

[795] Там же. Л. 38–38(об).

[796] Там же. Л. 141.

[797] Там же. Л. 178.

[798] *Мендлелеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 381.

[799] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 62(об).

«Германский император на войне, а наш государь на печи сидит»[800]. Рассуждая об императоре с позиции мужика-хозяина, народ приходил к неутешительным выводам о его «профессиональных» качествах управленца: «Он как плохой крестьянин в хозяйстве, не умеет распоряжаться и совершенно глупый», «ему бы только дворником быть у Вильгельма»[801].

Любопытно, что нередко в качестве доказательства царского слабоумия ссылались на его внешность, сравнивая ее с внешностью местных юродивых: «Наш-то государь император дурак, у него и рожа-то, если посмотреть, так похожа на Ельку Абрамовского (местный дурачок-пропойца — В. А.)», «Он ничего не понимает, не может править этим делом на войне, государь наш — Акимиха (местная умственно-отсталая крестьянка. — В. А.)»[802]. В период мировой войны в деревне появлялось множество афоризмов, в которых высмеивались умственные способности Николая[803]. Другим распространенным эпитетом после «дурака» был «пьяница», а также «шинкарь», «пробочник»[804].Убеждение крестьян в том, что государь к войне не готовился, «а только водкой торговал», как ни парадоксально, отчасти было спровоцировано самим императором, вводом серии мероприятий, ограничивавших винную торговлю в стране, пожелавшим продемонстрировать народу заботу о его здравии. В результате антиалкогольных мер народ пить меньше не стал. Монополька в деревне была заменена продуктом домашнего производства, а в городах — денатурированным спиртом. Сами крестьяне отмечали обратное явление: раньше быстро напивались и быстро трезвели, а после введения «сухого закона» приходилось рыскать по местам продажи контрафактной продукции, тратя на это куда больше денег и времени. Озлобление народа от пропавшей выпивки приковывало внимание к винной теме, представившей повод

[800] Там же. Л. 263.

[801] Там же. Л. 120, 38–38(об).

[802] Там же. Л. 61, 102.

[803] Там же. Л. 331.

[804] Там же. Л. 150.

вспомнить давнишние обвинения царя в спаивании народа и возложить на него ответственность за военные неудачи: «Наш государь готовил пробки, заткнул бы теперь бутылкой …, а германцы готовились к войне»; «Говорят, государю некогда делами заниматься — он всегда пьяный», «Наш царь дурак, пьяница — гуляет, а за делами не смотрит», «Не подготовился наш царь к войне, дурак он, только водкой торговал, а о снарядах не думал»[805].

Пожелания смерти императору встречались и в денотативной, буквальной форме. Особенно часто их произносили крестьянки, страдавшие от диспропорции мужского и женского населения в деревнях. Так, 19-летняя крестьянка Тульской губернии Марфа Шишкова во время оргиастических забав деревенской молодежи в июне 1916 г. обратилась к участвовавшим в хороводе парням и девушкам: «… этого царя, какой это царь, не с кем мне …, побрали всех моих милаков, если бы этот царь попался мне на глаза, то я бы его зубами и руками раздернула, а если бы попало мне ружье, то я бы его из ружья застрелила»[806]. Согласна с ней была и замужняя крестьянка Пермской губернии Устиния Першина: «Нашего царя и царицу надо убить»[807]. Тот же выход для себя нашла и 23-летняя мещанка из Барнаула Анна Косачева, влюбившаяся в пленного австрийского офицера Костю: «Надо застрелить нашего государя и всех союзных, тогда кончится война, и я с Костей поеду во Львов, где и будем подданными Франца Иосифа»[808].

Царь наделялся персональной ответственностью за все обрушившиеся на народ внешние и внутренние беды. Исследователи отмечают, что политика Николая II как будто разливала вокруг него обреченность: вместо того, чтобы избегать личной ответственности, царь «словно намеренно принимал на себя весь груз провалов власти»[809]. Поэтому тема убийства виновника всех бед

[805] Там же. Л. 80(об), 81, 105(об), 126(об), 150.

[806] Там же. Л. 506.

[807] Там же. Л. 542.

[808] Там же. Л. 362.

[809] *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию... С. 398.

автоматически всплывала в массовом сознании в контексте отмщения: «На войне убили много наших солдат, может быть и нас убьют, а все это из-за царя… Его самого надо убить», — рассуждал призванный по мобилизации крестьянин Пермской губернии Петр Полушкин в мае 1915 г.[810] Убийство царя воспринималось не только в контексте мести, но и как способ остановить войну, начатую по его желанию. Уже упомянутая крестьянка Пермской губернии Устиния Першина считала, чем скорее будут убиты царь с царицей, тем скорее вернутся мужья с войны[811]. Крестьян раздражал не только масштаб мобилизации, но и то, что ее проводили в несколько этапов. Создавалось впечатление, что власти ежегодно набирают людей на убой. Во время отправки очередных призывников повторялись трагические сцены первой мобилизации. Л.А. Тихомиров 8 сентября 1915 г. записал впечатления от проводов: «Сегодня был на вокзале, и никогда не слышал таких страшных рыданий: это провожали новых рекрутов. Бабы голосили отчаянно, крича во всю глотку. Это совсем молодые люди, последние отпрыски, отрываемые у матерей, сестер и невест»[812]. В 1916 г. распространялись слухи о новой мобилизации ратников II разряда, пугавшие как деревенских, так и городских жителей[813]. Напуганным людям казалось, что цель царя — истребить всех людей на земле.

В ряде случаев в оскорблениях и угрозах в адрес царя звучала сильная личная неприязнь, эмоционально окрашивавшая высказывания. Народ не скрывал подробностей того, как именно следует разделаться с ненавистным императором: «Надо бы нашему государю стрелять в рот, чтобы пуля вышла в жопу», — выступал на сельском сходе крестьянин Вятской губернии Василий Фоминых 26 декабря 1914 г.[814] Крестьянин Томской губернии Павел Плеханов, сына которого забрали на войну, желал не просто смерти Николаю II, а

[810] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 319(об).

[811] Там же. Л. 542.

[812] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008. С. 121.

[813] Там же. С. 293.

[814] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476, Л. 148(об).

мучений: «Во всем виноват государь. Ему надо голову отрубить, но не острым топором, а тупым, чтобы подольше помучился»[815]. Полицейские обращали внимание, что среди проходивших по статье 103 крестьян многие ранее не были судимы, но не знали или почти не знали грамоту. Повышенную экспрессивность отчасти можно объяснить недостатком образования, которое способствует выработке контроля над эмоциями. Вероятно, эмоциональнее всего в адрес Николая высказывались малограмотные женщины-крестьянки: «Когда его поймают, то я первая выколю ему глаза вилкой и чтобы его порубили на котлеты», «Если бы он мне попался, я бы его, сукина сына, так, вот так разорвала», «Взяла бы я царя и разорвала его пополам за то, что он требует недоимку», «Если бы этот царь попался мне на глаза, то я бы его зубами и руками раздернула, а если бы попало мне ружье, то я бы его из ружья застрелила», «Если бы я теперь встретила этого глупого Николашку, то вцепилась бы в него и вырвала бы ему кишки»[816].

Данные экспрессивные заявления, конечно, не имеют ничего общего с подлинными революционными настроениями, часто произнесенные в состоянии аффекта, они свидетельствуют о внутреннем, личном отречении от императора, об исключении его из собственной картины мира, однако никак не о готовности совершить цареубийство в качестве политического акта индивидуального террора. Начальнику петроградской сыскной полиции 4 октября 1914 г. оставшаяся неизвестной женщина сообщила по телефону, что ее знакомая Мария Михайловна Яковлева, из потомственных дворян, спланировала убийство царя за то, что ее мужа забрали на фронт. Для этого она якобы собиралась 5 октября выехать в Царское Село и, совершив цареубийство, прикинуться сумасшедшей. За Яковлевой было установлено наружное наблюдение, которое выяснило, что она в действительности в Царское Село в указанный день не собиралась, более того, женщина не проявляла никакого интереса к дням высочайших приездов государя в столицу, никогда не появлялась на пути

[815] Там же. Л. 301(об).

[816] Там же. Л. 77–77(об)., 216(об)., 309, 423, 506.

проезда царского кортежа. Постоянное наружное наблюдение было снято и впредь возобновлялось лишь в дни высочайших посещений столицы. При этом за Яковлевой было установлено негласное наблюдение полицейского надзирателя, который отметил нервозность и болезненное состояние женщины, оставшейся одной с двумя детьми 5 и 7 лет и пребывавшей в постоянной тревоге за мужа[817].

В массовом сознании российских крестьян Николай II был не единственным антигероем. Война, которая породила противоречивые и абсурдные «земельные» версии мирового конфликта, обострила земельные отношения в деревне. Современники отмечали участившиеся случаи захвата помещичьих земель, поджогов усадеб. Также велась война с соседями-единоличниками. Начальник Симбирского жандармского управления сообщал в августе 1915 г. в департамент полиции: «Среди крестьянского населения в Сенгилеевском уезде распространялись слухи об общем переделе земли по окончании войны, благодаря которым солдатские жены враждебно относятся к работам землеустроительных комиссий по выделению из общинного пользования надельных участков»[818]. С мая 1915 г. власти приостановили землеустроительные работы, фактически прекратив столыпинскую реформу под давлением большинства крестьян. При этом смекалка крестьян позволяла им использовать в своих интересах развернувшуюся в обществе шпиономанию: возросло количество доносов на немцев-колонистов, что они якобы занимаются шпионажем. В доносах фигурировали какие-то механизмы, которые немцы свозят на свои хутора (крестьяне полагали, что это были аэропланы для ведения ночной разведки). Очевидно, что русские крестьяне, понимая свою низкую конкурентоспособность в сравнении с немецкими хозяйствами, пытались таким образом уравнять шансы. В это время современники, следившие за настроениями деревни, делились своими наблюдениями, отмечая усиливавшиеся тенденции к «баловству»: «Деревенские жители рассказывают, что у них, по деревням,

[817] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 245. Д. 33. Т. 1. Л. 5–6.

[818] Цит. по: *Кабытов П.С.* Русское крестьянство... С. 124.

очень „большое баловство“, т. е., другими словами, — грабежи. Очень плохой признак. Бабы говорят, что жить стало страшно», — писал в октябре 1916 г. Л.А. Тихомиров[819].

Газеты писали, что в 1916 г. война уже практически не интересовала крестьян – дороговизна и дефицит отдельных продуктов переключали внимание сельских жителей на внутренние проблемы. В некоторых местностях исчез сахар, соль, мука. Накануне революции крестьяне Гороховецкого и Вязниковского уездов Владимирской губернии были вынуждены ездить за мукой в Нижний Новгород, а нижегородские мукомолы, чтобы сберечь свои запасы от приезжих, стали продавать ее по паспортам. Корреспондент «Земледельческой газеты» описывал появившиеся поезда «мешочников» (тогда их иронично называли «пилигримами»), набитые толпами женщин и подростков с «пудовичками»[820]. Ситуацию с настроениями деревни усугубили два призыва 1916 г., пришедшиеся на весенний сев и на сбор хлебов[821].

В соответствии с особенностями крестьянской ментальности обрушивавшиеся на народ беды интерпретировались в фольклорно-мистическом ключе, нередко как наступление последних времен. Тому были «объективные» предпосылки: солнечное затмение 8 августа 1914 г. и появление в сентябре-октябре 1914 г. «кометы войны» (комета Делавана)[822]. Появление кометы, в частности, вызвало переполох среди крестьян Псковской губернии 2 октября 1914 г.[823] С тревогой о ней говорили солдаты на фронте[824]. Помимо масштабных природных явлений крестьяне наделяли соответствующими смыслами и локальные

[819] Дневник Л.А. Тихомирова... С. 295.

[820] Земледельческая газета. 1916. № 46. С. 1198-1199.

[821] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 380.

[822] «Комета Делавана» была открыта еще в октябре 1913 г., но заговорили о ней именно после начала мирового конфликта, назвав «кометой войны», когда на протяжении сентября – октября 1914 г. она была особенно хорошо видна с земли невооруженным глазом.

[823] *Голубев П.С.* Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1914. № 48. С. 13.

[824] *Федорченко С.З.* Народ на войне… С. 99.

происшествия, усматривая в них знаки свыше. Так, в сентябре 1915 г. в Вологде во время сильного урагана снесло крест с купола церкви св. Кирилла-чудотворца. Крест упал в реку и погрузился в ил. Крестьяне, не найдя его, стали искать объяснения. Болтали, что крест, поднявшись на небо, растаял в небесной выси. Бабы увидели в этом знак, что немец «снарядом своим одюжит Христову веру»[825].

Народные религиозные представления, а также фольклорная традиция становились когнитивными схемами, использовавшимися для интерпретации военных и политических событий. Рассказывая детям сказки, родители знакомили их с моделями социального поведения, морально-нравственными и этическими ценностями. В результате сказочные сюжеты иногда даже взрослыми воспринимались как практические рекомендации по поведению в конкретных ситуациях. Любопытный пример попытки практического применения сказки сохранился в рассказе солдата о том, как он, заблудившись, набрел на дорожный указатель: «Стоит столб, на ем слова, а прочесть я не в силах. Дороги за столбом разошлись, вот и иди куда знаешь. Сел, стал сказку вспоминать. А по сказке-то той, куда ни кинь — все клин, куда ни глянь — все дрянь. Я и пошел без пути, посередке, да еле из трясины и выбрался. Чем сказки-то сказывать, лучше бы грамоте выучили»[826].

Метафорическая иносказательность сказки, свобода интерпретации заложенного в ней сообщения помогали крестьянам, чье массовое сознание формировалось под воздействием в большей степени устной, архетипической, нежели письменной, логической традиции, избежать трудностей формулировок. Хотя в деревнях были распространены коллективные чтения светской и духовной литературы, литературный слог романа или Священного писания казался народу чуждым, непонятным, в результате чего корреспонденты Этнографического бюро писали: «Если кто возьмет книгу, Историю Ветхого или Нового завета, будет читать вслух, сначала слушают, и то нехотя, а другой

[825] Земщина. 1915. 12 сентября.

[826] *Федорченко С.* Народ на войне... С. 27.

мужик, пожалуй, скажет: „Ты бы прочитал нам лучше сказку, и то, какую посмешнее“»[827]. В итоге крестьяне признавались: «Дела никакого простыми словами не объясним, а сказками про что хошь расскажем»[828].

Нельзя не отметить еще один фактор дидактической значимости сказки — народническую традицию пропаганды революционных идей в сказочной форме. Дебора Перл именно в народнической сказке усматривает истоки революционной культуры рабочего класса начала XX в.[829] Среди наиболее популярных революционных сказок исследовательница отмечает «Хитрую механику» экономиста В. Варзара, «Сказку о четырех братьях» в те годы еще революционера Л.А. Тихомирова, «О правде и кривде» С. Степняка-Кравчинского. Патриотическая пропаганда Первой мировой войны также воспользовалась сказочной формой. В газетах и журналах в форме лубка издавались сказки на тему борьбы русских героев с немецкими злодеями. Одна из сказок под названием «Сказ про мужика лукавого Василия Федорова, что в земле немецкой царем сидел», рассказывала о том, как Илья Муромец победил Вильгельма II. «За горами, за лесами, в земле немецкой басурманской, жил был царь, что Василием Федоровым прозывался, а по ихнему, по поганому просто Вильгельмом», — так начинался рассказ.

Если наиболее популярной материальной причиной войны крестьяне считали упомянутую «земельную версию», то среди нематериальной выделяется фольклорной составляющей «сватовская версия»: так, летом 1915 г. нижнеомские крестьяне Акмолинской области предположили, что Николай II рассердился на австро-венгерского императора Франца Иосифа за то, что наследный принц Франц Фердинанд «хотел обмануть» Ольгу Николаевну[830]. В этом

[827] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы… С. 96.

[828] *Федорченко С.* Народ на войне... С.148.

[829] См.: *Pearl D.* Creating a Culture of Revolution. Workers and the revolutionary movement in Late Imperial Russia. Bloomington, Indiana, 2015.

[830] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 211.

слухе произошло причудливое объединение сказочно-архетипического с историко-фактологическим.

В русских сказках и преданиях сватовство нередко было сопряжено с прохождением опасного для жизни испытания. В сказках собранных А.Н. Афанасьевым, Елена Премудрая отрубала головы женихам, не прошедшим испытание, и вешала их на колья перед дворцом, а Анастасия Прекрасная предлагала всем сватавшимся к ней помериться силами. Часто сватовство выводило царства на порог войны, о чем рассказывали пермские крестьяне в сказке А.Н. Зырянову в 1850 г.: «какой-то царь сватал царевну у этого царя и не высватал; за то объявил войну»[831]. Как показала О.М. Фрейденберг, в первобытном сознании ритуальная сторона брака была метафорическим выражением дуализма жизни–смерти, а облачение невесты и жениха в одеяния царицы и царя символизировало состязание, борьбу двух начал[832]. В.Я. Пропп объяснял кровавые свадебные испытания в сказках традицией архаичного обряда кровосмешения перед свадьбой[833]. Таким образом, понятия состязания-войны и сватовства-брака имели семантическое сходство в мифологизированном крестьянском сознании.

Однако сватовская версия начала войны появилась не из-за одной только архетипической ассоциации. Материалом для связывания сказочных сюжетов с политической ситуацией 1914 г. послужили реальные исторические факты. При всей абсурдности версии о сватовстве 51-летнего Франца Фердинанда, состоявшего к тому же в официальном морганатическом браке с чешской графиней, нельзя не вспомнить историю сватовства к княжне Ольге Николаевне наследного принца Румынии Карола, приехавшего в начале 1914 г. с этой целью в Петербург. В мае начали распространяться слухи о предстоящей свадьбе Карола и Ольги, однако по вине русской стороны помолвка не состоялась. След румынского сватовства обнаруживается также в слухах, ходивших по

[831] Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Т. 1. № 125.

[832] *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 67–69.

[833] *Пропп В.Я.* Исторические корни… С. 376–380.

Курляндской губернии: «Не Германия виновата, а Россия: одна сволочь (Николай II — В.А.) поехала в Румынию заводить сватовство, чтобы привлечь на свою сторону, а другие сволочи, русские министры, поехали в Сербию подготовить убийство австрийского наследника престола»[834]. Связав неудавшуюся помолвку Карола и Ольги с начавшейся вскоре войной, поменяв действующих лиц и роли сторон в этой истории, народная молва создала доступную и удобную для понимания в деревенской среде версию.

Следующая группа слухов с фольклорно-сказочной атрибутикой касалась объяснения причин поражений российской армии. Доминирующим мотивом здесь была тема предательства и шпиономании, достаточно изученная в историографии Первой мировой войны и непосредственно не связанная с архетипическими представлениями современников[835]. Шпиономания вытекала из патриотического дискурса, формирующего идентификационную модель «свой–чужой»: определение «своих» шло параллельно поиску «чужих», которых начинали винить во всех бедах и неудачах. Так как с ходом военных действий ситуация не улучшалась, «чужих» стали обнаруживать и среди правящей династии.

Можно отметить и другие причины поиска врагов среди членов царской семьи. Во-первых, архаизированное сознание традиционно рассматривает национальные беды в качестве божьей кары за грехи; во-вторых, императорская семья в годы войны выбирает модель поведения, расходящуюся с народными представлениями о том, как должен себя вести благочестивый царь, что

---

[834] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 426.

[835] См.: *Колоницкий Б.И.* Конспирологический резонанс: шпиономания как потребность («Дело Мясоедова» в общественном сознании, 1915–1917) // Пятые чтения памяти Вениамина Иоффе. Право на имя. Биографика XX века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. СПб., 2008; *Фуллер У.* Внутренний враг. Шпиономания и закат императорской России. М., 2009; *Jahn Hubertus F.* Patriotic Culture in Russia During World War I. Ithaca; London, 1995, etc.

позволяет рассматривать его в качестве главного подозреваемого в прегрешении перед богом.

Изучение паремиологического материала приводит к выводу, что степень ответственности народа и царя перед богом была разной. Во взаимоотношениях с богом к царю предъявлялись более строгие требования, чем к народу: «За царское согрешение бог всю землю казнит, за угодность милует», «коли царь бога знает, бог и царя и народ знает», «народ согрешит — царь умолит; царь согрешит — народ не умолит». В связи с этим виновным во всех бедах оказывался богонеугодный царь-грешник, по поводу чего крестьяне с досадой спрашивали друг у друга: «Кто его выбирал, этого государя?»[836] Постепенно «официально-народная» идея богоизбранности царя стала сменяться идеей эсхатологической, в которой царь считался не кем иным, как Антихристом. Особое распространение подобные высказывания получили в Саратовской губернии среди старообрядцев, причем, как правило, крестьяне аргументировали эту версию вмешательством царя в светские и религиозные дела[837]. Персонификацией Антихриста в фольклоре считался царь Ирод. Любопытно, что крестьянское сознание проводило параллель между убиением невинных в Первой мировой войне и убиением младенцев. Иудейский царь-детоубийца награждался чертами Антихриста, и крестьяне Воронежской губернии ожидали его второго пришествия: «Говорят, что народится Ирод. Вот и народился Ирод — это наш царь Николай»[838]. Также характерными эпитетами из разряда «нечистых», которыми награждали царя, были «черт» и «леший»[839].

Параллельно закреплению за царем характеристик Антихриста происходило и создание подтверждающего данные слухи мифа о нравственном падении царской семьи. В этом плане интересно отметить, что даже такой благовидный поступок, как вступление царевен в общество Красного креста в

[836] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 84.

[837] Там же. Л. 442, 443(об).

[838] Там же. Л. 332.

[839] Там же. Л. 443(об).

качестве сестер милосердия рассматривалось многими крестьянами как доказательство их грехопадения. Дело в том, что образ царевны — сестры милосердия, ухаживающей за ранеными и выполняющей «грязную» работу по перевязке, обмывании, бритью и т. д., не соответствовал царственному статусу, противоречил исконным представлениям крестьян. Кроме того, в годы Первой мировой войны активно распространялись слухи о том, что сестры милосердия оказывают раненым и иные услуги, флиртуя с солдатами[840]. Возможно, вытекали они из появившейся практики переодевания девиц легкого поведения в форму медицинских сестер. Случалось, что военная полиция задерживала в городах переодетых в офицерскую форму и обвешанных не принадлежавшими им георгиевскими крестами дезертиров, которые прогуливались с сестрами милосердия «подозрительного вида», оказывавшихся после проверки проститутками[841].

Ряженье проституток сестрами милосердия дискредитировало последних в глазах народа. Крестьяне Енисейской губернии в ноябре 1915 г., комментируя известие о том, что Николай II наградил сестер милосердия георгиевскими медалями, объяснили это просто: он спал с ними, — высказав сожаление, что сестрам стоило кресты повесить на другое место[842]. В Курляндской губернии рассуждали о том, что происходит в Центральной России: «Там нет никакого порядка: офицеры разъезжают на автомобилях с …, а сестры милосердия смеются в то время, когда раненые стонут»[843]. Ниже мы увидим, что речевой оборот «смеются, когда плачут (стонут)» являлся частью религиозно-эсхатологического дискурса и его использование в отношении медицинских сестер означало их демонизацию.

---

[840] См.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»…; *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов, 2004.

[841] РГВИА. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1960. Л. 67–67(об).

[842] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 390.

[843] Там же. Л. 398.

Дискредитированный в глазах низов образ сестры милосердия приводил к дискредитации и членов императорской семьи. Так, в декабре 1915 г. мещанин Витебска Ицко Забежинский заявил: «Старая государыня, молодая государыня и ее дочери…(брань); для разврата настроили лазареты и их объезжают»[844]. Утверждение, что дочери государя ведут развратный образ жизни, неоднократно встречалось в делах по обвинению населения в нарушении статьи 103 Уголовного уложения[845].

Однако не только слухи о распутстве медицинских сестер ниспровергали образ богоизбранной семьи. Выбранная «демократическая» модель поведения, заключавшаяся в саморепрезентации власти в качестве народной, вступала в противоречие с архетипическими ассоциациями крестьян, предписывавшими царю и царицам иные поведенческие практики. Так, еще Дж. Фрэзер писал о древних царях: «Царь является точкой опоры, поддерживающей равновесие мира; малейшая неточность с его стороны может это равновесие нарушить. Поэтому он должен принимать величайшие предосторожности, и вся его жизнь до мельчайших деталей должна быть отрегулирована таким образом, чтобы никакое его действие, произвольное или невольное, не расстроило и не перевернуло установленный природный порядок»[846]. Особенные опасения вызывала возможность наведения на царя сглаза или порчи, которая могла распространиться и на весь народ, приведя к национальным бедам. Как следствие — табу на выезд из дворца, практика изоляции царской семьи, известная в Японии, Китае, Эфиопии, Мексике, Риме, Ирландии. В.Я. Пропп, изучая русские сказки, также обнаруживает в них отголосок подобных обычаев, обращает внимание на типичные сюжеты запирания царями своих детей в тайных комнатах или подземных палатах[847]. Любопытно, что одним из табу, распространяемых на царских дочерей в русском фольклоре, был запрет на общение

[844] Там же. Л.481–481(об).

[845] Там же. Л. 107, 484.

[846] *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 2010. С. 182.

[847] *Пропп В.Я*. Исторические корни... С.134–136.

с мужчинами[848]. Поэтому неудивительно, что активная благотворительная деятельность дочерей Николая II в среде неграмотной части населения, сохранявшей пережитки архаического мировоззрения, воспринималась неоднозначно.

Летом 1915 г. в Хабаровске возвратившийся с войны солдат произнес: «У нас идет везде бл*дня в Петроградском Дворе, да и княжны тут же»[849]. Несмотря на всяческие усилия по патриотической саморепрезентации власти, в частности, официальные сообщения о создании в Зимнем дворце лазарета для военнослужащих имени цесаревича Алексея Николаевича, крестьяне только еще больше убеждались в том, что Дворец — это средоточие разврата. Примечательны в этом плане слухи, по жанру относившиеся к политической порнографии. В одном из них, переданном в октябре 1914 г. на мельнице во время разговора крестьян о царе, речь велась о нравах столичного общества и, в частности, о практике посещения некоего музея (возможно, его прототипом выступал Эрмитаж, соединенный с Зимним дворцом). Имея весьма смутные представления об этом заведении, но зная по рассказам, что в музее есть «голые бабы», мужицкое сознание нашло прагматичный ответ на вопрос, что они там делают: «Ходит он царь в свой музей, там женщин ставят на кресла и сзади их употребляют, а когда таких женщин не находится, тогда мать государя тоже приходит туда и ее употребляют сзади желающие»[850].

Нарушение архаичных стереотипов царской поведенческой саморепрезентации приводила к появлению слухов об исчезновении Николая. Так же, как и первая поездка за границу русского царя Петра I породила после его возвращения слухи о его подмене, так и в XX в. разъезды Николая II приводят к появлению схожего мифа[851]. В распространенных среди крестьян слухах об исчезновении царя можно обнаружить эсхатологические мотивы. Один из них

[848] Цит. по: *Пропп В.Я.* Исторические корни... С. 135.

[849] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 484.

[850] Там же. Л. 83 (об)–84.

[851] Там же. Л. 99 (об)–100.

особенно интересен присутствием фольклорного сюжета о бегстве Николая по тайному подземному ходу. В августе 1915 г. крестьянин Вятской губернии Иван Машковцев рассказывал своим односельчанам: «У нас Николка сбежал; у нашей державы есть три подземельных хода в Германию и один из дворца, быть может туда уехал на автомобиле. У нашего государя родство с Вильгельмом»[852]. В данном случае помимо рационального пласта слуха — родства Николая II с германским императором, — обнаруживаются сказочные аллюзии к апокалиптическому мотиву исчезновения царя.

Сказочный срез этой истории представлен тремя ходами как тремя дорогами, которые ведут героя «за тридевять земель, в тридесятое царство — иншее государство». Тридесятое царство, согласно исследованиям Проппа, есть аллегория потустороннего мира[853]. На это же указывает прилагательное «иншее» — иное, вместо которого иногда дается географический ориентир «за огненной рекою», т. е. в потустороннем мире.

Показательно, что царь отправляется в «иншее государство» не по одной из трех дорог, а едет своим собственным, доступным только ему четвертым подземным путем, избегая тем самым сказочного выбора-испытания «направо пойдешь — коня потеряешь…», который был обязательным для положительного героя. Архетип подземного хода, как и «тридесятого царства — иншего государства», носит тот же потусторонний характер, являясь проходом между двумя мирами: в сказке о Елене Премудрой Иван попадает через подземный ход в подземный мир к шестиглавому змею (огнедышащий змей — возможная персонификация огненной реки), подземный ход также выступает аналогом пещеры глубокой, в которой живет Змей Горыныч в былине о Добрыне Никитиче и пр. Любопытно, что семантика подземного хода-пещеры связана как с христианским мотивом разверзания земли, землетрясения, предшествующего Апокалипсису, так и с семантикой матерной брани. Церковь, борясь с матом как пережитком языческого прошлого, использовала в качестве аргументации

[852] Там же. Л. 261 (об)–262.

[853] *Пропп В.Я.* Исторические корни... С. 360.

суеверия, согласно которым от мата разверзается земля. Кроме того, в духовных стихах о Страшном суде атрибутом последнего, помимо землетрясения, являлась огненная река: «Да будет последнее время: / Тогда земля потрясётся, / И камени все распадутся, / Пройдёт река огненная, / Пожрёт она тварь всю земную. / Архангелы в трубы вострубят / И мёртвых из гробов возбудят: / И мёртвые все восстанут…»[854]. В итоге выстраивается семантическая последовательность топографически связанных архетипов: подземный ход — огненная река — тридесятое-иншее государство. Из последнего и восстают мертвые в день Апокалипсиса согласно приведенному стиху. Таким образом, мифологические представления народа о топографии Ада, сохранившиеся в волшебной сказке, проявились в интерпретации слухов о бегстве императора.

Обращают на себя внимание отдельные обороты речи крестьян, имевшие ярко выраженные религиозные корни и использовавшиеся в адрес определенных персонажей. Так, по отношению к императрицам (как вдовствующей, так и супруге Николая) в доказательство их предательства использовался оборот «плачет когда …, радуется когда …». В ноябре 1914 г. в Минской губернии 28-летняя Мария Барановская (дворянка) произнесла в адрес Александры Федоровны: «Наша государыня плачет, когда русские бьют немцев, и радуется, когда немцы побеждают», в начале 1915 г. 42-летний крестьянин Владимирской губернии сказал о царице: «Она радуется, когда бьют наших и плачет, когда бьют врагов», то же твердили в Ярославской губернии, но о вдовствующей императрице: «Когда русских солдат бьют, то радуется, а когда наши бьют германцев, то плачет»[855]. Широкое распространение данного оборота речи в разных губерниях и представителями разных сословий свидетельствует о единых архетипических истоках выражения.

В трудах М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, В.Я. Проппа, О.М. Фрейденберг оппозиция «смех–плач» рассматривается как архетипическая, имеющая

---

[854] Цит. по: *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. М., 1994. С. 80.

[855] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 97–97(об), 107, 170–170(об).

непосредственную связь как с языческой культурой, так и с христианской[856]. В.Я. Пропп, разбирая природу крестьянских представлений о веселье, сделал очень меткое замечание: «Если нельзя представить себе смеющимся Христа, то дьявола, наоборот, представить себе смеющимся очень легко»[857]. Описание смеющегося над человеческим горем дьявола было характерно для древнерусской оригинальной письменной традиции. Так, в Повести временных лет мы обнаруживаем оппозицию «плачет–смеется» в пересказе ветхозаветных легенд: «Адам и Ева плакали, а дьявол радовался», а также при комментировании некоторых событий русской истории[858].

Вероятно, одним из первых данный оборот употребил в своих поучениях причисленный к лику святых Константинопольский архиепископ Иоанн Златоуст. В его поучении о сквернословии были следующие слова: «О таком человеке, не удержавшемся от проклятого матерного слова, Ангел хранитель плачет, а дьявол — радуется». Русская церковь, активно боровшаяся с матерными выражениями как пережитком языческого прошлого, использовала для этого все возможные ресурсы. Матерная брань преподносилась в качестве козней дьявола, и оппозиция «плачет — смеется (радуется)» подчеркивала демонические истоки обсценной лексики. Вместе с тем матерщина несла в себе важное коннотирующее значение в крестьянском политическом дискурсе. Однако и в ней необходимо различать идиоматические выражения, выступавшие оборотами речи, усиливающими экспрессивность, и сознательное употребление матерного оскорбления в тот или иной адрес. Правда, нередко два этих значения сливались.

---

[856] См: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984; *Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М., 1999; *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

[857] *Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха… С. 26.

[858] См.: Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Л., 1926.

Помимо обсценного характера матерная лексика играла роль магических заклинаний в культуре крестьянской повседневности. Матерные выражения применялись как заговор от нечистой силы, для исцеления человека, так и, наоборот, использовались с целью наведения порчи, проклятия. Подкрепленные жестами, они формировали определенный ритуал, в котором проявлялся крестьянский политический дискурс. Примечательно, что связанный с православной традицией иконопочитания, предусматривавшей отождествление образа и первообраза и допускавшей возможность воздействия на изображаемого через изображение, ритуал был следствием в том числе и особенностей иконического визуального мышления крестьян[859]. В составленном в феврале 1916 г. протоколе по поводу осквернения портрета государя читаем: «На портрете изображены государь император, государыня императрица и великие княжны: Ольга, Татьяна и Мария Николаевны, причем на местах глаз, носа, рта у всех дыры; на груди государя императора также дыры, а на руках государыни и великих княжон проколы. Портрет внизу на лицевой стороне слегка испачкан кровью, а на обратной стороне — большие кровяные пятна»[860].

Выкалывание глаз на царских портретах было распространенной формой проявления отношения крестьян к власти. Само по себе ослепление в религиозной структуре народного сознания означало божью кару, и, наоборот, евангелический сюжет возвращения слепцу зрения — схождение на него благодати. Многие крестьяне, не сомневаясь в том, что царь заслуживает наказания, делали выводы: «Никакого бога нет, а если бы был бог, то Николку … ослепил бы»[861]. Крестьянин Самарской губернии 26-летний Андрей Правдин в январе 1916 г., явившись в дом крестьянки Юрьевой и увидев висевший на стене

[859] Более подробно о визуальном мышлении крестьян см.: *Аксенов В.Б.* Убить икону: визуальное мышление крестьян и функции царского портрета в период кризиса карнавальной культуры 1914–1917 гг. // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 6. — Київ: Інститут історії України, 2012. С. 386–410.

[860] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 114.

[861] Там же. Л. 141(об).

групповой портрет императора, императрицы и цесаревича, выколол оба глаза императору и один глаз наследнику, после чего произнес: «Два слепца, третий поводильщик»[862].

Но есть другая семантика слепоты, уходящая в архаичные обряды инициации и связанная с переходом в мир мертвых: заклеивание/замазывание глаз неофитам. В русских сказках обитатели поту- и посюстороннего мира слепы по отношению друг к другу, условием же перехода героя в иной мир является его временное ослепление[863]. В делах по статье 103 Уголовного уложения встречаются случаи, когда крестьяне угрожали заклеить или заклеивали глаза на изображениях государя почтовыми марками[864]. Семантика ослепления, таким образом, связывается с отправкой объекта в мир мертвых, выступает ритуальной формой народного проклятия-убийства изображенного и может быть интерпретирована в качестве дискурсивного высказывания — пожелания императору отправиться в ад (пойти к черту).

Смерть императора мыслилась в качестве единственно возможного предотвращения эсхатологических последствий. Упомянутый «благонадежный» астраханский извозчик Поляков, обещавший «всадить нашему царю осиновый кол в задницу», объяснял это тем, что он «всю Россию и нас мучит»[865]. Во время отступления русской армии летом 1915 г., когда в среде крестьян зазвучал вопрос о заключении мира, грамотный крестьянин Казанской губернии Порфирий Яковлев на вопрос, что пишут о мире, ответил: «Какой тебе мир. Скоро будет Всероссийское собрание, проберут государя императора и наследника, затем их кончают (убьют), а правительство сожгут. Как Иисуса Христа распяли, так и распнут государя императора и наследника, после чего жить станет легче»[866]. Любопытно, что сравнение императора с распятым

[862] Там же. Л. 465(об)–466.

[863] *Пропп В.Я.* Исторические корни... С. 167.

[864] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 25–25(об).

[865] Там же. Л. 178.

[866] Там же. Л. 278(об).

Иисусом не означало наделение самодержца святостью, но было использовано в качестве яркого образа переломной вехи, должной ознаменовать конец прежней, несчастной жизни и начало новой эпохи.

Учитывая, что сюжеты политического дискурса крестьян коррелируются с сюжетами русских сказок, можно предположить, что морфология политического дискурса была таким же образом связана с морфологией русских волшебных сказок. Согласно В.Я. Проппу, народные волшебные сказки строились по общим принципам, имели типичную внутреннюю структуру, включавшую в себя ряд общих сюжетов, образовывавших связное повествование. Основные морфологические элементы сказочной композиции Пропп выводит из функций главных персонажей, в результате чего насчитывает 31 сказочный сюжет, в каждом из которых отмечается несколько вариантов развития[867]. Кратко их можно обобщить в следующей схеме: описание исходной ситуации (жили-были), запрет-наставление главных героев (не делай того-то), нарушение запрета и начало козней антагонистов, путешествия героя (завершается приобретением волшебных вспомогательных средств), победа над антигероем и начало новой жизни. Сюжеты-функции представляли собой определенные модели поведения, в фольклоре они взаимозаменялись, переставлялись местами, вследствие чего становилось возможным не только появление разных вариантов одной сказки, но и рождение новых типов.

Заметим, что сами крестьяне признавались, что воспринимают свое участие в войне как сказку: «Сколько, бывало, я сказок слушаю, об одном жаль, что не так в жизни бывает. На войне же я сказок понасмотрелся собственными глазами: и разбойники-то, и сироты замученные, и воскресших сколько, и мертвые стоят, — чего только, чего нету. Чистая сказка, да только больно уж страшная»[868].

К сожалению, обнаруженные сказочные сюжеты в крестьянском политическом дискурсе не позволяют собрать воедино все морфологические

[867] *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 1998. С. 23–51.

[868] *Федорченко С.* Народ на войне… С. 74.

элементы сказки, но это и не нужно: в отличие от аутентичных сказок, сказка о царе и мировой войне функционировала в виде метадискурса, была представлена распыленными, не связанными местом и временем высказываниями крестьян о власти, однако типичные сказочно-архетипические формы коннотаций слухов, в основе которых порой лежали реальные события, свидетельствуют об общих для крестьян способах интерпретации политической информации и рождении композиционно связанного повествования, что позволяет предпринять попытку реконструкции «сказки о царе и войне».

Примечательно, что сам состав семьи Николая II способствовал интерпретации его жизни в сказочном контексте: как в большинстве сказок при описании исходной ситуации упоминаются три брата или три сестры, так и крестьянский политический дискурс обращает внимание на трех дочерей императора (забывая, вероятно по причине несовершеннолетия, о четвертой, младшей из них — царевне Анастасии). Кроме того, в народной среде был широко известен портрет императорской четы с тремя дочерьми, созданный до рождения Анастасии и наследника Алексея. Любопытно, что Алексей редко фигурировал в крестьянских политических высказываниях, а если упоминался, как с эпитетом «хромой» (т. е. больной). Крестьяне, слышавшие о врожденной болезни цесаревича, скорее сочувствовали ему и, считая больным-хромым, не наделяли ни чертами главного героя, ни его антагониста, частые же пожелания смерти определялись ненавистью к его отцу.

Как уже было отмечено, завязкой сказочного конфликта становилось неудавшееся сватовство. Упоминание в крестьянском дискурсе «министров-сволочей», которые куда-то ездили, после чего началась война, позволяет интерпретировать данный сюжет в качестве следующего важного морфологического элемента сказки — козней антигероя. Этот антигерой, находящийся при дворе и манипулирующий императором, соответствует сказочному «ложному герою». Часто в сказках роль ложного героя отводится злой мачехе, однако встречаются варианты, когда и родные родители выступают отрицательными персонажами и стараются сгубить своих детей. При отсутствии в семье

российского императора мачехи ее сказочная роль переходит к императрице-матери Марии Федоровне или императрице-супруге Александре Федоровне. Антагонисты, по мнению крестьян, либо шпионили в пользу Германии, либо вели дискредитирующий царскую династию распутный образ жизни (прикидываясь сестрой милосердия, царица вывозит своих дочерей из дворца и развращает их). Царь-дурак, лежащий на печи и не видящий того, что творят под его носом ложные герои, наделяется отрицательными характеристиками и, по логике сказочного нарратива, должен быть либо изгнан (слухи о бегстве по подземному ходу), либо убит (слухи о покушениях). Третьим обобщающим вариантом окончания сказочной роли Николая выступает его ослепление, семантически связанное со смертью и попаданием в ад. Правда, в других вариантах этого сказочного дискурса царь выступал главным антигероем (слухи о том, что Николай — это царь-Ирод, Антихрист), отправлявшим своего слугу на смертельные испытания. В сказках этот сюжет также заканчивался победой простоватого Иванушки-дурачка над злым царем.

Главная недостающая деталь сказочного дискурса — отсутствующий главный герой-протагонист, вследствие чего ряд сказочных функций-сюжетов не обнаруживается. Можно предположить, что им мыслился сам народ, тем более что в слухах проскальзывали известия о попытках матросов или солдат убить царя. Вероятно, и мотив странствий этого собирательного героя-народа косвенно обнаруживается в событиях Первой мировой войны, на полях которой, по-видимому, и должна была состояться встреча героя и антагониста, завершавшаяся убийством последнего (угрозы крестьян пойти на войну лишь с целью убить Николая). Отмеченное в начале статьи уважение крестьян к странникам как к людям «бывалым» состоит в известной корреляции с архетипом бывалого солдата — героя русских сказок.

Помимо реконструированной сказки «о царе и мировой войне» нельзя не упомянуть о том, что в народе ходили сказки на конкретные сюжеты современности. Крестьяне называли их «наиновыми сказками» — весьма удачное название, учитывая их одновременно новый и наивный характер. В этих

сказках нередко героями становились известные персонажи. Крестьяне в тылу склонны были героизировать солдат, а сами солдаты в 1917 г. попытались найти другого кандидата на роль сказочного положительного героя. Им становится разрекламированный антимонархической пропагандой Григорий Распутин. Солдатская молва слагает наиновую сказку о царе с его участием: «Жили-были царь с царицей. Всего у них через силу много. Соскучились с перебытков разных. „Подавай ты нам, — говорят, — во дворец царский сермяжного самого мужика со смердьими словами. А то князья-графы нам до некуда тошны стали“. Вот и пришел Гришечка и так их царские утробы распотешил, что уж всего им для Гришечки того мало: „Гадь, Гришечка, на наши царские головы“. Призавидовали тут графы и князи, Гришечку заманили и убили. А чудо было — царя с престола свалило»[869].

М.М. Бахтин, изучая европейскую смеховую культуру средневековья, пришел к выводу, что бранная лексика и акты, связанные с дефекацией, суть метафорическое ниспровержение сакрального «верха» до телесно-профанного «низа»[870]. Примечательно также, что испражнения играли большую роль в распространенных в Европе праздниках глупцов (представленными в русской традиции скоморошьими травестиями), что архетипически оправдывает мотив дефекации на голову царя-дурака. Образ испражняющегося на царя и царицу Распутина соответствовал также и сказочному персонажу мужика-простака, благодаря природной хитрости обманывающего глупого царя. Не случайно акт дефекации в сказке логически связан с произошедшим после этого чудом — «царя с престола свалило». Дефекация на царя, таким образом, являясь метафорой профанации сакрального, выступает ритуальной формой свержения самодержца.

Показательно, что костромские крестьяне, узнав об убийстве Распутина, наделили его статусом народного мученика: «Он был из народа; он доводил до царя голос народа; он защищал народ от придворных — и вот придворные

[869] *Федорченко С.* Народ на войне... С. 87–88.

[870] См.: *Бахтин М.М.* Франсуа Рабле...

его убили»[871]. Те же самые разговоры записала со слов раненых солдат и С. Федорченко: «Сказывали, от народа будто Распутин к царю приставлен был всю правду говорить. Не простой люд его извел», «У нас разно про того Распутина знали. Кто и за святого считал. Сказывали, будто один он правду царям говорил. За то будто и убили его вельможи»[872].

Неудивительно, что народные фантазии приписали Гришке и царское происхождение: после убийства Распутина стали говорить, что он являлся сыном сибирского старца Федора Кузьмича (Александра I), а царевич Алексей был его сыном[873].

Тем не менее, несмотря на архетипические мотивы в сказке о царе и Гришке, стать подлинным героем Распутину не позволил ряд факторов: это и убийство, произошедшее ранее «финала» всей сказки; нераспространенность упоминаний о нем в крестьянском политическом дискурсе до 1917 г.; общая негативная оценка Распутина как царского приспешника, символа грехопадения двора. «Сперва-то он хорошо будто народу служил, да переманили его баре, золотом купили, и на баб обласел. Вот и продал он народ, хоть и наш был, серый человек», — объясняли солдаты грехопадением конец Распутина[874]. В результате приведенная сказка про Гришку может рассматриваться лишь в качестве более позднего исключения формировавшегося сказочного дискурса.

Следует заметить, что использование литературных дискурсов как интерпретационных моделей было характерно и для деревни, и для города. Если необразованные или малообразованные крестьяне в качестве когнитивной модели использовали народную сказку, то образованные слои также находили себе тексты, с помощью которых наполняли смыслом новую фронтовую повседневность, — как правило ими становились известные литературные

[871] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 716.

[872] *Федорченко С.* Народ на войне… С. 88.

[873] *Паскаль П.* Русский дневник… С. 147.

[874] *Федорченко С.* Народ на войне… С. 88.

произведения. Так, Пол Фассел выделяет роман Дж. Баньяна «Путь паломника», который формировал у британских солдат своеобразные смыслы войны в религиозно-мистическом ключе[875]. В дневниках некоторых русских офицеров встречались упоминания героя популярного в России писателя Кнута Гамсуна лейтенанта Глана[876]. Показательно, что Глан, тяготясь бессмысленностью своего существования, ищет и находит свою смерть. Первая мировая война предоставила современникам, поставив их лицом к смерти, возможность переосмыслить свою жизнь и свои ценности.

Таким образом, мы видим, что в крестьянском политическом многоголосии периода Первой мировой войны обнаруживается пласт близких по семантике и форме высказываний, складывающихся в единый дискурс. Его полифоническая структура, связанная с архетипическими стереотипами, религиозно-идеологической пропагандой, распространяемыми странниками слухами соответствовала уровням массового сознания и определяла интерпретацию актуальных событий. Отдаленность крестьянского мышления от рациональной текстовой культуры наделяла фольклорно-архетипические модели особенным значением, в результате чего период военных неудач и хозяйственный кризис в империи рассматривался крестьянами в соответствии с эсхатологическими представлениями как божья кара за царские прегрешения. Массовость подобных воззрений проявилась в формировании метадискурса, в основу которого легли высказывания, семантически и стилистически связанные с народной сказкой, которая в традиционной культуре несла важную дидактико-социализирующую функцию. В соответствии со сказочным фольклором для преодоления бедствий необходимо было наказать или устранить основных

[875] *Фассел П.* Великая война и современная память. СПб., 2015. С. 188.

[876] К. Гамсуном увлекались и революционеры, в частности, один из членов Боевой Организации эсеров Б.В. Савинков (Три брата (То, что было): Сборник документов / Составители, авторы предисловия и комментариев К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова. М., 2019. С. 205). Полковник А.Е. Снесарев читал на фронте «Мистерии» К.Гамсуна: *Снесарев А.Е.* Дневник 1916-1917. М., 2014. С. 42.

антигероев, однако жизнь в итоге оказалась куда более жестокой, чем сказка. Если по логике последней погрязшие в разврате (оказавшиеся в беде) по вине ложного героя-антагониста царские дети должны были быть спасены героем, который в результате этого становился царем, то в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. они вместе с родителями-антигероями были расстреляны в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге по решению Уральского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

3. Поиски внутренних врагов: от антинемецких настроений к слухам о предательстве в верхах

В теории патриотизм описывается в позитивной терминологии, в которой акцент делается на чувстве любви, но на практике, особенно во времена войн и революций, чувство любви сменяет противоположное чувство ненависти. Исследователи неоднократно обращали внимание на то, как важно для поддержания патриотической сплоченности общества создать простой и понятный образ врага, однако опасность заключается в том, что массовое сознание очень легко от реального врага внешнего переключается на поиск вымышленных врагов внутренних. Последнее грозит расколом общества и может быть симптомом приближающейся гражданской войны. Собственно, в 1917–1922 гг. разделение граждан России на «своих» и «чужих», проводившееся в красной и белой пропаганде, проникавшее на уровень бытового сознания людей, во многом выступало движителем Гражданской войны. Однако опыт ненависти был приобретен современниками задолго до революции 1917 г.

В политических исследованиях XXI в. все больше внимания уделяется роли положительных и отрицательных эмоций. В 2016 г. Оксфордский словарь английского языка назвал словом года понятие «постправда». Он получил развитие благодаря публикации в 1992 г. эссе Стива Тесича «Правительство лжи», в котором на примере «Уотергейтского», «Ирангейтского» и «Ирако-

Кувейтского» кризисов проиллюстрировал тезис о том, что ложь американского правительства в этих случаях опиралась на желание самого общества быть обманутым во имя психологического комфорта (чувства национального самоуважения)[877]. Тем самым массовое сознание отторгало правду, предпочитая ей пропагандистские мифы, которые соответствовали эмоциональным потребностям. Страх перед «чужим», лежащий в основе ксенофобии, таким образом, может появляться не только перед лицом опасности физического уничтожения, но и морального дискомфорта. Роль эмоций в принятии политических решений была изучена в оригинальном экспериментальном исследовании Дрю Уэстона «Политический мозг. Роль эмоций в решении судьбы нации», показавшем, что поведение избирателей во многом определяется не наличием рациональной информации, а «сменой компаса от националистической гордости и надежды к гневу и беспокойству»[878]. За последние несколько лет на эту тему вышли публикации Дж. Стейгер, А. Цветкович, А. Рейнолдс, С. Томпсона и П. Хоггета, М. Нассбаум, Н. Демертзиса, Д. Леммингса и А. Брукс, Н. Уолфа и др.[879] Российские политологи также приходят к осознанию необходимости изучать эмоциональную атмосферу общества, указывая, что «отсутствие “психологической начинки”… делает политическую аргументацию неубедительной»[880]. Современная историография показывает, что

[877] *Tesich S.* A Government of Lies // The Nation. 1992. Vol. 254. January 6/13.

[878] *Weston D.* The Political Brain. The Role of Emotions in Deciding the Fate of the Nation. New York, 2008.

[879] Political Emotions. Ed. by J. Staiger, A. Cvetcovich, A. Reynolds. Routledge, 2010; *Thomson S., Hoggett P.* Politics and the Emotions: The Affective Turn in Contemporary Political Studies. Bloomsbury Academic, 2012; *Nussbaum N.* Political Emotions: Why Love Matters for Justice. Belknap Press, 2013; Emotions in Politics: The Affect Dimension in Political Tansion. Ed. by N. Demertzis. Palgrave Macmillan UK, 2013; Emotions and Social Change: Historical and Sociological Perspectives. Ed. by D. Lemmings and A. Brooks. Routledge, 2014; *Wolff N.* Not Quite Hope and Other Political Emotions in the Gilded Age. Oxford University Press, 2019.

[880] *Урнов М.Ю.* Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования. М., 2007. С. 17.

патриотизм является эмоциональным феноменом, основанным на взаимосвязанных положительных и отрицательных эмоциях.

В советской историографической традиции термин патриотизм применительно к событиям лета-осени 1914 г. заменялся на шовинизм, источником которого считалась как государственная пропаганда, так и мелкобуржуазное сознание обывателей. Современные историки чаще говорят о национализме как политических практиках. Оригинальную концепцию предложил американский историк Эрик Лор, который по аналогии с «военным коммунизмом» ввел в научный оборот термин «военный национализм». По мнению автора, инициированные властями кампании по выселению подданных враждебных государств, массовые депортации евреев из прифронтовой полосы, борьба с экономическим и культурным «немецким засильем» – все это складывалось в систему государственных чрезвычайных мероприятий как национально-имперских практик[881]. Следует заметить, что хотя формально никакой единой программы «военного национализма» не было, отдельные заявления и действия военных и гражданских властей, общественных деятелей, а также массовые стихийные акции обывателей создают впечатление согласованности и системности мероприятий «верхов» и «низов». Однако при более детальном изучении проблемы здесь обнаруживается не столько организованное, сколько стихийное начало: заражение массового сознания вирусными раздражителями (как, например, страх перед тайными темными силами) обуславливает типичные реакции и стереотипное поведение его носителей. Не случайно, что у современников, наблюдавших за массовыми погромами, постоянно было ощущение, что толпой кто-то управляет. Публичные эмоции обладают способностью организации масс, пробуждают стадные чувства. Князь В.А. Оболенский вспоминал поведение патриотических толп в начале войны: «Никто не задумывался над тем, куда именно мы направляемся. То же стихийное чувство, которое погнало нас на улицу, в толпу, руководило теперь всей толпой. У всех

[881] *Lohr E.* War Nationalism // The Empire and Nationalism at War. Bloomington, Indiana, 2014. P. 97.

была потребность объединяться с возможно большим числом своих сограждан, а потому направлялись мы к центру города, а не на его периферию»[882].

Начало войны естественным образом спровоцировало рост антинемецких настроений, отразившихся в слухах о германском шпионаже. Петербуржцы отмечали, что в первые дни войны «как-то странно сильно» стали говорить о шпионах. У всех на устах была фамилия графини Клейнмихель, «у которой, будто бы, был политический салон, где немцы почерпали много нужных сведений»[883]. Рассказывали, что ее арестовали, а также и бывшего градоначальника Д.В. Драчевского (вероятно, поводом к слухам послужила его отставка в июле 1914 г. из-за растраты денежных средств), которого якобы тут же расстреляли. Находились очевидцы расстрела[884].

Поэт и писатель М. Кузмин с некоторым пренебрежением встретил начало войны и игнорировал на страницах своего дневника военные и политические сюжеты, но после того как 14 августа 1914 г. его знакомый показал ему немецкие политические карикатуры, записал в дневнике: «Не шпион ли? Слухи самые плохие»[885]. Симптоматично что Кузмин, страдавший от гомофобии окружающих, в том числе своего сына, который не мог смириться с гомосексуальностью отца, жаловавшийся, что за ним установлен «духовный шпионаж», сам поддался германофобии и шпиономании (впрочем, другой волновавшей его темой был «жидо-масонский заговор»).

Толпы «патриотов» выражали свои верноподданнические чувства разгромом немецких торговых заведений. В провинции малообразованные обыватели нередко принимали за немецкие магазины представительства датских фирм. Часто доставалось русским голландцам, особенно в случае, если они не

---

[882] *Оболенский В.А.* Моя жизнь… Т.2. С. 75.

[883] *Спиридович А.И.* Великая Война и Февральская революция... С. 17.

[884] Там же.

[885] *Кузмин М.* Дневник 1908-1915 /Предисловие, подг. текста и комментарии Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб., 2009. С. 470.

забывали своего языка, который был созвучен германскому[886]. Помимо естественных для войны страха и отвращения к врагу пропаганда искусственно разжигала ненависть к немцам, фабрикуя свидетельства их зверств в отношении мирного населения. Одним из самых известных примеров стала «Черная книга германских зверств», выпущенная уже в 1914 г. под редакцией «доктора» М.В. Головинского — сотрудника Охранного отделения, которому многие историки приписывают авторство известной фальшивки — «Протоколов сионских мудрецов»[887]. Истории о зверствах немцев подхватывались периодической печатью и быстро распространялись по России. Заголовки «Немецкие зверства» пестрели в газетах и журналах, появлялись на эту тему и постоянные рубрики. В мае 1915 г. в газете «Киев» появилась статья на «беспроигрышный» для пропаганды сюжет, как немцы-звери насиловали беззащитную русскую медсестру[888]. На статью обратили внимание в Департаменте полиции, посчитав, что она может иметь негативные последствия для внутренней жизни[889].

Для выяснения достоверности всех этих сведений в мае 1915 г. начала работу Чрезвычайная следственная комиссия, которая за все время работы разобрала около 20 000 дел. Однако в качестве этого разбора исследователи сомневаются, указывая, что за одно заседание члены ЧСК умудрялись рассмотреть 100–300 случаев[890]. Основным источником информации для комиссии стали

---

[886] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 39.

[887] Впрочем, есть и другие версии. Так, Л.В. Бибикова, считая недостаточно убедительными главные показания против Головинского С.Г. Сватикова, склонна усматривать истоки «Протоколов» в деятельности не «Охранки», а черносотенных публицистов начала XX в. См: *Бибикова Л.В.* С.Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов» // Российская история. 2018. № 5. С. 141–157.

[888] Киев. 1915. 18 мая.

[889] ГА РФ. ДП-ОО. Ф. 102. Оп. 245. Д. 33. Т. 3. Л. 156.

[890] *Асташов А.Б.* Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 40.

рассказы раненых солдат, беженцев, военнопленных, сведения, полученные из иностранной печати. А.Б. Асташов отмечает, что убедительных документов, подтверждающих зверства немцев по отношению к мирному населению, найдено не было[891]. И. Зырянов рассказал, как готовились соответствующие газетные разоблачения на основе показаний раненых воинов. Лазареты прифронтовой полосы ежедневно осаждались журналистами, которые за те или иные подарки выпытывали у раненых нужную информацию. Последние, понимая, чего от них ждут, не скупились на «истории»: «Солдаты добродушно курят папиросы, уплетают за обе щеки шоколадные плитки и в знак признательности врут корреспондентам в три короба о своих подвигах, о немецких зверствах»[892]. Однако не все свидетели шли на сознательное утрирование или искажение фактов. Многие беженцы, впервые попавшие под артиллерийский обстрел и во время паники потерявшие ориентацию в пространстве, искренне верили в то, что немцы стреляют по мирным жителям, а не по расположенной поблизости воинской части.

Одна из самых резонансных историй была связана с капитуляцией города Калиш 20 июля 1914 г. Пропаганда описывала, как немцы из мортир обстреливали мирный город и расстреливали из пулеметов женщин и детей. В реальности ситуация была несколько иной. После того, как немцы без боя вошли в город и взяли управление в свои руки, среди солдат началась попойка, во время которой произошла стрельба. В начавшейся панике начали обстреливать из пулемета окна домов, так как показалось, что это мирные граждане открыли стрельбу. Чтобы прекратить пьянство и разложение солдат, на следующий день было принято решение выйти из города, но на этом беды не прекратились. Ревизор Калишско-Петроковского акцизного управления З.И. Оппман, чьи показания использовались в качестве обвинения немцев в зверствах,

[891] Там же.

[892] *Арамилев В.* В дыму войны… С. 137.

сообщал, что именно паника среди немецких солдат толкнула их на беспорядочную стрельбу[893].

В ноябре 1915 г. появился очередной «памфлет», обличающий немецкие зверства, авторства известной «исследовательницы» мирового масонского заговора (иудейско-английского происхождения) графини С.Д Толь (урожденной Толстой) «Причины осатанения немцев: историческая справка». Теперь к англичанам и иудеям присоединялись немцы, а истоки немецкого масонства Толь обнаруживала в Реформации. Писательница шла дальше Головинского и перечисляла самые жуткие истории о немцах, ходившие в обществе: как расстреляли семилетнего бельгийского мальчика за то, что он пригрозил немецким солдатам деревянным игрушечным ружьем, как у бельгийских мальчиков отрезали правую руку, чтобы они, когда вырастут, не смогли держать ружья, как на глазах матерей подбрасывали на штыках грудных младенцев, как насиловали маленьких девочек и затем отрезали им обе руки и пр.[894] По мнению Толь, растлевающее влияние масонства привело к развитию у немцев «сатанинской гордыни», а самого Вильгельма II сделало параноиком и неврастеником. Как отмечают исследователи, дегуманизация и демонизация врага являются важной составляющей патриотической пропаганды, снимающей с солдата моральную ответственность за убийство неприятеля, однако побочные эффекты этой стратегии давали о себе знать в психологическом климате тыла, способствуя невротизации общества.

Кроме описания немецких зверств на театре военных действий доставалось и «внутренним немцам». «Московский листок» писал, что в торговом доме «Мандль и К» заведующий Отто Блюме призывает своих русских служащих свистом, как собак[895]. Периодическая печать публиковала абсурдные слухи, часто основанные на банальном невежестве, однако в новых

[893] Русская армия в Великой войне: Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М., 1942. С. 13.

[894] Голос Руси. 1915. 23 ноября.

[895] Московский листок. 1914. 9 августа.

психологических условиях сознание городских обывателей как будто блокировало навыки критического восприятия информации. Так, в сентябре 1914 г. «Петроградский курьер», «Русский инвалид», «Русское знамя», а также некоторые провинциальные газеты, опубликовали «историю» отъезда из России некой гувернантки Эльзы Шютгоф. Когда она собирала вещи у нее обнаружились запасы свинцовой бумаги из-под конфет: якобы она ее собирала и переправляла в Германию, где из бумаги отливали пули[896].

Проявлялась и скрытая ненависть к представителям власти, носившим немецкие фамилии. Так, в первые месяцы войны перед дворцом тверского губернатора Н.Г. фон Бюнтинга несколько раз собиралась толпа, кричавшая «Долой немца, долой предателя!»[897] Начальник Тверского жандармского управления собирался сообщить об этом в Петербург, но губернатор не позволил[898]. Впоследствии в Твери постоянно циркулировали слухи о предательстве губернатора, якобы он с женой собранные по благотворительности вещи отправляет в Германию, переживает за своих раненых немецких родственников, что в конце концов привело к его убийству толпой 2 марта 1917 г.

Страх перед «внутренним немцем», врагом порождал бытовую подозрительность и агрессию, поэтому неудивительно, что патриотические акции часто оборачивались хулиганскими выходками. 10 октября 1914 г. патриотическое празднование, посвященное победам русской армии, перетекло в Москве в первый погром, в котором пострадали немецкие магазины и их служащие. Особенно долго продолжался разгром магазина «Мандль», что привело к прекращению трамвайного движения[899]. Петроградский городской голова

---

[896] Русский инвалид. 1914. № 208. 21 сентября; Минская газета-копейка. 1914. 29 сентября.

[897] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 318.

[898] Отчеты начальников губернских жандармских управлений, поступавшие в столицу, рисовали противоречивую картину общественных настроений. В ряде случаев можно говорить о стремлении приукрасить ситуацию и замолчать факты непатриотичного поведения местных жителей.

[899] Московский листок. 1914. 11 октября.

И.И. Толстой записал по поводу развившейся в прессе германофобии: «Вообще наша цензура совершено нелепая, и правительство не осознает, что, поощряя травлю немцев известного рода газетами, оно играет в опасную игру чисто демагогического свойства, забывая, что палка о двух концах»[900]. Замечание о палке о двух концах оказалось пророческим, и начатая война с выдуманным «внутренним врагом» в конечном счете обернулась против власти.

В.Л. Дьячков и Л.Г. Протасов отметили, что ненависть к «внутреннему врагу» оказалась сильнее, чем к внешнему. Исследователи объяснили это тем, что образ врага в массовом сознании складывался на опыте и примере прошлых войн с представителями более далеких в культурном отношении народов от русских — турок и японцев, «понять же, за что надо заставить себя убивать немца, мадьяра, чеха, русина, поляка, было труднее»[901]. В то же время ненависть к внутреннему врагу подпитывалась негативно осмысленным опытом прошлой жизни, пережитыми обидами. Ранее уже обращалось внимание на то, что крестьянские доносы в адрес немцев-колонистов, якобы занимавшихся шпионской деятельностью, во многом объяснялись страхом конкуренции с технически более подкованными хозяйствами. Но помимо рационального страха присутствовали и иррациональные фобии, усиленные психологическими особенностями времени.

В Прибалтийском крае германофобия подпитывалась застарелыми национально-бытовыми конфликтами немцев, с одной стороны, и латышей с эстонцами с другой. Первых обвиняли в том, что они игнорировали патриотические манифестации, избегали поставок лошадей в армию. Товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковский специально отправился в Прибалтийский край, чтобы разобраться в ходивших о местных немцах слухах, и отметил их сильную преувеличенность. Так, было

---

[900] *Толстой И.И.* Дневник… С. 581.

[901] *Дьячков В.Л., Протасов Л.Г.* Великая война и общественное сознание: превратности индокринации и восприятия // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 64.

подтверждено лишь два случая уклонения от военно-конской повинности, да и то со стороны латышей. «Поведение местных немцев — писал Джунковский, — носило в общем сдержанный, холодный характер, не выходя за пределы, диктуемые благоразумием и личными интересами»[902]. Департаменту полиции приходилось расследовать многочисленные доносы местных жителей о шпионской деятельности немцев, в том числе с аэропланов, а также о якобы имевших место планах по подрыву стратегических объектов. Товарищ министра внутренних дел, изучив ситуацию на месте, так их прокомментировал: «Все эти слухи возникли на почве чрезвычайной нервности и подозрительности к немцам, являясь иногда отголоском имевших в действительности место, но вполне легальных событий»[903]. Зачастую именно лежащий в основе слуха сильно искаженный и неверно интерпретированный факт обеспечивал слуху массовую распространенность.

Необходимо учитывать и «технологический» аспект шпиономании как политической стратегии. Как отмечают исследователи, борьба со шпионами в Прибалтике была инициирована весной 1915 г. главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем[904]. После дела Мясоедова, с помощью которого удалось подорвать авторитет противника великого князя министра Сухомлинова, главнокомандующий решил собрать компромат на великого князя Кирилла Владимировича, что поручил генерал-майору М.Д. Бонч-Бруевичу. К делу подключилась пресса. Журналист А. Селитренников (псевдоним Ренников) опубликовал брошюру «В стране чудес. Правда о Прибалтийских немцах», в которой рисовал картины массовой измены прибалтийских баронов, объединявшихся вокруг национальных обществ и лютеранских

[902] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 408.

[903] Там же. С. 414–415.

[904] *Хутариев-Гарнишевский В.В.* Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова, 1910-1917 гг.: Сборник воспоминаний и документов. М., 2019. С. 19.

приходов[905]. В основу «расследования» были положены собранные Селитренниковым слухи (преимущественно ходившие среди эстонского крестьянства и русских), а также рапорты и письма нервнобольного ротмистра пограничной стражи И.И. Рябцева. Значительную группу слухов составляли истории о ночных полетах аэропланов (а также сигарообразных неопознанных летающих объектах), которые прожектором что-то высвечивали, и о сложной системе сигнализации, использовавшейся немцами: в море выходили катера, передававшие световые сигналы на берег, а оттуда, через вышки, сигналы передавались дальше (надо думать, что в Германию)[906]. После отставки великого князя дела о баронах-шпионах прекратились, однако следы германофобии в отношении прибалтийских немцев продолжали жить в массовом сознании. Кроме того, участники следствия оказались под сильным впечатлением от собранной хотя и односторонней, но весьма эмоционально-окрашенной и потому хорошо запоминающейся информации. У некоторых из них развивалась профессиональная аберрация и формировались этнические стереотипы. Так, например, жандармский подполковник В.В. Владимиров до конца своих дней сохранил уверенность в том, что прибалтийские бароны и графы – немецкие шпионы, и что «тысячи агентов были рассеяны повсюду в обществе, в придворных и дипломатических кругах, торговых фирмах, на фабриках и заводах, в банках, в войсках и, наконец, в сельских местностях»[907].

Российские немцы в городах ощущали повышенное к себе внимание населения. Распространение шпиономании приводило к тому, что в каждом немце массовое сознание готово было увидеть шпиона, а если эти немцы еще и собирались группами на квартирах, то больное воображение современников рисовало картины всеобщего антироссийского заговора. Свидетель тех дней И. Зырянов выражал сочувствие этническим немцам столицы, обращая внимание,

---

[905] *Ренников А.* В стране чудес. Правда о Прибалтийских немцах. Пг., 1915.

[906] Там же. С. 160 – 164.

[907] *Хутариев-Гарнишевский В.В.* Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владимирова… С. 97.

что германофобия захватила представителей разных слоев[908]. Примечательно, что в условиях всеобщего возбуждения газетным заметкам о «немецких зверствах» верили многие, включая и русских немцев. Последним казалось естественным, что в условиях распространившегося массового психоза их сородичи вмиг сбросили с себя все культурные одежды и обратились к архаичным инстинктам. Показательно отношение к теме зверств молодого военного врача, этнического немца Фридриха Краузе. 23 августа 1914 г. в письме своей невесте он осуждал произошедшие в обществе психологические изменения на почве отношения к немцам и призывал не поддаваться этим явлениям[909]. Однако под воздействием печатной пропаганды спустя три дня Краузе уже готов был поверить в жестокость немцев (толпы) и возмущался поведением германского населения в отношении русских[910] Через некоторое время вследствие массовой демонизации немцев у Краузе стали закрадываться подозрения относительно правдивости пропагандистской машины, и он начал интерпретировать эти сообщения в психологическом русле, признавая преступления отдельных лиц, но отрицая проявления жестокости как национального характера. Противник войны и космополит археолог В.А. Городцов также поддавался пропаганде, возмущаясь на страницах дневника массовым изнасилованием немцами несовершеннолетних, якобы возведенное ими в правило, и призывая всех немцев, включая русскоподданных, сослать в Сибирь[911]. При этом важно отметить, что пропаганда о немецких зверствах в большей степени влияла на тыловое население, запугивая его, нежели на солдат, которые на личном опыте сталкивались со «зверствами» обеих воюющих сторон. Один из раненых, читая очередную статью в газете, так ее прокомментировал: «Ну, это и у нас бывает, когда наши к ним в плен попадутся, они им говорят, что мы вас за

[908] *Арамилев В.В.* В дыму войны… С. 61.

[909] *Краузе Ф.* Письма с Первой мировой (1914-1917). СПб., 2017. С. 43.

[910] Там же. С. 47.

[911] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 75.

то, что ваши казаки наших мучают, добивают, — это есть и у них, и у нас отдельные такие»[912].

Летом 1915 г. германофобия распространялась еще большими темпами. Это было связано с начавшимся отступлением русской армии, что опять-таки объяснялось предательством и шпионажем «внутренних врагов». Жильцы домов подглядывали за своими соседями с немецкими фамилиями и вели учет: когда, кто и в каком часу к ним приходил, после чего нередко писали доносы военному начальству или в полицию. Так, в июне 1915 г. С.Л. Облеухова, член Главной палаты Русского народного союза Михаила Архангела (РНСМА), а также активная деятельница «Союза русских женщин в помощь самобытным кустарным промыслам», не определившись с тем, куда донести на организованное по соседству с ней «гнездо» немецких шпионов, жаловалась лидеру РНСМА В.М. Пуришкевичу: «Сейчас сижу и думаю: кому бы сказать о сборищах немцев, которые происходят рядом с нами в квартире д-ра Шредера, русского подданного? Глубоко убеждена, что тут гнездо шпионов. Сходятся, запираются и говорят по-немецки до глубокой ночи. Ездят какие-то барышни, военные и пр.»[913] В другом письме к тому же Пуришкевичу Облеухова оправдывала ужасающий немецкий погром, прошедший в мае 1915 г. в Москве и, помимо имущества немцев, унесший жизни людей, попавшихся под руки взбунтовавшейся толпе[914]. Другой обыватель из Екатеринодара за подписью «сосед» писал в августе 1915 г. донос директору Департамента полиции на живущего рядом с ним австрийца Франца Кауда, который на своей квартире устраивал «ночные оргии с употреблением немецкого языка»[915].

Помимо шпионажа в пользу Германии русских немцев обвиняли в экономическом засилье. Разговоры об этом стали актуальны еще в 1912 г., когда министр внутренних дел А.А. Макаров 14 декабря передал в Государственную

[912] *Краузе Ф.* Письма с Первой мировой. С. 79–80.

[913] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 71.

[914] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1013. Л. 5.

[915] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 245. Д. 33. Т. 4. Л. 13–13(об).

Думу так и не реализованный законопроект «О мерах к ограждению русского землевладения в губерниях Юго-Западного края и Бессарабской», направленный против немецких колонистов. Его преемник Н.А. Маклаков 10 октября 1914 г. отправил в Совет министров докладную записку «О мерах к сокращению немецкого землевладения и землепользования», в котором утверждал, что увеличение немецкого землевладения способствует подготовке германского вторжения в Россию. В российских городах стали появляться всевозможные патриотические общества, ставившие себе задачу «освобождения русской духовной и общественной жизни, промышленности и торговли от всех видов немецкого засилья»[916]. Ряд периодических изданий публиковали статьи откровенно погромного характера, приводя адреса и списки фирм, якобы принадлежащих подданным Германии и Австрии. В итоге в Государственной Думе была создана комиссия «О борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни». Процветанию данной кампании способствовало и то, что сам Николай II вынашивал идею наделения землей за счет немецких колонистов крестьян-фронтовиков[917]. Эти же мысли встречались и в частных письмах рядовых подданных империи. В результате замораживания счетов ряда предприятий, в которых был обнаружен немецкий капитал, экономике России был нанесен удар, усугубивший трудности в снабжении городов продовольствием, в промышленном производстве.

Рука об руку с борьбой против засилья экономического шла борьба против засилья культурного. Важным знаком здесь стало решение императора о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград 18 августа 1914 г. Впоследствии волна переименований населенных пунктов прокатилась по различным губерниям России, особенно в тех регионах, где жили немецкие колонисты. 15 октября 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков направил губернаторам циркуляр с предписанием выявить подобные селения и подготовить

---

[916] *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 30.

[917] Там же. С. 129.

предложения по их переименованию. Наибольший размах этот процесс приобрел в Томской губернии, где в годы массового переселения крестьян возникло немало немецких поселков, которым давались имена, повторявшие названия немецких колоний Европейской России. Так, в Орловской волости было выявлено 23, а в Новоромановской волости — 11 поселков с немецкими названиями. По предложению заведующего водворением переселенцев в 1-м Кулундинском подрайоне им были даны новые топонимы, которые являлись либо русским переводом немецкого, либо соответствовали названию переселенческого участка. По мнению чиновника, переименование селений было необходимо «сверх прочих соображений, также в видах удобства русского населения, ибо немецкие названия трудно запоминаются»[918]. Некоторые публичные заведения переименовывались с целью недопущения против них бесчинств толпы. Например, уже упоминавшийся столичный ресторан «Вена», которому «досталось» во время петербургского погрома, был переименован в «Белград».

Хоть правая общественность и встречала с восторгом подобные инициативы, полностью соответствовавшие моменту, даже относительно Петербурга — Петрограда абсолютного единства мнений не сложилось. В ряде изданий обращали внимание на то, что город был наречен Петербургом своим основателем русским царем Петром Алексеевичем. Общество ревнителей истории передало в комиссию по переименованиям ходатайство о том, чтобы старое название вернули хотя бы Петербургской стороне, где жил сам Петр и называл это место «Питербурх». Также Общество ревнителей истории выступило против планов переименования Кронштадта в Венцеград, аргументируя это тем, что название «Кронштадт» не немецкое, а голландское[919].

---

[918] *Вибе П.П.* Немецкие и менонитские колонии Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2003. № 10. С. 200.

[919] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 29 января.

В.Ф. Джунковский встретил известие о переименовании столицы «без большого сочувствия», отметив, что «оно не произвело вообще того впечатления, на которое рассчитывали те, по представлению коих это повеление последовало»[920]. Некоторой пикантности добавлял тот факт, что решение о переименовании столицы появилось тогда, когда стало известно о гибели 2-й армии генерала А.В. Самсонова. Современники интерпретировали переименование Петербурга в качестве мести немцам: «Обнародование этого переименования „в отместку немцам“ именно сегодня, в день нашего поражения, должно быть признано крайне неуместным. Кто подбил Государя на этот шаг – неизвестно. Но весь город глубоко возмущен и преисполнен негодования на эту бестактную выходку», – записал в дневнике Н.Н. Врангель[921].

Среди широких слоев населения массовые переименования населенных пунктов не вызывали симпатий. Показательны слова, произнесенные 19 сентября 1914 г. мещанином г. Стародуба Черниговской губернии Яковом Клименко, за которые он был обвинен по статье 103 Уголовного уложения об оскорблении императора: «Вот Вильгельм победит, потому что у него сыновья в армии и он сам в армии со своими солдатами, а где нашему дураку царю победить. Он сидит в Царском селе и переделывает немецкие города в русские»[922].

Вслед за переименованием Петербурга в печати начал обсуждаться вопрос о внесении изменений в российский герб, так как в XVIII в. якобы было сделано в его рисунке отступление от византийской традиции по инициативе чиновника департамента герольдии немецкого барона Кюне. Среди геральдистов начались дискуссии, в результате которых была доказана абсурдность предположения об изменении герба под немецким влиянием[923].

---

[920] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 405.

[921] *Врангель Н.Н.* Дни скорби. Дневник 1914–1915 годов. СПб., 2001. С. 44.

[922] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 142.

[923] Биржевые ведомости. Веч. выпуск. 1914. 11–16 декабря.

Однако патриотическая пропаганда не ограничилась наступлением на топонимику. Рядом публикаций был объявлен крестовый поход на немецкую культуру: в печати начали появляться статьи, в которых проповедовалась идея о крайне низком уровне современного германского искусства. В статье, опубликованной в «Биржевых ведомостях» за подписями таких известных деятелей, как А.В. Маковский, Ю.Ю. Клевер, Н.К. Рерих, проводилось сравнение немецкого искусства с английским, французским и русским в пользу стран-союзниц по Антанте[924]. Мариинский и Большой театры срочно меняли свой репертуар, из которого вычеркивались произведения Вагнера, Штрауса. Под запретом оказалась практически вся классическая музыка. В императорских театрах запрещено было исполнять даже английский гимн „God save the King“, вместо которого нужно было играть народную песню „Rule Britania“, так как английский гимн совпадал по мелодии с германским «Wacht am Rhein»[925]. В императорском Александринском театре из репертуара были исключены пьеса В. Майера-Фестера «Старый Гейдельберг», пьесы Ф. Шиллера «Коварство и Любовь» и «Мария Стюарт». В «Биржевых ведомостях» появилась ироничная статья на злобу дня, повествовавшая о неудачах композитора И. Стравинского: сообщалось, что минувшим летом он начал писать балет на сюжет сказок братьев Гримм, но с началом войны вынужден был отказаться от немецких сказок и перешел на арабские сказки из «Тысяча и одной ночи», однако после начала войны с турками ему пришлось бросить и эту затею[926].

Удивительно, что служители муз часто первыми демонстрировали обывателям негативный пример того, как нужно относиться к немецкому вкладу в мировое культурное наследие. Так, порадовала квазипатриотов известная

[924] Биржевые ведомости. Веч. выпуск. 1914. 4 сентября.

[925] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1914. 15 сентября.

[926] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1914. 21 ноября.

балерина Т.П. Карсавина, публично отказавшаяся от музыкальных сочинений, написанных специально для нее Рихардом Штраусом[927].

Следует отметить, что поведение немецких патриотов мало чем отличалось от поведения их русских «коллег», и схожая русофобская борьба велась и в Германии. В частности, Артур Шницлер обругал русскую и английскую литературу[928]. Летом в Берлине прошло общее заседание немецких деятелей искусств, посвященное бойкоту искусства воюющих с Германией держав. Однако директор королевского оперного театра Р. Штраус занял иную позицию. От имени музыкантов он заявил: «воюют государства, а наука и искусство должны стоять вне политики, вне войны, и нам, представителям искусства, не следует становиться посмешищем для всего мира»[929].

Помимо культурной борьбы с немецким засильем шла тыловая война и с «засильем» физическим: уже с первых дней объявления войны началась высылка из российских столиц и западных губерний всех германских и австрийских подданных, невзирая на их возраст, род занятий в России, семейное положение. В частности, многие из них к тому времени были женаты на подданных Российской империи, проживали в России в течение продолжительного времени, владея фирмами и предприятиями, которые на протяжении нескольких поколений принадлежали их предкам. Их дети отчислялись из частных и казенных учебных заведений, исключение делалось лишь для детей лиц, подавших прошение о получении русского подданства. В высочайшем указе от 28 июля 1914 г. повелевалось: «Задержать подданных неприятельских государств, как состоящих на действительной военной службе, так и подлежащих призыву, в качестве военнопленных, и предоставить подлежащим властям высылать подданных означенных государств, как из пределов России, так и из пределов отдельных ее местностей, а равно подвергать их задержанию и

---

[927] *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 381–382.

[928] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1914. 23 сентября.

[929] Петроградский листок. 1914. 6 сентября.

водворению в другие губернии и области»[930]. Хотя в указе шла речь о призывном населении от 17 до 45 лет, военные власти, губернаторы игнорировали данную оговорку и из Санкт-Петербурга и других городов России шло массовое выселение всех без исключения подданных воюющих с Россией держав[931]. Первые их партии отправлялись в Вологду, затем, когда город переполнился, — в Сибирь. Переселение происходило этапным порядком и всем переселенцам определялся арестантский паек[932]. Не все вынужденные переселенцы оказались психологически готовыми к такому повороту судьбы: газеты сообщали о череде самоубийств германских подданных как во время переселения, когда на перевалочных станциях вешались в уборных, так и непосредственно перед депортацией[933]. В 1915 г. главноначальствующему над Москвой Ф.Ф. Юсупову пришла идея воссоздать в городе «немецкие слободы» — резервации, в результате чего он издал распоряжение о переселении остававшихся в городе иностранных подданных на Яузу, чем вызвал неудовольствие министра внутренних дел, посчитавшего это распоряжение превышением должностных полномочий[934]. Также Юсупов в июле 1915 г. выпрашивал разрешение вооружить московскую полицию пулеметами, дабы пресекать в будущем массовые погромы, что вызвало неудовольствие членов Совета министров, назвавших его «сатрапом с фантазиями»[935]. Впоследствии слухи о вооружении полиции пулеметами спровоцировали появление слухов о пулеметной стрельбе городовых с крыш в февральские дни 1917 г.

Процесс переселения сопровождался унижениями и оскорблениями со стороны военных чинов. Способствовала такому отношению к переселенцам

---

[930] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914. М., 2006. С. 236.

[931] Там же.

[932] Там же. С. 427.

[933] Петербургский листок. 1914. 30 июля.

[934] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 556–557.

[935] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 207.

позиция августейшего верховного главнокомандующего, дяди российского императора великого князя Николая Николаевича, призывавшего по архаичному принципу талиона («око за око, зуб за зуб») мстить немцам в России за зверства германской армии. Так, в телеграмме на имя Председателя Совета министров от 3 октября 1914 г. великий князь писал: «Невероятные ужасающие зверства, чинимые германскими и отчасти австрийскими войсками, все более и более подтверждаются. Зверства германцев относятся не только к нашим раненым, но и к мирным жителям. Не щадят даже стариков, женщин и детей. Грабеж повальный. Ввиду этого считаю необходимым просить Вас о безотлагательном принятии самых решительных и суровейших мер относительно подданных воюющих с нами государств, без различия их общественного положения, на всем пространстве, приравнивая их к военнопленным. Неприятие подобных мер может вызвать справедливое чувство негодования»[936]. При обсуждении телеграммы в Совете министров против предложения великого князя приравнять к военнопленным всех иностранных подданных, т. е. не только мужчин призывного возраста, но и женщин, стариков и детей, выступил министр иностранных дел С.Д. Сазонов, который предупредил о возможном симметричном ответе Германии в отношении русских подданных, оставшихся за границей, и предложил оставить принимаемые по отношению к немцам меры в экономическом русле. В итоге министры, отметив, что ввиду начавшейся в обществе стихийной борьбы с немецким засильем для подданных воюющих с Россией держав и так создано тяжелое положение в правовом, нравственном и экономическом отношении, оставили телеграмму верховного главнокомандующего без последствий[937].

Для многих обрусевших немцев последним шансом на сохранение привычной жизни оставалось принятие русского подданства. 4 августа 1914 г. в 10 часов утра в канцелярии московского градоначальника собралась толпа немцев и австрийцев, желающих подать на высочайшее имя прошение о

[936] Особые журналы… 1914. М., 2006. С. 427.

[937] Там же. С. 429–430.

переходе в русское подданство. Для демонстрации своих патриотических чувств собравшиеся запели российский гимн, закончив его громким криком «ура»[938]. Однако из-за охватившей общество шпиономании удовлетворялись далеко не все прошения. Как правило, в первую очередь шли навстречу славянским уроженцам Австро-Венгрии при поручительстве за них заслуживающих доверия лиц или существующих в империи чешских и иных славянских организаций.

Получение русского подданства не защищало этнических немцев и австрийцев от унижений со стороны русского населения. Всем носителям нерусских фамилий приходилось испытывать на себе последствия распространившейся в стране шпиономании. Выходом в этом случае становилась подача прошений о смене фамилий, к чему прибегали многие обрусевшие немцы. Подозревали русских немцев, не сменивших фамилий, и в прямом вредительстве. В частности, появлялись слухи о врачах-вредителях. В июле 1915 г. крестьянин Московской губернии Андрей Гончаров написал донос на женщину-врача Нехорошевской земской лечебницы А.Г. Гамбургер, которая якобы вела пропаганду против всего русского, хвалила немецкую армию и ругала русскую. Пристав Связавский и урядник Орлов провели негласное расследование, опросили больных и сослуживцев Гамбургер в больнице, крестьян близлежащих сел, которые охарактеризовали ее с положительной стороны, не подтвердив ходивших о ней слухов[939].

Некоторые обыватели вызванную войной дезорганизацию общей инфраструктуры империи отнесли на счет тайного вредительства немцев[940]. Русскоподданным немцам начали приходить анонимные письма с угрозами[941]. Русская этническая немка 30 октября 1914 г. писала из Екатеринослава на немецком языке своему сыну: «Ах, хоть бы кончилась наконец война. Сколько горя

[938] Московский листок. 1914. 5 августа.

[939] ГА РФ. Ф. 58. Оп. 7. Д. 334. Л. 55.

[940] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1274.

[941] Петроградский листок. 1914. 29 августа.

она уже принесла и сколько его еще будет, особенно для нас, немцев. Русские никак не могут поверить, что мы действительно верноподданные, и сколько мы приносим жертв, чтобы доказать это. Дай Бог им поверить, что мы любим дорогого государя не меньше всякого коренного русского»[942].

Доходившие до обывателей известия о поражении русских армий в Восточной Пруссии порождали слухи об измене среди генералов. Главным изменником народная молва объявляла, естественно, П.К. Ренненкампфа (героя сражения 7 августа 1914 г. при Гумбиннене, где отступила немецкая 8-я армия М. фон Притвица). Говорили, что в Восточной Пруссии командирам батарей было запрещено стрелять по определенным участкам, на которых, якобы, располагались имения немецких родственников Ренненкампфа[943]. Однако в феврале 1915 г. в столице прошел слух, что немецким шпионом является главнокомандующий армиями северо-западного фронта генерал Н.В. Рузский (настоявший ранее на отстранении Ренненкампфа)[944].

Массовая германофобия, временно оттеснившая антисемитизм, пустила настолько глубокие корни в массовое сознание обывателей, затуманив их разум, что в конце концов борцы с внутренней изменой «добрались» и до императрицы Александры Федоровны, которую иначе как «немка» некоторые обыватели в разговорах друг с другом не называли[945]. В начале 1915 г. в российские столицы проник впоследствии один из самых популярных слухов об императрице, согласно которому она якобы по секретному телефону/телеграфу передавала в Берлин тайные сведения, что и стало причиной череды поражений русской армии. Едва ли этот абсурдный слух мог родиться в сознании образованных слоев общества, однако весной 1915 г. его можно было услышать в разных публичных местах. Слух этот проникал в частную переписку современников, достигал ушей агентов охранного отделения, появлялся в доносах

[942] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1737.

[943] Дневники, воспоминания, письма… С. 92.

[944] Дневник Л.А. Тихомирова… С. 42.

[945] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 211.

обывателей в Департамент полиции. В конце концов его массовое распространение посеяло зерно сомнений у директора Департамента полиции В.А. Брюнде-Сент-Ипполита, и в мае 1915 г. он поручил направить начальнику дворцовой охраны запрос, в котором осторожно поинтересовался, действительно ли в Зимнем дворце имеется такой телеграф. Из официального ответа выяснилось, что радио-телеграфная станция действительно раньше работала, но около пяти лет назад была упразднена[946].

Императрица Александра Федоровна не была единственной подозреваемой в шпионаже. В марте 1915 г. в Петрограде заговорили об измене великой княгини Марии Павловны (Макленбург-Шверинской), окружение которой считалось, если верить характеристике начальника канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолова, одним из самых популярных и влиятельных в Петрограде[947]. При этом Мария Павловна находилась в оппозиции к императрице Александре Федоровне, считала, что последняя дурно влияет на императора, о чем прямо говорила французскому послу. Великая княгиня активно занималась благотворительностью, покровительствовала искусствам, однако ее немецкое происхождение перевесило все добродетели. В марте появилось обвинение в том, что она передавала немцам секретные сведения[948].

Не обошла молва стороной и родную сестру императрицы великую княгиню Елизавету Федоровну. Ей, в частности, в вину вменялось то укрывательство в основанной ею Марфо-Мариинской обители своего брата принца Гессенского, то особое отношение в лазарете к раненым немцам. Первые слухи о том, что она отправляет в Германию собранные по благотворительности деньги, появились в Москве уже в августе 1914 г.[949] В ноябре 1916 г. старший писарь Департамента полиции Семен Павлов провел наблюдение за настроениями рядовых и офицеров Западного и Северного фронтов, отметив, что

---

[946] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 245. ДП-ОО. 1915. Д. 33. Л. 300.

[947] *Мосолов А.* При дворе императора. Рига, 1938. С. 54.

[948] Дневник Л.А. Тихомирова… С. 47.

[949] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 81.

отношение офицеров к Елизавете Федоровне не менее враждебное, чем к Александре Федоровне[950].

Слух о предательстве Елизаветы Федоровны был одним из стимулов самого резонансного случая массового аффективного проявления германофобии — московского антинемецкого погрома мая 1915 г. Как уже отмечалось, это были не первые беспорядки в Москве на националистическо-«патриотической» почве, но если погром 10 октября 1914 г. стал следствием патриотического подъема, вызванного успехами русской армии под Варшавой, то погром 26–29 мая 1915 г. отчасти явился результатом озлобленности из-за вынужденной сдачи Перемышля неприятелю 21 мая. К другим слухам-стимулам майского погрома следует отнести молву о том, что немцы организовали взрывы на военных складах, а также о том, что немцы отравили питьевую воду на Прохоровской мануфактуре, где было зарегистрировано тридцать случаев отравления рабочих[951]. Постфактум началось расследование, которое выяснило, что в бак с питьевой водой протекла грязная вода из бани, однако образ немца-отравителя оказался намного ярче и поразил воображение современников. Об абсурдных слухах как эмоциональном стимуле майского погрома говорили и писали многие современники, например, журналист И.В. Жилкин[952].

В частной корреспонденции современников обнаруживается разделение авторов на сочувствовавших погрому и осуждавших его. Первые делали акцент на высокой сознательности толпы, громившей, но не грабившей немецкие магазины, где немцы якобы прятали оружие[953]. Другие, помимо осуждения эксцессов с морально-нравственной стороны, отмечали нанесенный городскому бюджету экономический ущерб[954]. Известия о московских событиях распространялись по городам России, вызывая такую же неоднозначную

[950] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 246. ДП-ОО. 1916. Д. 291. Л. 32–42.

[951] *Краузе Ф.* Письма с Первой мировой… С. 173 (прим.)

[952] *Жилкин И.В.* Московский погром // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 302.

[953] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 45.

[954] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1013. Л. 43.

реакцию обывателей. В письме из Варшавы в Москву автор предлагал отправить на фронт столичных борцов с немецким засильем[955].

С другой стороны, в самой действующей армии встречались случаи злорадства относительно пострадавших от московского погрома немцев[956]. Однако у солдат с немецкими фамилиями падал воинский дух и возникал вопрос, за что же они воюют, раз дома избивают их родных[957].

Москвичи, пытавшиеся разобраться в причинах случившегося, важным фактором считали постоянные появлявшиеся в газетах статьи о немецких зверствах, разжигавшие ответную ненависть, а также неосторожные заявления властей[958]. Другие, наоборот, считали главноначальствующего над г. Москвой кн. Ф.Ф. Юсупова (старшего) чуть ли не организатором беспорядков. Эта позиция отразилась в стихотворении известного поэта-современника В.П. Мятлева, в котором были следующие строки: «Пока у Мандля стёкла били, / Он, разодет как на парад, / Стоял в своём автомобиле / И делал жесты наугад. / И до сих пор ещё не ясно, / Что означал красивый жест: / «Валяйте, братцы! Так прекрасно!» / Или высказывал протест»[959].

Некоторые современники считали, что погром был непосредственно организован полицией. В частности, об этом в своем дневнике писал Л.А. Тихомиров, который выделял две группы погромщиков: первая, под прикрытием полиции, со списками магазинов, принадлежавших немцам, обходила торговые заведения и сверяла полученную информацию с документами, которые предоставляли управляющие; вторая шла следом и устраивала погром в тех заведениях, которые не прошли проверку первой группы[960].

---

[955] Там же. Л. 30.

[956] Там же. Л. 21.

[957] Там же. Л. 49.

[958] Там же. Л. 26.

[959] *В.П. Мятлев.* Стихотворения (1901–1919 гг.). Биографическая справка и комментарии А.А. Григорова. Публикация Н.А. Дружневой // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 6. 2007. С. 219.

[960] Дневник Л.А. Тихомирова… С. 66.

Однако майские события несли в себе опасность не только для немцев и различных иностранных торговцев. Как вспоминал генерал Ю.Н. Данилов, протест толпы приобретал политическую направленность: звучали оскорбления в адрес «немки» императрицы Александры Федоровны, от которой требовали ухода в монастырь по примеру ее сестры, вдовы великого князя Сергея Александровича, а также раздавалась брань по отношению к Гришке Распутину[961]. О том же в своем дневнике писал М. Палеолог, отмечая антидинастическую направленность беспорядков[962].

Хотя газеты не упоминали об антицарских выступлениях масс и пытались представить погром исключительно в националистическом русле недовольства народа «немецким засильем», в императорской семье о них знали. Александра Федоровна в письме к Николаю II упомянула о произошедшем тогда с сестрой инциденте: «Феликс (князь Юсупов-старший. — В. А.) сказал Ане (Вырубовой. — В. А.), что тогда бросали камнями в карету Эллы (вел. кн. Елизаветы Федоровны. — В. А.) и плевали в нее, но она не хотела об этом ничего говорить нам — опять боялись беспорядков в течение этих дней неизвестно почему»[963].

Напуганные московскими событиями петроградские немцы в июне ожидали повторения этих событий в столице, а спустя ровно год в Москве появились слухи о новом готовящемся антинемецком погроме. В.П. Булдаков пишет о том, что московский погром уместно считать своеобразной репетицией Февральской революции и апробацией известного лозунга «грабь награбленное»[964]. Исследователь обращает внимание на архаично-стихийные проявления действий погромщиков, стимулированные распространявшимися слухами о том, что «немцы воду отравили». Подобный слух был характерен для

---

[961] *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению. М., 2000. С. 130.

[962] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 313.

[963] Письма императрицы… Т. 1. С. 120.

[964] *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 91–92.

массовых фобий чумных времен и с тех пор был закреплен на архетипическом уровне массового сознания. Фобии Первой мировой войны открывали двери самых темных инстинктов коллективного бессознательного.

История майского погрома демонстрирует особенности массового сознания, когда навязанные пропагандой и закрепленные стихийно распространявшимися слухами стереотипы провоцировали мощные эмоции, как правило, из «триады враждебности», которые затем выливались в агрессивные и аффективные коллективные действия — бунт. Вместе с тем, помимо аффекта, в погроме можно усмотреть и некоторые рациональные изменения общественного сознания. Генерал Ю.Н. Данилов не без основания считал, что в майских беспорядках проявилось и некоторое разочарование действиями союзников на фронте, в связи с чем разгромы французских магазинов не были случайными. Русский посол в Париже А.П. Извольский сообщал, что французское правительство в майских погромах в Москве «склонно видеть враждебное отношение русского народа не только к немцам, но и вообще к иностранцам»[965]. С этим можно отчасти согласиться, если принять во внимание, что погромы, германофобские по форме, по содержанию являлись протестом против наступавшей хозяйственной разрухи, были попыткой поиска внутренних виновных в неудачах как на фронте, так и тылу. В конечном счете природа этих погромов рано или поздно проявлялась в более политически направленном революционном протесте. Не случайно среди московских рабочих ходили разговоры о том, что майский погром был лишь репетицией того, что должно повториться в Петрограде, причем в этом случае главной целью бунтовщиков должен был стать Зимний дворец.

Б.И. Колоницкий, разбирая проявления англофобии в России в годы войны, указывает, что первоначально источником антианглийских слухов являлась германская пропаганда, пытавшаяся посеять раздор среди союзников, однако по мере затягивания войны в России формировалась собственная благодатная почва. Так, издававшийся П.Ф. Булацелем «Российский гражданин»

[965] *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению… С. 131.

занимался неприкрытой антианглийской пропагандой, что вызывало протест со стороны Дж. Бьюкенена[966]. Английский посол считал, что англофобия исходила от С.Ю. Витте, изначально занявшего антивоенную позицию. Накануне нового 1915 года Бьюкенен произнес в Английском клубе речь, в которой упомянул «некоторых известных германофилов», настраивавших общество против Англии. Витте справедливо записал этот выпад на свой счет[967]. В это же время М. Палеолог отмечал распространение в русском обществе «галлофобии», сопровождавшейся утверждениями, что Франция втянула Россию в войну, чтобы вернуть себе Эльзас и Лотарингию. Подобные настроения распространялись и в армии. Англия и Франция считались главными виновниками потерь России в войне.

Вместе с тем противоречия между союзниками по Антанте носили более глубокий характер. Республиканская Франция и конституционная монархия Великобритании рассматривались русскими правыми кругами как источник опасности для российского самодержавия, тем более что западная антигерманская пропаганда и отечественная демократическая представляли войну как борьбу демократии с царизмом и деспотией. Л. Андреев 4 октября 1914 г. иронизировал, что будь российские власти умнее, «они дрались бы с Вильгельмом против Франции и Англии»[968]. К концу 1916 г. в правых кругах возросла настоянная на слухах уверенность, что Дж. Бьюкенен поддерживает российских революционеров[969].

Несмотря на то, что, по мнению некоторых современников, массовая германофобия вытесняла антисемитизм, последний также расцветал в годы войны. Тульский обыватель в октябре 1914 г. в письме сделал точное замечание: «Антигерманизм, антисемитизм, антиукраинство — это все ягоды одного

---

[966] *Колоницкий Б.И.* Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война… С. 275.

[967] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата… С. 144-145.

[968] Цит. по: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию… С. 121.

[969] *Спиридович А.И.* Великая война… Кн. 2. С. 230.

поля, растущие на одном корне и друг друга питающие. Чем полнее расцветет антигерманизм, тем ярче распустится юдофобство»[970].

Прежде всего резкий всплеск юдофобии прокатился по прифронтовым регионам. Так, польская националистическая печать, вдохновленная обещаниями Николая Николаевича и желая засвидетельствовать свою преданность России, принялась «разоблачать» поведение евреев, умудрившись перещеголять в антисемитизме даже правые российские издания. Наряду с русскими немцами евреи обвинялись в массовом шпионаже в пользу Германии. Учитывая ущемленное положение евреев в России, многие априори считали их предателями. Однако ущемленное положение других народов России также могло являться поводом к подобным подозрениям. В частности, в перлюстрированной корреспонденции можно усмотреть проявления коллаборационизма среди мусульман Кавказа, не желавших воевать с мусульманами-турками, украинцев, чьи соплеменники в Австрии пользовались большими национальными правами, и тех же самых поляков, мечтавших о независимости и считавших Россию тюрьмой.

Политика великого князя Николая Николаевича по массовому выселению «неблагонадежных элементов» из прифронтовой полосы подвергалась критике не только обывателями, но и высшим чиновничеством. Так, дворцовый комендант В.Н. Воейков писал о главнокомандующем как о неуравновешенном человеке, часто отдававшим противоречивые распоряжения, виновном в разорении мирного населения отступавшими русскими войсками[971].

У обывателей претензий в адрес евреев было больше, чем в адрес этнических немцев. Если последних обвиняли в сочувствии Германии и шпионаже, то евреи, торговавшие продуктами, обвинялись в намерении отравить русских солдат, а поддавшиеся юдофобии раненые пугали друг друга, что врачи-евреи в лазаретах специально без необходимости ампутируют воинам конечности. Генерал Н.Н. Янушкевич, начальник штаба Верховного Главнокомандования,

[970] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1652.

[971] *Воейков В.Н.* С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936. С. 158–159.

распространение в армии сифилиса объяснял кознями евреев, которые на свои деньги содержат зараженных женщин и предлагают их русским солдатам[972]. Абсурдность слухов не смущала массовое сознание в условиях распространения коллективных фобий. В конце концов юдофобия привела к тем же результатам, что и германофобия: образ еврея-врага перенесся на представителей правящей династии. Так, крестьянин Ярославской губернии Василий Трофимов сказал 15 августа 1915 г.: «Николай Николаевич… из евреев, боится немцев и находится в их руках; государыни наши тоже из евреев»[973]. В кругах образованных антисемитов, понимавших цену слухам о еврейском происхождении членов династии, говорили о связях Распутина с евреями-банкирами и уже через него переходили на демонизацию императрицы Александры Федоровны. Последнюю считали сумасшедшей, истеричной женщиной, чем объяснялась ее связь с Распутиным[974].

В начале ноябре 1914 г. население Львова жило ожиданиями еврейского погрома. В качестве профилактической меры евреи выставляли в своих окнах православные иконы, причем то же самое делали представители и других национальностей, включая русских, опасавшихся, что возбужденная толпа может перепутать их с евреями[975]. Антисемитский мотив часто вспыхивал во время продовольственных погромов, когда агрессивные крестьянки, солдатки, начиная громить рыночные лавки, обвиняли еврейских торговцев во взвинчивании цен. Подобные события разыгрались 7 мая 1916 г. в Красноярске: торговка мясом еврейка Ф.Я. Синец поругалась с одной покупательницей-солдаткой, возмущавшейся ценами. Покупательницу поддержала толпа, и в результате начавшегося погрома были разграблены 51 еврейская и 11 русских лавок,

[972] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 2; *Гольдин С.* Евреи и шпиономания в русской армии в годы Первой мировой войны // Лехаим. 2007. № 3.

[973] РГИА Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 404.

[974] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 374.

[975] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 449.

десятки людей были избиты (включая и русских торговцев)[976]. Исследователи отмечают, что в этих погромах доминировали не столько этнические, сколько социально-экономические причины. Вместе с тем в Енисейской губернии в годы мировой войны ходили слухи о существовании тайной еврейской организации, помогавшей с побегами пленным немцам и австрийцам.

Следует дополнить, что образ внутреннего врага в «патриотическом» дискурсе формировался не из одних только немцев и евреев. Первая мировая война подняла мутную волну ксенофобии, которая всколыхнула застарелые национальные конфликты. Понимая это, власти с большим подозрением относились к иноверческим народам. МВД отчитывалось перед дворцовым комендантом В.Н. Воейковым в октябре 1915 г.: «С возникновением войны в МВД стали поступать сведения о подозрительном поведении некоторых групп татарского населения и о возможности, якобы, с их стороны враждебных выступлений, в случае успеха турецкого оружия»[977].

Неким аналогом московского антинемецкого погрома можно считать произошедший в сентябре 1915 г. погром в Астрахани, имевший антиперсидскую направленность[978].

Некоторые ученые обращают внимание на то, что российская власть понимала патриотизм как «безоглядное верноподданничество», а потому любые проявления протеста, как, например, в связи с попытками привлечь коренное население Северного Кавказа и Средней Азии к тыловым работам, вызывало среди чиновников чувство бессознательного страха перед панисламизмом и пантюркизмом[979]. Хотя власти и отмечали, что эти идеи в силу их утопичности не пользовались популярностью.

---

[976] *Хоменко Д.Ю.* Рост антиеврейских настроений в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX–XX веков: Сб. материалов всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2014. С. 53.

[977] ГА РФ. Ф. 1с/97. Оп. 4. Д. 10. Л. 51–51(об).

[978] РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 363. Л. 3–5.

[979] *Булдаков В.П.* Хаос и этнос... С. 52–53, 63.

Бытовая ксенофобия, периодически выливавшаяся в погромы, предоставляла властям враждебных государств возможность использовать ее в своих интересах. Немцы и австрийцы распространяли в прифронтовой полосе агитационные листовки, которые убеждали представителей «угнетенных народов России», что «свобода идет из Европы», а российские погромщики будут изгнаны из Польши, Литвы, Белоруссии, Украины[980]. Бытовая ксенофобия становилась также фактором невротизации российского общества. Причем страдали не только те, чьи права ущемлялись, но и сочувствующие им современники, чей уровень эмпатии не позволял участвовать в развязанной травле. Нередко конфликты вспыхивали среди родственников, по-разному понимавших природу патриотизма. А.Н. Бенуа записал про скандал, разгоревшийся 11 декабря 1916 г. за обедом у его брата. К десерту подошли две кузины, которых в семье прозвали Гамбургскими, так как они родились в Германии. А.Н. Бенуа в шутку обратился к ним с приветствием на немецком языке, вследствие чего его брат Л.Н. Бенуа громко, с крайним раздражением воскликнул: «Я запрещаю говорить в моем присутствии на этом поганом языке!» После этого с дочкой А.Н. Бенуа случился приступ: «Она вскочила, подошла к дяденьке и стала в истерике на него кричать ужасные слова. „Кровопийцы, мерзавцы, убийцы!.. – так и посыпались!.. – Мало вам пролитой крови? Бог вас накажет!!!“ Несчастный Леонтий от такой неожиданности совсем оторопел… Насилу Атечку оттащили и увели в другую комнату, где с ней сделался форменный припадок. А вообще все менее выносима семейная атмосфера»[981]. Война и пропаганда разливали в обществе ненависть, создавая почву для будущих социальных, этнических и политических конфликтов. Патриотическая пропаганда и действия военных властей, в основе которых лежала эксплуатация образов внешнего и внутреннего врага, способствовали распространению массовых фобий, не дававших воспринимать действительность рационально и порождавших абсурдные слухи, которые по мере ухудшения

[980] Там же. С. 36–37.

[981] *Бенуа А.Н.* Мой дневник… С. 60.

внутриполитической ситуации в стране стали переноситься на представителей дома Романовых. Общая социально-экономическая ситуация обостряла застарелые этнические конфликты и превращала национальный вопрос в революционизирующий фактор.

4. Слухи и настроения городских обывателей: между войной, политикой и повседневностью

На протяжении Первой мировой войны физиономию российских городов неоднократно перекашивало: сначала истеричными псевдопатриотическими манифестациями, организованными «союзниками» и полицией, затем продовольственными погромами, под конец страхом ожидавшейся революции. При этом постоянно менялась социально-демографическая структура городского населения: уход мужчин на фронт повысил активность женщин, которые заменяли своих мужей и братьев не только у станков, но и в кабинах трамваев, у прилавков магазинов и пр. Источником конфликтов стали запасные, которые вызывающе вели себя в публичных местах перед отправкой на фронт. С весны 1915 г. города наводнили беженцы, что обострило социально-экономическую ситуацию, а в отдельных регионах привело к росту эпидемий. Помимо ухудшения продовольственной ситуации кризис городской повседневности проявлялся в недостатке топлива, перебоях в трамвайном движении, росте цен на квартиры. Однако в психологическом отношении чуть ли не самым тяжелым оказался информационный кризис — в условиях военной цензуры, получившей право не пропускать сообщения как на политические, так и на острые экономические темы, обыватели плохо представляли себе объективную ситуацию в империи, вследствие чего распространялись всевозможные конспирологические версии о кознях тайных темных сил. Современники переставали верить газетам и учились читать между строк. Так, в сентябре 1914 г. историк В.А. Городцов учил директора Исторического музея в Москве князя Н.С. Щербатова правильно читать газеты: «Читайте между строк. Если бы мы двигались

вперед, мы занимали бы города, и об этих фактах сейчас сообщалось бы. Таких сообщений нет… Писали, что немцы перешли в наступление; о прекращении этого наступления ни разу не говорилось; значит, оно продолжается, а если это так, то, по моему расчету, немецкие передовые отряды должны быть уже недалеко от Варшавы»[982]. Так же читал газеты и на фронте: «У нас только есть примета: если в газетах молчат или неясность, то где-то у нас небольшой кризис» – делился с женой премудростями газетной аналитики в ноябре 1914 г. полковник[983] А.Е. Снесарев[984]. Недоверие к газетам порождало страх и слухи: «Страх всегдашний спутник неправды» - процитировал У. Шекспира В.А. Городцов[985].

Вряд ли можно полностью согласиться с позицией канадской исследовательницы Корин Годэн, считающей, что «слухи порождались не недостатком информации и не особенной доверчивостью малограмотных слоев, а самой войной»[986]. Действительно, война как время экстремальной повседневности создавала особенную эмоциональную обстановку, способствовавшую зарождению и распространению слухов вне зависимости от информационной политики государства, но в условиях недостатка официальных сведений, падения доверия к подцензурной печати для них формировалась исключительно благодатная почва. Главным образом это справедливо для городской письменной среды, в меньшей степени – для устной деревенской. Но следует учитывать значение информации, поступавшей из городов в деревни: городские слухи производили особенное впечатление на сельских жителей, поднимая еще выше градус абсурда.

---

[982] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 111.

[983] В тексте диссертации указывается то звание автора источника, в котором он был, когда оставлял свидетельство. А.Е. Снесарев звание генерал-майора получил в августе 1915 г.

[984] *Снесарев А.Е.* Письма с фронта. 1914 – 1917. М., 2012. С. 67.

[985] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 112.

[986] *Gaudin C.* Circulation and Production of News and Rumor in Rural Russia during World War I // Russian Culture in War and Revolution, 1914-1922. Book 2. Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory. Bloomington, Indiana, 2014. P. 55.

Следует заметить, что официально предварительной цензуры в России не было, она была отменена Временными правилами о печати (указами Николая II Сенату в ноябре 1905 – апреле 1906 г.), цензурные комитеты были переименованы в комитеты по делам печати, однако давление на прессу сохранялось. Штрафами, конфискациями тиражей и арестами редакторов и издателей власти сохраняли контроль за периодикой. За 1913 г. было закрыто 20 газет[987]. Начало войны также сопровождалось закрытием периодических изданий. 20 июля 1914 г. было введено «Временное положение о военной цензуре», предусматривавшее предварительный просмотр всех произведений печати в местах военных действий и «частично» вне их, при этом цензурные обязанности возлагались на военные власти. Последнее обстоятельство вызывало возмущение Совета министров, который, обвиняя Ставку в том, что она не справляется со своими обязанностями и пропускает крамольные публикации, летом – осенью 1915 г. обсуждал возможности по ужесточению цензурных правил. Однако то, что властям казалось недостаточным, в обществе, наоборот, воспринималось в качестве перегибов. З.Н. Гиппиус считала, что с началом войны цензура в России стала строже, чем во времена Николая I[988].

Цензура проявлялась не только в запрещении публикации военных сведений и политических статей оппозиционной направленности или замалчивании негативных фактов внутренней жизни, но и в навязчивой патриотической пропаганде, которая со временем все больше и больше раздражала обывателей. Музыковед-историк Н.Ф. Финдейзен записал в дневнике от 13 июня 1915 г., когда в обществе распространялись слухи о «великом отступлении»: «Начинается обычное лганье. Всякий неуспех выставляется в розовом свете. О

[987] *Рейфман П.С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1. Вып. 3: 1855–1917 гг. / науч. ред. Е.С. Сонина; библиогр. ред. Н.В. Градобоева; предисл. И.А. Пильщикова и В.С. Парсамова. М.: Пробел-2000, 2017. С. 194.

[988] *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинения. Т.8… С. 165–166.

главном замалчивают. Снова печать сведена на роли гимновоспевательницы. Скучно, тошно, больно»[989].

Контроль за печатью усиливался по мере ухудшения общественно-политической ситуации в стране, и в марте 1916 г. Дума пошла на утверждение законопроекта о военной цензуре на всей территории империи. Белые полосы вырезанных колонок в газетах стали характерной особенностью российской прессы. В этих условиях устная коммуникация оставалась единственным способом обмена информацией на актуальные политические темы, однако если наиболее абсурдные сведения игнорировались и отфильтровывались рационально мыслящими современниками, то та информация, которая, по мнению обывателей, соответствовала фактам и сложившимся представлениям о ситуации в стране, становилась достоянием письменного текста. Не случайно многие газеты заводили у себя рубрику «Слухи и вести».

Со временем слухи образовывали тематические группы и складывались в нарративы. В некоторых случаях превращались даже в мифемы, формируя целостный образ верховной власти. В.В. Кабанов считал, что слухи обречены играть важную информационно-коммуникативную роль в обществе, где нет свободы печатного слова[990]. При этих условиях историк считал слухи «объективной стихийной неизбежностью».

Вопрос об источниках слухов был актуален для современников, сохраняет он актуальность и для современных исследователей. Так, например, Ф.А. Гайда ответственной за распространение слухов называет либеральную прессу, с чем соглашается О.Р. Айрапетов[991]. Едва ли это мнение можно признать обоснованным. В данном случае идеологические взгляды историков

---

[989] *Финдейзен Н.Ф.* Дневники. 1915-1920. СПб., 2016. С. 154.

[990] *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997. С. 360.

[991] См.: *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917). М., 2003; *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2: 1915 — апогей. М., 2014.

затмевают критический анализ источников: в условиях цензурной политики властей и правая, и центристская, и левая печать вынужденно обращалась к малодостоверным, устным источникам информации, заводя на своих страницах колонки под названием «слухи». Что же касается масштабов и степени скандальности публикуемых материалов, то, вероятно, либеральная пресса в этом плане уступит место неофициальным социалистическим изданиям, а также черносотенным газетам, которые в неприкрытой форме занимались юдо- и германофобской пропагандой, разжигая ненависть среди российских подданных. Одно из первых обвинений в адрес либеральной прессы о распространении слухов с целью дестабилизации внутренней обстановки принадлежит черносотенной «Земщине», которая 23 июля 1914 г. отругала либеральные издания за публикацию недостоверной информации о грядущей отставке министра внутренних дел Н.А. Маклакова, неоднократно выступавшего за роспуск Государственной Думы. Те слухи были вызваны иллюзиями о наступившем после начала войны единении власти и общества, что предполагало удаление наиболее одиозных министров. В сентябре 1915 г., после отказа царя идти на диалог с «Прогрессивным блоком» и прерывания сессии Думы, уже сама «Земщина» распространяла слух о скором введении в России предварительной политической цензуры, объясняя это тем, что «нельзя не понимать того страшного вреда, который причиняет печать, захваченная жидами»[992]. Подобные заявления на страницах газеты, субсидировавшейся из «рептильного фонда» МВД[993] и позиционировавшей себя в качестве патриотической, только дискредитировали верховную власть и монархическое движение, которое к концу 1916 г. оказалось в тяжелом кризисе. На секретном заседании Совета министров 16 августа 1915 г. министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов и государственный контролер П.А. Харитонов признавали, что

[992] Земщина. 1914. 13 сентября.

[993] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 7. М. – Л., 1927. С. 231.

«„Земщина“ и „Русское Знамя“ вредят не меньше разных „Дней“, „Ранних Утр“ и т.п. органов»[994]. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов крайне вредными считал суворинские «Новое» и «Вечернее Время», предлагая их «прихлопнуть», однако Харитонов сообщал, что эти две газеты «неприкасаемые», так как находятся под особым покровительством Ставки. Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин предлагал нанести удар по желтой прессе: петроградской и московской «Копейкам»[995]. В августе 1915 г. во время всеподданнейшего доклада А.В. Кривошеина император «выражал неудовольствие по поводу резкого тона газет и вмешательства их в неподлежащие сферы»[996]. Как следствие министры обсуждали закрытие крайне правых и крайне левых газет с целью устрашения издателей, а также возможности по ужесточению цензуры, игнорируя тот факт, что именно последняя подстегивала фантазию газетчиков. Не желая допускать независимость «четвертой ветви власти», министры обвиняли всю прессу в «распространении слухов в заведомо агитационных целях». «Особенно надо обратить внимание на статьи, которыми в обществе возбуждаются неосновательные надежды и ожидания. Здесь вранье с расчетом — оповестить, а потом свалить на правительство или, еще хуже, на влияния», – возмущался министр юстиции А.А. Хвостов[997].

Если провокационные слухи распускались черносотенными изданиями в целях борьбы с «внутренним врагом», то либеральная пресса в большей степени оказывалась заложницей цензурных запретов и собственных иллюзий на то, что власти в конце концов пойдут навстречу обществу. Однако следует

---

[994] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 76. В первоначальных записях А.Н. Яхонтова фраза П.А. Харитонова была лаконичнее: «„Земщина“ и „Русское знамя“ раздражают» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 223).

[995] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 217.

[996] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни... С. 75.

[997] Там же.

признать, что периодическая печать в целом создавала для читателей гнетущую психологическую атмосферу. Историк и издатель С.П. Мельгунов, тесно сотрудничавший с газетой «Русские ведомости», во время выступления в московском обществе деятелей периодической печати 28 февраля 1916 г. признавал, что печать повинна в культивировании «напряженной атмосферы шовинистической вражды»[998]. Тем не менее, изучая общественное сознание указанного периода, нельзя не отметить, что вся пресса в совокупности публиковала лишь малую толику тех слухов, которые блуждали на рынках, в очередях, в трамваях, пересказывались в светских салонах. Поэтому считать даже желтую прессу главной «фабрикой слухов» будет большой ошибкой.

В Государственной думе любители кулуарных пересудов встречались во всех партиях. Известно, что монархист В.М. Пуришкевич вносил собственную лепту в дискредитацию правительства не только обсуждением политических сплетен, но и оформлением их в стихотворную форму с последующим чтением крамольных строк своим знакомым. Так, например, в сентябре 1916 г. после известия о назначении А.Д. Протопопова министром внутренних дел он прочитал в стенах Думы стихотворение собственного сочинения «Штюрмерия»[999].

Д.И. Стогов, И.С. Розенталь указывают на роль светских, в первую очередь правомонархических, салонов в распространении слухов[1000]. Л.А. Тихомиров причислял к «правящим силам» Императорский Яхт-клуб, ставя его выше правительства и Думы, подчеркивая его влияние «в придворных сферах»[1001]. Министерство внутренних дел интересовалось содержанием «клубных разговоров», хотя последние и характеризовались информаторами как

---

998 *Мельгунов С.П.* О современных литературных нравах. М., 1916. С. 65.

999 Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. Рига, 1924. С. 115.

1000 См.: *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века) СПб., 2007; *Розенталь И.С.* Политические клубы, кружки, салоны // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2: Власть. Общество. Культура. М., 2011. С. 192-195, 197-199.

1001 Дневник Л.А. Тихомирова… С. 111.

басни[1002]. Однако следует учитывать специфику аристократических сплетен, которые редко становились достоянием широких народных слоев. Великий князь Андрей Владимирович считал, что городах и местечках, где располагались штабы, именно штаб был «исходной точкой» слухов[1003]. Полковник А.Е. Снесарев, наоборот, считал, что «фабрики слухов» расположены в небольших провинциальных городках недалеко от линии фронта, где отдыхают офицеры и скапливается много подозрительных типов: «Здесь полный тыл, который представляет удивительную для моего глаза картину: карты, вино, женщины. Офицеров масса, и откуда только все они; типы все подозрительные, вероятно, из улизнувших с фронта. Здесь-то и плодится масса всяких слухов, растущих на этой благоприятной для них почве»[1004]. В качестве примера «штабного слуха» можно привести рассказ князя В.А. Оболенского, возглавлявшего лазарет от «Союза городов»: в одном из штабов Западного фронта его уверяли, что «немцы приспособили к разведочному делу собак и что эти собаки-шпионы рыщут между нашими войсками»[1005].

Обычно сторонники конспирологической интерпретации слухов в качестве аргумента указывают на невероятно быстрое их распространение, в чем усматривают хорошо организованную работу агитаторов. Вместе с тем очевидно, что, несмотря на агитационную работу, слух лишь в том случае будет подхвачен широкими слоями, если будет соответствовать образам и представлениям масс. В этом случае наиболее жизнеспособными оказываются не искусственные пропагандистско-диверсионные слухи, а те, которые возникли внутри массового сознания. При этом есть рациональное объяснение невероятной скорости распространения актуальной информации. В.В. Кабанов

[1002] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. №7. С. 8.

[1003] Дневники, воспоминания, письма… С. 70.

[1004] *Снесарев А.Е.* Письма с фронта… С. 60.

[1005] *Оболенский В.А.* Моя жизнь… Т.2. С. 123. Вероятно поводом к рождению этого слуха стали реальные факты использования немцами собак в качестве санитаров и курьеров.

связал ее со свойствами математических чисел, ссылаясь на Я.И. Перельмана, доказавшего, что провинциальный 50-тысячный город может узнать свежую новость в течение 1–2,5 часов[1006].

Помимо коммуникативной функции, массовые слухи обладали еще одним характерным свойством — прогностицизмом. Случалось, что слух о чем-то предвосхищал само событие. Учитывая, что природа массовых слухов была связана с некими формами коллективного бессознательного, основывалась на архетипическом уровне мышления, массовое сознание в слухах продуцировало вытекавшие из логики современных событий вероятные варианты развития. В этом проявлялась способность массового сознания интуитивно предугадывать будущее. Вместе с тем отрицать влияние массовых слухов на развивающиеся события тоже нельзя.

Несостоятельность попыток конспирологическо-политтехнологической интерпретации происхождения и влияния слухов демонстрируется вариативностью когнитивных моделей, разных для тех или иных социальных слоев, для города и деревни. Вместе с тем в этих моделях обнаруживаются и общие черты. Чаще всего общими для деревенской и городской среды являлись слухи как когнитивные модели, направленные на поиск виновных. Один из самых распространенных мотивов слухов в годы Первой мировой войны — это предательство. Причем если Генеральный штаб способствовал распространению информации о деятельности шпионов в России, то в народе ходили слухи о шпионах среди высшего командного состава армии, а также в правительстве. Типичным было обвинение правительства в сознательном провоцировании революции с целью либо перехода к реакции, либо, в зависимости от периода распространения, заключения сепаратного мира. Подобная когнитивная схема применялась представителями разных социальных групп. В период рабочих беспорядков июня–июля 1914 г. в Петербурге вину за их разгар горожане возлагали на товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского[1007]; весной

[1006] *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества... С. 381.

[1007] *Никольский Б.В.* Дневник... С. 194.

1915 г., когда начинается кризис снабжения городов, растет социальная напряженность, виновным уже назначается министр внутренних дел Н.А. Маклаков: «Шингарев выразил убеждение, что Маклаков занимается провокацией, стараясь вызвать недовольства и беспорядки, чтобы построить свою карьеру на подавлении их. Я сам почти уверен, что это так»[1008], — писал в своем дневнике петроградский городской голова И.И. Толстой; в феврале 1917 г. распространяется слух о том, что февральские события — это продуманная провокация нового министра внутренних дел А.Д. Протопопова, который заблаговременно расставил на крышах пулеметы с целью расстрела манифестантов. Живучесть подобной когнитивной схемы кроется, по-видимому, в психологии обывателей, точнее — в человеческом страхе перед предательством. В эпоху смуты, когда рушатся системные основы общества, обыватель, теряя почву под ногами, опасаясь удара в спину, впитывает в себя всевозможные конспирологические теории. Поэтому изучение слухов должно идти одновременно с изучением массовых настроений обывателей, учитывать наиболее резонансные общественно-политические события и их восприятие массовым сознанием.

За июль 1914 — февраль 1917 г. мы можем выделить несколько хронологических отрезков, когда наиболее заметно менялись массовые настроения городских обывателей: период мобилизации и первых боев в Галиции и Восточной Пруссии (июль–сентябрь 1914 г.), во время которого в прессе доминировали оптимистические слухи о военных победах русской армии, надежды на скорую победу (при сохранении, тем не менее, значимой доли пессимистических слухов, вытекавших из неприятия войны народом); октябрь 1914 — лето 1915 г. — период распространения пессимистических настроений, массовой шпиономании, осознание затяжного характера войны; осень 1915 — весна 1916 г. — время усиления предчувствий внутриполитической катастрофы; лето 1916 г. — короткий промежуток надежд, связанных с Брусиловским наступлением; осень 1916 — зима 1917 г. — предчувствие надвигающейся

[1008] *Толстой И.И.* Дневник... С. 611.

революции. В целом вектор массовых настроений был обращен в сторону постепенной иррационализации. Вместе с тем на каждом отрезке обнаруживается целый букет иногда взаимоисключающих эмоций и представлений, динамику массовых настроений нельзя описать однолинейной кривой, хотя на каждом из этапов можно выделить доминирующую эмоцию, настроение.

В городской среде понимание причин войны было иным, нежели в деревенской. Уже отмечалось, что среди крестьян ходили фольклорные версии мирового конфликта, объяснявшие его то неудачным сватовством, то проигрышем в карты, продажей России за бочку золота, либо и вовсе апокалиптическими версиями об антихристовых намерениях царя истребить весь народ. Однако и среди аристократии были свои иррациональные слухи, объяснявшиеся значимостью мистических настроений. Так, в окружении Анны Вырубовой были уверены, что война началась из-за того, что Распутин, на которого в июне было совершено покушение, отсутствовал в Петербурге, иначе бог вдохновил бы его на предотвращение конфликта. «Скептики» по этому поводу возмущались: «Только посмотрите, от чего зависит судьба империй. Шлюха в силу личных мотивов мстит грязному мужику, и царь всея Руси сразу теряет голову. И вот, пожалуйста, весь мир охвачен огнем»[1009].

В Департамент полиции поступали сведения об отправлявшихся в армию письмах, в которых ответственность за развязывание войны возлагалась на главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Как правило, в них разыгрывалась понятная народу карта доброго царя и обманувшего его злого окружения. Иногда эти письма составлялись от имени самого государя[1010]. Джунковский полагал, что такие письма разбрасывались немцами с аэропланов в прифронтовой полосе. Однако недоверие к великому князю Николаю Николаевичу испытывали и российские элиты.

Вместе с тем образованные слои оказались в большей степени подвержены пропаганде, чем малограмотное крестьянство. В перлюстрированной

[1009] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 71.

[1010] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 421.

корреспонденции лета–осени 1914 г. встречаются высказывания, как будто переписанные из центральных газет. Общей уверенностью было, что война не может продлиться долго по экономическим причинам[1011]. Успехи русской армии в Галиции подкрепляли уверенность обывателей в верности данных прогнозов, однако неудача в Восточной Пруссии, наоборот, вселяла в сердца патриотов беспокойство. Вместе с тем, пересказывая содержание газет, обыватели успокаивали друг друга, приводя чисто рационалистические доказательства скорого окончания войны. В декабре 1914 г. надежда на скорый исход мирового конфликта еще сохранялась, но уверенности в безусловной победе союзников поубавилось, что в письмах стало синтаксически выражаться использованием конструкции «либо — либо»: «Война не может продолжаться дольше чем 4–5 месяцев. По вычислениям статистиков шестимесячная европейская война принесет Европе чистого убытка 52 млрд. рублей. Продолжать ее дольше чем 10 месяцев при таких условиях нельзя. Через 4–5 месяцев либо Германия будет разбита, либо создастся для всех держав безвыходный тупик, который придется разрешить миром»[1012].

Очень скоро обыватели столкнулись с противоречием официальных и неофициальных сведений о войне. Печать молчала об истинном положении дел в Восточной Пруссии, однако раненые воины распространяли информацию, угнетавшую современников. В этом случае оставалось либо не верить подцензурной печати, либо сведения о неудачах русских войск относить на счет происков вражеских агентов. Часть населения выбирала второй вариант, и параллельно распространявшимся слухам о военных неудачах множились слухи о массированной германской пропаганде и еврейской агитации. У некоторых подобные иллюзии, нежелание мириться с очевидным сохранялись и в январе 1915 г.[1013]

[1011] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1109.

[1012] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 61.

[1013] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 49.

Впрочем, когда в мае 1915 г. начинается массовое «великое отступление» русской армии, оценка «некоторых неуспехов» меняется. Однако, даже не сомневаясь в благоприятном окончании войны, очень многие представители образованных слоев начинали задумываться, что же она привнесет во внутреннее устройство России. Представители социал-демократии, особенно большевики-пораженцы, опасались, что победа в войне может вызвать реакцию во внутренней политике. Другие весьма аргументированно возражали, имея в виду подъем народного духа и свободолюбия, ссылаясь на опыт 1812 г., приведший к возникновению движения декабристов. Представитель университетских кругов писал своему знакомому-оппоненту в ноябре 1914 г.: «Всякая революция вызывает контрреволюцию. Война окончится и крестьянство сдвинется с места психически, внутренне. Раненые, убитые, изувеченные — все это оставит след. Наконец, крестьянин чувствует, что это он „спас родину“, что это он завоевал новую землю. Отсюда идея награды, психическое „право на награду“, компенсации. И если крестьянину ничего не дадут, то он начнет требовать… И это понятно. Поговорите с ранеными солдатами и вы увидите (я с ними лежал в больнице две недели и видел их сотни), что у всех живет одно убеждение, что эта война, подобно японской, даст что-то новое… И к интеллигенции, пролетариату еще прибавится крестьянство. Чего-же при этих условиях бояться реакции?»[1014] Житель Ярославля в декабре 1914 г. также не сомневался в революции в России, которая, по его мнению, должна была произойти несмотря на итоги мирового конфликта[1015]. Впрочем, более прозорливым современникам еще летом 1914 г. революция казалась неизбежной при любом исходе войны, которая ее лишь оттягивала: «Нужно быть готовым к революции или к крайне, во всяком случае, интенсивному противоправительственному движению, каковыми бы ни были результаты войны», — говорил

[1014] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 72.

[1015] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 35.

петербургский голова И.И. Толстой 27 августа 1914 г. собравшимся у него дома «общественным деятелям»[1016].

Условно тех, кто верил в революционную угрозу после войны, можно представить двумя группами. Первые, преимущественно представители либеральных кругов, считали, как и Толстой, что любое окончание войны всколыхнет народные массы и вызовет революционное брожение, для противодействия которому властям придется пойти на уступки общественным силам. Другие — как правило, представители консервативных кругов — считали, что лишь поражение в войне таит в себе опасность революции, так как победа приведет к сплочению власти и общества. В октябре 1914 г. протоиерей И. Восторгов писал архиепископу Антонию в Харьков: «Если не будет победы, нас ждут ужасы новой революции»[1017]. Позиция консерваторов демонстрировала плохое знание массовой психологии, впрочем, по мере развития событий в тылу и на фронте пессимистические прогнозы охватывали все более широкие слои общества.

Тем не менее до сентября 1914 г. в целом пресса фиксировала преобладание оптимистических настроений в обществе. 16 августа в статье «Настроение Петербурга» корреспондент «Петербургского листка» писал: «Последние наши успехи в Восточной Пруссии сильно отразились на настроении столицы: на скачках, на островах и в ресторанах масса публики, оживилась торговля в Гостином и Пассажах, воспрянули духом и биржевые тузы»[1018]. Вместе с тем в августе появились первые тревожные упоминания о стремлении немецкой партии при дворе заключить сепаратный мир[1019]. Неожиданностью для патриотической общественности, уверовавшей в непобедимость русской армии, стали скудные известия о катастрофе 2-й армии генерала А.В. Самсонова под Танненбергом, закончившееся самоубийством командующего. «Тяжелая

[1016] *Толстой И.И.* Дневник... С. 544.

[1017] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1575.

[1018] Петербургский листок. 1914. 16 августа.

[1019] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 118-119.

тревога охватила всех. Усугублялась она поползшими вслед за тем темными слухами об измене, о хищениях, наконец, о полном недостатке на фронте снарядов и вообще вооружения», – описывал П.П. Менделеев настроения тверского общества[1020]. Так как обстоятельства поражения русских войск не освещались прессой, среди россиян распространялись алармистские настроения и осознание, что война будет долгой и тяжелой. Тем не менее поражение под Танненбергом не поколебало веру патриотов в благоприятный итог: «И все же вера в победный конец войны не утратилась»[1021].

Осенью 1914 г. хотя в своей массе население еще не делало открыто пессимистических прогнозов, частная корреспонденция все чаще начинает фиксировать появление слухов о сепаратном мире[1022]. Отношение к этим слухам в городской среде было критичным, но и печатное слово уже не вселяло былой веры. «У нас носятся упорные слухи, что наши хотят заключить с Германией сепаратный мир, что в высших сферах сильно немецкое течение. Избави нас бог от такой глупости», — писал в октябре 1914 г. священник О.М. Никольский из Москвы П.В. Гурьеву[1023].

Вероятно, толчком к разговорам о сепаратном мире стал появившийся еще в августе 1914 г. слух о том, что великий герцог Эрнст-Людвиг Гессенский, брат императрицы Александры Федоровны, прислал ей письмо, в котором предупреждал, что если Германия будет разбита, то в стране обязательно вспыхнет революция, монархия будет заменена республикой, что приведет в скорейшем времени и к революции в России. Императрица с императором были напуганы этим прогнозом, и Николай II немедленно вызвал в Царское село главнокомандующего, который якобы ответил, что он сам не против заключения сепаратного мира, но армия ему этого сделать не позволит. Кулуарно письмо обсуждали разные деятели, одни верили, другие нет.

[1020] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 320.

[1021] Там же.

[1022] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1573.

[1023] Там же.

И.И. Толстой был среди последних, однако он не мог не обратить внимания на то, что сам по себе слух отражал тревожные общественные настроения: «Вздорность слуха для меня очевидна, но думается, что само возникновение его симптоматично»[1024]. Слухи о сепаратном мире подпитывались нежеланием низших слоев идти на войну, о чем с тревогой сообщали друг другу представители «патриотической» общественности. Л.А. Тихомиров записал в дневнике о «скверном настроении народа», что «по рынкам, по лавкам будто бы говорят, что не хотят идти на войну, не пойдут на призыв, разграбят лавки и устроят забастовку»[1025].

Впрочем, у слухов на тему мира была и оптимистическая версия. В этом случае мир запрашивала Германия ввиду признания проигрыша в войне, исчерпания своих экономических и людских ресурсов. В конце ноября 1914 г. по Петрограду пронесся слух, что Вильгельм II взят в плен и уже доставлен в столицу. Находились свидетели, которые видели его в Петровском парке. Как выяснилось, за настоящего кайзера взбудораженное сознание свидетелей приняло загримированного актера, участвовавшего в съемках фильма «Заговор против короля Альберта»[1026]. В другой раз по Петрограду распространился слух, что на Каменном Острове видели немецких солдат. Как вспоминал певец и актер Ю. Морфесси, проходила съемка очередного патриотического фильма на тему зверств немцев в Калише, когда мимо на автомобиле проезжал М.В. Родзянко, решивший на всякий случай вызвать взвод конных полицейских[1027]. В 1915 г. в городе обсуждали слухи о взятии столицы немцами, что и объясняет подозрительность председателя думы.

В январе 1915 г. появилась новая версия происхождения разговоров о сепаратном мире. Якобы на этот раз инициатива исходила от министра внутренних дел Н.А. Маклакова, который представил императору записку о

[1024] *Толстой И.И.* Дневник… С. 553.

[1025] Дневник Л.А. Тихомирова… С. 58.

[1026] Утро России. 1914. 25 ноября.

[1027] *Морфесси Ю.* Жизнь, любовь, сцена… С. 113.

необходимости скорейшего прекращения войны, так как в России назревает революционное брожение и войска необходимы для подавления политических выступлений[1028]. В марте–апреле тема революции получила новое развитие: возник слух (одним из его активных распространителей был М. Горький), что министерство внутренних дел готовит к окончанию войны крупные беспорядки с тем, чтобы подавить их силой и, тем самым, не дать разгореться революции[1029]. Говорили, что есть опасность более серьезной революции, чем в 1905–1906 гг. Петроградский городской голова И.И. Толстой, обращая внимание на антиобщественную позицию Н.А. Маклакова, находил подобные разговоры не лишенными оснований, отмечая страх министра внутренних дел перед революцией.

На рубеже 1914 – 1915 г., когда населению становится известно о нехватке оружия и боеприпасов для фронта, по стране прокатывается серия показательных расправ с якобы предателями (дела княгини Шаховской, полковника Мясоедова и др.), современников посещают пессимистичные мысли об исходе войны: «Да, видно не судьба нам иметь с таким правительством ничего, кроме позора, проигрыша всех интересов России, — и, вероятно, революций» — писал 10 февраля 1915 г. в своем дневнике Л.А. Тихомиров[1030]. Обыватели начинают пересматривать свои представления об истинных причинах войны, вспоминается назревание революции в июле 1914 г. Если в первые недели войны мысль о том, что война спасает монархию от революции, с досадой посещала умы социал-демократов и вызывала вздох облегчения у правых, то к концу 1914 г. она приходит в головы более широких слоев городских обывателей, приводя их к неожиданным предположениям о наличии между Вильгельмом и Николаем некого сговора. В среде разных социальных групп уже летом появилось мнение о том, что Вильгельм напал на Россию, ожидая, что революция заставит русское правительство пойти на заключение мира;

[1028] *Толстой И.И.* Дневник… С. 589.

[1029] Там же. С. 623.

[1030] Дневник Л.А. Тихомирова… С. 40–41.

осенью–зимой 1914 г. обыватели задумывались о политической выгоде, которую получил российский император с началом мирового конфликта. Менее радикальная точка зрения была представлена высказываниями о том, что война явилась результатом преступного замысла одних (в одних случаях немцев, в других русских министров), и результатом преступного ротозейства других (русского правительства или лично Николая): «Банда разбойников затеяла войну, другая банда разбойников не сумела вовремя, благодаря своему ротозейству, предотвратить ее и заставили миллионы других, ни в чем невиновных, мирных людей расхлебывать их ротозейство, расплачиваться за их разбойничьи души»[1031].

В декабре 1914 г. в письменном пространстве российских столиц был зафиксирован слух о том, что изменницей является императрица Александра Федоровна. В это же время то же самое говорили и о Г. Распутине, поэтому уместно предположить, что распутинский фактор был одной из главных причин дискредитации императрицы, которой с удовольствием указывали на немецкое происхождение, якобы плохое знание русского языка и пр.

Крах иллюзий и оптимистических прогнозов на счет скорого завершения войны сопровождался повышением общей нервозности, в условиях которой обыватели обращали внимание на малозначительные факты, приписывая им мистические значения. Так, в самом начале января 1915 г. случилось два происшествия, которые были интерпретированы мистически настроенными горожанами в качестве тревожных знамений: 2 января А. Вырубова стала жертвой «железнодорожного происшествия», вследствие которого она сломала бедро и вывихнула руку, а 6 января Г. Распутин на Невском попал под тройку и получил ранение головы. Даже рационально мысливший и с сарказмом относившийся к мистикам М. Палеолог не удержался и записал по этому поводу в дневнике: «После несчастного случая с госпожой Вырубовой пять дней назад, это новое предупреждение небес более чем красноречиво! Как никогда, Бог

[1031] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 59.

недоволен войной!»[1032] Когда в мае 1915 г. до петроградцев дошли известия о наступлении немцев в Галиции (Горлицкий прорыв, ставший началом «Великого отступления русской армии»), в городе заговорили о прошедшем в некоторых его частях мистическом дожде, вместе с каплями которого с неба падали длинные белые нити, одинаковой толщины и длины, с заостренными и слегка оттянутыми концами[1033]. Хотя это природное явление если и имело место на самом деле, могло быть объяснено научно, обыватели предпочитали интерпретировать подобные случаи в качестве знамений.

В это время в небольших провинциальных городах распространялись деревенские слухи, демонизировавшие вдовствующую императрицу, рассказывавшие о ее покушениях на жизнь царевича и пр.[1034]. Массовое распространение абсурдных слухов в городах приводило обывателей в замешательство; они не знали, как реагировать на подобное: то ли смеяться, то ли пугаться. Лаконичнее всего выражались, как всегда, одесситы: «Вообще у нас в городе от всяких слухов так весело, что волосы дыбом становятся»,[1035] — писал обыватель в феврале 1915 г.

Май 1915 г. оказался наиболее урожайным месяцем по количеству новых пессимистических слухов. Начальник императорской дворцовой охраны генерал А.И. Спиридович так описывал это время: «Петербург кипел. Непрекращающееся отступление в Галиции и слухи о больших потерях подняли целое море ругани и сплетен[1036]. Английский посол Дж. Бьюкенен противопоставлял психологическую атмосферу двух столиц, отмечая господство пессимистических слухов в северной столице и патриотических настроений в первопрестольной. При этом майский погром в Москве он ошибочно считал

[1032] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 233.

[1033] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 21 мая.

[1034] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ОО. Оп. 245. Д.33. Т. 1. Л. 1–2.

[1035] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1012. Л. 283.

[1036] *Спиридович А.И.* Великая война… Кн. 1. С. 151.

проявлением патриотического энтузиазма[1037]. Отличия в настроениях двух столиц отмечали многие современники. Бюрократическому Петрограду противопоставлялась Москва как центр общественных сил, с которыми связывались надежды на преодоление кризиса. Эта роль была возложена на первопрестольную с лета 1914 г., когда 30 июля на съезде представителей земств был образован Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, а 9 августа – Всероссийский союз городов. 10 июля 1915 г. оба союза сформировали Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов (Земгор), также находившийся в Москве.

Отчасти весеннюю волну сплетен можно объяснить сезонностью обострений психических заболеваний, но все же череда негативных известий как с фронта, так и с внутриполитической арены борьбы приводили образованных обывателей, пытавшихся предугадать логику дальнейшего развития России, к неутешительным выводам. В обществе более явственно ощущался запах возможной революции. М. Палеолог привел монолог, которым разразился в его присутствии А.И. Путилов: «Дни царской власти сочтены, она погибла, погибла безвозвратно… Отныне революция неизбежна»[1038].

Массовое сознание было настолько заражено шпиономанией, что интерпретировало в ее ключе практически все более или менее подходящие факты. Так, например, когда в феврале 1915 г. умер С.Ю. Витте, тут же в светских кругах появился слух, что он покончил жизнь самоубийством, когда стало известно, что он является немецким шпионом. Говорили, что Витте был разоблачен при участии французского посла. Последнему даже пришлось оправдываться перед великой княгиней Марией Павловной, поверившей слуху, и доказывать, что Витте умер естественной смертью от церебральной опухоли (на самом деле от менингита)[1039].

[1037] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 160.

[1038] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 311–312.

[1039] Там же. С. 275.

Весна 1915 г., на которую пришлась волна беженцев, нахлынувшая в центральные города России, сведения об отступлении русской армии, перебои с поставкой продовольствия в города, ознаменовалась наплывом пессимистических слухов. Причем появлялись как новые сюжеты, так и развивались старые. В апреле произошло такое резонансное происшествие, как взрыв Охтенского порохового завода. У обывателей не было сомнений в том, что это дело рук немецких шпионов. Появился абсурдный слух о том, что шпионы провели подкоп под завод и заложили в нем бомбу с часовым механизмом[1040]. Было начато расследование, которое, ввиду уничтожения большей части завода и гибели большого числа свидетелей, не смогло установить точную причину взрыва[1041]. Тем не менее нужно отметить, что взрывы на Охтенском заводе случались и ранее, причем носили регулярный характер. Подобные происшествия с человеческими жертвами имели место в декабре 1912 г., в январе 1913 г. Генерал В.С. Михайлов, принимавший участие в расследовании инцидента, пришел к выводу о ненадлежащих условиях хранения взрывчатых веществ, в результате чего взрыв плавильного аппарата привел к цепной реакции и уничтожил половину завода[1042]. Регулярный характер также носили взрывы на Самарском заводе взрывчатых веществ, имевшие место 14 ноября 1912 г., 1 мая 1914 г., 21 ноября 1916 г.

Одновременно со слухами о диверсиях распространялись и мистические интерпретации произошедшего — как «плохого знака от Бога»[1043]. Приехавшего на место взрыва французского посла поразила атмосфера, которую он сам сравнил с видением Дантова ада. Взрыв на Охтенском заводе и связанные с ним слухи породили массовую фобию — боязнь тайных подкопов. Уже в середине апреля в Департамент полиции поступил донос в адрес

[1040] Генерал В.С. Михайлов, 1875–1929: Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 278.

[1041] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т.2. С. 548 — 549.

[1042] Генерал В.С. Михайлов… С. 278–279.

[1043] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 293.

русскоподданного Германа Эйлерса, от чьего садоводства, расположенного на Безбородкинском проспекте, к артиллерийскому складу и Охтенским пороховым заводам, якобы были прорыты подземные ходы. Полиция обыскала садоводство, но не нашла никаких признаков тайных ходов[1044]. Находились свидетели, которые не только видели подкопы, но и своими ушами слышали удары, регулярно доносившиеся из-под земли. В частности, говорили, что в подвале часового магазина Бейлина по ночам ведутся какие-то подземные работы[1045]. Шпиономания заметно усиливала невротизацию российского общества.

Весной 1915 г. военные власти пытались отвлечь общественность сфабрикованным делом Мясоедова, однако его раскрутка привела к тому, что обыватели заговорили о предательстве министра внутренних дел Маклакова и военного министра Сухомлинова, чьи фамилии всплыли в деле неудачливого полковника, объявленного шпионом. Вероятно, стоявший за этим обвинением великий князь Николай Николаевич сознательно пытался поквитаться со своим противником-министром, однако политические последствия «дела Мясоедова» в конце концов ударили и по нему, и в целом по династии. А.И. Спиридович в своих воспоминаниях назвал «историю с Мясоедовым» «главным фактором (после Распутина), подготовившим атмосферу для революции»[1046].

Интриганство Николая Николаевича — «Николаши», — окончательно настроило против него Александру Федоровну, которая еще в мае 1915 г. лишь сожалела о том, что у главнокомандующего не ладятся отношения с Распутиным, а в письме императору от 16 июня высказывалась уже более определенно: «У меня абсолютно нет доверия к Н(иколаше) — я знаю, что он далеко не умен и, так как он пошел против человека, посланного Богом, его дела не могут быть угодны Богу, и его мнение не может быть правильным… Враги

[1044] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 33. Т.3. Л. 63(об).

[1045] Там же. Л. 84.

[1046] *Спиридович А.И.* Великая война... Кн. 1. С. 104.

нашего Друга — наши собственные враги»[1047]. Однако больше всего Александру Федоровну волновали слухи о росте авторитета великого князя Николая Николаевича в обществе. Возмущаясь тем, что он якобы поддерживает Думу и вмешивается во внутренние дела, в то время как император «должен бегать в Ставку и там собирать своих министров», императрица писала Николаю II: «Никто не знает, кто теперь император»[1048]. Конечно, в городах слухи не достигали того градуса абсурда, который обнаруживается в деревенских слухах о том, что главнокомандующий арестовал полковника-царя, что сам собирается править, но кое-какие разговоры столичной публики пересекались с представлениями крестьян. В июне царская свита обсуждала сплетню о том, что великий князь собирается арестовать императрицу. Лейб-хирург С.П. Федоров рассказывал, что он как-то застал плачущей великую княжну Марию Николаевну, которая на вопрос о причине своего состояния ответила, что не хочет, чтобы «дядя Николаша» запер «мама» в монастырь[1049]. В августе Л.А. Тихомиров зафиксировал в дневнике слух, что Николай II бежал из России в Германию (не уточнялось только, по подземному ли ходу и на каком транспорте)[1050]. Многие образованные подданные констатировали рост популярности Николая Николаевича на фоне дискредитации его племянника. Городская молва считала поездки царя в Ставку дурным знаком. Распространился слух, что после каждой такой поездки русскую армию начинали преследовать неудачи[1051].

В начале июня некоторые монархисты еще пытались объяснить политические слухи немецкой пропагандой. Тогда же распространялся слух, что Германия финансирует деятельность революционных организаций, о чем писал в

[1047] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 1. Берлин, 1922. С. 133.

[1048] Там же. С. 139.

[1049] *Спиридович А.И.* Великая война… Кн. 1. С. 163.

[1050] Дневник Л.А. Тихомирова… С. 95.

[1051] *Толстой И.И.* Дневник… С. 639.

дневнике доцент Юрьевского университета Б.В. Никольский[1052]. В получении немецких денег подозревали А.Ф. Керенского. Ситуация еще более усугубилась после падения Варшавы, что вызвало у современников новый прилив меланхолии[1053]. В августе поползли разговоры об эвакуации Петрограда. Объяснять катастрофу на фронте вредительством отдельных шпионов становилось все труднее.

Итогом развязавшейся кампании стало смещение великого князя с поста главнокомандующего и отправка его на Кавказ, мыслившаяся современниками ссылкой. Примечательно, что слухи об этом появились еще в начале августа 1915 г. - нередко слухи точно фиксировали перемены общественных настроений и тем самым предугадывали развитие реальных событий. Это решение только укрепило общественность во мнении, что шпионаж проник во все сферы: «А вы думаете зря его в ссылку-то услали, на Кавказ? Нет, голубчик, тут дело все раскрылось начистую: его, значит, обличительно представили к допросу, а когда дознание было совершено и улики (эх, много улик!), тут, значит, уж все было кончено, вроде шпиона» – рассуждал об отставке великого князя служащий лакеем в дворянском собрании некий Андрей Филиппыч[1054]. Поползли слухи, что главнокомандующего сняли за то, что он под видом шпионажа вешал лучших русских офицеров. Однако решение царя самолично возглавить армию и тем самым поднять солдатский дух и разделить ответственность за ход военных действий лишь ускорило падение его авторитета. Кроме того, определенная щекотливость этого решения заключалась в том, что незадолго до него Московская городская дума вынесла постановление о доверии великому князю, в результате чего поступок императора казался неким демаршем против общественности. На секретном заседании Совета министров А.В. Кривошеин предупреждал о пагубности смещения Николая Николаевича и предлагал компромиссный вариант назначения великого князя

[1052] *Никольский Б.В.* Дневник... С. 219.

[1053] *Толстая С.А.* Дневники: в двух томах. Т.2…. С. 426.

[1054] *Фурманов Д.А.* Дневник… С. 191.

помощником главнокомандующего императора[1055]. В качестве другого варианта предлагалось временно, до улучшения ситуации на фронте назначить главнокомандующим генерала М.В. Алексеева, главнокомандующего армиями Западного фронта. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов прямо говорил на заседании Совета министров: «Пусть будет Алексеев козлом отпущения»[1056].

Узнав о решении Николая II стать во главе армии, Л.А. Тихомиров записал: «Все кончено… мысль отказывается работать при таких событиях»[1057]. Среди петроградцев тут же появился слух, что император потому решил стать во главе армии, что не чувствует себя в безопасности в Царском селе и намеревается спастись в Ставке[1058]. А.И. Спиридович искренне верил, что отставкой великого князя удалось предотвратить государственный переворот[1059]. В окопах некоторые сокрушались по поводу снятия великого князя с поста главнокомандующего потому, что тем самым исчезал «последний заступник» солдат, который держал в узде офицеров и генералов[1060].

Когда катастрофа русских войск стала очевидной, вновь зазвучали разговоры о сепаратном мире, но теперь инициатива якобы исходила от самого Николая II. Эти слухи показались обоснованными даже М. Палеологу, и он решил выведать в беседе с великим князем Павлом Александровичем, так ли это на самом деле. Павел Александрович рассказал об этом императрице Александре Федоровне, которая написала возмущенное письмо мужу. Императрица полагала, что слухи являются результатом германской пропаганды[1061]. Немцы действительно использовали тему сепаратного мира в своей диверсионно-

[1055] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни… С. 85.

[1056] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 222.

[1057] Дневник Л.А. Тихомирова… С. 105.

[1058] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 355.

[1059] *Спиридович А.И.* Великая война… Кн. 1. С. 199.

[1060] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни… С. 85.

[1061] Письма императрицы Александры Федоровны... С. 127–128.

пропагандистской политике, однако нельзя сбрасывать со счетов, что слухи о сепаратном мире могли возникать как подсознательное стремление окончить войну у широких слоев населения. А.В. Краузе писала на фронт своему жениху из деревни Марфино Владимирской губернии 31 мая 1915 г.: «Здесь, по рассказам, отношение к войне вполне сознательное, следят за военными событиями и разбираются в них. „Мир“ — самое желанное слово. Все письма солдат кончаются словами: „Не слышно ли что о мире?“»[1062]. С другой стороны, образ императора, идущего на сепаратный мир с Германией, соответствовал уже разобранным представлениям низших слоев населения о Николае II как о предателе. Появление данного мотива в городской среде, да еще на посольском уровне, свидетельствует о сближении сельского и городского пространств слухов.

Шпиономания не обошла стороной императорскую семью. Сама Александра Федоровна верила слухам о том, что в Ставке находится шпион, подозревала, что это генерал Ю.Н. Данилов, и предлагала мужу поручить Воейкову установить за Даниловым слежку[1063]. Данилов в свою очередь вспоминал, что когда императрица посещала Ставку, генералы старались не обсуждать в ее присутствии стратегически важных вопросов. Однако шпиономания выражалась не только в подозрениях относительно других, но и часто выливалась в манию преследования. Императрица очень болезненно реагировала на расспросы со стороны придворных дам о своей жизни[1064].

В Ставке были свои слухи, фигурантом которых также оказывался Ю.Н. Данилов-черный. Великий князь Андрей Владимирович писал в дневнике, что генералов П.А. Плеве и Ю.Н. Данилова считали тайными революционерами за то, что они при наступательных операциях якобы сознательно губят гвардию – оплот монархии[1065]. Ординарец верховного

[1062] *Краузе Ф.* Письма с Первой мировой… С. 176 (прим.)

[1063] Письма императрицы… Т. 1. С. 128.

[1064] Там же. С. 129.

[1065] Дневники, воспоминания, письма… С. 132-133, 142.

главнокомандующего граф А. Замойский, первоначально резко отрицательно отзывавшийся о Данилове-черном, весной 1915 г. вдруг стал подчеркнуто любезен с ним, объясняя это тем, что «после войны, безусловно, будет революция, которая отберет все земли у помещиков. Во главе этого аграрного движения станет Данилов-черный, а потому и надо быть с ним в хороших отношениях: авось он земли не отберет»[1066]. Хотя Замойский произнес эти слова в пьяном виде, они в целом характеризовали взаимоотношения между генералами и проникали в обывательскую среду. Осенью 1915 г. извозчики в Москве говорили, что «вся Россия знает, что генералы изменники, а то русские войска давным-давно были бы в Берлине»[1067].

Слухи рядовых обывателей весной–летом 1915 г. касались не только высших сфер, но и бытовых проблем. Правда, все они так или иначе связывались с темой шпионажа — страх, засевший на уровне подсознания, переводил любой разговор на тему внутренней измены. Наплыв беженцев ухудшил санитарно-гигиеническое состояние городов, в результате чего стали распространяться опасные инфекции. Уже в апреле 1915 г. Петроградская Городская дума озаботилась вопросами борьбы с эпидемиями тифа и холеры, проникавшими в города с потоками сельских жителей[1068]. Особенно остро этот вопрос встал в сельской местности прифронтовой полосы, лишенной водопровода, где питьевую воду получали из колодцев. Военные санитарные врачи в июле 1915 г. получили предписание проверить местность на предмет выявления острозаразных болезней. Военный врач Ф.О. Краузе решил проинспектировать несколько сел в окрестностях Риги, где обнаружил больных без надлежащего ухода и, установив, что источником инфекции стал местный колодец, распорядился его заколотить[1069]. Однако вид заколоченных колодцев рождал панику и приводил к выводам, что воду в колодцах отравили шпионы.

[1066] Там же. С. 142.

[1067] Там же. С. 200.

[1068] *Толстой И.И.* Дневник… С. 623.

[1069] *Краузе Ф.* Письма с Первой мировой… С. 205–206.

Впервые о том, что германцы отравляют воду в колодцах, газеты написали еще 31 августа 1914 г. — в самом начале германофобской пропаганды[1070]. Однако тогда этот слух не подтверждался видом заколоченных колодцев.

Разбирая ходившие среди городских низов сплетни Л.А. Тихомиров сделал важное замечание: «Кто распространяет такие чудовищные бессмыслицы? Это вопрос неважный... Дело не в том, что распространяют, а в том, что верят»[1071]. Вне зависимости от источника подобных слухов их распространение говорит об иррационализации массового сознания. Проникновение абсурдных слухов в письменные тексты городской культуры свидетельствовало о том, что они становились частью и городского политического фольклора. Археолог В.А. Городцов, который на страницах своего дневника регулярно записывал удивившие его слухи, отмечал, что «и в нелепых слухах есть крупки некоторой правды»[1072].

Среди «бытовых» слухов этого времени можно отметить связанные с «монетным голодом». В августе в петроградских и московских газетах появились статьи с заголовками «Куда исчезла разменная монета». Количество медных и серебряных монет в свободном хождении, действительно, сократилось. Обыватели стали придумывать объяснения, которые увидели в том, что евреи, предчувствуя кризис и обесценивание бумажных денег, собрали у себя всю медь и серебро. По другой версии — медные и серебряные монеты были вывезены в Германию, чтобы спасти ее от экономического кризиса. Была и более реалистичная версия: сокращение хождения разменной монеты было вызвано оккупацией русских областей немцами, в результате чего разменная монета выбыла из внутреннего обращения. Тем не менее в торговых заведениях возникали нешуточные ссоры из-за отказов продавцов давать сдачу. 17 августа в Петрограде произошли крупные беспорядки, было разгромлено несколько

[1070] Там же. С. 54.

[1071] Дневник Л.А. Тихомирова... С. 95–96.

[1072] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 104.

рынков на почве недостатка разменных денег[1073]. Петербуржец писал в Москву: «Вообще в городе был большой переполох из-за мелкой разменной монеты, разгромили везде много лавок. И у нас, на Охте, бабы устроили бунт, разбили почти все лавки в д[оме] П. Иванова… Были вызваны солдаты и конные городовые; убили одного городового»[1074]. Участились конфликты в трамваях, где кондукторы не могли дать сдачу, а отдельные пассажиры этим пользовались[1075]. Подобные мелкие бытовые столкновения создавали в повседневности обывателей конфликтное поле, негативно влиявшее на массовые настроения и становившееся в конце концов фактором революционизации общества.

Л.А. Тихомиров считал монетный кризис спланированной акцией Германии, распространившей недостоверные слухи о нехватке медных и серебряных денег, а также результатом действий евреев-шпионов. Зараженный ксенофобией и шпиономанией, автор дневника склонен был в любом беженце и представителе иной национальности видеть врага. Тем не менее, когда открылись обменные кассы, он сам отправился в банк[1076].

«Вечернее время» находило гендерно-психологические объяснения медному кризису: в статье «Разменный психоз» ответственность за исчезновение монеты возлагалась на женщин, которые, поддавшись «общему настроению, без всякой нужды собирали мелкую разменную монету, но теперь выяснилось, что она очень неудобна для ношения и хранения, а потому они стараются сдать ее обратно поскорее»[1077]. Корреспонденты писали, что у петроградского губернского казначейства появились очереди из женщин с мешочками, которые стремились обменять медную монету обратно на бумажные деньги. Ситуацию

[1073] *Толстой И.И.* Дневник… С. 665.

[1074] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 24.

[1075] Вечернее время. 1915. 17 августа.

[1076] Дневник Л.А. Тихомирова… С. 103–104.

[1077] Вечернее время. 1915. 27 августа.

с разменной монетой В.М. Бехтерев назвал массовым психозом, списав его на специфику «нервного времени»[1078].

Военные события также продолжали волновать современников в августе 1915-го. В частности, это выразилось в разговорах о возможном взятии Петрограда немцами. Слухи о капитуляции столицы обсуждались в столичной прессе еще в августе 1914 г. Однако тогда газетчики представляли их в юмористическом ключе, писали, что их выдумывают «доморощенные стратеги-любители»[1079]. Тогда этот слух скорее был ближе анекдоту, чем пессимистическим ожиданиям. В августе 1915 г. уже представители высших слоев общества были в замешательстве. Даже фрейлина императрицы А.А. Вырубова 2 августа 1915 г. на обеде в Царском селе у великого князя Павла Александровича расспрашивала гостей, какова вероятность того, что немцы в скором времени захватят Петроград, указывая, что этот вопрос сильно беспокоит Александру Федоровну[1080]. Б.В. Никольский, также напуганный разговорами о приближении немцев, пытался смотреть на это рационально: «Кругом трусость, паника, малодушие, истерические крысы, мечтающие эвакуироваться заблаговременно… Ну, хорошо, ну, придут немцы, ну сожгут, разграбят, — что же делать? И чего метаться? Если мы всегда работать должны, то теперь должны сугубо»[1081].

Скудные известия о поражениях русских войск рождали слухи о новых наборах. Среди оригинальных слухов августа можно отметить известие о том, что в ближайший набор будут брать девок. Возможно, толчком стала публикация «Биржевыми ведомостями» заметки об аналогичном слухе в 1807 г., вызвавшим тогда свадебную эпидемию. На этот раз обошлось без последствий.

В целом летом–осенью 1915 г. заметно ощущался эмоциональный спад в российских городах. В.М. Бехтерев попытался объяснить это цикличностью

[1078] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 19 августа.

[1079] Петроградский листок. 1914. 7 августа.

[1080] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 349.

[1081] *Никольский Б.В.* Дневник… С. 229.

эмоциональных состояний, когда за подъемом неизбежно следует спад и наоборот. В итоге психиатр приходил к оптимистическому выводу, что Россию в ближайшее время ждет очередной подъем патриотических настроений и чувства национальной гордости[1082]. Но он ошибался. Осень 1915 г. только усилила меланхолию городских обывателей.

В политической сфере актуальными были разговоры о создании «Прогрессивного блока» в Государственной думе. Для части российской общественности это был один из немногих поводов для оптимистических надежд, которые возлагались и на новых представителей кабинета министров (так называемую «группу Кривошеина» и, в частности, нового министра внутренних дел кн. Н.Б. Щербатова), и на депутатов Думы. «Возродились надежды на более светлое будущее, на конец пагубного распутинского засилья», – писал современник[1083]. Закрытие Думы 3 сентября 1915 г. казалось страшной ошибкой, выбивавшей из-под ног самодержавия шаткую опору общественного доверия. Житель Тифлиса писал в сентябре 1915 г.: «Смена командования армиями, роспуск Государственной думы — признаки весьма зловещие, особенно последнее событие. Для того, чтобы распустить Гос. Думу в такое время, нужно абсолютное отсутствие ума, любви к родине. Очевидно, в верхах убедились, что война проиграна, что, следовательно, нужно спасать свою шкуру, а для этого необходимо создать соответствующую атмосферу. Нужно провокациями вызвать беспорядки с тем, чтобы заключить позорный мир, умыть руки и сказать: беспорядки, забастовки не дали нам возможность уничтожить врага, пеняйте, мол, на Гос. Думу, рабочих инородцев и т. д.»[1084]. З.Н. Гиппиус описывала атмосферу, царившую в Петрограде в начале сентября 1915 г., дополняя ее бытовыми проблемами: «В Петербурге нет дров, мало припасов. Дороги загромождены. Самые страшные и грубые слухи волнуют массы. Атмосфера зараженная, нервная и… беспомощная. Кажется, вопли беженцев висят

[1082] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 17 июля.

[1083] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 341.

[1084] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1014. Л.706.

в воздухе… Всякий день пахнет катастрофой»[1085]. В сентябре обыватели и особенно те, кому была небезразлична свобода прессы, обсуждали намерение властей ввести общеполитическую предварительную цензуру. «Биржевые ведомости» в связи с этим давали верный прогноз: «Печати подцензурной, печати в намордник верить не будут. Ее заменят слухи, эти страшные чудовища, дыхание которых ядовито, как убийственные газы, стелящиеся по земле и вливающиеся в окопы… Общественную горячку можно лечить разбитием термометра?»[1086] Череда ошибок власти — военные просчеты, смена верховного командования, роспуск Думы, усиление цензуры — создавала впечатление фатальной обреченности.

Росло недовольство «распутинским фактором». Имя «старца» все чаще в негативном ключе звучало на различных дворянских, земских собраниях. П.П. Менделеев вспоминал произнесенную В.И. Гурко речь зимой 1915 г.: «Еще можно терпеть, если хлыст в руках правительства, но чтобы правительство было под хлыстом, этого мы допустить не в силах!»[1087] Современники отмечали, что в промышленных центрах рабочие и фабричные «помышляют о революции»[1088].

В условиях распространявшейся меланхолии появлялись и политические слухи-надежды, связанные с политическим переворотом, хоть и очевидно абсурдные для сохранивших способность рационально мыслить современников. Так, один столичный житель писал 16 сентября 1915 г: «Относительно общих дел ходят разные слухи. Говорят, что “САМОГО” хотят пригласить в отставку, учредив затем регентство над А[лексеем]. — Мих[аила]. Ал[ександровича]. Глава дома, будто бы, ничего против не имеет, только заместителем Себя желает видеть Супругу, что совершенно неприемлемо»[1089].

[1085] *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 8… С. 179.

[1086] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 13 сентября.

[1087] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 349.

[1088] Там же. С. 347.

[1089] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1014. Л. 757.

Наступившая в 1915 г. ранняя зима, сокращение светового дня, погружавшее обывателей во тьму, приводило к распространению меланхолии. «Сумрачные снежные дни, полные печали. По мере того, как зима развертывает над Россией свой гробовой саван, дух понижается, воля ослабевает… Многочисленные признаки показывают, что пессимизм развит не меньше среди рабочих и крестьян», — писал современник в начале ноября 1915 г[1090]. Можно обратить внимание, что в периоды повышенной чувствительности и нервозности обывателям свойственно более чутко реагировать на изменения в природе, в которой ищут созвучные собственным настроениям состояния, и ранняя зима, как и ранняя весна, способствуют во время социально-психологической нестабильности распространению меланхолии или, наоборот, возбужденного состояния.

В октябре–декабре 1915 г. меланхолия выразилась, в частности, в падении интереса обывателей к политическим событиям и в прекращении появления новых пессимистических слухов. Горожане муссировали преимущественно старые политические темы, а также погрузились в повседневные заботы. Так, наиболее волновавшие современников темы были затронуты в беседе корреспондента «Биржевых ведомостей» с Петроградским градоначальником князем А.Н. Оболенским 24 октября. Среди них продовольственный вопрос (перебои с поставкой муки, мяса, сахара), растущие уличные очереди, проблема перегруженности Петрограда беженцами, квартирный вопрос (резко возросли цены), топливный кризис[1091].

Новый год не прибавил оптимизма. Пытавшийся держаться бодро и до последнего не желавший примириться с мыслью о военной катастрофе Б.В. Никольский оставил в дневнике парадоксальную запись: «Я верю в победу, но я не верю в будущее»[1092]. Первая половина 1916 г. ознаменовалась развитием старых сюжетов слухов: о заговорах в верхах (правда, теперь эти

[1090] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 391.

[1091] Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 24 октября.

[1092] *Никольский Б.В.* Дневник… С. 235.

заговоры были направлены против царя, в чем обнаруживается усиление предчувствия революции или государственного переворота), ростом раздражения к Распутину (говорят о заговоре министра внутренних дел А.Н. Хвостова с целью убийства старца). Лейтенант французской военной миссии в России П. Паскаль записал в дневнике, что на организованном М.В. Родзянко франко-русском банкете депутаты Думы «высказывали надежду, что война приведет к падению режима, и убеждение, что немцы придут в Петроград»[1093]. Такое сочетание оптимизма с пессимизмом характеризовало когнитивный диссонанс, царивший в умах современников.

Усиливается ненависть к «фараонам» в плане расширения ее социальной базы. Если раньше полицию ругали главным образом те, кому предстояло идти на войну, то теперь чаще звучал политический контекст критики: на фоне активизации протестных настроений появляется слух, что арестованные на демонстрациях и во время беспорядков студенты и рабочие бесследно исчезают в полиции[1094]. Подобная демонизация полиции становилась маркером отношения общества к власти как к врагу народа.

Современники отмечали, что весной 1916 г. оскорбительные для власти слухи вышли из подполья и стали в открытую обсуждаться в публичных местах. В ряде случаев их распространяли лица из высшего света и даже некоторые представители власти. Так, например, министр внутренних дел А.Н. Хвостов, осознав, что его план по устранению Распутина провалился, в феврале 1916 г. начал целенаправленно распускать слухи о том, что «старец» – немецкий шпион[1095]. Несмотря на попытки властей защитить образ Распутина, его персона время от времени появлялась в публичном пространстве. Так, в постановке «Хованщины» в Музыкальной драме Досифей был загримирован под Гришку. Впрочем, некоторые зрители были этим разочарованы: «Думаю, что

[1093] *Паскаль П.* Русский дневник. Во французской военной миссии. 1916-1918. Екатеринбург, 2014. С. 53.

[1094] *Толстой И.И.* Дневник… С. 699.

[1095] *Спиридович А.И.* Великая война… Кн. 2. С. 51.

настоящий Распутин куда интереснее, внушительнее, страшнее», — записал А.Н. Бенуа[1096].

Столичные жители отмечали, что провинция в этот период начала вести себя куда смелее. Депутат Государственной думы от Московской губернии В.А. Ржевский писал 14 марта 1916 г.: «В дороге, в вагоне, я не принимал участия в разговорах на злобы дня… Врали там без конца — ехали все провинциалы, и диву даешься, какие слухи ходят в провинции. Удивляешься даже тому, какие речи теперь громко говорятся, нисколько не стесняясь. В купе набралось офицеров, речи были на политические темы, но такие, что наши речи в Думе — ничто сравнительно с этими. Удивительно»[1097].

К годовщине майского погрома в Москве появились слухи о подготовке очередных аналогичных действий. 8 апреля 1916 г. московские власти предприняли неуверенную попытку противодействия распространявшимся слухам. Градоначальник В. Шебеко опубликовал объявление, в котором угрожал за распространение слухов тюрьмой на срок до 3 месяцев или штрафом до 3000 рублей[1098]. Учитывая, что в развитии ксенофобии и страхов перед возможными еврейскими, польскими, немецкими погромами ответственными являлись военные власти и черносотенные издания, подобные заявления звучали весьма противоречиво. Власти демонстрировали удивительное непонимание как причин, так и механизма стихийного распространения слухов, лишь подпитывая своими действиями страхи и подозрения обывателей. 2 мая 1916 г. крестьянин Курской губернии писал редактору «Русского слова» В. Дорошевичу о том, что постоянные призывы молчать, не распространять слухи и не выдавать информацию, которой могут воспользоваться шпионы, оскорбляют русского человека, который в условиях информационной антишпионской кампании начинает подозревать, что «утечка» секретов идет сверху[1099]

[1096] *Бенуа А.Н.* Мой дневник. 1916-1917-1918. М., 2003. С. 18.

[1097] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1054. Л. 17.

[1098] Дневник Л.А. Тихомирова… С. 218.

[1099] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1045. Л. 34.

Период с мая по август, самый насыщенный в 1915 г., в следующем году, наоборот, характеризуется затишьем. Вероятно, в это время массовое сознание было отвлечено известиями о генеральном наступлении, с которым обыватели связывали надежды на перелом в войне и во внутренней жизни. Временно пессимистические слухи отступили перед оптимистическими известиями. Однако, когда стало ясно, что наступление захлебнулось, пессимизм вернулся[1100]. Вернулась также тема измены. Известие о гибели 23 мая тайно ехавшего в Россию военного министра Великобритании Г. Китченера (его крейсер подорвался на мине, установленной немецкой подводной лодкой) породило слух, что императрица Александра Федоровна выдала его путь Вильгельму II[1101].

В июле Л.А. Тихомиров, рассуждая о ситуации на фронте, внутри России, задавался вопросом, глупость это или измена: «Какой же смысл всего этого? Недостатком сил это необъяснимо. Трудно объяснять и простой глупостью. Наконец — не может быть при этом и простой банальной измены»[1102]. Подхваченная и популяризированная спустя несколько месяцев П.Н. Милюковым фраза была «народной», естественным образом вытекавшей из настроений современников. Позже Тихомиров еще раз вернулся к этой дилемме, рассуждая о власти: «Я постоянно колеблюсь: идиоты? изменники? Или смесь того и другого?». Другой распространенной осенью 1916 г. фразой, популяризированной впоследствии уже М.А. Булгаковым, стала констатация разрухи (дезорганизации) в головах, провоцировавшая слухи об измене: «В действительности, имеется дезорганизация власти… Но у нас дезорганизация не во внешнем механизме, а в головах»[1103]. Неопределенность предполагала повышенную эмоциональность обывателей. В это время современники фиксировали в

[1100] Об итогах «Брусиловского наступления» см.: *Нелипович С.Г.* Цена победы. Генеральное наступление российской императорской армии летом–осенью 1916 года: поставленные задачи и достигнутые цели // Военно-исторический журнал. 2011. № 10. С. 3–10.

[1101] *Спиридович А.И.* Великая война… Кн. 2. С. 93.

[1102] Дневник Л.А. Тихомирова… С. 253.

[1103] Там же. С. 292.

дневниках, что «редкие люди мыслят идеями или определенными, ранее созданными понятиями; большинство мыслят настроениями»[1104].

В сентябре 1916 г. усилились ощущения надвигавшейся катастрофы. Примечателен спор, случившийся в ресторане у Донона между бывшим председателем Совета министров В.Н. Коковцовым и промышленником А.И. Путиловым: первый утверждал: «мы идем к революции», второй возражал — к анархии[1105]. Палеолог описывал атмосферу на устроенном великим князем Павлом Александровичем обеде в честь своего тезоименитства: «Все лица как бы покрыты вуалью меланхолии. Действительно, надо быть слепым, чтобы не видеть зловещих предзнаменований, скопившихся на горизонте»[1106].

В октябре 1916 г. в сводке начальника петроградского губернского жандармского управления рисовалась картина нарастания «грозного кризиса» в общественных настроениях[1107]. В сводке отмечались распространявшиеся слухи о том, что Петроград стоит на пороге вооруженного восстания. Эти слухи относились на счет пропаганды тайных немецких агентов, вместе с тем обращалось внимание, что хотя «слухи подобного рода значительно преувеличены в сравнении с истинным положением вещей, но все же положение настолько серьезное, что на него должно и необходимо обратить внимание незамедлительно». Обоснованность опасений жандармского управления подтвердили прошедшие 17–20 октября и 26–31 октября рабочие забастовки и стачки в Петрограде, начавшиеся со стихийного разгрома продовольственных лавок и магазинов и приобретших в процессе политическую направленность. Особенную тревогу властей вызвало пассивное поведение солдат петроградского гарнизона, которые отказались участвовать в разгоне демонстраций и частично выразили сочувствие рабочим. Приставы сообщали, что солдаты подначивали рабочих против городовых криками «бей их, сволочей,

[1104] *Снесарев А.Е.* Дневник… С. 93.

[1105] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 586.

[1106] Там же. С. 598.

[1107] Буржуазия накануне февральской революции… С. 129.

фараонов»[1108]. П.П. Менделеев вспоминал, что в это время легкораненые солдаты, шедшие на выписку, говорили, что не хотят возвращаться на фронт: «Довольно с нас… Помучились! Если надо, пускай возьмут на фронт фараонов – полицейских. Нечего им здесь бездельничать. Ишь как они отъелись на покое!»[1109]

Октябрьские забастовки рабочих неожиданно для союзников окрасились в цвета франкофобии. Рабочие открыто выступили против продолжения войны и теперь к агрессии против внутренних немцев добавилась агрессия к англичанам и французам. В конце октября французские промышленники Сико и Бопье, представители автомобильной фабрики «Рено», директора завода на Выборгской стороне, жаловались французскому послу на поведение русских рабочих соседних предприятий[1110].

Недоверие к союзникам было характерно не только для рабочих. В семье профессора Московского университета И.Т. Тарасова говорили, что на смену немецкого засилья может прийти засилье английское[1111]. Схожие настроения были распространены среди высшего офицерства: А.Е. Снесарев в своем кругу называл французов и англичан трусами, но к японцам относился с уважением, считая, что следующая война будет с Японией[1112]. Постепенно подобные настроения выходили в публичное поле. Как правило их выносили из узкого круга подвыпившие офицеры. Ксенофобские высказывания посетителей ресторанов «Контана» и «Астория» зафиксировал в дневнике лейтенант П. Паскаль: в одном случае пьяный человек говорил о презрении ко всем иностранцам, в другом подвыпивший офицер предлагал «дать бы им по морде, англичанам»[1113].

[1108] ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 128.

[1109] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 383.

[1110] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 619.

[1111] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1110.

[1112] *Снесарев А.Е.* Дневник… С. 78, 80.

[1113] *Паскаль П.* Русский дневник… С. 105-106.

Директор Департамента полиции А.Т. Васильев 30 октября 1916 г., сравнивая общественные настроения в столицах и провинции, обратил внимание на то, что Петроград и Москва лидировали по степени оппозиционности и общего напряжения. Вместе с тем он отмечал, что и провинция не сильно отстала от центра[1114].

Вероятно, наиболее обсуждаемые темы этого периода, помимо дороговизны и рабочих забастовок, — императорская семья и Дума. В разговорах о царе и царице на первый план неожиданно вышла тема сумасшествия. К тому времени в массах распространялась дешевая лубочная продукция, иллюстрировавшая слухи об интимных отношениях Александры Федоровны и Распутина. «Политическая порнография» ходила в виде дешевых литературных произведений, открыток, фальшивых фотографий, на которых якобы изображались обнаженные члены императорской семьи в компании старца. Петроградский студент в декабре 1916 г. упоминал засилье политической порнографии в письме своему московскому товарищу: «По Петрограду ходит очень много стишков, карикатур и т. п. изображений нашей милой действительности, в большинстве случаев порнографического характера»[1115]. Большой популярностью пользовались незамысловатые стишки поэта В.П. Мятлева. В известном стихотворении об интимной связи Распутина и «титулованной дамы» были следующие строчки: «И даже толстому амуру / Смотреть противно с потолка / На титулованную дуру / И на пройдоху-мужика»[1116].

В 1916 г. по рукам столичных жителей ходил текст бывшего иеромонаха Илиодора (С. Труфанова) «Святой черт. Записки о Распутине», в котором выносилась лаконичная и категоричная оценка Александре Федоровне: «Императрица Александра. Красивая, нервная, впечатлительная женщина, отдалась в руки „старца“ еще тогда, когда он явился в Питер в больших мужицких

[1114] Буржуазия накануне февральской революции… С. 137.

[1115] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1065. Л. 1527.

[1116] *Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника... С. 275.

сапогах»[1117]. Образованные подданные, понимавшие абсурдность подобных разговоров, пытались, возможно неосознанно, перевести разговор с темы морального падения царицы на ее душевное состояние. Так, бывший председатель Совета министров В.Н. Коковцов, протестуя против сплетен о связях императрицы с Распутиным, отзывался о ней: «Это благороднейшая и честнейшая женщина. Но она больна, страдает неврозом, галлюцинациями и кончит в бреду мистицизма и меланхолии»[1118]. О душевном расстройстве Александры Федоровны как причине ее отношений с Распутиным говорили лейб-медик императорской семьи Е.С. Боткин, обер-гофмейстерина Александры Федоровны Е.А. Нарышкина[1119].

О нервных припадках царицы писал В.М. Пуришкевич, объясняя влияние Распутина на царицу тем, что сибирский шарлатан каким-то образом восстанавливал нервное здоровье Александры Федоровны: «Царица страдала припадками в крайне тяжелой форме; эти припадки, по заключению профессора Бехтерева, были на нервной почве, как следствие тяжелого душевного потрясения; услуги врачей были тщетны. Государь был в отчаянии. Ожидали, что императрица сойдет с ума»[1120].

При этом ходили слухи о том, что от нервного расстройства страдает и сам император. В других случаях рассказывали, что он злоупотребляет гашишем[1121]. Диагностирование психических расстройств у политических оппонентов стало осенью 1916 г. характерной особенностью внутриполитических интриг. Впрочем, «психиатрическая терминология» использовалась и ранее, в том числе членами правительства в адрес друг друга. Так, после того как И.Л. Горемыкин объявил о роспуске Государственной Думы 3 сентября 1915

[1117] *Быв. иер. Илиодор.* Святой черт. М., 1917.

[1118] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 573.

[1119] *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания. Под властью трех царей. М., 2018. С. 378.

[1120] Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича... С. 136.

[1121] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 641.

г., С.Д. Сазонов назвал его «чокнутым» и «безумцем»[1122]. Тем не менее в 1916 г. констатация душевных расстройств тех или иных политиков казалась современникам более обоснованной.

Наверное, больше других досталось новому министру внутренних дел А.Д. Протопопову. Когда-то член партии октябристов, товарищ председателя IV Государственной думы, Протопопов задумал в 1916 г. получить министерский портфель. Министр торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховской вспоминал, что Протопопов пытался втереться к нему в доверие и получить должность товарища министра, но когда поползли слухи о том, что новым министром торговли и промышленности будет В.С. Татищев, Протопопов перестал бывать у Шаховского и стал завсегдатаем Татищева[1123]. При поддержке Штюрмера (и, как говорили, Распутина) Протопопов все же получил пост министра внутренних дел. Интриганство Протопопова и умение втираться в доверие первоначально обеспечивало ему поддержку разных уважаемых лиц, но в конечном счете такое поведение дискредитировало его.

Протопопов считался представителем умеренно-оппозиционного лагеря, однако назначение его на пост министра в сентябре 1916 г. резко изменило к нему отношение бывших соратников по парламенту. По поводу назначения Протопопова лично знавшие его люди писали: «Доверие ее (общественности. – В.А.) он с этой минуты утратил… Умный, живой, интересный собеседник, ловкий, оборотистый делец, он умел к каждому подделаться, каждому угодить, каждого очаровать… Можно себе представить, что он проделывал, как распался в лести и угождениях перед царской семьей и ее окружением»[1124]. Также Протопопов во многом сам спровоцировал критику со стороны бывших коллег чрезвычайно резкими заявлениями консервативного толка, что было расценено в Думе как предательство. Близко знавшие Протопопова люди отмечали, что он всегда был карьеристом, мечтавшим о министерской

[1122] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни… С. 128.

[1123] *Шаховской В.Н.* Так проходит мирская слава. 1893-1917. М., 2019. С. 144-146.

[1124] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 387.

должности, ради чего стал осведомителем директора Департамента полиции С.П. Белецкого, в чем последний признался во время следствия в 1917 г. Октябристом он также стал из карьеристских соображений — быть с большинством в III Думе и стать со временем ее председателем. После заграничной поездки депутатов Государственной думы, во время которой Протопопов имел неосторожность встретиться с сотрудником немецкого посольства в Швеции Ф. Варбургом (впрочем, в публичном месте и при свидетелях), поползли слухи, что Варбург передал для императрицы два письма от Вильгельма II, в одном он предлагал заключить мир с Германией и начать войну с Англией, а в другом – сделать министром Протопопова[1125]. Также ходили слухи, что Протопопов стал министром благодаря протекции Распутина: якобы министерский портфель был куплен за 50 000 р[1126].

Другие современники объясняли перемену взглядов Протопопова состоянием его здоровья: «Внезапные перемены характера, экзальтация, призраки и образы, неожиданно рождающиеся в его мозгу, составляют типичные симптомы, предвещающие общий паралич»[1127]. «Не совсем психически здоровым» называл министра внутренних дел генерал А.И. Спиридович[1128]. Согласно воспоминаниям князя Н.Д. Жевахова, Николая II очень раздражали разговоры о сумасшествии его нового министра, и он задавался вопросом: «С какого же времени он стал сумасшедшим? Вероятно с того момента, когда я назначил его министром»[1129]. Впрочем, в переписке Николая II и Александры Федоровны оба признавали, что Протопопов излишне нервный, не последователен в суждениях, часто перескакивает с одной мысли на другую[1130]. Критики

[1125] *Городцов В.А.* Дневники ученого… Кн. 2. С. 193.

[1126] *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания… С. 379.

[1127] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 602.

[1128] *Спиридович А.И.* Великая война… Кн. 2. С. 170.

[1129] *Жевахов Н.Д.* Воспоминания. Т. 1. М., 1993. С. 178.

[1130] Переписка Николая и Александры Романовых, 1916-1917. Т. 5. М., Пг., 1927. С. 146, 149.

Протопопова припоминали ему и ранние признаки расстройства. Гиппиус рассказывала, что еще до того, как стать в 1914 г. товарищем председателя Государственной думы, он несколько лет провел в сумасшедшем доме, причем считала, что у него была форма религиозного умопомешательства. П. Паскаль характеризовал Протопопова как нервозного человека, пораженного «мистической и религиозной фобией»[1131]. Протопопов действительно лечился в санатории у придворного доктора тибетской медицины, авантюриста П.А. Бадмаева, с которым был в тесных отношениях. Последний раз он попал к нему в санаторий осенью 1914 г. с сильным нервным расстройством, сопровождавшимся припадками страха и отчаяния. Его супруга обращалась даже к В.М. Бехтереву с просьбой поместить ее мужа на лечение в психиатрическую клинику. Николай II, не разделяя версию о психической болезни, считал, что причиной нервного состояния Протопопова была одна «известная болезнь»[1132]. А.Я. Аврех согласился с тем, что всему виной был сифилис[1133].

Для Гиппиус и других современников констатация сумасшествия была синонимом рассуждений о разрухе в головах — подобные оценки нельзя воспринимать буквально, как диагнозы, они передавали психологическое состояние воспринимающего реальность субъекта, демонстрировали его собственную растерянность. 29 октября 1916 г. поэтесса делилась своими ощущениями психологической атмосферы, царившей в обществе: «Россия — очень большой сумасшедший дом»[1134]. Такие же ассоциации возникали у П.П. Менделеев в конце года: «Нервы у всех напряжены были до крайности. Что-то вроде дома умалишенных представляла собою в те дни наша несчастная родина»[1135].

[1131] *Паскаль П.* Русский дневник… С. 144.

[1132] Переписка Николая и Александры Романовых… С. 146.

[1133] *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 139.

[1134] *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 8. С. 194.

[1135] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 398.

Об иррациональности происходящего осенью 1916-го — зимой 1917 г. писали разные современники вне зависимости от политических взглядов[1136].

Следует заметить, что к Протопопову были отрицательно настроены и члены правительства, в частности, премьер А.Ф. Трепов, министр финансов П.Л. Барк, министр торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховской. Министр иностранных дел Н.Н. Покровский, делая доклад императору, заявил в декабре 1916 г., что «дальнейшее его (Протопопова. – В.А.) пребывание у власти грозит государственному спокойствию»[1137].

Если для думской и сочувствующей ей общественности главными раздражителями выступали Протопопов, Распутин и императрица, то у властей с осени 1916 г. усиливались подозрения, что именно Дума является провокатором революционных беспорядков. Вместе с тем на протяжении всей Первой мировой войны представители реакционных кругов настаивали на ее ликвидации. Продолжительность сессии думы сократилась втрое в сравнении с довоенным периодом. Фактическое препятствие работы российского парламента со стороны царской власти естественным образом настраивало против последней прогрессивные круги общества, вместе с тем не позволяло Думе наладить взаимоотношение с правительством. Компромиссное предложение Прогрессивного блока о создании «правительства общественного доверия», поддержанное главноуправляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным и объединившимися вокруг него министрами, привело к досрочной отправке Государственной думы на каникулы и увольнению министров, выступавших за диалог с обществом. Открытие очередной сессии Государственной думы 1 ноября 1916 г., в условиях ухудшения ситуации на фронте, роста внутриполитической напряженности и углубления экономического кризиса, поставило на повестку дня более принципиальное требование создания ответственного перед Думой правительства, что, в отличие от компромисса августа

[1136] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1674, 1676.

[1137] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 181.

1915 г., предполагало ограничение власти царя. Дума пошла на ужесточение требований с целью недопущения скатывания России в революционную анархию. Реакционные круги находили иное объяснение: якобы депутаты, вернувшиеся из заграничной поездки, выполняют полученные от масонского центра инструкции[1138]. При этом отношение к революции у самих депутатов было неоднозначным. Как правило, революционный фактор использовали в качестве предлога давления на власть, но для представителей Прогрессивного большинства Думы революция представлялась нежелательной крайней мерой. В этом отношении показательно выступление лидера кадетов П.Н. Милюкова на конференции партии, проходившей в Петрограде 22–24 октября 1916 г., который предостерегал соратников от того, чтобы не заиграться в революцию: «Нравственный кредит правительства равен нулю; в последний момент, охваченное ужасом, оно, конечно, ухватится за нас, и тогда нашей задачей будет не добивать правительство, что значило бы поддерживать анархию, а влить в него совершенно новое содержание, т. е. прочно обосновать правовой конституционный строй. Вот почему в борьбе с правительством, несмотря на все, необходимо чувство меры»[1139].

Современники живо интересовались тем, что говорили депутаты в ноябре 1916 г. Однако ввиду того, что власти решили вопреки обыкновению не публиковать выступления депутатов в связи с резкостью их речей, по рукам стали распространяться поддельные тексты выступлений, в которые их «авторы из народа» вкладывали собственные ожидания того, о чем следовало говорить. Наибольшей популярностью пользовались поддельные выступления Милюкова и Чхеидзе, которые оказывались куда более резкими, чем реальные выступления депутатов. Когда 29 ноября подлинные речи все-таки были изданы, обыватели с некоторым разочарованием отметили, что ничего революционного в них нет.

[1138] *Спиридович А.И.* Великая война… Кн. 2. С. 164.

[1139] Буржуазия накануне февральской революции… С. 147.

Слухи о речах опередили сами речи депутатов и казались обывателям более актуальными в силу того, что содержанием их наполнили народные массы. Депутат от Воронежской губернии С.И. Шидловский 22 ноября 1916 г. обращал внимание, что всеобщая вера в «чудовищные слухи» являлась верным симптомом политического кризиса: «Я не буду вам указывать и приводить те чудовищные слухи, которые разносятся по всей стране, я не стану вам повторять многих отдельных эпизодов, которые были здесь вам сказаны ораторами, передо мной говорившими, но я нахожу, что самая возможность появления этих слухов и самая возможность того, что им все везде верят, это есть лучший показатель, что доверия этому правительству нет»[1140].

В ноябре обыватели полагали, что после произнесенных в Думе речей властям оставалось либо навсегда закрыть Думу, либо пойти ей на уступки. Фантазировали и на другие темы. Так, появился слух, что Николай II решил избавиться от дурного влияния Александры Федоровны, к тому же изменившей ему с Распутиным, и разводится с ней. Говорили также, что император откажется от верховного командования и передаст его то ли А.А. Брусилову, то ли М.В. Алексееву[1141]. В некоторых салонах поговаривали, что государственный переворот с целью заставить императора отречься от престола готовит председатель Совета министров Б.В. Штюрмер. По слухам, он, будучи немцем, добивался единоличного правления императрицы-немки Александры Федоровны, рассчитывая при ней еще более укрепить свое положение, а в будущем заключить сепаратный мир с Германией[1142]. В аристократических кругах демонизация императрицы была связана не столько с ее немецким происхождением, сколько с сильной волей, которой она подчиняла императора. Великая княгиня Мария Павловна характеризовала Александру Федоровну как обладательницу «действенной, настойчивой, неугомонной воли», а

[1140] Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая. Пг., 1917. Стлб. 390.

[1141] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1430.

[1142] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 601, 608.

императора Николая II считала носителем «отрицательной воли»: «Когда он сомневается в себе, когда он считает себя покинутым Богом, он перестает реагировать; он умеет лишь замыкаться в инертном и покорном упорстве… Посмотрите, как велико уже теперь могущество императрицы. Скоро она будет править Россией»[1143]. В это время в московских салонах, магазинах, кафе открыто рассуждали о возможности повторения Николаем II участи Павла I, а также о желательности «запереть на замок, как сумасшедшую» императрицу-немку, которая губит Россию[1144]. Следует заметить, что, согласно воспоминаниям А.И. Спиридовича, тема Павла I впервые появилась в столичных салонах еще в августе 1915 г., но тогда она вызывала скорее недоумение. Генерал считал, что за подобными разговорами скрывалась досада сторонников великого князя Николая Николаевича, потерявших после его отправки на Кавказ надежду на государственный переворот[1145]. Великая княгиня Мария Павловна Мекленбург-Шверинская (которую саму подозревали в шпионаже), передавала в августе 1915 г. разговоры, что атмосфера в столице «напоминает времена императора Павла I,.. и печальный конец… мерещится во всем своем ужасе»[1146].

В ноябре начали распространяться слухи о том, что черносотенцы готовят покушение на П.Н. Милюкова. Их подпитывали реальные убийства депутатов-кадетов М. Герценштейна и Г. Йоллоса в 1906 и 1907 гг. террористами-черносотенцами из Союза русского народа, поэтому в Департамент полиции стали поступать требования депутатов провести расследование. Идея убийства Милюкова витала в воздухе, и в начале декабря «Русские ведомости» опубликовали даже за подписью Сергея Прохожего раскаяние в намерении убить лидера партии кадетов.

[1143] Там же. С. 618.

[1144] Там же. С. 661.

[1145] *Спиридович А.И.* Великая война… Кн. 1. С. 237.

[1146] Дневники, воспоминания, письма… С. 182.

Распространяясь из высших сфер общества слухи достигали штабов армий, генералы обсуждали Распутина, устраивающего оргии в Москве, то, что он «щупает царевен», состоит в связи с «хозяйкой», а сам «хозяин не может пикнуть». Примечательно, что обсуждали эти слухи и верили им монархисты[1147]. В декабре 1916 г. появляется пессимистический слух о том, что Брусилов покончил с собой, выражавший, по всей видимости, неверие в благоприятный исход войны[1148].

Убийство в ночь на 17 декабря 1916 г. Г. Распутина, в целом благосклонно встреченное российским обществом, мыслилось как неизбежное следствие создавшегося положения. Характерно, что, как будто в соответствии с теорией «самоисполняющегося пророчества», слухи об убийстве Распутина предшествовали самому акту, они распространялись по Петрограду в начале декабря (правда, тогда предсказывали также убийство А. Вырубовой и императрицы)[1149]. Появилась версия, что убийство Распутина – это месть за организацию покушения на Милюкова[1150]. Боялись, что это запустит цепную реакцию дальнейших актов мести.

Большинство обывателей склонно было рассматривать казнь Распутина как выход из тупика и начало нового, здорового витка истории. Так, статс-дама Е.А. Нарышкина писала 23 декабря в Тамбов: «Совершившееся событие показывает нам, что мы не забыты Господом. Святое провидение в нашу жизнь входит с властной силой и пониманием того, что требует в данный момент родина. Мой чудный Царь, высокой, чистой души, не будет оставлен Господом»[1151]. «Должно сказать, что вообще убийство Распутина возбуждало решительно всеобщую радость. Я не видал еще никогда, чтобы убийство, во всяком случае, дело трагическое, возбуждало такую радость и — прямо сказать —

[1147] *Снесарев А.Е.* Дневник… С. 243.

[1148] Там же. С. 248.

[1149] *Спиридович А.И.* Великая война… Кн. 2. С. 197.

[1150] *Паскаль П.* Русский дневник… С. 143.

[1151] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1067. Л. 1756.

сочувствие», — писал в своем дневнике правый религиозный публицист Л.А. Тихомиров[1152]. Так же считала и дочь историка А. Сиверса Т.А. Аксакова-Сиверс, хотя и отмечала «революционный» характер предприятия, считала убийство «дворцовым переворотом» во имя спасения династии[1153].

Объясняли убийство Распутина желанием помешать ему заключить сепаратный мир, слухи о котором вновь усилились в конце 1916 г. Говорили, что министр двора граф Фредерикс даже держал пари, что 1 мая должен быть заключен мир, а сам Распутин утверждал, что война закончится 28 декабря. Е.А. Нарышкина была уверена в существовании заговора с целью заключения сепаратного мира, в центре которого осознанно или нет находилась Анна Вырубова[1154].

Другие, наоборот, усматривали в этом убийстве начало нового, кровавого этапа, который может довести страну до настоящей революции. Появились слухи, что сторонники Распутина собираются мстить и готовят покушение на великого князя Дмитрия Павловича[1155]. А.И. Гучков писал Н.И. Гучкову в Москву: «Допрыгались! Никакие предостерегающие голоса не помогли. Помогут ли кровавые события? И где эти события остановятся?»[1156] Другого петербуржца убийство Распутина привело к предсказанию наступления русской смуты как симбиоза марксизма с пугачевщиной[1157] Тем самым приближение Нового года происходило в атмосфере почти что милленаристских ожиданий и ощущений то ли начала нового этапа истории, то ли скорого конца истории старой.

Сохранявшееся состояние неопределенности, смутных тревог и надежд перед наступавшим новым годом усиливало конспирологическое мышление,

---

[1152] Дневник Л.А. Тихомирова… С. 321.

[1153] *Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника… Кн. 1. С. 274.

[1154] *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания… С. 380.

[1155] *Спиридович А.И.* Великая война… Кн. 2. С. 208.

[1156] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1067. Л. 1751.

[1157] Там же. Л. 1762.

которое часто выступает в качестве психического механизма поиска ответов в ситуации недостатка информации или неспособности сознания субъекта осмыслить ситуацию в целом. В результате ситуация конфликта рассматривается с помощью упрощенной модели, когда те или иные неблагоприятные события преподносятся в качестве происков внутренних или внешних врагов. Шпиономания, слухи о предательстве в верхах являлись порождением конспирологического мышления. Однако в конце 1916 г. конспирология начинает кристаллизоваться в более конкретные теории о борьбе различных тайных сил и партий, что приводит к рождению новых слухов о планах этих таинственных сил. Убийство Распутина как раз и представляется в качестве этапа подобных интриг[1158]. Ходили слухи и о бескровном преодолении кризиса путем добровольных политических уступок со стороны императора[1159]. Однако разброд мнений, ожиданий только подтверждал констатированное рядом современников состояние «разрухи в головах».

В определенных кругах вновь возникали миражи готовящегося дворцового переворота. На ум современникам опять приходили аналогии с событиями марта 1801 г. В.Н. Коковцов в декабре 1916 г. прямо сравнивал судьбу двух императоров — Павла I и Николая II. Воображение современников, возбужденное убийством Распутина, не желало успокаиваться и рисовало развитие дворцового заговора с участием великого князя Дмитрия Павловича. В высших сферах говорили, что дети великой княгини Марии Павловны Мекленбург-Шверинской (которую средние слои подозревали в шпионаже в пользу Германии ввиду ее немецкого происхождения) Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи разработали план по спасению монархии путем дворцового переворота, выполнить который должен Дмитрий Павлович, чье участие в убийстве Распутина сделало его популярным в войсках. По задумке с помощью четырех гвардейских полков заговорщики двинутся ночью на Царское село, захватят царя и царицу, императору докажут необходимость отречься от

[1158] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1430; Д. 1067. Л. 1775.

[1159] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1431.

престола, императрицу заточат в монастырь и затем объявят царем наследника Алексея под регентством великого князя Николая Николаевича[1160]. В действительности у Марии Павловны собирались в 20-х числах декабря родственники, но они обсуждали план по спасению Дмитрия Павловича, отправленного в Персию, пребывание в которой могло стать для него роковым из-за климатических условий[1161]. При этом сын Марии Павловны великий князь Андрей Владимирович, сохранявший преданность императору, наоборот, опасался ослабления власти из-за преследования Дмитрия Павловича: «Чем больше будут преследовать Дмитрия, тем больше его будут возносить, а этим восстановят против Царского Села всю Россию и армию, которая станет за Дмитрия горою. Это нежелательно, и для прекращения всего дела следует следствие прекратить, дело предать забвению и поставить крест на всем. Но шансы, что так просто и трезво посмотрят на дело, малы»[1162].

При дворе существовали страхи, что убийство Распутина вызовет брожение среди крестьян (об этом Е.А. Нарышкиной заявила сама Александра Федоровна). 4 января 1917 г. секретарь Нарышкиной передал ей, что среди крестьян уже начались волнения, «вызванные убийством одного из их среды»[1163].

Убийство Распутина стало травмирующим событием, вскрывшим страхи и противоречия разных социальных и политических групп российского общества, пребывавшего в смятении накануне 1917 г. Современники считали, что это событие окончательно подорвало душевное здоровье императрицы и заставило Протопопова стать спиритом[1164].

Заканчивая разбор предреволюционных слухов, следует отметить одну произошедшую с ними любопытную трансформацию: отражая наиболее травматичные для современников политические, экономические или бытовые

[1160] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 676.

[1161] Дневники, воспоминания, письма… С. 230.

[1162] Там же. С. 215.

[1163] *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания… С. 398.

[1164] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 395.

сюжеты, слухи в конце концов теряли свой первоначальный сенсационный характер и начинали казаться обыденными. Конечно, это не означало, что обыватели готовы были простить императриц за шпионаж в пользу Германии, а Распутина — за вмешательство в государственные дела. Авторитета властям они точно не прибавляли, однако из области политических сенсаций переходили в область светских сплетен, становились модными и даже обязательными темами для разговоров в определенных кругах общества. Даже романтические свидания не проходили без обсуждения поведения августейших особ. Так, например, О.Н. Гильдебрандт-Арбенина вспоминала о свидании с Н.С. Гумилевым в мае 1916 г.: в отдельном кабинете ресторана они говорили о войне, Африке и царице[1165].

Разбор основных сюжетов пессимистических политических слухов и их появления в столичном обществе позволяет представить динамику массовых настроений городских слоев (Приложение №1. Илл. 15; Приложение №4). Всего можно выделить 55 распространенных сюжетов, которые относятся к семи общим группам: слухи о царской семье; об измене генералов и членов правительства; о тайной деятельности шпионов; о заговорах и приближающейся революции; ситуация на фронте; «распутиниада»; бытовые проблемы. При этом по всем группам прослеживаются сквозные мотивы: шпиономания и формы ксенофобии, эсхатологические предчувствия, предчувствия революции. Как и рассмотренная «сказка о царе и мировой войне» в деревенской среде, отдельные городские слухи можно связать в некий нарратив. Так, например, можно реконструировать представления обывателей о политической эволюции России сквозь призму августейших семейных отношений: Александра Федоровна, занявшись шпионской деятельностью, изолирует Николая II от генералов и министров, добивается того, что император ее назначает регентом, настраивает мужа против Государственной думы, однако когда царь узнает об ее адюльтере с Распутиным (благодаря Милюкову?), он

[1165] См.: *Гильдебрандт-Арбенина О.* Девочка, катящая серсо: Мемуарные записи, дневники. М., 2007.

разводится с царицей, отправляет ее в монастырь и передает Думе часть своей власти (а верховным главнокомандующим делает Брусилова). Обнаруживается некоторая эволюция индивидуальных образов августейших особ, среди которых можно отметить противопоставление деревенских и городских образов. Так, императрица, считавшаяся крестьянами распутной, в городском фольклоре становится сумасшедшей, а Николай II, представляемый крестьянами в образе алкоголика, в городе превращается в наркомана.

Приведенная диаграмма демонстрирует колебания массовых настроений. Нужно заметить, что по месяцам учитывалась не вся совокупность циркулировавших в Петрограде и Москве слухов, а лишь фиксация новых сюжетов. Таким образом, нулевые точки говорят не об общественном успокоении, а временном иссякании коллективных фантазий, вероятно, под воздействием внешних событий, отвлекавших обывателей, или же по причине некоего эмоционального перегрева, приводящего к апатии. В.М. Бехтерев справедливо отмечал циклический характер массовых настроений. З.Н. Гиппиус осенью 1916 г. писала, что перестала фиксировать слухи из-за потери интереса к ним. С мая по август 1916 г. не было выявлено новых сюжетов, что может объясняться отвлечением современников на «Брусиловское наступление» и развитие в связи с этим оптимистических слухов. Тем не менее прежние слухи никуда не делись, они продолжали накапливаться в массовом сознании, вследствие чего психологическое напряжение постоянно возрастало. Вместе с тем диаграмма демонстрирует несколько пиков активного мифотворчества: май 1915 г., центральным событием которого стал московский погром, август–сентябрь 1915 г. — создание Прогрессивного блока и таяние надежд на преодоление внутреннего кризиса вследствие роспуска Думы, ноябрь 1916 г. — открытие думской сессии как «штурмовой сигнал революции» и собственно февраль 1917 г. Корреляция слухов с важными событиями внутриполитической жизни показывает значимую роль этого феномена в социально-политической истории и актуальность изучения слухов в качестве исторического источника.

Таким образом, мы видим, что цензурная политика властей, а также отказ верховной власти от прямого диалога с общественными организациями, провоцировали ситуацию, когда рациональное письменное слово подменялось иррациональным устным слухом. В результате падения доверия к власти и официальным источникам информации пространство городских слухов начинало обнаруживать сближение с крестьянской устной традицией. В городах фиксировались процессы десакрализации власти в формах, близких крестьянскому сознанию. Хотя городские обыватели за редким исключением не демонизировали вдовствующую императрицу, зная, что она была датчанкой, а не немкой, а также будучи осведомленными о ее натянутых отношениях с главных антагонистом политических слухов Александрой Федоровной, некоторые слухи устной культуры проникали в письменные тексты. Так, например, это касается известий о бегстве царя за границу, переправки царицей в Германию вагонов с мукой, покушении Марии Федоровны на жизнь царевича Алексея и т. д. Массовое распространение слухов иллюстрируется тем фактом, что Департамент полиции по некоторым из них, в том числе заранее абсурдным, начинал проверки. Так, запрос директора Департамента полиции дворцовому коменданту по поводу наличия в Зимнем телеграфа/телефона демонстрирует податливость представителей образованных слоев перед ежедневной бомбардировкой сознания известиями, противоречащими здравому смыслу. Несмотря на большей частью абсурдный характер, слухи демонстрировали колебания общественных настроений и становились важным фактором дестабилизации общества.

5. Война, техника и призраки Апокалипсиса: устные слухи, литературные фантазии и визуальные образы

В первые недели войны печать озаботилась эсхатологическими настроениями крестьянской массы. Современники замечали, что в деревенской среде «все чаще и чаще слышались рассказы о всемирной последней войне, которая

наступит перед страшным судом, о появлении антихриста и близком конце мира. В народной памяти выплывали слышанные когда-то от дедов страшные повествования и предсказания о тех главных признаках, которые должны показать близость второго пришествия Спасителя»[1166]. В одной оренбургской станице вспоминали предсказания странника Ивана Митрича: «Как настанут последние времена, все изменится, по иному будет: полетят железные птицы под самые облака и будут клевать православных железными носами и плевать на землю сверху ядрами. А от тех плевков загорится мать сыра земля и дома и люди. Не будет от этих железных птиц спасенья ни старому ни малому. И будет гром великий от полета их, даже голоса человеческого не услышите»[1167].

Связь технических средств с народными эсхатологическими представлениями уже отмечалась в современной литературе. Она относится к мотиву «чудесного мира», или, точнее, «металлического мира»: на рубеже XIX–XX вв. крестьяне считали технические изобретения признаком последних времен и верили, что паровоз движется, потому что им управляет черт, при этом и паровоз, и пароход считали огненными змеями Апокалипсиса (во многом из-за издающихся свистков и вырывающегося из трубы дыма). И.А. Бессонов наиболее характерными эсхатологическими образами «металлического мира» называет «железных птиц», «железную паутину» и «железных коней»[1168]. Под первыми понимались аэропланы (прообраз саранчи), под вторыми — телеграф, опутавший землю антихристовой сетью-проволокой, под третьими — автодвижущиеся средства (автомобили, броневики, танки) как кони Апокалипсиса. Впрочем, Бессонов полагает, что окончательно образ «железного коня» сформировался в период коллективизации и под ним крестьяне имели в виду трактор[1169]. За время Первой мировой войны известны высказывания

[1166] *Кривощеков А.И.* Легенды о войне // Исторический вестник. 1915. № 10. С. 201.

[1167] Там же. С. 201–202.

[1168] *Бессонов И.А.* Русская народная эсхатология: история и современность. М., 2014. С. 135–153.

[1169] Там же. С. 149.

крестьян об автомобилях и мотоциклах как дьявольских изобретениях (образ «черного автомобиля» как автомобиля дьявола подробно будет рассмотрен ниже). Показательно, что крестьяне с подозрением относились даже к велосипедам, передавая в местах распространявшейся холеры слухи, как на них немецкие шпионы разъезжают по деревням и травят колодцы. При этом догнать шпионов-велосипедистов не удавалось даже на лошадях — они чудесным образом ускользали от погони.

Для понимания обстоятельств формирования массовых фобий необходимо также учитывать, что Первая мировая война усилила невротизацию общества. В историографии уже неоднократно поднималась проблема травматического психоневроза, или шелл-шока (второй термин характерен для западной литературы), — посттравматического стрессового расстройства[1170]. С первых месяцев войны врачи-психиатры принялись изучать этот феномен, в специализированных журналах появлялись соответствующие статьи, выходили и отдельные брошюры[1171]. Вместе с тем проблема массового умопомешательства была хорошо известна и по предыдущим войнам, причем не только в среде врачей-специалистов, но и широким кругам читателей[1172].

[1170] См.: *Фридлендер К.* Несколько аспектов шелл-шока в России, 1914–1916 // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 315–325; *Плампер Я.* Страх в русской армии в 1878–1917 гг.: К истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст. Челябинск, 2007. С. 453–460; *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; *Аксенов В.Б.* «Революционный психоз»: массовая эйфория и нервно-психические расстройства в 1917 г. // Великая российская революция 1917: Сто лет изучения. М., 2017. С. 465–474; *Merridale C.* The Collective Mind: Trauma and Shell-Shock in Twentieth-Century Russia // Journal of Contemporary History. 35. Heft 1. (January 2000). P. 39–55.

[1171] См.: *Розенбах П.Я.* Современная война и истерия. Пг., 1915.

[1172] См., например: *Шумков Г.Е.* Первые шаги психиатрии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Доклад в заседании Общества киевских врачей 28 октября 1906 г. Киев, 1907, Андреев Л. Красный смех…

Показательно, что в то время, как военные психиатры били тревогу и писали о массовом распространении душевных болезней на фронте, гражданские врачи также констатировали увеличение поступлений в городские психиатрические лечебницы, причем в первую очередь за счет женщин[1173]. Особенно выделялись среди них беженки. Часто именно ужас, вызванный бомбежкой, «встречей» со смертоносной военной технологией, запускал механизм разрушения психики. Психиатр А.А. Бутенко наблюдал поступившую в сентябре 1915 г. в московскую Алексеевскую психиатрическую лечебницу крестьянку-беженку из Гродненской губернии сорокалетнюю Агафью Данилову, первым шоком для которой стала бомбардировка аэропланами ее родной деревни[1174]. Следует учитывать, что хотя психические болезни не заразны, в психиатрии известен феномен «душевной контагиозности» — инстинкта подражания, объясняющего заразительность чувств и эмоций[1175]. Общая атмосфера нервозности создавала благодатную почву для распространения массовых фобий.

Бредовые идеи сумасшедших и слухи «здоровых» обывателей обнаруживали общие сюжеты, среди которых выделялась зловещая роль научно-технических изобретений. Массовая шпиономания, отчасти спровоцированная военными властями, создавала образ ученого-шпиона-вредителя, разрабатывающего дьявольскую машину. Как правило, фамилия этого ученого иностранная. Не удивительно, что в среде малообразованных горожан появился слух о таком шпионе-изобретателе по фамилии Маркони — средства радиосвязи постоянно фигурировали в слухах о шпионах. Один из самых распространенных «радио-телефонослухов» касался императрицы (в городской среде — Александры Федоровны, в деревенской — Марии Федоровны), которая якобы регулярно связывалась с Берлином и передавала Вильгельму II секретные

[1173] Московский листок. 1914. 20 сентября; *Бутенко А.А.* Война и психические заболевания у женщин // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. Ежемесячный журнал. 1914–1915. № 10–12.

[1174] *Бутенко А.А.* Война и психические заболевания… С. 539–540.

[1175] См.: *Кандинский В.Х.* Общепонятные психологические этюды М., 1881.

сведения. Говорили и о том, что столицу наводнили немецкие шпионы-радисты, устраивавшие в своих квартирах радиостанции. Обыватели внимательно рассматривали крыши домов в поиске подозрительных объектов, напоминавших антенны. В мае 1915 г. в Департамент полиции поступило сообщение, что в Петрограде на крыше дома по Каменноостровскому проспекту появились антенны шпионской радиотелеграфной станции, но произведенное расследование установило, что эти «антенны» располагались на крыше более двадцати лет и предназначались для крепления электрических проводов[1176]. Массовое сознание обывателей мало интересовал тот факт, что настоящий Г. Маркони был подданным союзной Италии, записался добровольцем в армию — его фамилия стала слишком сильным раздражителем для всех зараженных «радиофобией». Летом 1915 г. в Петрограде появился слух, что шпион-немец Маркони устроился служить в Правительствующий Сенат. Вероятно, к появлению слуха привело газетное сообщение о том, что Г. Маркони в декабре 1914 г. был назначен пожизненным сенатором Италии, а также информация, что Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов (РОБТиТ) приняло предложение английской компании Маркони увеличить уставной капитал за счет привлечения их акционеров. Тем не менее, Департамент полиции был вынужден отреагировать на поступившую анонимку и констатировал, что кроме акционера-Маркони, входившего в состав правления РОБТиТ, никакого другого Маркони, тем более в Сенате, обнаружить не удалось[1177].

Однако слухи вокруг фамилии итальянского изобретателя продолжали множиться. Фантазию нервированных обывателей подхлестнула статья о «новом сенсационном изобретении Маркони» представляющим собой «усовершенствование в области рентгеновских лучей и дающем возможность видеть через толстые проницаемые оболочки»[1178]. Спустя некоторое время Департамент полиции занялся расследованием серии анонимных доносов, в которых

[1176] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. п. 245. Д. 33. Т. 1. Л. 269–270(об).

[1177] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. п. 245. Д. 33. Т. 3. Л. 354, 357–357(об).

[1178] Вокруг света. 1915. № 25. С. 408.

сообщалось, что проживавшее на Васильевском острове в доме 25 по Кадетской линии семейство пастора Г. Пенгу является немецкими шпионами, а его сын Герберт — изобретателем аппарата, с помощью которого «можно видеть сквозь стены на далекое расстояние. Посредством своего аппарата он похитил много изобретений, а настоящих изобретателей тайком умертвил на расстоянии. При помощи новых изобретений можно гипнотизировать на расстоянии, распространять болезни, умертвить кого угодно»[1179]. В одном случае аппарат назывался электрическим дальномером, в другом сообщалось, что в основе его действия — рентгеновский луч. Полиция проводила обыски по указанным адресам, но ничего не находила. В конце концов автор анонимок, распространявший вздорные слухи про аппарат, был обнаружен, им оказался отставной коллежский секретарь Р.М. Сальман. На допросе он во всем сознался и добавил, что сыновья Пенгу сами по ошибке связались с ним по своему аппарату, «причем когда он хотел зафиксировать это событие на бумагу, то из под пола его квартиры при колокольном звоне поднимались газы, во избежание взрыва которых ему пришлось работу прекратить»[1180]. Сальман оказался душевнобольным, его заболевание было усугублено распространившейся в годы войны шпиономанией.

Ходили также слухи об изобретении неким революционером Сергеем Лоренсом аппарата, способного на расстоянии уничтожать железные предметы. Примечательно, что соответствующий донос поступил в Главное управление Генерального штаба, который направил в Департамент полиции просьбу выяснить, действительно ли существует подобное изобретение[1181]. Летом 1915 г. в Царском селе пошла молва, что местный садовод Фрейндлих приобрел «скрытный аппарат для принятия воздушных волн»[1182].

[1179] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. п. 245. Д. 33. Т. 2. Л. 65.

[1180] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. п. 245. Д. 33. Т. 6. Л. 54–54(об).

[1181] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. п. 245. Д. 33. Т. 3. Л. 49.

[1182] Там же. Л. 139.

Идея воздействия на человека и неодушевленные предметы на расстоянии была связана с научными открытиями не только в области техники, но и гипноза, а также с псевдонаучными эзотерическими учениями. Последние получили распространение в начале XX в., а мировая война, пробудившая ожидания последних времен, вызвала интерес к оккультизму и, в частности, к лженаучной теории о человеческом магнетизме. Некоторые впечатлительные обыватели, имевшие склонность к психическим расстройствам, свидетельствовали, что на расстоянии слышат голоса немецких шпионов, которые внушают им определенные мысли. Массовые настроения получали развитие в лубочной литературе. В 1916 г. в журнале «Вокруг света» появился рассказ «Конец великой войны», повествующий об изобретателе, который придумал порошок, создающий сильный магнетизм и позволяющий на расстоянии управлять предметами. Приехав на границу Голландии и Германии, герой рассказа издалека произвел взрыв на одном из крупповских заводов, где в этот момент находился Вильгельм II. Упавшее орудие убило императора, что привело к окончанию войны[1183]. Рассказ интересен тем, что в нем объединились два обывательских страха — иррациональный перед псевдомагнетизмом и рациональный перед реальными крупповскими гаубицами. Примечательно, что автор не нашел реального способа покончить с германским милитаризмом, придумав способ нереальный, фантастический. Вместе с тем немецкие и австрийские мортиры и гаубицы действительно вселяли ужас в сердца как военных, так и гражданских лиц. В газетах чуть ли не с благоговейным ужасом описывалась крупповская «Большая Берта», с которой русская армия «познакомилась» под Осовцом. В некоторых случаях периодическая печать провоцировала развитие обывательских страхов, подробно описывая мощь немецких орудий[1184].

Б.Л. Пастернак сохранил память о «Берте», заставив своего героя немного благоговеть перед мощным орудием: «Как всегда, розовато пламенел горизонт в стороне фронта, и когда в ровную, ни на минуту не прекращавшуюся

[1183] Вокруг света. 1916. № 44. С. 662.

[1184] Саратовский листок. 1915. 11 ноября.

воркотню обстрела падали более низкие, отдельно отличимые и увесистые удары, как бы сдвигавшие почву чуть-чуть в сторону, Живаго прерывал разговор из уважения к звуку, выдерживал паузу и говорил: — Это Берта, немецкое шестнадцатидюймовое, в шестьдесят пудов весом штучка, — и потом возобновлял беседу, забывая, о чем был разговор»[1185]. Грохот гаубиц был одной из отличительных черт Первой мировой. Врачи-неврологи изучали воздействие ударной звуковой волны на мозг и психику солдат, считали причиной травматического психоневроза. Но свидетельством невротических реакций становились и слухи о прямо противоположном — изобретенной немцами «бесшумной пушки». Так, «Николаевская газета» сообщала, что «германцы в последних боях пользовались бесшумными пушками. Уверяют, что это усовершенствованные пушки, из которых снаряды вылетают без всякого шума»[1186]. Любопытна аргументация в пользу этого изобретения: жертвы среди солдат в дни затишья, когда не слышно было артиллерии. «Бесшумная смерть» пугала не меньше грохота, так как могла подкрасться незамеченной, и если в обычных случаях затишье давало солдатам возможность психологически расслабиться, то слухи о бесшумной пушке держали комбатантов в постоянном напряжении.

Известный физик Я.И. Перельман попытался успокоить читателей статьей «Пояс безмолвия», объяснив причину бесшумных бомбардировок особенностями распространения звуковых волн, их отражения от водородного слоя атмосферы, в результате чего появлялись участки земли, в том числе близко расположенные к источнику шума, где грохота орудий слышно не было[1187]. Однако эта публикация породила научную дискуссию, и М.К. Первухин начал оппонировать Перельману, исправляя его ошибки и предлагая иное объяснение «капризов звука»[1188].

[1185] *Пастернак Б.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Доктор Живаго. М., 1990. С. 117.

[1186] Николаевская газета. 1914. 19 ноября.

[1187] Природа и люди. 1916. № 2. С. 30.

[1188] Природа и люди. 1916. № 43. С. 615-617.

Пока ученые спорили, обыватели отдавались власти фантазии. Художники представляли, какими гигантскими станут орудия будущего — рядом с ними люди будут казаться муравьями[1189]. Потрясенные рассказами взрослых, гигантские пушки рисовали дети в школе. Впрочем, следует заметить, что захваченные в качестве трофеев вражеские гаубицы поступали в русскую армию. Так, согласно приказу начальника штаба верховного главнокомандующего от 5 июля 1916 г. была сформирована отдельная мортирная батарея, вооруженная 100-миллиметровыми австрийскими гаубицами[1190]. Таким образом, «страшные пушки» должны были устрашать и врагов.

Своеобразной профилактикой страха перед техническим превосходством немецкой армии становились слухи о появлении на русском фронте японской армии – недавний победитель русско-японской войны, которому также в свое время приписывали техническое превосходство, теперь должен был спасти Россию. Уже в августе 1914 г. упорно повторяли слухи, что японская армия следует через Сибирь на 600 поездах на русско-германский фронт. Даже образованные горожане передавали, что в августе в Восточную Пруссию отправились три корпуса японской армии[1191]. Отдельно проговаривалось, что японцы везут с собой новейшую артиллерию – шимозы[1192]. Во время обороны крепости Осовца рассказывали, что в ней находится 5000 солдат и офицеров японской армии вместе с мощной артиллерией. Примечательно, что одним из качеств японцев называли умение так маскировать свою артиллерию, что ее никто не мог увидеть[1193]. Помимо японцев народное воображение призывало на помощь индусов: среди москвичей возник слух о том, что 18 августа 1914 г.

[1189] Вокруг света. 1916. № 12. С. 190.

[1190] Приказы начальника Штаба Верховного главнокомандующего за 1916 год / Россия. Штаб Верховного Главнокомандующего (1914–1917). [Б.м.], 1916. Ч. 1. № 914.

[1191] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 80.

[1192] Шимоза – японский химик, работавший над мелинитовыми снарядами, которые в годы русско-японской войны прозвали «шимозами».

[1193] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 108-109.

через Москву на фронт проследовали индусские войска с горной артиллерией[1194]. Вероятно, источником слуха стало сообщение о намерении индийских экспедиционных войск высадиться в Марселе (что произошло в сентябре). Превращение Марселя в Москву – стандартное искажение для устной передачи информации.

Конечно, пугались не столько самих пушек или звука выстрела, сколько выпускаемых ими снарядов. Крупнокалиберные снаряды прозвали «чемоданами» — такое «профанное» прозвище должно было выполнять функцию профилактики страха перед ними. Хотя в техническом отношении Россия уступала Германии, в военной пропаганде пытались отметить и достоинство русского оружия. Так, плакаты рекламировали отечественные бризантные снаряды (хотя другие страны предпочитали от них отказываться ввиду их повышенной взрывоопасности). Описывая применение бризантных снарядов русской артиллерии на Висле, автор заключал: «Действие бризантных снарядов настолько ужасно, что прославленное военное искусство немцев оказалось совершенно бессильным» (Приложение №3. Илл. 1).

В сатирических изданиях в качестве профилактики технофобий мощь техники противопоставлялась стихийной силе русской природы: гигантским пушкам — гигантские лягушки, перед которыми в болотах увязала немецкая артиллерия (Приложение №3. Илл. 2). В ряде статей авторы старались доказать, что силы природы стоят на стороне русской армии. Корреспондент «Огонька» приводил случай, как немцы заминировали поле, ожидая наступление русских войск, однако в результате сами пошли в атаку по заминированному пространству. В это время в землю ударила молния и минные заряды сдетонировали, заставив немцев обратиться в бегство[1195].

Противопоставление технологий и природы в некоторых случаях рассматривалось как борьба разума с естественными ресурсами. Журнал «Вокруг света» опубликовал слова одного русского полковника о столкновении

[1194] Там же. С. 80.

[1195] Огонек. 1915. № 35. Без пагинации.

немецкой и русской армий как о соперничестве техники с «естественными силами природы». Он приходил к выводу, что в то время, как германская техника изнашивается, живые силу русской армии постоянно пополняются и потому победа России неизбежна[1196]. Хотя это интервью, по всей видимости, было выдумано журналистом, подобная позиция, рассматривавшая русских солдат как пушечное мясо, была характерна для части «высоколобой» общественности и, конечно же, не скрывалась от рядовых солдат, усиливая антивоенные настроения. Лейтенант французской военной миссии в России П. Паскаль приводил историю, как после уничтожения одного гвардейского семеновского батальона его командир со слезами на глазах докладывал генералу о потерях, на что последний ответил: «Ничего, соломы у нас хватает»[1197]. Артиллерист В.В. Савинков вспоминал: «Много раз слышал от офицеров (и хороших, честных, добрых офицеров), что солдат не стоит лошади; что лучше уложить роту, нежели потерять пулемет и т.п. Наша тактика – не писанная, а подлинная, применявшаяся все время на войне, сколько я знаю – заключалась главным образом в подавлении противника массами. Основа ее – убеждение, что солдат – не человек, а материал»[1198]. В дневнике генерала А.Е. Снесарева обнаруживается горькая ирония относительно потерь и способов естественного восполнения человеческого резерва: «При таких потерях мы погубим все мужское население, а наш гениальный стратег – русская баба – не сможет народить новых людей для заполнения пустующих рядов»[1199]. Великий князь Андрей Владимирович критически отзывался о генерале Ю.Н. Данилове («черном»), считая, что он идет на напрасные жертвы людей: «На карте, на которой он орудует, нет людей. Есть кружки, обозначающие корпуса. Есть известное между ними расстояние, а всякий успех, стоивший десятки тысяч жертв, отражается на карте только тем, что наносится новый кружок… И печатают в газетах – такой-

[1196] Вокруг света. 1915. № 11. С. IV.

[1197] *Паскаль П.* Русский дневник… С. 127.

[1198] Три брата (То, что было)… С. 440.

[1199] *Снесарев А.Е.* Дневник… С. 214.

то город взят. А что это стоило усилий, потерь – это ему область недоступная»[1200].

С другой стороны, проигрывая Германии технически, российская пропаганда вынужденно обращалась к теме неисчерпаемости природных ресурсов для поддержания боевого духа армии. Кроме того, в печати постоянно муссировалась тема силы русского духа, его превосходства над немецким. Указывая на рост психических заболеваний на войне, корреспонденты отмечали, что нервы германского солдата, изнеженного городской индустриальной жизнью, слабее, чем у русского крестьянина, привыкшего к невзгодам.

В этой связи уместно вспомнить распространявшийся лубочной продукцией сюжет о захвате русскими бабами немецкого аэроплана, а также сатирические плакаты, на которых бабы врукопашную расправлялись с вражескими полками. Рассказывали истории о захвате крестьянками немецких пушек. Последнее нашло выражение в организованных в Варшаве в октябре 1914 г. «парадах» трофейной техники: по улицам города на двуколках провозили немецкие орудия, на передках которых сидели бабы, управлявшие лошадьми[1201]. Баба на пушке становилась своеобразным символом сатирическо-патриотического дискурса.

Однако проблема столкновения техники и природы имела и другую — экологическую — плоскость. Появлялись аэрофотографии земли, изрезанной траншеями и воронками от взрывов крупнокалиберных снарядов. Некоторые из них назывались «Оспа войны». Другая распространенная метафора – «лунный пейзаж». В журнале «Природа и люди» был опубликован снимок изрытого лунками от снарядов поля, сопровождавшийся пояснением: «Пусть читатель не принимает эту фотографию, столь напоминающую лунный пейзаж с кратерами, за астрономическую иллюстрацию. Это небольшой участок земли перед нашими окопами, весь изрытый воронками от разрыва немецких

[1200] Дневники, воспоминания, письма… С. 65.

[1201] Минская газета-копейка. 1914. 25 октября.

снарядов»[1202]. В других статьях воронки от снарядов назывались «лунными кратерами»[1203]. Обращалось внимание на урон, нанесенный животному и растительному миру. «Природа и люди» перевел с английского статью профессора В. Пайкрафта, который рассказывал об экологической катастрофе у берегов Англии, вызванной вытекающим из потопленных кораблей маслом. Помимо морских обитателей от него страдали и птицы, гнездившиеся в прибрежной полосе[1204]. В публикациях «Жертвы войны в растительном царстве», «Пулевые раны деревьев» речь шла о погубленных артиллерийским обстрелом лесах. Побывавший на фронте корреспондент описывал отвоеванный у немцев лес: «Шумно и гулко в лесу в это солнечное утро. Но нет в нем радости жизни. Кроме людей, все живущее здесь замерло. Не слышно вечного тысячеголосого гимна природе, ни птичьего щебета, ни стрекотанья насекомых… Лес изрезан окопами и весь в плешинах. Деревья сломаны наполовину или же целиком повалены; местами как бы спилены у корня. Везде следы борьбы и разрушенья»[1205]. Осенью 1915 г. современники писали об «эвакуации» из Беловежской пущи зубров, а в октябре 1916 г. в Петроградской губернии было отмечено небывалое нашествие белок[1206]. Обыватели решили, что белки бежали от наступающей на Северном фронте немецкой армии.

В журналах писали, что непрекращающаяся канонада крупнокалиберных гаубиц «дразнит атмосферу», и природа отзывается всевозможными стихийными бедствиями, в частности, непрекращающимися ливнями[1207]. Для рядовых солдат, проводивших дни в окопах под дождем, это были не просто слова, они вызывали мысли о грядущем потопе и о наступающих последних временах.

[1202] Природа и люди. 1915. № 27. С. 432в.

[1203] Природа и люди. 1915. № 44. С. 704.

[1204] Природа и люди. 1916. № 3. С. 46.

[1205] Природа и люди. 1915. № 43. С. 688г.

[1206] Природа и люди. 1915. № 46. С. 736в; 1916. № 45. С. 644.

[1207] Вокруг света. 1915. № 23. С. IV.

Страх перед артиллерией выражался в наделении ее не только гигантскими размерами, но и зооморфными признаками. Чаще всего орудия получали формы насекомых, в чем можно усмотреть проявление инсектофобии (боязни насекомых). В октябре 1915 г. в сатирическом журнале «Будильник» была опубликована карикатура, изображавшая пушку на лапах то ли паука, то ли кузнечика, причем ее дуло было таким же мохнатым, как и лапы. Вряд ли это изображение вызывало беззаботный смех нервированных войной читателей. Вероятно, самый жуткий образ зооморфной пушки был создан художником Н. Калмаковым на картине «Гнев войны»: чудовище на паучьих лапах возвышалось средь дыма и огня, а под его брюхом копошились детеныши-ядра с горящими глазами (Приложение №3. Илл. 3). Калмаковская пушка «пошла в тираж» и, с небольшими изменениями, выпускалась в виде почтовых открыток (Приложение №3. Илл. 4). Источники образов колмаковских пушек несложно найти в российских иллюстрированных изданиях, публиковавших фотографии и сделанные на их основе рисунки реальных гигантских гаубиц (Приложение №3. Илл. 5). Вместе с тем природу живописного образа нельзя объяснить банальным заимствованием. Дж. Боулт и Ю.В. Балыбина считают, что для творчества Н. Калмакова периода Первой мировой войны характерным стало «обескураживающее сочетание монстров, секса и смерти – „культа уродства“»[1208]. В этом смысле эстетика декаданса нашла благодатную почву в психологической (или даже патологической) атмосфере эпохи Великой войны. По-видимому, «культ войны» способствует развитию «культа уродства», хотя возможно и обратное влияние.

Современники отмечали, что привыкание к постоянной опасности изменяло отношение к войне: некоторые комбатанты начинали находить в ней определенную эстетику. Корреспондент П. Васильковский делился собственным опытом привыкания к артобстрелу, отмечая, что он представлял собой «красивую картину, особенно разрывы гигантских „чемоданов“ и

[1208] *Боулт, Дж. Э., Балыбина Ю.В.* Николай Калмаков и лабиринт декадентства, 1873 -1955. М., 2008. С. 220-221.

шестнадцатидюймовых „Берт“, вздымавших колоссальные столбы песку, дыма и камней. Казалось, будто вокруг нас разом проснулись многочисленные вулканы, выбрасывавшие из жерл своих кратеров целые сонмы мрачных и черных духов подземного царства, потрясавших окрестные горы и стены фортов грохочущим, визгливо радостным хохотом. И хотя сознание подсказывало, что эти эффективные взлеты несут с собой мучения и смерть, - все же трудно было оторваться от них и отвести в сторону восхищенные глаза»[1209]. Артиллерист И. Ильин наслаждался видом небесных «барашков» от выстрелов зенитных орудий[1210]. Другие по ночам любовались видом артобстрелов: «Трескотня – артиллерийская, ружейная и пулеметная – круглый день, особенно эффектно она вспыхивает ночью. Наш нервный враг, боясь наших ночных атак, поднимает невероятную стрельбу, бросая в небо одновременно снопы светящихся бомб… это дает неописуемую иллюминацию при ураганном оркестре выстрелов»[1211]. На фронте солдаты начинали иначе относиться к природе, обращать внимание на ее красоту, те мгновения, которые оставались незамеченными в мирное время, осознавая, какой урон наносит ей война. Впрочем, наслаждаться природой не всегда удавалось не только из-за калечивших ее «машин», но и человеческой жизнедеятельности. Полковник Снесарев после того, как его часть расположилась в живописном лесу, жаловался, что гулять в нем затруднительно, т.к. солдаты превратили его в сплошное отхожее место[1212].

Иногда фантасты, знакомые с наукой, делали весьма точные предсказания: в 1916 г. был опубликован рассказ «Электрическая война будущего. Из дневника военного корреспондента 2014 года», в котором была описана электромагнитная пушка (современный рельсотрон)[1213]; также писатели предсказывали появление военных аппаратов, управляемых на расстоянии по радио

[1209] Природа и люди. 1916. № 1. С. 2-3.

[1210] Скитания русского офицера… С. 156.

[1211] *Снесарев А.Е.* Письма с фронта… С. 134-135.

[1212] Там же. С. 142.

[1213] Вокруг света. 1916. № 15. С. 232.

(современные дроны). С другой стороны, фантазия в условиях распространявшихся технофобий склонна была и преувеличивать разрушительную силу немецких изобретений. Так, например, огнемет представлялся «огненной пилой», способной резать металл, как ножницы. Якобы со слов очевидца журнал «Вокруг света» рассказывал об этом изобретении[1214]. Весьма показательно, что в отношении германских технических новшеств часто использовалось прилагательное «адский». Другая газета, публикуя фотографию трофейного огнемета, подписала ее: «Против закона Божьего и человеческого».

Конечно, зооморфные изображения пушек не были доминирующими в общем числе визуальных документов. Основная масса изобразительной продукции на военную тематику (лубок, плакат, журнальные иллюстрации) использовала реалистичные образы военной техники. Тем не менее частота и характер изображения тех или иных вооружений позволяет говорить о степени тревоги, которые они вызывали в обывательской среде. Если рассмотреть 391 военный лубок и плакат из собрания Государственного центрального музея современной истории России, то окажется, что тяжелые вооружения (пушки, корабли, авиация) представлены на 120 единицах. Другая часть изображений (69,3%) была посвящена пешим рукопашным штыковым и конным схваткам. На оставшихся изображениях доминировала полевая артиллерия (53,3%), на втором месте шли аэропланы и цеппелины (35%), на третьем — флот (10,8%) и на одном изображении присутствовал блиндированный автомобиль[1215] (Приложение №1. Илл. 16).

Однако контент-анализ необходимо дополнить иконографическим методом, который показывает, что наиболее яркие и драматичные образы касались воздушных боев. На втором месте шли морские сражения. Артиллерия, доминировавшая в количественном плане, тем не менее не выступала в качестве

[1214] Вокруг света. 1915. № 26. С. IV.

[1215] Подсчитано по: Лубочная картинка и плакат периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. Иллюстрированный каталог / Сост. В.П. Панфилова, А.П. Слесарев. Ч. 1. М., 2004.

главного объекта сцены, а играла роль стаффажа. Значительная часть изображений воздушного боя касалась тарана (между аэропланами или аэропланом и цеппелином). Если безусловным героем конных схваток был К. Крючков, то героем изображений воздушных боев — П.Н. Нестеров, однако художники рисовали и абстрактные воздушные баталии. Наиболее драматичными получались сцены ночных воздушных схваток, несмотря на их фантастичность (или, наоборот, благодаря ей). На одном из плакатов 1914 г. издательства Типографии И.Д. Сытина «Война в воздухе» была изображена ночная схватка аэропланов с цеппелинами, подсвеченная прожекторами с земли. В клубах дыма и пламени из цепеллина и протаранившего его самолета летели вниз кувыркающиеся в воздухе пилоты (Приложение №3. Илл. 6). Примечательно, что художник в 1914 г. нарисовал установленный на самолете и стреляющий через его винт пулемет, хотя впервые это было реализовано в феврале 1915 г. французским летчиком Роланом Гарросом.

Сама по себе ночная схватка с использованием такого количества авиатехники была нереальна для 1914 г. — аэропланы не были оснащены необходимыми приборами для полетов в темное время суток, кроме того, отсутствовали подсвечиваемые взлетно-посадочные полосы. Лишь со следующего года Германия начала практиковать ночные полеты, сооружая воздушные маяки и посадочные полосы с подземными огнями. В печати стали появляться упоминания о новой тактике налетов, пугавшие впечатлительных читателей. Ученый и по совместительству писатель-фантаст Я.М. Гольберг (Я. Златогоров) восхищался ночными налетами: «Ночные налеты, ночные нападения, ночные бомбардировки — все это поражает своей таинственностью, своей загадочностью. Тихо, бесшумно крадучись, появляется воздушный пират над беззащитным городом ночью, спокойно и уверенно сбрасывает он свои смертоносные разрушительные бомбы и так же незаметно и безмолвно исчезает»[1216]. Едва ли основная масса читателей разделяла восторг писателя. Источники личного происхождения подтверждают, что аэроплан и цеппелин для большинства

[1216] Вокруг света. 1916. № 30. С. 452.

обывателей оказывались более сильными эмоциональными раздражителями, чем пушка. Способность аэропланов летать на недосягаемой для зенитных орудий высоте и пробираться глубоко в тыл наделяла их особым статусом, и, несмотря на определенные сложности прицельного бомбометания, именно перед аэропланом человек полнее всего ощущал свою беспомощность. Особенно это касается ночных бомбардировок. Страх перед ними приводил к тому, что при звуке, отдаленно напоминавшем стрекотание двигателя самолета, у некоторых современников случались панические атаки. Если ночью происходили взрывы на складах боеприпасов, то первыми под подозрение попадали вражеские аэропланы.

Даже фронтовые офицеры не были лишены заблуждений об аэропланах. Так, генерал А.М. Сиверс приводил пример, как его начальник штаба генерал Попов отчитал командира противосамолетной батареи за то, что те позволили немецкому аэроплану летать низко над землей и расстреливать из пулемета русские позиции. Среди офицеров находились свидетели, которые ясно слышали пулеметный огонь по земле из аэроплана (что технически было невозможно)[1217].

Современники с тревогой рассматривали ночное небо и периодически обнаруживали на нем объекты своих страхов. Так, 17 сентября 1914 г. прошел слух, что над Петроградом летал немецкий дирижабль[1218]. 3 октября 1914 г. в 11 часов вечера над Минском был замечен неприятельский аэроплан, освещавший себе путь ярким прожектором. Произошла паника. Но вскоре выяснилось, что никакого аэроплана не было, а возмутителем спокойствия оказался загоревшийся бумажный шар (вероятно, китайский фонарик), запущенный одним из горожан[1219]. Летом 1915 г. в некоторых местностях Российской империи по ночам высоко в небе стали замечать яркий (по-видимому, снабженный прожектором) немецкий цеппелин. Журнал «Природа и люди» успокаивал своих

[1217] *Сиверс А.М.* Дневник 1916-1919 г. М., 2019. С. 31-32.

[1218] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 109.

[1219] Минская газета-копейка. 1914. 7 октября.

читателей, объясняя, что за дирижабль была принята… планета Юпитер, для которой сложились особенно благоприятные условия видимости и она засияла яркой звездой, привлекая всеобщее внимание. Летом 1916 г. сияние Юпитера повторилось, и на этот раз паника случилась в Лондоне[1220].

Так же как страхи перед артиллерией порождали слухи о «бесшумных пушках», так и страхи перед воздушными судами приводили к разговорам о цеппелинах-невидимках. В «Петроградском листке» в сентябре 1915 г. появилась статья, рассказывавшая об изобретении в Германии невидимого с земли дирижабля. Его отличала специальная вытянутая форма корпуса в виде рыбы, а также особенная покраска, исключающая блики на солнце[1221]. Вероятно, в качестве ответа появилась информация об изобретении французами невидимых аэропланов, «приготовленных из недавно изобретенного вещества»[1222].

Сдавали нервы перед аэропланами и у солдат на передовой. Случалось, что обстреливали своих. И. Зырянов писал: «Третий батальон „по ошибке“ обстрелял свой аэроплан. Летчик возвращался из глубокого тыла противника, где сбросил две бомбы и выдержал сильный воздушный бой. Пролетев немецкие окопы, он вздохнул свободной грудью и стал планировать над нашим лагерем довольно низко. Его подбили. Изрешетили весь кузов, крылья, пилоту прострелили плечо и ногу. Скандал на весь корпус»[1223]. Командир батальона оправдывался, что солдаты открыли огонь без приказа, отчасти от страха и злости, стихийно подчинившись чьему-то выкрику. Командир полка при этом не мог понять, как на такой низкой высоте солдаты могли не рассмотреть белые круги на крыльях самолета, впрочем, от страха им могло показаться что угодно. У набранных из числа необразованных крестьян солдат не было доверия даже к своим аэропланам. Часто их демонизировали, считали дьявольской машиной. По воспоминаниям, аэропланы, выполнявшие разведывательные

[1220] Природа и люди. 1916. № 5. С. 80.

[1221] Петроградский листок. 1915. 3 сентября.

[1222] Природа и люди. 1916. № 14. С. 224.

[1223] *Арамилев В.В.* В дыму войны… С. 132–133.

функции и корректировавшие огонь артиллерии, солдаты называли «дьявольскими очами». Обстрелы продолжались даже тогда, когда летчики снижались и всяческими средствами подавали знаки: махали платками, выбрасывали записки, связывались по радиотелефону с землей и т. д. Согласно свидетельствам С.Н. Никольского, из Новогеоргиевской крепости регулярно обстреливались «Ильи Муромцы» несмотря на то, что в штаб крепости передавали информацию о вылете своих самолетов[1224]. Незадолго до гибели своими был обстрелян П. Нестеров. В конце концов Ренненкампф издал приказ, запрещавший солдатам стрелять по любым воздушным целям, включая вражеские самолеты. После того, как в нарушение приказа был очередной раз обстрелян русский аэроплан, несколько виновных солдат было расстреляно. В сентябре 1914 г. в районе 1-й армии по низко летевшим четырем русским аэропланам был открыт ружейный и пулеметный огонь, в результате чего погибли несколько русских летчиков. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич издал распоряжение, запрещавшее обстрел низколетящих или снижающихся аэропланов, но стрельба по своим продолжалась до конца войны[1225].

А.Б. Асташов полагает, что в ряде случаев русские солдаты вполне сознательно обстреливали свои самолеты, так как преобладало их восприятие в качестве «бесовских творений»[1226]. В 1915 г. А.И. Кривощеков, встретивший войну в одной из казачьих станиц, указывал на эсхатологические интерпретации германской авиации оренбургскими казаками: «Раздавались голоса, что летательная машина не простой прибор-механизм, изобретенный человеческим умом, а что здесь не обошлось дело без дьявола, с которым немцы живут в большой дружбе давно. Старики принимали аэроплан за легендарную железную птицу, которая явится перед страшным судом и будет клевать

[1224] *Никольской С.Н., Никольской М.Н.* Бомбардировщики «Илья Муромец» в бою. Воздушные линкоры Российской империи. М., 2008. С. 188.

[1225] *Асташов А.Б.* Русский фронт… С. 205.

[1226] Там же. С. 204.

православных»[1227]. От страха казаки рассказывали, что аэропланы видели над уральскими заводами. Причем аэропланам придумывали птичьи повадки: «Днем скрываются в лесах, а как ночь настанет, полетят на добычу»[1228]. Старики рассказывали, что аэропланы могут опускаться на землю и оборачиваться людьми.

И.А. Бессонов указывает, что отношение к самолетам как железным птицам — предвестникам Апокалипсиса сохранялось на протяжении всего XX в. и находит истоки этого образа в саранче пророка Иоиля (чьи образы заимствовал Иоанн Богослов), которая со временем в лицевых апокалипсисах трансформировалась в антропоморфных птиц в русской книжной традиции[1229]. Не случайно Н.С. Гончарова в наполненной апокалиптическими предчувствиями серии литографий «Мистические образы войны» изобразила битву аэропланов с ангелами (Приложение №3. Илл. 7). В пропагандистской открытке и лубке, изображавших сбитые немецкие самолеты, в качестве их «вины» указывалось, что эти машины, поднимаясь в воздух, оскверняют небо. Очевидно, что те же претензии солдаты могли предъявлять и русским аэропланам, которые точно так же ассоциировались с «железными птицами» Апокалипсиса. В сатирической открытке художника В.А. Табурина содержалось наставление летчику в виде поговорки: «Ни с небом, ни с ветром не дружись, а земли-матушки держись» (Приложение №3. Илл. 8). Близкий вариант содержится в словаре живого великорусского языка В. Даля: «С водою, с ветром, да с огнем не дружись, а с землею дружись: от земли вышел, земля кормит, в землю пойдешь»[1230]. Тем самым отношение к технике выстраивались через традицию народной мудрости, что приводило к осуждению новых веяний эпохи. В этом

[1227] *Кривощеков А.И.* Легенды о войне // Исторический вестник. 1915. № 10. С. 199.

[1228] Там же. С. 200.

[1229] *Бессонов И.А.* Образ чудовищных птиц в эсхатологических рассказах // Живая старина. 2012. № 1. С. 4–7.

[1230] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. С. 534.

также проявлялось столкновение традиционализма (архаичных представлений) и модерна (технических изобретений).

Фантазия современников рисовала воздушные бои будущего, где гигантские самолеты становились летающими крепостями, которые штурмуют десантники. На их гигантских крыльях разыгрывались масштабные рукопашные схватки[1231]. Писатели предсказывали появление подземных бомбоубежищ, которые со временем будут превращаться в глубинные города.

Вместе с тем аэропланы, еще не успевшие окончательно войти в повседневную картину мира обывателей, у кого-то вызывали любопытство, а не страх. Молодой военный врач Ф.О. Краузе, оказавшись на передовой, мечтал посмотреть хоть на свой, хоть на вражеский самолет, не обращая внимания на то, что встреча с немецким самолетом может закончиться смертью[1232]. Спустя какое-то время любопытство Краузе сменилось более подходящим чувством тревоги: «Последние дни опять усиленно жужжат моторы и пропеллеры. Ждем ежедневно гостинца с неба»[1233]. Будущий советский писатель Д.А. Фурманов, устроившийся медбратом на Западном фронте, испытывал перед аэропланами одновременно страх и восхищение, инстинкт самосохранения разбавлялся эстетическим чувством: «Круглый день слышна канонада, как далекий периодический гром, каждый день шумят над головой аэропланы – высоко, высоко плавают они в облаках и жадно к чему-то присматриваются, словно грозные, хищные птицы. В полдень прилетел один австрийский альбатрос, но скоро вернулся обратно»[1234]. Аэроплан пугал солдат как предвестник наступления противника: немцы перед ним использовали аэропланы для разведки и бомбардировки, поэтому активизация полетов немецких летчиков свидетельствовала о скорых жестоких боях.

[1231] Вокруг света. 1915. № 2.

[1232] *Краузе Ф.О.* Письма с Первой мировой… С. 182.

[1233] Там же. С. 381.

[1234] *Фурманов Д.А.* Дневник... С. 89.

Следует заметить, что бомбометание с аэропланов не отличалось особенной эффективностью: в начале войны отсутствовали бомбовые прицелы, а также летчики могли взять с собой лишь пару бомб, которые сбрасывали вручную. Поэтому часто летали группами, а при огне зенитных орудий поднимались на большую высоту, что еще более затрудняло прицельную бомбардировку. Однако недостаточную разрушительную силу (исключение составляли бомбардировки с цепеллинов и многомоторных самолетов, которые поднимали в воздух 600-килограммовые авиабомбы) затмевал психологический эффект от налетов, сеявший панику. Офицер И.С. Ильин в дневнике от 11 марта 1916 г. жаловался на частые налеты, вызывавшие панику среди солдат, но при этом на его восприятии сказывалась выработанная привычка к опасности — он умудрялся в налетах находить свою красоту[1235]. Ильин подсчитывал потери после налета таких «бомбардировщиков» — обычно от бомбометания десятипятнадцати австрийских самолетов погибало от двух до четырех солдат. Скептически отзывался об аэропланах Д.А. Фурманов, считая, что потери обычно были случайными: «Уничтожение живой силы, т.е. войска – редкая случайность. Сколько ни было на моей памяти и глазах аэропланных налетов, 99% пострадавших – все из мирных жителей, из тех, кого убивать сознательно неприятелю нет ни смысла, ни расчета»[1236]. Периодическая печать также отмечала низкую эффективность бомбардировок с цеппелинов. В качестве примера приводился групповой налет трех немецких дирижаблей на пять английских городов, в результате которого в сотне домов были выбиты стекла, но при этом убитыми оказались лишь четыре человека[1237]. Однако народная фантазия придумала за немцев как поднять эффективность бомбардировок: в 1915 г. говорили, что с аэропланов начали разливать «горючую жидкость, которая все на

[1235] Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина.1914–1920. М., 2016. С. 155–156.

[1236] *Фурманов Д.А.* Дневник… С. 209.

[1237] Природа и люди. 1915. № 45. С. 717.

своем пути истребляет до мелочей»[1238]. В 1942 г. эти фантазии материализовались в изобретенном напалме.

Отношение к аэропланам в прифронтовой полосе стало своеобразным маркером бесстрашия: наблюдая за поведением человека во время налетов, бывалые солдаты делали соответствующие выводы. Тем самым аэроплан стал элементом героического дискурса. Часто он фигурировал в историях о полковых священниках, причем в зависимости от того, как к военному духовенству относился рассказчик (по мере разочарования в войне усиливалась критика полкового духовенства среди солдат) конец истории менялся: в одном случае, когда во время молебна внезапно появились вражеские аэропланы, сбросившие бомбы рядом со священником, он даже не вздрогнул, в то время как молившиеся солдаты попадали на землю, в другом случае от прогремевшего вдалеке взрыва священник сбежал, бросив молившихся солдат, или упал в обморок.

Аэроплан стал символом опасности со стороны врага. Весьма своеобразно этот символ использовался в деревенских слухах; для деревни в условиях усиливавшейся социальной напряженности внутренний враг становился опаснее врага внешнего. Особенно остро складывались отношение крестьян с немцами-колонистами, чье хозяйство оказывалось более эффективным за счет внедрения машин и применения прочих достижений агронауки. Крестьяне традиционно настороженно относились к технике, считая ее дьявольским изобретением, предписывая ей мистические свойства и желание погубить человека[1239]. «Присмотрела себе машина хозяина: на, говорит, вот я, пользуйся. И давай машина работать, а хозяин ее умасливать. И так сколько-то времени. Отсытел хозяин, выгоду получил, жирком затянулся, — только и работы у

[1238] Две тетради. Дневник Н.А. Миротворской… С. 64.

[1239] Заметим, что земства занимались образованием крестьян и организовывали курсы по сельскохозяйственному машиноведению (Земледельческая газета. 1916. № 18. С. 507), а также практиковалась сдача техники в прокат (Земледельческая газета. 1916. № 2. С. 46), однако до технической революции в деревне было еще далеко.

него стало, что спит да со сна пальчиками шевелит. За те сонные пальчики и зацепила его машина», — рассказывали в народе[1240].

В конфликтах помещиков, колонистов и крестьян часто звучала германофобская риторика, использовалась тема повального шпионажа всех этнических немцев. Ситуация усугубилась из-за начавшегося «машинного голода» ввиду прекращения поставок немецких и австрийских сельхозорудий (составлявших в 1913 г. более 40% от всей техники в России), а также сворачивания производства отечественных машин[1241]. Современники отмечали, что особенно разительные отличия в механизации земледельческого труда касались Сибири: в то время как в одних районах применялись соха, косули, деревянные плуги и бороны, «в то же самое время вблизи, часто лишь в полусотне верст от сел с первобытным инвентарем, находятся местности, где в хозяйствах можно встретить новейшие марки нашего внутреннего, североамериканского и германского с.-х. машиностроения»[1242]. Традиционные способы обработки почвы, как правило, использовали старожилы, тогда как новоселы, колонисты экспериментировали с новейшей техникой. Наблюдая, как немцы механизируют свои хозяйства, крестьяне, опасаясь конкуренции, шли на хитрость — обвиняли колонистов в том, что они строят аэропланы. Локальные конфликты иногда достигали центральных органов власти. Так, Департамент полиции МВД начал летом 1915 г. расследование относительно обвинений крестьян Воронежской губернии Новохоперского уезда в адрес немецкой колонии «Центральная», где якобы собирали аэропланы и летали на них по окрестностям губернии со шпионскими целями. Подобные слухи появились осенью 1914 г. на базаре в сл. Бурляевке — весьма важное уточнение, так как базарные слухи, распространявшиеся неграмотными торговками, были одними из самых абсурдных, а также часто приводили к массовым погромам, потому что в условиях вздорожания продуктов базары и рынки

[1240] *Федорченко С.З.* Народ на войне… С. 147.

[1241] Земледельческая газета. 1915. № 12. С. 321; № 23. С. 635.

[1242] Земледельческая газета. 1915. № 13. С. 354.

аккумулировали протестную энергию обывателей. Во время допроса свидетельницы, крестьянки хутора Петренково Феодосьи Черновой, выяснилось, что сама она ничего не видела, но слышала (от кого — не смогла вспомнить), что немец ее хутора Давид Тисен вез домой какой-то механизм, который крестьяне сочли за аэроплан[1243]. Слухи вышли за пределы Новохоперского уезда и стали распространяться по Донской области и Тамбовской губернии. Появились новые свидетели, утверждавшие, что 16, 24 и 27 июля 1915 г. в полночь над колонией «Центральная» летал аэроплан и прожектором что-то высвечивал. Начатое негласное расследование не смогло собрать даже косвенных улик, подтверждавших факт появления аэроплана, в результате чего в Департаменте полиции пришли к выводу, что «приведенные слухи умышленно распространяются некоторыми из бывших служащих у немцев окрестных хуторов, враждебно к последним настроенных за их плохое обращение с рабочими: плохо кормят, помещают в конюшнях и сараях и заставляют работать в дни православных праздников»[1244]. Тем не менее окружной атаман Хоперского округа Донской области полковник Груднев распорядился устроить повальный обыск у немцев под воздействием слухов о том, что «немцы привозят какие-то короба с вещами, что хутор Центральный охраняется, будто-бы, вооруженными людьми из немцев-же и, наконец, что немецкие хутора Новохоперского уезда имеют общение с жителями Хоперского округа»[1245].

Подобные конфликты вспыхивали во многих губерниях империи. Так, например, крестьяне Гжатского уезда Смоленской губернии с началом войны стали подозревать местного барона А.А. Остен-Сакена в шпионаже и создали о нем серию легенд: о строительстве им в своем имении подземных ходов и вылетавших из имения аэропланах[1246]. В Пермской губернии пытались использовать слух об аэроплане для сведения счетов с братьями Каменскими,

[1243] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. п. 245. Д. 33. Т. 4. Л. 90–90(об).

[1244] Там же.

[1245] Там же. Л. 92.

[1246] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. п. 245. Д. 33. Т. 3. Л. 39–40.

владевшими мельницей на Тисовском заводе. Местные крестьяне, которых, по-видимому, не устраивали цены на мельнице, донесли, что управляющим у Каменских состоит австрийский подданный Фердинанд Вальсер (полиция впоследствии выяснила, что это был вымышленный персонаж), который регулярно общается с иностранцами, а в лесу недалеко от мельницы якобы видели спрятанный аэроплан[1247]. В апреле 1915 г. начальник Псковского губернского жандармского управления провел расследование относительно слухов о массовой скупке и вывозе из губернии в Германию хлеба, в том числе на аэропланах и цеппелинах, и пришел к выводу, что их причина в невежестве местного населения и недоверии к владельца мельниц – латышам с немецкими фамилиями[1248]. В Грайворонском уезде Курской губернии также циркулировали слухи о ночных полетах аэропланов. Спровоцировал их 75-летний крестьянин Иван Демченко, который рассказывал, что как-то ночью видел пролетавший высоко в небе огненный шар размером с луну, вернувшийся затем обратно. Односельчане решили, что это был немецкий аэроплан, и тут же определили направление его полета — в имение Эмниха (единственного помещика той местности, носившего немецкую фамилию)[1249]. Другой крестьянин Херсонской губернии на рассвете увидел в небе непонятный предмет, напоминавший повозку, и, хотя никогда не видел вживую аэроплана, смог его опознать по картинке[1250].

Выдумки крестьян о встречах с аэропланами следует отделять от реальных историй, в которых, впрочем, также находилось место фантазии. Так, в одном из писем крестьянин рассказывал, как в их Луцком уезде над полем снизился неприятельский «аироплан» и начал расстреливать людей, которые бросились за подмогой к солдатам, квартировавшимся в их деревне, однако те, услышав шум мотора, сами разбежались. Шум мотора встревожил также и

[1247] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. п. 245. Д. 33. Т. 2. Л. 55–55(об).

[1248] Там же. Л. 83.

[1249] Там же. Л. 74–74(об).

[1250] ГА РФ. Ф. 102. ДП-ООО. п. 245. Д. 33. Т. 5. Л. 377–377(об).

стадо пасшихся неподалеку коров, одна из которых высоко подпрыгнула и сбила летающую машину: «вот одна корова напугалась хуже всех и как скочила на аироплан и спортила что то и он неулетел вот каким героем корова оказалась»[1251]. Эта вымышленная история про сбившую самолет корову, а также упоминание о похищении аэропланами скота может быть интерпретировано в контексте восприятия народом войны как противостояния техники и природы.

Слухи об аэропланах оборачивались массовыми фобиями даже в отдаленных от фронта участках, куда вражеские самолеты не могли долететь. Появлялись новые подробности: со временем стали говорить, что немецкие аэропланы воруют не только скот, но и баб. В некоторых оренбургских станицах бабы отказывались поодиночке ездить на пашни из-за страха перед похищением: «Как поеду одна, а вдруг раплан налетит да схватит. Пропаду ни за что»[1252].

В то время, как неграмотные крестьяне различные природные явления принимали за аэропланы, увлеченные техническим прогрессом грамотные горожане воображали его дальнейшую эволюцию. В журналах появлялись рисунки воздушных судов будущего, которые по ночам ярким лучом сжигали целые города. Другие фантазировали, что аэропланы повысят свою скрытность тем, что научатся нырять и плавать под водой[1253]. Художников будоражила тема сражений между разными видами техники: столкновения воздуха и суши, суши и моря. Появлялись рисунки преследования аэропланом автомобиля, вооруженного пулеметом, или схватки самолета с подводной лодкой (Приложение №3. Илл. 9), изображенной на почтовых карточках. Характерно, что несмотря на расширение технических характеристик самолетов будущего художники в большинстве своем не смогли уйти от привычных им форм винтокрылой машины: даже в XXI в. в воздухе должны были летать трипланы и

[1251] Письма с войны… С. 621.

[1252] *Кривощеков А.И.* Легенды о войне… С. 200.

[1253] Вокруг света. 1916. № 19-20. С. 289.

бипланы с пропеллерами. При этом более смелые предположения касались эволюции наземных средств.

Для жителей прибрежной полосы был характерен страх перед судами вражеского военно-морского флота. В первую очередь это касалось населения Одессы, Севастополя, Феодосии, Новороссийска. 29–30 октября 1914 г. турецко-германский флот обстрелял эти города и потопил русский пароход у крымского побережья. Переехавшая в 1916 г. из Москвы в Феодосию детская писательница С.Н. Шиль обратила внимание, что у гулявшей по набережной публики все еще «живы были страх и потрясение после бомбардировки города турецко-германским крейсером»[1254]. В мае 1915 г. общество было взбудоражено известием о потоплении немецкой подводной лодкой пассажирского парохода «Лузитания», следовавшего из Нью-Йорка в Ливерпуль, в результате чего погибло более тысячи человек. Художник С.В. Животовский отреагировал на это рисунком для обложки журнала «Огонек», изображавшим на носу подводной лодки голову Вильгельма II, который освещал глазами-прожекторами тонущих пассажиров (Приложение №3. Илл. 10).

Опасность исходила не только с неба и с воды, но и от сухопутных самодвижущихся машин – броневиков, или блиндированных автомобилей. В визуальной пропаганде образ бронемашины занимал незначительное место, едва ли можно говорить о серьезной массовой боязни броневиков, однако в воображении художников броневики представали грозными машинами. Так, обращает на себя внимание иллюстрация из книги-альбома «Великая война в образах и картинках», изображавшая «самый большой германский блиндированный автомобиль», который, если верить художнику или фотографу, был высотой почти с четырехэтажный дом (Приложение №3. Илл. 11). В случаях, когда такие фантазии доходили до рядовых солдат из крестьян, они вполне могли вызывать эсхатологические ассоциации с наступавшим «металлическим миром» — эпохой механических чудовищ, созданных антихристом.

[1254] Шиль С.Н. Крымские записки. 1916-1921. М., 2018. С. 18.

В 1916 г. появилась новая фобия — газеты и журналы сообщили об изобретении «лоханок» (так, глядя на созданные художниками по слухам изображения, напоминавшие перевернутые тазы на гусеницах, перевели английское существительное tank). Иначе их называли «путешествующими крепостями». Первые изображения появились в американском журнале «Scientific American» и вскоре были перепечатаны различными иллюстрированными изданиями России. Примечательно, что на первом изображении «лохани» танк был вооружен одними пулеметами, без пушки. Источником образа, помимо слухов и подтвержденных известий о реальных научно-технических разработках, были иллюстрации к популярным фантастическим произведениям Жюля Верна и Герберта Уэллса. В журнале «Вокруг света» особенно часто приводились ссылки на французского писателя, указывалось даже, что он предсказал Мировую войну в произведении «Пятьсот миллионов бегумы», в котором описывалось противостояние свободного города Франсевиля и города-завода Сталеграда. Последний явился детищем немецкого ученого Шульце, который был убежден в превосходстве германской расы над всеми остальными и мечтал уничтожить Франсевиль, разрабатывая чудовищную пушку. Современники в образе Шульце усматривали Вильгельма II. Другой роман Жюля Верна — «Паровой дом» — описывал самодвижущийся дом-автомобиль, который породил идею о появлении в будущем путешествующих крепостей (Приложение №3. Илл. 12).

Герберт Уэллс подхватил эстафету и в 1903 г. в рассказе «Наземные броненосцы» подробно описал механизированное чудовище будущего: «Бледный свет открыл нечто вроде огромного, неуклюжего насекомого — жука, размером с броненосный крейсер; оно ползло прямо на первую линию траншей и било огнем через боковые пушечные порты. Пули барабанили по его панцирю словно яростный град по железной крыше. Видение задержалось на единый миг; затем монстра сокрыла вновь наступившая тьма, и лишь крещендо выстрелов указывало на его движение вперед, к траншеям». Важно, что этот рассказ был напечатан в журнале «Вокруг Света» в 1916 г. под названием

«Путешествующие крепости», чем приобретал известную актуальность для русского читателя. Редакция в предисловии назвала его «изумительным примером пророческого предвидения великого английского романиста».

До появления фотографий настоящих танков художники давали волю фантазии и предсказывали, как благодаря «путешествующим крепостям» изменится ход военных действий в будущем (Приложение №3. Илл. 13, 14). Они рисовали гигантские многоэтажные колесные, гусеничные танки-крепости, которые стреляли из многочисленных пушек или просто давили дома мирного населения. В конце концов инсектоморфные образы проникли и в художественное «танкостроение», результатом чего стал жукообразный монстр, использовавший помимо пушек и пулеметов гигантские щупальца, разрушавшие любые преграды. Примечательно, что на его «груди» виднелась надпись «Made in England», — напуганным современникам уже было неважно, какая именно страна, союзная или вражеская, построит эту чудовищную машину, так как ход технического прогресса по пути создания механизированных чудовищ представлялся прямой дорогой к уничтожению человечества. В январе 1917 г. в журнале «XX век» появилась иллюстрированная «эволюция подвижной крепости», на которой изображались рисунки реальных и вымышленных колесных приспособлений для защиты наступающих войск. Обращал на себя внимание один из центральных рисунков: голова дьявола на колесах[1255].

Интерес к техническому прогрессу поднимал спрос на фантастику, который резко возрос по сравнению с довоенным временем, что, в частности, отразилось в поступавших в петроградскую драматическую цензуру пьесах: если в 1914 г. фантастических пьес было всего 6% от общего числа и они занимали по популярности предпоследнее седьмое место (опережая исторические), то в 1915 г. они переместились на четвертое место с 12%. Показательно, что в 1914–1915 гг. наибольшие изменения «рейтинга» коснулись только двух жанров — фантастики и патриотических пьес (последние со второго места в

[1255] XX век. 1917. №4.

1914 г. опустились на шестое), — что позволяет говорить о некоторой взаимной инверсии патриотического и фантастического сознания в этот период.

Следует заметить, что фантастические образы убийственных технических средств существовали не только в эсхатологическом сознании крестьян, художественно-литературных фантазиях творческой интеллигенции, но и воплощались в инженерных проектах. Как правило, речь шла о невежественных попытках горе-изобретателей реализовать собственные фантазии или идеи людей прошлого. Так, например, в 1915 г. в Технический комитет Главного военно-технического управления поступил проект некоего доктора Иодкевича об изменении физической природы металлов путем воздействия на них электрического тока[1256]. В другом случае омский мещанин Ф.Н. Щербаков описывал беспилотный летательный аппарат, способный автоматически сбрасывать бомбы: «летательный аппарат который приводитца в действие завадной пружинай, так что, в сказанный апарад кладется снаряд, заводится пружына, и направив его в сторону неприятеля аппарад отпровляется»[1257]. Появлялись проекты гигантских бронеавтомобилей, огнеметов нового типа и. т. д. Все это указывает на то, как сильно военная техника захватывала массовое сознание.

Ученый-археолог В.А. Городцов привел на страницах дневника свой сон, по-видимому, явившийся следствием захватившей и его технофобии. В нем он стал участником сражения войск Вильгельма с защитниками города Новомира. Ученые последнего изобрели лучи, которые пускали токи, парализовывавшие людей, останавливавшие технику, сбивавшие самолеты[1258].

Всеобщее технобезумие отражалось в сатире. В июле 1917 г. пятигорское «Народное эхо» опубликовало гротескную сказку С. Черного «Техники», в которой рассказывалось о немецких ученых-изобретателях, предлагавших за деньги военному министерству новые смертоубийственные машины.

[1256] *Бахурин Ю.* Бестиарий великой войны. Неизвестные военно-технические проекты Российской империи // Родина. 2014. № 8. С. 42.

[1257] Цит. по: *Бахурин Ю.* Бестиарий великой войны… С. 44.

[1258] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 98.

Последний изобретатель принес небольшой черный ящичек с клапанами Париж, Лондон, Петроград, перекрытие которых уничтожало означенные города. Запросив 10 000 марок, ученый получил 20 000 только за то, что пообещал министерскому полковнику уничтожить свое изобретение, так как военные не были заинтересованы в прекращении войны[1259]. Подобные образы демонизировали ученых вне зависимости от их подданства, отражая определенные ментальные сдвиги на почве распространявшихся технофобий.

Таким образом, период Первой мировой войны усилил процессы невротизации общества, которые, согласно Й. Радкау, были характерной чертой рубежа XIX–XX вв. Массовая пропаганда, демонизировавшая врага и описывавшая в ярких красках новые военные изобретения, а также наблюдавшиеся обывателями сцены массового беженства, рождавшие библейские ассоциации, порождали эсхатологические предчувствия. Первая мировая война стала войной технологий, поэтому фобические образы техники гармонично дополняли апокалиптическую картину «металлического мира» как эсхатологической эпохи. Война представлялась как последняя битва, в которой роль зла играла германская техника, а роль добра исполняла русская природа. Экологические проблемы войны, тем самым, переплетались с эсхатологическими предчувствиями. При этом в распространенных технообразах обнаруживаются разные пласты и аллюзии: влияние литературно-художественной традиции научно-фантастических произведений, прогнозов ученых относительно дальнейшего технического прогресса, иррациональных страхов малообразованных слоев, выраженных в слухах. В условиях разраставшейся шпиономании обывателей начинали пугать не только образы чудовищных вооружений, но и давно вошедшие в повседневный обиход научные изобретения, например, бинокли и фотокамеры, приписываемые исключительно шпионам. В некоторых случаях современники использовали массовые фобии для сведения счетов со своими «классовыми врагами». Все вместе это формировало тяжелую

[1259] Народное эхо. 1917. 6 июля.

психологическую атмосферу, в которой ощущалось крушение основ прежней цивилизации.

***

Изучение массовых настроений российского крестьянства как носителей устной культуры затрудняется не только известной ограниченностью источниковой базы, но и спецификой народной ментальности, которую исследователи характеризуют как синкретичную. Синкретизм крестьянского мышления приводил к амбивалентности попадавших в поле зрения народа категорий. В этом отношении внешняя покорность мобилизации согласовывалась с внутренним неприятием войны, а желание проучить немца соседствовало с признанием, что если немец победит, то при нем жить будет лучше. Показательны метаморфозы образа Николая II, воспринимавшегося некоторыми крестьянами олицетворением зла, воплощением Антихриста; вместе с тем, согласно другим высказываниям, именно Антихрист должен осуществить вековую мечту народа — дать крестьянам землю. Тем не менее массовое оскорбления царя и членов его семьи позволяет говорить о десакрализации императорской власти, внутреннем отречении народа от своего царя. Крестьянский дискурс о войне и царе, выражавшийся в слухах, а также высказываниях, обнаруживающих фольклорную основу, может быть интерпретирован в качестве сказки, в которой царь оказывался главным антагонистом героя — народа, вовлеченного в мировую бойню в результате измены верхов. Образ царя-антагониста наполнялся в конечном счете политическим содержанием, предопределяя будущее крушение монархии.

Рациональная городская культура несколько иначе, чем деревенская среда, отреагировала на начало Первой мировой войны. В отличие от неграмотных крестьян, горожане лучше воспринимали и усваивали посылы патриотической пропаганды. Тем не менее последняя апеллировала к эмоциям, и уже с первых дней войны в Петрограде и других городах патриотические

манифестации стали оборачиваться антинемецкими погромами. При этом существенный недостаток информационной стратегии властей заключался в наличии жесткой цензуры, которая, помимо военных сведений, касалась политических и экономических оценок положения в стране. Недостаток печатной информации компенсировался слухами, но городские и деревенские слухи на первом этапе войны имели разную степень рациональности.

По мере ухудшения продовольственной ситуации, нарастания общей хозяйственной разрухи в обществе накапливалось недовольство по поводу затягивавшейся войны, в результате чего германофобия начинала разбавляться англо- и франкофобией. Таким образом массовые страхи имели как иррациональную, так и вполне рациональную формы, однако последующее развитие слухов городской среды приводит ко все большей их иррационализации, в результате чего пространства устной и письменной информации сливаются. Война, олицетворявшаяся для современников в образах воюющих чудовищных машин, вызывавших эсхатологические переживания, становилась значимым фактором невротизации общества.

Тем самым российское общество подошло к началу 1917 г. в состоянии глубокого социально-психологического кризиса; сформировавшиеся образы внутренних врагов в лице представителей династии обеспечивали возможность перерастания безадресного стихийного бунта в массовый политический протест.

ГЛАВА 4.
ПРАВОСЛАВИЕ-САМОДЕРЖАВИЕ-НАРОДНОСТЬ: ДИСКРЕДИТАЦИЯ И ИНВЕРСИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ

1. Церковь, образы духовенства и народная религиозность: расцерковление прихожан и вера в окопах

Изучая причины крушения Российской монархии, нельзя обойти вниманием вопрос о роли церкви в начале XX в. Самодержавие репрезентировало себя в качестве власти православной, известная триада теории «официальной народности» предполагала охранительную функцию церкви в обществе. Эта функция имела и вполне формальное выражение в нормативно-правовой системе империи, предписывала духовенству исполнение ряда административных обязанностей. Однако власть, пытавшаяся удержаться за счет народной веры, в период революционного крушения утянула за собой и церковь, в которой успели разочароваться достаточно широкие слои общества.

Проблема религиозности российского общества поднимается во многих исследованиях массовых настроений периода Первой мировой войны, однако нередко внешние проявления (публичные молебны, посещения церквей) заслоняют изучение собственно религиозного сознания общества, его внутренней структуры. Некоторые исследователи, например, О.С. Поршнева, Е.Ю. Семенова, констатирующие подъем религиозных чувств на первом этапе войны, не отделяют православные, сектантские, языческие компоненты религиозности, а также обходят стороной вопрос о противопоставлении народной религии и официальной синодальной церкви в мировоззрении широких слоев населения[1260].

[1260] См.: *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России…; *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.

В историографии взаимоотношениям церкви и государства уделено достаточно внимания, при том что образ священнослужителей в глазах народа остается куда менее изученным вопросом[1261]. Вместе с тем церковная печать начала XX в. констатировала не только спад религиозности прихожан, но и определенную дискредитацию духовенства среди широких слоев населения, писала даже о «народном презрении»[1262]. В современных исследованиях тезис о спаде религиозности россиян и расцерковлении прихожан в 1910-е гг. практически не подвергается сомнению[1263]. Также сложилась определенная традиция объяснения данного феномена тяжелым материальным и правовым положением российского духовенства, не позволявшего священникам достаточно исправно выполнять присущие им обязанности и вынуждавшего либо искать дополнительный заработок, либо повышать плату за требы, что вызывало народное возмущение и порождало в среде крестьян образ жадного и корыстолюбивого священника. Правда, в историографии приводятся разные данные относительно материального положения духовенства. Так, если Т.Г. Леонтьева определяет среднегодовой доход приходского духовенства в 80–100 р., сравнивая с доходом тверского рабочего вагоностроительного завода в 344 р., то в работе Ю.И. Белоноговой, разделяющей мнение о низком материальном статусе духовенства, приводятся доходы приходских священников московской епархии в 600–800 р., тогда как среднегодовой доход рабочих составлял

[1261] См.: *Карташов А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1, 2. М. 1991; *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002; *Федоров В.А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700–1917. М., 2003; *Бабкин М.А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011, и др.

[1262] См.: Церковный вестник. 1905. № 32; Церковный вестник. 1914. № 31. 31 июля. Стлб. 933.

[1263] См.: *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — XX вв. М., 2002; *Белоногова Ю.И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010, и др.

263 р.[1264] С.Л. Фирсов определяет средний оклад священнослужителей в 300 р., не включая в него доходы от требоисполнения, сдачи земли в аренду и пр[1265]. Вместе с тем И.К. Смолич, считая церковные доходы, наоборот, достаточно высокими, объясняет материальные затруднения духовенства нерациональностью их использования[1266]. О преувеличении бедности российского духовенства пишет Б.Н. Миронов, объясняя повышенное внимание к данной теме в источниках личного происхождения возраставшими материальными потребностями священников[1267]. В.Н. Якунин, изучая доходы священнослужителей Самарской губернии, отмечает, что значительная часть городских священников получала ежегодно 1000–2000 р., а большинство сельских священников и диаконов — 500–1000 р. При этом Якунин реальные доходы духовенства считает еще более высокими, потому что в приходно-расходных книгах плата за требы и молебны фиксировалась не всегда[1268]. «Внушительными» называет совокупные доходы ростовского духовенства О.Д. Дашковская, в начале века они увеличивались за счет получения процентов с капиталов в кредитных учреждениях[1269]. Современники, которые писали о материальных трудностях российского духовенства, среднегодовой доход священников в самых бедных центральных и восточных губерниях определяли в 500–600 р., отмечая более зажиточное положение клира в южных регионах[1270].

[1264] *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс… С. 29; *Белоногова Ю.И.* Приходское духовенство… С. 35, 53.

[1265] *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен… С. 26.

[1266] *Смолич И.К.* История Русской православной церкви (1700–1917). М., 1997. Ч. 1. С. 150.

[1267] *Миронов Б.Н.* Американский историк о русском духовном сословии // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 153–158.

[1268] *Якунин В.Н.* Хозяйственная культура Самарской епархии: формирование доходов духовенства в 1850-е — 1950-е гг. // Вектор науки ТГУ. № 4 (18). 2011. С. 128.

[1269] *Дашковская О.Д.* Ярославская епархия в конце XVIII — начале XX вв.: проблемы экономического развития. Автореф. дисс. … кандидата исторических наук. Ярославль, 2005.

[1270] *Розанов В.В.* Бегство из духовного сословия // Новый Путь. 1904. № 8. С. 249–251.

Тем не менее, расхождения в оценках материального положения духовенства объясняются целым рядом факторов: это и разница в размерах прихода, распространенных формах хозяйствования прихожан (в местностях, где большая часть мужчин уходила в город на заработки, священники не могли рассчитывать на достаточный доход от треб). Городские священники за счет лучшего материального положения прихожан и концентрации в их руках денежной массы получали больший доход, чем их сельские собратья. Кроме того, существовали безокладные причты, в которых священники не получали жалованья, а существовали за счет требоисполнения и дохода с причитавшегося земельного надела в 33 десятины. Нельзя не учитывать и огромную разницу в окладах священников высшей и низшей степеней. Так, если доход правящего архиерея мог составлять 25 тысяч рублей в год, то доход сельского священника в бедном приходе — 300 р[1271]. При разнице доходов в 83 раза едва ли представляется оправданным выводить общую среднеарифметическую величину дохода российского духовенства, тем более что, как будет показано ниже, духовенство являлось весьма пестрой социальной группой, внутри которой обнаруживались различия не только материального и правового статусов, но и симпатии к диаметрально противоположным политическим силам — от монархических до социалистических.

Вместе с тем, признавая бедность священников в провинциальных безокладных причтах и вызванную ею объективную потребность в повышении платы за требы, едва ли проблему «расцерковления прихожан» оправданно сводить только к экономическим факторам. В канцелярии Синода сохранились многочисленные жалобы на священников, подававшиеся прихожанами в начале XX в. Анализ статистики показывает, что рост числа конфликтов шел параллельно улучшению экономического положения в империи вплоть до 1914 г., но при этом определенным образом коррелировал с периодами социально-политической напряженности. Первый резкий всплеск пришелся на период Первой революции. Так, против 125 жалоб 1903 г. в 1907 г. их

[1271] *Якунин В.Н.* Хозяйственная культура…

насчитывается 497, т. е. количество конфликтов, дошедших до синодального начальства, возросло на 297,6%. В дальнейшем средний ежегодный прирост числа конфликтов с 1907 г. по 1912 г. составил всего 15,6 дел, т. е. 2,7%. Однако в 1913 г., накануне войны, число конфликтов резко возросло — на 43% по сравнению с 1912 г. — и составило 821 случай[1272]. Сомнительно, что данная динамика объясняется одними только сложностям требоисполнения, вызванными ухудшением материального положения клира.

Также существует традиция объяснения причин конфликтов падением «качества» службы духовенства. В историографии констатируется недостаточное количество клириков на 98-миллионное православное население России. Согласно данным С.Л. Фирсова, в среднем на 1 представителя белого духовенства в 1914 г. приходилось более 820 человек[1273], а по мнению Т.Г. Леонтьевой — и того больше: 2000 человек на 1 священника[1274]. Отчасти недостаток клириков был связан с нежеланием детей священников продолжать дело отцов. Б.Н. Миронов характеризует последнее термином «утечка мозгов», имея в виду переход наиболее талантливых семинаристов в светские учебные заведения[1275]. В начале XX в. В.В. Розанов посвятил данной проблеме заметку «Бегство из духовного сословия», в которой писал: «Что же, дождемся ли мы, дождется ли само духовное ведомство, а, наконец, и государство, чтобы на ниве, именуемой „сельское духовенство“, остались одни только тупицы? Ибо дело идет к этому…»[1276] Однако если Розанов, а вслед за ним и ряд современных авторов сокращение числа молодых священников связывали с материальными трудностями, то другой современник эпохи — Н.А. Бердяев — объяснял «утечку мозгов» ментальными конфликтами периода модернизации, отмечая, что у семинаристской молодежи бурный протест против «упадочного

[1272] Подсчитано мной по: РГИА. Ф. 796. Оп. 183, 188, 189-2, 190-2, 191-2, 193, 195, 197.

[1273] *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен… С. 24.

[1274] *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс… С. 17.

[1275] *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 1. СПб., 2000. С. 107.

[1276] *Розанов В.В.* Бегство из духовного сословия… С. 249–251.

православия», «обскурантской атмосферы духовной школы» созревал вместе с идеями просвещения[1277]. Французский посол М. Палеолог также обратил внимание на «великую религиозную драму русского сознания», которая заключалась в том, что народ оказывался более религиозным и по-христиански настроенным, чем сама церковь: «В простой вере масс есть больше духовности, мистицизма и приверженности Евангелию, чем в православной теологии и обрядах». При этом причину расцерковления народа он усматривал в том, что церковь стала «орудием самодержавия»[1278].

Для современной англоязычной историографии истории церкви в России, которая, как отмечают Г. Фриз, Д.Б. Павлов, развивалась под влиянием русской эмигрантской традиции, также характерно внимание к модернизационной теории, подчеркивающей важность конфликта церкви и общества[1279]. К. Чулос отмечает, что общество конца XIX — начала XX в. переставали устраивать консерватизм и традиционализм православной церкви, которые вступали в противоречие с меняющимися в эпоху модернизации социальными отношениями[1280]. Дж. Хедда также рассматривает политику церкви в ситуации модернизационного вызова[1281]. Примечательно, что в среде российского духовенства начала XX в. существовали схожие взгляды. Однако если в современной историографии модернизационный вызов рассматривается как системный, затрагивавший разные сферы взаимоотношений церкви и общества, то

[1277] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 40.

[1278] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 221.

[1279] *Freeze G.L.* Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia // Journal of Modern History. 1996. № 68. P. 308–350; *Freeze G.L.* The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983; *Павлов Д.Б.* Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917–1922 гг. М., 2011.

[1280] *Chulos Chris J.* Converging Worlds. Religion and Community in Peasant Russia, 1867–1917. Northern Illinois University Press, 2003. P. 85–86.

[1281] *Hedda J.* His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia. Northern Illinois University Press, 2008.

официальная церковь предпочитала относиться к нему как к случайному проникновению чуждых западноевропейских веяний в русскую традиционную культуру по вине отдельных представителей «западничества».

Качество службы определялось не только соотношением количества прихожан к священникам, но и уровнем компетентности последних. В 1914 г. церковная печать обращала внимание, что в 1910-е гг. среди духовенства лиц с полным семинарским образованием было на 30–50% меньше, чем в 1890-е гг.[1282] Обер-прокурор в 1916 г. во всеподданнейшем отчете сообщал, что «по степени образования епархиальное духовенство представляет из себя довольно разнообразную массу, от лиц с высшим богословским образованием до лиц малообразованных», указывая, что, например, в Пермской епархии лишь 34% священников имели богословское образование[1283].

К следующей группе факторов падения престижа церкви в начале XX столетия относится ее зависимое положение от государства и необходимость исполнения административных функций. Ряд исследователей соглашаются с тем, что ведение метрических книг, регистрация фактов смерти, оглашение царских указов и манифестов, а также увещевание крестьян с целью предупреждения народных волнений — все это отвлекало священнослужителей от их непосредственных обязанностей[1284]. С другой стороны, исполнение этих обязанностей, наоборот, сплачивало церковь и общество, делая священника важным свидетелем и участником повседневного существования прихожанина. При этом несомненным представляется другое — в синодальную эпоху в массовом сознании прихожан священник идентифицировался в качестве представителя власти, следовательно, рост или падение авторитета власти в сознании подданных коррелировались с их отношением к церкви. Более того,

[1282] Церковный вестник. 1914. № 32–33. 14 августа. Стлб. 964.

[1283] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. С. 140.

[1284] *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс… С. 23; *Белоногова Ю.И.* Приходское духовенство… С. 5.

в сознании крестьян понятия «Царь» и «Бог» были взаимосвязаны и в народной обсценной лексике за оскорблением монарха нередко следовало ругательство в адрес бога[1285].

Среди российского духовенства не было абсолютного единства по вопросу о формах взаимоотношения церкви и государства. В 1890-х — 1900-х гг. развивалось обновленческое движение, выступавшее за созыв Поместного Собора. С.Л. Фирсов рассматривает данное движение как альтернативный выход из церковного кризиса, но отмечает препятствия, чинимые синодальным духовенством и, в первую очередь, обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым, видевшем в российских священниках чиновников[1286]. А. Попов, М.А. Бабкин также считают идеи созыва Поместного Собора и отделения церкви от государства преобладающими в среде православного духовенства, а Л.И. Земцов и вовсе акцентирует внимание на революционизации духовенства, отмечая, что идеи свержения монархии проникали даже в монашескую среду[1287].

Тем не менее, в официальных церковных изданиях начала XX в. преобладало два условных подхода к объяснению причин падения престижа церкви: конспирологический и культурологический. Согласно первому подходу

[1285] Более подробно о массовом сознании крестьян см.: *Аксенов В.Б.* Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. № 4. 2012. С. 137–145; *Аксенов В.Б.* Убить икону: визуальное мышление крестьян и функции царского портрета в период кризиса карнавальной культуры 1914–1917 гг. // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 6. Київ: Інститут історії України, 2012. С. 386–410.

[1286] *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен… С. 83.

[1287] См.: *Попов А.* Отношение крестьян к РПЦ в первой четверти XX в. (по материалам Архангельской губернии). Архангельск, 2004; *Бабкин М.А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007; *Земцов Л.И.* Крестьянство и приходское духовенство в начале XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Т. 5. Вып. 1. Белгород, 2008. С. 75.

причины потери духовных связей с прихожанами относили на счет воздействия «разных агитаторов и проходимцев, старавшихся вооружить прихожан против духовенства»[1288]. Некоторые представители православного духовенства революционную активность объясняли не иначе как еврейской пропагандой, события 1905 г. называли «еврейской революцией»[1289]. Ксенофобская риторика отдельных священников находила определенное сочувствие среди прихожан в периоды обострения национальных отношений в империи и создавала иллюзию временного духовного единения церкви и представителей коронной нации. Вместе с тем конспирологическая теория терпит крах хотя бы в силу того, что спад религиозности проявлялся не только в редком посещении церкви, но и в участившихся случаях бытовых конфликтов между прихожанами и священниками, причиной которых часто выступало неблагоповедение самих священнослужителей. На последнее обстоятельство обращалось внимание в церковной печати, многие авторы связывали это с понижением уровня образования священников.

Несостоятельность конспирологической теории проявляется и в том, что нередко сами православные священники проникались бунтарским духом и занимались пропагандой революционных идей среди своих прихожан, пополняя численность рядов революционеров. Одним из самых ярких примеров был известный профессор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Михаил (Семенов), который, разочаровавшись в синодальной церкви, начал издавать серию брошюр о христианской природе социализма, вступил в партию народных социалистов и, в конце концов, перешел в старообрядчество[1290]. Не менее скандальной славой в столичных кругах пользовался крестьянский

[1288] Церковные ведомости. 1908. № 12. 22 марта. С. 596.

[1289] Московские церковные ведомости. 1915. № 22. 30 мая. С. 351.

[1290] *Архимандрит Михаил*. Христианство и социал-демократия. СПб, 1906; Он же. «Священник-социалист» и его социальный роман. СПб., 1906; Он же. Как я стал народным социалистом. СПб., 1907; Он же. Двенадцать писем о свободе и христианстве. СПб., 1909, и др.

сын священник Григорий Петров. Князь Н.Д. Жевахов, товарищ обер-прокурора Св. Синода, негативно настроенный по отношению к Петрову, отмечал его огромную популярность среди народа[1291]. В 1907 г. Петров был избран депутатом II Государственной думы от конституционно-демократической партии и отправил митрополиту Антонию — главному инициатору отлучения Толстого от церкви, — критическое письмо, в котором осуждал Синод[1292]. За это письмо Петров был запрещен в служении, направлен на послушание в Череменецкий монастырь, а потом и вовсе лишен священнического сана. Толстовские идеи разделял один из будущих активных участников «обновленчества» 1920-х гг., сторонник «христианского социализма» А. И. Боярский, проявлявший интерес к рабочему вопросу и проводивший беседы среди рабочих Спасо-Петровской мануфактуры.

Известны случаи перехода священников от революционной агитации к конкретным насильственным действиям с целью изменения государственного порядка. Так, в мае 1911 г. православный священник Зотик Чиквиладзе примкнул к РСДРП, убедил местное население избрать сотских и десятских, стал разбирать спорные дела, возникавшие между жителями, решал вопросы о лишении жизни лиц, вредных революционному движению, организовал среди молодежи вооруженную дружину, «красную сотню», и повел ее в соседние селения, убеждая жителей идти сражаться с правительственными войсками[1293]. Чиквиладзе был лишен прав состояния и приговорен к каторге сроком на 6 лет.

Тем не менее, точечные карательные мероприятия Синода не решали проблему намечавшегося религиозного раскола общества, тем более что лишенные сана бывшие православные священники переходили либо в близкое по духу старообрядчество, либо вовсе в мистическое сектантство. Конспирологическая теория была также удобна тем, что соответствовала принятому в

[1291] *Жевахов Н.Д.* Воспоминания. Т. 1. Сентябрь 1915 — Март 1917. Валаам, 1993. С. 156.

[1292] Письмо священника Григория Петрова митрополиту Антонию. Б.м. 1908.

[1293] РГИА Ф. 1405. Оп. 521. Д. 475. Л. 86–88.

православном богословии традиционному объяснению истоков ересей и сектантства, об активном распространении которых заговорили с 1907 г.

В историографии можно выделить три основных направления в изучении природы сект. В богословии, как дореволюционном, так и современном, история сект традиционно связывается с иудейско-языческой пропагандой[1294]. Марксистской историографии было свойственно рассматривать сектантство в русле социально-экономического расслоения деревни[1295]. Однако в ряде работ философов и историков начала XX в. обращалось внимание, наоборот, на внутренние истоки этого феномена: как на стадию развития народной веры (П.Н. Милюков), революционный ответ на культурные вызовы эпохи декаданса (Д.С. Мережковский), протест против «упадочного православия» (Н.А. Бердяев)[1296]. Религиозный философ Л.А. Тихомиров, занимавший «охранительную» позицию в отношении Синодальной церкви, ждавший созыва Поместного Собора, но при этом опасавшийся губительных для церкви последствий, констатировал отсутствие духовного единства внутри православного прихода, отмечал некоторую мозаичность массового сознания россиян, в котором переплетались языческие, христианские, рациональные и мистические идеи[1297].

Хотя православные миссионеры, как правило, склонны были объяснять причину распространения сектантства субъективным фактором — лукавством сектантских вожаков, прельщавших паству льстивыми обещаниями[1298], — в печати отмечалось, что многие проповеди православных священников не

[1294] *Протоиерей Митрофан Зноско-Боровский*. Православие. Римо-католичество. Протестантизм. Сектантство. Сравнительное богословие. М., 1998. С. 11–12, 140–141.

[1295] См.: *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1965; *Никольский Н.М.* История русской церкви. М., 1985.

[1296] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1994. С. 102; *Мережковский Д.С.* Революция и религия // Русская мысль. М., 1907. Год двадцать восьмой. Кн. II. С. 69; *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 40.

[1297] *Тихомиров Л.А.* Современное положение приходского вопроса. М. 1907. С. 6.

[1298] Миссионерское обозрение. 1916. № 3. С. 414.

доходили до умов прихожан вследствие тяжелого, высокопарного слога, в то время как руководители сект общались с народом на простом и понятном им языке. Это предопределяло репрессии церкви в отношении «братцев».

Другой подход к объяснению причин падения престижа церкви — «культурологический» — искал их в процессах культурной модернизации. В церковной печати битва за умы прихожан сопровождалась критикой некоторых явлений современной культуры, формировавших массовое сознание. В периодике появлялись статьи, направленные против проникновения в российское общество идей европейского просвещения. Свобода личности в них интерпретировалась в качестве эгоизма, ведущего общество к анархии, а культурный прогресс человечества определялся как путь зла: «Шествие культуры знаменует собой не прогресс человечества, а регресс»[1299].

Столь радикальная критика европейской культуры была связана с ощущением опасности для принципа православной соборности, исходящей от рационального индивидуализма. Не случайно именно тягой рационального познания бога некоторые православные миссионеры объясняли популярность сектантства среди прихожан. Миссионер Московской епархии Н. Варжанский отмечал в своем отчете за 1915 г.: «Сектантство всех видов всегда выдавало себя как силу сознательную, свое учение оно рекомендовало как обоснованное разумное, на Слове Божием, как лучший вид христианства. При желании же народа веровать сознательно, самому разбираться во всем, при невозможности быть для него ближе не только к архипастырям, но даже и пастырям, сектантство естественно захватило для себя выгодное положение»[1300].

Доставалось в церковной печати и конкретным направлениям искусства эпохи модерна. Так, в «Церковном вестнике» была напечатана обличительная статья под названием «Футуризм, его идеология и сущность», в которой футуризм был назван «хулиганством» и «гнойным нарывом, наподобие тех, какие

[1299] Церковный вестник. 1914. № 27. 3 июля. Стлб. 812.

[1300] РГИА. Ф. 796. Оп. 201. Отд. 6. Ст. 3. Д. 109. Л. 6.

бывают на теле, если внутрь, под кожу попадет какая-нибудь нечисть»[1301]. Примечательно, что в статье давалась ссылка на работу Д.С. Мережковского «Еще один шаг грядущего хама», в которой футуризм сравнивался со своего рода хулиганством. Однако автор упустил из вида, что Мережковский писал о трехликом хаме, и если лицо хама грядущего он видел в хулиганстве, босячестве и черносотенстве, хама настоящего — в самодержавии, то третьим ликом хама прошлого философ называл «лицо православия, воздающего кесарю Божие», «мертвый позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавной»[1302]. Кроме того, значительную роль в духовном возрождении народа философ отводил декадансу, усматривая в нем альтернативу православной соборности[1303]. В конечном счете Мережковский, один из создателей «Религиозно-философского собрания», идеолог «Новой церкви» и проповедник Третьего Завета, устраивавший на своей квартире мистические ритуалы, был обвинен церковью в сектантстве. Важно отметить, что конфликт Мережковского с церковью не был частным событием, а вытекал из общего разрыва российской художественной интеллигенции с официальным православием, характеризовал культуру Серебряного века, в которой поиски новых духовных основ совмещали восточный мистицизм с опытом русского сектантства.

Критика церковной печатью современных веяний культуры, вынужденные апелляции к таким сомнительным с точки зрения Синода авторитетам, как Мережковский, выдавала серьезную обеспокоенность духовенства изменениями, происходившими в общественной психологии и отвлекавшими россиян от идей православной соборности. Причем довольно часто еретические, по мнению официальной церкви, положения выдвигались по благим намерениям преодоления духовного кризиса, чем особенно были увлечены представители

[1301] Церковный вестник. 1914. № 27. 3 июля. Стлб. 823–824.

[1302] *Мережковский Д.С.* Грядущий хам. СПб., 1906. С. 37.

[1303] *Мережковский Д.С.* Революция и религия // Русская мысль. М., 1907. Год двадцать восьмой. Кн. III. С. 25,31.

российской аристократии. Н.Д. Жевахов констатировал захватившую столичные салоны моду на религиозно-философские беседы, которые считал проявлением религиозного невежества обывателей[1304].

Отказ прежде всего синодальной части духовенства учитывать веяния эпохи, игнорирование церковной властью объективных требований церковного обновления, обвинения философов в невежестве — все это лишь способствовало углублению раскола между официальной церковью и ее прихожанами и, наоборот, создавало почву для распространения как старых, так и новых сект.

Государство поддерживало борьбу церкви с религиозными сектами, рассматривая последние как рассадник революционности лишь потому, что они оказывались в оппозиции к официальному православию или его отдельным представителям. Первая мировая война, активизировавшая наступление в России на общины штундо-баптистов, положила начало нового этапа взаимоотношений власти и общества в сфере свободы вероисповедания. Так, в марте 1915 г. директор Департамента полиции В.А. Брюн-де-Сент-Ипполит разослал секретный циркуляр всем начальникам губернских, областных и городских жандармских управлений: «Не подлежит сомнению, что между разрушительными стремлениями революционеров и колебанием устоев господствующей в России Православной церкви существует тесная связь, так как те и другие усилия в конечном результате направляются к единой цели — ниспровержению существующего в империи строя… Поэтому сектантство в России, объединяющееся на почве враждебного отношения к православию, искони уже признается, с государственной точки зрения, явлением безусловно вредным»[1305]. В циркуляре отдельно досталось баптизму, названному «рассадником германизма».

Вместе с тем начало Первой мировой войны предоставило высшим архиереям возможность попытки преодоления мозаичности массового сознания

[1304] *Жевахов Н.Д.* Воспоминания. Т. 1... С. 155.

[1305] ГА РФ. Ф. 58. Оп. 7. Д. 298. Л. 110 –110(об).

под новыми лозунгами духовного сплочения нации. С объявлением Германией войны России в церковной периодике утвердилось два основных подхода к определению природы этого конфликта. Первый, традиционный, рассматривал войну как божью кару за грехи россиян, главным из которых, в свете вышеупомянутых дискуссий, назывался отход от православной соборности в сторону чуждой европейской культуры[1306].

Второй подход рассматривал войну как возможность искупления этого греха и решение якобы имевшего места в мировой истории противостояния славянства и германизма. Германия в связи с этим называлась источником тех культурных веяний, которые представляют для православной соборности смертельную опасность[1307]. Подобные антигерманские пассажи, естественные для периода войн, приводили к появлению ксенофобских мотивов. В частности, богословы пытались снять противоречие между христианским смирением и долгом защищать родину, убивая врага. Так, в «Московских церковных ведомостях» в ноябре 1914 г. появилась статья профессора-богослова Московской духовной академии С. Глаголева «Патриотизм и христианство», в которой автор выступил против тезиса, что все люди братья, оправдывая утверждение, что русского нужно любить сильнее, чем немца[1308]. Подверженная германофобии церковная печать неоднозначно отреагировала на немецкий погром в Москве в мае 1915 г.: осудив хулиганскую акцию москвичей, «Московские церковные ведомости», тем не менее, выразили сочувствие политике выселения немцев из первопрестольной[1309].

Хотя проповеди духовенства находили понимание среди определенных кругов общества, включая русское офицерство, с некоторого времени слова о

[1306] Московские церковные ведомости. 1914. № 30–31. 26 июля 1914. С. 552; № 32. 6 августа. С. 585.

[1307] Московские церковные ведомости. 1914. № № 30–31. 26 июля. С. 554; № 47–48. 28 ноября. С. 953.

[1308] Московские церковные ведомости. 1914. № 44. 1 ноября. С. 882.

[1309] Московские церковные ведомости. 1915. № 25–26. 20 июня. С. 401.

том, что война стала наказанием русского народа за грех богоотступничества начали вызывать раздражение, рассматривались как попытки снять с себя ответственность за расцерковление россиян. Генерал В.И. Селивачев записал в дневнике 25 декабря 1914 г.: «Сегодня за обедней священник сказал слово, где на войну эту указал как на наказание за отступление народа от веры правильной, от начал государственности. Да, это верно, но не придется ли сказать им – “врачу исцелися сам”. Кто же не сумел согреть этой веры? Кто, как не они сами свели ее с высоты в преисподнюю мелкого торгашества и обрядности?»[1310]

Начало войны обострило взаимоотношения церкви и общества в сфере проблем, связанных с душевным здоровьем и, в частности, по вопросу отпевания самоубийц. Проходившая по деревням мобилизация мужчин не могла не отразиться на душевных переживаниях сельского населения, в связи с чем в июле–августе 1914 г. началась череда самоубийств, вызванных уходом родных на фронт[1311].

Чаще всего в делах о самоубийствах прихожане и священники оказывались по разные стороны баррикад. Любопытно, что расследования самоубийств были тем редким случаем, когда общество, в лице семей погибших и их близких, могло испытывать чувства благодарности к полиции: когда не было явных улик, указывающих на самоубийство, полиция иногда предпочитала оформить происшествие как несчастный случай, чтобы родственники могли захоронить погибшего по православному обряду, подсказывали близким, что обойти церковные нормы можно, добыв врачебную справку о сумасшествии суицидента. Но даже в этом случае последнее слово оставалось за священником. Так, мещанин Сергиевского посада Московской губернии Григорий Зотов умер, приняв в больнице, где лечился от нервного расстройства, смертельную дозу сулемы. Полицейский оформил смерть как самоубийство в состоянии умственного помешательства, что подтвердил и врач Гаврисевич.

[1310] Генерал В.И. Селивачев. Дневники. 1901-1914. М., 2019. С. 584.

[1311] РГИА. Ф. 796. Оп. 201. Отд. 6. Ст. 2. Д. 82. Л. 7–7(об).

Да и сам факт совершения самоубийства душевнобольным, состоявшим на стационарном лечении, мог быть достаточным основанием для неприменения к нему известных церковных санкций. Вместе с тем священнику отцу Тополеву, хорошо знавшему Зотова, было известно, что последний накануне гибели находился в здравом уме, о чем он донес епархиальному начальству. Вдова покойного направила прошение о разрешении захоронения мужа по православному обряду, но ей было отказано[1312]. Подобные конфликты отдаляли друг от друга церковь и общество, особенно в случаях, когда дело касалось детей-самоубийц.

Помимо мистификации массового сознания война вызвала к жизни ряд иных явлений, портивших отношения между крестьянами и священнослужителями. Например, «сухой закон», обрушившийся всей тяжестью административной и уголовной ответственности за домашнее изготовление алкогольных напитков на обывателей, но сохранивший в этой сфере определенные свободы для церкви, или мобилизация скотины. Массовое недовольство последней приводило к тому, что крестьяне свою злость вымещали на присутствовавших при переписях скотины и населения священниках[1313]. В Св. Синод с мест приходили рапорты священников об оскорблениях и избиениях, которым они подвергались со стороны местных жителей. Так, например, беспорядки, сопровождавшиеся избиениями и оскорблениями священнослужителей, произошли в конце июня 1916 г. в некоторых приходах Балтского уезда[1314]. Когда-то давно, в 1865 г., в Вятской губернии при схожих обстоятельствах, когда священники встали на сторону непопулярной в среде народа политики властей, возникла массовая секта «немоляков»: крестьяне отказывались принимать урезанные по реформе земельные наделы и платить выкуп. Священники, к которым крестьяне обратились за содействием, дали крестьянам в ответ

[1312] РГИА. Ф. 796. Оп. 201. Отд. 6. Ст. 2. Д. 121. Л. 9(об)–10.

[1313] Более подробно о «сухом законе» см.: *Аксенов В.Б.* «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. № 4. С. 126–139.

[1314] РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Отд. 3. Ст. 5. Д. 129. Л. 1.

«положительное и твердое слово пастырей о необходимости подчиниться распоряжениям, исходящим от высшей власти»[1315].

В период Первой мировой войны до синодальной власти также доходили слухи об образовании новых сект. В частности, говорили о сектах «бегунов» и «скрытников», занимавшихся укрывательством беглых дезертиров, преступников, политических ссыльных. Правда, эти слухи не всегда подтверждались при проверке[1316]. Тем не менее, в отдельных губерниях империи из-за перехода православного населения в иные вероисповедания формировалась отрицательная динамика численности православных. Одним из самых популярных течений был штундо-баптизм. В январе 1915 г. обыватель в письме из Подольской губернии к студенту Киевской Духовной академии рассуждал о распространении в России штундизма, связывая это с недовольством населением своими попами и проникновением в общество ценностей западной (немецкой) культуры[1317].

Согласно отчетам миссионера Н. Варжанского за 1914 г., по Московской епархии совращенных из православия насчитывалось 146 человек, из них: в евангельские христиане — 25, в баптизм — 35, в адвентизм — 4, в «евангельские христиане, приемлющие крещение детей», — расшатано и приготовлено к совращению несколько человек; в латинство — 27, в лютеранство — 49, в армяно-григорианство — 5 и в англиканство — 1 человек. Примечательно, что за отчетный период сам Варжанский из сект в православие смог вернуть только двух человек[1318]. Учитывая, что в Московской епархии было лишь два миссионера (Варжанский и Соколов), их работу едва ли можно признать удовлетворительной. Разочаровавшееся в церкви население скептически относилось к проповедям миссионеров, а иногда, в случае их рвения, прибегала к физическому насилию. Так, Варжанского, пришедшего в январе 1914 г. на

[1315] *Никольский Н.М.* История русской церкви. М., 1985. С. 369.

[1316] РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Отд. 2. Ст. 3. Д. 102. Л. 4–4(об).

[1317] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1012. Л. 227.

[1318] РГИА. Ф. 796. Оп. 201. Отд. 6. Ст. 3. Д. 109. Л. 2(об).

собрание «пашковцев» в Головин переулок в Москве, толпа избила, раздела и вытолкнула голым на мороз[1319].

В Смоленской епархии количество штундо-баптистов в 1915 г. возросло на 23% (с 441 в 1914 г. до 531 в 1915 г.)[1320]. В 1915 г. в Ставропольской епархии из православия в другие религии и секты ушел 481 человек, из них 401 в секту духовных христиан, 56 — в секту «Новый Израиль» (произошла из позднего хлыстовства), 8 — в секту субботников, по 4 — человека в усювисты и армяно-григорианскую веру, 3 — в лютеранство, 2 — в старообрядчество и по 1 — в хлыстовство, ламаитство и римско-католическую веру[1321]. При этом в Ставропольской епархии в 1915 г. 335 человек вступило в православие, из них 42 перешли из иудаизма. Учитывая, что Ставропольская губерния не входила в черту оседлости, можно предположить, что это были евреи-выселенцы, которые, приняв православие, пытались тем самым избежать конфликтов с местным населением и начальством. Таким образом, динамика численности православного населения Ставропольской епархии в 1915 г. составила минус 146 человек. Можно предположить, что данная динамика была бы положительной, не будь само духовенство и церковь столь нетерпимы к инакомыслию. По крайней мере, православные миссионеры нередко выдвигали обвинения в сектантстве против людей, в силу личных разногласий с епархиальным начальством позволявшим себе некоторые «вольности», но сектантами не являвшихся.

Хотя до войны наблюдался перманентный рост количества поступавших жалоб на священников со стороны прихожан, после ее начала обнаруживается тенденция к сокращению количества подобных конфликтов ежегодно в среднем на 13%. Однако, с учетом ухода на фронт значительной части крестьян, едва ли можно говорить о том, что отношения духовенства и деревни стали на 13% лучше, тем более, что, как было отмечено, к прежним поводам для

[1319] Там же. Л. 3.

[1320] РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Отд. 3. Ст. 5. Д. 136(а). Л. 47(об).

[1321] Там же. Л. 159.

конфликтов прибавились новые. Да и достигнутый минимум конфликтов в 1916 г. (531 дело) превосходил минимум 1907 г. (497 дел) на 6,8%.

Рассмотрим структуру наказаний духовенства по содержанию правонарушения на примере ведомости секретаря Ставропольской духовной консистории о священно-церковно-служителях, присужденных к наказаниям по решениям Епархиального начальства за первую половину 1917 г. Всего за этот период было рассмотрено 42 дела, по которым было предъявлено 46 обвинений. В них фигурировало 15 случаев недобросовестного исполнения своих обязанностей (32,6%), причем отказу от их исполнения (отказ причастить умирающего больного) было посвящено еще 4 дела (8,7%), в 9 случаях (19,5%) имело место обвинение в пьянстве, в 8 случаях (17,4%) — в финансовых махинациях (непомерное повышение платы за требы, вымогательство денег у прихожан, растрата церковных средств), в 7 случаях (15,2%) — в сквернословии (возможно, в том же состоянии алкогольного опьянения); также отмечались 2 случая прелюбодеяния священников (4,3%) и 1 обвинение выдвигалось за участие в маевке[1322].

Похожая картина вырисовывается по Донской духовной консистории согласно ведомости ее секретаря за вторую половину 1916 г. о священнослужителях, присужденных к наказаниям. Из 14 дел 6 касаются «неблагоповедения» (оскорбления прихожан, пьянство), в 3 случаях имел место отказ исполнять свои обязанности (причастие больных), в 2 случаях совершались попытки прелюбодеяния (приставание к девицам)[1323]. За тот же период в Казанской духовной консистории из 11 дел в 8 случаях речь шла об оскорбления разных лиц как словами, так и действием, в 3 случаях священники обвинялись в пьянстве, также в 3 случаях — в недобросовестном исполнении обязанностей и в 1 случае — в растрате церковных сумм[1324]. Также среди возбужденных против

[1322] РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Отд. 3. Ст. 5. Д. 32. Л. 22–25.

[1323] Там же. Л. 13–15а(об).

[1324] Там же. Л. 2–5.

священников дел встречались обвинения в убийстве прихожан в пьяных драках, обвинения в изнасиловании крестьянских жен, грабежах[1325].

Нужно отметить, что не всегда обвинения в адрес священников подтверждались при проверке. Ю. Белоногова, изучая жалобы крестьян на священников Московской епархии, отмечает, что нередко эти жалобы были своеобразной формой мести и сведения личных счетов, часто носили анонимный характер; после расследования такие жалобы оставались без последствий[1326]. Однако статистика отдельных епархий позволяет усомниться в таком выводе. Так, за 1915 г. в Новгородской духовной консистории было рассмотрено 89 дел по обвинениям священников, из них по 58 делам (65%) священники были признаны виновными и подвергнуты наказаниям[1327].

Помимо жалоб прихожан на своих священников нередко и сами клирики возмущались поведением своих «коллег»[1328]. По письмам российских священников можно констатировать, что духовенство более низких степеней иерархии достаточно критически относилось к священникам высшей (третьей) степени — архиереям (епископам, архиепископам, митрополитам).

Критическое отношение низшего духовенства к высшему прослеживается в статистике епархиальных ведомостей по наказаниям, налагавшимся на священников. Хотя число наказаний за случаи оскорблений священниками друг друга значительно уступает числу конфликтов священников с прихожанами, они были весьма распространены в церковной жизни.

По мере разочарования крестьян в священниках власти начинали подозревать духовенство в оппозиционных настроениях. Так, Казанский губернатор в 1914 г. характеризовал местное духовенство как левое, в связи с чем ходатайствовал о выделении священников в особую курию на съезде

[1325] РГИА. Ф. 796. Оп. 199. Отд. 4. Ст. 1. Д. № 315, 36.

[1326] *Белоногова Ю.И.* Приходское духовенство… С. 141.

[1327] РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Отд. 3. Ст. 5. Д. 136а. Л. 14.

[1328] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 82.

землевладельцев[1329]. В Самарской губернии отмечалось двуличное поведение духовенства: «официально записывалось в умеренные организации, оно на выборах иногда подавало записки с именами левых»[1330]. В Рязанской губернии избранный членом Думы священник Остроумов записался сначала националистом, а затем перешел в октябристы[1331].

Следует отметить, что представители духовенства в Государственной думе, участники религиозно-философских обществ Петрограда, Москвы, Киева, признавая серьезность церковного кризиса, предлагали в рамках идеи созыва Поместного собора пересмотреть не только отношения церкви и государства, но и функции ее в обществе. На заседании религиозно-философского общества Петрограда 11 октября 1915 г. священник Константин Аггеев, констатируя факт «церковного развала» в России, возложил вину за него на епископат, который своими действиями губил приходское духовенство, а также, считая вредным догматический авторитет церковных канонов, раскритиковал думских священников за умалчивание того, «что жизнь настолько ушла вперед, что подчиниться канону уже не может, и что сами каноны нуждаются в пересмотре, а может быть, и в отмене»[1332]. В качестве примера новой организации православной церкви Аггеев обращался к опыту старообрядческих общин. Однако в условиях синодальной церкви и жесткого диктата епископата решить вопросы обновления было невозможно.

Фронтовая повседневность, предопределявшая рост религиозности солдат, тем не менее не улучшала их отношения к духовенству. Молодые офицеры в письмах с фронта описывали настроения солдат как дикое отчаяние,

---

[1329] РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 732. Л. 26.

[1330] Там же. Л. 49 (об).

[1331] Там же. Л. 58 (об).

[1332] Прения по докладу К.М. Аггеева «Ближайшие судьбы Русской Церкви. По поводу записки думского духовенства» // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. 1907–1917 гг. Т. 3. 1914–1917 гг. М., 2009. С. 192–193.

противопоставляя собственные наблюдения официальной патриотической пропаганде[1333]. Поскольку составной частью навязываемого солдатам патриотизма была вера, сознание солдат начинало протестовать и против ее приписывания всем подряд: «Тошно читать бесконечное вранье. В какой номер газеты ни заглянешь, каждый русский воин — альтруист, христианин, герой»[1334]. Это раздражение в конце концов переносилось на полковых священников, которым вменялось следить за настроениями солдат и поддерживать в них боевой дух соответствующими патриотическими речами.

Современники отмечали, что в первые месяцы войны участились посещения простым народом церквей, однако этот подъем религиозности был следствием распространения мистических и фаталистических представлений, говорить о росте именно православной религиозности вряд ли оправданно. Один из солдат писал с фронта: «А нам здесь слезы: налево пойдешь — огонь, направо — вода, вперед пойдешь — пули и снаряды рвутся, а сзади зарежут шашкой. Некуда деваться. Так таки приходится нам погибать во славу русского оружия»[1335]. На фронте формировался феномен «окопной религиозности» — перед лицом смерти даже не веривший в Бога человек проникался мистическими настроениями, искал потаенный смысл в знамениях и пр. Однако это далеко не всегда сближало солдат с полковыми священниками. Некий солдат Кузнецов писал знакомому священнику в феврале 1915 г., обвиняя духовенство в том, что оно не научилось общаться с народом[1336].

Солдаты в письмах с фронта жаловались на то, что священники большую часть времени проводят с офицерами, а рядовым недоступны, что служат, когда хотят, поднимают цены на свечи, недогоревшие собирают и повторно перепродают солдатам по нескольку раз и т. д.[1337] Примечательно, что

[1333] Там же. С. 490.

[1334] *Арамилев В.В.* В дыму войны.... С. 97.

[1335] Письма с войны… С. 141.

[1336] Там же. С. 119–120.

[1337] Там же. С. 451.

фотодокументы периода мировой войны позволяют подтвердить справедливость солдатских претензий: на публиковавшихся в иллюстрированных журналах фотокадрах священники изображались в достаточно комфортабельной обстановке, в окружении офицеров, попивающими чаек[1338]. Традиционно доставалось военному духовенству от церковнослужителей. Один псаломщик писал домой в октябре 1916 г.: «Поп мой такое золото, что лучше бы он и на свете не родился… Все священники, сколько я знаю их здесь, все поголовно играют в карты и при случае выпивахом. А тут же рядом с ними за спиной мучается и умирает без исповеди и причастия раненый, серый герой, который теперь становится уже никому и не нужным. А дома остаются сироты»[1339]. «Поп хотя и есть в полку, но лентяй, и сидит при обозе и никакие силы небесные не заставят его поехать в штаб полка на позицию», — сообщал солдат 8-го Сибирского стрелкового полка[1340]. В 1916 г. среди солдат ходила история, как накануне Пасхи немцы совершили дерзкую вылазку и застали врасплох штаб полка, в котором шла попойка с участием местного священника. Захватили пленных, однако на следующий день попа вернули, написав сзади на его рясе «нам чертей не нужно»[1341].

Конечно, далеко не все полковые священники были презираемы солдатами. В части корреспонденции описывались примеры героизма военного духовенства, когда священники поднимали солдат в атаку или под градом вражеских пуль причащали умирающих на поле воинов. Ходили рассказы о том, как прочитанная в безысходной ситуации молитва приводила к неожиданному перелому в сражении. Однако помимо образа священника-героя, читающего молитву во время битвы, существовал и образ священника-труса, вздрагивающего во время молебна в тылу от любого громкого звука. Примечательно, что в дискурсе о полковых священниках существовали две почти одинаковые

[1338] Нива. 1915. № 38. С. 706.

[1339] Письма с войны… С. 463.

[1340] Там же. С. 732.

[1341] Там же.

истории, но с разными концами: священник неподалеку от линии фронта проводил молебен, как внезапно появились вражеские аэропланы, сбросившие бомбы. В одном случае бомба разнесла часть церкви, но священник даже не вздрогнул, в то время как молившиеся солдаты все попадали на землю, в другом случае от прогремевшего вдалеке взрыва священник сбежал, бросив молившихся солдат, или упал в обморок. Вторая версия этой истории была приведена в мемуарах А.А. Брусилова, правда в его рассказе молебен был все же доведен до конца после некоторой заминки[1342]. Как правило, в этих историях воин противопоставлялся попу: первый героически исполнял свой долг, а второй трусил, был «чужим» на фронте. Некоторые солдаты под впечатлением от поведения священников становились атеистами и начинали заниматься антирелигиозной пропагандой. Крестьянин Аврам Макаров вспоминал, как однажды в их часть приехал полковой священник. Он проводил молебен и произносил патриотические речи, звал солдат в бой. Когда с немецкой стороны посыпались снаряды, поп бросился бежать. Эта картина подействовала на Макарова, после чего он начал «саботаж на бога», за что был отдан под суд[1343].

Несмотря ни на реальные примеры героизма духовенства, ни на соответствующую пропаганду, образ священника-героя не занял достойного места в визуальной картине эпохи. Если рассмотреть патриотический плакат и лубок периода Первой мировой войны из коллекции Государственного музея современной истории России, то на 391 единице хранения мы не найдем ни одного изображения священника[1344]. В качестве участников войны присутствуют воины всех родов войск (пехота, моряки, авиаторы, артиллеристы, кавалерия), мирные жители — например, деревенские женщины, захватывающие в плен вражеские аэропланы, дети, врачи и сестры милосердия, ведущие в атаку

[1342] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 192.

[1343] Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997. С. 67.

[1344] Лубочная картинка и плакат периода Первой мировой войны. 1914–1918 гг. Иллюстрированный каталог. В 2 т. Т. 1. М., 2004.

пехоту, но вот полковое духовенство отсутствует. Правда, иную картину дает материал почтовых карточек — в выпускавшихся отдельными религиозными центрами открытках встречались сюжеты, в которых священники вдохновляли солдат на бой.

В официально издававшейся иллюстрированной «Летописи войны» визуальный образ полковых священников составил всего 0,8% от общего количества рисунков и фотографий, причем основная масса — это групповые, многофигурные композиции (фотографии молебнов), на которых представителей духовенства едва можно разглядеть, а снятых крупным планом портретов священников было опубликовано в Летописи лишь три за три года войны: один портрет протоиерея И.С. Яроцкого, получившего контузию на фронте и попавшего в плен, и два портрета главы военного духовенства протопресвитера Г. Шавельского. Примечательно, что с вербальными образами духовенства в Летописи дела обстояли лучше, подвиги некоторых из них — например, иеромонаха Антония Смирнова, служившего священником на линейном заградителе «Прут», отказавшегося от места в шлюпке и спустившегося в трюм тонущего корабля к раненым морякам, — описывались в журнале, но не сопровождались иллюстрациями. Тем самым можно говорить о некотором расхождении вербальной и визуальной картин войны.

В литературно-художественном журнале «Нива» изображения священников на фронте за 1914–1916 гг. составляли немногим больший процент, чем в «Летописи», — 1,5. При этом нельзя сказать, что религиозная тема была настолько же непопулярна в иллюстрированных журналах, как портреты духовенства. В ряде случаев публиковались фотографии молебнов, крестных ходов, на которых священники просто отсутствовали. Художник Э. Бутримович специально для пасхального номера «Летописи» в 1915 г. нарисовал картину «В Галиции. Крестный ход в пасхальную ночь», где во главе процессии шли медсестра, офицер, врач, далее следовали рядовые, но полкового священника нигде не видно[1345]. В этом же номере священники также отсутствовали на

[1345] Летопись войны. 1915. № 31. С. 499.

картине С. Колесникова «Красное яичко в Галиции», изображавшей крестьянок, угостивших яйцами, куличами с пасхой раненых солдат, на рисунке А. Петрова «В госпитале. Христос Воскресе!». В указанном пасхальном номере было 27 иллюстраций и лишь на одной — «Его императорское высочество Верховный Главнокомандующий среди офицеров одного из казачьих полков» — с краю примостился представитель церкви[1346]. Пришедшийся на Пасху апрельский номер «Нивы» не был целиком посвящен празднику Воскресения, тем не менее на двух фотографиях из 42 иллюстраций присутствовало духовенство[1347].

Визуальные источники позволяют говорить о том, что фактически религиозные праздники были деприватизированы у церкви и отданы на откуп народу. Данные тенденции не вызывают удивления с учетом специфики упомянутой «окопной религиозности». Солдаты с фронта писали, что, потеряв надежду на помощь священников, сами приобретали иконки и устраивали в окопах, землянках нечто наподобие молельных мест, куда приглашали своих товарищей[1348]. В связи с этим развивалось народное религиозное творчество: крестьяне сами рисовали иконки, нередко нарушая каноны, изготавливали образки и крестики и продавали солдатам и офицерам. Такая фотография была даже опубликована в «Ниве», судя по ней, подобные изделия народного творчества пользовались популярностью среди военных[1349]. В «Ниве» публиковались фотографии примеров солдатской изобретательности: то соорудят распятие на вековом дубе, то соберут походную церковь из еловых ветвей[1350]. Вместе с тем религиозные настроения солдат периода мировой войны не исключали духовенство как таковое полностью из религиозного дискурса, но часто заменяли современных полковых священников на легендарных

[1346] Там же. С. 490.

[1347] Нива. 1915. № 16. С. 303.

[1348] Письма с войны… С. 379.

[1349] Нива. 1915. № 13. С. 251.

[1350] Нива. 1915. № 12, № 17.

представителей церкви. Так, чаще других в визуальном религиозно-историческом дискурсе по понятным причинам появлялись Пересвет и Ослябя.

В «окопной религиозности» проявлялись не только мистические и фаталистические, но и эсхатологические настроения, что, например, отразилось в серии литографий Н. Гончаровой «Мистические образы войны». В народной среде мировая война воспринималась в контексте Последних времен, крестьяне рассказывали о том, что родился новый царь Ирод, некоторые считали, что это Николай II[1351]. В качестве примера расхождения официальной и народной картин войны можно отметить, что официальная пропаганда сознательно эксплуатировала эсхатологическую тематику, называя Вильгельма II Антихристом. Выпускались соответствующие плакаты, изображавшие германского императора в образе зверя. Вместе с тем между крестьянами случались споры, кто на самом деле является Антихристом: германский или русский царь. Но, вероятно, одним из самых парадоксальных поворотов народного религиозно-эсхатологического сознания стала серия слухов о том, что скоро явится Антихрист, Иисус очередной раз будет распят, и после этого крестьянам сразу дадут землю, о которой они так давно мечтали[1352].

Подобное если не комплиментарное, то достаточно терпимое отношение к Антихристу свидетельствовало о некоем мировоззренческом кризисе, инверсии добра и зла, что вполне соответствует экстремальным временам мировой войны. Солдаты с фронта сообщали, что для них поле битвы представляется адом[1353]. Привыкание к аду вызывало примирение и с его посланником — Антихристом. Тем более что по мере затягивания войны в народе распространялись коллаборационистские настроения, говорили, что если победит Вильгельм (Антихрист), то жить станет лучше[1354]. Казенно-православные молитвы

[1351] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476.Л. 332.

[1352] Там же. Л. 278(об); *Мельгунова-Степанова П.Е.* Дневник. 1914–1920. М., 2014. С. 41–42.

[1353] Письма с войны… С. 242.

[1354] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 141.

полковых священников с точки зрения подобных эсхатологических настроений не могли удовлетворить новые религиозные потребности солдат. Один из них писал из действующей армии в январе 1915 г.: «Не знаю, можно ли на войне уверовать в Бога, но в Сатану поверить можно»[1355].

Рано или поздно солдаты начинали обращать внимание на противоречия церковной военно-патриотической риторики христианской этике. Так, в «Московских церковных ведомостях» еще в ноябре 1914 г. появилась статья профессора-богослова Московской духовной академии С. Глаголева «Патриотизм и христианство», в которой автор выступил против тезиса, что все люди братья, оправдывая утверждение, что русского нужно любить сильнее, чем немца, а значит, последнего можно и убить[1356]. С новобранцами, пока их не отправляли на фронт, в лагерях проводили занятия, учили воинский устав, а также интерпретировали Катехизис Филарета, в частности шестую заповедь, таким образом, что выяснялось, что убивать можно не только врага, но и офицер имеет право убить ослушавшегося его солдата и такое убийство не противоречит христианству[1357]. Новая этика проникала и в визуально-символическое пространство военного времени. В журнале «Нива» в 1915 г. появилась весьма двусмысленная иллюстрация под названием «Волхвы XX века», на которой цари подносили младенцу Иисусу в дар снаряды и оружие[1358]. Очевидно, что восприятие ее зрителем было неоднозначно. Солдат, ежедневно сталкивавшийся со смертью, видевший как рушатся прежние гуманистические ценности, тоньше ощущал крушение всей христианской цивилизации, ему начинало казаться, что мир погружается в языческие времена с их жертвоприношениями кровожадным богам[1359]. Малограмотные солдаты из крестьян рассуждали попроще, но в том же духе: «Я уже проклял эту войну это разве от Бога дано что

[1355] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 28.

[1356] Московские церковные ведомости. 1914. № 44. 1 ноября. С. 882.

[1357] *Арамилев В.В.* В дыму войны… С. 62-63.

[1358] Нива. № 44. 1915. С. 809.

[1359] Письма с войны… С. 640.

я убивал и также меня это не от Бога, Бог дал нам жизнь чтобы мы жили друг друга не убивали чтобы помнили шестую заповедь»[1360]. Логика солдата была крайне проста: коль скоро война противоречит заповедям, то она не от бога, но тогда и духовенство, призывающее идти и убивать, также не от бога.

Оппозиционные политические акции на фронте оборачивались уголовными преступлениями, при этом критика верховной власти, как правило, подразумевала антицерковную позицию. Депутату IV Государственной думы от крестьян И.Т. Евсееву в августе 1915 г. было отправлено коллективное письмо раненых солдат, в котором вслед за критикой правительства, не желавшего покончить с войной, сразу следовали жесткие обвинения в адрес церкви, попы назывались «мерзейшими», вмешивающимися в политику и уклоняющимися от христианских обязанностей[1361].

Вместе с тем антицерковные высказывания солдат не стоит интерпретировать как атеизацию. Нахождение на передовой в состоянии постоянного ощущения опасности, близости смерти требовало осознания присутствия высшей силы и продолжения жизни после смерти. Поэтому даже атеисты в моменты опасности вдруг становились верующими, примеры чего приводил крестьянин И. Юров[1362].

Отторжение официальной религиозности требовало заполнения образовывавшихся лакун религиозного сознания, что порождало альтернативные формы культа, близкие сектантству. Так, среди солдат большую популярность получили «заговорные письма»-молитвы, которые нужно было переписывать и отправлять далее по окопной почте, а текст выучить и регулярно повторять. Периодическая печать сообщала, что подобные заговоры обнаруживались и у пленных немцев с австрийцами[1363]. Как отметил Д. Байрау, публиковавшиеся в прессе сообщения о найденных у немцев амулетах первоначально пытались

[1360] Там же. С. 652.

[1361] Там же. С. 645–646.

[1362] *Юров И.* История моей жизни… С. 173–174.

[1363] Вокруг света. 1915. № 4. С. 64.

использовать в качестве доказательства варварской, языческой природы германского лютеранства, однако по мере усугубления разрыва народной религиозности с официальным православием эта стратегия терпела крах[1364].

Распространены были письма-сны Богородицы. И. Юров вспоминал, что популярность этих писем носила территориальный характер: крестьяне северных губерний, в частности его вологодские земляки, более скептически были настроены в адрес этих «снов», нежели крестьяне южных губерний[1365].

Борьба с сектантством в годы войны затронула солдат, попавших под влияние «окопной религиозности» и придававших большое значение всевозможным знамениям, которые интерпретировались в мистическом ключе. Военная цензура изымала подобные письма, содержавшие неканонические описания Христа, Богородицы. Так, в августе 1916 г. из всей корреспонденции, изъятой военной цензурой при главном почтамте Петрограда, 12% составляли письма, содержавшие сектантскую пропаганду (неканоническую интерпретацию Священных текстов, мистических знамений и пр.)[1366]. Однако то, что запрещалось простым солдатам, позволяла себе официальная печать, как светская, так и религиозная. Один из самых распространенных на фронте мистических сюжетов — явление ангелоподобной «белой дамы» — появился в 1915 г. в «Летописи» в перепечатанной картине британского художника Г. Скотта, изображавшей полупрозрачную женщину в белых одеждах, парившую над павшими воинами[1367]. Нужно заметить, что образ «белой дамы» следует отделить от образа белой женщины-привидения, чье появление предвещало беду. Журнал «Огонек» рассказывал, что Вильгельму II ночью явился призрак белой женщины – бранденбургской Альмы, которая навещала Гогенцоллернов накануне

[1364] *Байрау Д.* Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: православное военное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 761 - 762.

[1365] *Юров И.* История моей жизни… С. 172.

[1366] РГВИА. Ф. 13838. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–544.

[1367] Летопись войны. № 71. 1915.

трагических поворотов истории[1368]. На Западном фронте среди союзников также ходили слухи о появлении белой женщины-привидения, однако русские солдаты, пересказывая слухи о «белой даме», чаще наделяли ее более знакомыми православной визуальной традиции чертами Богородицы. Одно из самых известных массовых видений якобы случилось в ночь с 7 на 8 сентября 1914 г. накануне битвы под Августовым — на небе появилась Божия Матерь с младенцем Иисусом на руках, одной рукой она указала на Запад, затем видение преобразилось в большой крест и исчезло[1369]. Слух об этом быстро распространился по армии, «Биржевые Ведомости» напечатали заметку, в том же году был выпущен соответствующий патриотический плакат «Знамение Августовской победы», народные художники стали писать иконы Августовской Богоматери. В 1915 г. издательство Марфо-Мариинской обители выпустило почтовую карточку «Видение на небе», включавшее перепечатку текста сообщения «Московских ведомостей» о видении под Августовым (Приложение №3. Илл. 15).

Синод завел дело «О расследовании чудесного события явления Божией Матери» и 31 марта 1916 г. официально признал явление Богородицы и принял решение благословить чествование в храмах Августовской иконы. Примечательно, что в первоначальном, народном варианте Августовской Богоматери она была одета в неканонические белые одежды, что соответствовало изначальной этимологии слуха о «белой даме».

В ноябре 1914 г. «Вестник военного и морского духовенства» описал явление Божией Матери на небе близ г. Мариамполя Сувалкской губернии[1370]. Видения Богоматери продолжались на протяжении всей войны. Солдат писал в Москву из действующей армии 29 января 1915 г. о том, что над русскими

[1368] Огонек. 1915. №1. Без пагинации.

[1369] *Преображенский И.* Величайшая из великих войн за правду Божию, за свободу народов. Чудесное на войне. Пг., 1916. С. 55.

[1370] Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 21. 1 ноября.

позициями регулярно появляется Богоматерь со Спасителем на руках[1371]. Также солдаты передавали рассказы военнопленных: они видели, как над русскими позициями появляется «белая женщина», что сулит поражение немцам и австрийцам.

Помимо явления под Августовым, признанного церковью, существовало множество частных историй солдат о явлениях Богородицы. В ряде случаев рассказчики были контуженными, находились в полуобморочном состоянии. В условиях войны среди солдат распространялся травматический психоз, сопровождавшийся бредом, обманами зрения и слуха, поэтому видения и слуховые галлюцинации вследствие контузий становились неотъемлемыми спутниками военной повседневности[1372]. Так, переживший шок рядовой, чудом выбравшийся из-под вражеского артобстрела и добравшийся до госпиталя, находясь в состоянии аффекта, поведал историю, как выжил один из своей роты, а когда ночью вылез из окопа, то увидел Богородицу, которая спустилась к мертвым его товарищам и каждому на голову надела по венцу, затем подошла к солдату и, указывая на север, сказала: «Иди туда, к своим. Не бойся! Смело иди по этому пути. Никто тебя не заденет». Несмотря на то, что бой продолжался и кругом летали пули, солдат невредимым дошел до госпиталя, где и рассказал все сразу первой попавшейся медсестре[1373]. В.М. Бехтерев в статье «Война и психозы» рассмотрел явление «Августовской Богоматери» в качестве типичной коллективной галлюцинации, испытанной группой лиц,

[1371] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1012. Л. 238.

[1372] О психических расстройствах на фронте см.: *Фридлендер К.* Несколько аспектов шелл-шока в России, 1914–1916 // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 315–325; *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 340–414; *Merridale C.* The Collective Mind: Trauma and Shell-Shock in Twentieth-Century Russia // Journal of Contemporary History. 35. Heft 1. (January 2000). P. 39–55.

[1373] *Преображенский И.* Величайшая из великих войн… С. 59–60.

находившихся в состоянии аффекта[1374]. Психиатры отмечали, что подобные массовые видения были неотъемлемым явлением всех затяжных войн, приводивших к крайним формам нервного переутомления и истощения людей. Еще в 1904 г. в «Вестнике психологии» М.П. Никитин в статье «О массовых галлюцинациях и иллюзиях» писал, что в условиях переживаемого группой людей сильного возбуждения, когда люди связаны общей верой, общей идеей, у них формируется однородное настроение[1375]. В соответствии с концепцией В.Х. Кандинского, эта общность настроения способствует душевной контагиозности: как только один член этой общности начинает галлюцинировать и рассказывать о своих видениях, тут же прочие члены группы начинают «видеть» эти знамения.

Следует также заметить, что появление иллюзий помимо психической стороны имело еще и культурно-историческую традицию: в печати, писавшей о чудесных явлениях, проводились параллели с известной легендой о появлении перед войском Константина Великого накануне решающей битвы креста на небе с надписью «Сим побеждаю». Подобные небесные кресты склонны были видеть и солдаты Первой мировой. «Биржевые ведомости», напечатавшие письмо об очередном коллективном видении Богоматери под Мариамполем, сопроводили его комментарием: «Люди науки по поводу всего этого скажут: массовые галлюцинации, внушение, психическая зараза. Но да будет у нашего войска побольше таких галлюцинаций и зараз! В них — ободрение и животворящая сила. И пусть наше воинство земное почаще зрит воинство небесное»[1376].

Кроме слухов о «белой даме» были распространены, но в меньшей степени, слухи о «белом генерале». Во время боев под Варшавой в октябре 1914 г.

[1374] *Бехтерев В.М.* Война и психозы // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1914. № 4–6. С. 329–330.

[1375] См.: *Никитин М.П.* О массовых галлюцинациях и иллюзиях // Вестник психологии. 1904. Вып. 2.

[1376] *Ювачев И.П.* Война и вера // Исторический вестник. 1915. Т. 139. № 2. Февраль. С. 583.

рассказывали, что в самый трудный момент над русским войском появился «белый генерал», который парил над солдатами и командовал ими. «Белый генерал» встречался иногда солдатам на марше: если посмотрит в глаза солдату, то быть тому живым до конца войны, а если мимо пройдет и не взглянет — не миновать смерти[1377]. Истоки этого образа менее ясны. Уместно вспомнить, что прозвище «белый генерал» получил в свое время М.Д. Скобелев, что нашло отражение в народном лубке, рисовавшем его на белом коне в белых одеждах. И.П. Ювачев считал, что именно образ Скобелева стоит за этими легендами[1378]. С ним соглашался А.И. Кривощеков, отмечая, что среди оренбургских казаков — участников туркестанских походов ходили легенды, что Скобелев жив, но тайно скрылся в одежде странника, потому что за царским столом при публике обругал англичанку, и та потребовала немедленной казни генерала, угрожая войной. Государю было жалко Скобелева, и он разрешил ему скрыться[1379]. Впоследствии Скобелев якобы появлялся перед своими бывшими соратниками в образе божьего странника, предупреждая: «Хожу по святым местам пока до времени. А как начнется великая война, я снова возьму меч, надену всю форму и соберу своих старых товарищей-воинов». Один из номеров иллюстрированного петроградского еженедельника «Война», посвященный чудесам на фронте, открывался портретом Скобелева в образе «белого генерала»[1380].

Известна также лубочная картинка 1914 г. «Суворов и Слава», на которой седовласый русский полководец изображался наблюдающим с небес за сражением русских с немцами рядом с белокрылым архангелом в доспехах и с мечом. Вероятно, следует признать собирательный характер образа «белого генерала» из числа героев-полководцев. Учитывая специфику народной религиозности по аналогии с «белой дамой», можно предположить, что под «белым

[1377] *Кандидов Б.* Церковный фронт в годы мировой войны. М., 1927. С. 52.

[1378] *Ювачев И.П.* Война и вера… С. 584.

[1379] *Кривощеков А.И.* Легенды о войне // Исторический вестник. 1915. № 10. С. 205.

[1380] *Jahn H.* Patriotic culture in Russia… P. 34.

генералом» мог скрываться и образ Христа, тем более что журнальными иллюстрациями и лубочными картинками тиражировался образ Иисуса в белых одеждах, спустившегося на землю благословить солдат[1381] (Приложение №3. Илл. 16). При этом известна открытка, изображавшая явление всадника в бело-пурпурном одеянии с копьем ранним утром русскому пехотинцу (Приложение №3. Илл. 17). В данном случае, по всей видимости, речь идет о Георгии Победоносце. Пытаясь реконструировать легенду о «Белом генерале», И.П. Ювачев вспоминал древние легенды о «белом вожде», в частности, о библейском Израиле, которому во время завоеваний в ханаанской земле сопутствовал «вождь воинства Господня». В качестве другого источника образа Ювачев вспоминал Апокалипсис Иоанна, описавший двойное явление белого всадника: в первом случае — чтобы снять печать и победить, во втором — чтобы судить народы. Нельзя не вспомнить и русскую традицию, описывавшую появление небесных всадников — святых Георгия, Дмитрия, Бориса и Глеба — накануне решающих битв (в 1240 г. на Неве, в 1380 г. на Куликовом поле)[1382].

Несмотря на явную неканоничность образов церковная печать поддавалась мистическим настроениям и тиражировала их на своих страницах. Так, «Волынские епархиальные ведомости» сообщили в 1916 г., что Богородица в виде женщины в белом одеянии пугает немцев огненными глазами. Способствовал распространению ряда слухов о чудесных знамениях протопресвитер Г. Шавельский, понимавший необходимость адаптации официальной веры к солдатской религиозности. При этом он сам рассказывал журналистам о собственных вещих снах[1383]. Вероятно, за распространением легенд о «белом генерале» стояли полковые священники, так как некоторые версии осуждали матерную традицию: говорили, что «белый генерал» помогает лишь тем, кто не сквернословит[1384]. Тем самым создавалась противоречивая картина: власти,

[1381] Нива. 1916. № 46.

[1382] *Ювачев И.П.* Война и вера… С. 585.

[1383] Новое время. 1915. 15 декабря.

[1384] *Кривощеков А.И.* Легенды о войне… С. 207.

официально препятствовавшие распространению солдатских мистических слухов, позволяли себе печатать близкие по смыслу истории, как бы приватизируя народный мистический дискурс. Однако престиж духовенства это не поднимало, так как подобные истории считались достоянием солдатской «окопной религиозности» и распространялись вне зависимости от того, как на них реагировала церковь.

В целом неэффективность пропаганды фронтового духовенства накладывалась на психологическую атмосферу в окопах, не способствовавшую усвоению казенных лозунгов в условиях возраставшей усталости от войны. Косность и бюрократизм церковной организации не оставляли ей возможности для адаптации к новым условиям. А.Б. Асташов справедливо указал на бинарность проблемы окопной религиозности, при которой субъективные ошибки в действиях священников накладывались на объективные психологические факторы – «нехватку религиозного чувства у солдат»[1385]. В конце концов объяснения расцерковления россиян как на фронте, так и в тылу приобретали следующую форму: «Сидел господь высоко, на людскую тьму глядеть не любил, живите, мол, как придется. Мы и обиделись: ты без нас, так и мы без тебя»[1386].

Таким образом, мы видим, что церковь в начале XX в. оказалась в ситуации модернизационного вызова, что требовало от иерархов определенных шагов по адаптации к меняющимся запросам общества. Часть прогрессивного духовенства осознавала необходимость обновления, однако бюрократизированная и сросшаяся с государством синодальная церковь не была способна на внутренние реформы. В то же время выполнение церковью административных задач, ее официальная полная поддержка правительственного курса (в отличие от оппозиционности отдельных священнослужителей) дискредитировали духовенство в глазах части общественности, критически настроенной по отношению к верховной власти. Начавшаяся Первая мировая война, которая была

[1385] *Асташов А.Б.* Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914 — февраль 1917 г. Автореферат дисс. … доктора исторических наук. М., 2018. С. 32–33.

[1386] *Федорченко С.З.* Народ на войне… С. 138.

ошибочно воспринята светской и духовной властями как шанс на единение власти и общества, лишь усугубила существовавшие конфликты. Военно-патриотическая пропаганда в условиях роста народного недовольства мобилизацией, военными поражениями, общим вздорожанием жизни звучала фальшиво и способствовала расцерковлению прихожан. Часть из них подавалась в секты, увлекалась проповедями «братцев», разрабатывала альтернативные обрядовые формы, проникалась мистицизмом. Последнее оказалось особенно характерно для «окопной религиозности», которая выходила за границы официального православия.

2. Визуальное мышление и крах стратегии демократической фоторепрезентации верховной власти

Дискредитация царской власти, отразившаяся в народном «хулительном дискурсе», разобрана нами ранее. В настоящем параграфе речь пойдет о крушении символа самодержавия, визуализированного в официальных практиках репрезентации в многочисленной изобразительной продукции, в первую очередь — в фотографии. Фотография в начале XX в. еще не была признана в качестве самостоятельного вида искусства, и к нарисованному и фотографическому изображению современники относились по-разному: если в первом усматривали в первую очередь художественный образ, то во втором — документальное свидетельство. Впрочем, признание за фотографией художественной природы пришло лишь во второй половине XX в.

Советской искусствоведческой традиции, не наделявшей фотографию ценностью самостоятельного вида искусства, было свойственно подчеркивание утилитарных функций фотоизображения (хранение памяти о прошлом, пропаганда, иллюстрирование и. т. д.)[1387]. Не лучше обстояли дела в

[1387] См., например: *Вартанов А.* Место фотографии в культуре // Советское фото. 1986. № 10.

историческом источниковедении, изучавшем фотографию в формальном ключе в качестве фотодокумента. Вместе с тем пренебрежение к художественной природе не позволяло в полной мере осознать диалектику документального и творческого в фотографии, в результате чего вплоть до 1970-х гг. господствовало понимание фотографии как отражения прошлого, памятки прошлого («памятки смерти», по выражению С. Зонтаг). Однако как минимум несколько аспектов разоблачают ее документальность, обращая внимание на субъективно-творческую природу: во-первых, это проблема кадрирования пространства (фрейминга), выступающего, если рассматривать фотоизображение как форму высказывания, в качестве вырывания фразы из общего контекста; во-вторых, это использование фотографом приемов визуализации, направленных на донесение до зрителя своей собственной идеи. Третьим аспектом «дедокументализации» фотографии выступает роль зрителя, который из пассивного созерцателя давно уже превратился в соавтора изображения. Е. Петровская в книге «Антифотография» пишет, что «без других фото остается непроявленным, его вообще нельзя увидеть»[1388]. На тех же позициях стоит французский исследователь Андре Руйе, отмечающий, с опорой на теорию М. Бахтина, отразившуюся, в частности, в творчестве М. Дюшана, диалогический характер фотографии, отказывающийся говорить о фотографии-в-себе, о фотографии в единственном числе как отдельном изображении[1389]. Таким образом, изображение существует в определенном культурном пространстве, определяющем особенности его социального функционирования и интерпретации.

Говоря о способах считывания визуальной информации и последующей интерпретации, необходимо отметить три из них, исторически сложившиеся. Первый способ — иконический. Он основан на распознавании знакомых образов, связан с мышлением по аналогиям. Никаких специальных знаний, зрительского визуального опыта он не требует. Второй способ — символический.

[1388] *Петровская Е.* Антифотография. М., 2003. С. 12.

[1389] *Руйе А.* Фотография. Между документом и современным искусством. СПб., 2014. С. 11–12.

Предполагает наделение узнанных объектов дополнительными значениями (коннотациями), исходя из закрепленных в конкретной социальной группе, культуре, эпохе тех или иных символов. Третий способ, абстрактно-индексальный, — это уровень считывания синтаксиса изображения, его структуры, композиции, в которой визуальными приемами закреплена та или иная семантика. Как правило, в восприятии изображения участвуют все три способа, но при доминировании какого-то одного подхода. Причем на ранних этапах становления зрительской культуры можно отметить преобладание того или иного способа в той или иной социальной группе, ввиду доминирования определенного способа мышления. Так, например, в неграмотной крестьянской среде не было достаточных предпосылок для развития абстрактно-логического мышления, свойственного для культуры письменного текста. В результате, компенсационно, развивалось иконическо-символическое визуальное мышление.

Мышление людей, занятых в аграрном хозяйстве, во многом определялось особенностями повседневной жизни. Российские крестьяне, вынужденные заниматься интенсивным трудом из-за малой продолжительности сельскохозяйственного года, оказывались в большой зависимости от капризов природы. В этих условиях любые приметы рассматривались в качестве знаков, способных повысить эффективность хозяйствования. Это в свою очередь развивало в крестьянине наблюдательность, созерцательность. Известную роль играли и климатические особенности среднерусской равнины: «Кто по календарю сеет, тот редко (мало) веет»[1390], — говорили крестьяне, имея в виду непостоянство сельскохозяйственного календаря. Любопытным источником являются дневники грамотных крестьян, которые, несмотря на свою образованность и в известной степени большую рациональность мышления в сравнении с неграмотными односельчанами, уделяют народным приметам пристальное внимание[1391].

[1390] *Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. М., 2009. С. 451.

[1391] См.: Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 годы. М., 1995; На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района

Крестьянская картина мира синкретична, ей свойственна неразделенность явлений природы и событий общественной жизни, которые выступали звеньями одной онтологической цепочки, иногда предшествуя друг другу, выступая друг по отношению другу знаками, иногда образуя единое целое. Познание окружающего мира в архаичном сознании обретало формы прорицания: «Прорицание всегда предполагало знаки, которые предшествовали ему: так что познание целиком размещалось в зиянии открытого или подтвержденного или тайно переданного знака», — писал М. Фуко[1392]. Так, засуха начала июня 1907 г. в дневниковых записях крестьян оказывается знаком-предвестником политической реакции: «Стоит жаркая погода, надо бы дождя. Травы худые. Государственную думу разогнали»; а затянувшиеся в 1917 г. до мая зимние холода и вовсе обретают эсхатологические коннотации: «Погода студеная, пролетает снег. Нашему государству едва ли не приходит конец»[1393]. Природа и политика оказываются онтологически связанными, пролетающий снег выступает метафорой смерти, гибели. Показательно, что в изобразительной семиосфере российской революции снег, как и различные холодные оттенки цвета, тоже символизируют гибель, но только связываются с контрреволюционными попытками реставрации самодержавия. Так, в качестве примера можно привести картину П. Филонова «Формула революции», на которой значение революции складывается из переменных, представленных холодными (реакция) и теплыми (реформа) оттенками.

Сложность апеллирования к крестьянскому символизму обусловливалась также и его зависимостью от условий, в которых находился интерпретатор. За теми или иными вещами, предметами, явлениями однозначные образы не закреплялись, в результате чего знаковость вещей была динамичной. Можно предположить, что крестьянский мистицизм был порождением не столько

Архангельской области. 1915–1931 годы. М., 1997; «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева. 1902–1953 гг. М., 1997.

[1392] *Фуко М.* Слова и вещи… С. 94.

[1393] Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 годы. М., 1995. С. 24, 160.

труда на земле как такового, непосредственного контакта с природой, но и невзгод, случайностей, которые, вопреки стараниям крестьян, обрушивались на них по причине погодных аномалий: «Давно ль ты стала ворожить? — А как нечего стало в рот положить»[1394]. В этом смысле ворожба, обращение к мифологии являлось последней надеждой, средством преодоления казуальности сельскохозяйственного цикла. Вероятно, народный мистицизм был особенно распространен в кризисные периоды и, наоборот, отступал на второй план, когда крестьянам не на что было жаловаться: «Гром не грянет, мужик не перекрестится».

Кроме того, в полной мере синкретизм проявлялся в период деревенских празднеств, карнавального поведения, сочетавшего языческие ритуалы с христианской символикой и мистицизм с прагматизмом. Карнавал, как и труд на земле, был важной сферой повседневного существования крестьян. Двойственность мистико-реалистического подхода к феноменам выступала причиной амбивалентности образов вещей, знак которых легко менялся в сознании народа в зависимости от тех или иных условий. При этом амбивалентность образов была непосредственным следствием крестьянской миросозерцательности: одни и те же явления природы при известных условиях могли нести как жизнь, так и смерть, восприниматься в положительном или же в отрицательном смысле.

Крестьянская наблюдательность и известная метафоричность мышления заставляла их с особенным пиететом относиться к изобразительному искусству. Усть-куломский крестьянин Иван Рассыхаев увлекался рисованием и сам иллюстрировал свои дневники. Более того, он записывал сны и видения, создавая с помощью слов целые живописные полотна, что демонстрирует наличие у него композиционного мышления. В отдельных случаях в описанных снах угадываются композиции известных работ, репродукции которых могли попадаться крестьянам. Так, Рассыхаев, пересказывая свой сон, сразу упоминает плоскость картины и далее расставляет на ней персонажей, указывая их

[1394] *Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. М., 2009. С. 464.

местоположение справа или слева, а также обозначая передний, средний и задний планы[1395].

Отличавшийся немногословностью тотемский крестьянин А. Замараев, описывая совершенное путешествие в Соловецкий монастырь, отдельно отметил свои впечатления от картин: «В соборе (Преображенском — В.А.) очень красиво. Иконостас и живопись заслуживают внимания. Особенно мне понравились живописные картины „Избиение младенцев вифлеемских“, „Укрощение бури“ и „Христос на Голгофе“»[1396]. Примечательно упоминание Замараевым картины «Избиение младенцев вифлеемских», которую можно считать одним из источников восприятия императора Николая II в качестве царя Ирода, виновного в мировом побоище.

XX век принес новую форму запечатления внешнего мира и создания иконичного образа — фотографию. К началу Первой мировой войны наряду с громоздкими форматными камерами распространение получили компактные пленочные фотокамеры со складным мехом фирмы Kodak. Несмотря на широкий разброс цен (от 19 до 120 рублей), в массовом порядке они не использовались из-за отсутствия единого стандарта пленки и известных сложностей с проявкой и печатью.

Правила работы военных фотографов регулировались «Положением о военных корреспондентах в военное время» (1912 г.) и принятым 20 июля 1914 г. «Временным положением о военной цензуре», допускавших до зоны боевых действий лишь двадцать корреспондентов (включая десять иностранных), которым разрешалось пользоваться фотокамерами, а также трех военных фотографов. Кроме них никому не разрешалось делать фотографии на фронте. Однако когда генерал Н.Н. Янушкевич вступил в должность начальника Генштаба, он отправил начальникам военных округов телеграмму:

[1395] «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева. 1902–1953 гг. М., 1997. С. 56–57.

[1396] Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева… С. 46.

«Корреспонденты в армию допущены не будут»[1397]. Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич также первоначально отклонял просьбы издателей о допуске их журналистов на театр боевых действий, но 26 сентября 1914 г. двенадцати корреспондентам (включая шестерых иностранцев) все же разрешили отправиться на фронт на две недели (следующей группе журналистов позволили побывать в армии только в июне 1915 г.). В результате, как вспоминал журналист и военный цензор в ставке верховного главнокомандующего М.К. Лемке, «корреспонденты нашлись в изобилии среди самих офицеров и разного рода тыловых работников»[1398], чему способствовало развивающееся в обществе фотолюбительство. «Вечернее время» на первой полосе рекламировало «Кодак для военных»: «Запечатлейте пережитые Вами в настоящую великую войну эпизоды при помощи Вашего жилетно-карманного Кодака», – гласила реклама[1399]. Несмотря на запрет проникать на театр боевых действий внешним фотокорреспондентам, в армии появлялись собственные «полковые» фотографы, которые вели фотолетопись тех или иных войсковых подразделений[1400]. Напечатанные фотографии офицеры рассылали в письмах по своим родным, а те за деньги предлагали их для публикации иллюстрированным журналам[1401].

Война вызвала издательский бум, росли тиражи периодических изданий. Один только иллюстрированный журнал «Огонек» насчитывал шесть миллионов читателей[1402]. В целях пропаганды, максимально широкого охвата социальных слоев, включая малограмотных, печать наполняла свои страницы рисунками и фотографиями, в том числе документальными. Это способствовало

[1397] *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке: (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). Пг., 1920. С. 133.

[1398] Там же. С. 134.

[1399] Вечернее время. 1915. 24 августа.

[1400] *Снесарев А.Е.* Письма с фронта… С. 137.

[1401] Там же. С. 176.

[1402] *Stolarski C.* Press Photography in Russia's Great War and Revolution // Russian Culture in War and Revolution, 1914–22, Book 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions… P. 143.

формированию различных традиций считывания визуального сообщения. Распространение в прессе фоторепортажа имело, как отметил К. Столарски, важное значение: «Фоторепортаж позволял зрителям интерпретировать увиденное в соответствии с их собственной социально-политической перспективой и жизненным опытом… включал культуру чтения в акт рассказывания новостей»[1403]. Исследователь отмечает хаотичность фотографических образов, обрушившихся на зрителя, что приводило к тому, что читатель с их помощью мог выстроить свой собственный нарратив о войне. Образ не всегда воздействовал на зрителя так, как задумывал фотограф или издатель. Например, акцентирование внимания в фотографиях на зверствах немцев вместо решимости к борьбе с Германией могло вызвать уныние и подорвать боевой дух солдат. Стремясь показать читателям войну с разных ее сторон, но не имея возможности ввиду действовавших «Правил для русских и иностранных корреспондентов», некоторые фотографы прибегали к постановкам и даже инсценировкам тех или иных боевых операций. Так, например, на одной из почтовых фотооткрыток со спины были запечатлены немецкие разведчики, сидящие в укрытии с овчаркой. Принимая во внимание ракурс съемки и фокусное расстояние, фотограф должен был находиться от них на расстоянии не более нескольких метров. Другие кадры удивляли театральными позами героев и исключительно удачным освещением. Учитывая технические возможности фототехники, было ясно, что снимать динамичные сцены, да еще без вспышки, невозможно. Подобные казусы не ускользали от глаз внимательных зрителей, в результате чего в сатирической печати появлялись карикатуры на фотографов, которые в корыте разыгрывали морское сражение, или на «бравых солдат», позировавших фотографам на фоне задника с изображением жаркого боя. С другой стороны, часть населения, отличавшаяся меньшей критичностью мышления, вполне могла принимать такие постановки за чистую монету. Однако по мере развития фотографии наивных зрителей оставалось все меньше, тем более что технический прогресс добирался и до деревни.

[1403] Ibid. P. 140.

Часто увлекающиеся фотографией горожане приезжали в села и фотографировали местных жителей. А. Замараев упоминает один из таких случаев, считая его показательным, важным и вошедшим в привычную картину сельской жизни[1404]. Доминирующим жанром в этом случае выступал постановочный семейный бытовой портрет. Семья выстраивалась на фоне избы, мужчины надевали рубашки, пиджаки, причесывались, женщины наряжались в выходные сарафаны и накидывали платки — важно было создать образ благополучной, зажиточной семьи. Полученную фотографию вешали на стену как знак, символ материального достатка. Вероятно, при помощи фотографии, сохранявшей образ прошлого, крестьяне надеялись сохранить сопутствующую им в то время удачу, благополучие. В связи с этим иконичность как подобие первообразу, документальность, уступала место созданию искусственного, индексального: значение похожести лиц снижалось по сравнению со значением сопутствующих им индексов богатства. Акт фотографирования становился символическим ритуалом закрепления за своей семьей благодати. В итоге висящая на стене фотография наделялась не меньшим символическим содержанием, в некотором роде мистицизмом, чем размещенные в красном углу избы иконы.

Функциональное значение портрета было связано с православной традицией иконопочитания (лобызание, молитва, каждение и пр.). В догмате отцов церкви об иконопочитании говорилось: «Честь, воздаваемая образу, переходит первообразному»[1405], — что предполагало возможность воздействия через изображение на изображенного. Правда, как отметил Л. Леви-Брюль, данная особенность восприятия графического или изваянного образа как единого целого с прообразом была вообще характерна для пралогического первобытного мышления[1406], следовательно, христианство лишь сохранило архаичные

[1404] Дневник тотемского крестьянина... С. 80.

[1405] См.: Догмат о иконопочитании трехсот шестидесяти семи святых отцов Седьмого Вселенского Собора Никейского.

[1406] *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1980. С. 134.

представления, которые в славянском язычестве были выражены идолопоклонством. В результате традиция, соответствовавшая как языческим, так и христианским обрядовым формам, прочно вошла в структуры крестьянского мышления. Это создавало известные функциональные практики: прославление или проклинание образа на портрете. В описаниях интерьеров парадных помещений крестьянских домов (горниц и «залов») часто среди настенных украшений упоминаются живописные картины, приобретенные в дни ярмарок, а также фотографии родственников, а также членов царской фамилии[1407]. Таким образом, в кризисные периоды образ царя на портрете мог превращаться в объект вымещения собственной злобы в форме мистического ритуала проклятия. Примеры подобного будут рассмотрены далее.

Развитие технических средств тиражирования визуальных образов на рубеже XIX–XX вв. приводит к активизации новых форм репрезентации царской власти. Историки С.И. Григорьев, Б.И. Колоницкий, вслед за Р. Уортманом изучая сценарии репрезентации власти как своеобразной формы мифотворчества, рассмотрели изменения визуального образа монарха в разбираемый период на примере изобразительной продукции[1408]. Оказалось, что на протяжении XIX в. власть жестко контролировала посредством цензуры репрезентацию своего образа, на выпускавшихся ограниченным тиражом календарях, портретах преимущественно изображались цари прошлые, а не настоящие. Ситуация резко изменилась в период правления Николая II, стремившегося к «личной репрезентации своего индивидуального образа самодержца», чтобы «установить глубоко личную, даже интимную, верноподданническую связь

[1407] *Трифонова Л.В.* Традиционный интерьер парадных помещений крестьянского дома Заонежья конца XIX — начала XX вв. // Кижский вестник (Сборник статей). Вып. 9. Петрозаводск, 2004.

[1408] См.: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М., 2002; *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007; *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

между монархом и его подданными»[1409]. В результате в начале XX в. происходило столкновение двух традиций визуальной репрезентации образа монарха: самодержавной и демократической. Первая была призвана подчеркнуть исключительный, сакральный характер власти императора путем подчеркивания его уникальности; вторая, наоборот, делала акцент на «народности» царя, его близости к простым подданным.

В конце XIX в. в кругах придворных художников господствовала традиционная, самодержавная концепция репрезентации власти. Художники-академисты, а вслед за ними и фотографы, использовали технические приемы для создания образа самодержца, возвышающегося над подданными. На одиночных поясных или ростовых парадных портретах царь представал запечатленным с низкой ракурсной точки, что рождало ощущение, как будто он сверху вниз смотрит на зрителя. В подобной стилистике выполнены работы И. Галкина, Э. Липгарта. Некоторые фотографии повторяли известные по живописным портретам композиции.

Определенный простор для развития образа величественного монарха предоставили художникам и фотографам коронационные торжества 1896 г. В сложных многоплановых композициях нужно было выделить самодержца из толпы подданных, подчеркнув его исключительность и богоизбранность. Строгий коронационный церемониал, в достаточной степени театрализованный, помогал фотографам акцентировать внимание зрителя на фигуре императора, снятой издали. На фотографии, запечатлевшей въезд государя в Кремль на белом коне 9 мая 1896 г., передана атмосфера пышной торжественности и символичности момента. Фигура императора, тонально выделенная из общей серой массы, без труда угадывается в центре нижней половины работы, а располагающиеся на заднем плане Екатерининский храм Вознесенского монастыря вместе со Спасской башней усиливают впечатление сакральности происходящего (Приложение №3. Илл. 18).

[1409] *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). С. 214.

Одна из самых известных живописных работ, выполненных придворным датским художником Л. Туксеном, создавала почти эпическое действо, участниками которого выступали не только изображенные присутствовавшие на торжествах подданные императора, но и взирающие на его возвышающуюся по центру фигуру святые с фресок Успенского собора. Тем самым художник подчеркивал как святость императора, так и историческую преемственность самодержавной власти (Приложение №3. Илл. 19).

Однако в 1896 г. появилась и альтернативная работа на тему коронации, свободная от идеологической подоплеки, в которой акцент с персоны императора был смещен на толпу гостей, вереницей вьющейся в храме. Автор эскиза, один из лучших портретистов эпохи, художник-передвижник В.А. Серов, созданию мифического образа государя предпочел импрессионистическое изображение сопутствующей торжествам атмосферы, в которой растворялись отдельные ее участники. Эскиз был представлен во дворце, но Серов так и не получил заказ на создание по нему окончательного живописного полотна.

Хотя в 1896 г. услуги Серова не были востребованы, спустя четыре года Николай II заказал ему свой портрет в форме шотландского полка для отправки в дар подшефным ему «серым драгунам» в Англию. Во время сеансов художник начал одновременно писать второй портрет Николая — в простой тужурке, за столом. Как вспоминал князь Ф. Юсупов, работа не нравилась императрице, присутствовавшей на сеансах, она докучала художнику советами, в результате чего Серов не выдержал и позволил себе дерзость: подал ей палитру и предложил за него закончить портрет царя[1410].

Несмотря на то, что обе картины были выполнены в присущей Серову живописной манере, поза императора официально заказанного портрета была типичной для традиционного академического портрета, хотя художник уходил от реализма в сторону смелых экспериментов с формами и цвето-тональными массами. Второй же портрет был в известной степени революционным, в нем Серов разрывал сложившиеся стереотипы репрезентации образа самодержца:

[1410] *Юсупов Ф.Ф.* Мемуары. В 2 кн. М., 1998. С. 69.

император был запечатлен в повседневной одежде, выбранный ракурс создавал иллюзию, что царь и зритель сидят друг напротив друга за столом и их глаза находятся на одном уровне. Складка сзади над воротником добавляла фигуре легкую сутулость и создавала образ уставшего человека. Позднее с портрета делали копии, и акварельный вариант художника М. Рундальцова публиковался в журналах в годы Первой мировой войны. Забегая вперед, отметим, что в октябре 1917 г. красногвардейцы, ворвавшиеся в Зимний, уничтожили портрет Николая в тужурке (но сохранилась его авторская копия).

Эксперимент Серова был одобрен Николаем II, и с его легкой руки стали появляться другие «простые» державные образы. Однако в целом парадно-торжественная репрезентация власти продолжала доминировать, что особенно проявилось в 1913 г., когда вся империя праздновала 300-летний юбилей дома Романовых. К юбилейным торжествам публиковались парадные портреты российского самодержца и выходили иллюстрированные издания на историческую тематику; журнал «Нива» публиковал фотоотчет о торжествах, проходивших в различных городах империи, а «Русский паломник» выпустил бесплатный «Юбилейный альбом в память 300-летия дома Романовых», в котором появился парадный портрет Николая II со скипетром и державой.

Пышная свита, парадные одежды, торжественные приемы — все это запечатлевали фотокамеры, создавая у зрителей образ преуспевающей и счастливой династии в богатой империи. Однако в действительности общество постепенно охватывала волна протеста. Из секретного циркуляра директора Департамента полиции МВД В.А. Брюн-де-Сент-Ипполита, направленного губернаторам, становится ясно, что власти летом — осенью 1914 г. не питали никаких иллюзий по поводу народного единения, понимая его временный характер и опасаясь, что революция в империи может вспыхнуть с новой силой[1411]. Необходимо было укрепить связь народа с монархом, и в этих условиях происходило изменение стратегии репрезентации образа власти: в фотоотчетах официально издававшейся «Летописи войны» (редактор-издатель

[1411] ГАРФ. Ф. 58. Оп. 7. Д. 298. Л. 75.

придворный историограф императора Д.Н. Дубенский) создавался образ народного царя, переносившего невзгоды военной жизни вместе со своим народом. Первый номер журнала открывался портретом Николая II в традиционным ключе — лицо анфас, снято чуть снизу, взгляд направлен в сторону от зрителя, — однако форма одежды царя была не парадной, что отвечало трагичности момента и, кроме того, на груди императора одиноко красовался орден Св. Владимира IV степени — выдававшийся чиновникам среднего ранга, жаловавшийся за благотворительную деятельность купцам и промышленникам, а также офицерам в звании от подполковника (Приложение №3. Илл. 20).

Вскоре, правда, в «Летописи войны» появляются и более пышные образы самодержца: в № 5 печатается парадный портрет Николая, выдержанный в стилистике портретов Липгарта, а в № 6 — парадный портрет наследника престола царевича Алексея, однако ставка редакции на документирование реальности непостановочными репортажными кадрами постепенно вытесняет традиционную стратегию репрезентации. В «Летописи войны» публикуются фотографии поездок Николая II в Ставку, на которых он изображен в походной форме, в мундире полковника, создающем контраст с генеральскими знаками отличия царского окружения. Кроме того, подчеркивается аскетичность и непритязательность императора в военном быту. На одной из фотографий представлен интерьер общей спальни императора и цесаревича в Ставке: в центре стоят две походные кровати-раскладушки, между ними на столике расставлены иконы, а на кресле у камина в углу лежит балалайка, на которой учился играть наследник престола. В октябрьском номере «Летописи войны» 1914 г. появилась репродукция картины 1911 г., изображавшей Николая II в походном снаряжении с шинелью в скатке через плечо.

На многих фотографиях, посвященных поездкам Николая II в Ставку, композиция выстраивалась уже без акцентирования величия императора; на фотографии встречи царя и генерала Н.В. Рузского центральным персонажем композиции оказался генерал Н.Н. Янушкевич, государя же можно опознать лишь по более свободной позе (Приложение №3. Илл. 21). Однако если на

упомянутой фотографии царь хотя бы находился на первом плане, то на почтовых карточках иногда печатались и вовсе неумело снятые фотокадры, переэкспонированные, нерезкие, на которых царь терялся в группе прочих людей или отворачивался в сторону от зрителя (Приложение №3. Илл. 22). На одной из карточек император был заснят в просвете между окружившими его офицерами, причем ракурс съемки был выбран такой, что царь визуально оказывался намного ниже ростом других членов своего окружения, едва доходя офицерам до плеч. Вероятно, фотограф хотел донести до зрителя идею, что царь находится в постоянных делах и заботах о состоянии российской армии, в соответствии с природой документальной фотографии передать отдельное мгновение, остановить и поймать время, однако неискушенный визуальной продукцией зритель смотрел и видел на подобных карточках совсем другое — маленького, суетливого человека, внешние данные которого уступают царскому окружению (Приложение №3. Илл. 23).

Акцент на народности и демократичности царя приводил к невыгодному для него сравнению с генералами из ближайшего круга. В первую очередь Николай II проигрывал своему дяде, верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, имевшему более яркие внешние данные (Приложение №3. Илл. 24).

Аристократический профиль, уверенный взгляд великого князя контрастировали с некоторой простоватостью черт лица императора. Особенно контраст был заметен на фотографиях, где Николай II и Николай Николаевич оказывались рядом (Приложение №3. Илл. 25).

На фотографии, опубликованной в Летописи хроники посещения царем Ставки, маленького роста император, оглядываясь, снизу вверх смотрел на осанистую фигуру главнокомандующего. В данном случае фотограф (вероятно, А.К. Ягельский, сопровождавший императора во время его поездок на фронт) и издатели допустили репрезентационную ошибку: первый выбрал невыгодный для статуса портретируемого ракурс съемки (хотя этот ракурс полностью соответствовал идеологии документального репортажа), вторые

отобрали для публикации фотографию, явно принижавшую образ самодержца, при том, что существовал другой кадр, на котором высокий главнокомандующий неуклюже сгибался перед невысоким, но полным достоинства царем.

Б.И. Колоницкий обнаружил и более вопиющий и весьма символичный случай фотомонтажа: на одной из фотографий, изображавших Николая II и Николая Николаевича, император был просто замазан, и в виде открытки тиражировался портрет одного великого князя.

На выходившей в годы войны серии фотооткрыток, изображавших Красносельские маневры накануне войны, проходившие в высочайшем присутствии, также были допущены репрезентационные ошибки. На одной из фотографий Николай II скакал на черной лошади впереди группы офицеров, однако кадр был скомпонован так, что в центре него оказывался великий князь Николай Николаевич, к тому же единственный на белом коне, что еще больше выделяло его на фоне своих спутников (Приложение №3. Илл. 26).

Ошибки в изображении императора, а также недовольство народа внутренним положением России не замедлили сказаться на авторитете царя, который резко упал. Величественный образ Николая Николаевича, его более высокое офицерское звание порождало в среде крестьян слухи о том, что он полномочен принимать карательные санкции в отношение самого государя. Так, в июле 1915 г. в Вятской губернии появился слух о том, что «государь император продал неприятелю Перемышль за 13 миллионов рублей, и за это верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич разжаловал государя в рядовые солдаты»[1412]. В это же время крестьяне Тобольской губернии говорили: «Надо молиться за воинов и за великого князя Николая Николаевича. За государя же что молиться, он снарядов не запас, видно прогулял»[1413]. В феврале 1916 г. крестьянин Уфимской деревни, рассуждая о военном и внутриэкономическом положении России, пришел к выводу, что царем вместо

[1412] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 530.

[1413] Там же. Л. 53(об).

нынешнего государя следовало быть Николаю Николаевичу[1414]. А когда царь сместил великого князя с поста верховного главнокомандующего и сам занял его, многие крестьяне начали предрекать поражение России в войне[1415].

В царской семье догадывались о том, что в глазах народа образ Николая Николаевича имел более высокий статус. Императрица Александра Федоровна сообщала своему мужу в Ставку 25 июня 1915 г., что в обществе положение Николая Николаевича называют вторым императором, «который во все вмешивается»[1416]. Позже она оправдывала смещение Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего тем, что он «действовал неправильно» по отношению к царю и своей стране, подозревая его в предательстве и связях с думской оппозицией[1417]. Несмотря на перевод Николая Николаевича на Кавказ он сохранял популярность в обществе и его портреты публиковались в «Летописи войны» вплоть до 18 февраля 1917 г., в то время как портреты Николая II после 26 ноября 1916 г. в журнале не появлялись. По количеству напечатанных в «Летописи войны» портретов (27) великий князь уступал только Николаю II (115) и царевичу Алексею (41, включая и те, где был запечатлен с отцом).

Демократическая стратегия репрезентации предусматривала запечатление встреч царя с простым народом. Фотохроника фиксировала не только посещение членами императорской семьи военных лазаретов, но и общение государя с крестьянами (Приложение №3. Илл. 27, 28). Однако в условиях начавшегося падения авторитета самодержавной власти это приводило к неожиданным интерпретациям[1418]. Глядя на портреты императора, крестьяне нередко

[1414] Там же. Л. 244.

[1415] Там же. Л. 102.

[1416] Письма Александры Федоровны. Т. 1. Берлин, 1922. С. 156.

[1417] Там же. С. 160.

[1418] Более подробно о высказываниях крестьян в адрес членов императорской семьи см.: *Аксенов В.Б.* Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. № 4. 2012. С. 137–145.

сравнивали внешность царя с внешностью односельчан и в условиях общего критического отношения к власти проводили сопоставления не в пользу Николая II: «Наш-то государь император дурак, у него и рожа-то, если посмотреть, так похожа на Ельку Абрамовского (местный дурачок-пропойца. — В.А.)», «Он ничего не понимает, не может править этим делом на войне, государь наш — Акимиха (местная умственно-отсталая крестьянка. — В.А.)»[1419]. Доставалось не только изображениям царя, но и членам его семьи. 20 апреля 1915 г. в Киеве двадцатипятилетний крестьянин Орловской губернии Иван Захаров, рассматривая показанный ему знакомой девицей портрет великой княжны Татьяны Николаевны, произнес: «Какая она дочь государя! Она такая же … /брань/ как и ты!»[1420]

Кроме сравнений внешности царя с внешностью Николая Николаевича и односельчан, крестьяне сопоставляли Николая II с его главным внешнеполитическим соперником Вильгельмом II и в этом случае сравнение опять оказывалось не в пользу русского императора. 20-летняя крестьянка Евгения Урсини в феврале 1916 г. гадала по портрету государя об исходе войны: «Вряд ли Россия победит Германию, потому что у России нет снарядов, а также по наружности наш русский государь выглядит против Вильгельма мужик — мужиком»[1421]. Последнее обвинение приводит к мысли о парадоксе: мужики и бабы ругают императора за мужиковатость. В сказочном фольклоре простота Ивана-дурака нередко помогала ему справиться и с чертом, и хитрым царем, и самому занять место на троне, однако царям по рождению предписывалась сакральная мудрость.

По воспоминаниям сестры милосердия С. Федорченко, солдаты из крестьян обсуждали изменившуюся стратегию царской авторепрезентации: «За стенами в красных палатах жили, народу царя словно икону показывали. Так на нем ни пятнышка не приметить было. А теперь война-то его под самый нос

[1419] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 61, 102.

[1420] Там же. Л. 519(об).

[1421] Там же. Л. 180.

подсунула: на, мол, крестьяне, смотри, что это за чучелок воробьиный ото всякого ветру рукавом машет. А куда нам такой?»[1422]

Вместе с тем позитивная визуальная репрезентация «своего» императора предполагала негативную репрезентацию «чужого», что также было встречено неоднозначно. Особенно это касалось жителей западных губерний. Так, в ноябре 1915 г. латышская крестьянка, разглядывая висевший на стене известный сатирический лубок «Дракон заморский и витязь русский», где русский витязь со щитом и мечом поражает трехголового дракона с человеческими головами германского императора Вильгельма, австрийского Франца Иосифа и турецкого султана сказала: «Напрасно Вильгельма рисуют таким, он не такой, а умный, красивый, образованный, из его страны выходят всякие фабриканты, а вот наш Николашка — дурачок»[1423]. Крестьянин-колонист Самарской губернии в последних числах декабря 1914 г., рассматривая с другими крестьянами календарь с изображениями царствующих особ разных государств, указывая на портрет германского императора Вильгельма, сказал: «Этого я бы чайком напоил», — а как дошел до изображения Николая II, произнес: «а этому бы я выколол глаза» — и тут же шилом проколол на изображении один глаз[1424]. Крестьянин Виленской губернии Бронислав Насуро признался в ноябре 1914 г.: «У нас были портреты государей, а своему государю на портрете выколол глаза»[1425].

Следует заметить, что крестьяне развешивали портреты не только Николая II, но и иностранных государей. Императорский портрет в избе совсем нельзя считать знаком политической лояльности или преданности короне, прежде всего это был признак формировавшейся в быту новой визуальной традиции. Причем в годы Первой мировой войны из развешенных на стенах изображений глав государств часто критика раздавалась именно в адрес «своего»

[1422] *Федорченко С.З.* Народ на войне... С. 84.

[1423] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 203.

[1424] Там же. Л. 219.

[1425] Там же. Л. 214(об).

императора. Крестьянка Харьковской губернии Мария Радченко, проводив 18 августа 1915 г. на войну мужа, придя в дом соседей, принялась рыдать и, увидев на стене портреты государей, сказала: «Что вы этими чертями красуетесь?» Когда ей сделали замечание, что среди портретов есть и портрет Николая II, она сказала: «А что же? И наш государь тоже черт, берет только людей и губит их на войне»[1426].

Вместе с тем, если Николай II в плане представительной внешности уступал своему дяде и, возможно, германскому императору, то это вполне можно было «исправить» репрезентацией, направленной на сопоставление российского и британского монархов: Николай II и Георг V, приходившиеся друг другу двоюродными братьями, были очень похожи (Приложение №3. Илл. 29). Их портреты публиковались как до, так и во время войны, в частности, в августовском номере журнала «Нива» за 1914 г. Однако репортажная хроника, принижавшая статус самодержца, вызывала больше доверия в глазах подданных империи, нежели постановочные парадные портреты, в результате чего в крестьянской среде зрели представления о «низкой» природе российского самодержца.

Появлялись также слухи о подмене царя или о его бегстве на автомобиле в Германию[1427]. В последнем случае можно обнаружить определенную связь с фоторепортажной хроникой посещения императором фронта: было видно, что Николай часто ездил на автомобиле. Образ царя в автомобиле казался народу менее державным, чем традиционный образ царя на белом коне. Принятие рапорта верхом на коне в визуальном отношении являлось более торжественным актом, соответствующим статусу самодержца, нежели стоя у автомобиля перед лицом подчиненного (Приложение №3. Илл. 30).

В свое время Н.М. Карамзин, задавшись вопросом, почему москвичи начала XVII в. не приняли самозванца Г. Отрепьева, — который активно позиционировал себя в качестве народного царя, объявил политическую

[1426] Там же. Л. 274, 99(об)–100.

[1427] Там же. Л. 99(об)–100.

амнистию оппозиции, удвоил жалованье сановникам, вместе с солдатами участвовал в военных учениях, ходил по Москве без охраны и вообще вел себя исключительно демократично, — нашел тому очень точное объяснение: «Низость в государе противнее самой жестокости для народа»[1428]. Стратегия демократической саморепрезентации царской власти приводила к профанации образа самодержавного правителя, делала последнего «низким».

Официальные царские портреты в присутственных местах, государственных и общественных учреждениях в ситуации усиливавшихся оппозиционных настроений периодически становились раздражвющими стимулами и поводом для сопоставления царского лика с лицами известных общественных деятелей и политиков. Примечательно в связи с этим признание З.Н. Гиппиус, которая случайно во время собрания сопоставила лик Николая II с лицом А.Ф. Керенского в ноябре 1916 г.: «Керенский стоял не на кафедре, а вплотную за моим стулом, за длинным зеленым столом. Кафедра была за нашими спинами, а за кафедрой, на стене, висел громадный, во весь рост, портрет Николая II. В мое ручное зеркало попало лицо Керенского и, совсем рядом, — лицо Николая. Портрет очень недурной, видно похожий (не Серовский ли?). Эти два лица рядом, казавшиеся даже на одной плоскости, т. к. я смотрела в один глаз, — до такой степени заинтересовали меня своим гармоничным контрастом, своим интересным „аккордом“, что я уже ничего и не слышала из речи Керенского. В самом деле, смотреть на эти два лица рядом — очень поучительно. Являются самые неожиданные мысли, — именно благодаря „аккорду“, в котором, однако, все — вопящий диссонанс»[1429].

М. Палеолог обращал внимание, что портреты русских императоров, развешанные во дворцах, клубах, театрах, общественных зданиях, представляли собой скучную и банальную иконографию. Вместе с тем французский посол

[1428] *Карамзин Н.М.* История государства Российского в XII тт. В 3х кн. Кн.3. Москва, 2004. С. 532.

[1429] *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 8… С. 197.

отмечал, что в целом художники передавали характер портретируемого, и считал, что Николай II выделялся из всего царского чина своей простотой[1430].

Демократическая репрезентация царской власти могла бы быть успешной лишь в том случае, если бы такой же демократической модернизации подверглась общественно-политическая жизнь империи. В условиях же, когда верховная власть продолжала себя мыслить в качестве самодержавной, но при этом пыталась создать демократический визуальный образ, общество ощущало исходившую от этой стратегии фальшь.

Власти игнорировали неприятие народом образа простого царя, продолжая «демократическую» традицию. В Летописи войны дважды был напечатан парный портрет императора и царевича, на котором оба были изображены в простой полевой форме, с одинокими, но почетными знаками отличия: орденом Св. Георгия IV степени у Николая и Георгиевской медалью IV степени у Алексея (Приложение №3. Илл. 31). Формальным поводом вручения этих желанных для всех солдат наград была царская инспекция армий Юго-Западного фронта, проходившая в зоне артиллерийского огня австрийской армии.

В воскресенье 25 октября 1915 г. Николай II записал в дневнике: «Незабвенный для меня день получения Георгиевского Креста 4-й степ… В 2 часа принял Толю Барятинского, приехавшего по поручению Н.И. Иванова с письменным изложением ходатайства Георгиевской думы Юго-Западного фронта о том, чтобы я возложил на себя дорогой белый крест! Целый день после этого ходил как в чаду… Все наши люди трогательно радовались и целовали в плечо»[1431].

В народе неоднозначно восприняли известие о награждении Романовых этими почетными военными наградами. Проливавшие свою кровь на войне и вернувшиеся после ранений домой солдаты с возмущением комментировали газетные сообщения о награждениях, сопровождая их бранью в адрес самодержца. Так, крестьянин Рязанской губернии Герасим Овсянников в октябре

[1430] *Палеолог М.* Дневник посла. С. 522.

[1431] Дневники императора Николая II. Том II. 1905–1917. М., 2007.

1915 г. в грубой форме высказал мысль, что не успел царевич родиться, «а уж на него вешают медали»[1432]. Другой крестьянин на Балтийском вокзале Петрограда вопрошал прохожих: «За что нашему государю повесили георгиевский крест?»[1433] Собственно говоря, сам Николай II из 24 наград только две (Владимирский и Георгиевский кресты низших степеней) получил за «заслуги», а остальные носили «статусный» характер, большинство было даровано ему еще при крещении. Поэтому отношение народа к царским орденам было довольно скептическим, и акцент в репрезентации образа монарха на его военных наградах не достигал намеченной цели. В.М. Пуришкевич вспоминал, что в 1916 г. молодые солдаты-семеновцы на улице столицы громко шутили: «Царь с Егорием, а царица с Григорием»[1434]. Эта шутка стала крылатой, и в конце концов в кинотеатрах Петрограда было запрещено демонстрировать кадры кинохроники, запечатлевшие награждение императора крестом, в связи с тем, что в зрительном зале всегда находился «шутник», громко повторявший эти слова под общий хохот. Дискредитировавшие императора и его семью слухи стали в 1916 г. частью публичного пространства.

Также не достигали цели фотографии, посвященные гуманитарной деятельности членов императорской семьи. В «Летописи войны» публиковались кадры работы императрицы и двух ее старших дочерей сестрами милосердия в лазаретах, в организации по сбору и отправке гуманитарной помощи на фронт, однако в народной массе в силу неприятия демократической концепции царской власти, а также на фоне развивавшейся в обществе шпиономании, затрагивавшей и императрицу-немку, зрели подозрения относительно иных мотивов этой работы. В деревне ходили слухи, что царица отправляла в Германию собранные по пожертвованиям средства, а также устраивала взрывы на военных складах как в России, так и в союзных странах, а лазареты строила и

[1432] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 279(об).

[1433] Там же. Л. 58.

[1434] Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. Рига, 1924. С. 49.

вовсе для разврата[1435]. Не было среди крестьян доверия и к царским постановочным семейным портретам, акцентировавшим внимание зрителя на простоте и скромности.

Разочарование в царе, подкреплявшееся традицией демократической визуальной репрезентации, приводило к внутреннему отречению народа от своего монарха, что выливалось в коллаборационистские настроения и угрозы убийством[1436]. Можно лишь гадать о том, насколько далеко могли зайти угрозы простых людей в адрес царя в реальности, однако изобразительная традиция и тут играла негативную роль, способствуя усилению антимонархических настроений. Уже упоминалось, что визуальное мышление крестьян во многом формировалось под влиянием христианского догмата об иконопочитании, подразумевавшего возможность воздействия через образ святого, его иконографическое изображение, на первообраз, т. е. самого изображенного. В результате изображение императора выступало объектом вымещения злобы, ненавидевшие самодержца сельские жители ругали царя, глядя на его портреты, а некоторые совершали нечто наподобие мистического ритуала насылания порчи, протыкая императору глаза, произнося матерные проклятия и обрызгивая изображение кровью.

Помимо устных проклятий, совершались символические жесты в отношении царских изображений. В правление Николая II начали тиражироваться визуальные образы самодержца и членов его семьи, они публиковались в иллюстрированных журналах, продавались в городских лавках[1437]. В домах крестьян можно было встретить висевшие на стенах царские портреты. Однако в

[1435] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 90(об), 92.

[1436] Там же. Л. 38–38(об), 141, 178.

[1437] О визуальных стратегиях саморепрезентации верховной власти см.: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемониал русской монархии. Т.1. М., 2000; *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007; *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; *Аксенов В.Б.* Царь в кривом зеркале. Образы монарха и их народная интерпретация в 1914–1917 гг. // Родина. 2014. № 11. С. 31–34.

минуты гнева крестьяне нередко вымещали на них свою ненависть, выкалывая глаза на ликах царствующих особ[1438]. Были случаи, когда деревенские жители били портреты палками, кидали на пол, плевали на них и топтали ногами, крестообразно разрезали грудь изображенному, а горожане стреляли в царские портреты из револьверов[1439]. Для придания бранной речи большей экспрессивности и, в первую очередь, наглядности часто по адресу царских портретов крестьяне совершали неприличные жесты и действия: мужчины обнажали половые органы, тыкая ими в лики царственных особ, женщины задирали юбки, поворачиваясь задом к портретам, бросали их в печь[1440]. В деревне слово, подкрепленное жестом, считалось особенно вызывающей грубостью[1441]. Во времена зарождения устной речи каждое слово требовалось сопровождать жестом, подобные традиции сохранились в патриархальном укладе российской деревни во многом благодаря архаике матерного языка. М.М. Бахтин рассматривал единство слова и жеста в контексте рождения знака-образа, как вполне закономерное и соответствующее карнавальному поведению явление[1442]. Вербальный и невербальный знак вступали во взаимодействие, порождали новый смысл, значение которого было шире семантики составляющих компонентов.

В одном из протоколов описывался случай, произошедший 2 февраля 1915 г.: «Анна Жирохова, крестьянка Вологодской губернии, 38 лет, во время ссоры с местными крестьянами по поводу бревен кричала: „… ваш закон, Корону и Государя“, потом, подняв подол платья и хлопая ладонью по детородным частям, кричала: „вот вам закон, корона, государь, все тут“»[1443]. Нередко подобные действия производились непосредственно перед портретами

[1438] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 465(об)–466.

[1439] Там же. Л. 46(об), 232, 350.

[1440] Там же. Л. 361, 366(об).

[1441] *Буров Я.* Деревня на переломе. М.; Л., 1926. С. 186.

[1442] *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. С. 83.

[1443] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д.476. Л. 366(об).

царствовавших особ. Так, 14-летний Саша Савин, отца которого призвали на фронт, ругая императора «прохвостом», встал на стул «и, вынув свой половой член, ткнул им в лицо его величества и его высочества со словами: „вот вам“»[1444]. Подобное поведение также может быть рассмотрено в контексте архетипов первобытного мышления, сохранившихся в крестьянском массовом сознании, которое ставило «знак семантического равенства и между речью и действием»[1445].

В августе 1915 г. в поселке Орловском Томского уезда в доме Власия Романчука собрались на ужин поденщицы. Присутствовавший неизвестный немой, взяв с полки календарь с изображением на обложке государя императора и указывая на изображение, произнес «пу-пу-пу», что, по объяснению Романчука, означало «нужно государя взять на войну и убить». Когда же после этого поденщица Ионова, упрекнув немого за его жест, взяла календарь в руки и поцеловала изображение государя, Романчук, вырвав календарь из рук Ионовой, приложил изображение к своему заду и сказал: «Надо им жопу подтирать, а не целовать», за что был привлечен по статье 103[1446].

Конечно, утверждать, что у всех крестьян образы императора вызывали одни и те же чувства и реакции, нельзя. Многие по привычке целовали царские портреты, кто-то даже крестился на них, период войны поднял спрос на изображения Николая II. Однако, с другой стороны, и развешивание портретов в своих домах не свидетельствовало о преданности государю и глубоких монархических чувствах российских подданных, как не свидетельствовало об этом закупка августейших портретов владельцами магазинов. Крестьянин Лифляндской губернии Рихард Треман, владелец писчебумажного магазина, предлагая купить портрет Николая Николаевича, спросил покупателя: «Не правда ли, он на дурака похож?»[1447] В первую очередь развешивание портретов в

[1444] Там же. Л. 361.

[1445] *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра… С. 112.

[1446] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 134.

[1447] Там же. Л. 151.

частных домах необходимо воспринимать в качестве определенного ритуального действия, как элемент традиционной повседневной культуры. Нарушение же традиционных практик являлось признаком просыпавшегося бунтарства, в котором архаичные, стихийные мотивы соседствовали со стремлением рационального понимания вины верховной власти. Крестьянин Томской губернии Петр Маклаков 20 ноября 1914 г. в селе Ново-Чемровском, придя в столярную мастерскую почитать газеты и услышав, как Андрианов просит своего зятя вставить в рамку и застеклить полученный по почте портрет государя императора, громко сказал: «Его … не застеклить, а облить керосином и сжечь надо. Да его самого-то … убить надо, чтобы не мучить крестьян и солдат»[1448].

Визуальная царская саморепрезентация в условиях роста социальных конфликтов порождала новые способы сведения личных счетов, когда царское изображение становилось инструментом наказания оппонента. Некоторые крестьяне носили с собой солдатские памятки с изображением императора. Во время разгоревшейся ссоры, когда оппонент терял над собой контроль, можно было достать памятку и попросить визави перестать ругаться перед царским изображением, на что, как правило, следовала еще более сильная ругань. Такой прием, например, был применен в ссоре двух односельчан села Натальино Самарской губернии 25 сентября 1915 г.[1449]

С большой вероятностью привлечением по статье 103 заканчивались споры крестьян и мещан с чиновниками в присутственных местах, где висели портреты. 26 января 1915 г. московский мещанин Александр Воробьев, 20 лет, зашел вечером в канцелярию полицейского надзирателя Ново-Александровской слободы города Рязани, не сняв шапки. Находившийся в канцелярии письмоводитель заметил, что Воробьев зашел в присутственное место, где находятся портрет государя императора и образ. В ответ на это Воробьев, указав пальцем на портрет государя императора, сказал: «Этот мне не нужен», затем, указав на икону Спасителя, произнес: «а это — пожалуй» и очень

[1448] Там же. Л. 133.

[1449] Там же. Л. 141.

неохотно снял шапку. На дознании Воробьев не отрицал, что произнес приведенные выше слова, объяснив, что портрета государя императора он не рассмотрел, так как письмоводитель заслонил его собой и, кроме того, ему ударял в глаза свет висевшей в канцелярии электрической лампочки; не рассмотрев хорошо, он подумал, что это портрет какого-нибудь должностного лица. 6 июня 1915 г. Воробьев был призван на военную службу и помещен под надзор военного начальства[1450]. Крестьянин Киевской губернии Никифор Бреус, 20 лет, незадолго до этого зачисленный в 27-й пехотный запасной батальон, в феврале 1915 г., находясь в нетрезвом состоянии, зашел в сельскую управу села Селище и, подойдя к висевшему портрету государя, ударил по нему палкой, грубо выругался и сказал: «За что я иду за тебя служить»[1451].

Вероятно, самой серьезной из допущенных репрезентационных ошибок стало уже упоминавшееся решение властей об удовлетворении «разменного голода» выпуском соответствующих марок. 30 сентября 1915 г. согласно распоряжению министра финансов в оборот были выпущены вместо исчезнувших из обращения серебряных монет разменные марки в 10, 15 и 20 копеек. За основу взяли известную юбилейную Романовскую серию почтовых марок, выпущенную в 1913 г., только теперь их печатали на более плотной бумаге. На лицевой стороне изображались портреты императоров: Николай II (10 копеек), Николай I (15 копеек) и Александр I (20 копеек). В 1913 г. выпуск марок сопровождался казусами в почтовых отделениях: некоторые почтовые чиновники первое время не решались штемпелевать эти марки, боясь «замарать царский портрет», что в соответствии со статьей 103 Уголовного уложения весьма строго наказывалось[1452]. В 1915 г. также не все шло гладко: мелкие марки были неудобны, терялись, часто липли к рукам. Глядя на 10-копеечного императора, обыватели шутили: «Что-то цари нынче дешевы стали», — а хозяйки,

[1450] Там же. Л. 127–129(об).

[1451] Там же. Л. 46(об).

[1452] См.: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Т. 2. Думская монархия. Мюнхен, 1949.

расплачиваясь неудобными разменными марками, иногда в сердцах плевали на императорский портрет. В обоих случаях следовало обвинение в нарушении статьи 103. 2 декабря 1915 г. 22-летняя крестьянка Ульяна Тужилкина, зайдя за покупками в мелочную лавку в г. Покрове Владимирской губернии и получив сдачу рваными и грязными марками, в присутствии нескольких лиц сказала: «Этими марками царю бы глаза залепить». На допросе обвиняемая объяснила, что в день происшествия привезли домой ее раненного на войне мужа и потому она была «растерянная какая-то и голова не работала». В лавку она пришла иззябшая — пальцы на руках окоченели, и она никак не могла захватить ими марки[1453].

Тем самым царские изображения в условиях роста социальной напряженности сами по себе становились сильным раздражающим стимулом и вызывали агрессию подданных даже в тех случаях, когда они могли и не питать личной неприязни к изображенному. В других случаях осознанная ненависть к царю выливалась в некие жесты и действия в отношении портретов в ритуально-мистических формах. В полицейских донесениях отмечалось, что иногда изображения царских особ забрызгивались кровью при совершении неких обрядов[1454]. Как уже отмечалось, характерным способом символического вымещения злобы на императора было вырезание глаз на его портрете. Лишенный всех прав состояния сын купца города Минска Лев Михаленко в ноябре 1915 г. в г. Пржевальске Семиреченской области, будучи в нетрезвом виде и разговаривая с товарищами о войне, подошел к висевшему на стене портрету, на коем были изображены государи и правители всех стран, перочинным ножом проколол глаза на изображении государя императора и крестообразно разрезал грудь, произнеся при этом площадную брань[1455].

В других случаях обвиняемые по статье 103 не совершали ритуалов проклятия, а просто высмеивали царя через его изображение. Так, в квартире

[1453] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 25–25(об).

[1454] Там же. Л. 114.

[1455] Там же. Л. 232.

крестьянина Лифляндской губернии Георгия Торка, проживавшего в Сыр-Дарьинской области, было обнаружено на стене несколько портретов императора, императрицы, царевича, а также всей царской семьи. На одном из портретов государыни на раму были одеты штаны Торка, которые были застегнуты и служили как бы продолжением от пояса фигуры государыни. На другом портрете императрицы части тела были подписаны разными словами, например, «мандавошка», «молотилка», «локомотив» и др., на лбу портрета была наклеена сорванная со спичечной коробки надпись «фабрика», на волосах и около правого уха — четыре дыры от гвоздей. На портрете августейшей семьи на груди государя написано «тиски» и «шраубшток», на паспарту портрета намазан чернилами и обведен пером восьмиконечный могильный крест; на копии такого же портрета приколота иглой вырезанная картина скачущей без всадника лошади, спина лошади замазана под цвет фона фотографии, так что создается впечатление, что вся царская семья посажена на эту лошадь; к открытому письму с изображением их величеств и наследника цесаревича приколота иглой вырезанная картинка околелой лошади[1456].

О массовой распространенности подобных действий над царскими портретами говорит тот факт, что иногда крестьяне даже в присутственных местах без видимого повода совершали с изображениями оскорбительные акты. Крестьянин Томской губернии Федор Аренштам, находясь в сельском управлении, приставил к портрету императора папиросу и сказал: «Смотрите, он курит и дым в нос пускает»[1457].

Таким образом, выбранная властями стратегия репрезентации царского образа, соответствовавшая документальной природе военного фоторепортажа, вступила в противоречие с символическим визуальным мышлением крестьянства, которому ближе был традиционный облик самодержца-царя. Первая мировая война, воспринимавшаяся в народе в контексте эсхатологических ожиданий, поставила проблему ответственности царя за невзгоды, которые со

[1456] Там же. Л. 192–192(об)

[1457] Там же. Л. 187.

временем начинали интерпретироваться в качестве божьей кары за царские прегрешения. Детали документальной фотохроники рассматривались народом в качестве знаков-индексов профанности самодержца и приводили к развитию коллаборационистских настроений, предусматривавших убийство императора, что, в частности, выразилось в совершении над царскими портретами мистического ритуала проклятия. Усугубляло ситуацию расхождение выбранной демократической стратегии саморепрезентации с самоидентификацией Николая II в качестве самодержавного монарха. В результате Николай II переставал быть сакральным символом, индексальные знаки его профанности, подчеркнутые документальной фотографией, рушили сложившиеся традиции. Этот символический конфликт стал одним из проявлений противоречий архаики и модерна, который в политической системе сказывался в столкновениях официальной власти и общественных организаций, исполнительной и законодательной ветвей власти империи.

3. Дискредитация образов русских воинов и сестер милосердия на фоне патриотической пропаганды

Патриотическая пропаганда строилась не на одних только идеях защиты таких абстрактных для человека из народа категорий, как отечество, царь, славянство. Она предполагала создание героико-символической системы, которая должна была моделировать стратегии патриотического поведения народа, выполнять роль некоего образца для подражания. Главными героями этой позитивной пропаганды становились выходцы из народа — рядовые воины и сестры милосердия (не случайно эти два образа как олицетворение современной России выбрал М.В. Нестеров для своей знаковой картины «Душа народа»). Однако реалии фронтовой повседневности вступали в противоречие с создававшимися в официальной печати «гламурными» образами, и метафора союза солдата и медсестры как символов общенационального единения со временем начала обрастать совсем не героическими подробностями.

В соответствии со стратегией противопоставления «своих» и «чужих» русские солдаты автоматически освобождались от всех ярлыков, навешанных на врага. Если немцев считали варварами, новыми гуннами, насильниками и убийцами, то русские солдаты в патриотической пропаганде выглядели как хранители нравственности, защитники угнетенных, женщин и детей. Этому способствовала и официальная символическая риторика, использовавшая словосочетание «святое воинство», употреблявшееся в царских манифестах, выступлениях представителей церкви, политической публицистике. Однако ставка на сакрализацию русского воина, которая в визуальной пропаганде была выражена образом Св. Георгия, противоречила реалиям войны, сбивавшей морально-нравственные ориентиры.

Другой навязываемой оппозицией в описании «своих» и «чужих» была оппозиция «смельчак»–«трус». В первые месяцы войны, учитывая, что славянские народы в составе австро-венгерской армии охотно сдавались в плен, казалось, что эта схема работает. В действительности, как показывают современные исследования, Первая мировая война, задействовавшая невиданную ранее на полях сражений военную технику, изменила не только тактику и стратегию воюющих армий, но и моральный дух солдат. Я. Плампер обращает внимание, что русская военная школа благодаря теоретическим разработкам генерала М. Драгомирова основывалась на профилактике и преодолении страха при столкновении с противником лицом к лицу, во время штыковых атак. Плампер полагает, что русское военное искусство выгодно отличало русского солдата от западного тем, что позволяло «высвобождать и снова брать под контроль свою агрессию без употребления современного огнестрельного оружия и теми способами, которые ставили его выше декаденствующего западного солдата. Эта доктрина вылилась в формулу „штыки вместо пуль“»[1458]. Однако эта система дала сбой, когда смерть посыпалась на солдат сверху артиллерийскими и аэроплановыми обстрелами, пулеметным огнем, газовыми

[1458] *Плампер Я.* Страх в русской армии в 1878–1917 гг.: к истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России… С. 456.

атаками. Выяснилось, что даже бывалые солдаты оказались психологически неподготовленными к боевым действиям в новых условиях. Страх стал доминирующей эмоцией во всех армиях, и, вероятно, историю Первой мировой войны следует описывать не как историю геройства, а как историю страха (и попыток, успешных и безуспешных, его преодоления) — естественного защитного инстинкта в экстремальных условиях. Вместе с тем обвинять в трусости подавляющее большинство солдат было бы неверно по нескольким причинам: во-первых, по сравнению с мирным временем сдвигаются границы «трусости», во-вторых, человек достаточно быстро адаптируется к новым условиям выживания и перенимает у коллектива те формы поведения, которые ведут его к выживанию, в-третьих, формы героизма в ряде случаев оказывались обычными аффектами, к доблести не имеющими никакого отношения, в-четвертых, сам «страх» нередко оказывался посттравматическим стрессовым расстройством.

Солдаты вспоминали, что каждый приказ о наступлении менял настроение к худшему, люди мрачнели, меньше разговаривали и о чем-то думали про себя[1459]. Некоторые впоследствии признавались, что были плохими вояками, толком не умели стрелять, а если оказывались в окружении, то вместо попыток выбраться из него, чтобы не злить немцев, сдавались. Крестьянин Иван Юров вспоминал эпизод, закончившийся для него пленом: «Выглянув из окопа, я увидел, что к нам движется цепь немцев, и пулеметы с собой тащат. Тут подбегает к нам наш ротный. „Ребята, — говорит, —не открывайте по немцам огонь, зря только себя погубим, они разозлятся, не оставят никого живым“. Я ему ответил: „Будьте спокойны, ваше благородие, мы такой глупости не сделаем“»[1460]. В ноябре 1914 г. генерал А.М. Сиверс информировал Ставку о случаях массовой сдачи в плен целыми ротами и предлагал провести закон, согласно которому «всякий пленный теряет право в будущем возвращаться на родину и фактом сдачи в плен считается выбывшим из русского

[1459] *Юров И.* История моей жизни… С. 176.

[1460] Там же. С. 178.

подданства»[1461]. Генерал В.И. Селивачев прокомментировал в дневнике 25 ноября 1914 г. приказ по армии о том, что «видя массовую сдачу в плен нижних чинов каждый начальник должен открывать огонь по сдающимся»: «Совершенно правильная мера»[1462]. 15 апреля 1915 г., вероятно, под впечатлением известий о пасхальных братаниях, был высочайше утвержден закон о лишении семей добровольно сдавшихся в плен солдат пайков, а также о «широком осведомлении населения о позорном поступке»[1463]. Но практика продолжалась.

Медсестры вспоминали, что между солдатами, с одной стороны, и добровольцами и офицерами, с другой, были некоторые отличия в готовности к смерти. Х.Д. Семина отмечала, что не помнила, чтобы «раненый простой человек, чувствуя приближение смерти, говорил, что он хочет жить; что ему тяжело и не хочется умирать… Но мне приходилось слышать офицеров, которые умирали от ран. — Не хочу умирать, сестра! Я не хочу умирать! Не хочу! Я жить хочу!»[1464] При этом добровольцы, оказавшись на передовой, часто просились назад домой, прочь из армии, аргументируя это тем, что раз они добровольно пришли, то могут также свободно и уйти. Вероятно, психологические отличия солдат и офицеров объяснялись фаталистической покорностью первых, воспринявших мобилизацию как неизбежную повинность, и чувством патриотического долга вторых, который довольно быстро выветривался в условиях реальной, а не сконструированной патриотической пропагандой войны. А.Б. Асташов обращает внимание, что рядовые солдаты, как правило, не боялись смерти, но были в ужасе от самой обстановки войны[1465]. Можно предположить, что обученные молодые офицеры, наоборот, были лучше подготовлены к ужасам военного времени, но острее воспринимали вероятность

[1461] Дневники, воспоминания, письма… С. 72.

[1462] Генерал В.И. Селивачев. Дневники. 1901-1914. М., 2019. С. 538.

[1463] Приказы начальника Штаба Верховного главнокомандующего за 1915 год. № 1–423. 6 сентября —31 декабря. [Б. м.], 1915. № 63.

[1464] *Семина Х.Д.* Записки сестры милосердия… С. 173.

[1465] *Асташов А.Б.* Русский фронт… С. 373.

смерти. Свидетели фиксировали проявления трусости даже среди казаков, хотя именно их образ активнее всего тиражировался пропагандой в качестве образцового воина-героя. Медицинская сестра Семина со слов мужа-врача передавала охватившую пластунов панику при защите Сарыкамыша[1466].

А.Б. Асташов отметил, что в письмах с фронта солдаты писали, что воевать может только «ненормальный человек»[1467]. В военной психиатрии известно явление, когда солдат, успешно прошедший обучение, в условиях боя не может заставить себя выстрелить в живого человека — сказываются полученные в процессе социализации культурные коды. В США после Второй мировой войны были проведены опросы солдат, показавшие, что во время боя более 60% комбатантов даже не стреляли в сторону противника, менее 25% стреляли не целясь, и только 2% сознательно целились во врага. Психологи считают эти 2% психопатами, от которых часто и зависит исход боя. И. Юров вспоминал, как, стоя с сослуживцем в карауле, он обратил внимание, что часть немецкого окопа оказалась размыта водой и в нем виднелись немецкие солдаты. Его напарник прицелился и хотел выстрелить, но Юров его остановил: «Брось, Попов. Представь себе, что ты убьешь человека, которого, как и нас с тобой, забрали из дома насильно и у него, быть может, как и у нас с тобой, есть дети и они ждут его»[1468].

П.П. Менделеев приводил слова вернувшегося с фронта сорокалетнего приказчика, который с наслаждением рассказывал историю бегства вышневолоцкого ополчения: «“Как только немцы начали стрелять, мы все побросали ружья и, пригнувшись к земле, бегом назад по кусточкам, по кусточкам”, – повествовал он, захлебываясь от удовольствия при одном о том воспоминании. Стыда никакого. Словно совершили действительно геройский поступок»[1469]. Менделеев не мог понять, что герою его рассказа, действительно,

[1466] *Семина Х.Д.* Записки сестры милосердия… С. 216.

[1467] *Асташов А.Б.* Русский фронт… С. 343.

[1468] *Юров И.* История моей жизни… С. 172.

[1469] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 342.

нечего было стыдиться. Уходя против своей воли на войну, он в качестве главной своей задачи видел выживание, возвращение домой к зависевшей от него семье. Во время отправки мобилизованных на фронт они говорили провожавшим их женам: «Чего, дуры, плачете? Ведь мы воевать не намерены. Либо сдадимся, либо убежим… не тужите, вернемся целыми»[1470]. Возвращение живым домой было достаточным поводом для гордости.

Проблема трусости не ограничивается вопросами осознания патриотического долга или натренированности солдат к рукопашным схваткам — в первую очередь это психологическая проблема, и то, что со стороны кажется трусостью, на самом деле может являться психической травмой. Известны случаи, когда ранее рвавшиеся в бой комбатанты, получив ранение или в иной форме столкнувшись со смертью, приобретали посттравматическое стрессовое расстройство, не позволявшее им совершать определенные действия, связанные с риском для жизни. У некоторых солдат перед боем от страха случался паралич.

Уже в августе 1914 г. в письмах солдат зазвучало разочарование тем духом, который царил в прифронтовой полосе. Немецкий историк Й. Радкау обратил внимание, что с потерей чувства физической незащищенности в армии стала распространяться неврастения[1471]. Первая ее стадия, известная как гиперстеническая неврастения, характеризуется повышенной возбудимостью и раздражительностью, частыми формами немотивированной агрессии. Солдаты приводили примеры мародерства русской армии, жестокого обращения с мирными жителями, в том числе и с российскими подданными, что выходило за рамки норм поведения психически здорового человека мирного времени. Один из комбатантов писал в августе 1914 г. в Москву: «Стали мы похожи на зверей: немытые, обросшие, грязные и жестокие, жестокие без конца: все грабится, сжигается. Мирные жители (преимущественно евреи) в ужасе покидают свои дома, оставляя все грабежу. Вчера казаки даже торы не пощадили и рвали

[1470] Там же. С. 342.

[1471] *Радкау Й.* Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера. М., 2017. С. 420.

ее на части. Безумие!»[1472] Большинство таких писем задерживалось военными цензорами, но какая-то часть передавалась через раненых, демобилизованных. Последние и сами рассказывали правду о том, что творится на фронте. Раненые офицеры в поездах говорили, что зверство к противнику — обычное дело на войне, одинаково характерное для русских и немцев[1473]. В итоге довольно скоро сложилось две картины войны — официальная и «народная», — которые вступали в противоречие друг с другом и дискредитировали власть в глазах обывателей. При этом дискредитации подвергался и создаваемый пропагандой образ русского воина. На фронте было мало общего с патриотическими картинами, которые описывались в газетах, восхваляя русское воинство как бодрое, полное желания идти в атаку.

Несоответствие газетных сообщений действительности часто фигурировало в частных письмах. Сын сельского священника писал из Петрограда отцу в Тверскую губернию, передавая столичные разговоры в ноябре 1914 г.: «Пишут, что немцы грабят; наши же офицеры рассказывают, как приходится стрелять в своих же мародеров»[1474]. Несмотря на существование запретов мародерство было массовым явлением, офицеры часто закрывали на него глаза, а то и сами проводили «реквизиции». Тому было вполне понятное оправдание: «Не мы, так немцы возьмут. На то и война, чтобы брать»[1475]. Психология фронтовой повседневности разрушала те нравственные барьеры, социальные нормы, которые существовали в мирной жизни. Если уж комбатант находил моральное оправдание тому, что солдаты ежедневно убивали себе подобных, то какой-то грабеж воспринимался вполне легитимным и даже необходимым в условиях военного времени явлением. «Сегодня убиваем мы, завтра убивают нас. В этом нет и не может быть ни принципов, ни морали, ни цели, ни границ… Мы — солдаты. Технические исполнители», — вспоминал монологи

[1472] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 994. Л. 1366.

[1473] *Краузе Ф.О.* Письма с первой мировой… С. 90.

[1474] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 967. Л. 152.

[1475] *Арамилев В.* В дыму войны… С. 93.

своих сослуживцев И. Зырянов[1476]. О подобных признания русских солдат писала в своем дневнике в июле 1915 г. семнадцатилетняя гимназистка Н. Миротворская, замечая: «Сколько смут могут посеять в народе такие разговоры»[1477].

Любопытны свидетельства медсестры и жены врача Х.Д. Семиной, вспоминавшей, что когда они отступали из Сарыкамыша, надеясь вернуться, прятали под пол продукты не от турок, а от своих: «Свои-то уж, наверное, разграбят дочиста»[1478]. Когда позднее она возвращалась на поезде в город, где недавно шли бои, то из вагона наблюдала горы трупов, с вывернутыми карманами, расстегнутыми штанами, босых и без верхней одежды. Семина предположила, что это дело рук турок, на что сидевший рядом чиновник возразил: «Ну, я это не думаю!.. Вернее всего, это дело рук наших солдат и казаков! Это наши занимались мародерством»[1479]. В одном из писем с войны рассказывалось: «Я видел одного русского солдата, который занимался тем, что после битвы добивал раненых своих и австрийских и отбирал у них деньги и ценности… Когда его застал за этим делом другой солдат, он бросился на него, чтобы уничтожить единственного свидетеля»[1480]. Мотивы такого поведения были различными: это и бедственное положение солдат, корыстный интерес «нажиться на войне», и, вероятно, психические сдвиги, которые случались с людьми, попавшими в экстремальные условия. Рост психических заболеваний фиксировали и военные врачи, и сами солдаты. Даже если человек и не сходил с ума в медицинском отношении, то его психологическое состояние было близко умопомешательству: «Дорогая Мама. Я если не сойду с ума так повешусь я не могу жить хуже как в тюрьме…», — писал домой в Херсон солдат 40-го пехотного запасного полка. «Кажется нам всем здесь, что мы уже мертвые души и ходим как угорелые от напряжения ума и сил. Частенько стало

[1476] Там же. С. 77.

[1477] Две тетради. Дневник Н.А. Миротворской… С. 63.

[1478] *Семина Х.Д.* Записки сестры милосердия… С. 119.

[1479] Там же. С. 197.

[1480] Письма с войны… С. 334–335.

появляться душевно больных, да и не мудрено сойти с ума от такой жизни», — писал солдат домой в Самару[1481].

Сами солдаты пытались объяснить мародерство голодом в частях: «Голод. Пайки урезали. Кашу дают почти без масла. Мародерство принимает угрожающий характер»[1482]. Однако это была далеко не единственная причина, в ряде случаев мародерство объяснялось желанием получить военный трофей. В 1916 г. офицеры писали о нравственной деградации как рядового, так и офицерского состава. Генерал А.Е. Снесарев так описывал в своем дневнике ситуацию в захваченном галицийском городе Коломыя 18 июня 1916 г.: «Хотя был специальный приказ не грабить, много разграблено. С дикой жадностью ищется спиртное и люди напиваются до одури… Сегодня был случай смертельного ранения одного интеллигентного русского, который вздумал остановить грабеж в соседнем доме. Убийцы – рядовой Скривского и унтер-офицер 76-го Кубанского полка – оба пьяные, выстрелили из винтовки в живот. Осталась жена и 7 детей… Офицерство если и не грабит, то жадно раскупает вина, не заботясь о плате… Казаков боятся, - боятся грабежа, насилования и т.п.»[1483]

Чаще всего в мародерстве обвиняли казаков. Молодой военный врач Ф. Краузе, остановившийся на ночлег в частном доме во время отступления, утром обнаружил, что пока он спал, в дом пробрались казаки и перевернули его. Краузе даже с некоторым восхищением описал то, как «профессионально» они сработали[1484]. Офицеры вспоминали, что если случайно на передовой попасть в расположение казачьей сотни, то можно всегда поесть мяса, «реквизированного» у местных[1485]. Мародерство казаков было направлено не только на провиант, но в ряде случаев имело форму обычного вандализма. Офицер-

[1481] Там же. С. 528, 516.

[1482] *Арамилев В.* В дыму войны… С. 156.

[1483] *Снесарев А.Е.* Дневник 1916-1917. М., 2014. С. 60.

[1484] *Краузе Ф.О.* Письма с первой мировой… С. 231.

[1485] *Ильин И.С.* Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 36.

артиллерист И.С. Ильин вспоминал, как в одном из домов в разоренной наступавшей русской армией Галиции он наткнулся на прекрасный рояль, который был весь изрублен шашками. У него не было сомнений в том, что это сделали именно казаки[1486]. Хотя чаще всего жестокость оправдывалась военным временем и преподносилась в качестве мести врагу, разгрому подвергались как свои деревни и местечки при отступлении, так и чужие при наступлении.

5 сентября 1915 г. на имя Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта поступило письмо крестьян-беженцев из села Киверцы Луцкого уезда Волынской губернии: «Ваше Высокопревосходительство! Мы, крестьяне села Киверцы Луцкого уезда, беженцы, имеем честь настоящим донести Вашему Высокопревосходительству на бесчинства и грабежи казаков, кои они проявляют над мирным населением в местах, где грозит нашествие неприятеля. Доносим Вам, что казаки в тысячу раз хуже грабят и издеваются над мирным населением»[1487]. Генерал А.А. Брусилов, получив письмо, отметил, что это далеко не первая жалоба, доходящая до него в адрес казаков, и поручил командирам корпусов сформировать сотни казаков-жандармов для пресечения мародерства.

Бесчинства военных властей при насильственной эвакуации местного населения, согласно воспоминаниям А.Н. Яхонтова, обсуждались 16 августа 1915 г. на секретном заседании Совета министров: «С общегосударственной точки зрения недопустимо поголовное выселение населения с уничтожением имущества и всеобщим разорением. К тому же производится грубо и с насилиями, вплоть до убийства карательными отрядами землевладельцев, отказывающихся покинуть усадьбу. Сжигание построек и урожая крайне раздражает, и крестьяне даже вооружаются, чтобы охранять свое имущество от уничтожения. Разрушаются фабрики и заводы с запасами сырья и продуктов, к вывозу

[1486] Там же. С. 86.

[1487] РГВИА. Ф. 2754. Оп. 2. Д. 306. Л. 161.

которых мер никаких не принимается»[1488]. Министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов, ссылаясь на поступавшие к нему донесения, обвинял казаков в нравственном растлении (пьянстве, грабеже и разврате), указывал на практику совращения женщин-беженок, которых удерживали при себе во время походов для приятного времяпрепровождения[1489]. Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин характеризовал ситуацию в прифронтовой полосе как «массовый психоз»[1490]. Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин соглашался с тем, что «на фронте совсем теряют голову»[1491].

Особенно «отличились» казаки в захваченной Галиции[1492]. Некоторые казаки открывали торговлю разворованным добром, продавали консервы, маринад, кетовую икру. Прапорщик Ф.А. Степун, оказавшийся в Галиции, описывал те же картины. Он также бóльшую часть ответственности за мародерство возлагал на казаков, считая их «профессиональными мародерами», но отмечал некоторую разницу между казаками и мобилизованными солдатами, полагая, что последние все же испытывали некоторые угрызения совести[1493]. Другой анонимный автор рисовал все те же сцены казачьих зверств на Западной Украине: «Побывал в Черновицах, Снятыне и Коломые. В последней был свидетелем грабежа квартир, магазинов и вообще ужасных сцен вплоть до убивания мирных жителей нашими казаками»[1494].

[1488] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 74.

[1489] Там же.

[1490] Впрочем, в первоначальных записях Яхонтова слова «общий психоз» адресовались думским настроениям, что же касается обсуждения проблемы с беженцами, то при отсутствии расхождений с «Тяжелыми днями» по сути, в них нет уточнений, кто из министров что именно говорил (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 221).

[1491] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни... С. 74.

[1492] *Ильин И.С.* Скитания русского офицера… С. 87.

[1493] *Степун Ф.А.* Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 20.

[1494] Письма с войны… С. 437.

Весьма показательно, что хотя патриотическая пропаганда использовала термины «варвар», «гунн» в отношении немцев, современники практически с самого начала войны начали их переадресовывать казакам. В одном из писем с фронта в сентябре 1914 г. солдат возмущался поведением последних, называя их гуннами: «Эти господа — стыд русской армии… Это какие-то гунны»[1495]. Правда, солдаты и к самим себе были критично настроены, признавая, что озверение коснулось всех родов войск, что также вызывало в воображении ориенталистские штампы: «Мы все здесь превратились в каких-то скифов»[1496].

На фронте во время вечерних совместных посиделок представителей разных частей и родов войск казаки, случалось, начинали оправдываться. Один есаул, обеляя казаков, настаивал в августе 1916 г., что приписываемые им зверства либо были выдуманы завистниками, либо их могла учинить пехота из крестьян: «Казаки живут богато. И такой зависимости, какую терпит русский мужичок-крестьянин, он никогда не знал. Его не гнут в три погибели, а потому и мести, кровожадности этой у него никогда не может быть. А ведь я сам слышал, что казаки, дескать, маленьким ребяткам в Галиции головы расколачивали об стену… Тому, кто говорит такие слова, голову бы надо расколотить»[1497]. Далее шли рассуждения о том, что чувство гражданской гордости не дает казаку сдаваться в плен, в то время как пехота «батальонами, полками в руки [немцев] идет; у ней только и помыслу, чтобы мир поскорее». Распалившись, есаул признавался: «Нас упрекают в жестокости, говорят, что казак словно зверь… А я сам видел казаков с выколотыми глазами, с руками, отсеченными по локтю… Так как же буду я по головке, что ли, гладить немца, когда он такие шутки проделывает? При случае, конечно, и жестоко получается»[1498].

[1495] Там же. С. 335.

[1496] Там же. С. 344.

[1497] *Фурманов Д.А.* Дневник… С. 253.

[1498] Там же. С. 255.

Другие казаки, наоборот, не стеснялись бахвалиться собственным мародерством и наводимым на гражданское население страхом. И. Зырянов приводил слова одного казака-ординарца с лихо зачесанным чубом, хваставшего особым положением казаков: «Мы, казаки, где пройдем походом, там никакой живности не останется — все разворуем и поедим. Мы, казаки — народ вольный. Нас даже куры боятся»[1499]. Справедливости ради нужно отметить, что тяга казаков к разбою была связана с тем, что, не являясь частью армии, при призыве они все снаряжение приобретали за свой счет. Поэтому неудивительно, что бедные казаки на войне пытались компенсировать свои траты на войну. Помимо имущественного расслоения казачества следует учитывать и традиционные отличия разных войск. Некоторые современники отмечали, что лучше всего служат уральские казаки-старообрядцы, а хуже всех — оренбуржцы: «Хуже остальных — оренбургские казаки… На грабеж они тоже мастера и их невозможно убедить, что этого делать нельзя»[1500]. Некоторые современники объясняли склонность казаков к чрезмерной жестокости и вообще разного рода правонарушениям своеобразной психологической компенсацией за состояние повышенного стресса, так как на их долю приходились наиболее рискованные операции. Находясь в постоянном возбужденном состоянии, они оказывались в итоге первыми во всем: в бою и мародерстве. Солдаты обращали внимание на особую роль казаков в зоне боевых действий: «Видишь ли казаки в настоящую войну играют совершенно другую роль. Кто первый едет после пехотного боя для преследования неприятеля? Казаки. Кто грабит мирных жителей? Казаки. Кто насилует, убивает мирных жителей? Казаки и т. д.»[1501]

Психологические различия казаков и солдат объясняются прежде всего довоенным опытом: первые росли в военизированной среде, сызмальства воспринимали военное дело как профессию, в результате чего мирное население

[1499] *Арамилев В.* В дыму войны. С. 158.

[1500] Письма с войны… С. 336.

[1501] Там же. С. 455.

и имущество оккупированных территорий считали платой за свою «работу», полагающимися им по праву войны трофеями. В обычном мирном населении казаки, чья довоенная повседневность отличалась от повседневности «гражданских» лиц, не видели себе подобных. Солдаты из крестьян, наоборот, в местных землепашцах, ремесленниках, торговцах нередко узнавали самих себя. Отсюда — более гуманное отношение к мирному населению. Тем не менее война, приучавшая человека убивать себе подобных, в конечном счете стирала различия между казаками и солдатами, здоровыми людьми и садистами-убийцами. Правда, хотя последних и не осуждали, но к ним сохранялось некоторое настороженное отношение.

Мародерство лишь отчасти носило рациональный характер и было связано с жаждой наживы, в целом оно относилось на счет проснувшихся архаичных инстинктов человека в условиях десоциализации личности. Поэтому рука об руку с воровством шли убийства и насилие над мирными жителями. В последнем также отличались казаки: «Опять жалобы на казаков. Говорят, что они не только грабили, но и насиловали всех женщин и девушек. Были случаи, что евреек выбрасывали из окон второго и третьего этажей… Это же слышал и от многих офицеров», — описывали в своих дневниках события в Галиции современники[1502].

Особенную жестокость казаков современники отмечали в отношении еврейского населения: в этом плане казачество выступало симптомом имперских болезней России — великодержавного шовинизма, помноженного на спровоцированное войной всеобщее озлобление. Недостаток культуры казачьих масс являлся одним из катализирующих факторов. Один из офицеров писал в тыл в ноябре 1916 г., с одной стороны, явно осуждая действия казака, с другой — демонстрируя риторикой собственную ксенофобию: «Зашли в еврейскую хату, где еврейку прошлую ночь казак было чуть не зарезал, отрубил ей нос, порезал руки, как она хваталась за кинжал, и в грудь, раны слабые — просил денег — отказала и он и стал ее резать, но на крик прибегли жиды — казак

[1502] *Ильин И.С.* Скитания русского офицера… С. 90.

удрал, нас приняли ласково и было совестно за казака»[1503]. Раненые солдаты в госпиталях не только бахвалились своими подвигами, но, бывало, признавались сестрам милосердия в минуты слабости: «Что я детей порченых здесь перевидел. Жиденка одного — так забыть не могу. Почитай, в час один его солдатня кругом осиротила. И матку забили, отца повесили, сестру замучили, надругались. И остался этот, не больше как восьми годков, и с им братишка грудной. Я его было поласковее, хлеба даю и по головенке норовлю погладить. А он взвизгнул, ровно упырь какой, и с тем голосом драла, бежать через что попало. Уж и с глаз сгинул, а долго еще слыхать было, как верезжал по-зверьи, с горя да сиротства…»[1504]

Не завидным было положение австрийских женщин. Военнослужащий В. Тихомиров из 1-й батареи Заамурского конногорного дивизиона в составе Терской казачьей дивизии писал в Москву 1 августа 1915 г.: «Австрийские женщины роют нам окопы, днем нельзя, а роют ночью со слезами, идет страшное насилье среди солдат, что солдаты делают с этими женщинами, стыдно писать, на все это насилье жалко смотреть, кругом все воруют, женщин и девиц насилуют и это все наши солдаты, нисколько не лучше немцев. Странно, неужели начальство не видит, прямо не понимаю»[1505]. В письме солдата домой в ноябре 1914 г. передавалось, что есть «масса рассказов», как на австрийской территории русские солдаты убивали мирных жителей. В одном случае убили мальчика 8–10 лет, который не мог сказать, где пасется скот, изнасиловали, а потом свернули шею девочке[1506].

Конечно, насиловали женщин не одни казаки и не в одной Галиции. Доставалось и русским девушкам прифронтовой полосы. Один батальонный каптенармус рассуждал: «Грабят не каких-нибудь там косоглазых китайцев, о которых я имею самые смутные представления, а наших родных, русских

[1503] Письма с войны… С. 623.

[1504] *Федорченко С.З.* Народ на войне… С. 35.

[1505] Письма с войны… С. 576.

[1506] Там же. С. 346.

мужиков, насилуют девок и баб, и, представьте себе, мне никого и ничего не жалко. Черт с ними со всеми! Война как война! Лес рубят — щепки летят!»[1507] И. Зырянов приводил историю, как во время отступления в одном местечке была изнасилована несовершеннолетняя девочка. Ее истерзанная мать вся в слезах прибежала к ротному со своим горем. Но ротный ответил, что она сама виновата: надо было в тыл выезжать[1508]. Фронтовая повседневность коверкала психику комбатантов, поднимала порог морально дозволенного. Насилие, становившееся рутиной, обыденностью, заставляло солдат примиряться с ним: «Привычка — великое дело. Я теперь хорошо привык: ни своего, ни чужого страху больше не чую. Вот еще только детей не убивал. Однако, думаю, что и к тому привыкнуть можно», — откровенничали рядовые[1509].

Массовые изнасилования «своих» и «чужих» женщин нельзя объяснить исключительно затянувшейся половой воздержанностью здоровых мужчин, тягой к сексу. В этих перверсивных практиках было больше тяги к насилию, удовлетворению не столько плоти, сколько извращенного, исковерканного войной духа. Вильгельм Райх полагал, что в патриархальном обществе традиции авторитарной семьи используют секс как инструмент властвования[1510]. В нем удовольствие затмевается инстинктами оплодотворения и самореализации в качестве самца. На отдельных участках фронта изнасилования женщин, усиленные национальными стереотипами, восприятием иностранных подданных как представителей «низшей расы», приобретали характер массовой демонстрации своего этнического превосходства. Особенно тревожные известия приходили с Кавказа[1511]. Издевательства над женщинами превращало военное противостояние на участках Кавказского фронта в настоящую войну за этническое выживание местных народов. Впрочем, турки поступали не лучше в

[1507] *Арамилев В.* В дыму войны… С. 127.

[1508] Там же. С. 94.

[1509] *Федорченко С.З.* Народ на войне… С. 70 — 71.

[1510] См.: *Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб., 1997.

[1511] Письма с войны… С. 605.

отношении армянских женщин и детей, вырезая их целыми семьями. Когда под Сарыкамышем в русский плен попало около четырехсот турецких солдат и офицеров, конвоировавшие их армяне перебили всех, мстя за резню в Ардагане[1512].

Хотя информация о зверствах русских солдат начала появляться в частной корреспонденции с первых же месяцев войны, ситуация усугубилась после того, как в 1916 г. начали призывать в войска уголовников-каторжан. Один из солдат писал в 1916 г.: «Пишут о немецких зверствах, грабежах, насилиях. Я сейчас больше, чем уверен, что мы, если и не превзошли их, то не уступаем им. У немцев зверство, говорят, в систему проведено. У нас оно бестолковое, как и все, но чисто азиатское… Волосы дыбом встают… А рожи у православных воинов — арестантские. Глядишь и не знаешь, кто раньше тебя штыком пырнет, свой брат или австриец»[1513]. К слову сказать, вспыхивавшие в частях конфликты иногда заканчивались убийствами: обидчиков находили с простреленными головами, спинами так, как будто их убила шальная пуля, но возникали подозрения, что с ними расправлялись свои же[1514]. Некоторые солдаты в письмах просили бога, чтобы тот послал смерть их командирам[1515].

Случалось, что местные жители пытались защитить свое имущество от разграбления: давали отпор солдатам, ловили их с поличным и запирали в погреба. Однако при разбирательстве офицеры могли встать на сторону солдат и приговорить мирного жителя к расстрелу. Так, один старик запер двух солдат в погребе, когда те воровали его картошку, но утром, когда их часть собиралась двигаться дальше, забыл их отпустить. Во время разбирательства офицер, бывший в плохом расположении духа из-за вынужденного отступления армии,

[1512] *Семина Х.Д.* Записки сестры милосердия… С. 186.

[1513] Письма с войны… С. 437.

[1514] *Арамилев В.* В дыму войны… С. 155.

[1515] Письма с войны… С. 539.

решил, что старик собирался дождаться прихода немцев и сдать им этих двух солдат в плен. Через несколько минут старик был расстрелян[1516].

Законы военного времени делали недействительными нормы поведения мирной эпохи, судьба человека могла решиться в считанные минуты под воздействием какого-нибудь абсурдного, случайного фактора, будь то настроение вышестоящего по званию или того, у кого в данный момент в руках было оружие. В первую очередь в зоне риска оказывались военнопленные. Отношения последних с солдатами едва ли можно описать известными штампами: в некоторых случаях на пленных пытались выместить свою злость, в других — проявляли милосердие и сочувствие, ощущая некое чувство родства, братства. Тем не менее убить пленного могли просто из-за плохой погоды: «Погода была мерзкая. Свирестелкин пустил обоих пленников в расход», — писал И. Зырянов[1517]. Военный врач Ф. Краузе передавал услышанную от раненого историю: «Взяла наша рота в плен нескольких австрийцев, — ну ведут. Сначала молчим, потом там насчет табаку и все такое. Одним словом, разговорились. Ничего себе ребята. Тоже и им плохо приходится. Вдруг встречаем патруль казаков: „Кого там ведете?“ — „Австрийцев“. Ну, они выхватили шашки и тут же их всех перерубили»[1518]. Жестокость казаков к пленным можно объяснить ходившими среди самих казаков слухами о том, что в плену над ними особо изощренно издеваются: вырезают им лампасы из спины, рук и бедер[1519]. Некий казак Петров рассказывал медбрату Д.А. Фурманову о том, что в Камаровке нашли казачью голову, воткнутую на кол, а рядом валялось тело – поруганное, оплеванное[1520]. Впрочем, сам Фурманов признавался, что больше раненых врут разве что корреспонденты. Очевидно, эти слухи, весьма распространенные в казачьих частях, выдавали признание казаками за собой определенной

[1516] *Арамилев В.* В дыму войны… С. 121–122.

[1517] Там же. С. 75.

[1518] *Краузе Ф.О.* Письма с первой мировой… С. 80.

[1519] *Фурманов Д.А.* Дневник… С. 127.

[1520] Там же. С. 161.

вины, а также свидетельствовали о самоидентификации в качестве наиболее отважных и безрассудных воинов. Соответственно и сами казаки с пленными не церемонились.

Жестокость по отношению к пленным проявлялась по обе стороны фронта и, как правило, являлась формой мести за какие-то предшествовавшие действия, нередко порожденные слухами. Случалось, что пленные спорили со своими конвоирами, кто первым начал проявлять необязательную жестокость. Разматывая клубок фактов и слухов, добирались до самых первых дней войны и здесь упирались в тупик: русские солдаты утверждали, что разгром Германского посольства в Петербурге 22 июля 1914 г. был спровоцирован известиями о расправах немцев над русскими туристами в Германии, немецкие и австрийские пленные убеждали, что эти расправы начались в качестве ответных действий на разгром посольства[1521]. В действительности в стихийных проявлениях архаичных эмоций бессмысленно искать рациональное начало, выстраивать причинно-следственные связи, так как они носят характер аффектов, поводом к которым может стать любое ничтожное событие. Свидетели боев на Кавказском фронте отмечали особую жестокость курдов, но при этом считали, что «курды кое-что по части зверств заняли именно у наших казаков»[1522].

Вместе с тем, если рассмотреть претензии немецких и русских солдат друг к другу, можно обнаружить любопытные содержательные различия приводившихся примеров зверств, являвшихся следствием ментальных отличий двух армий. А.Б. Асташов объясняет разницу во взглядах разным уровнем технической оснащенности воюющих сторон: «Важным было и то, что у каждого из противников был свой взгляд на „зверства врага“. Русские видели „зверства“ германской армии именно в методичном применении техники, особенном упорстве, „варварских“ приемах борьбы: газовых атаках, применении огнеметов. Немцы же видели „варварскую“ жестокость русских в нерациональном использовании живой силы: рукопашных и штыковых атаках, хождении

[1521] *Краузе Ф.О.* Письма с первой мировой... С. 80.

[1522] *Фурманов Д.А.* Дневник… С. 60.

„в лоб“ на пулеметы»[1523]. Впрочем, тяготение к рукопашной схватке можно списать на несколько факторов: недостаточную техническую оснащенность, ставку на традиционную тактику ведения боя, на ментальные и культурные особенности воюющих народов. Наверное, не случайно, что помимо казаков в жестокости и мародерстве свои же солдаты обвиняли представителей кавказских народов. Солдат писал в октябре 1914 г.: «Дагестанцы страшно горячий народ, не признают другого ведения боя, как только рукопашную схватку, ну да и рубятся же они, это что-то особенное… Грабят дагестанцы тоже очень хорошо»[1524].

Официальная печать игнорировала реалии военного времени, по законам которого и немцы, и русские демонстрировали одинаковую жестокость к мирному населению, и продолжала пропагандировать образы немца-варвара и русского святого воина. У современников это вызывало лишь отвращение: «Печать подлеет с каждым днем все больше. Тошно читать бесконечное вранье. В какой номер газеты ни заглянешь, каждый русский воин — альтруист, христианин, герой, а каждый немец — природный громила, варвар, дикарь и зверь»[1525]. Расхождение официальной и народной картин войны разрушало патриотическо-символическую систему и усугубляло внутренний социально-политический кризис в империи. Образ «чужого», врага, необходимый для консолидации общества, таял по мере того, как обыватели в тылу получали неофициальными путями информацию с фронта. Пропаганда на фоне последней казалась умышленной дезинформацией, проводимой властями, распускаемыми ими слухами. «Ты пишешь, что немцы звери. Здесь тоже распространяют этот слух, но наши солдаты отзываются иначе», — писала в декабре 1914 г. петербурженка Нелли казачьему хорунжему в Варшаву. Параллельно

[1523] *Асташов А.Б.* Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 46.

[1524] Письма с войны… С. 105.

[1525] *Арамилев В.* В дыму войны… С. 97.

деинфернализации врага проходила и десакрализация воина-героя, что лишало войну символического смысла и усиливало жажду мира: «Жизнь собачья. Хотя в газетах пишут иначе, приписывают нам героизм, патриотизм — на деле же этого ничего нет. Все мы с нетерпением ждем конца этой проклятой войны», — писал пехотинец 317-го Дрисского полка в Пензу в декабре 1914 г.[1526]

Примером десакрализации героического дискурса могут служить скептические высказывания в адрес первого георгиевского кавалера войны — казака Кузьмы Крючкова, чей подвиг широко освещался средствами вербальной и визуальной пропаганды. История Крючкова стала одним из самых значимых героических мифов Первой мировой войны и, как и в любом мифе, обнаружила смесь правды и вымысла. Событие по официальной версии произошло 30 июля, но подробно о нем писать начали с 20-х чисел августа. 23 августа 1914 г. журнал «Нива» опубликовал относительно короткую заметку о подвиге казака, который, находясь вместе с четырьмя своими товарищами в разведке, первым бросился на немецкий разъезд в 22 всадника, убив офицера[1527]. В вышедшем на следующий день журнале «Искры» количество врагов с 22 увеличилось до 27, а также появились точные цифры полученных ранений: сам Крючков получил 16 ранений шашками, пиками и одно пулевое, а его конь — 11 ранений. При этом Крючков лично убил 11 немцев, а его четверо товарищей — 12. Четверо немцев спаслись. По финальной версии товарищей у Крючкова было трое (расхождение в цифрах объяснялось тем, что одного казака отправили с донесением, хотя встречается версия, что казаков изначально было шестеро и тогда уже двоих отправили с донесением в часть) и спаслись также трое немцев. Эти цифры стали «каноническими» и озвучивались позже самим Крючковым. Ходили и тиражировались лубком другие версии, причем количество немецких кавалеристов и количество полученных Крючковым ран увеличивалось. Например, по одной из версий немцев было

[1526] Письма с войны… С. 490.

[1527] Нива. 1914. № 34. С. 3.

30 человек, а Крючкову нанесли 13 ранений. Выпущенный плакат «1-й герой» описывал подвиг Крючкова в поэтических строках, и ради рифмы увеличивал число неприятелей: «Четыре русских казака, / А немцев было тридцать два». Были и менее героические варианты этой истории: вражеских кавалеристов был «всего» 21 человек, а Крючков убил «всего»10 немцев (Приложение №3. Илл. 32).

В геройской арифметике бросается в глаза подозрительная парность: двадцать семь немцев, двадцать семь ранений (Крючкова и лошади), четверо или трое товарищей Крючкова, четверо или трое спасшихся немцев (также обнаруживается некоторая фонетическая связь тридцати немцев и тринадцати ран), что может свидетельствовать об ограниченной фантазии штабных офицеров или редакторов печатной продукции, придумывавших все эти цифры для конструирования патриотического мифа. Последующие пересказы подвига имели некоторые расхождения: в одном случае Крючков первым нападал на немцев, в другом это русские казаки были застигнуты врасплох немцами и вынужденно приняли неравный бой, Крючков то стрелял из винтовки, то ее выбивали у него ударом сабли и пр. Удивление вызывало и то, как после удара саблей по кисти руки он успел выхватить свою шашку и продолжить бой, несмотря на то, что был окружен одиннадцатью вражескими всадниками (по другой версии, получив ранение пальцев рук, он бился не шашкой, а отобранной у немцев пикой). Едва ли в реальных боевых условиях попавшему в окружение воину удалось бы выстоять против такого количества врагов. Наименее пафосная, но более вероятная версия передавала, что Крючков определенно убил лишь одного врага, но им был немецкий унтер-офицер. Оставшись без командира, немецкий отряд кавалеристов ускакал почти в полном составе. Все эти нестыковки, разночтения, числовые повторы вызывали подозрение у современников и по мере распространения скептического отношения к официальной военно-патриотической пропаганде усиливали сомнения в подлинности истории.

Даже среди казаков начали появляться альтернативные версии «подвига», того, как было на самом деле. Так, некоторые казаки считали, что превращение

Крючкова в героя — чистое недоразумение, тогда как в действительности он не стремился сразиться с немцами, а пытался от них ускакать, но старая лошадь не позволила ему скрыться. И. Зырянов приводил рассказ одного штабного ординарца: «Прогремел на всю Россию байстрюк. На папиросных коробках его портреты печатают… А последний казачишко был из нестроевых и подвигов никаких во сне не видывал. Вот ведь подфартило человеку.

— Как же так?

— Очень просто. Ездили наши казаки в разъезд, напоролись на немецкую кавалерию и айда назад. Немцы взялись преследовать. У Кузьмы Крючкова лошаденка была нестроевая, хуже всех, он и поотстал. Немцы догонят его, ткнут слегка кончиком пики, он от того укола гикнет, как сумасшедший, пришпорит лошаденку и оставит немцев на некоторое время позади… Лошади-то у немцев заморенные были. Так вот немцы и гнали наш разъезд верст пять. Кузьку все время ковыряли пиками в задницу, ну и наковыряли ему ран пятнадцать. А все из-за лошади…

— Ну, а как же писали, что он убил больше двадцати человек немцев.

Казак звонко хохочет. Дородное тело его раскачивается в маленьком желтом седле.

— Да кто их видел? Байки бабьи. Вранье! Все казаки об этом знают. И офицеры знают, да молчат. Свои соображения имеют. Тут политика хитрая. Всем выгода от этого»[1528].

Наверное, не было ни одного периодического издания, которое бы не упомянуло подвиг Крючкова; его портрет печатался на коробках папирос, спичек, конфет, что, в конечном счете, стало раздражать современников. Либреттист Марк Ярон написал стихи о Крючкове, которые Юрий Рик положил на музыку. Получившуюся песню «Казак Крючков» исполнял известный эстрадный певец Ю. Морфесси, выступавший в том числе перед императорской семьей. В ноябре 1914 г. им была записана грампластинка с этой песней, в которой были следующие слова:

[1528] *Арамилев В.* В дыму войны… С. 166-167.

«На одного напали разом
Тринадцать немцев, и казак Крючков
Вступил в борьбу, и не моргнувши глазом,
Стрелял, рубил, колол врагов.
Желаньем быть в бою, сгорая,
Чрез две недели он вернулся в строй
Сражаться за царя, за честь родного края –
Казак Крючков, казак герой».

Коммерческий успех Морфесси позволил ему открыть в 1915 г. в Петрограде в здании Пассажа кабаре «Уголок», что несколько расходилось с общей практикой закрытия театров (в первую очередь электротеатров) и переустройства их в лазареты или благотворительные учреждения[1529].

Мифотворчеству способствовал кинематограф. В январе 1915 г. вышла лента «Донской казак Козьма Крючков» в двух действиях. Первое действие называлось «За царя и родину», второе — «Один против двадцати семи». Показательно, что в журналах, где шла реклама фильма о Крючкове, параллельно рекламировался другой фильм о разбойнике XIX в. Ваське Чуркине, который из-за несчастной любви собрал банду и залил кровью несколько губерний[1530]. Между образами Крючкова и Чуркина было много общего — они были представлены как народные богатыри-романтики. Сопоставление двух персонажей приводило к инверсии образов героя и разбойника, что соответствовало формировавшимся представлениям обывателей о ситуации в прифронтовых областях.

Перегибы патриотической пропаганды снижали доверие к официальным источникам информации и настраивали обывателей против властей.

[1529] Впрочем, сам Морфесси, избежавший воинской повинности, щедро жертвовал доходы в пользу Скобелевского комитета помощи увечным воинам, за один благотворительный концерт Морфесси мог собрать более 20 000 р. См.: *Морфесси Ю.* Жизнь, любовь, сцена… Париж, 1931. С. 77.

[1530] Обозрение кинематографов, скетинг-рингов и театров. 1915. № 211. 19 января.

Коммерциализация образа Крючкова приводила к тому, что в народе стали поговаривать о корыстных мотивах боевого подвига героя. Так, поселянин Самарской губернии в Царицыне в конце 1914 г. в разговоре с рабочими, обсуждая газетное сообщение о подвиге Крючкова и пожалованной ему шашке и часах, сказал: «Вот так герой, у нас все за деньги»[1531]. Скептическая версия корыстных мотивов раскрутки истории Крючкова отразилась в шолоховском «Тихом Доне».

Реальную историю схватки 30 июля 1914 г. у деревни Любово реконструировал С.Г. Нелипович[1532]. Прежде всего нужно отметить, что первым взвод немецких конных егерей в количестве 20 человек, двигавшихся по русской территории, встретил огнем 3-й батальон 105-го пехотного Оренбургского полка, нанеся потери и заставив врага отступить в болото у деревни Любово, где с ними столкнулся казачий разъезд из 4 человек во главе с В. Астаховым. Казаки бросились на увязших в болоте оставшихся 15 немцев, причем потери противника в том бою составили всего 2 человека убитыми: В. Астахов убил офицера, а К. Крючков конного егеря (еще двое остались в болоте). Остальные смогли уйти. Главной причиной, по которой казакам удалось выстоять против втрое превосходившего числом противника, стала своевременная помощь пехоты под командованием поручика Штейна, обстрелявшая немцев и заставившая их бросить казаков и отступить. При этом лишь двое казаков сумели самостоятельно вернуться в часть — Астахов и Иванков, — раненых Крючкова и Щеголькова пришлось доставлять в телеге. Казаков посетил в лазарете командующий 1-й армией генерал П.К. фон Ренненкампф, ошибочно

[1531] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 269.

[1532] *Нелипович С.Г.* Крючковиана: мертворожденная легенда // Время великой войны: от глобального переустройства до трансформаций повседневности. М., 2016. С. 35–51. Однако в современной историографии еще встречаются работы, в которых авторы за чистую монету принимают выдуманные сто лет назад мифы о казаке-герое. См.: *Базанов С.Н.* Первая мировая. От «войны до победного конца» к «миру любой ценой». М., 2017.

посчитавший Крючкова командиром разъезда и наградивший его первой Георгиевской медалью (медалью скорее следовало наградить Астахова, однако даже ему она не полагалась, так как п. 7 параграфа 67 Статута Георгиевского креста, упомянутый в приказе, предусматривал награждение командира взвода, отбившего противника силою не менее роты). Ошибка генерала была раздута пропагандистской машиной в миф, ставший источником скепсиса для многих свидетелей той истории. Нелипович справедливо указывает и на другие пропагандистские просчеты в деле мифологизации подвига Крючкова: «Превознося индивидуальные способности, расписывая казаков как чуть ли не части специального назначения, „мастера пропаганды“ забывали о необходимости спайки, взаимовыручки и взаимодействия на войне… На деле вышло противопоставление „богатырей“ и „серой массы“, которое мало помогало тылу и вредило отношениям на фронте»[1533].

Следует заметить, что генералы, посещавшие лазареты, нередко допускали подобные ошибки, жалуя «с барского плеча» награды случайным раненым, вызывая недовольство тех, кто имел большие основания для орденов и медалей. Можно привести случай, как в сентябре 1914 г. в Виленском госпитале Николай II наградил легкораненого солдата георгиевской медалью лишь за то, что он был однофамильцем командира отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковского, желая тем самым показать свое расположение жандармскому генералу (к которому в итоге быстро охладел, когда Джунковский осмелился высказаться против Распутина)[1534]. Штабные офицеры обсуждали случаи несправедливых награждений Георгиями: «Возмутительно. А заслуга человека – ничто? Одна Виленская операция, за которую вместо Радкевича Георгия 3-й степени получил Эверт. Больно, обидно!» – записал в дневнике генерал А.М. Сиверс[1535]

[1533] *Нелипович С.Г.* Крючковиана... С. 43.

[1534] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 428.

[1535] *Сиверс А.М.* Дневник… С. 33.

Сомнительные случаи награждения Георгиевскими крестами, ношение этих крестов всевозможными «ряжеными» – все это постепенно дискредитировало высшую военную награду в глазах как рядового состава, так и офицеров. Генерал А.Е. Снесарев рассуждал в январе 1917 г.: «Мне приходит мысль, до чего унижены и значение, и эмблема Георгия 4-й степени. И когда видишь орден на чьей-либо груди, то первым делом возникает вопрос: не грудь ли это лжеца, или вора, укравшего награду у убитого друга или скромного подчиненного, а может быть, это грудь человека, имеющего связи или знакомства»[1536]. Работавший медбратом Д.А. Фурманов рассказывал, как скептически относился врач к раненым, носившим Георгиевские кресты. Одного спросил прямо: «Воруете вы их, что ли?»[1537] Сам Фурманов вспоминал, что в прифронтовой полосе было много мальчишек, которые снимали Георгиевские кресты с убитых солдат и носили их, выдумывая себе всякие подвиги.

Генерала В.И. Селивачева возмущало также поведение некоторых офицеров, выпрашивавших себе незаслуженные награды. В итоге штабные офицеры, не участвовавшие в военных действиях, имели преимущество в награждениях перед боевыми офицерами, что вызывало недовольство в армии. Когда Селивачева самого наградили орденом, он записал в дневнике 10 марта 1915 г.: «Сегодня поздравляют меня с орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами. Противна для меня всякая награда теперь, когда я вижу, как производится награждение… Все ложь и мерзость!!»[1538]

Десакрализация символического героического пространства, приводившая к уравниванию своих и чужих, к оправданию зверств, превращала войну в бессмысленную в глазах народа затею верхов. Вместо единения всех общественных сил лишь усиливались социальные противоречия и дезинтеграционные процессы. Кроме «пострадавшего» образа воина-героя «досталось» и связанному с ним образу сестры милосердия. Здесь также можно отметить

[1536] *Снесарев А.Е.* Дневник… С. 283.

[1537] *Фурманов Д.А.* Дневник: 1914-1916. М., 2015. С. 41.

[1538] Генерал В.И. Селивачев. Дневники. Январь – август 1915. М., 2020. С. 179.

противопоставление на «своих» и «чужих» медсестер. Образ немецкой медсестры, как и немецкого солдата, с самого начала войны подвергся демонизации. Патриотическая пропаганда рассказывала жуткие истории о том, как вражеские медсестры выползали после боя, чтобы убивать раненых русских солдат. Соответственно образ отечественной сестры милосердия сакрализировался.

Если в визуальной пропаганде воин мыслился мужем-спасителем, героем-змееборцем, то образ сестры милосердия был составной частью фемининной репрезентации России. Он стал олицетворением героизма, самопожертвования и, в то же время, христианского смирения. В визуальном символическом пространстве образ медсестры по частоте мог соперничать с аллегорическими изображениями России-матушки. Иногда эти символы сливались. Так, распространенным был фемининный образ Москвы в одеждах сестры милосердия. Причем на одной из открыток художника А.А. Найдена (на сюжет А. Колишина) Москва сбрасывала с себя царские одежды, жертвовала их вместе со своими драгоценностями в помощь раненым воинам, а сама оставалась в форме сестры милосердия (Приложение №3. Илл. 33). На другой открытке того же художника был создан собирательно-эклектичный образ ангела-медсестры в русском кокошнике, милосердно закрывающей раненых русских, немцев, австрийцев и турок (Приложение №3. Илл. 34).

В иллюстрированном каталоге патриотического плаката и лубка, составленного по фондам Государственного центрального музея современной истории России, представлено 23 изображения женщин. Из них 7 рисунков (30%) — это медсестры, их образ уступает по частоте лишь изображениям женщины — жертвы немецких зверств — 9 раз (39%). Этот образ, понятный всем слоям общества — и крестьянам, и аристократам, был очень востребован. Часто медсестру на поле боя на своих рисунках изображали дети, которые чутко реагировали на увиденные картинки войны или рассказанные взрослыми истории. Даже противники войны считали этот образ позитивным, и курсистки, стоявшие на пацифистских позициях, тем не менее записывались в

сестры милосердия из патриотических соображений[1539]. Патриотический плакат наделил образ сестры милосердия почти сакральной ценностью, противопоставив его профанному, модернистскому образу декадентствующей «дамочки», также весьма распространенному в визуальной пропаганде.

Форма медицинской работницы Красного Креста использовалась представительницами разных социальных групп для акцентирования или поднятия собственного статуса. Императрица Александра Федоровна с дочерями, великие княгини устраивались сестрами милосердия в госпитали; их портреты в образах санитарок тиражировались в печатной продукции. На фронт санитарками отправлялись патриотически настроенные студентки и молодые дамы, поддавшиеся патриотической эйфории.

Между тем далеко не всегда запись женщин в сестры милосердия была следствием исключительно искренних чувств и желания послужить на благо отечества. Преследовались и личные, меркантильные интересы. В обществе существовали взгляды на Красный Крест как коррумпированную организацию, наживающуюся на войне. В.А. Городцов приводил разговоры, в которых обыватели заявляли, что передать деньги в Красный Крест – то же, что «бросить в помойную яму»[1540]. Говорили, что санитары снимают с мертвых золотые и серебряные кресты – «многие из этих мародеров привозят большие капиталы»[1541]. Князь В.А. Оболенский, возглавлявший лазарет от «Союза городов», вспоминал разницу между разными группами санитаров. Первых можно было набрать среди солдат. Солдатам-санитарам не нужно было платить жалованья, в целом они отличались хорошей дисциплинированностью, однако некоторые из них «иногда грабят раненых, а подчас и добивают их с целью грабежа»[1542]. Вторая группа – вольнонаемные санитары, преимущественно из студентов. Однако кроме студентов в эту группу входили и сомнительные

[1539] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 14.

[1540] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 109.

[1541] Там же. С. 132.

[1542] *Оболенский В.А.* Моя жизнь… С. 82.

личности, которые, попав в обстановку войны, начинали развращаться: «одни пьянствовали, другие воровали, третьи и пьянствовали, и воровали». В конечном счете Оболенский отдал предпочтение санитарам-солдатам из «слабосильных команд» и студентам.

Для иной части современников Красный крест был «классово-чуждой» организацией, порождал социальные стереотипы. Работавший медбратом от Земгора Фурманов характеризовал Красный крест как «гнездо бюрократизма, пустую аристократическую шайку», отмечая, что «там встречались графини, княжны, особы высокого полета, а наш демократический состав уже по одному этому косо смотрел на Красный крест»[1543]. Современники отмечали, что между дворянскими, земскими благотворительными организациями и Красным Крестом существовала не совсем здоровая конкуренция, за которой могла скрываться ревность и зависть их возглавлявших лиц. Так, предводитель тверского дворянства П.П. Менделеев вспоминал, что курировавшая тверское отделение Красного креста супруга губернатора С.М. Бюнтинг выражала недовольство благотворительными инициативами его жены[1544]. Впрочем, в данном случае это объяснялось отчасти распространявшимися в Твери слухами о том, что Бюнтинги – немецкие агенты и всю собранную благотворительность переправляют в Германию. На этой почве Бюнтингам казалось особенно важным продемонстрировать свой патриотизм, губернатор даже начал говорить, что его фамилия не немецкая, а еврейская[1545].

Существовал и другой образ Красного Креста – как борделя. Некоторые романтично настроенные молоденькие курсистки отправлялись сестрами на войну ради приключений и поиска подходящего жениха. Тиражировавшийся образ бравого офицера казался им лучшей кандидатурой. Очень скоро в военных кругах заговорили о флиртующих с офицерами медсестрах. Б.И. Колоницкий обращает внимание на трансформацию массового образа сестры

[1543] *Фурманов Д.А.* Дневник… С. 218.

[1544] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 317.

[1545] Там же. С. 318.

милосердия из терпеливого и кроткого «белого ангела» в грубую и воинственную женщину в кожаной куртке: «Со временем сестра милосердия для солдат-фронтовиков стала символом разврата, „тылового свинства“. Наряду с „мародерами тыла“ и штабными офицерами, отсиживающимися вдали от передовой, сестра милосердия становится олицетворением легкомысленного тыла, забывающего о нуждах окопников. Появились такие термины, как „сестры утешения“, „кузины милосердия“, а штабные автомобили стали именоваться в солдатских разговорах „сестровозами“»[1546]. К тем же выводам приходит и П.П. Щербинин. А.Б. Асташов более осторожен, предпочитает отделять сложившийся образ медсестры от того, что она представляла собой на самом деле и как себя вела на фронте. Исследователь полагает, что в первую очередь критическое отношение к сестрам вызревало в среде рядовых, для которых женщины были недоступны, в отличие от офицеров, а также отмечает общее критическое восприятие женщины на фронте, характерное для традиционного сознания[1547]. Е.С. Сенявская, признавая определенные перверсивные формы взаимоотношений офицеров и медсестер, предпочитает вторых рассматривать как своего рода жертв «пренебрежительно-потребительского отношения к женщине как средству удовлетворения половой потребности мужчин»[1548]. Эта точка зрения представляется односторонней, не учитывающей явных изменений в сексуальном поведении самих девушек, оказавшихся в прифронтовых районах, а также проходившей в целом в российском обществе начала XX в. сексуальной революции (одним из женских образов которой был образ женщины донжуанского типа) и многочисленных источников личного происхождения, раскрывающих в ряде случаев мотивы женского кокетства на фронте.

[1546] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»…

[1547] *Асташов А.Б.* Русский фронт… С. 634, 639.

[1548] *Сенявская Е.С.* «Без бабы и без вина и война не нужна»: проблемы фронтовой морали в период Первой мировой войны // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1. С. 40.

Встречается в литературе (преимущественно в научно-популярных изданиях) некоторая идеализация медицинских сестер, являющаяся следствием некритичного отношения к источникам. Так А.В. Срибная, признавая проникновение на фронт в качестве сестер милосердия легкомысленных девиц, считает это исключением из правила и полагает, что дискредитация образа медсестры происходила в тылу из-за сплетен и слухов, тогда как «люди, непосредственно видевшие работу сестер на войне, относились к ним с благоговением»[1549]. Автор считает, что наиболее достоверную информацию об отношении к сестрам милосердия можно почерпнуть из слов врачей, раненых солдат, представителей Красного Креста и военных корреспондентов. Оставим на совести Срибной утверждение, что сотрудники Красного Креста, равно как участвовавшие в конструировании патриотической мифологии корреспонденты, предоставили историкам «наиболее достоверную информацию». Показательно то, что сами врачи и раненые солдаты зачастую описывали картины распутства сестер, до которых не могли додуматься фабриканты тыловых сплетен. Патриотично настроенный медбрат Д.А. Фурманов, защищавший на страницах своего дневника работников Красного креста от несправедливых обвинений, тем не менее признавал: «Конечно, все эти толки о разгуле и недобросовестности грубо преувеличены и раздуты до неестественности, однако ж основания к тому есть несомненно»[1550]. Генерал В.И. Селивачев на страницах дневника приводил случаи, когда пьяные офицеры приставали к медсестрам и те им отказывали, но также обратные случаи, в частности, что некоторые генералы начинали в открытую жить со старшими сестрами милосердия[1551]. Когда он узнал, что генерал В.В. фон Нотбек эвакуирован из-за проблем со здоровьем, причиной Селивачев посчитал «неумеренность половой жизни и злоупотребления спиртными напитками»[1552].

[1549] *Срибная А.В.* Сестры милосердия в годы Первой мировой войны… С. 146.

[1550] *Фурманов Д.А.* Дневник… С. 142.

[1551] Генерал В.И. Селивачев. Дневники. Январь – август 1915. М., 2020. С. 30.

[1552] Там же. С. 165.

Впрочем, противоречивые оценки поведения медсестер отчасти были вызваны разными представлениями современников о долге, морали, нравственности, месте и роли женщины в обществе. Противники эмансипации склонны были сильно преувеличивать неблаговидное поведение сестер милосердия. Нужно также заметить, что процент легкомысленных медсестер на фронте не столь важен – важно, что дискредитирующих случаев поведения было достаточно для формирования в массовом сознании определенного образа, вступавшего в противоречие с официальной пропагандой.

Разные источники подчас рисуют идентичные картины поведения медсестер на фронте, а их корреспонденция раскрывает подлинные мотивы «романтических душ». Молодой врач Ф.О. Краузе не без презрения отзывался о сестрах, умудрявшихся кокетничать с офицерами даже на вокзалах во время погрузки раненых: «А на платформе гуляют „сестры милосердия“ из местного общества (как ненавижу я этих глупых пустых барышень, рисующихся Красным Крестом), около них увиваются кавалеры из военных и нашей братии. Подойдут к носилкам, бросят пустой любопытный взгляд на страдающих и, виляя задом, грациозно поплывут дальше, кокетливо улыбаясь»[1553]. Практически идентичную картину из окна поезда наблюдал студент-вольноопределяющийся В. Арамилев (И. Зырянов): «На перронах разгуливают целыми группами сестры милосердия. Сестры отчаянно кокетничают с офицерами, поставщиками, земгусарами, интендантами. Быстро знакомятся. Вслух, во всеуслышание объясняются мужчины в любви… Отношения между полами тоже „упростились“»[1554]. Изменение нравов отмечали многие современники, говорили даже о некоем «половом психозе», охватившем российское общество в годы войны, причем невзирая на сословные различия: «А все женщины сейчас охвачены небывалым половым психозом и мистицизмом. Почва благодарная.

[1553] *Краузе Ф.О.* Письма с Первой мировой... С. 71–72.

[1554] *Арамилев В.* В дыму войны… С. 67.

Но особенно двор, двор!» — обсуждали солдаты в 1916 г. слухи об «успехах» Г. Распутина при дворе[1555].

В ноябре 1914 г. в Москве обсуждали слух о конфликте главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и его племянника великого князя Кирилла Владимировича. Якобы последний «обзавелся гаремом из так называемых сестер милосердия». Когда Николай Николаевич лично убедился в этом, то схватил хлыст и отстегал «племяша», после чего отдал приказ по армии, «чтоб на передовой линии ни одной сестры милосердия не было»[1556].

В силу возрастных особенностей в определенную «зону риска» попадали молоденькие гимназистки — главный «резерв» медсестер для фронта. Изучение их перлюстрированной корреспонденции показывает довление романтических мотивов, вызванных психологической незрелостью, возможно чрезмерной увлеченностью бульварной литературой. Не случайно многие «блюстители нравственности» именно в последней видели причину упадка нравов, развращения молодого поколения, призывая к ее запрету. Литература, действительно, отражает многие психологические веяния эпохи, однако едва ли ее запрет способен как-то повлиять на проходящие в социуме процессы, связанные с ростом женского образования, овладение «мужскими» профессиями, общей эмансипацией. Именно к последней относятся появившиеся новые формы межполовых отношений. Кроме того, обычная городская среда ограничивала свободу общения молоденьких девушек и мужчин, в то время как на фронте любые барьеры разрушались, что воспринималось как более легкий способ найти себе пару. Одна сестра милосердия писала домой в Москву в январе 1916 г., рисуя свою жизнь в самых ярких красках, передавая атмосферу постоянного веселья и кутежа: «Живем здесь куда лучше, чем в Москве, веселье царит во всю; все балы, да разные приглашения. Готовит нам повар Московской гостиницы, украшает стол разными фигурами из дорогих продуктов и если бы не служба, то осталось бы надолго. Предложений масса, ухаживают

[1555] Там же. С. 164.

[1556] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 145.

за мной все. Лизе передайте поклон и скажите, что если желает выйти замуж за богатого человека, пусть едет скорее сестрой на войну»[1557]. Обделенные вниманием мужчин и подарками в мирной жизни девушки, став медсестрами, почувствовали свой новый, более высокий социальный статус, который позволял им войти в сообщество избранных: «За мною здесь много ухаживают, чиновники из союза дарят мне цветы, духи; ах, как все это приятно»[1558].

Правда, существовали принципиальные гендерные различия во взглядах на то, как и с кем медсестрам следует проводить время. Если для части девушек это был всего лишь легкий флирт, поднимавший их самооценку, то для некоторых неопытных офицеров — любовь на всю жизнь. Из-за дам сердца вспыхивали нешуточные конфликты, иногда кончавшиеся самоубийством или убийством. Опять-таки, кого-то это лишь интриговало, отвлекало от рутинной скуки и забот по уходу за ранеными. «А меня чуть было не зарезали как теленка и хотели обязательно застрелить. Влюбился в меня грузин-прапорщик, меня приревновал и хотел убить за то, что я его не люблю. Ужасно. За меня заступились и я тут то и сама влюбилась в защитника. Милые девчонки, как он хорош, зовут его Юрий, только он женат и имеет ребенка. Ну да это ничего. Мы с ним в Тифлисе очень весело провели время, а прапорщику показала длинный нос… Вообще здесь очень хорошо. Мужчины по нас сходят с ума, масса интересного, тут уж не до дела. Есть дела более интересные», — писала сестра милосердия из 25-го Восточно-Персидского отряда Всероссийского Земского союза в августе 1916 г.[1559]

Офицер И. Ильин, прибывший в Люблин принимать транспорт, остановился у знакомых и обнаружил там «любовную атмосферу»: «Миша открыто живет со старшей сестрой милосердия, которая была замужем, но с мужем разошлась еще до войны, кажется. Высокая, с орлиным носом, очень

[1557] Письма с войны… С. 583.

[1558] Там же.

[1559] Там же. С. 612.

эффектная и, пожалуй, интересная женщина»[1560]. Как оказалось, этим отношениям предшествовал мелодраматический роман: двадцатилетний санитар от неразделенной любви к старшей медсестре и ревности к Мише решил покончить жизнь самоубийством и пытался отравиться, однако его спасли и отправили в Москву.

Однако не только прифронтовая полоса становилась территорией свободных отношений. В тылу усиливалась диспропорция мужчин и женщин, и романы между ранеными офицерами и замужними дамами становились нормой военного времени. Зырянов приводил весьма типичную историю, как некий поручик Фофанов, получив после контузии месячный отпуск, без предупреждения после долгого отсутствия отправился к жене в Воронеж, но та оказалась в больнице после аборта. Придя в больницу, Фофанов тремя выстрелами убил жену[1561]. Сослуживцы не осуждали убийцу, даже сочувствовали ему, так как он был отличным офицером, однако жалели, что он убил жену, а не того, кто наставил ему «рога». При этом знавшие Фофанова отмечали, что сам он никогда ни одной юбки не пропускал и охотно пользовался услугами проституток. Газеты были полны подобными сообщениями. В качестве приметы времени с полным основанием можно отметить рост ревности, как правило, мужской, доводившей до преступлений. Так, например, сообщалась история любви студента юридического факультета московского Императорского университета А.И. Исарова, который застрелил свою возлюбленную Н.А. Тамазову, работавшую сестрой милосердия в офицерском лазарете. Причина — ревность к раненым офицерам, с которыми слишком много времени на работе проводила девушка. Кроме того, Исаров застал Тамазову с ранеными офицерами в театре, куда она их сопроводила из госпиталя[1562].

Противоречия двойной морали проявились также в столкновениях традиционной и модерновой психологии: первая имела патриархально-

[1560] *Ильин И.С.* Скитания русского офицера… С. 66.

[1561] *Арамилев В.* В дыму войны… С. 162.

[1562] Саратовский листок. 1915. 13 января.

маскулинные основания и отрицала равноправие полов, вторая основывалась на идеях эмансипации и предполагала от женщин большую активность. «Женщины очень распустились. Ужасно, что теперь творится в народе. По окончании войны и половина не сойдется и не найдет своих честных жен, а жены мужей», — рассуждали современники[1563].

Сама по себе запись в сестры милосердия уже была проявлением эмансипации и некоторым вызовом патриархальным укладам общества. В знатных семьях запись на курсы медсестер воспринималась как блажь. Будущая медсестра Х.Д. Семина вспоминала, что родственники не поняли ее желания ехать на фронт за мужем-врачом в качестве медсестры и неоднократно над ней подшучивали[1564]. В связи с этим нельзя сбрасывать со счетов и того, что в ряде случаев через обвинения медсестер в разврате проявлялись солдатские гендерные стереотипы. Практически не вызывает никаких сомнений существование флирта между выздоравливавшими офицерами и медсестрами, легкие домогательства военных к девушкам, однако вряд ли можно точно сказать, как далеко это заходило. В каком-то смысле это была игра, принятая в определенных экстремальных условиях для снятия стресса[1565].

Тем не менее, как писали современники, несмотря на повсеместные изменения моральных норм, по мере приближения к фронту с женщинами и мужчинами происходили определенные метаморфозы. Казалось, что фронт представлял собой иную систему морально-нравственных отношений, предлагал более свободную (что характерно для экстремальной повседневности) систему межполовых отношений. Поэтому зашедшие в купе отправлявшегося на фронт поезда люди оказывались в рамках новой системы отношений, что немедленно сказывалось в проявлениях флирта. Поезд в этом контексте наделялся новыми функциями, становился неким хронотопом, обеспечивая переход из одного мира в другой. Зырянов описал такой случай: в купе поезда, идущего на фронт,

[1563] Письма с войны. С. 629.

[1564] *Семина Х.Д.* Записки сестры милосердия… С. 51.

[1565] *Арамилев В.* В дыму войны… С. 138.

сели поручик и молодая женщина, ехавшая на фронт к мужу в качестве медсестры. Между молодыми людьми достаточно быстро начался флирт, и поручик всю ночь провел под одеялом у дамы. Ехавший в этом же купе пожилой поставщик на следующий день возмущался: «Ишь кобыла нагайская! Всю ночь под одеялом целовались. Двадцать лет ездию по всем дорогам, а такого паскудства, чтоб баба в вагоне чужого мужика под одеяло на всю ночь пустила, не видывал… И когда они снюхаться-то успели? Хотел я утром, грешным делом, по-стариковски отчитать, одернуть их маленько, да побоялся. Чего доброго, прапор еще в морду даст. Нынче народ пошел аховый, особливо которые в погонах»[1566].

С другой стороны, непосредственно у мест боевых действий, когда от медперсонала требовалась исключительная слаженность работы всей врачевательной системы, врачи и медсестры, работая на пределе сил, демонстрировали подлинную готовность к самопожертвованию. Свидетели передавали, что «отношение полковых врачей на поле битвы безукоризненное, полное самопожертвование, но чем дальше в глубь России, тем хуже отношение. Врачи всюду занимались только флиртом с сестрами милосердия»[1567]. По всей видимости, в ряде случаев это объяснялось снятием стресса после физического и психического перенапряжения.

Вероятно, одним из определяющих на фронте чувств было ощущение переживаемого каждого мгновения как последнего, отсюда — желание воспользоваться всем, что предлагает обстановка. Генерал А.Е. Снесарев находил психологические объяснения флирту солдат с медсестрами: «Все на них смотрят, как на своих полевых жен, смотрят часто глазами дикарей…; такова психика людей, ежедневно видящих смерть и дышащих запахом крови»[1568]. Война способствовала развитию крайней формы актуалистического восприятия времени, при котором прошлое и будущее теряло важность в сравнении с

[1566] Там же. С. 153.

[1567] *Краузе Ф.О.* Письма с первой мировой… С. 48.

[1568] *Снесарев А.Е.* Дневник… С. 127.

настоящим, а потому стыд и чувство ответственности заглушались. У кого-то относительно быстро наступало похмелье и женщинам становилось противно от того, в какой ситуации они оказывались[1569]. Не подозревавшие ни о чем наивные курсистки, оказавшись в госпиталях, первое время искренне возмущались царившими там нравами, осуждали коллег, но со временем мирились с новыми обстоятельствами[1570].

По-видимому, в какие-то моменты флирт становился механическим, неотъемлемой частью повседневности госпиталей. Кн. В.Н. Шаховского поразила картина в Ново-Александрии во время отступления: «В приготовленный санитарный поезд перевозили местный лазарет с тяжелоранеными… Настроение ужасно тяжелое, подавленное, как всегда при отступлении. Темная холодная дождливая ночь. Каждую минуту ожидается начало бомбардировки… Вокруг стоны и жалобы раненых. Ад форменный. И, несмотря на это, процветает “флирт”. Сестрицы в легких туфлях шлепают по грязи и флиртуют с офицерами»[1571].

Распространявшиеся слухи о жизни сестер милосердия в госпиталях десакрализировали их образ и делали эту работу чуть ли не постыдной. Один солдат писал из действующей армии своей знакомой, отговаривая ее идти в сестры в 1916 г.: «Ты писала о своем намерении быть сестрой милосердия, не делай этого, не надо, я их много видел, очень много, и знаю, как они живут и что делают… поверь мне на слово, что в настоящее время красный крест на груди или рукаве уже не является прежним символом чуть не святости, а наводит на иные мысли»[1572].

Впрочем, молоденькие санитарки иногда становились жертвами обстоятельств, когда офицеры устраивали вечера, на которые собирали сестер милосердия. Отказов не принимали. В программу вечера входили культурные

[1569] Письма с войны… С. 616.

[1570] Там же. С. 615.

[1571] *Шаховской В.Н.* Так проходит мирская слава… С. 95.

[1572] Письма с войны… С. 628–629.

мероприятия, танцы, выпивка, которая в условиях действовавшего «сухого закона» была особенно желанна. К ночи, если позволяла погода, отдыхавшие парами расходились по укромным местам[1573]. А.Е. Снесарев записал в дневнике, что когда к нему в дивизию приехал великий князь Георгий Михайлович, то его «развлекали сестрами милосердия»[1574]. Конечно, все это не скрывалось от глаз простых солдат.

Следует признать, что, несмотря на распространенность проституции, различных форм сексуальных перверсий, характерных для экстремального времени, в ряде случаев отношения между ранеными офицерами и медсестрами не заходили дальше невинного флирта. Однако в глазах носителей традиционного крестьянского сознания подобные отношения были недопустимы и свидетельствовали о разврате. Солдаты из крестьян торопились делать неутешительные прогнозы об окончании войны, имея в виду царящее среди офицеров распутство: «Так и знай, Федя, что эту войну офицеры и сестры милосердия про*бут, потому что бл*дство между ними в действующей армии хуже, чем в бардаке»[1575]. В этом просматривалась и некоторая обделенность рядовых солдат сестринским вниманием из-за классовых различий. Дело в том, что на курсы сестер милосердия брали только грамотных девушек, имевших свидетельство об окончании как минимум 4-классного училища, как правило, бывших курсисток. Обычным девушкам-крестьянкам попасть в Красный Крест было крайне сложно. П.Е. Мельгунова-Степанова вспоминала, как плакала молодая неграмотная крестьянка, желавшая даром поработать на больных, когда ей всюду отказали из-за отсутствия свидетельства об окончании 4-классного училища[1576]. Вероятно, именно таких простых деревенских девушек, «своих» сиделок, не хватало солдатам из крестьян. Они вынуждены были с раздражением смотреть на то, как бывшие курсистки одаривали вниманием

[1573] *Арамилев В.* В дыму войны… М., 2015. С. 177–178.

[1574] *Снесарев А.Е.* Дневник… С. 230.

[1575] Письма с войны… С. 577.

[1576] *Мельгунова-Степанова П.Е.* Дневник: 1914-1920. М., 2014. С. 46-47.

офицеров. Таким образом, социальное расслоение на фронте выражалось в разных правах на секс: офицеры могли рассчитывать на бывших гимназисток, а рядовые солдаты — на профессиональных жриц любви. Проституция в прифронтовой полосе приобретала значительный размах, так как бедственное положение женщин вследствие общего вздорожания жизни толкало их на панель, не говоря уже о беженках. Современники все это прекрасно понимали: «По случаю вздорожания жизни, некоторые жены мобилизованных за неимением средств к жизни вынуждены взяться за труд проститутничества, ради куска хлеба даже несовершеннолетние девушки губят свою девственность»[1577].

В некоторых прифронтовых городах, где квартировались запасные части, очереди рядовых солдат в дома терпимости были самыми длинными и в первую очередь бросались в глаза приезжим, далеко расползаясь по улице[1578]. Кроме профессиональных «жриц любви» было множество беженок, отдававшихся не за деньги, а кусок хлеба. Среди них были и несовершеннолетние[1579]. Тем самым «падение нравов» оказывалось и следствием тяжелого социально-экономического положения многих женщин, однако если женщины-беженки вынужденно занимались проституцией, то оправдать распутную сестру милосердия было нельзя. Постепенно разница между флиртующей медсестрой и отдающейся за деньги проституткой стиралась, разве что проститутка оставалась главным рассадником венерических болезней. Так, довольные обилием водки и пищи рядовые солдаты высказывали лишь одно сожаление: «Только беда, больных баб много и делают эти бабы нашего брата несчастным»[1580].

Сексуальное поведение солдат и офицеров на фронте не ограничивалось флиртом с медсестрами или посещением публичного дома. В тыловых районах начала действовать целая система по заманиванию симпатичных

[1577] Письма с войны… С. 610.

[1578] *Юров И.* История моей жизни… С. 169.

[1579] *Снесарев А.Е.* Дневник… С. 90.

[1580] Письма с войны… С. 585.

барышень с тем, чтобы устраивать им встречи с состоятельными мужчинами. Предварительно девушки должны были отправить свои фотографии «с подробностями», по которым уже можно было договариваться о встречах с определенным «кавалерами». «Сутенеры» собирали собственные фотоальбомы с карточками девиц, их адресами, примерной стоимостью, и за деньги распространяли эту информацию в армии[1581]. Под контролем старших офицеров действовали полузакрытые клубы для «своих», в которых работали уже проверенные девушки из приличного общества — как правило, гимназистки или медсестры. Нравы этих обществ и предоставляемые сексуальные услуги в условиях растущего сексуального раскрепощения могли обескуражить неподготовленных офицеров «старой школы»[1582].

Таким образом, следует признать, что прифронтовая зона представляла собой пространство особого сексуального поведения, которое, усиленное стрессовым состоянием комбатантов, порождало у прибывавших из тыла современников ощущение массового полового безумия, полового психоза. В некоторых случаях речь шла о настоящем психо-физиологическом заболевании: генерал А.Е. Снесарев упоминал любовницу своего офицера (называя ее гейшей), у которой сильное половое влечение перед половым контактом сменялось панической атакой[1583]. Тем не менее общая атмосфера «полового психоза» действовала определенным образом на психически незрелых вчерашних гимназисток, поддававшихся порокам новой, взрослой, «свободной» от присмотра родителей жизни.

В некоторых случаях развязное поведение медсестер было следствием гиперстенической неврастении. О нервных заболеваниях медицинских сестер сообщали современники[1584]. Романы с офицерами для кого-то становились

[1581] Там же. С. 614.

[1582] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 44.

[1583] *Снесарев А.Е.* Дневник… С. 111.

[1584] *Фурманов Д.А.* Дневник… С. 131.

способом отвлечься от гнетущей действительности, добавить в тяжелые, будничные заботы романтических красок.

Часто поводом к рождению негативного образа медсестры становилась разница эмоциональных состояний, в которых находились молоденькие гимназистки, только прибывшие в места боевых действий, и раненые солдаты. Первые были полны возвышенно-патриотическими чувствами, романтическим восприятием действительности, вторые находились в пограничном психическом состоянии, их раздражало поведение медсестер. Попытки девушек поддерживать боевой дух, патриотические настроения в сердцах солдат вызывали иногда большее раздражение, чем распутное поведение: «Сестра милосердия Шатрова, симпатичная пройдоха, утешая меня на перевязках, говорит: „Потерпите, голубчик! Будьте мужественны до конца. Помните, что все это вы переносите во имя родины, веры, царя“. Слова ее кажутся мне наглой иронией», — писал И. Зырянов[1585].

Удар по образу сестры милосердия был нанесен и репрезентационными ошибками патриотической пропаганды. Некоторые изображения как будто «выдавали» и подпитывали распространенные в обществе слухи о распутстве медсестер. На них сексапильные блондинки и брюнетки заигрывали с солдатами и офицерами, строили им глазки. В ряде рисунков угадывалась стилистика декаданса. Можно допустить, что иногда это было следствие неудачного «перепрофилирования» художника-иллюстратора, работавшего в мирное время в сфере рекламы определенной продукции для высшего света. Поэтому медицинские сестры автоматически обретали черты модных кокеток, а раненые офицеры — увивавшихся вокруг них щеголей. В одном случае художник хотел изобразить раненого воина, которому подняться на ноги помогала медсестра, но в итоге получилась страстная сцена: полулежащий мужчина, обнимая, притягивает к себе слабо сопротивляющуюся женщину. Обращала на себя внимание лежавшая на плече мужчины рука медсестры — в таком положении женщина не могла помочь встать воину, но сама опиралась на него. К тому же

[1585] *Арамилев В.* В дыму войны… С. 136.

по рисунку было неясно, действительно ли солдат является раненым, — повязки или раны на нем отсутствовали (Приложение №3. Илл. 35). На другой открытке молодой офицер был изображен с перебинтованной головой. При это он смотрел на стоящую рядом молоденькую сестричку каким-то осоловевше-похотливым взглядом, держал ее за руку, в то время как девица стыдливо отводила глаза в сторону и прятала в кармане другую руку. Создавалось впечатление, что ей было чего стыдиться. Здесь также примечательны сапоги офицера — лакированные, с тонкими, длинными носками и на высоких каблуках (Приложение №3. Илл. 36). В условиях распространенных слухов о нравственном падении медсестер сложно было придумать менее удачные образы. Впоследствии рижское издательство Х. Кноппинг сделало некоторые выводы и слегка изменило рисунки, дополнив их текстом, который должен был помогать зрителю «правильно» считывать визуальное сообщение. Так, картинка с сидящим на коленях и притягивающим к себе медсестру солдатом получила подпись «Приятель в нужде». Другая открытка, изображавшая раненого солдата, обнимающего медсестру, называлась «Человеческая любовь» (вероятно, тем самым человеческую любовь хотели противопоставить любви между мужчиной и женщиной).

В результате вместо сакрализации сестер милосердия происходила профанация и даже демонизация образа. Среди крестьянских высказываний в адрес медсестер встречается уже разбиравшийся фольклорно-архетипический оборот речи «смеются, когда раненые стонут». Грамотный крестьянин Курляндской губернии в феврале 1915 г. описал прифронтовую полосу как сплошной бордель: «Там нет никакого порядка: офицеры разъезжают на автомобилях с б…, а сестры милосердия смеются в то время, когда раненые стонут»[1586].

В действительности сложно переоценить значение сестер милосердия, спасших, выходивших сотни тысяч солдат: вынесших их с поля битвы, спасших благодаря вовремя сделанным перевязкам, ассистировавших на операциях, кормивших их с ложечки и т. д. Медперсонала не хватало, и в некоторых

[1586] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 398.

госпиталях четыре сестры приходились на пятьсот раненых[1587]. От сестер требовалось не только героическое исполнение своих непосредственных обязанностей, но и участие в боевых действиях. Одной из первых медийных героинь первого типа стала медсестра Евгения Коркина, которая в марте 1915 г. под обрушившимся на лазарет неприятельским огнем самостоятельно эвакуировала в безопасную зону остававшихся раненых (Приложение №3. Илл. 37). Ее подвигу были посвящены журнальные статьи, лубочные картинки. Еще активнее воспевался подвиг другой сестры — Риммы Ивановой, — которая 9 сентября 1915 г., вынося раненых с поля боя и обнаружив, что все старшие чины погибли, сама попыталась повести оставшихся солдат в наступление, но была убита. Практически все газеты России написали о подвиге 21-летней девушки, прозванной «ставропольской девой» на манер «орлеанской девы» — Жанны д'Арк. Началась повсеместная визуализация героической смерти санитарки, и очень скоро из обычной медсестры она превратилась в очередной символ. Даже британский журнал «The War Illustrated» в октябрьском выпуске поместил картину, изображавшую подвиг Ивановой, на обложку номера.

Однако здесь пропагандистская машина дала сбой. Художники дали волю своим фантазиям и на свет стали появляться фантастические образы сестры-воительницы. С.В. Животовский изобразил Р. Иванову с поднятой над головой саблей в самой гуще рукопашной схватки[1588]. Редакторы «Русского инвалида», «Огонька» изменили ее имя с Риммы на Мирру – неуклюже попытавшись обыграть мысль о том, что русские медсестры ведут солдат в атаку ради скорейшего окончания войны[1589]. Кинематографисты, почувствовав прибыльность подобных сюжетов, в кратчайшие сроки по заказу военного ведомства сняли фильм «Героический подвиг сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой», в котором актриса, игравшая Иванову, со зверским выражением лица и саблей наголо на высоких каблуках бежала в атаку, стараясь при этом

[1587] *Семина Х.Д.* Записки сестры милосердия… С. 144.

[1588] Огонек. 1915. № 40. Без пагинации.

[1589] Русский инвалид. 1915. 19 сентября; Огонек. 1915. № 40. Без пагинации.

не растрепать модную прическу. Фильм вызвал возмущение родителей Ивановой и ее сослуживцев. 9 декабря 1915 г. в газетах появилось письмо отца Риммы, коллежского асессора Михаила Павловича Иванова, в котором он назвал киноленту грубым фарсом и отметил, что образ, созданный в картине, не имел ничего общего с его дочерью[1590]. Под давлением общественности особым циркуляром товарища министра внутренних дел в феврале 1916 г. фильм был снят с проката по всей территории России. Однако определенный удар по образу сестры милосердия уже был нанесен, и когда до малограмотных крестьян доходили известия о награждениях сестер милосердия медалями, они делали выводы, что получили их женщины совсем за другие заслуги. Например, крестьяне Енисейской губернии в ноябре 1915 г. в поселке Жуковском Ачинского уезда комментируя известие из газеты о том, что Николай II наградил сестер милосердия Георгиевскими медалями, объяснили это просто: он спал с ними. Добавив, что сестрам стоило кресты повесить на другое место[1591].

Тем не менее, медиатизация символа сестры милосердия привела к недобросовестной и даже преступной эксплуатации этого образа женщинами, никак не связанными с Красным Крестом. Согласно уставу Российского общества Красного Креста и российского законодательства за незаконное ношение формы сестры милосердия предусматривалось наказание в виде штрафа или ареста до трех месяцев. Вместе с тем современники обращали внимание, что авантюристки и проститутки использовали форму медсестры в корыстных целях, еще более дискредитируя и без того подпорченный образ. Переодевание проституток в медицинскую форму преследовало как минимум две цели: привлекало клиентов новомодной разрекламированной одеждой и позволяло временно поднять собственный социальный статус в своих глазах и глазах окружающих. В этом отношении характерно, что и некоторые рядовые солдаты незаконно присваивали себе офицерскую форму и навешивали на себя не причитавшиеся им медали. Весьма колоритную парочку заметил 1 марта 1915 г. в

[1590] ГА РФ. Ф. 102. Д.-2. 1915. Д. 64. Л. 1.

[1591] РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 390(об).

Петрограде прапорщик 347-й пешей Новгородской дружины Холодковский. Он обратил внимание на неизвестного нижнего чина в какой-то странной форме с двумя Георгиевскими крестами и в сопровождении сестры милосердия весьма подозрительного вида. На требование офицера предъявить удостоверение на право ношения Георгиевских крестов нижний чин сказал, что он в комендантском управлении, а когда офицер пригласил его следовать за ним в комендантское, то последний сорвал с себя кресты и бросил их в снег. При удостоверении личности задержанный нижний чин оказался добровольцем Гаврилом Матвеевым, а бывшая с ним сестра милосердия оказалась женщиной легкого поведения[1592]. Проститутки в форме сестер милосердия ревностно охраняли свои территории. В декабре 1915 г. в Москве на Тверской проститутка Козельская набросилась на женщину-доброволицу Белобородову, которая в шинели и с Георгиевской медалью прогуливалась вместе с вольноопределяющимся. Козельская, по всей видимости, приняла ее за свою конкурентку[1593].

На общей волне помощи фронту форма медсестры помогала собирать пожертвования, поэтому в разных уголках империи появлялись женщины-мошенницы, наживавшиеся на благотворительности. Однако наиболее «отважные» дамы шли еще дальше и помимо образа медсестры присваивали себе имена великих княжон. В форме медсестры сойти за Ольгу Николаевну или Татьяну Николаевну было куда легче. «Саратовский листок» приводил резонансную историю похождений крестьянки Елизаветы Базарновой, которая выдавала себя за великую княжну Ольгу Николаевну и в одежде сестры милосердия собирала пожертвования на военные нужды. Базарнова предпочитала «работать» в небольших деревнях, заранее отправляла в сельские управы телеграммы о высочайшем визите, но в конце концов в мае 1915 г. была арестована в колонии немецких переселенцев Голом Карамыше. Первые подозрения в адрес самозванки возникли, когда она приехала в колонию не на автомобиле, а в

[1592] РГВИА. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 1988. Л. 67–67(об).

[1593] Саратовский листок. 1915. 2 декабря.

таратайке на земских лошадях. Встречавшие «княжну» голокарамышинцы решили, что это фрейлина из свиты, и не последовали за Базарновой. Авантюристка же поднялась в управление, представилась, после чего ее отвели обедать. За обедом опять возникли подозрения, так как Базарнова даже не сняла пыльное пальто. После обеда самозванка решила поговорить с народом, во время чего продемонстрировала свое косноязычие, а позже выяснилось, что она и писать не умеет[1594]. Поволжские немцы разоблачили самозванку и выдали властям.

Вероятно, самой известной, широко освещенной столичной печатью и вместе с тем неоднозначной стала история девушки Елены с «обязывающей» к самозванству фамилией Романова. Представляясь великой княжной Татьяной Николаевной, она ездила по пригородам и посещала лазареты, добиваясь для себя соответствующих почестей[1595]. Из показаний ее отца следовало, что в детстве девочка несколько раз падала и сильно ушибалась, вследствие чего у нее случались частые и сильные головокружения. После начала войны у Романовой появилась идея бежать на фронт, а потом она раздобыла форму сестры милосердия и несколько раз убегала из дома. При этом неоднократно жаловалась на свое положение и мечтала быть богатой и знатной. Отец, Федор Романов, попросил выдать ему дочь и обязался лечить ее от психического расстройства. Полиция вернула девушку в семью, однако спустя несколько дней возбудила уголовное дело против нее по факту кражи золотого кольца и привлекла к административной ответственности за сокрытие своего звания, имени и отчества при задержании[1596].

Однако история на этом не закончилась, она перешла в медийную плоскость, где стала обрастать мелодраматическими и детективными подробностями. 1 марта 1915 г. в «Вечернем времени» появилась статья, предлагавшая свою версию произошедшего. Романова в ней была представлена опытной

[1594] Саратовский листок. 1915. 9 мая, 29 ноября.

[1595] ГА РФ. Ф. 1с/97. Оп. 4. Д. 36. Л. 1–1(об).

[1596] Там же. Л. 7, 30(об), 37(об).

авантюристкой, обиравшей богатых дам, а героем детективной истории был назначен Ораниенбаумский полицмейстер Г.М. Ветлугин (вероятно, сообщивший корреспонденту подробности этой истории), который якобы и разоблачил аферистку[1597].

История Елены Романовой показательна в том отношении, что оказалась на пересечении трех актуальных для ее времени дискурсов: криминального (печать представила ее воровкой-авантюристкой в духе историй о том, как форма медсестры помогала мошенницам под видом благотворительности обирать наивное население), психиатрического (в ее душевном здоровье усомнились врачи, чины полиции, да и отец частично подтвердил их опасения), патриотического (сама Елена делала упор на том, что стремилась ухаживать за ранеными и предполагала поехать на фронт), каждый из которых был характерным явлением эпохи Первой мировой войны и свидетельствовал о дискредитации образа сестры милосердия. Проститутка, авантюристка, сумасшедшая — вот те коннотации, которые сопровождали этот «патриотический» образ.

Таким образом, народные образы героев Первой мировой — солдата и медсестры — сильно отличались от тех образов героев из народа, которые навязывались патриотической пропагандой. На фоне конструирования патриотического мифа о святом русском воинстве поступавшая с фронта неофициальная информация создавала собственные, далеко не героические картины войны, в которых русские солдаты нередко представали мародерами, насильниками, убийцами, а сестры милосердия — проститутками, аферистками и сумасшедшими. Можно предположить, что народная фантазия прямо пропорциональна официальной мифологии: чем агрессивнее пропаганда пытается навязать массам те или иные символы, тем сильнее сопротивление массового сознания и его собственное творчество. В этом отношении народные образы являются антиобразами официальной пропаганды.

[1597] Вечернее время. 1915. 4 марта.

4. Государственная Дума как символ гражданского патриотизма

Крушение официальных патриотических символов требовало их замены в массовом сознании на истинно народные. При этом не потерявшая актуальности тема борьбы с опасностью, как внешней, так и внутренней, предполагала институциональную базу нового символа, который мог бы олицетворять преодоление усугубленных войной противоречий. Таким объединяющим общество символом естественным образом становилась Государственная Дума. Ее внеочередное заседание 26 июля 1914 г., как и сконструированное пропагандой «коленопреклонение стотысячной толпы на Дворцовой площади», прочно вошло в мифологию патриотического подъема лета 1914 г., при том существенном отличии, что относительно патриотизма большинства депутатов, в отличие от толп на организованных «союзниками» и полицией митингах, сомневаться не приходится.

Высочайший 20 июля 1914 г. указ о возобновлении занятий Государственной думы вселял в сердца депутатов надежду, что взаимоотношения верховной, исполнительной и законодательной власти в годы войны изменятся, поднимется статус представительного учреждения. М. Палеолог замечал, что созыв Думы 26 июля 1914 г., «который показался бы вполне естественным и необходимым в какой угодно другой стране, был истолкован здесь как обнаружение „конституционализма“. В либеральных кругах за это благодарны, особенно императору»[1598]. Однако даже представители реакционных кругов декларировали начало нового этапа взаимоотношений власти и общества. Прозвучавшие в царском манифесте слова «да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение царя с его народом» для кого-то создавали иллюзию преодоления политических разногласий. Ярким символом-жестом стало рукопожатие бывших ярых противников – лидера правых В.М. Пуришкевича и лидера кадетов П.Н. Милюкова, о котором сообщили многие

[1598] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 61.

газеты. Черносотенная «Земщина» посвятила этому жесту заметку под заголовком «Между членами Гос. Думы забыта рознь», добавив, что Милюков также пожал руку и Н.Е. Маркову[1599].

И.Л. Горемыкин 26 июля в стенах Таврического дворца давал повод предположить, что заседания Государственной думы будут проходить чаще и степень ее участия в государственных делах возрастет: «Законодательные учреждения должны знать, что и впредь они будут досрочно созываемы, если по чрезвычайным обстоятельствам это будет признано необходимым. На вашу долю, господа, выпала великая и ответственная задача быть выразителями народных дум и народного чувства»[1600]. Депутаты, очевидно, были польщены речами министров правительства. О полном доверии к Думе говорил министр иностранных дел Сазонов[1601].

Соответственно и народные избранники выражали в порыве патриотических чувств доверие правительству. «Все понимали, что борьба с правительством должна быть приостановлена на время войны и должна смениться полным ему содействием со стороны общественности. Несмотря на отрицательное отношение к власти, мы надеялись, что и она в этих трудных обстоятельствах будет искать опоры и содействия в обществе и народе», – вспоминал первые месяцы войны князь В.А. Оболенский[1602]. Вместе с тем некоторым рефреном звучали и прошлые критические замечания, хотя они и были заметно приглушены новой патриотической риторикой. Первым 26 июля 1914 г. выступал А.Ф. Керенский, который от имени фракции трудовиков выразил уверенность, что «великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами дадут решительный отпор нападающему врагу», хотя при этом вставил в свои слова туманную фразу об освобождении в итоге страны «от

[1599] Земщина. 1914. 27 июля.

[1600] Стенографический отчет заседания Государственной Думы, созванной на основании Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. СПб., 1914. Стлб. 8.

[1601] Там же. Стлб. 11.

[1602] *Оболенский В.А.* Моя жизнь… С. 78.

страшных внутренних пут». Керенский выразил и претензию, что «власть наша даже в этот страшный час не хочет забыть внутренней распри: не дает она амнистии боровшимся за свободу и счастье страны, не хочет примириться с нерусскими народностями»[1603]. Вслед за Керенским от лица социал-демократов В.И. Хаустов также обвинил правительства всех воюющих стран в развязывании войны, но при этом выразил уверенность, что «пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств»[1604]. П.Н. Милюков солидаризировался с двумя первыми ораторами, заявив, что «никакие внешние обстоятельства не могут изменить» позиции партии, но высказал уверенность, что «каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг — сохранить нашу страну единой и неделимой… Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия»[1605]. Тем самым даже оппозиционно настроенные депутаты озвучили готовность на время забыть о своих претензиях и выдали правительству и верховной власти определенный кредит доверия. Однако власть распорядилась этим кредитом весьма своеобразно. Вопреки обещаниям постоянного сотрудничества с Думой на практике оказалось, что Дума была не «досрочно созываема», а «досрочно распускаема», что как раз-таки провоцировало внутренние распри и не позволяло Думе выполнять свою миссию.

Противоречия верховной власти и Думы имели глубокую, системную природу. Прежде всего они вытекали из саморепрезентации верховной власти как самодержавной и противодействия императора реформаторским инициативам «снизу». В последние десятилетия в исторической литературе

[1603] Стенографический отчет заседания Государственной Думы, созванной на основании Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. СПб., 1914. Стлб. 19.

[1604] Там же.

[1605] Там же. Стлб. 24, 25.

распространяется апологетика личности Николая II[1606]. Несмотря на критику специалистов[1607], встречаются попытки представить последнего царя чуть ли не главным реформатором в России. Так, С.В. Куликов приписывает личной инициативе Николая II практически все главные преобразования конца XIX – начала XX вв., включая и Столыпинскую аграрную реформу, игнорируя вынужденный характер уступок, личное противодействие царя ряду реформаторских проектов, а также нежелание менять самодержавную форму правления[1608]. Именно последнее обстоятельство становилось важным фактором назревания внутриполитического кризиса и главным противоречием «думской монархии».

Самодержавная природа власти была закреплена в Основных государственных законах Российской империи: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть» — сообщала статья 4[1609]. При этом противоречие сохранения самодержавия при действующем парламенте и принятых Основных государственных законах должно было сниматься разделением «власти верховного государственного управления», принадлежавшей

[1606] Вероятно одним из самых известных апологетов выступает П.В. Мультатули, который, несмотря на наличие ученой степени кандидата исторических наук, высказывает откровенно антинаучные конспирологические идеи, подменяя анализ исторических источников подгонкой фактов под заранее сформулированные идеологизированные выводы, в основе которых лежат монархические взгляды автора. По ряду вопросов с Мультатули солидаризируются В.М. Лавров, Л.А. Лыкова и др. Следует заметить, что на историографические настроения в некотором роде повлияло решение РПЦ о причислении царской семьи к лику страстотерпцев.

[1607] См., например: *Ганелин Р.Ш.* Первая мировая война и конец Российской империи: Февральская революция. Т. 3 Февральская революция. СПб., 2014. С. 38—41; *Шубин А. В.* Конспирологи о причинах Февральской революции // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 75—99.

[1608] *Куликов С.В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45-60.

[1609] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение I. СПб., 1909. С. 457.

императору нераздельно, и «власти законодательной», принадлежавшей императору, Государственному совету и Государственной думе. Учитывая широкие права императора, в том числе по досрочному прекращению сессии и созыву Думы, самоличного принятия указов, утверждения законов, а также констатации того, что император в единении с Государственным Советом и Думой осуществляет законодательную власть, область «верховного государственного управления» представляла существо самодержавия и включала в себя законодательную функцию лишь как один из подчиненных элементов.

Однако многие депутаты думали иначе и полагали, что в России сформировалась ограниченная (дуалистическая) монархия с основными ее признаками: двухпалатным парламентом и Конституцией в лице Основных государственных законов. В пространстве политических символов началась своеобразная эквилибристика, когда представители власти и либерально-демократической общественности интерпретировали Основные законы на свой лад. Представители либерального лагеря пытались объяснить парадокс «самодержавия в условиях парламентаризма», понимая под первым не более чем суверенитет. Представители власти попросту отрицали существование парламента в России. Еще 24 апреля 1908 г. министр финансов В.Н. Коковцов во время дискуссии с П.Н. Милюковым, говорившим о создании парламентской комиссии в Думе, бросил фразу: «Слава Богу, парламента у нас нет!», на что бурным рукоплесканием отреагировал один из лидеров правых В.М. Пуришкевич. Милюков же настаивал, что есть не только парламент, но и Конституция в виде Основных государственных законов.

Примечательно, что накануне войны, 12 июля 1914 г., на заседании Совета министров Николай II предложил лишить Государственную думу законодательного статуса и сделать ее законосовещательным органом, что должно было поставить точку в разногласиях о существе политического строя империи, но большинство министров высказалось против этого. Конфликт Государственной думы и верховной власти также был предопределен, как ни парадоксально, спецификой «патриотического настроения» 1914 г. В период

«патриотической эйфории» части общества летом 1914 г. звучали восторженные голоса о начале новой эпохи сотрудничества представительного учреждения с правительством и верховной властью. 25 июля появился слух о том, что «Москва намерена просить настоящей конституции, и тогда она обещает положить все средства и силы для выигрыша начатой войны»[1610]. И депутаты, и представители высшей власти говорили о единении царя с народом, однако смотрели на это единение под разными углами: власть надеялась на полную лояльность Думы к своей политике и предоставление карт-бланша по наиболее актуальным вопросам, депутаты же, наоборот, рассчитывали на уступки со стороны власти, расширение деятельности общественных организаций. 15 сентября 1914 г. на обеде в московском «Эрмитаже» П.Н. Милюков заявил, что «настоящая война открывает новую эру для русского общества, когда оно снова может приступить к социальному строительству, что теперь общество не может и не должно обрекать себя на пассивное отношение к общественным вопросам»[1611].

В августе распространились слухи, перепечатанные газетами, что вскоре будет опубликован указ, касающийся целого ряда льгот в правовом положении инородцев в России. Со ссылкой на главноуправляющего землеустройством А.В. Кривошеина сообщалось, что «этот указ будет представлять собой нечто схожее с манифестом 17-го октября»[1612]. Но надежды не оправдались. Как верно заметил В.М. Шевырин, «призыв царя к единению, прозвучавший в манифесте 20 июля 1914 г. был, в сущности, лишь призывом к смирению верноподданных. „Единение“ с высоты престола виделось как забвение прошлого лишь со стороны общества»[1613].

[1610] *Городцов В.А.* Дневники ученого. Кн. 1. С. 28.

[1611] Буржуазия накануне Февральской революции… С. 2.

[1612] Минский голос. 1914. 6 августа.

[1613] *Шевырин В.М.* Сотрудничество и борьба: власть и общественные организации в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2015. № 1. С. 100.

В начале ноября 1914 г. начальник московского охранного отделения А. Мартынов передавал, что в Петрограде в интеллигентских кругах возникла идея подготовки всеподданнейшего адреса в результате несбывшихся ожиданий[1614]. Предполагалось, что в адресе будет указано на безотлагательную необходимость созыва Государственной думы и привлечение общественности к обсуждению важных вопросов, на пагубность реакционной политики. Обсуждалось, что адрес будет передан императору либо лично председателем Думы М.В. Родзянко, либо объединенной делегацией представителей «Всероссийского земского союза» и «Всероссийского союза городов». Однако составлению и передаче адреса воспрепятствовали сохранявшиеся надежды на либерализацию политики власти. Под влиянием «оптимистических» настроений в ноябре появились слухи, что 6 декабря будет опубликован «особый высочайший акт, в котором выражена будет благодарность народу за патриотические воодушевления и жертвы и вместе с тем будут даны некоторые обещания или даже конкретные указания о новом курсе внутренней политики»[1615].

Тем не менее реальные шаги властей указывали на неизменность их представлений о месте общественных сил в политической жизни России. Символичным стало появление в августе 1914 г. нового национального флага, совмещавшего императорский штандарт с триколором, что олицетворяло единение общества и власти, и последовавший уже в сентябре царский запрет на его использование на официальных мероприятиях и в праздничные дни. Осенью прозвучали первые тревожные нотки: аресты В.Л. Бурцева и пятерых депутатов от социал-демократической фракции. В августе 1914 г. В.Л. Бурцев, проживавший в эмиграции во Франции и получивший известность благодаря разоблачениям тайных агентов-провокаторов Департамента полиции (Е.Ф. Азефа, Р.В. Малиновского и др.), объявил о поддержке российского правительства в войне с Германией и о намерении вернуться в Россию[1616]. Однако

[1614] Буржуазия накануне Февральской революции… С. 2–3.

[1615] Там же. С. 3.

[1616] Искры. 1915. № 30. 2 августа.

Бурцев, поддавшись эмоциям, сильно переоценил свою безопасность: при переходе границы он был арестован, а в январе 1915 г. за ряд революционных довоенных публикаций, содержавших прямые оскорбления императора и призывы к его свержению, приговорен к ссылке. Арест пятерых депутатов-большевиков, принявших участие в сходке в Озерках 2–4 ноября 1914 г., стал еще одним симптомом неправомерности массовых ожиданий. Департамент полиции и Охранное отделение не готовы были прощать депутатам-большевикам их роль в рабочих беспорядках начала июля 1914 г. Причем, согласно донесениям охранки, именно депутат социал-демократической фракции А.Е. Бадаев, опубликовавший в газете «День» «заведомо лживую картину о жестоком подавлении 1 июля полицией рабочих забастовок, что якобы он лично сам видел убитых, раненых и более ста арестованных, над которыми издевалась полиция», спровоцировал дальнейшую волну протеста[1617]. После ареста Бадаева, Петровского, Самойлова, Шагова, Муранова, 12 ноября 1914 г. на некоторых фабриках и заводах имели место случаи нарушения порядка, отказа от работ. На заводе Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов (бывший Парвиайнен) 1050 человек отказались приступать к работам и разошлись в знак протеста против ареста депутатов по домам, однако охранка все эти события сочла «незначительными»[1618]. Правда, хотя было отмечено, что «громадное большинство» рабочих не проявило сочувствия к демонстрациям в поддержку арестованных депутатов, более выраженно свою политическую позицию проявили студенты.

Нарушение принципа неприкосновенности депутатов воспринималось актом агрессии власти в отношении Думы, поэтому в определенных кругах общества с тревогой ожидали последствий этого конфликта. Издатель и редактор журнала «Новый экономист» П.П. Мигулин 12 декабря 1914 г. так описывал общественные настроения: «Положение теперь таковое: Государственную думу очень боятся. Хотели бы ее созвать самое большее на три дня, а еще

[1617] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 108. Ч. 61. Л. А. Л. 25(об).

[1618] Там же. Л. 30.

лучше на один день. Есть серьезное течение отложить созыв даже до февраля. Боятся запросов, обструкции со стороны социал-демократов»[1619].

Власти опасались ответных шагов депутатов, однако даже кадеты предпочитали не обострять отношений с правительством. В январе 1915 г., накануне открытия третьей сессии Государственной думы, кадеты на совещании членов центрального и петроградского комитетов партии в Петрограде обсуждали целесообразность оппозиционных выступлений от имени партии в Думе и, в частности, постановки вопроса о неприкосновенности депутатов в связи с арестом пятерых социал-демократов, В.Л. Бурцева и пр. Однако было решено «ни в коем случае не делать от имени партии оппозиционных выступлений, так как это, по общему мнению, произвело бы в широких кругах неблагоприятное впечатление и скомпрометировало бы партию»[1620]. При этом отмечалось, что запросы на эти темы могут быть предъявлены трудовиками, и кадеты тогда должны будут к ним присоединиться.

До начала процесса над социал-демократами часть населения верила, что арестованные депутаты были изменниками, но вскоре стало ясно, что власти продолжают проводить прежний курс в отношении левой оппозиции, к тому же грубо нарушая независимость Думы вопреки надеждам на всеобщее единение и оставление прежних обид. В печати зазвучали ноты разочарования действиями власти. В «Вестнике Европы» профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета В. Кузьмин-Караваев писал: «Когда в ноябре прошлого года были арестованы пять членов Государственной Думы, принадлежавшие к большевистскому крылу фракции социал-демократов, с этим арестом связывались толки о раскрытии если не изменнической организации, то, во всяком случае, попытки совершения изменнических действий. Эти толки имели подтверждение и в официозных сообщениях. Но при судебном рассмотрении дела, которое происходило 10–13 февраля, обнаружилось,

[1619] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2046.

[1620] Буржуазия накануне Февральской революции… С. 5.

что в действиях судившихся членов Думы, а также их соучастников по процессу, не было и тени измены»[1621].

Показательно, что председатель Совета министров И.Л. Горемыкин предлагал перевести дело о пятерых депутатах под юрисдикцию военного суда, что могло означать вынесение смертного приговора, но, если верить В.Ф. Джунковскому, он отговорил от этого главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, указав, что будет неправильным дать повод говорить о том, «что правительство поступило недостойно, воспользовавшись военным положением, чтобы избавиться от враждебно настроенных к нему депутатов»[1622]. Однако и без того высылка депутатов подорвала авторитет властей.

Третья сессия Думы открылась 27 января 1915 г. и, приняв государственный бюджет, закрылась спустя два дня. Полноценные заседания начались только на четвертой сессии, начавшейся 19 июля и распущенной императором 3 сентября. Несмотря на уже подпорченные ожидания единения власти и общества городские слои надеялись, что открытие Думы вдохнет новую жизнь в дело внутренней и внешней обороны. Наивные ожидания граждан выразил художник Ре-Ми в карикатуре «Палка о двух концах», на которой М.В. Родзянко раздал П.Н. Милюкову, Н.С. Чхеидзе, Н.Е. Маркову-2му прутики с партийными флагами, после чего, сложив все прутики вместе, прогнал подошедшего к Таврическому дворцу немца (Приложение №3. Илл. 38).

На период четвертой сессии пришлось наиболее резонансное и непосредственно связанное с Думой событие: создание Прогрессивного блока. Четвертая сессия интересна произошедшим сближением Государственной думы и правительства. С началом войны Совет министров оказывается в двойственном положении: с одной стороны, он принимает множество постановлений в перерывах между думскими сессиями, с другой — эти постановления касаются мелких вопросов, «законодательной вермишели», так как реальная власть смещается в Царское село и Ставку, вследствие чего, как справедливо

[1621] Вестник Европы. 1915. № 3. С. 369.

[1622] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 525.

отметил К.А. Соловьев, «все чаще „отказывали“ прежние алгоритмы принятия решений. При этом сохранялись и даже обострялись проблемы довоенных лет. Теперь в еще большей степени, чем раньше, сказывалась дисперсность российской „политической элиты“»[1623]. Попыткой преодоления этой дисперсности в мае 1915 г. стала инициатива главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина по обновлению состава правительства путем включения в него представителей общественности. По сведениям П.Н. Милюкова, князя В.Н. Шаховского, Кривошеину также принадлежала идея создания Прогрессивного блока[1624]. Впрочем, если точны записи помощника управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтова, то Кривошеин в августе 1915 г. предлагал подумать о роспуске Государственной Думы, считая, что она «зарывается, обращает себя чуть ли не в учредительное собрание и хочет строить русское законодательство на игнорировании исполнительной власти»[1625]. Очевидно, что ясного понимания принципов взаимодействия исполнительной и законодательной власти в создавшихся условиях в правительстве не было. При этом отдельные министры, как, например, кн. Н.Б. Щербатов, были готовы идти на диалог с представительным учреждением только для того, чтобы «снять с одного правительства всю ответственность… и разделить ее с Государственною Думою»[1626]. Министр внутренних дел сообщал, что, согласно донесениям, «через два-три дня после роспуска Думы неминуем взрыв повсеместных беспорядков». Распространявшиеся в Петрограде слухи о грядущем роспуске Думы заставляли бастовавших рабочих требовать неприкосновенности парламента, что укрепляло отдельных министров во мнении о связи

[1623] *Соловьев К.А.* Взаимодействие Совета министров и представительных учреждений России в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 54.

[1624] Там же.

[1625] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни… С. 72. В первоначальных записях А.Н. Яхонтова в реплике Кривошеина вместо учредительного собрания стоит термин «конвент» и дается характеристика думским настроениям как «общий психоз» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 221).

[1626] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни… С. 102.

рабочих беспорядков с действиями депутатов. Колебания по поводу досрочной отправки парламента на каникулы также были вызваны опасениями, высказывавшимися, в частности, министром народного просвещения гр. П.Н. Игнатьевым, что Дума может отказаться прерывать сессию и продолжит заседать, пойдя тем самым на прямую конфронтацию с исполнительной властью и монархом. А.А. Хвостов на заседании Совета министров передавал слухи, что П.Н. Милюков, якобы, хвастает, что в день роспуска Думы он нажмет на кнопку и начнутся беспорядки[1627]. Позиция Игнатьева и Хвостова показывает, что они сильно переоценивали степень революционности Думы, которая даже 27 февраля 1917 г. формально подчинилась указу о роспуске (но создала Временный комитет под видом «частного совещания»).

Следует отметить, что и внутри Прогрессивного блока не было единых представлений о путях развития России. В августе происходила некоторая радикализация депутатов, красноречивым примером чего могут послужить взгляды прогрессивного националиста А.Н. Брянчанинова. В августе 1914 г. он пропагандировал «народный, а не придворный монархизм»[1628], а ровно через год ратовал за «национальную революцию» (которая и должна была реализовать принцип народного монархизма)[1629]. Теория Брянчанинова о «национальной революции», которую он противопоставлял «социалистической (классовой) революции», явилась реакцией на страх перед предательством «немецкой партии», с одной стороны, и социалистической агитацией — с другой. Впрочем, такие крайние и абсурдные мысли не были свойственны большинству депутатского корпуса, хотя в целом и характеризовали состояние умов общественности. В отличие от периода «патриотической эйфории» лета 1914 г., летом 1915 г. депутаты часто критиковали Совет министров. Депутат-кадет В.А. Маклаков противопоставлял гипотетическое правительство

[1627] Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 243.

[1628] Новое звено. 1914. № 33. С. 4.

[1629] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 342.

«общественного доверия» действовавшему «правительству общественного недоверия».

27 августа 1915 г. государственный контролер П.А. Харитонов провел частную встречу министров с представителями Прогрессивного блока, на которой обсуждалась программа депутатов относительно правительства. Министры отметили, что Блок не настроен революционно и готов к компромиссам, хотя и признали наличие взаимного недоверия. По итогам встречи некоторые министры – Харитонов, Кривошеин, Сазонов, Игнатьев – не отказываясь от решения скорейшей отправки Думы на каникулы, заявили на заседании Совета министров о готовности поддержать идею формирования нового правительства «общественного доверия», при условии, что инициатива будет исходить от императора[1630].

Несмотря на поддержку проекта о правительстве «общественного доверия» рядом министров, 3 сентября 1915 г. Николай II прерывает сессию Государственной думы[1631], а затем из правительства выводятся министры, делавшие ставку на союз с общественностью. Надежды на преодоление политического кризиса и объединение власти и общества очередной раз оказались иллюзиями. В обществе известия об отправке депутатов на каникулы были встречены достаточно болезненно. Описывая ситуацию, современники часто использовали слова «роспуск», «разгон» Думы, выражая свои подсознательные страхи перед возможной ликвидацией парламента. Можно отметить, что члены правительства также периодически путали слова «разгон» и «перерыв в сессии» во время обсуждения вопроса о Думе в конце августа 1915 г. С.Д. Сазонов, выступая против досрочной отправки парламента на каникулы без

[1630] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни… С. 125.

[1631] Николаем II были заранее подписаны указы о прерывании сессии Государственной думы и переданы председателю Совета министров И.Л. Горемыкину с тем, чтобы он сам проставлял необходимые даты роспуска, однако в создавшихся условиях, учитывая возникшую оппозицию внутри правительства, председатель Совета министров отправился к императору за августейшей санкцией.

предварительной встречи с депутатами, использовал термин «разгон», на что получил замечание от И.Л. Горемыкина: «Речь идет не о разгоне, а о перерыве до ноября». «Дело не в форме, а в существе или, вернее, в политическом впечатлении от правительственного акта», – парировал министр иностранных дел[1632].

Впечатление от прерывания сессии Думы оказалось удручающим. Московские обыватели в частных письмах отмечали, что роспуск Думы вызвал «угнетенные и подавленные настроения»[1633]. «Ко всем мерзостям присоединилась еще одна — это роспуск Государственной Думы. Есть афоризм: „когда господь захочет наказать, так отнимет разум“. Ведь это какая-то свистопляска на вулкане. Этому негодяю Горемыкину, наверно, это так не пройдет», — писал офицер из Петрограда 7 сентября 1915 г.[1634] О том же рассуждали в Тифлисе, дополняя общую картину слухами о готовящихся верхами провокациях с целью заключения сепаратного мира: «Смена командования армиями, роспуск Государственной думы — признаки весьма зловещие, особенно последнее событие. Для того, чтобы распустить Гос. Думу в такое время, нужно абсолютное отсутствие ума, любви к родине»[1635]

Рост общественного недовольства прерыванием сессии приводил к росту подозрительности властей к общественным организациям. 7-9 сентября 1915 г. в Москве прошли съезды Всероссийского союза земств и Всероссийского союза городов, на которых главным вопросом значилось «О задачах политического момента»[1636]. Николай II в телеграмме Горемыкину назвал представителей съездов «самозванцами»[1637]. Совет министров в сентябре 1915 г. также

[1632] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни… С. 106.

[1633] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1014. Л. 705.

[1634] Там же. Л. 702.

[1635] Там же. Л. 706.

[1636] *Шевырин В.М.* Земский и городской союзы (1914-1917 гг.) Аналитический обзор. М., 2000. С. 31.

[1637] Совет министров Российской империи… С. 269.

склонен был демонизировать общественные организации, в частности, на заседаниях министры Щербатов, Сазонов и Кривошеин воспроизводили слухи (и верили в них), что Земский союз создает свою собственную армию с 300 бронированными автомобилями[1638]. Власть и общество оказывались во власти взаимоискаженных слухами образов.

Осенью карикатура выражает обеспокоенность тем положением, в котором оказались общественные силы России. Рисунок М. Дикова изображал Москву в образе умирающей больной, у постели которой столпились бессильные ей помочь общественные деятели (Приложение №3. Илл. 39).

Резонансной реакцией на роспуск Думы со стороны представителей депутатов стала статья В.А. Маклакова «Трагическое положение», в которой автор описывал политическую ситуацию через образ несущегося по узкой горной дороге автомобиля, за рулем которого сидел неумелый шофер. Маклаков поднимал вопрос, стоит ли вырывать руль у этого шофера, рискуя сорваться в пропасть, или необходимо дождаться момента, когда автомобиль минует опасный участок дороги. И хотя Маклаков предлагал второе решение, сама постановка вопроса, общий тон статьи выглядели почти революционно. В зависимости от настроений и степени собственной оппозиционности читатели в образе «безумного шофера» узнавали премьер-министра И.Л. Горемыкина или даже самого Николая II (в письмах депутатов этого периода именно Горемыкин упоминался в качестве «злого гения», поэтому наиболее вероятным «прототипом» шофера выступает председатель Совета министров).

Показательно, что массовое сознание городских слоев в целом верно оценивало мотивы и дальнейшие перспективы действий властей — в материалах перлюстрации за сентябрь 1915 г. отразились слухи о готовящемся наступлении на общественные организации и об увольнении министров, выступавших за союз с Думой[1639]. Слухи иногда довольно точно предсказывали развитие дальнейших событий. 2 сентября «Новое время» комментировало

[1638] Там же. С. 271.

[1639] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1033. Л. 1505.

возможность роспуска парламента: «В связи с возвращением из Ставки И.Л. Горемыкина в обществе усиливаются слухи о предстоящем на днях роспуске Государственной Думы. Мы отказываемся верить этим сведениям, откуда бы они ни исходили, и считаем их злостной попыткой внести смуту в общественные настроения в момент, когда внутренний мир дороже стране, чем когда-бы то ни было»[1640]. 3 сентября о том же писали «Русские ведомости»[1641].

Реакционная пресса, наоборот, не скрывала своего торжества. На протяжении июля-августа «Земщина», используя антисемитскую риторику, нападала на Прогрессивный блок, обвиняя его в том, что он пользуется трудным внутренним положением ради собственных корыстных интересов. После прерывания сессии Думы член Русского собрания и Союза русского народа С.К. Глинка-Янчевский опубликовал статью «Неотложные меры», в которой выразил характерное для реакционных кругов «понимание» разногласий «государственников» («русских людей») и «общественников» («жидов») по проекту «правительства общественного доверия»: «Так русские люди и жиды признают, что война требует сильной власти, пользующейся доверием. Но русские люди желают, чтобы сильной была власть, оставленная Царем, т.е. та власть, которой Он доверяет. Жиды-же признают, что только та власть может быть сильной, которая ими будет поставлена и которой они доверяют… Напомню тот исторический факт, что все государственные перевороты совершались при безволии правительства и при содействии свихнувшихся царедворцев (намек на «группу Кривошеина». – В.А.)»[1642].

Расхождение взглядов на роль Думы обнаруживается в Совете министров. Так, Горемыкин был уверен, что депутаты провоцируют рабочие беспорядки, а Прогрессивный блок создан для захвата власти в стране. Сазонов возражал председателю: «Я держусь иного мнения и считаю, что в дни

[1640] Новое время. 1915. 2 сентября.

[1641] Русские ведомости. 1915. 3 сентября.

[1642] Земщина. 1915. 6 сентября.

величайшей войны отметать общественные элементы недопустимо, что надо единение всех слоев населения… Я нахожу, что нам нужно во имя общегосударственных интересов, этот блок, по существу умеренный, поддержать. Если он развалится, то получится гораздо более левый. Что тогда будет? Кому это выгодно? Во всяком случае не России»[1643]. Император поддержал Горемыкина, а в сентябре-октябре 1915 г. отставку получили Щербатов, Сазонов, Кривошеин. Власть постепенно демонстрировала обществу, что «единение» может происходить лишь на этатистской основе.

Примечательно, что даже министр торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховской, называвший Основные законы конституцией и придерживавшийся позиции «левых реформ правыми руками» и чтобы «власть под влиянием событий сама постепенно эволюционировала», но при этом остававшийся противником идеи «кабинета общественного доверия», считал, что всеобщее недовольство правительством являлось результатом исключительно «злостной пропаганды», отказываясь признавать правительственные ошибки[1644].

В январе 1916 г. министры признавали (Хвостов, Трепов, Барк), что внутриполитическая ситуация ухудшилась и необходимо идти на более тесный контакт с Думой. Причем в случае готовности Думы к компромиссам допускался созыв бессрочной сессии[1645]. Однако в итоге сессию решили все же ограничить. В начале 1916 г. В. Кузьмин-Караваев подводил промежуточные итоги взаимоотношений власти и общества, выстраивая некую не лишенную наивности динамику общественных настроений. На первом этапе начало войны привело к замене эгоистических устремлений патриотическими и воцарению внутреннего мира, символом которого стало рукопожатие Милюкова и Пуришкевича. В обстановке надежд и твердой веры в победу был встречен 1915 г., но с весны подъем пошел на убыль. «Каждый новый день и каждый

[1643] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни… С. 107.

[1644] *Шаховской В.Н.* Так проходит мирская слава… С. 108, 113-114.

[1645] Совет министров Российской империи… С. 312-313.

новый шаг во внутренней политике показывали, что власть понимает лозунг „все для войны“ исключительно в смысле моральной обязанности общества беспрекословно исполнять ее желания и требования», — писал автор. Образование военно-промышленных комитетов и деятельность земского и городского союзов отразили новый этап воодушевления общественных сил. Образование Прогрессивного блока вызвало всеобщий вздох облегчения, но он жизни не получил, а Дума была распущена. «А потом, — продолжал В. Кузьмин-Караваев, — как по мановению, зашевелились „истинно-русские“ союзники, со дня объявления войны спрятавшиеся было по своим мрачным углам… Сейчас от внутреннего мира остались только следы. В средних политических слоях разрушить его до конца пока еще не удалось»[1646].

Ограничивая компетенции Государственной думы, досрочно прерывая ее сессии, верховная власть на фоне усугублявшегося социально-экономического и политического кризисов, распространявшихся слухов о массовом предательстве в верхах превращала Государственную думу в символ некоего сопротивления, поднимала ее престиж в глазах широкой общественности. Современники начинали наделять Думу не характерными для ее реального институционального положения признаками. Так, в журнале «Будильник» еще накануне открытия четвертой сессии 12 июля 1915 г. появилась карикатура Д. Моора, изображавшая Таврический дворец как ощетинившийся пушками броневик, мчавшийся на вражеские позиции (Приложение №3. Илл. 40). За его рулем располагался М.В. Родзянко, по обе стороны от него — П.Н. Милюков и князь Г.Е. Львов. Зрителям оставалось додумать, на какие именно позиции, внешнего или внутреннего фронта, несется бронемашина. Д. Моору было свойственно скептическое отношение к Государственной думе. К открытию следующей сессии в 1916 г. он сравнивает ее с маскарадом.

Многие понимали, что у Думы не было реального ресурса переломить ситуацию в свою пользу. Ограничиваемая императором в своей работе, она

[1646] *Кузьмин-Караваев В.Д.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 412–417.

могла лишь с запозданием реагировать на те или иные политические события. Из 950 дней Первой мировой войны — с 19 июля 1914 г. по 23 февраля 1917 г. — IV Государственная дума в сумме проработала всего 103 дня. Тем самым процент рабочих дней за этот период составил 10,8%. Для сравнения: этот же коэффициент у III Государственной думы равнялся 38%, а у довоенных сессий IV Государственной думы — 32,4%. Тем самым за годы Первой мировой войны Дума собиралась в три раза реже, чем до войны (Приложение №1. Илл. 17). Конечно же, депутаты и общество в целом не могли не отреагировать на такое существенное снижение статуса и роли представительного учреждения, вследствие чего вопрос о полномочиях Думы становился фактором социально-политического кризиса. В.В. Шелохаев, К.А. Соловьев, В.М. Шевырин отмечают, что радикализация либеральной общественности в 1916 г. носила вынужденный характер, при этом многие оппозиционные деятели осознавали свое бессилие и, упустив «руководство событиями», вели лишь «словесную борьбу с правительством»[1647].

В глазах широких слоев авторитет Думы рос обратно пропорционально падению престижа высшей власти. В сентябре — октябре 1916 г. в столице усиливается рабочее движение, растет недовольство населения продовольственной ситуацией. Начальник петроградского губернского жандармского управления в октябре 1916 г., незадолго до открытия той сессии Государственной Думы, которая была прозвана «штурмовым сигналом революции», признавал, что «грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разрешиться в ту или иную сторону», проводил параллели с 1905 г.[1648] Таким образом, революционные настроения сложились в широких слоях общества в межсессионный период, Дума не имела прямого отношения к революционизации общества, созревавшей в условиях распространявшейся хозяйственной разрухи, на фоне «министерской чехарды», однако, справедливо считая себя выразителем

[1647] *Шевырин В.М.* Сотрудничество и борьба… С. 118; *Шелохаев В.В., Соловьев К.А.* Российские либералы о Первой мировой войне… С. 193.

[1648] Буржуазия накануне Февральской революции… С. 129.

народных дум, нижняя палата российского парламента считала своим долгом озвучивать царившие в массах настроения. Это было особенно важно, если учесть цензурную политику властей, при которой периодическая печать лишалась возможности критиковать власть. В результате депутаты брали на себя функции средств массовой информации, и общество жадно следило по газетам за речами, раздававшимися в стенах Таврического дворца. При этом большинство депутатов, за исключением представителей социалистических фракций, негативно относились к перспективе революции.

В сентябре–октябре 1916 г. в донесениях, сводках петроградского и московского охранных отделений отмечалось, что кадеты рассчитывают, что в условиях надвигающейся революции власти будут вынуждены ради собственного спасения пойти на союз с Думой. Оппозиционная риторика кадетов не означала, что они жаждут революции, наоборот, в некотором роде это было предостережение, адресованное властям в надежде на более тесное сотрудничество. Не случайно Палеолог сказал, что Милюков — не оппозиция его величеству, а оппозиция его величества. Вместе с тем в петроградском жандармском управлении отмечалось, что среди кадетов есть и пессимисты, выражавшие «сомнения в том, чтобы правительство могло согласиться на кадетских министров и полную ломку давнишнего направления внутренней политики» и критиковавших своих товарищей за то, что «кадеты надеются на свои силы и на свое влияние в стране более, чем следует»[1649]. При этом Шингарев, Александров и другие полагали, что до «революции осталось всего лишь несколько месяцев, если только таковая не вспыхнет стихийным порядком гораздо раньше». Многие современники утратили надежды на достижение компромисса между Думой и правительством. Депутат от Томской губернии кадет А.А. Дутов писал домой в октябре 1916 г.: «Трудно сейчас сказать, что нас ожидает. Дума с правительством, которое сейчас у власти, работать не может. Поэтому она или добьется смены многих министров, или же ее распустят. Во

[1649] Там же. С. 135.

всяком случае, время сейчас тревожное и что-то будет впереди — мы не знаем — но, должно быть, что-то серьезное»[1650].

Радикализация риторики партийных и общественных организаций отражала динамику массовых настроений. При этом сторонний наблюдатель, не разбиравшийся в российской партийной системе, легко мог спутать в это время конституционных монархистов с социал-демократами. Характерна запись в дневнике лейтенанта французской военной миссии в России Пьера Паскаля (впрочем, не отличавшегося глубиной и точностью оценок), который определил партию кадетов как «нечто вроде радикально-социалистической партии»[1651].

Открывшаяся 1 ноября 1916 г. пятая сессия в целом оправдала тревожные ожидания современников — речи депутатов звучали резче обычного, и кадеты, призывавшие в начале 1915 г. не делать оппозиционных заявлений от лица партии, теперь оказались чуть ли не главными возмутителями спокойствия. Однако даже в открывавшей первое заседание речи председателя М.В. Родзянко содержались осторожные намеки на политическую ситуацию и требование устранения того, что мешает стране[1652]. Первым из депутатов внеочередное слово получил Я.С. Гарусевич, сделавший заявление от имени польского кола по поводу объявленной Германией независимости Царства Польского, указав, что это стало шагом к насильственной германизации польского народа. Следующие выступления депутатов были посвящены внутриполитическому положению. Депутат С.А. Шидловский от группы прогрессивных националистов, группы центра, фракции земцев-октябристов, фракции Союза 17 октября и фракции Народной свободы заявил, что «деятельность правительства за истекший год создавала серьезные препятствия успешному

[1650] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1058. Л. 839.

[1651] *Паскаль П.* Русский дневник. Во французской военной миссии. 1916-1918. Екатеринбург, 2014. С. 84.

[1652] Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1916. Стлб. 3–4.

ходу борьбы» за правое дело. Шидловский обратил внимание на перемены общественных настроений и призвал к смене правительства[1653].

Шестым, пропустив Шидловского, Чхеидзе, Левашова, Керенского и Балашева, выступал Милюков. Именно его речь оказалась наиболее резонансной, вызывавшей в обществе различные толки и подделки в течение того времени, что власти опасались ее публиковать. Милюков в своем выступлении признавался, что обвинения, которые он вслед за иностранной и русской прессой повторил в адрес Штюрмера и К°, основаны не на подтвержденных объективных фактах, а на «инстинктивном голосе всей страны и ее субъективной уверенности». В этом заключался пропагандистский замысел — открыто перейти на язык уличных эмоций, впустить «улицу» в стены Таврического дворца и тем самым подчеркнуть единство Думы и определенных слоев общества, показав властям, что далее игнорировать общественное мнение нельзя. При этом важно подчеркнуть, что приводившиеся Милюковым слухи об измене в верхах не передавали и десятой части того, о чем говорили в стране, по сравнению с народным пространством политических слухов выступление Милюкова было довольно «беззубым», но не типичным для стен Таврического дворца. Пока выступление лидера кадетов не было опубликовано, слухи приписывали ему, помимо нападок на Штюрмера и правительство в целом, оскорбительные выпады в адрес императрицы. Повторявшийся рефреном вопрос: «Что это, глупость или измена?», распространенный в обывательской среде в предшествующий период, зазвучал с новой силой, будучи поставленным с думской кафедры.

2 ноября газеты вышли с белыми полосами вместо обзоров первого дня заседания Думы. Колонка «Вечернего времени» «В Таврическом дворце» была заполнена лишь на треть, причем содержала располагающую к домысливанию фразу «выступления А.Ф. Керенского и П.Н. Милюкова сделали думский день ярким и значительным», после чего следовала очередная белая полоса[1654]. На

[1653] Там же. Стлб. 11–13.

[1654] Вечернее время. 1916. 2 ноября.

следующий день белых полос стало еще больше. В ноябрьском номере «Будильника» появился рисунок Д. Моора, на котором мужики рассматривали чистый газетный лист. Один из них говорил: «Очень я газетину с Государственной Думой люблю – свернешь цыгарку и краской не пахнет»[1655]. 3 ноября М. Палеолог записал в дневнике: «Позавчера цензура запретила прессе публиковать или комментировать нападки Милюкова на Штюрмера. Но текст речи Милюкова пересказывался в общественных кругах, и эффект от речи оказался еще большим, поскольку каждый вносил свою лепту в преувеличении фразеологии выступления Милюкова и в добавлении к нему собственных разоблачений»[1656]. 29 ноября власти все-таки позволили опубликовать оригинальный текст речи, и среди современников она вызвала некоторое разочарование своей относительной «невинностью»: «Сегодня в „Русском слове“ напечатана речь Милюкова… При всей резкости речи Милюкова нельзя, однако, найти в ней (она все-таки с пропусками) такого места, где он мог бы упоминать об императрице — о чем кричат все»[1657], — писал Л.А. Тихомиров. П.Н. Милюков в достаточно осторожных выражениях, со ссылкой на немецкие газеты упомянул о слухах о засилье в России «немецкой партии». Императрица была упомянута лишь однажды, в цитате из немецкой газеты, однако именно этот факт, а также ее соседство с перечислявшимися «предателями» создавал известную пикантность: «Я вам называл этих людей — Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер. Это та придворная партия, победою которой, по словам „Нейе Фрейе Прессе”, было назначение Штюрмера: „Победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой Царицы”»[1658].

По сравнению с выступавшими до него А.Ф. Керенским и Н.С. Чхеидзе речь Милюкова была менее «революционной». Впрочем, и речи социалистов

[1655] Будильник. 1916. № 47. С. 5.

[1656] *Палеолог М.* Дневник посла…

[1657] Дневник Л.А. Тихомирова… С. 311.

[1658] Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1916. Стлб. 45.

казались многим беззубыми по сравнению с тем, что давно уже открыто говорили обыватели. Слушательница московских женских курсов писала в Читу 11 ноября 1916 г.: «Мне удалось прочесть речи Милюкова, Шульгина и Керенского. Право, я не нашла в них ничего такого, что давало бы повод их не выпускать. Там говорилась лишь та правда, что мы, смертные, не редко высказывали в четырех стенах»[1659].

Тем не менее, из-за действий цензуры общественное воображение включилось в творческую гонку по сочинению речей, которые обыватели хотели услышать от депутатов. По всей России стали выходить альтернативные тексты депутатских выступлений. В Саратове губернатор издал распоряжение, предусматривавшее наказание за распространение фальсифицированных речей. Обыватели недоумевали: «Не проще ли вместо этого познакомить население с настоящими речами?»[1660]

Следующей по популярности после выступления Милюкова шла речь меньшевика Н.С. Чхеидзе, которую распространяли распечатанной на машинке среди рабочих, а также из-под полы продавали газетчики по огромной цене — 10–25 рублей. Начальник Охранного отделения по Москве сообщил, что сначала «речь» Чхеидзе ходила в интеллигентских кругах, но затем проникла в рабочую среду, причем предварительно была размножена в одной из легальных типографий. В ее распространении подозревали студентов Московского коммерческого института. У одного из них, Якова Андреева, нашли два рукописных экземпляра текста со множеством помарок, исправлений и вставок[1661]. «Речь» обнаруживалась в разных городах Московской губернии. Среди москвичей ходил такой ее вариант: «Господа Члены Государственной Думы Вы только что выслушали заявления как прогрессивного блока, так и его отдельных членов Мил., Шидл., Шульгина (следует заметить, что в реальности Чхеидзе выступал перед Милюковым и Шульгиным. — В.А.) и наверное

[1659] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1047. Л. 30.

[1660] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1662.

[1661] ГА РФ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 51. Л. 172–173.

достаточно утомлены. Но я буду краток. Мое внимание обращено выше, чем внимание г. Милюкова. Смешно толковать о работах и о их наказаниях, когда виновник всего господин остается свободным и безнаказным… А здесь в стенах государственной Думы, где каждое слово должно быть ударом молота по наковальне, кующем новую жизнь сотни слов бросаются на ветер. Господину Милюкову мало сказать: Штюрмер изменник, он подходит к этой фразе со всевозможной стороны и не устает повторять одно и тоже. Едва-ли кто назовет его после этого хорошим оратором. Господа, вся страна вот уже ½ года не ложится и не встает без этого ненавистного имени Штюрмера. А кто такой Штюрмер. Это птичка, грамофон, перепевающий слова певца. А кто певец 1, я думаю вы все знаете. Он смотрит сейчас на все мертвыми глазами (указывает на портрет государя). (страшный шум справа, громкие аплодисменты слева и на скамьях прогрессистов голос Маркова-2го „На виселицу эту сволочь“, звонок председателя). Да, господа, у нас принято думать, что все самое тяжелое ложащееся на страну непосильным гнетом исходит из таких называемых „сфер“. Но это ошибочно. Не сферы виноваты в том, что народ дохнет от голода, а вот в ком немецкая кровь принцев Голштинских…. Удалите его и вся Россия Вас благословит… Но мало удалить Царя, надо убрать всю его семью. Я приведу Вам несколько фактов, которые говорят сами за себя. Ведь ни для кого ни секрет, что молодая царица — деятельная помощница планам Вильгельма и первоклассная шпионка (аплодисменты слева, несколько правых покидают зал. Марков удивленно шипит). Не секрет, что Государь жаждет неблагополучного конца войны. 5 месяцев тому назад Великий князь Петр Александрович ездил в Берлин для переговоров о мире и только искусное вмешательство Сазонова перемешало карты, за что Сазонов и был изгнан. Вот, г.г., какая семья стоит во главе мировой державы. Вы проиграете войну, если не прогоните эту семью в ссылку (шум справа, многие вскакивают и бросаются к трибуне с кулаками, председатель лишает слова Чхеидзе). На трибуну входит Маклаков»[1662].

[1662] Там же. Л. 174–174(об).

Как видим, автор этого сочинения не отличался особым воображением и весьма примитивно подделал речь социал-демократа. Согласно массовым слухам, все тяготы войны объяснялись изменой немецкой партии, возглавляемой императором и императрицей, при этом автор фальшивки выступал против заключения сепаратного мира, настаивая на продолжении войны до победы. Подлинная речь Н.С. Чхеидзе была не столь краткой, занимала восемь листов машинописного текста. В ней депутат последовательно коснулся международного и национального вопроса, продовольственной ситуации и в конце подошел к главному требованию — требованию мира без аннексий и контрибуций: «Мы требуем, господа, ликвидации этой ужасной войны, мы требуем, господа, мира. Но какого мира, господа? Мира заключенного дипломатами безответственными? Никогда. Мира заключенного вот может быть г. Штюрмером с Кайзером. Мы никогда на такой мир не согласимся… Господа, мы требуем мира, который был бы выражением воли всех воюющих народов, мы требуем, господа, мира, который получился бы в результате координации сил всей демократии, мы требуем, господа, мира без насильственной аннексии, без насильственного присоединения. Только такой мир, господа, может создать условия для свободного самоопределения национальностей»[1663]. Завершал свое выступление Чхеидзе почти неприкрытым призывом поддержать революцию: «Наступила пора и очень решительная минута, когда надо, господа, быть с народом против этого правительства или с этим правительством против народа…Во всяком случае, господа, мы скажем в первую очередь долой правительство. Да здравствует правительство, которое получится в результате народной борьбы за власть (рукоплескания слева. Голос справа: это призыв к революции)»[1664].

При изучении ноябрьской корреспонденции обывателей складывается впечатление, что современников в общем-то не особенно интересовали истинные речи депутатов, они сами знали, о чем должны были говорить в Думе,

[1663] Там же. Л. 178(об)–179.

[1664] Там же. Л. 180.

учитывая общую обстановку. Поэтому каждый интерпретировал думские речи на свой собственный лад, додумывая их за авторов. Крестьянин Тверской губернии писал депутату-кадету А.И. Шингареву 14 ноября 1916 г., успокаивая его тем, что и неопубликованные речи все равно доходят до их деревни, если в них звучит «правда Божия»: «Голос славных депутатов в день открытия Государственной думы достиг до нашей глухой деревни. Для правды Божией нет никаких границ и препятствий. Все что делается в стенах Таврического дворца известно и без печати, несмотря на всю строгость цензуры»[1665].

Речи Керенского и Чхеидзе, в которых звучали призывы к миру, больше всего коррелировали с настроениями широких слоев общества, уставших от войны. В то же время позиция либеральных и правых партий, настаивавших на продолжении войны до победного конца, провоцировала рост новых слухов. В частности, осенью 1916 г. появились слухи, что из-за нехватки солдат, требующихся для продолжения войны, будут призывать сорока- и пятидесятилетних. Крестьянин М. Новиков из села Лаптево Тульской губернии писал об этом В.А. Маклакову 17 ноября 1916 г., обвиняя кадетов в потворстве политике уничтожения людей[1666]. В конечном счете в Милюкове начинали подозревать представителя тех же «темных сил», каковыми считали Штюрмера и Ко.[1667] Тем самым психологическая атмосфера, определявшаяся усталостью от войны, предопределяла будущий успех социалистических партий, а кадеты в случае сохранения своих позиций по войне обрекались на политическое поражение, что, в конечном счете, и произошло в 1917 г.

Сложно переоценить общественное значение открытия пятой сессии. В докладе петроградского Охранного отделения говорилось, что «Дума в своем нынешнем составе еще недавно считалась левой прессой и демократическими кругами „черносотенной“, „буржуазной“, „собранием прихвостней Горемыкина“ и пр. Заседание 1 ноября 1916 г. заставило широкие массы более

[1665] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1047. Л. 37.

[1666] Там же. Л. 51(об).

[1667] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1470.

доверчиво отнестись к Думе, в которой вдруг сразу увидели „лучших избранников народа“, „представителей Всея Руси“ и пр.»[1668]. В ноябре 1916 г. в «Новом Сатириконе» была опубликована красноречивая карикатура А. Радакова «Апоплексическое сложение», изображавшая семейную ссору престарелого супруга-бюрократа с молодой женой-Думой. Бюрократ говорил: «Замечательно: как только ты начинаешь сердиться — ты краснеешь!»

Ограничение работы Государственной думы усиливало ее оппозиционность и делало центром притяжения общественного внимания. В силу психофизиологических особенностей больше других возбуждалось студенчество. Слушательница высших женских курсов писала из Москвы: «Последние дни все нервно настроены. События в думе служат центром внимания… Куда ни пойдешь — одни разговоры»[1669]. В письме некий Борис из Москвы в Саратов описывал схожие настроения[1670].

Нервозные настроения и чувство неопределенности были свойственны и депутатам, которые сами плохо представляли, куда приведут демарши. Кулуарно они обсуждали слухи о том, что к Таврическому дворцу будут стянуты войска и Дума будет окончательно закрыта, обсуждали информацию о подготовке убийства П.Н. Милюкова, говорили о том, что осталось лишь два варианта: либо император распустит Думу, либо правительство и пр.[1671] Депутат-кадет В.В. Лашкевич, когда шел в Думу 2 ноября, был уверен, что она уже закрыта[1672]. Член Государственной думы М. Воронков писал 30 ноября 1916 г.: «Неопределенность сидеть в Питере. Есть такое предположение, что каждая фракция запретила своим членам разъезжаться по домам. Последние дни передавали слухи о возможности образования общественного кабинета, но теперь все меньше и меньше верят. Положение действительно напряженное, в

[1668] ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. 1917. Д. 669а. Л. 6.

[1669] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1047. Л. 30.

[1670] Там же. Л. 33.

[1671] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1401; Д. 1058. Л. 891, 899

[1672] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 904.

верхах какие-то комбинации назревают, но об истинных намерениях ничего неизвестно. Упорно говорили, что предполагается высокоторжественное совместное заседание Думы и Совета в присутствии государя»[1673]. В тот же день депутат А.Я. Тимофеев делился со своим адресатом схожими мыслями: «Отечество наше в опасности… Кроме врага внешнего отечеству грозит злостный внутренний. Несмотря на открытое выступление Думы, Совета и даже дворян, — „Они“ не уступают. Положение жуткое и совершенно неопределенное»[1674].

Погрязшую в слухах и сплетнях Думу изобразил в декабре 1916 г. А. Радаков. На его рисунке «Наша зоология» в образе летучей мыши под сводами Таврического дворца парил депутат П. Крупенский, который отличался тем, что «все время перепархивает от депутатов к министрам и обратно — со всеми шепчется и переносит туда и сюда разные вести и сплетни» Приложение №3. Илл. 41).

Дума — во многом вынужденно, в условиях наступления власти на общественные организации — приняла на себя роль рупора народного гнева, и общественность в этом ее поддержала, предоставив определенный кредит доверия. Московское охранное отделение сообщало о разогнанном полицией 9 декабря 1916 г. собрании уполномоченных губернских земств, которое успело единогласно принять резолюцию по политическому моменту. В ее тексте содержались не менее резкие высказывания о правительстве, чем звучали в Государственной думе[1675]. Съезд Союза городов, состоявшийся в тот же день, принял схожую резолюцию[1676].

Следует заметить, что на этом этапе ни Государственная дума, ни общественные организации не требовали ограничения царской власти — речь шла о контроле над правительством ради спасения «исторической власти», о

[1673] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1403.

[1674] Там же. Л. 1405.

[1675] Буржуазия накануне февральской революции… С. 156.

[1676] Там же. С. 159.

создании ответственного министерства. Произошедшее немногим позднее свержение монархии, таким образом, стало следствием ошибочных действий власти, отказавшейся идти на уступки в условиях ею же спровоцированного кризиса тогда, когда еще сохранялась вероятность избежать революции.

В тех кругах российского общества, где обсуждались стратегии преодоления внутреннего кризиса путем политического устранения императора, Думе должна была принадлежать значимая символическая роль. Так, например, 23 декабря 1916 г. на обеде у крупного промышленника Богданова, на котором присутствовали члены императорской фамилии, князь Гавриил Константинович, член Государственного совета Озеров и промышленник Путилов говорили, что «единственное средство спасти царствующую династию и монархический режим — это собрать всех членов императорской фамилии, лидеров партий Государственного совета и Думы, а также представителей дворянства и армии и торжественно объявить императора ослабевшим, не справляющимся со своей задачей, неспособным дольше царствовать и возвестить воцарение наследника под регентством одного из великих князей». Тот вечер закончился тостом «за царя, умного, сознающего свой долг и достойного своего народа»[1677]. Дума как представительное учреждение, некий аналог Земского собора, должна была легитимировать государственный переворот в воображении разочарованных в верховной власти современников.

В декабре 1916-го — январе 1917 г. политическая ситуация в стране окончательно вышла из-под контроля власти, пребывавшей в полной растерянности и питавшейся, как и все общество, слухами. В основе этих слухов лежали страхи — страхи перед Государственной думой. Конспирологическое сознание, оживающее тогда, когда теряется связь с реальностью, рисовало картины думского заговора. Петроградское охранное отделение со ссылкой на слухи сообщало: «Передают, как слух, о том, что накануне минувших рождественских праздников или в первые дни таковых состоялись якобы какие-то законспирированные совещания представителей левого крыла Государственного

[1677] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 674.

Совета и Государственной Думы»[1678]. Тем самым слухи становились источником информации для исполнительных органов власти, определяя их последующие шаги. В другой записке петроградская охранка пыталась реконструировать планы Государственной думы по организации переворота, ссылаясь на сообщение агента о проходившем 30 декабря 1916 г. совещании у П.П. Рябушинского: якобы после роспуска Государственной думы она планирует переехать в Москву и оттуда обратится к народу с воззванием о том, что правительство ведет страну к гибели. Организацией распространения воззвания на фронте должен был заняться А.И. Гучков[1679]. В начале февраля 1917 г. представители консервативных кругов пугали друг друга в письмах слухами о том, что П.Н. Милюков собирается захватить в стране власть[1680].

В начале января 1917 г. на заседании Совета министров А.Д. Протопопов и министр юстиции Н.А. Добровольский усиленно доказывали необходимость отсрочки созыва Государственной думы (которая должна была быть открыта 12 января 1917 г.), заявляя, что «Дума сделалась фокусом революционного направления общества». Министр иностранных дел Н.Н. Покровский считал, что аргументы Протопопова и Добровольского были путаны и неадекватны: «Протопопов излагал какую-то курьезную теорию развития революционного движения, иллюстрируя ее составленным им графическим изображением. Добровольский – тот прочел письмо какого-то своего друга, члена Думы из правых, где было сказано: “Коля, беги скорее, пока цел”»[1681]. Покровский выступил против, доказывая, что восстановили Думу против правительства действия самого правительства, что может быть исправлено определенными уступками, в то время как отсрочка открытия Думы лишь усилит ее оппозиционность. В результате решено было отсрочить открытие очередной сессии до 14 февраля 1917 г.

[1678] Буржуазия накануне февральской революции… С. 161.

[1679] Там же. С. 165.

[1680] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 45.

[1681] *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце… С. 185.

Считая Думу главным источником опасности, власти просчитывали и иные, более реалистичные, комбинации и ресурсы думского давления. Так, накануне открытия Государственной думы 14 февраля 1917 г. в очередной записке петроградского охранного отделения ставился вопрос: «В чем может выразиться тактика Государственной Думы, если к 14-му февраля правительство будет в прежнем составе?» — и тут же следовал на него ответ: «Дума, устами левых ораторов, опять польет потоки резких и обидных слов. Дума, возможно, будет чинить некоторые препятствия по вопросу бюджета. Однако, то и другое является вряд ли страшным и опасным: слову может быть противопоставлено слово (как было при П.А. Столыпине)»[1682]. Действительно, иных легальных вариантов воздействия на правительство, кроме потоков известных речей, у депутатов не было, в этом отношении Дума была безопасной для властей. Но последние не учли стихийную природу революции. Демонизация Государственной думы привела к тому, что власть утратила контроль за внутриполитической ситуацией и пропустила настоящий источник опасности — революционизировавшихся обывателей, чей гнев 23 февраля 1917 г. стихийно выплеснулся на улицу. Демонизируя Думу, власти ожидали революционные эксцессы в день возобновления работы пятой сессии — 14 февраля. Начальник петроградского военного округа сообщал, что по планам «революционеров» 14 февраля будет объявлена стачка, после чего «все бастующие должны будут отправиться к Таврическому дворцу и потребовать там от депутатов создания Правительства „народного спасения“, т. е. другими словами создать Государственный переворот». В конце доклада генерал С.С. Хабалов приходил к выводу, что «ныне следует считать неизбежными стачки 14 февраля и попытки устроить шествия к Таврическому дворцу, не останавливаясь даже перед столкновениями с полицией и войсками»[1683]. В действительности 14 февраля прошло в столице относительно спокойно, разрозненные группы рабочих

[1682] Буржуазия накануне февральской революции… С. 168.

[1683] ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. 1917. Д. 669а. Л. 38–38(об).

пытались как на окраинах, так и на Невском проспекте, а также в районе Думы устроить демонстрации, но их без труда разгоняли наряды полиции[1684].

Конспирологическое сознание, требовавшее интерпретации действительности в примитивных политтехнологических схемах, в которых создается понятный образ врага — либеральной общественности, Государственной думы, земских и городских союзов и пр. — привело власть к закономерному краху. Депутаты Думы были не меньше власти озадачены начавшимися 23 февраля беспорядками, первоначально толпы протестующих собирались на Невском у Казанского собора, и Таврический дворец вовсе не являлся центром притяжения революционных сил. Однако после того, как 25 февраля царь подписал указ об очередном перерыве сессии Государственной думы, Таврический дворец стал символом протеста. Власти сами подсказали революционным массам, где и как необходимо самоорганизовываться. Узнав о роспуске Думы, М.В. Родзянко телеграфировал императору, требуя отменить указ и сформировать «ответственное министерство», предупреждая, что роспуск Думы не остановит начавшуюся революцию, а лишь подстегнет манифестантов и приведет к крушению династии. Но власти никак не отреагировали на телеграмму, искренне веря, что роспуск Думы лишит революционизированные массы организационного центра и приведет к спаду протестной активности. В действительности произошло прямо противоположное.

Таким образом, вместо того, чтобы принять предложенную депутатами альтернативу революции — пойти на создание «ответственного министерства» и окончательно подтвердить за Государственной Думой парламентский статус, — власти и лично Николай II до последнего цеплялись за самодержавный статус императорской власти. Палеолог, описывая в январе 1917 г. теорию самодержавной самоидентификации и саморепрезентации императора, очень точно закончил: «Весь вопрос в том, сколько времени он в силу этой теории еще останется на троне»[1685]. Поздно ночью 1 марта Николай II уступил

[1684] Там же. Л. 46.

[1685] *Палеолог М.* Дневник посла… С. 694.

требованиям и все-таки согласился на ответственное министерство, однако к тому времени это решение уже устарело и на повестке стоял вопрос об отречении.

Образ Государственной думы как оппозиционного центра, окончательно утвердившийся в широких слоях населения после 1 ноября 1916 г., а также деятельность Временного комитета Государственной думы в условиях начавшейся февральской революции, наделяли в массовом сознании представителей российского парламента нехарактерной революционной активностью, а в воображении неискушенных в политике современников чуть ли не главным революционером представал М.В. Родзянко. В марте 1917 г. московское издательство Д. Хромова и М. Бахраха выпустило почтовую открытку «Вожди русской революции», на которой портреты А.Ф. Керенского, кн. Г.Е. Львова, А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова, В.Н. Львова и др. располагались вокруг центрального портрета М.В. Родзянко. На одном из плакатов, изображавших членов Временного правительства, во главе его красовался председатель Государственной думы (Приложение №3. Илл. 42).

Таким образом, по-разному понятый верховной властью, правительством и Государственной думой лозунг единения власти и общества летом 1914 г. закладывал основу для будущего конфликта. Тем не менее, вплоть до открытия четвертой сессии общественность лелеяла надежды на преодоление внутриполитических разногласий, чему способствовало создание Прогрессивного блока и внешнее сближение с Думой так называемой «группы Кривошеина» в Совете министров (при том что сам Кривошеин считал, что Дума выходит за отведенные ей рамки). Однако очередной роспуск парламента в сентябре 1915 г. и последующие отставки министров, готовых к сотрудничеству с депутатами, существенно изменили общественные настроения, подорвав веру в бесконфликтное преодоление внутриполитических противоречий. В 1916 г. по мере ухудшения общей хозяйственной ситуации в империи и разочарования в правительстве в народе формировался образ Думы как единственного оплота оппозиции. Открывшаяся 1 ноября пятая сессия подтвердила надежды

общественности и укрепила антидумские настроения власти, которая, переоценивая возможности этого органа, приписывала ему революционно-заговорщическую деятельность. В конечном счете необоснованные страхи власти перед парламентом привели к потере контроля за общественной ситуацией и спровоцировали социальный взрыв февраля 1917 г. В отношении власти к Думе прослеживаются признаки «самоисполняющегося пророчества»: приписав Государственной думе революционизирующую роль, власти повели наступление на полномочия российского парламента, провоцируя с его стороны все большую критику в свой адрес и, в конечном счете, действительно превратив Думу в один из организационных центров Февральской революции. Конфликт верховной власти и правительства, с одной стороны, и Думы, с другой, можно рассмотреть как столкновение двух форм патриотизма: традиционно-этатистского и гражданского.

***

Эпохи внешних вызовов проверяют на прочность национально-государственные основы стран, особенно империй, в которых исключительную важность имеет система политических символов, призванных сплотить разные народы, население различных хозяйственных регионов. Противоречия внутреннего разнообразия империй с политикой ее унификации под теми или иными символами особенно ярко проявляются в периоды кризисов. В Российской империи так и не было создано, несмотря на некоторые попытки, внятной идейной основы. Уваровская триада, с самого начала являвшаяся искусственной надстройкой, после Первой российской революции утратила всякие связи с реалиями. Революция 1905–1907 гг. оказалась испытанием для Русской Церкви, которое она не смогла пройти: вплоть до 1914 г. шел процесс активного расцерковления прихожан, переход из православия в другие религии. Кризис церкви затронул разные уровни: росло напряжение между светской (верховной и высшей) и духовной властью (Синодом), между духовенством

разных степеней иерархии, между приходскими священниками и их паствой. Первая мировая война лишь усилила имевшиеся противоречия, добавив новые факторы. Повышение налогов, реквизиции, в которых по долгу службы обязаны были принимать участие священники, не способствовали искоренению конфликтов с местным населением. По мере же нарастания усталости и раздражения от войны патриотическая пропаганда духовенства озлобляла и настраивала против себя людей как в тылу, так и на фронте. В народе усиливались эсхатологические настроения и развивались альтернативные формы народной религиозности. Православие, тем самым, переставало играть роль национального фундамента. Не лучше обстояло дело с самодержавным принципом. Объективные причины дискредитации Николая II в связи с началом мировой войны дополнились субъективными просчетами в стратегии репрезентации царской власти. Ставка на документальную фотографию и выстраивание образа народного, демократичного царя лишь подкрепляли уверенность крестьян в том, что царь «подмененный», «ненастоящий». Традиционное сознание плохо усваивало продукт индустриальной эпохи. В то же время противоречие политики Николая II заключалось в том, что визуальная демократическая стратегия репрезентации шла вразрез с его самоидентификацией в качестве самодержца и выстраиваемыми отношениями с правительством и Государственной думой. Патриотические настроения 1914 г. депутатами и либеральной общественностью наполнялись надеждами на преодоление разногласий верховной власти и общественных организаций, однако на практике роль Государственной думы на протяжении всей войны лишь снижалась, способствуя росту ее оппозиционности. В конечном счете сама власть начала приписывать Думе не свойственную для большинства ее депутатов революционность. Такие же значения приписывались Думе широкими слоями общества. Дума превращалась в символ политической консолидации, преодоления внутренних разногласий, однако власть продолжала видеть в ней угрозу своему самодержавному статусу. Но кризис политических символов выходил за институциональные рамки. Народ как героический символ дискредитировался

слухами и фактами негероического поведения солдат, офицеров, сестер милосердия. Пропаганда, делавшая ставку на демонизацию врага, не срабатывала, потому что в самом обществе обнаруживалась червоточина. В этих условиях война и поддерживающая ее власть (впрочем, как и представители либеральной и консервативной общественности), вызывали враждебное отношение со стороны народа.

ГЛАВА 5.
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Информационный кризис кануна революции: слухи как революционный фактор

В исторической науке проблема сочетания объективных и субъективных факторов остается одной из самых актуальных. Особенно это касается изучения таких явлений, как революции, ломающие социально-политические отношения. Очевидно, что чем грандиознее изменения, тем уместнее предположить наличие глубинных причин, предопределивших вызревание глобальных преобразований. Вместе с тем нередко толчком к ним оказываются случайные, непрогнозируемые, стихийные факторы. В российской революции 1917 г. роль случайного фактора сыграли слухи, спровоцировавшие февральские беспорядки. Стихийный характер слухов не отрицает объективного и закономерного характера революции: слух, запущенный в стабильной системе, не способен поколебать ее основ, в то время как в условиях кризиса, нарушения устойчивости и равновесия системы резко повышается значение случайных, стихийных процессов.

Понимание любой революции не может быть полным без учета явлений, которые относятся к сфере аффективного и эмоционального. В исследованиях В.П. Булдакова, Б.И. Колоницкого, М. Стейнберга, Я. Плампера и многих других авторов обращается внимание на эмоциональную подоплеку различных событий и процессов эпохи российской революции, выражавшуюся в аффективных действиях (погромах, самосудах), художественном творчестве,

политической лексике и народной молве[1686]. В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева указывают на методологические препятствия постижения природы революции, которая не поддается рациональной оценке социологизирующих авторов, пытающихся «хаос эмоций перевести на язык удобной для них „логики“»[1687]. Не случайно в связи с этим С.В. Леонов, описывая массовое сознание 1901–1917 гг., прибег к известной метафоре «разруха в головах» (употреблявшейся современниками задолго до М.А. Булгакова) — порой именно анализ рожденных в исследуемое время художественных метафор помогает определить специфику общественных настроений, в которых эмоциональное преобладало над рациональным[1688].

В современной историографии революции 1917 г. еще встречается недооценка отдельными исследователями значения стихийных процессов как следствия особенностей психологического состояния общества, что можно рассмотреть в качестве некоего наследия марксистско-позитивистского подхода, пытавшегося свести любую надстройку к единому «базису». В этом свете соблазн вызывает попытка объяснить революцию через «объективную»

[1686] См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; *Steinberg M.* Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca, 2002; *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass., 2002; *Плампер Я.* Страх в русской армии в 1878–1917 гг.: к истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России. Сборник статей. Челябинск, 2007. С. 453–460; *Стейнберг М.* Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сборник статей. М., 2010. С. 202–226; *Нарский И., Хмелевская Ю.* «Упоение» бунтом в русской революции (на примере разгрома винных складов в России в 1917 году) // Российская империя чувств… С. 259–281.

[1687] *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015. С. 697.

[1688] *Леонов С.В.* «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901–1917 гг.) // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003. С. 95–172.

экономическую сферу. На практике это приводит к вульгарно-экономическому детерминизму. Так, характерным примером тупика последнего стала дискуссия между Б.Н. Мироновым и С.А. Нефедовым. Первый, утверждая, что благосостояние населения России неуклонно повышалось (что иллюстрирует, в частности, увеличением среднего роста новобранцев), делает вывод об отсутствии объективных причин революции и предлагает конспирологические объяснения событий февраля 1917 г.[1689] Нефедов, отталкиваясь от неомальтузианского подхода, наоборот, утверждает, что планомерное ухудшение экономической ситуации спровоцировало в Петрограде в январе–феврале 1917 г. голод, который вызвал революцию. Пытаясь рассчитать потребление петроградцами хлеба (Нефедов пишет об ограничении отпуска муки в размере 35 тыс. пудов в сутки из городских запасов, при этом не учитывает, что речь шла о предоставлении муки на заимообразной основе продовольственной комиссии в дополнение к остававшимся запасам и ежедневно поступающим вагонам с мукой) автор приходит к выводу, что ситуация с продовольствием в январе–феврале 1917 г. в Петрограде соответствовала ситуации в январе–феврале 1942 г. в блокадном Ленинграде (sic!). При этом Нефедов допускает грубые ошибки при работе с письменными источниками: не подвергая источниковедческой критике донесения агентов охранного отделения и информацию из воспоминаний современников выдает некоторые слухи за факты. Так, в серии его «юбилейных» публикаций в качестве «фактов» приведены циркулировавшие слухи о том, что английское посольство разрабатывало для российских либералов инструкции по тому, как «делать» революцию, что одна из причин нехватки муки в Петрограде в том, что извозчики скормили ее лошадям, что в дни февральского восстания городовых привязывали к двум автомобилям и разрывали на части, что городовые с крыш домов, церквей и

[1689] См.: *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в. М., 2012.

колоколен стреляли из пулеметов по людям и пр.[1690] Действительно, некоторые слухи столетней давности были столь убедительны, повторялись то одним, то другим источником, что современный неискушенный исследователь может принять их за реальные события. Но это лишь подтверждает актуальность обсуждаемой темы, указывает на необходимость более глубокого исследования особенностей массовых настроений широких слоев населения в предреволюционное время.

Тем самым экономический детерминизм, присущий и Миронову, и Нефедову, приводит их к одинаково неверным и крайне односторонним представлениям о природе российской революции. Вместе с тем современная экономическая наука позволяет дополнить «объективные» процессы «субъективными» факторами. В 2002 г. была присуждена Нобелевская премия Даниэлю Канеману за развитие такой отрасли, как психологическая экономика, акцентирующая внимание на индивидуальных когнитивных процессах в экономической сфере. Современные экономисты давно уже признали роль так называемых неэкономических факторов производства, обращают внимание на значение массовых настроений в экономике (например, инфляционных ожиданий и т.д.). Историки, всерьез изучающие экономическую историю, также отказываются от монофакторного подхода[1691]. Ю.А. Петров, Л.И. Бородкин признают человеческое измерение экономики, обращают внимание на то, что в распределении материальных благ важны не только цифровые показатели, но

[1690] Следует заметить, что миф о «протопоповских пулеметах» прочно засел в советской историографии, несмотря на его развенчание сначала в работах С.П. Мельгунова, а затем А.Л. Сидорова, П.В. Волобуева. Однако С.А. Нефедов не владеет историографией вопроса, отсюда — повторение ошибок. Из современных работ на эту тему см.: *Румянцев А.Г.* «Полицейские пулеметы» в Феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. СПб., 2015. С. 38–54.

[1691] См., например: *Петров Ю.А.* Великая российская революция: проблемы исторической памяти // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. №1. Т. 8. С. 6-9.

и ожидания самих людей[1692]. В этом контексте истинный размер потребления хлеба в феврале 1917 г. не так важен, как представления населения о справедливом распределении, ощущение ими тенденций к ухудшению или улучшению ситуации. В источниках личного происхождения за январь и февраль 1917 г. часто встречается слово «голод», однако очевидно, что до настоящего голода 1919–1921 гг. петроградцам и москвичам тогда было очень далеко, но страх приближающегося голода делал свое дело, провоцировал панические настроения, а те в свою очередь порождали слухи, становившиеся стимулами к действиям.

Очевидно, что для понимания такого сложного, многопланового явления, как революция, необходим многофакторный подход, который позволит соотнести «объективные» макроисторические процессы с явлениями микроисторического, субъективного уровня, связать закономерное и случайное, организованное и стихийное. Перспективы синергетического подхода в исследовании российской революции подчеркивает Л.И. Бородкин, обращая внимание, что «в рамках синергетической концепции при наличии нескольких возможных вариантов развития выбор между ними в „моменты роковые“ (в точках бифуркации) может происходить в силу „незначительных событий“ и даже случайностей»[1693]. Тем самым проясняется роль слухов в точках бифуркации, когда случайное и малозначительное становится движителем глобальных процессов.

Синергетика, изучающая самоорганизацию динамических систем, помогает обнаружить закономерности случайного, объяснить те или иные парадоксы революции как частного (например, почему «голодные» обыватели, ворвавшись в булочные, уничтожали хлеб, разбрасывая его по полу, или почему

[1692] *Петров Ю.А.* Великая российская революция 1917 года: уроки истории // Научные труды Вольного Экономического общества России. 2017. Т. 204. № 2. С. 181-191; *Бородкин Л.И.* Вызовы нестабильности: концепции синергетики в изучении исторического развития России // Уральский исторический вестник. № 2 (63). 2019. С. 127-136.

[1693] *Бородкин Л.И.* Вызовы нестабильности... С. 130.

революция началась не 9 января или 14 февраля — в дни, когда ожидались рабочие беспорядки, — а в ничем не примечательный день женщины-работницы и т. д.), так и общего свойства (как большевики, аутсайдеры политической борьбы, смогли захватить власть). Ответить на эти вопросы без изучения человеческого фактора и исследования массовой психологии общества не представляется возможным.

Изучение пространства слухов кануна революции осложняется тем, что слухами были переполнены как обывательские представления о власти, так и сама власть: вырабатывая политические стратегии, она нередко руководствовалась слухами. Еще в начале 1915 г. товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский отмечал, что даже Совет министров зачастую действовал, основываясь на непроверенных слухах[1694]. По мере приближения к 1917 г. ситуация лишь ухудшалась. Формирование искаженных взаимных представлений усугубляло социально-психологическое состояние российского общества, нагнетало атмосферу враждебности, предопределяя распространение различных форм насилия в февральско-мартовские дни.

Значительный вес слухов в политической жизни конца 1916-го — начала 1917 г. констатировался как рядовыми обывателями, так и сотрудниками полиции. Александр Вертинский вспоминал зиму 1916/1917 гг.: «Трон шатался... Поддерживать его было некому. По стране ходили чудовищные слухи о похождениях Распутина, об измене генералов, занимавших командные должности, о гибели безоружных, полуголых солдат, о поставках гнилого товара армии, о взятках интендантов»[1695]. Важно отметить, что слухи из способа передачи информации трансформировались в сам предмет разговоров, вследствие чего возникали слухи о слухах. Причем в городах обсуждали слухи, распространяемые в деревнях, и наоборот, но особое значение приобретало устное

[1694] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т.2. С. 482 — 483.

[1695] *Вертинский А.Н.* Дорогой длинною... Стихи и песни. Рассказы, зарисовки, размышления. Письма. М., 1990. С. 91.

информационное пространство Петрограда[1696]. Внимание населения было приковано к столице и к тому, что в ней происходит, поэтому любые сведения, поступавшие из Петрограда, казались важными. Слух превращался в самостоятельный феномен предреволюционной ситуации, захватывая сознание представителей совершенно разных слоев населения, как образованных, так и нет, вхожих в политические круги и рядовых обывателей. В ноябре–декабре 1916 г. тема приближавшейся революции была одной из главных в личной переписке, и даже в провинциальной периодической печати появлялись фразы, что новый 1917 г. неминуемо приведет к «серьезному ремонту корабля»[1697]. 1 января 1917 г. «Саратовский листок» подводил неутешительный итог внутренней политики: «Государственная власть оказалась не объединенной, действующей в противоречии с народным представительством, заботящейся лишь о сохранении „престижа“, бессильной против надвигавшейся в тылу опасности»[1698].

Более определенно современники высказывались о политическом моменте в своих дневниках: о революции писал и московский обыватель Н.П. Окунев: «Словом, настроение безнадежное — видно, все осознали, что плеть обухом не перешибешь. Как было, так и будет. Должно быть, без народного вмешательства, т. е. без революции, у нас обновления не будет»,[1699] — и молодая княгиня Екатерина Сайн-Витгенштейн, посетившая Петроград: «Все так гадко, серо, неприглядно, что чем больше думаешь, тем хуже становится на сердце… Наверное это все разрешится в ближайшем будущем, и разрешится, конечно, катастрофой»[1700]. Подобные настроения усугублялись распространявшимися по городам слухами о готовившихся в верхах заговорах. Е.А. Нарышкина была уверена, что заговор против императрицы плетет

[1696] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 17.

[1697] Старый Владимирец. 1917. 3 января.

[1698] Саратовский листок. 1917. 1 января.

[1699] *Окунев Н.П.* Дневник москвича (1917–1924). Париж, 1990. С. 11

[1700] *Сайн-Витгенштейн Е.Н.* Дневник. Париж, 1986. С. 77.

морганатическая жена вел. кн. Михаила Александровича Н.С. Брасова, желая сделать своего мужа императором, доказательством чего считала встречи Брасовой с великими князьями в ее театральной ложе[1701]. Впрочем, появлялись и более тревожные слухи о покушениях на жизнь царя и царицы. М.П. Чубинский записал в дневнике в первых числах января: «По городу ходят вздорные слухи: одни говорят о покушении на государя, другие о ранении государыни Александры Федоровны. Утверждают (и это очень характерно), будто вся почти дворцовая прислуга ненавидит государя и охотно вспоминает истории с сербской королевой Драгой»[1702]. Записи Чубинского подтверждаются перлюстрированной корреспонденцией, согласно которой в январе по Петрограду прошла молва, что в Царскосельском парке в императрицу стрелял, но промахнулся, некий князь Оболенский, за что он и участвовавшие вместе с ним в заговоре офицеры были тут же повешены[1703]. Если учесть, что слухи отражают общественные настроения и подсознательные желания реализации определенных сценариев, то оказывается, что от царской семьи отвернулись все слои общества.

Петроградское Охранное отделение также отмечало, что слухи создают нервозную обстановку, напоминающую канун 1905 г. 5 января 1917 г. начальник петроградской охранки генерал-майор К.И. Глобачев писал командующему Петроградским военным округом генерал-лейтенанту С.С. Хабалову: «Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Циркулируют в обществе самые дикие слухи, одинаково, как о намерениях Правительственной Власти (в смысле принятия различного рода реакционных мер), так равно и о предположениях враждебных этой власти групп и слоев населения (в смысле возможных и вероятных революционных начинаний и эксцессов)… Настоящий политический момент в сильнейшей степени напоминает собою

[1701] *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания… С. 401.

[1702] *Чубинский М.П.* Год революции (1917) (из дневника) // 1917 год в судьбах России и мира. М., 1997. С. 233.

[1703] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 101.

обстановку событий, предшествовавших революционным эксцессам 1905 года»[1704]. По донесениям агентов охранки можно судить о том, что напуганы разнообразными слухами были и рядовые обыватели, и сама власть, ожидавшие насилие со стороны друг друга. Слухи предсказывали развитие самых трагических сценариев. В докладе Охранного отделения сообщалось, что в январе в обществе ожидаются «неизбежные проявления красного и белого террора»[1705]. Дж. Бьюкенен вспоминал, что в начале 1917 г. в обществе открыто обсуждалось, сверху или снизу будет нанесен первый удар[1706].

А. Ахматова вспоминала, что в ее окружении революция была «назначена» на 20 января 1917 г., и кто-то уже начинал ее заблаговременно праздновать: «В этот день я обедала у Альтмана. Он подарил мне свой рисунок и надписал: „В день Русской Революции“»[1707]. Впрочем, речь скорее всего шла не о народной революции, а о переменах в кабинете: замене кн. Н.Д. Голицына А.А. Бобринским, с чем связывали курс на либерализацию внутренней политики, налаживание диалога власти с обществом.

Изменение общей психологической атмосферы фиксировалось в дневниках современников, опасность представляло то, что слух, вызывая с течением времени все большую эмоциональную реакцию, превращался в двигательный импульс. В октябре 1916 г. Департамент полиции давал оценку текущей забастовке в столице, отмечая стихийно-эмоциональный характер рабочего движения, совпавшего с общей «нервозностью»[1708]. В начале 1917 г. в Полтавской губернии ожидали, что слухи станут причиной «действий»[1709]. Слухи формировали нервную атмосферу, поэтому не удивительно, что на абсурдные слухи

[1704] ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669а. Л. 2.

[1705] Там же. Л. 3.

[1706] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата… С. 192.

[1707] *Ахматова А.* Малое собрание сочинений. СПб., 2012. С. 431-432.

[1708] Буржуазия накануне февральской революции... С. 136.

[1709] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 48.

подчас следовали не менее абсурдные реакции современников, «легитимировавшие» первые.

Можно отметить несколько причин возрастания роли слухов в информационном пространстве. Первые связаны с ошибочными стратегиями властей, в частности, с усилением цензуры, что заставляло обывателей искать альтернативный источник информации, другие — с неспособностью властей поддерживать снабжение населения товарами первой необходимости на должном уровне, что провоцировало разговоры о злонамеренности тех или иных представителей администрации, третьи — с демографическими процессами, проникновением в города крестьянской психологии и устной культуры.

Современники отмечали, что именно деревенские слухи были самыми фантастическими. Так, если накануне революции одним из самых актуальных слухов о войне в городах был слух о намерениях «темных сил» заключить сепаратный мир с Германией, то в деревнях говорили, что «воюют потому, что хотят опять сделать крестьян крепостными»[1710]. Показательно, что этот слух повторился в Одессе в марте 1917 г.: когда стало известно об образовании Временного правительства, крестьяне решили, что первым мероприятием революционной власти станет восстановление крепостного права[1711].

Шпиономания, естественная спутница войны и порожденных ею страхов, провоцировалась военными властями, пытавшимися неудачи на фронте объяснить деятельностью шпионов и предателей. Однако официальная пропаганда, пропускавшая в печать информацию определенного рода, блокировала сведения, которые могли бы бросить тень на представителей власти. Газеты выходили с белыми полосами, и обывателям оставалось лишь гадать, что именно там могло быть напечатано. «Белые места в газетах — хуже прокламаций», — делились современники своими впечатлениями[1712]. Цензура подстегивала народную фантазию, которая все чаще своим объектом начинала

[1710] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1461.

[1711] Одесский листок. 1917. 4 марта.

[1712] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1409.

выбирать верховную власть. Когда собственной фантазии не хватало — обращались к альтернативному источнику информации, т. е. к слухам. 27 декабря 1916 г. один обыватель писал в Москву из Екатеринослава: «Если бы газеты сообщали правду, т. е. если бы они знали правду, быть может и не было бы такой массы всякого рода иногда самых невероятных слухов»[1713]. За несколько дней до начавшейся революции учитель географии коммерческого училища И.Н. Жуков писал из Петрограда: «Общественная жизнь полна всяких слухов, толков и зигзагов. Так как цензура наложила на печать свою тяжелую лапу, то петроградцам ничего не остается делать, как питаться сплетнями, из которых девять десятых совершенно неправдоподобны. Общественное настроение нервное и действительно напоминает канун 1905 года»[1714].

Даже в Охранном отделении обратили внимание, что несоответствие напечатанных официальных сведений тому, о чем говорят в стране, еще сильнее настраивает обывателей против властей, становится раздражающим фактором. В петроградском губернском жандармском управлении признавались ошибки цензурной политики. Еще в сводке за октябрь 1916 г. отмечалось: «Все без исключения выражают определенную уверенность в том, что „мы накануне крупных событий“, в сравнении с коими „1905 г. — игрушка“, что „система правительства держать обывателя в неведении потерпела полный крах: обыватель пробудился и, вместо ожидаемого «ура», кричит «караул», и т. п.“»[1715]. При этом новый директор Департамента полиции А.Т. Васильев справедливо полагал, что хотя революционное движение организовано плохо, его силы распылены, беспорядки могут развиваться стихийно, во многом благодаря царившей в обществе нервозности[1716].

Вместе с тем цензурная политика давала сбои. В конце января 1917 г. петроградская охранка жаловалась на цензоров, пропускавших «пасквили»

[1713] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1067. Л. 1796.

[1714] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 49.

[1715] Буржуазия накануне... С. 129.

[1716] Там же. С. 136–138.

А. Амфитеатрова, — в частности, в газете «Речь» от 23 января 1917 г. упоминание приема у А.Д. Протопопова заканчивалось словами, что «во время обеда играл хор балалаечников жандармского дивизиона»[1717]. 22 января 1917 г. в «Русской воле» А. Амфитеатров опубликовал заметку, начинавшуюся словами: «„Рысистая езда шагом“, или трусцой — есть ледяное, непоколебимое общественное настроение… И, ох, чтобы его, милое, пошевелить или сбить, адская твердость нужна, едва ли завтра явится предсказуемая!..»[1718] Заведующий почтово-телеграфным отделением В.А. Козлов разгадал задумку писателя, зашифровавшего в качестве акростиха следующее послание: «Решительно ни о чем писать нельзя. Предварительная цензура безобразничает чудовищно. Положение плачевнее, нежели тридцать лет назад. Мне недавно зачеркнули анекдот, коим я начинал свою карьеру фельетониста. Марают даже басни Крылова. Куда еще дальше идти? Извиняюсь, читатели, что с седою головой приходится прибегать к подобному средству общения с вами. Но что поделаешь! Узник в тюрьме пишет, где и чем может, не заботясь об орфографии. Протопопов заковал нашу печать в колодки и более усердного холопа реакция еще не создавала. Страшно и подумать, куда он ведет страну. Его власть — безумная провокация революционного урагана»[1719]. Филолог Л.В. Успенский, бывший в то время семнадцатилетним гимназистом, вспоминал, в какой восторг он пришел, когда на уроке разгадал акростих Амфитеатрова, и какое возбуждение этот акростих вызвал среди его одноклассников[1720]. Однако предварительная цензура пропустила публикацию. Впрочем, некоторые цензоры, по всей видимости, сознательно закрывали глаза на отдельные материалы: так, после убийства Распутина официальная «Летопись войны» опубликовала портрет В.М. Пуришкевича с подписью «герой», а в журнале «Столица и усадьбы» появилась фотография дворца Юсуповых с подписью,

[1717] Буржуазия накануне... С. 168.

[1718] Русская воля. 1917. 22 января.

[1719] РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.1165. Л.217.

[1720] См.: *Успенский Л.* Записки старого петербуржца. Л., 1970.

что в нем живет очень меткий стрелок. Тем не менее в большинстве случаев цензоры выполняли свою работу: газеты выходили с белыми полосами вымаранных столбцов, на журнальных иллюстрациях появлялись черные квадраты, скрывавшие часть изображения.

Вероятно, убийство Распутина 17 декабря 1916 г. стало определенным психологическим рубежом как для власти, так и для общества, породив череду слухов и сплетен, страхов и надежд. Власть и общество ждали друг от друга следующих шагов. В записке охранного отделения об общественных настроениях указывалось на вероятность развязывания «красного и белого террора»: «Возможность „возобновления красного террора в ответ на белый“ не подлежит никакому сомнению, тем более что в действующей армии, согласно повторных и все усиливающихся слухов, террор широко развит в применении к нелюбимым начальникам, как солдатам, так и офицерам… Поэтому слухи о том, что за убийством Распутина — „этой первой ласточкой террора“ — начнутся другие „акты“, — заслуживают самого глубокого внимания»[1721]. Когда в феврале 1917 г. царские дети и Анна Вырубова заболели корью, появился слух, что «корь не нечаянно попала во дворец», это была попытка их отравления[1722]. Этот слух обнаруживает родство со слухами о том, что немецкие шпионы отравляют холерными вибрионами питьевые колодца.

Стратегически неправильную позицию власти заняли относительно Государственной думы. Отсрочки заседаний порождали слухи о ее окончательном роспуске, а самих депутатов наделяли революционным ореолом. Департамент полиции сообщал в январе 1917 г., что отсрочка открытия сессии накаляет обстановку в Петрограде и становится главной темой слухов[1723]. В 1917 г. Охранное отделение и Департамент полиции так же, как и все общество, находились под властью слухов, которые передавались по агентурной линии. Начальник Петроградского охранного отделения Глобачев сообщал Хабалову,

[1721] Буржуазия накануне… С. 173.

[1722] Дневники, воспоминания, письма… С. 253.

[1723] Там же. С. 170.

ссылаясь на слухи: «Передают, как слух, о том, что накануне минувших Рождественских праздников или в первые дни таковых состоялись якобы какие-то законспирированные совещания представителей левого крыла Государственного Совета и Государственной Думы»[1724]. В условиях роста социально-политической напряженности власти искали источник протестной активности и находили его в Государственной думе. Рядовые обыватели, наоборот, смотрели на Думу как на последнее спасение. В январе 1917 г. общественность обсуждала слухи о предстоящей дуэли Протопопова и Родзянко, усматривая в ней столкновение державно-государственной и общественной стратегий[1725].

Слухи о секретных совещаниях депутатов, вместе с информацией о деятельности рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета, приводят к версии об их тесной связи. Накануне ареста рабочей группы 26 января Глобачев передает информацию, полученную от агентов, что рабочей группой ЦВПК управляют Родзянко и Милюков (sic!), которые с ее помощью пытаются организовать 14 февраля, в день открытия Думы, шествие к Таврическому дворцу, во время которого народ должен потребовать от Думы создать Временное правительство, или «правительство спасения»[1726]. А.И. Гучков же в этом донесении, как сторонник «военного переворота», предстает как не имеющий отношения к действиям «рабочей группы». В докладе сообщалось, что Гучков с князем Львовым считают «мечты о захвате власти при содействии демонстративно выступивших масс населения неосуществимыми», поэтому они разработали план, основанный на «уверенности в неизбежности „в самом ближайшем будущем“ дворцового переворота, поддержанного всего-навсего лишь одним-двумя сочувствующими этому перевороту воинскими частями»[1727]. Эти же слухи приводил в своем докладе и градоначальник А.П. Балк. На основе абсурдных сведений о влиянии Милюкова и Родзянко на

[1724] ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669а. Л. 2.

[1725] Одесский листок. 1917. 4 января.

[1726] ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669а. Л. 12–13.

[1727] Там же. Л. 14.

рабочую группу 27 января она была арестована. Агенты охранки удовлетворенно сообщали, что арест рабочей группы стал неожиданным и успешным ударом по боевой общественности, при этом сам Гучков, действительно, был обескуражен ее арестом, однако не потому, что возлагал на рабочую группу какие-то революционные надежды, а потому, что считал ее средством предотвращения стихийного бунта в рабочей среде, способного привести к анархии[1728]. 8 февраля под председательством петроградского градоначальника генерал-майора А.П. Балка состоялось совещание по выработке дальнейших мер по сохранению порядка в столице 10–14 февраля. Балк обосновал необходимость усилить охрану в городе, также ссылаясь на «циркулирующие слухи»[1729]. Таким образом, в январе–феврале 1917 г. слухи стали значимым стимулом действий властей, реализуя функцию упомянутого «самоисполняющегося пророчества». Напуганные предчувствиями грядущей революции власти, поверив слухам о заговорах в Государственной думе, ЦВПК, бросили силы на «предотвращение» революции, чем только ускорили ее приближение.

К слову, не меньше властей был обеспокоен слухами о рабочих беспорядках 14 февраля председатель Думы М.В. Родзянко, который накануне открытия парламентской сессии выпустил обращение к петроградским рабочим, заявив, что считает выступления крайне вредными и играющими на руку немцам[1730]. Весьма любопытно появление в Петрограде слуха о том, что накануне 14 февраля П.Н. Милюков ходил по заводам и раздавал рабочим оружие, призывая устроить шествие к Таврическому дворцу. П.Н. Милюкову пришлось даже давать опровержение в кадетской «Речи», при этом депутат не сомневался в том, что какой-то провокатор действительно выступал от его имени[1731]. Музыковед и критик Н.Ф. Финдейзен считал, что роль Милюкова сыграл ряженый полицейский, командированный А.Д. Протопоповым с целью

[1728] Там же. Л. 17–19.

[1729] ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 190.

[1730] Вечернее время. 1917. 13 февраля.

[1731] Речь. 1917. 10 февраля.

организации провокации, доказывая это тем, что Лжемилюков находился под охраной полиции и потому не был задержан[1732]. Некоторые современники были уверены в том, что полицейские и агенты охранки по личной инициативе распускали слухи, пытаясь сгустить краски и представить ситуацию с рабочими более опасной, чем она была на самом деле, в корыстных интересах (в частности, чтобы не быть отправленными на фронт за ненадобностью в тылу или же с целью отличиться перед начальством). Чем только подливали масла в огонь.

Несмотря на арест рабочей группы, а также на агитацию большевиков против демонстраций, 14 февраля в разных частях Петрограда состоялись рабочие сходки, что говорит о переоцененности агентами Охранного отделения роли рабочей группы в связи с массовыми слухами о готовящихся беспорядках. Кроме того, ликвидация рабочей группы затрудняла дальнейшее разрешение конфликтов рабочих с заводской администрацией, что косвенно отразилось на объявленном 22 февраля 1917 г. локауте на Путиловском заводе, вследствие которого 36 тысяч рабочих оказалось на улице. Как следует из запроса, подготовленного 23 февраля Государственной думой, забастовка рабочих лафетно-штамповочной мастерской Путиловского завода началась неожиданно для основной массы рабочих-путиловцев, причем ей предшествовал распространившийся «слух о возможном сокращении производства и частично[м] расчет[е] рабочих в связи с недостатком топлива и сырья»[1733]. Слух об отсутствии в Петрограде хлеба вывел на улицы города и женщин-работниц Выборгского района 23 февраля. Следует заметить, что начавшиеся в этот день беспорядки нельзя рассматривать исключительно как хлебные, социал-демократки и ранее стремились включить День женщины-работницы в традицию протестного движения. Так, работницы завода «Айваз», меньшевички М.Б. Терликова и Михайлова, пытались организовать 23 февраля 1916 г. забастовку на предприятии, распространив воззвание, призывавшее к борьбе за

[1732] *Финдейзен Н.Ф.* Дневники. 1915-1920. СПб., 2016. С. 180.

[1733] Стенографический отчет. Государственная дума... Стб. 1638–1661.

социализм и немедленное прекращение войны[1734]. Однако день 23 февраля не успел приобрести такое же значение, как 9 января, поэтому выпадение на это число начала революции в известном смысле следует признать случайным.

Слухи не только подталкивали рабочих к протестам — они формировали искаженную картину в представлении столичной полиции, приводя к не менее драматичным ошибкам. Показательно, что распространителями слухов невольно оказывались тайные агенты охранки.

В Охранном отделении признавали низкое качество агентурных сведений. Связывали это, как правило, с материальными трудностями, заставлявшими агентов больше времени уделять поискам дополнительного заработка. Заведующий наружным наблюдением петроградской охранки сообщал 18 февраля 1917 г.: «Возрастающие почти с каждым днем цены не только на предметы первой необходимости, но и на питательные продукты, поставили всех филеров… буквально в безвыходное положение… Всегдашняя мысль о добыче насущного хлеба для семьи и плохое состояние здоровья окончательно подрывают в филере способность к продуктивной работе»[1735]. Минимальное жалованье филера в Петрограде в феврале 1917 г. составляло 40 рублей в месяц, что было чуть выше среднего заработка рабочего. Поэтому некоторые агенты охранки начинали сочувственно относиться к рабочим требованиям. Однако случалось и обратное: желая получить большее вознаграждение, филеры накручивали свои донесения сенсационными сведениями, разоблачающими общественные организации. За полезную информацию филеры получали разовые денежные вознаграждения. Так, за сведения, предоставляемые дважды в неделю, осведомители получали в месяц несколько десятков рублей[1736]. Наиболее ценные сотрудники получали до 1000 рублей в месяц, что было вдвое выше генеральского жалованья. Иногда вместо денег получали вознаграждение вещами. Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов

[1734] ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 17. Д. 213. Л. 176.

[1735] ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669а. Л. 235(об).

[1736] *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 194.

А.И. Спиридович вспоминал, как в Киеве один рабочий-бундовец за резиновые калоши сдал всех своих товарищей[1737]. Он также указывал на то, что идейных сотрудников охранки было немного, но даже они, работая в среде революционеров, устанавливая с последними личные отношения, рано или поздно переживали кризис, во время которого появлялось желание отомстить Охранному отделению за свое предательство, падение. Самой мягкой формой мести была дезинформация. Все указанные особенности филерской работы приводили к формированию у представителей власти неадекватных представлений о реальной политической ситуации в столице.

Впрочем, представления обывателей, также настоянные на слухах, отличались не большей достоверностью. В обществе были распространены разговоры о том, что министр внутренних дел А.Д. Протопопов готовит провокации и с этой целью расставил на крышах домов, колокольнях, пожарных каланчах пулеметы. Среди бытовых слухов горожан выделялись те, которые объясняли нехватку продуктов, главным образом хлеба. В качестве причин называли спекуляцию, неумение властей организовать доставку хлебных грузов, вследствие чего мука сгнивала на железнодорожных станциях, ожидая отправки, обвиняли даже извозчиков, которые якобы в условиях роста цен на овес скупали хлеб и скармливали его лошадям. Однако и в продовольственной теме было место для политики: быстро распространился слух о том, что нехватка хлеба — это и есть задуманная Протопоповым провокация: якобы министр лично распорядился запретить продавать хлеб населению, чтобы спровоцировать голодный бунт и затем жестоко его подавить. По другой версии, министр внутренних дел запретил подвозить в Петроград хлеб с тем, чтобы склонить население к заключению сепаратного мира, полагая, что сытый народ на это не пойдет[1738]. Впоследствии, когда революция уже свершилась, в городской смеховой культуре — анекдотах, карикатурах — данный сюжет неоднократно обыгрывался. Протопопову приписывали слова, что он сознательно

[1737] Там же. С. 195.

[1738] ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 669. Л. 25(об).

приближал революцию своими действиями. Появлялись даже шуточные проекты памятника главным «революционерам» — Распутину и Протопопову. Были и рациональные объяснения продовольственной проблемы, связывавшейся с банальной рассогласованностью действий властей: «В то время когда в Сибири гниют 4 миллиона пудов мяса, в черноземных губерниях гниют миллионы пуд. ржи и пшеницы, а в самой Москве в Виндавском вокзале сгнили два миллиона яиц, народ Первопрестольной нуждается в корке даже черствого хлеба. Министерство внутренних дел идет против Министерства земледелия; последнее против первого, и оба министерства — против общественных организаций городов и земств»[1739]. Слухи о продовольственном мародерстве и спекуляциях уже приводили за годы Первой мировой войны к массовым погромам в Одессе, Москве, Астрахани, во время которых власти оказывались бессильными, и города переходили во власть толп. В феврале 1917 г. настала очередь Петрограда.

Так или иначе, но обыватели бросились скупать хлеб про запас, и ситуация с ним еще более усугубилась. Один из агентов донес содержание разговора лавочника с покупательницей. Хозяин мелочной лавки спрашивал: «И во что вы жрете? Раньше хлеба пекли на три дня и всегда оставалось, теперь пеку два раза в день и никогда не хватает до вечера… А ведь мужики взяты на войну… Кто же это столько стал жрать?»[1740] Начальник петроградского военного округа в докладе отмечал, что увеличение потребления хлеба связано с тем, что в условиях роста цен на колбасу и яйца бедные слои населения стали заменять их хлебом[1741].

Официальная пресса пыталась сдержать рост панических настроений. «Ведомости петроградского градоначальства» поместили на первую полосу обращение Хабалова, объяснявшего нехватку хлеба в некоторых лавках тем, что «многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас на сухари»: «В

[1739] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 29.

[1740] ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. 1917. Д. 669а. Л. 25а(об).

[1741] Там же.

последние дни отпуск муки в пекарни и выпечка хлеба в Петрограде производятся в том же количестве, как и прежде. Недостатка хлеба в продаже не должно быть. Если же в некоторых лавках хлеба иным не хватало, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас на сухари. Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве и подвоз этой муки идет непрерывно»[1742]. Однако информационный кризис окончательно подорвал доверие общества к любым официальным заявлениям. К тому же с января распространялись слухи о введении карточек на хлеб (на заседании Петроградской Городской думы 13 февраля было решено «поручить городской Управе немедленно ввести карточную систему на хлеб»[1743]), которые власти предпочитали не комментировать отчасти потому, что до тех пор официальная пропаганда неизбежность поражения Германии в войне из-за голода объясняла наличием карточной системы. Тема хлебных карточек обсуждалась в печати, при этом отмечалось, что сами по себе карточки на хлеб ничего не решат, так как нужно будет обеспечить их правильное распределение, исключить злоупотребления[1744]. В качестве примера приводились действующие карточки на сахар. В связи с темой хлебных карточек вставал вопрос о питании домашних животных, которые в условиях вздорожания мяса были переведены своими хозяевами на хлебный рацион. «Вечернее время» писало, что необходимо ввести хлебные карточки и для собак. В конце концов распространились слухи, что выдача хлеба будет ограничена фунтом для взрослых, и половиной фунта для детей. Это привело к новой волне паники.

В некоторых петроградских «хвостах» заговорили о том, что правительство вообще собирается на несколько дней прекратить продажу хлеба, чтобы сосчитать оставшиеся в городе запасы[1745]. В действительности произвели ревизию шести пекарен на Выборгской стороне. Был сделан вывод, что в

[1742] Ведомости Петроградского Градоначальства. 1917. 25 февраля. С. 1.

[1743] Известия Петроградской городской думы. 1917. № 3–4. С. 171.

[1744] Биржевые ведомости. Вечерний выпуск 1917. 11 февраля.

[1745] *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994. С. 221.

среднем запасов муки в них, без учета хранящейся на складах, должно хватить на 11 дней[1746]. Петроградский градоначальник генерал А.П. Балк по результатам проверки запасов хлеба в столице сообщил директору Департамента полиции, что продовольствия в городе хватит на 22 дня; командующий войсками Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов, определяя имевшиеся запасы в 500 000 пудов и исходя из среднего потребления муки в 40 000 пудов в день, называл чуть более скромные сроки — 10–12 дней[1747]. Близкое расчетам Хабалова количество дней указывал впоследствии генерал Ю.Н. Данилов, вспоминавший, что на 25 февраля Петроград был обеспечен хлебом на полторы–две недели[1748]. При этом подвоз муки в столицу хоть с перебоями, но продолжался. Согласно данным петроградской городской управы за февраль, среднесуточный подвоз пшеничной и ржаной муки составлял около 35 тыс. пудов (при доминировании пшеничной)[1749]. И хотя это было чуть меньше средней нормы суточного потребления, учитывая имеющиеся в городе запасы, говорить о критической ситуации с мукой не правомерно.

Депутация от петроградских пекарен, явившаяся к Хабалову с жалобой, что в народе зреет уверенность, будто пекарни прячут муку, объясняла нехватку хлеба отсутствием необходимого числа пекарей для его выпечки[1750]. Отчасти объяснение перебоев с продажей хлеба ввиду отсутствия пекарей подтверждается тем, что некоторые обыватели в январе–феврале 1917 г. приступили к самостоятельной выпечке хлеба, что говорит о дефиците в лавках именно хлеба, но не муки[1751]. Однако в условиях недоверия к официальным

[1746] Одесский листок. 1917. 28 февраля.

[1747] *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М., 1992; Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Л., 1924. Т. 1. С. 186.

[1748] *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению. М., 1992. С. 183.

[1749] Подсчитано по: Еженедельник статистического отделения Петроградской городской управы. 1917. Февраль.

[1750] Падение царского режима... Л., 1924. Т. 1. С. 185.

[1751] *Ростковский Ф.Я.* Дневник для записывания… М., 2001. С. 72.

источникам информации сдержать стихийно распространявшиеся слухи о критической нехватке муки и хлеба в столице не удавалось. 5 февраля Хабалов дал точный прогноз развития дальнейших событий: «Если население еще не устраивает „голодные бунты“, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом близком будущем: озлобление растет и конца его росту не видать… А что подобного рода стихийные выступления голодных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех — анархической революции, — сомневаться не приходится»[1752].

11 февраля Уполномоченный по продовольственной части Петрограда В.К. Вейс отметил, что продовольственная ситуация в Петрограде лучше, чем в Москве. Удалось увеличить отпуск вагонов с мукой с 35 до 40 в день. При этом нормальная потребность Петрограда в муке — 100 вагонов в день. Из-за ограниченности запасов муки у уполномоченного часть муки заимствуется со складов городской продовольственной комиссии. Единственный выход, по мнению уполномоченного по продовольственной части, в том, чтобы усилить хлебопечение на городской хлебопекарне и снабжать население городским хлебом. Вейс отметил, что при строгой экономии Петроград обеспечен продуктами на месяц[1753].

Сами хлебопеки наблюдали явление, как человек, купив в одной лавке хлеб, тут же становился в очередь к другой. «Хвосты» в данной ситуации очень быстро росли, возбуждая беспокойство у другой части публики. Тем не менее печать 16 февраля отметила, что хлебные «хвосты» в городе пропали. Пытаясь объяснить это явление, корреспондент «Биржевых ведомостей» предположил, что ажиотажный спрос на хлеб был вызван слухами о возможном начале революции 14 февраля. Обыватели боялись, что во время беспорядков они останутся без хлеба и потому запасались им впрок. Когда же увидели, что

[1752] ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. 1917. Д. 669а. Л. 33.

[1753] Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1917. 11 февраля.

опасность миновала, — вернулись к обычному потреблению[1754]. По свидетельствам, накануне 14 февраля хлеб брали по 10 фунтов на человека, причем некоторые приходили в магазины по несколько раз. Предсказывалось наступление настоящего голода, поэтому испуганные хозяйки бросились делать запасы черного хлеба. Выяснилось, что некоторые из них ухитрились запасти до 4–5 пудов хлеба.

18 февраля появилась информация о введении хлебных карточек в Москве. В качестве нормы указывалось не более фунта на человека. Это вызвало новую волну скупки хлеба. В «Русских ведомостях» в статье «Развитие паники» отмечалось: «Откуда причина такой паники — сказать трудно, это нечто стихийное. Но во всяком случае в эти дни для нее не было оснований, ибо в Петрограде все-таки имеется достаточный запас муки»[1755].

Однако несмотря на запасы муки хлеба всем желающим не хватало. Показательным является следующий факт: 23 февраля булочная Филиппова (Петроград, Большой пр., 61) для обеспечения всех желающих хлебом увеличила его выпечку с обыкновенных 80 пудов до 150, т. е. почти вдвое. Однако к 3 часам дня все 150 пудов были распроданы и магазин пришлось закрыть. На улице осталось около 300 человек, не получивших хлеба. В толпе кто-то крикнул: «Надо громить булочную!», после чего в окна магазина полетели глыбы снега и льда. Ворвавшаяся внутрь толпа учинила разгром, часть товара была уничтожена[1756]. Характерно, что в некоторых булочных толпы уничтожали хлеб и рассеивали по полу муку — такое поведение для голодных людей не характерно[1757]. При разгромах магазинов полиция отмечала особую активность подростков. Последние, как правило, покушались на сладкое: выносили пирожные, конфеты, банки с вареньем. Более «компетентная» в погромах часть публики вскрывала часовые и ювелирные магазины, другие

[1754] Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1917. 16 февраля.

[1755] Русские ведомости. 1917. 26 февраля.

[1756] ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. 1917. Д. 669а. Л. 170–170(об).

[1757] ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 14(об.)

«специализировались» на аптеках, превратившихся в годы «сухого закона» в монополистов по розничной продаже спирта. Вышедшие на улицы очевидцы отмечали, как в разных местах города происходил разгром винных магазинов «группами солдат и уличных бродяг»[1758]. Британский инженер Стинтон Джонс, бывший в февральские дни в Петрограде, отмечал, что в «большинстве случаев толпа врывалась в аптеки, из которых выносились любые виды спирта, который тут же выпивался, в результате чего в „революционной толпе“ было значительное количество пьяных и сошедших с ума элементов»[1759].

Хлебные «хвосты» аккумулировали и усиливали эмоции, которые выливались в коллективные формы аффективного действия. Соответствующий групповым настроениям поступок заразителен и вызывает подражание среди прочих членов толпы. Е. Зозуля оставил описание типичного начала погрома, вспыхнувшего в «хвосте»: «Толпа распалилась. Кто-то, мрачный и оборванный, вбежал в ближайший двор, через минуту выбежал оттуда с несколькими расколотыми поленьями и, коротко размахивая, треснул одним поленьем в окно, другим в вывеску, третьим — в стеклянную дверь»[1760].

Уже после начала революционных беспорядков Протопопов телеграфировал в Ставку дворцовому коменданту, описывая обстановку в столице и констатируя значимую роль слухов: «Внезапно распространившиеся в Петрограде слухи о предстоящем якобы ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба… вызвали усиленную закупку публикой хлеба, очевидно в запас, почему части населения хлеба не хватило. На этой почве 23 февраля вспыхнула в столице забастовка, сопровождающаяся уличными беспорядками»[1761].

[1758] *Сорокин П.* Дальняя дорога. Автобиография. М.,1992. С. 29.

[1759] *Jones S.* Russia in Revolution. Being the Experience of an Englishman in Petrograd During the Upheaval. London, 1917. P. 118.

[1760] *Зозуля Е.* Что запомнилось. (Революционные дни в Петрограде). М., б. г. С. 1.

[1761] ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 29.

В условиях информационного кризиса и эмоционального напряжения слух часто выступал стимулом массовых аффективных действий, которые становились нормой в январе–феврале 1917 г. Так, 8 января, накануне ожидавшихся беспорядков к годовщине «кровавого воскресенья», сбой в работе электростанции, приведший к остановке трамвая, породил в Петрограде слух о том, что началась забастовка трамвайных служащих, которая, как ожидалось, могла перерасти в массовые беспорядки. В результате на Спасской улице произошла паника, публика штурмом брала трамвайные вагоны. В начале февраля стоявшая за мясом очередь, когда мясо закончилось, чуть не растерзала приказчика из-за слуха, что он якобы припрятал часть товара для перепродажи. Расправу успел остановить подоспевший городовой.

Примечательно, что хотя накануне предсказывали революцию, в уличных акциях 23 февраля современники не сразу опознали начало грандиозных перемен. В этот день З.Н. Гиппиус записала: «Очень похоже, что это обыкновенный голодный бунтик, какие случаются и в Германии», а А.Н. Бенуа даже 26 февраля заявлял, что «никто не питает иллюзий насчет успеха революционного движения. Представляется более вероятным, что полиция и штыки подавят мятеж»[1762]. Н.Ф. Финдейзен вообще не видел в беспорядках ничего революционного, считая шествия рабочих и работниц полицейской провокацией, о чем и написал 24 февраля: «Вчера началась протопоповщина»[1763]. Только 28 февраля музыковед засомневался в первоначальной оценке: «Революционное движение в полном разгаре… Не могу еще постигнуть основы всего, подкладки – провокация это немцев или действительно движение против правительства (в таком случае к чему было протопоповское шествие 23 февр.?)»[1764] Е.А. Нарышкина также считала, что февральские беспорядки спровоцированы Протопоповым, но усматривала в этой провокации иной мотив: министр

[1762] *Гиппиус З.Н.* Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 72; *Бенуа А.Н.* Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003. С. 113.

[1763] *Финдейзен Н.Ф.* Дневники… С. 179.

[1764] Там же. С. 180.

внутренних дел «всовывает палки в колеса Риттиху»[1765]. В дни февральских событий недостаток информации был особенно ощутим. В одних газетах сведений не было, другие издания не выходили, поэтому еще более возросла актуальность устной информации. В этой ситуации спасал телефон. Отставной генерал от инфантерии Ф.Я. Ростковский воссоздавал картину происходящего по телефонным звонкам знакомых, пересказывавших уличную молву и начинавших фразы словами «говорили, что»: «Говорили по телефону, что командиры Литовского и Павловского запасных батальонов убиты и в Волынском полку много убитых офицеров… Вечером по телефону мне сказала И.И. Садовская, что в гавани какой-то армейский полк взбунтовался и запасной батальон Лейб-гвардии Финляндского полка пошел его усмирять… Вечером говорили, что Государственная Дума выбрала Временное правительство в составе 12 человек… Говорят, что министры арестованы»[1766]. Приехавший 27 февраля из Твери в Петроград П.П. Менделеев тут же сел за телефон: «Нахлынувшие вопросы и сомнения стараюсь разрешить телефонными разговорами с близкими»[1767]. О телефоне как проводнике слухов писал 27 февраля А.Н. Бенуа: «Масса слухов сообщается по телефону. Будто осаждают (кто осаждает?) Государственную Думу, будто она даже взята (кем?)»[1768]. Обстановку усугубило то, что из-за перегруженности телефонных линий связь в отдельных частях города пропала, и некоторые горожане в поисках известий вышли на улицы, пополняя собой протестующие толпы[1769]. «Телефон уже не звонит ни к нам, ни от нас, и неизвестность о происходящем полная», — записал 28 февраля Б.В. Никольский[1770]. К слову, о перебоях в работе телефона писали газеты еще в ноябре-декабре 1916 г., но тогда повода идти за информацией на улицу не

[1765] *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания… С. 409.

[1766] *Ростковский Ф.Я.* Дневник для записывания. М., 2001. С. 48.

[1767] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 401.

[1768] *Бенуа А.Н.* Мой дневник. С. 114.

[1769] *Бенуа А.Н.* Мой дневник. С. 116; *Ростковский Ф.Я.* Дневник для записывания. С. 53.

[1770] *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918. Т.2.: 1904–1918. СПб., 2015. С. 278.

было. Дефицит информации порождал тревогу и страх, а страх вызывал насилие. Так, по воспоминаниям барона Н.Е. Врангеля, толпа, напуганная слухами о засевших на крышах городовых-пулеметчиках, со страхом смотрела на крыши и когда замечала там какое-то движение — открывала огонь. Таким образом был убит трубочист[1771]. В другой раз толпа ворвалась в квартиру верхнего этажа, из окон которого «отчетливо» кто-то увидел ствол пулемета, и чуть не убила спрятавшегося от страха под кроватью полотера, приняв его за переодетого городового. Но страх испытывали не только революционно настроенные граждане. Паника овладела и защитниками старого режима: именно тогда в среде полиции родился не менее абсурдный слух о том, что возбужденная толпа разрывает городовых надвое, привязав к автомобилям. Его в своих воспоминаниях повторил Глобачев, а за ним и современные недобросовестные исследователи.

Ошарашенные свершившейся революцией современники в мартовские дни вспоминали, что эти события были предсказаны слухами, которым не верили, смеялись, но, оказалось, они реализовали функцию самоисполняющегося пророчества. А.Е. Снесарев вспоминал письмо своей жены начала февраля: «Так много насмешек над “слухами”… А они, как теперь ясно, были предвестниками…»[1772]

Таким образом, революция, подготовленная предшествующими событиями, вспыхнула 23 февраля в результате распространившихся слухов о критической нехватки хлеба в столице, а также во многом из-за ошибочных действий властей, поверившим в революционизирующую роль, ЦВПК, Государственной думы.

[1771] *Врангель Н.Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 355.

[1772] *Снесарев А.Е.* Дневник… С. 344.

2. Пулеметы, белые кресты и черные авто: факторы невротизации обывателей

В февральские дни одним из самых сильных раздражающих стимулов стал слух о «протопоповских пулеметах». Парадоксально, что власти и восставшие обыватели, верившие в пулеметную стрельбу с крыш, приписывали ее друг другу: если революционеры обвиняли Протопопова, то начальник охранки Глобачев в пулеметной стрельбе с крыш винил, наоборот, революционеров[1773]. Однако в массовом сознании остался образ переодетого городового, засевшего на чердаке с пулеметом. В феврале обыватели с испугом посматривали на крыши и верхние этажи зданий. Те, кто был вооружен, периодически обстреливали подозрительные крыши. За стволы пулеметов публика, находившаяся на улице, принимала видневшиеся в окнах карнизы для портьер, концы водосточных труб, выглядывавших с крыш, и пр. Так, например, 27 февраля толпа пыталась взять приступом Мариинский театр, под крышей которого ясно видели торчащие дула пулеметов. Когда же в сопровождении артиста В.В. Киселева и режиссера П.И. Мельникова представители воинственно настроенной публики обошли помещение театра, то убедились, что за стволы пулеметов были ошибочно приняты концы вентиляционных труб[1774]. Согласно газетным сведениям, подобные революционные инициативы бдительной публики привели к арестам около 4000 человек, в результате чего Министерству юстиции пришлось создать особую следственную комиссию для проверки формальных причин задержания[1775]. Однако обнаружить среди них настоящих переодетых городовых, стрелявших из пулеметов, конечно же, не удалось.

[1773] *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 67.

[1774] *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 23.

[1775] *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961. С. 313.

Так или иначе, но о «протопоповских пулеметах» писали многие очевидцы событий. Гиппиус записала в дневнике 28 февраля: «Мы сидели все в столовой, когда вдруг совсем близко застрекотали пулеметы. Это началось часов в 5. Оказывается, пулемет и на нашей крыше, и на доме напротив, да и все ближайшие к нам (к Думе) дома в пулеметах. Их еще с 14-го Протопопов наставил на всех высотах... Но кто стреляет? Хотя бы с нашего дома? Очевидно, переодетые — „верные“ — городовые»[1776]. Показательно, что Гиппиус задается вопросом, кто стреляет, у нее нет точной информации на этот счет, но затем, в соответствии с общими страхами и настроениями, приходит к выводу, что виновата во всем полиция. При этом она отмечала и беспорядочную стрельбу на улице, устраиваемую пьяными солдатами, рабочими. 25 февраля Родзянко отправил царю телеграмму, в которой также сообщал о беспорядочной стрельбе солдат друг в друга на улицах города[1777]. Меньшевик Н. Суханов в эти дни рисовал почти апокалиптические картины российской революции, отмечая стрельбу с крыш домов представителей «темных сил»: «В разных концах города громили магазины, склады, квартиры... Уголовные, освобожденные вчера из тюрем, вместе с политическими, перемешавшись с черной сотней, стоят во главе громил, грабят, поджигают. На улицах небезопасно: с чердаков стреляют охранники, полицейские, жандармы, дворники...»[1778] Находившийся в Петрограде корреспондент «Одесского листка» вспоминал «по горячим следам», что в Петрограде с крыш стреляли полицейские, переодевшиеся в солдатскую форму[1779]. Финдейзен сообщал, что «пулеметчики» с крыш расстреливали солдат, а последние вместе с переодетыми в штатское городовыми ловили их по чердакам[1780]. Таким образом, в головах современников царила настоящая разруха, разобраться с тем, кто в кого стрелял, и кто кого ловил

[1776] *Гиппиус З. Н.* Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 86.

[1777] *Блок А.А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921.

[1778] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 108–109.

[1779] Одесский листок. 1917. 7 марта.

[1780] *Финдейзен Н.Ф.* Дневники… С. 182.

было непросто. Хотя пулеметную стрельбу слышали почти все, людей в полицейской форме на крышах не видели. Версия же о переодевании одних представителей власти (городовых) в форму других носителей власти (солдат) кажется лишенной оснований.

Военные власти признавали серьезность положения, но их не покидали надежды на то, что ситуацию удастся взять под контроль. Рано утром 27 февраля Протопопов телеграфировал дворцовому коменданту В.Н. Воейкову, что в отдельных частях столицы войска открывали огонь по революционным толпам и рассеивали их, и выражал надежду на скорое урегулирование обстановки[1781]. В тот же день в Петрограде было объявлено осадное положение. С.С. Хабалов сформировал отряд из 6 рот, 15 пулеметов и 11/2 эскадронов, всего около 1000 человек, и под командованием полковника А.П. Кутепова отправил его против восставших, однако казачий разъезд вскоре донес, что Кутепов требует подкрепления и сообщает, что не может продвинуться по Кирочной и Спасской. В результате Хабалов согласился с тем, что войск для возвращения контроля над городом недостаточно (верными оставалось не более 2000 солдат) и решено было держать оборону в Адмиралтействе. Но уже 28 февраля, после ареста солдатами Хабалова, дабы не подвергать опасности разгрома здание, остававшиеся в Адмиралтействе части были выведены и распределены по казармам[1782]. Таким образом, вплоть до 27 февраля власти сохраняли надежду на подавление восстания силами войск. Создавать разрозненные полицейские огневые пулеметные точки на крышах домов было бессмысленно, а после того, как с 28 февраля верные части оказались окруженными в Адмиралтействе, начинать операцию по расстрелу демонстрантов из пулеметов в глубоком «тылу революции» силами одной только полиции было самоубийственно. Верившие в слухи про городовых обыватели вместе с тем признавали абсурдность этой затеи и иногда выражали даже сочувствие полиции, понимая тщетность и обреченность подобного плана. Показательно, что

[1781] *Блок А.А.* Последние дни...

[1782] Там же.

хотя А.Н. Бенуа не сомневался в существовании «протопоповских пулеметов», 28 февраля он назвал якобы засевших на крышах домов городовых «обреченными жертвами идиотского плана Протопопова»[1783]. К.И. Глобачев впоследствии, не отрицая пулеметной стрельбы с крыш домов, доказывал в своих воспоминаниях непричастность полиции к их расстановке тем, что в местах, на которые указывали свидетели, расставлять их было бессмысленно — оттуда «кроме трескотни и шума, вреда от них никакого не было»[1784]. Бывший начальник охранки, наоборот, обвинял «революционеров» в пулеметной стрельбе с целью провокации.

Так как слухи о «протопоповских пулеметах» заняли прочное место в памяти участников февральских событий, образованная 5 марта «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств» занялась сбором сведений о преступлениях городовых в февральские дни, однако никаких доказательств найдено не было. В показаниях допрошенных Чрезвычайной следственной комиссией относительно пулеметов существенных расхождений не было: никто не подтвердил использование полицией пулеметов, при этом выяснилось, что все подозреваемые узнали о пулеметах из газет или со слухов. Так, бывший председатель Совета министров кн. Н.Д. Голицын на вопрос о пулеметах ответил, что о пулеметах узнал только после того, как молва разнесла этот слух, на вопрос, кто стрелял, сказал: «Молва городская была, что полиция»[1785]. Парадоксально, что слухи настолько захватили массовое сознание, прочно обосновались в качестве источника информации накануне революции, что мало кто из допрошенных, узнавших о пулеметной стрельбе из слухов, сомневался в достоверности этих сведений. Не имея при этом точных

[1783] *Бенуа А.Н.* Мой дневник... С. 120.

[1784] *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 67.

[1785] Падение царского режима… Т. 2. С. 266.

сведений по своим ведомствам, чины Военного министерства склонны были подозревать чинов полиции и наоборот. Бывший военный министр М.А. Беляев на вопрос председателя Чрезвычайной следственной комиссии, были это военные или полицейские пулеметы, ответил, что полицейские — на том основании, что если бы был приказ об использовании пулеметов военного ведомства, он бы об этом знал[1786]. Бывший министр внутренних дел Протопопов на вопрос председателя: «Какое было ваше отношение к пулеметам?» — ответил: «Прочел в газетах, что в полиции применяются пулеметы; я спросил об этом Балка, и он сказал, что должно быть молодые солдаты учатся»[1787]. Хабалов, упомянув, что Протопопов предлагал использовать против толпы броневые автомобили, на вопрос о полицейских пулеметах на крышах ответил просто: «Думаю, что их не было»[1788]. При этом генерал пролил некоторый свет на историю с пулеметами, сообщив о существовавших противоаэроплановых батареях в Петрограде, располагавших специальными пушками и пулеметами, смонтированными на крышах отдельных зданий и ориентированных для стрельбы вверх. Находились они в подчинении генерала Г.В. Бурмана. Хабалов предположил, что противоаэропланные пулеметы в ответ на стрельбу с улицы могли открыть огонь как по революционерам, так и по правительственным войскам, но точно ему об этом ничего не известно[1789]. Причастность противоаэропланных батарей к пулеметной стрельбе не была доказана, и в результате Бурман в августе 1917 г. получил пост начальника противовоздушной обороны Петрограда. Следователь Юзевич-Компанеец допросил несколько сот человек и установил, что все найденные на улицах пулеметы принадлежали воинским частям и были похищены с воинских складов[1790]. Революционно настроенный публицист и издатель В.Л. Бурцев, проводивший

[1786] Там же. С. 234.

[1787] Падение царского режима… Т. 1. С. 137.

[1788] Там же. С. 207.

[1789] Там же. С. 211.

[1790] *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961. С. 413.

собственное расследование о пулеметах, соглашался с тем, что многие допрошенные по делу о «протопоповских пулеметах» говорят правду и им ни о каких пулеметах ничего не известно; при этом Бурцев, слышавший в февральские дни доносившийся с улицы треск пулеметов, заметил: «Я сам был под расстрелом пулеметов, но с уверенностью говорить ничего не могу по этому поводу»[1791].

Кроме Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в Петрограде действовали 47 следственных отделов, организованных адвокатским бюро, проводивших обследование действий бывших полицейских участков. 6 июля 1917 г. адвокатское бюро передало во временные суды производство о 1197 полицейских чинах, и ни в одном отчете не оказалось данных, указывающих на их стрельбу из пулеметов.

Все это вынудило С.П. Мельгунова признать, что «„протопоповские пулеметы“ существовали только в возбужденном воображении современников»[1792]. Вместе с тем слух о пулеметах обосновался в качестве исторического факта в советской историографии, склонной к демонизации царизма. Так, Э.Н. Бурджалов, называя 26 февраля «кровавым воскресеньем» второй революции, описывал организованный властями расстрел безоружных демонстрантов на Невском проспекте и, ссылаясь на воспоминания рабочих, считал использование пулеметов «заранее продуманной мерой царских властей»[1793]. Советские историки более позднего времени — например, А.Л. Сидоров, П.В. Волобуев, отказались от этого мифа[1794]. Вернувшийся в 2015 г. к рассмотрению этого вопроса А.Г. Румянцев, пытаясь примирить свидетельские показания о пулеметах с установленным фактом непричастности к ним полиции,

[1791] Падение царского режима… Т. 1. С. 295.

[1792] *Мельгунов С. П.* Мартовские дни... С. 401,413.

[1793] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 174.

[1794] *Волобуев П.В.* По поводу числа убитых и раненых в Петрограде в дни Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Статьи. М., 2000. С. 76.

допустил, что прятавшиеся на чердаках от революционной толпы полицейские случайно могли обнаружить там бесхозные пулеметы, оставленные службой противовоздушной обороны, и открыть из них стрельбу в целях самообороны, но эта версия не лишена противоречий[1795]. Прежде всего надо сказать, что точки противовоздушной обороны размещались на крышах правительственных и военных учреждений, заводов, но не частных домов. Румянцев отмечает, что пулеметы некоторых из них были похищены в февральские дни, но остается неясным, кому понадобилось переносить пулеметы с одной крыши на другую, да еще затем и оставлять их там без дела.

Для полного разрешения вопроса о «протопоповском плане» необходимо учитывать, что представляла собой полиция накануне революции, была ли она способна на решительные действия. Сегодня некоторые исследователи выдвигают тезис, что негативный образ полицейского как врага революции сформировался под воздействием «инверсивной логики» уже после событий февраля 1917 г.[1796] Это, конечно, не верно: история протестного движения в России показывает, что задолго до 1917 г. неприятие царской власти выливалось в столкновения обывателей с полицией; в июле–августе 1914 г. толпы мобилизованных, не испытывавших энтузиазма по поводу отправки на фронт, забрасывали полицию камнями и устраивали им «кошачьи концерты», в Екатеринославе, дабы не провоцировать призывников, полицию убирали с улиц города[1797]. Однако необходимо учитывать, что полицейские чины, как и все российское общество, наблюдавшее за конвульсиями власти накануне революции, не могли не проникаться оппозиционными настроениями. Исследователи отмечают

[1795] *Румянцев А.Г.* «Полицейские пулеметы» в Феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. СПб., 2015. С. 38–54.

[1796] *Абдурахманова И.В.* Образ полиции в массовом правосознании накануне и во время Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2006. № 1. С. 27–31.

[1797] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 48.

рост недовольства чинов полиции, усилившееся в 1916 г. бегство жандармов на фронт; в Москве накануне революции нижними чинами полиции была даже организована экономическая стачка[1798]. А.Б. Николаев отмечает отсутствие единства политических настроений в среде петроградских полицейских, часть из которых сочувственно относилась к революционерам, в связи с чем предполагает, что противоречия внутри полиции «могли сыграть не на руку царизму в том случае, если бы он решился использовать полицейские силы для активного участия в подавлении назревающей революции»[1799]. Некоторые полицейские в февральские дни открыто заявляли приставам, что не будут стрелять в народ[1800]. Другие и вовсе присоединялись к революционным толпам. Так, пристав города Луги Филипп Бобров принимал участие в манифестации, так как был рад перемене строя, другой полицейский надзиратель накануне революции укрывал политических эмигрантов и т. д.[1801] Таким образом, полиция в февральские дни не была той силой, которая, даже при наличии пулеметов, смогла бы оказать решительное сопротивление восставшим, однако именно ее революционизированные обыватели наделяли всеми признаками контрреволюционного сопротивления.

Источники личного происхождения показывают, что у полицейских чинов в февральские дни было исключительно подавленное настроение, они нехотя отправлялись на свои посты и энтузиазма по поводу вероятных столкновений с восставшим народом не испытывали. Утром 26 февраля полицейский надзиратель Роман Дмитриевич Захаренко, перед тем как идти на дежурство, оставил завещание в пользу своей гражданской жены: «Я иду в наряд на

[1798] *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913-1917 гг. М., 2020. С. 488.

[1799] *Николаев А.Б.* Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. № 5. С. 16.

[1800] Там же. С. 9 (прим).

[1801] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 6. Л. 13, 61.

Невский проспект где происходят беспорядки, может быть меня убьют… так все что есть у меня дома должно быть передано мещанке города Чухломы Евгении Александровне Арефьевой, бывшей последние 3½ года моей женой»[1802]. Тревожное предчувствие оправдалось. В выписке из ведомостей о погребенных на Петроградском Смоленском православном кладбище читаем: «Роман Дмитриевич Захоренко (очевидно, опечатка, так как в завещании «Захаренко». — В.А.) околоточный надзиратель Петроградской полиции умерший от огнестрельной раны головы и груди 28 февраля 1917 г., 73 лет от роду, погребенный 4 марта»[1803].

Объяснить получившие массовое распространение слухи о «протопоповских пулеметах» в дни Февральской революции не сложно, если вспомнить, что обыватели заговорили о пулеметах задолго до описываемых событий. Шум вокруг пулеметов начался в 1916 г., когда в Петрограде проходило обучение стрельбе из пулеметов молодых солдат, а народная молва, прослышав, что ранее полицейские испрашивали пулеметы для себя, решила, что идет тренировка полицейских[1804]. Не последнюю роль в истории с пулеметами сыграла и некоторая демонизация Протопопова, которого общественное сознание воспринимало как властного и жестокого преемника Распутина. Гиппиус передавала ходившие слухи о министре внутренних дел: «За несколько дней до событий Протопопов получил „высочайшую благодарность за успешное предотвращение беспорядков 14 февраля“. Он хвастался, после убийства Гришки, что „подавил революцию сверху. Я подавлю ее и снизу“. Вот и наставил пулеметов»[1805]. Не случайно и указание Гиппиус на якобы имевшие место беспорядки 14 февраля, которых на самом деле не было: в этот день открылась сессия IV Государственной думы, однако накануне ходили слухи о том, что на день открытия Думы запланированы акции протеста, вследствие которых она

[1802] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 5. Л. 89.

[1803] Там же. Л. 90.

[1804] *Мельгунов С.П.* Мартовские дни... С. 410–411.

[1805] *Гиппиус З.Н.* Синяя книга. С. 90.

может быть распущена[1806]. Говорили о возможных беспорядках, провокациях и обсуждали вероятные ответные действия властей. Рассказывали, что власти окружили Таврический дворец пулеметами. З. Гиппиус, проживавшая неподалеку, писала, что накануне открытия сессии пулеметами был окружен и ее дом[1807]. Впоследствии пулеметы с улиц исчезли, а воображение напуганных обывателей «расставило» их на крышах соседних домов. Характерно появление впоследствии в Москве слуха, что когда толпа явилась арестовывать Протопопова к его дому на Владимирском проспекте, то из окон его квартиры был открыт пулеметный огонь[1808]. В действительности Протопопов сам явился в Таврический дворец 28 февраля и сдался, но массовое сознание, связавшее пулеметы с его фамилией, требовало от ненавистного министра обязательного злодейства. Также нельзя отрицать версию, что в ряде случаев некомпетентные в военном деле и напуганные обыватели беглый ружейный огонь принимали за пулеметную очередь.

Помимо городовых замешанными в слухах о «протопоповских пулеметах» оказались священники. З. Гиппиус, А. Бенуа в дневниках отмечали, что якобы пулеметная стрельба шла с крыши Исаакиевского собора, с колокольни Лютеранской церкви Св. Михаила[1809]. Правда, ни поэт, ни художник прямо не обвиняли в этом духовенство, однако народная молва пошла дальше рассказов представителей художественной интеллигенции, и вскоре родился образ священника с пулеметом. В «Новом Сатириконе» в апреле была опубликована карикатура, изображавшая стреляющего из пулемета попа с крестом в руке. Текст под рисунком гласил: «В дни революции много пулеметов стояло на

[1806] Там же. С. 66.

[1807] Там же. С. 69.

[1808] *Городцов В.А.* Дневники ученого… Кн. 2. С. 212.

[1809] *Гиппиус З.Н.* Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 90; *Бенуа А.Н.* Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003. С. 124.

колокольнях, откуда и обстреливался восставший народ»[1810]. (Приложение №3. Илл. 43).

Находились свидетели, которые рассказывали, что пулеметы тайно развозились по церквям в гробах[1811]. Широкое распространение подобных слухов подтверждает тот факт, что размещение пулеметов на крышах соборов в столицах пришлось опровергать в газетах далекого Томска[1812]. Примечательно, что даже некоторые священники в провинции поверили разговорам о разрешении Петроградской епархии расставлять на крышах церквей и колокольнях пулеметы для подавления беспорядков 27–28 февраля, по поводу чего отправляли запросы начальству[1813]. Отождествление полиции и духовенства проходило на уровне политической лексики: специфические обороты речи, высказывания, приписываемые полицейским, переносились и на представителей духовенства. Так, например, после ареста Протопопова ходили разговоры, что министр на допросах оправдывался тем, что сознательно своими действиями способствовал приближению революции: «Я оставался министром, чтобы сделать революцию. Я сознательно подготовил ее взрыв»[1814]. Гиппиус, веря, что министр действительно произнес эти слова, вынесла ему вердикт: «Безумный шут»[1815]. В мае 1917 г. появилась карикатура, в которой поп-хамелеон схожим образом оправдывал свое реакционное прошлое: «Братие! Я всегда стоял за свободу, а если я к погромам призывал, так для того, чтобы граждане скорее потеряли терпение и устроили Революцию»[1816].

[1810] Новый Сатирикон. 1917. № 14. С. 7.

[1811] *Румянцев А.Г.* «Полицейские пулеметы» в Феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. СПб., 2015. С. 49.

[1812] Сибирская жизнь. 1917. 8 марта.

[1813] РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 3 отд. 5 ст. Л. 157.

[1814] *Гиппиус З.Н.* Синяя книга… С. 100.

[1815] Там же.

[1816] Стрекоза. 1917. № 18. С. 15.

Характерно, что пулеметы на колокольнях мерещились не только «революционерам», но и их визави – страх стал общей эмоцией, без разбора политической принадлежности обывателей. Бывший министерский чиновник, а в годы Первой мировой войны один из руководителей Красного Креста на Юго-Западном фронте В.Ф. Романов, вспоминал, как в дни февраля он сидел в зале Царскосельского вокзала, как вдруг раздалась пулеметная очередь и посыпались стекла окон. Пассажиры почему-то тут же решили, что обстрел вокзала ведут революционеры, засевшие на колокольне соседней церкви[1817].

Тем не менее в первую очередь под подозрение попадали чины полиции. Во время февральского восстания возбужденные обыватели устроили форменную охоту за полицейскими. Начальник Петроградского Охранного отделения К.И. Глобачев нарисовал страшную своими подробностями картину поведения толп: «Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части: некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых разрубали шашками»[1818]. Если начальника столичной охранки можно заподозрить в крайнем субъективизме в отношении тех, кого ему по долгу службы приходилось преследовать в предшествующую эпоху, то воспоминания барона Н.Е. Врангеля, крупного промышленника, должны отличаться меньшей предвзятостью. Тем не менее его свидетельства схожи с тем, что писал Глобачев: «Ряженого городового ищут везде. На улицах, в парках, в домах, сараях, погребах, а особенно на чердаках и крышах… Во дворе нашего дома жил околоточный; его толпа дома не нашла, только жену; ее убили, да кстати и двух ее ребят. Меньшего грудного — ударом каблука в темя»[1819]. Примечательна упомянутая картина убийства невинного ребенка — распространенный пропагандистский штамп,

[1817] См.: *Романов В.Ф.* Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.). СПб., 2019.

[1818] *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 68.

[1819] *Врангель Н.Е.* Воспоминания... С. 355.

апеллирующий к эмоциям воспринимающего субъекта и демонизирующий врага. В годы Первой мировой войны рассказы о немецких зверствах вызывали в воображении населения апокалиптические образы, среди крестьян распространялись слухи о рождении нового царя Ирода. В этом отношении эмоции Февраля во многом были настояны на слухах военного времени.

Переломным днем в отношении толп к полиции стало 25 февраля, когда при пассивной позиции войсковых частей начались нападения на приставов и городовых, однако, как правило, служителей закона не убивали, а отбирали оружие — шашки и револьверы, — при этом нередко сильно избивая их[1820]. Различных чинов полиции, пострадавших в ходе февральских беспорядков (ранены и убиты), было 73 человека (включая городовых, общее число которых в Петрограде превышало 2000)[1821]. Причем 28 из них получили травмы за первые два дня революции — 23 и 24 февраля, — когда как таковая «охота» еще не могла начаться ввиду неопределенной позиции войск[1822]. Таким образом, пострадавших городовых в столице за дни революции было не более 3,6%.

В основе слухов — и тех, что ходили во властных кругах, и тех, что распространялись в обществе, — лежал страх, и этим они были похожи. Слухи, определявшие в качестве главного врага околоточного и городового, провоцировали ненависть к представителям власти, а затем и проявления агрессии. Тем самым пространство слухов формировало эмоциональную «триаду враждебности» — страх, гнев, ненависть — определявшую психологическое состояние революционного общества.

Пулемет был хоть и самым ярким, но не единственным атрибутом «внутреннего врага» в февральские дни. Менее раздражительным стимулом, но от этого не менее опасным для своего владельца, оказалась фотокамера. В предшествующее время фотоаппараты мыслились обязательными атрибутами

[1820] ГА РФ Ф.1788. Оп.1. Д.74. Л.1–36.

[1821] *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 г. 1961. С. 181.

[1822] *Блок А.А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921.

немецких шпионов, а в февральские дни массовое сознание передало их провокаторам. Архиепископ Бельгийский Василий (сын А.В. Кривошеина, наблюдавший февральские события в Петрограде в качестве студента) вспоминал, как 25 февраля во время митинга у Казанского собора какой-то человек попытался сфотографировать выступавшего оратора. Тут же раздались крики: «Провокатор!» Камеру вырвали из рук и разбили, над самим фотографом устроили самосуд и убили на том же месте[1823]. В качестве доказательств вины использовалась характерная безапелляционная фраза «мы его давно знаем», а также указание на маленький, шпионский размер камеры (вероятно, это был рекламировавшийся в газетах «жилетно-карманный Кодак»).

Особенностью этого периода можно считать повышенную возбудимость населения, на которую обращал внимание еще Л.П. Карсавин, по словам которого, петроградцы в дни революции, несмотря на различие политических взглядов, представляли собой «одну развивающуюся индивидуальность — революционное население»[1824]. Показательно, что некоторые современники с раздражением констатировали в это время проявление инстинктов толпы, выразившееся, в частности, в хождении не по тротуарам, а по проезжей части, мешая движению транспорта. Судя по трамвайному пассажиропотоку, нормальное уличное движение было восстановлено лишь к началу апреля[1825]. В такой обстановке повышалась роль устной информации, люди начинали более чутко реагировать на перемены коллективных настроений. Одной из характерных черт массовых настроений того времени была их неустойчивость: позитивные эмоции (восторг, счастье) легко сменялись негативными (страхом, отчаянием). В основе тех и других лежали определенные механизмы восприятия окружающей реальности, порождавшие гипертрофированные образы.

[1823] Архиепископ Василий (Кривошеин). Спасенный Богом: Воспоминания; Письма родным. М., 2019. С. 24.

[1824] *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 135.

[1825] См.: Еженедельник статистического отделения петроградской городской управы. Пг., 1917.

3 марта русский монархист, член Прогрессивного блока В.В. Шульгин записал: «Ах — толпа… Подлые и благородные порывы ей одинаково доступны и приходят мгновенно друг другу на смену»[1826].

Радостно принявшие революцию современники назвали первые ее недели «медовым месяцем», развивая тем самым аллегорию России-невесты, обвенчавшейся со свободой. Другие окрестили февральские дни «великой бескровной революцией». Некоторые участники событий отрицали имевшие место случаи насилия со стороны революционизированной толпы. Так, член ЦК кадетов А.В. Тыркова в своем дневнике пыталась представить февральские беспорядки в Петрограде в виде всеобщего восторга, безобидного праздника, отметив, что «толпа ни разу не была оскорбительна»[1827]. Схожие эмоционально-восторженные оценки, отрицавшие значительную роль насилия, сохранили записи Е. Зозули, Н. Морозова, И. Даинского, Н. Окунева и других очевидцев[1828].

Учитывая влияние погодного фактора на самочувствие людей, следует отметить, что их позитивные эмоции были усилены метеорологическими явлениями: с 25 по 28 февраля шло постепенное повышение атмосферного давления с 751 до 768 мм рт. ст., развеявшее облака[1829]. Обыватели наделяли выглянувшее солнце символическим содержанием, считая его признаком политической оттепели[1830]. Даже консервативно настроенному Б.В. Никольскому,

---

[1826] *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 268.

[1827] *Тыркова А.В.* Петроградский дневник // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 328.

[1828] *Даинский И.* Как произошла русская революция. М., 1917; *Зозуля Е.Д.* Что запомнилось. (Революционные дни в Петрограде). Пг., б.г.; *Морозов Н.К.* Семь дней революции. События в Москве. Дневник очевидца. 1917 г. М., 1917. *Окунев Н.П.* Дневник москвича, 1917–1924. В 2 кн. Кн. 1. М., 1990.

[1829] См.: Еженедельник статистического отделения петроградской городской управы. 1917. № 8–9.

[1830] Более подробно о погодном факторе в революции и символическом пространстве см.: *Аксёнов В.Б.* Об одной историографической ошибке или к вопросу о визуальной

не испытывавшему от революции никакого восторга, 28 февраля передалось приподнятое настроение горожан: «День чудесный, солнечный, — с виду сущий праздник»[1831]. Примечательно, что на солярную символику тех дней обратили внимание представители таких разных историографических направлений, как Э.Н. Бурджалов, Ц. Хасегава, Б.И. Колоницкий, упомянувшие о показательном эмоционально-символическом жесте: 25 февраля женщина подала казачьему офицеру букет красных роз.

Даже статс-дама Е.А. Нарышкина записала 28 февраля не без определенного удовлетворения свершившимся переворотом: «На улицах полный порядок, нигде ни малейшего насилия. Стреляют только в зачинщиков; тех, кто сдал оружие, оставляют в покое… Полная революция произведена спокойно»[1832]. Правда следующая запись 1 марта начиналась с совсем других слов: «Увы, совсем не спокойно! Солдаты больше не повинуются; это анархия и распад, которые могут стать неудержимыми». 3 марта в ее записях ощущается еще больше паники: «Анархия. На улицах насилия. Много убитых. В домах грабежи»[1833]. Метаморфозы настроений Нарышкиной можно также связать с самочувствием: 24 – 25 февраля у нее случались сердечные приступы, а 27 – 28 февраля статс-дама пошла на поправку, что может объяснить некоторую идеализацию событий.

Пока в столице решалось будущее политического устройства России, провинция, лишенная информации из-за временно прекратившейся работы Петроградского телеграфного агентства, переживала период растерянности и неопределенности, что, впрочем, не влияло на повседневную жизнь. Исключение, вероятно, составляла одна Москва, до которой слухи из Петрограда доходили очень быстро. Находившийся в Москве историк С.Б. Веселовский уже

семантике российских революций // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / НАН України. Інститут історії України. Вип. 7. Київ, 2013. С. 233–243.

[1831] *Никольский Б.В.* Дневник... С. 279.

[1832] *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания… С. 409.

[1833] Там же. С. 410.

24 февраля записал, что «по слухам — в Петербурге военный мятеж»[1834]. 28 февраля Н.П. Окунев констатировал прекращение движения всех трамваев в Москве и отключение телефонов. Как и в Петрограде, отсутствие телефонной связи в первопрестольной спровоцировало рост толков о происходивших в Петрограде событиях: «Из уст в уста передаются сенсационные вести о страшной стрельбе в Петрограде в народные толпы, о совершившемся перевороте на троне и о разных ужасах»[1835]. Хотя Окунев еще 15 февраля предсказал неизбежную революцию, спустя 13 дней он не поверил слухам о революции: «Подожду все-таки записывать их (слухи. — В.А.) — лично не совсем доверяю таким россказням»[1836]. В этот день в Москве начались массовые шествия с пением революционных песен, которым полиция предпочитала не препятствовать, тем не менее, в этот день появилась первая жертва революции — на Яузском мосту был убит приставом рабочий-большевик И. Астахов, — а 1 марта на Каменном мосту произошла перестрелка между правительственными и «народными» войсками[1837]. Трое солдат, перешедших на сторону революции, погибли и 4 марта были в торжественной обстановке похоронены на Всехсвятском кладбище. 19 марта был похоронен еще один человек, убитый 1 марта на Яузском мосту, — А.И. Ефимов-Евстигнеев[1838]. Это были не единственные московские жертвы событий 28 февраля — 1 марта, однако, в любом случае, количество жертв было намного меньше, чем в Петрограде, где 23 марта на Марсовом поле было захоронено 184 человека (правда, К.И. Глобачев утверждал, что среди них было множество людей, умерших в те дни в больницах от естественных причин).

Смена власти в большинстве губерний не сопровождалась сколько-нибудь серьезными эксцессами. В некоторых центральных губерниях, куда

[1834] *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944 гг. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 85.

[1835] *Окунев Н.П.* Дневник москвича... С. 12.

[1836] Там же.

[1837] Русские ведомости. 1917. 2 марта.

[1838] Газета-копейка. 1917. 21 марта.

устремились представители нового правительства, происходили бескровные столкновения со старой властью. Так, например, 3 марта в 2 часа ночи во Владимир прибыла делегация из Москвы, которую пытался арестовать начальник местного гарнизона, но солдаты перешли на сторону народа, на вокзале вспыхнул стихийный митинг и толпа, ворвавшись в дом губернатора В.Н. Крейтона, арестовала его вместе с женой и полицмейстером Ивановым[1839]. Крейтон был избит толпой после чего под арестом отправлен в Петроград, где вскоре был освобожден по распоряжению А.Ф. Керенского. Через некоторое время во Владимире появились слухи о том, что он расстрелян. Жестоко был убит толпой после задержания разве что тверской губернатор Н.Г. фон Бюнтинг 2 марта 1917 г. В этом случае сказались накопившиеся к нему претензии тверчан, усиленные абсурдными слухами о его шпионаже в пользу Германии.

В Поволжье информация об образовании Временного правительства появилась 2 марта, о чем сообщил «Саратовский листок». Общественность города довольно быстро включилась в работу по созданию новых органов власти, начались аресты царской администрации, полиции и «гороховых пальто», как называли агентов охранки. Того же числа информация о перевороте дошла до Сибири: первой газетой, напечатавшей сообщение о революции, стал «Тобольский листок». Томская «Сибирская жизнь» отреагировала лишь 5 марта. Смена власти в Сибири проходила много спокойнее, чем в Центральной России. Так, в Томске городской комитет решил временно сохранить полицию, включив впоследствии ее чинов в новую милицию[1840]. Какое-то время старая полиция и новая милиция, образованная из студентов, вместе несли караульную службу.

Куда более нервозная обстановка, судя по сообщениям печати, сохранялась в Одессе. 2 марта население города еще не было уведомлено о петроградских событиях, однако слухи о революции будоражили обывателей.

[1839] Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета. 1917. 15 марта.

[1840] Сибирская жизнь. 1917. 5 марта.

«Одесский листок» 2 марта позволил себе осторожную заметку под заголовком «Слухи»: «Мы вступили в полосу слухов — один другого сенсационнее… Говорят о фактах, которые еще вчера показались сказками из „Тысячи и одной ночи“. Как нам, читатель, ко всему этому отнестись? На это мы можем ответить одним словом: Спокойствие»[1841]. 3 марта в Одессе уже появился список членов Временного правительства, однако более подробной информации по-прежнему не хватало, в связи с чем газеты писали: «Жутко, мучительно жутко без телеграмм и „внутренних известий“. Словно где-то там, за наглухо запертыми дверьми операционной палаты мрачного больничного корпуса, окруженного высокой оградой, неведомые хирурги третьи сутки кромсают больное тело близкого нам и дорогого существа»[1842]. Недостаток информации в конце концов привел к распространению в городе абсурдного слуха, что Временное правительство собирается восстановить крепостное право[1843]. Когда же деятельность телеграфного агентства восстановилась в полной мере и одесские газеты получили возможность делиться со своими читателями всей получаемой информацией, в городе первые дни было замечено появление нового типа «хвостов» — газетных. При этом серьезных эксцессов с участием полиции в Одессе не было. Наоборот, 7 марта на совещании всех одесских приставов при участии начальника сыскной полиции было принято решение отправить председателю Временного правительства телеграмму о присоединении одесской полиции к новому строю, а 9 марта полицейские Одессы провели закрытый митинг с революционными речами[1844].

Несмотря на победу революции и исчезновение с улиц столицы главного оплота самодержавия — городовых, — март принес лишь внешнее успокоение. По воспоминания современников, в людях царила растерянность. Так, ходили рассказы о том, что даже солдаты и рабочие, принявшие

[1841] Одесский листок. 1917. 2 марта.

[1842] Одесский листок. 1917. 3 марта.

[1843] Одесский листок. 1917. 4 марта.

[1844] Одесский листок. 1917. 7, 9 марта.

непосредственное участие в февральских событиях, были настолько ошарашены ее немедленными последствиями, что на голосовании вопроса о монархии и республике 210 из 230 солдатских депутатов высказались за монархию[1845]. «Революционный невроз» сохранялся и ждал новых форм проявления. Одной из них стала инициатива таинственных «активистов», решивших пометить белыми крестами двери квартир некоторых жителей Петрограда. Шла ли речь о шутке или существовала действительно некая инициативная группа по отлову «внутренних врагов», сейчас сказать трудно, но, учитывая общую социально-психологическую напряженность, можно представить себе чувства и психическое состояние «помеченных» людей. Кое-кто пытался систематизировать кресты по их виду и социальной принадлежности жильцов «крещеных» квартир. В «Петроградском листке» в марте появилась специальная заметка, в которой отмечалось, что перед квартирами офицеров было по два креста; секретарь петроградской городской милиции З. Кельсон писал о распространенных в то время слухах, что «белыми крестами помечают квартиры евреев, собираясь им устроить Варфоломеевскую ночь»[1846]. В период революции антисемитизм, отождествлявшийся с царской политикой и идеологией приспешников самодержавия — черносотенных организаций, популярен не был, хотя в апреле в Москве появлялись воззвания к еврейскому погрому[1847]. Они, конечно же, не привели ни к каким антисемитским выступлениям, но, справедливо отнесенные на счет черносотенцев, вызвали новые беспокойства по поводу заговора правомонархических сил против революции.

16 марта автор «Занимательной физики» Я.И. Перельман предложил свое объяснение таинственным «белым крестам». Так, он обратил внимание, что рядом с крестами располагались и вертикальные палочки, причем в пределах одного дома двух одинаковых сочетаний крестов и палочек не наблюдалось.

[1845] *Половцов П.А.* Дни затмения... С. 21.

[1846] *Кельсон З.* Милиция февральской революции. Воспоминания // Былое. № 1 (29). 1925. С. 168.

[1847] Русские ведомости. 1917. 9 апреля.

Перельман заметил, что у дверей квартиры № 12 стоял один крест и две палочки, а у квартиры № 25 — два креста и пять палочек. Исходя из этого он предположил, что эти знаки переводят арабские цифры для тех, кто их не знает. Подобная система записи цифр существует в Китае, а в столице очень много китайцев устраивались на работу дворниками: «Своеобразная нумерация принадлежит дворникам-китайцам, не понимающим наших цифр. Появились эти знаки, надо думать, еще до революции, но только сейчас обратили на себя внимание встревоженных граждан»[1848]. Впрочем, была и иная версия — таинственными знаками грабители помечают квартиры, жильцы которых в отъезде, а также квартиры, где есть чем поживиться.

Страх перед таинственными знаками усиливался подтверждавшимися в большинстве случаев слухами о низкой квалификации нового органа правопорядка — милиции[1849]. В феврале–марте наспех проходил набор в народную милицию. Множество воззваний, заполнивших улицы Петрограда и Москвы в февральские дни, пестрели призывами к самоорганизации людей в ее отряды[1850]. Один из очевидцев вспоминал, как среди всеобщей неразберихи то там, то здесь раздавались призывы: «Кто хочет вербоваться в милицию, идите на Лиговку, к дому Перцова получать оружие…»[1851] Секретарь Управления петроградской городской милиции З. Кельсон вспоминал, что только к 1–2 марта милицейских удостоверений в Петрограде было выдано до 10 000 и почти столько же в последующие дни, «поэтому, — делал он вывод, — было бы неудивительно, если все взрослое мужское население Петрограда в эти дни оказалось на службе в милиции»[1852]. Не лучше обстояли дела и в Москве, где,

[1848] Биржевые ведомости. Вечерний выпуск 1917. 16 марта.

[1849] Более подробно см.: *Аксенов В.Б.* Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 года. Проблемы легитимности // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 36-50.

[1850] *Морозов Н.К.* Семь дней революции. События в Москве. Дневник очевидца. М., 1917. С. 11.

[1851] Солнце России. 1917. № 366. С. 14.

[1852] *Кельсон З.* Милиция февральской революции. Воспоминания // Былое. № 1 (29). 1925. С. 166.

по свидетельству журналиста, только за один день — 2 марта — в милицию записалось 6000 человек[1853]. Набор происходил в здании университета, поэтому преимущественно в милицию записывались студенты, причем целыми группами. Впоследствии, правда, в соответствии с законом от 12 июля численность милиции Москвы составила 3941 человека, что соответствовало 1 милиционеру на 500–650 жителей[1854]. В Петрограде же в результате раскола милиции и сепаратистских тенденций со стороны рабочих комиссариатов, привести полностью в соответствие с законом штаты милиции так и не удалось. Существенным недосмотром со стороны властей стало то, что при наборе в милицию у записывающихся не требовали никаких документов, удостоверяющих личность. В Москве начальник Народной милиции А.М. Никитин спохватился только в мае, когда в Приказе № 24, I, § 3 постановил обязательную проверку документов у поступающих на службу и у тех, кто уже служит, но при поступлении документов не предъявил[1855]. Позднее распространение получает институт ночных сторожей, объединившихся в профессиональный союз, специализировавшихся на ночной охране дворов. Московская комиссия по гражданскому управлению на заседании от 30 сентября выносит постановление о создании дополнительных штатов милиции по усиленной ночной охране города, куда включаются, с целью обмена опытом, знанием своих районов, представители от Союза ночных сторожей[1856]. Однако в глазах обывателей это не добавляет авторитета милиции.

Не случайно в городскую смеховую культуру входят анекдоты о милиционерах, в которых отмечается их непрофессионализм, корысть и связь с уголовным миром. В качестве примера можно привести выдержку из сатирического словаря, где под выражением «кривить душой» понимается: «увидеть

[1853] Газета-копейка. 1917. 3 марта. С. 3.

[1854] Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 179. Оп. 21. Д. 4736. Л. 1(об).

[1855] Ведомости комиссариата московского градоначальства. 1917. 2 мая. С. 1.

[1856] ЦИАМ Ф.179. Оп.23. Д. 1283 Л.1 об.

своего кредитора милиционером и сделать приятную улыбку на лице»[1857]; или из заметки, в которой приводятся общие и различные черты между полицией и милицией: «Между постовым городовым и постовым милиционером есть, однако, существенная разница: городовой не кончал свою жизнь и жизнь своих товарищей через неумелое обращение с оружием…» — и далее в этой же статье: «…если милиционеры вербуются среди уголовных элементов, не следует удивляться, что у них является желание попасть на побывку к своим товарищам по заключению»[1858]. О том, что в состав городской милиции изначально попало большое количество уголовных преступников, говорилось в докладе комиссии Главного управления по делам милиции о результатах ревизии петроградской городской милиции[1859].

С неэффективностью новой революционной милицией была связана самая массовая фобия столичных жителей, превратившаяся в последствии в городскую легенду – страх перед «черными автомобилями»[1860]. Впервые «черное авто» как призрак контрреволюции «появилось» в столице 2 марта. Меньшевик Н.Н. Суханов записал: «Появился в Петербурге некий „черный автомобиль“, мчавшийся, как говорили, из конца в конец столицы и стрелявший в прохожих чуть ли не из пулемета»[1861]. Секретарь начальника городской милиции З. Кельсон вспоминал, как 3 марта в 3 часа ночи его разбудил комендант Городской думы и передал только что полученный пакет: «Начальнику милиции. Спешно. Секретно. В собственные руки». В пакете было отношение: «Коменданту города. По сообщению членов Совета Рабочих Депутатов Жукова, Васильева и др., сегодня ночью предполагается выезд черных автомобилей с

[1857] Солнце России. 1917. № 368. С. 15.

[1858] Там же. № 383. С. 16.

[1859] ГА РФ. Ф. 5141. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

[1860] Более подробно см.: *Аксенов В.Б.* «Черное авто» как символ революционного насилия в 1917 г: фобия, мифологема, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. №32. С.112-141.

[1861] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 178.

черными флагами для обстрела милиционных постов. №№ их следующие»[1862]. Через некоторое время в Думу был доставлен арестованный гласный Д.А. Казицын, проезжавший на автомобиле под одним из этих номеров.

В газетах активно заговорили о черных автомобилях с 9 марта. Так, «Русские ведомости» написали о предпринятых в Петрограде «таинственными моторами» ночных разбойничьих набегах, что якобы напали на след некоторой черносотенной организации[1863]. 16 марта черные автомобили «добрались» и до Москвы, где их обнаружило воспаленное страхами сознание обывателей[1864]. Сообщалось, что «в Москве идут толки о появлении в ночное время загадочных автомобилей, которые без номеров и фонарей с бешеною быстротою проносятся по улице. Появление таких автомобилей замечено на Трубной площади и Сретенке». На следующий день в этой же газете появилась статья, начинавшаяся словами: «Похождение таинственных автомобилей продолжается» (на этот раз их видели несущимися по Садово-Спасской улице). Отмечалось, что из машин производились выстрелы, хотя преподносились эти сведения как чистейшей воды слухи. Примечательно, что хотя достоверно о выстрелах никто ничего не знал, тем не менее вести о появлении этих автомобилей вызывали у москвичей серьезные беспокойства.

После некоторого затишья в марте известия об очередных похождениях «черных автомобилей» в Москве распространились 6 апреля: «Нам удалось выяснить, — писал один из журналистов, — что таинственный автомобиль, следуя ночью третьего дня к Поварской улице с потушенными огнями и без номера, был остановлен одним из милиционеров, который потребовал зажечь фонари. В это время из окон автомобиля были выставлены три револьвера, из которых была произведена стрельба, после чего автомобиль быстро умчался.

[1862] *Кельсон З.* Милиция февральской революции. Воспоминания // Былое. № 1 (29). 1925. С. 169.

[1863] Русские ведомости. 1917. 9 марта.

[1864] Московский листок. 1917. 17 марта.

К счастью, милиционер не пострадал»[1865]. Через некоторое время этот же автомобиль появился на Воздвиженке, из него стреляли по проходившему с повязкой милиционера на руке студенту Шаповальянцу.

13 апреля в «Петроградском листке» было напечатано сразу о трех случаях задержания «черных автомобилей». Их разбор демонстрирует превращение слуха в массовую фобию, которая организует толпу и заставляет ее подчиняться единому психоэмоциональному, аффективному порыву. Согласно газетной информации, 12 апреля около часа ночи помощник комиссара милиции первого подрайона Спасской части Мысовский, прапорщик Хлебников и милиционеры Домпер и Клейпнер на автомобиле выехали для проведения обыска у одной артистки. Двигались по Невскому проспекту к Николаевскому вокзалу. Неподалеку от Николаевской улицы в автомобиле лопнула шина[1866], причем пассажиры мотора за веселым разговором не обратили на это особого внимания и продолжали ехать дальше. Между тем звук взрыва автомобильной шины, подобный звуку выстрела плохого ружья, вызвал тревогу среди дежурных милиционеров. Те свистками стали давать знак автомобилю, чтобы он остановился, но ни шофер, ни пассажиры этих свистков не слышали. Тогда милиционеры открыли отчаянную стрельбу. Стреляли довольно часто, не особенно метко. Выстрелом была убита лишь лошадь проезжавшего извозчика. Кроме того, на улице во время стрельбы началась сильная паника, во время которой один из прохожих, спасаясь от выстрелов якобы черного автомобиля, а в действительности милиционеров, угодил под лошадь другого извозчика, в результате чего получил перелом ноги и серьезные ушибы. Весть о появлении черного автомобиля с быстротой молнии разнеслась по Невскому проспекту. В то же время один из милиционеров по телефону предупредил коллег, стоявших на Знаменской площади, что туда следует черный автомобиль, который

[1865] Московский листок. 1917. 6 апреля.

[1866] О лопнувшей шине написал журналист, хотя более вероятной представляется версия о хлопке из выхлопной трубы, так как на лопнувшую шину вряд ли мог не обратить внимания водитель авто.

необходимо задержать. Кроме того, вдогонку черному автомобилю отправился грузовик с отрядом вооруженных солдат. Когда в автомобиле все же заметили преследование и переполох среди дежуривших милиционеров, шофер остановил машину. Автомобиль моментально окружила полная «справедливого гнева» толпа, крайне возбужденная слухом о том, что из машины расстреливали людей, и едва не учинила расправу над находившимися в ней представителями милиции. Подоспевшим милиционерам потребовались большие усилия, чтобы предотвратить самосуд. Тем не менее, толпа отправилась провожать автомобиль в комиссариат и по дороге опять чуть было не учинила расправу, но помогли ехавшие следом в грузовике солдаты, пригрозившие открыть огонь. В результате пассажиры «черного автомобиля» отделались лишь легким испугом.

Другой случай произошел за Московской заставой на Можайском шоссе. Стоявший ночью на посту милиционер принял за черный автомобиль броневик с солдатами, который не остановился на свистки. Милиционер открыл стрельбу, солдаты, которые его не заметили, слыша удары пуль о броню, ответили выстрелами в воздух. Никто, к счастью, не пострадал.

Третий эпизод имел место на Каменноостровском проспекте, по которому быстро мчался автомобиль. В нем находились два офицера и две дамы, проводившие вместе время. Дежурившим милиционерам показалось что-то подозрительным в этом авто, и они решили его задержать. Реакции на предупреждения не последовало, и милиционеры открыли стрельбу, после чего машина остановилась. Как сообщается в газете, пассажиры были крайне возмущены действиями милиции[1867].

Показательно, что, как правило, свидетели видели черные автомобили в темное время суток: сказывалось и переутомление, накопившееся за день, и плохая видимость в условиях недостаточного освещения улиц, а также страх темноты (никтофобия), характерный для особо впечатлительных граждан. Художники реагировали на слухи о «черных авто», и в иллюстрированных

[1867] Петроградский листок. 1917. 13 апреля.

журналах появлялись изображения нападений и погонь. В. Сварог в «Ниве» изобразил погоню за черным автомобилем на лошадях (можно сравнить со слухами о погонях на лошадях за неуловимыми шпионами-велосипедистами), С. Животовский обратился к «классическому» сюжету: ночному нападению «черного авто» на пост милиционеров (Приложение №3. Илл. 44).

Слухи о столичных загадочных черных авто, разносимые желтой прессой, обсуждали по всей стране. 17 апреля «Одесский листок» сообщил, что центральные комиссариаты Петрограда получили телефонограмму, согласно которой по распоряжению министра юстиции милиционеры обязаны без предупреждения открывать огонь по автомобилю с номером 4247. Однако проверка установила, что министр никаких подобных распоряжений не давал, а в автомобиле под указанным номером ездил А.Ф. Керенский. Хотя это должно было отчасти демистифицировать роль черного автомобиля, возникли новые вопросы о том, кто же стоял за отправкой подобной телеграммы. Таким образом, страх перед таинственной контрреволюционной организацией сохранялся.

Вскоре, однако, из-за отсутствия доказательств деятельности контрреволюционеров и неоспоримой их связи с пассажирами таинственных автомобилей отношение к ним стало меняться. Начали говорить просто о банде сбежавших уголовников, что действительно весьма соответствовало моменту. Еще 5 апреля появилась обнадеживающая заметка «Ликвидация черных автомобилей» о задержании опасного громилы-рецидивиста Парфенова, возглавившего банду из 13 уголовников, которые на похищенных черных автомобилях разъезжали по ночам по Петрограду, совершали грабежи и провоцировали панику[1868]. Кроме того, наибольшую опасность, как было замечено, автомобили представляли для милиционеров, поэтому очень скоро возник слух об охоте криминальных группировок на городскую милицию, и градус напряженности слегла понизился.

Слухи о «черных авто» в 1917 г. порождали массовую фобию: они были распространены среди представителей различных социальных групп;

[1868] Биржевые ведомости. Вечерний выпуск 1917. 5 апреля.

несмотря на попытки разоблачения в прессе, вера в них не проходила, распространяясь из Петербурга в Москву; порожденный слухом страх вызывал в людях гнев и толкал их, согласно законам психологии толпы, на коллективные агрессивные действия, оборачивавшиеся самосудом и складывавшиеся в более длительное, чем гнев, чувство массовой ненависти к источнику страха. Слухи о «черных авто» оказывались эмоциональным стимулом, вокруг которого складывалась упомянутая триада враждебности — страх, гнев и ненависть. Лексический анализ слухов позволяет выделить следующие эпитеты, характеризующие «черные автомобили» в рассказах «свидетелей»: таинственные и загадочные; неуловимые и бешено быстрые; ночные; разбойничьи. Эти эмоционально окрашенные определения отличали черные автомобили от иного транспорта сверхвозможностями и наделяли их роковыми, мистическими свойствами. Помимо черного цвета, признаком загадочных автомобилей могли быть черные флаги и выключенные огни. Согласно слухам, черные машины появлялись в темное время суток, как правило, ночью, и несли смерть. Это важно для понимания мистической природы слуха, в котором сочетались элементы рациональной картины (автомобиль черного цвета с пассажирами-преступниками) с мистическими, иррациональными характеристиками (таинственность, неуловимость), создававшими архетипическую аллегорию насилия, что наделяло слух признаком мифологемы. Впоследствии автомобиль как символ насилия переживал определенные трансформации: с июля 1917 г. в негативном контексте чаще всего возникал грузовой автомобиль, набитый вооруженными матросами, дезертирами и уголовными элементами. Эти образы отражали обывательское восприятие революционной динамики. Не случайно, что в период тревог современников по поводу возможного выступления большевиков для М. Горького именно грузовой автомобиль стал символом беззакония: «Все настойчивее распространяются слухи о том, что 20 октября предстоит „выступление большевиков“... Значит — снова грузовые автомобили,

тесно набитые людьми с винтовками и револьверами в дрожащих от страха руках»[1869].

Таким образом, февральская революция породила череду обывательских фобий. Несмотря на то, что большая часть современников предсказывала неизбежность революции и положительно восприняла создание Временного правительства, переворот всей государственной жизни стал сильным психологическим потрясением, породившим массовые слухи-фобии. В них отражались наиболее распространенные страхи современников: перед полицией, тайными контрреволюционными силами или анархиствующими элементами.

3. Патриотическая эйфория и семантика позитивных образов революции

Как уже было отмечено, эйфория февральско-мартовских дней отчасти стала следствием неудовлетворенности просчетами и противоречиями патриотической пропаганды первого этапа мировой войны, нереализованные надежды прошлого современники обращали новым властям, в первую очередь Временному правительству и его лидерам. Не случайно Б.И. Колоницкий назвал Февраль «крайней формой революции завышенных ожиданий», а В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева пишут о «самообольщении свободой» и «эмоциональном взрыве» тех дней[1870]. В этом плане неудивительно, что среди царившей в головах всеобщей неразберихи в первые мартовские дни некоторые обыватели главным революционером и даже председателем Временного правительства считали М.В. Родзянко – сказывалась инерция массовых слухов о

[1869] *Горький М.* Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 148.

[1870] *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. 2001. С. 57; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* 1917. Элиты и толпы… С. 57-58.

революционной роли российского парламента осенью-зимой 1916 г. В.А. Городцов, комментируя 28 февраля слухи о том, что Родзянко стал премьер-министром, заметил, что его следует сделать президентом Российской республики[1871]. Несмотря на то, что политическая роль Родзянко снизилась после формирования Временного правительства, равно как и роль Государственной думы (она должна была перейти Учредительному собранию), в визуальном пространстве революции Таврический дворец оставался значимым символом. Любопытен рисунок А. Ремизовой (Мисс) из мартовского номера «Нового Сатирикона», на котором архангел в белых одеждах с красным знаменем с надписью «Труд и Свобода» из облака наблюдает за работающими промышленными предприятиями Петрограда, а над ним солнцем сияет Таврический дворец (Приложение №3. Илл. 44). Вознесенный в небо Таврический дворец стал одновременно политическим и солярным символом революции. Не менее показателен рисунок Н. Николаевского «Новый Вифлеем», на котором изображена площадь перед Таврическим дворцом, по которой к зданию Думы идут толпы солдат и рабочих с красными знаменами (Приложение №3. Илл. 45). При этом над Таврическим дворцом горит звезда, как будто возвещая о рождении нового Иисуса. Тем самым художник переосмыслил в позитивном ключе второго пришествия Христа эсхатологические страхи кануна революции. В этом смысле неудивительна сакрализация революции и представление ее в качестве Пасхи – воскрешения России.

Таврический дворец также выступал символом единения разных политических сил революции: помимо парламента он стал колыбелью социалистического Петросовета и либерального Временного правительства, образованных в его помещениях. Тем самым лозунг «Труд и Свобода» как нельзя лучше характеризовал общие ценности его обитателей. В период «медового месяца» революции демократические ценности чаще всего отражались в лозунгах и в материалах визуальной пропаганды. Тем не менее, следует оговориться, что универсального политического языка революции выработано не было. Как

[1871] *Городцов В.А.* Дневники ученого… Кн. 2. С. 209.

убедительно показывает Б.И. Колоницкий, «трудности с “переводом” своих собственных идеалов на язык современной политики испытывали не только малообразованные люди, но и представители тех групп, которые до революции культивировали аполитичность (например, кадровые офицеры). Да и политизированные современники порой не находили нужных слов для описания непривычной и быстро меняющейся реальности»[1872]. Многообразие смыслов тех или иных революционных образов демонстрируют, в частности, визуальные источники.

До революции Дума часто изображалась в образе русской царицы с кокошником на голове (иногда в форме Таврического дворца, иногда с надписью «Дума»), однако в 1917 г. феминный образ стал олицетворять освободившуюся от цепей самодержавия Свободную Россию[1873]. Иконографически можно выделить два ее типа: античную и русскую. На знаменах, которые рабочие Петрограда преподносили в дар военным частям, предварительно расписав их красками, часто изображался античный тип женщины. Так, например, на созданном в апреле 1917 г. знамени железнодорожного цеха Путиловского завода маслом была написана женщина в античном одеянии с пальмовой ветвью и горящим факелом в руках. Лозунг на знамени мало соответствовал символике: «Да здравствует Интернационал»[1874]. На знамени обойного цеха Северо-

[1872] *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М., 2017. С. 10.

[1873] Более подробно о динамике фемининных образов России в 1914 – 1917 гг. см.: *Riabov O. V.* The Symbol of “Mother Russia” Across Two Epochs: From the First World War to the Civil War // Cultural History of Russia in the Great War and Revolution. 1914 – 1922. Bloomington: Slavica Publishers, 2013. Pp.73-98; *Аксенов В.Б.* От Родины-царицы к Родине-бабе: особенности фемининной репрезентации России в годы Первой мировой войны // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. №4. 2015. С. 9-27.

[1874] Реликвии Великого Октября. Из фондов центрального музея революции СССР и Государственного музея Великой Октябрьской Социалистической революции. Каталог. М., 1987. С. 111.

Западных железных дорог изображалась женщина в белых одеждах (вероятно, тунике) и лавровым венком на голове[1875]. Встречались феминные образы в древнерусском одеянии. Нередко художники, расписывая знамена, переносили на них картины из иллюстрированных журналов. Так, на одном из знамен была изображена избавившаяся от цепей Россия-царевна из №10 журнала «Огонек» (Приложение №2. Илл. 8; Приложение №3. Илл. 46).

Пытаясь выяснить семантику античного и древнерусского типа П.К. Корнаков отметил, что первый тип символизировал Свободу, а второй, в национальном костюме, Россию как таковую[1876]. Однако вряд ли можно согласиться с таким разноуровневым противопоставлением двух женщин, ведь свобода является атрибутом России (речь идет об образе Свободной России, а не России-Свободе, которая по национальности, скорее, должна была бы быть француженкой), а значит должна выражаться посредством частных деталей. Образы античной женщины не отличались оригинальностью. Позы ее статично-классические (прямо сидящая или стоящая); одежда однотипна – длинная тога в складках, убранные в пучок волосы, скромные украшения. Атрибутами изображения выступали лавровый венок (символ победы), реже пальмовая ветвь (символ первенства), горящий факел (огненное, сакральное действо), фригийский колпак (символ свободы), иногда разорванная цепь, часто изображена со знаменем, на котором выведен демократический лозунг. Так, на хранящемся в фондах Российского государственного музея политической истории России одном из памятных жетонов революции была изображена идущая вперед женщина в античном одеянии, правая рука ее была поднята вверх с разорванной цепью, в левой – знамя, на голове – корона, над головой – сверкающий огонь и надпись: «Свободная Россия». Позы женщин в русском одеянии, в отличие от античного типа, разнообразны, часто она изображалась в движении. Характерно, что русская женщина – как правило с распущенными волосами, что

[1875] Там же. С. 116.

[1876] *Корнаков П.К.* Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. М., 1997. С. 360.

указывало на недавнюю скорбь и придавало этому типу некую возвышенность. Ее атрибутами выступали разорванные цепи, лавровая ветвь, если в военном снаряжении, то со щитом, мечом, в шлеме, иногда рядом – горящие факелы. Можно предположить, что тип русской женщины в белой рубашке с распущенными волосами символизировал чистоту, святость и, вместе с тем, трагичность судьбы России. На знамени Ижорского завода она протягивала к Солнцу скованные руки. В отличие от античной женщины она более чувственна, живая. Ее поза, распущенные волосы говорили о трагедии, но, в то же время, обращение к солнцу, разорванная цепь символизировали начало новой жизни, связанное с избавлением от страданий. На одном из памятных жетонов из собрания Российского государственного музея политической истории России женщина в древнерусских латах (образ России-богатырки) держала щит с надписью «27 февраля 1917 года», а на другом сидела перед лозунгом «Да здравствует Учредительное собрание». В отличие от женщины в русской рубашке, ее облик был более рационален, конкретен, связан с политической идеей. Облик древнерусской женщины – символ настоящего России, начала российской революции, символ свободы как избавления от беды, в то время как античный тип – некий вневременный, абстрактный, идеальный тип Свободной Демократической России. Изучая атрибуты обоих женских типов можно прийти к выводу, что античный тип в мирных одеждах олицетворял абстрактную свободную демократическую Россию, а древнегреческие латы дополнительно коннотировали верность России союзническим обязательствам, в то время как женщина в древнерусском одеянии, снабженная приметами времени, выражала актуальное состояние революционной России.

Интересный материал для размышлений предлагает литературно-художественный журнал «Огонек», титульные листы которого оформлялись графическими работами таких художников, как С.П. Лодыгин, О.Ф. Амосова, В. Эмиров. В их изображениях женщин присутствует определенная динамика образов от женщины-херувима до старухи-смерти, отражавшая субъективное

восприятие революционного процесса в России (Приложение №3. Илл. 47-48)[1877].

Пасхальная революционная символика активно развивается с начала апреля (в 1917 г. Пасха пришлась на 15 апреля). Однако примечательно, что о Пасхе говорили более чем за месяц до ее наступления. Еще 1 марта историк А.В. Орешников описывал настроения масс в Москве, используя соответствующее сравнение: «Народу всюду масса, настроение как в пасхальную ночь, радостное»[1878], — что говорит о сакральном отношении части публики к российской революции и отчасти объясняет природу революционной эйфории. Произошедшая революция вызвала сильное религиозное переживание у некоторых современников. Ф.О. Краузе 8 марта 1917 г. записал в своем дневнике: «Свершилось! Сподобил Господь! Наша родина без цепей! Когда я третьего дня… узнал эту новость и читал первые известия и манифесты, у меня голос дрожал, а в глазах стояли слезы. А потом как-то невольно начал креститься, первый раз в жизни, ища внешнего выражения для охватившего меня глубокого чувства»[1879].

Когда же пришла «настоящая» Пасха, революция как акт освобождения трансформировалась в акт воскрешения. В пасхальном выпуске «Маленькой газеты» поэт А. Солнечный публикует следующие строки: «Заря пробуждённой Свободы / Всё ярче в лазури небес! / О, верьте, о верьте, народы: / Отныне сын Божий — воскрес!» Центральным атрибутом революционной Пасхи становится красное яйцо, сияющее подобно солнцу свободы (Приложение №3. Илл. 49). Но художник В. Лебедев нашел более оригинальное развитие этой темы в карикатуре под названием «История Русской Революции» (Приложение №3. Илл. 50). Революция представлялась в виде состязания царя и рабочего: первый высиживал черное яйцо, а второй — красное. В итоге из царского

[1877] См.: *Аксенов В.Б.* 1917 год в художественном восприятии современников // Отечественная история. 2002. №1. С.96-101.

[1878] Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915–1933. М., 2010. Кн. 1. С. 108.

[1879] *Краузе Ф.О.* Письма с Первой мировой… С. 371.

вылупился черный двуглавый орел, из рабочего — красный петух, который убил орла и гордо запел над его трупом.

Вероятно, не случайно схватка красного петуха с черным орлом в левом нижнем углу карикатуры композиционно напоминала известную картину М. Ларионова «Петух и курица» 1912 г., в которой художник путем противопоставления теплых (петух) и холодных (курица) цветов выразил с помощью стилистики «лучизма» идею антагонизма разных стихий, борьбу мужского и женского начала, реакции и революции.

Тема пасхально-революционного красного яйца оказалась востребованной в российской сатире. В тринадцатом номере «Нового Сатирикона» была опубликована иллюстрированная Н. Антоновским «детская побасенка» на тему сказки «Курочка Ряба», в которой вместо разбитого мышкой черного яичка дед с бабкой получали новое — красное. Побасенка заканчивалась бодрыми строчками: «Радуйся, дед да баба! Бодро смотри вперед… / Новое яичко снес тебе народ…»

Хотя Пасха гармонично вписалась в символическое пространство российской революции, последнюю едва ли стоит рассматривать как признак воцерковления обывателей. В журнальной сатире революционной поры устойчивым был негативный образ попа, мниха. В тринадцатом номере журнала «Бич» художник И. Степанов опубликовал иллюстрированную историю того, как попы-«питиримы» пытались отменить Пасху, расклеивая по ночам на заборах соответствующие объявления, однако «в ночь с первого на второе апреля лучезарный Христос все-таки воскрес», — говорилось в подписи к картинке, на которой офицер с солдатом христосовались на фоне сияющего солнца. В том же номере стихотворение «Пасхальной ночью» начиналось строчками: «Круглый год распиная Христа / И глумясь над святыней безмерно, / Этой ночью они лицемерно / Торжествуют победу креста…», — и заканчивалось не менее хлестко: «…Пусть Распятый Пилатом — воскрес, / Он вторично распят был попами». Тем самым революционная Пасха становилась истинно народным

праздником, освобожденным от приватизировавшей ее Церкви как придатка царизма.

Помимо духовенства революционная Пасха отстраняла от праздника императора. Марина Цветаева на Пасху сочинила не лишенное иронии обращение к арестованному царю: «Настежь, настежь / Царские врата! / Сгасла, схлынула чернота. / Чистым жаром / Горит алтарь. / — Христос Воскресе, / Вчерашний царь! / Пал без славы / Орел двуглавый. / — Царь! — Вы были неправы».

Следует заметить, что сакрализация революции была характерна как для либеральных, так и социалистических изданий. Последние нередко обращались к народно-религиозному пласту мышления широких социальных слоев, особенно когда речь шла о крестьянах и солдатской массе. Так, показательны лубочные картинки, публиковавшиеся в солдатском журнале, издававшемся Московским советом солдатских депутатов, «Путь Освобождения» за авторством солдата-художника А. Куликова. В номере от 20 августа 1917 г. был опубликован лубок «Крещение революции. Северное сказание»: 1. В некотором селе родился младенец у бабы мужеска пола. Кум и кума понесе к попу крестити его. 2. Когда поп открыл пелены, то узрел топор вместо младенца лежащий, зело острый. Возмутился поп и, кума с кумой пристыдив, прогнал обратно. 3.Завернув топор в пелены, кум с кумой, вельми смущенные, пошли в дом роженицы. 4.Дома же, раскрыв пелены, в страхе узрели паки младенца лежаща. 5.Не сказав о сем роженице, скоро пошли обратно в церковь. 6.И паки зовут попа рече: младенец есть. Когда же поп снял пелены обрели вси веревку крепку вместо младенца лежащу. Прогна поп их паки. 7.В страхе пошли кум с кумой в дом роженицы с ношей неведомой. 8.Придя в дом роженицы, молитву сотворив от страха, открыли пелену и увидели младенца спяща. Веревки не было. 9.Кум и кума, тая надежду, завернули младенца и понесли паки к попу. 10.И поведали попу о чуде с младенцем сим. Снял поп пелены и узрели вси розу красну зело. Тогда стали вси молить попа, глаголя: авось и небось - окрести. Поп взял в руку розу и погрузил в воду. 11. Свершилось чудо: омылась

роза водою и стала младенец образом прекрасный. Бысть глас: блаженни окрестившие розу сию. Аще бы окрестивши топор - кровью братскою захлебнулись бы. Аще же окрестиша веревку, в рабстве вси пребывали бы. 12.Окрестиша же розу - Царство Божие на земле обрящете. Аминь (Приложение №2.). Таким образом символом революции становилась красная роза. Обращает на себя внимание страх Гражданской войны (крещение топора) и победы контрреволюции (крещение веревки). Те и другие чувства подпитывались летом 1917 г. слухами о готовившихся восстаниях черносотенцев, корниловцев и большевиков.

Универсальным позитивным символом революции становилась идея Свободы, которая чаще всего выражалась посредством демократических ценностей, лозунгов межклассовой солидарности. В восторженном сознании обывателей всеобщее воодушевление должно было породить новый народ — свободных граждан демократической России, свободных от прежних предрассудков, включая и классовые. Художники часто изображали представителей разных социальных групп — рабочих, солдат (как рядовых, так и офицеров), крестьян, интеллигенцию, студентов — дружно приветствовавших «солнце свободы» (Приложение №3. Илл. 51). Идиллия всеобщей солидарности готова была распространиться даже на врагов нового строя. Философия всепрощения, соответствовавшая эмоциональной эйфории революции и этическим принципам христианской Пасхи, предполагала возможность открытия дверей тюрем перед томящимися там служителями царизма. Накануне Пасхи в «Маленькой газете» было напечатано обращение к свободному народу: «Наступает первое свободное Христово Воскресенье. Враг повержен — Он страдает! 4000 бывших слуг бывшего правительства томятся по тюрьмам. Все заправилы, все главари, все главные инициаторы всех мерзостей и подлостей против народа большею частью освобождены. И лишь мелкие сошки, служившие старому кумиру из-за куска хлеба, остались за решеткой: добровольно явившиеся городовые, околоточные, агенты сыскной и охранной полиции, писцы, чиновники, швейцары и прислуги… Условия заключения более чем тяжелые:

отвратительная пища, сырое нетопленное помещение, огня нет, люди сидят в темноте, свидания через две решётки, письма не доходят вовсе. Свободный народ! Завтра Пасха! „Прости, пожалей, не мсти, ибо не ведали они что творили“. Были у нас романовские каменные мешки. Не дай Бог, чтобы были республиканские. Пусть первая великая свободная Пасха не будет омрачена слезами томящихся в тюрьмах. Свободный народ! Прости — освободи их»[1880].

Вместе с тем революционно-пасхальный дискурс нес в себе остатки традиционно-патерналистских отношений к власти: Колоницкий обращает внимание на то, что сакрализации революционной власти предшествовали цезарепапистские настроения политических элит самодержавной России[1881].

Однако помимо абстрактных, собирательных образов России встречалась вполне конкретная персонификация революции в А.Ф. Керенском. Если не считать карикатурных портретов Николая II, то Керенский был главным персонажем визуальной сатиры в 1917 г. Так, суммарно в журналах «Новый Сатирикон», «Бич», «Пугач» Керенскому было посвящено 36 рисунков, Ленину — 23, Милюкову — 9. Причем, что важно, большая часть изображений Керенского носила не критический, а комплиментарный характер. В патриотической карикатуре художники часто подчеркивали мускулистые, большие руки Керенского: в одном случае он оказывался в роли рабочего, тяжелым молотом с надписью «наступление» разбивавшего голову Вильгельму II, в другом — в роли Св. Георгия, убивавшего змея-контрреволюцию, в третьем случае — Александром Македонским, разрубавшим гордиев узел «партийной неразберихи», в четвертом — в образе рулевого корабля, попавшего в шторм (Приложение №3. Илл. 52). Молодой поэт Л. Каннегисер в июне 1917 г. написал известные строчки, посвященные военному министру: «…Тогда у блаженного входа, / В предсмертном и радостном сне / Я вспомню — Россия. Свобода. / Керенский на белом коне». Созданный Б. Пастернаком весной 1917 г. образ Керенского был более сложным, в его лице, с которого «схлынула

[1880] Маленькая газета. 1917. 1 апреля.

[1881] *Колоницкий Б.И.* Символы власти… С. 57-58.

кровь», чувствовалось сильное нервное напряжение: «В чьем это сердце вся кровь его быстро / Хлынула к славе, схлынув со щек? / Вот она бьется: руки министра / Розы и взоры сжали в пучок. / Это не ночь, не дождь и не хором / Рвущееся: “Керенский, ура!” / Это слепящий выход на форум / Из катакомб, безысходных вчера»[1882]. В то же время у женщин-поэтов рождались не менее романтические образы, но, возможно, более точные в контексте визуальной символики революции. 21 мая М. Цветаева представила Керенского в образе жениха: «Кому-то гремят раскаты: / Гряди, жених! / Летит молодой диктатор, / Как жаркий вихрь». Учитывая распространенную в период «медового месяца» революции метафору России-невесты, обвенчанной со Свободой, становится ясно, чьим женихом был Керенский.

Существовал и образ Керенского-мученика, что работало на закрепление в массовом сознании сакральных смыслов революции. Визуализированный в карикатуре В. Лебедева из журнала «Новый Сатирикон», он изображал министра, привязанного к столбу, в то время как в него летят стрелы, свернутые из большевистской «Правды». Иконографически Лебедев повторил здесь визуальный образ Св. Себастьяна. Б.И. Колоницкий считает одним из важных образов Керенского в символическом пространстве революции – образ «примирителя», бывший актуальным в контексте противостояния Петросовета с Временным правительством[1883].

В мае 1917 г. А.Ф. Керенский начинает пропагандистскую кампанию по агитации за летнее наступление на фронте. Хотя договоренности с союзниками о наступлении на Восточном фронте были достигнуты еще до революции, учитывая вклад нового военного министра в пропаганду этой операции, современники ее называли не иначе, как «наступление Керенского». Впрочем, оправданием этого может служить риторика, которая использовалась для агитации: «Мы идем добывать трудовому крестьянству землю и волю и, сильные своей дисциплиной, добудем их. Мы завоюем тот мир, к которому стремимся,

[1882] Путь Освобождений. 1917. №4. С. 4.

[1883] *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»… С. 191-192.

никого не желая грабить и обижать», — говорил военный министр[1884]. Не случайно еще в самом начале войны среди солдат из крестьян распространился слух, что все раненые получат землю за счет завоеванной у германцев территории[1885]. «Земля и воля», названные целью наступления, конечно же, были куда ближе и понятнее чаяниям простого народа, нежели призрачные Босфор и Дарданеллы П.Н. Милюкова. В майском номере «Нового Сатирикона» после того, как Милюков ушел в отставку, появилась карикатура Ре-Ми, изображавшая барахтающегося бывшего министра иностранных дел Временного правительства в водах Босфора. Пытаясь догнать уплывающий от него портфель, Милюков бормотал: «Какое, однако, чертовски быстрое течение в этих проливах!»[1886]

Тем не менее, переоценивать лозунг «Земля и воля» не следует, в революционную эпоху XX в. он означал уже не то, что в веке XIX. Городская смеховая культура приписывала ему новые значения, и в условиях ухудшения продовольственной ситуации обыватели чаще иронизировали на его счет. М.М. Пришвин вспоминал, что в начале 1918 г. «землей и волей» прозвали лепешки, слепленные из навоза, иногда продававшиеся в Петрограде аферистами[1887]. Однако в мае 1917 г. Керенский вкладывал в него прежний, народнический смысл, и на какое-то время эта стратегия себя оправдывала.

Для поддержания всеобщего воодушевления и отвлечения широких масс населения от социально-политических эксцессов проправительственная пропаганда начала поиск новых позитивных образов, способных воодушевить современников на подвиг в тылу и на фронте и противопоставить их дезинтегрирующему воздействию анархистов и ленинцев. Как и в период «медового месяца», самыми актуальными оказались фемининные образы. На одном из рисунков Д. Мельникова Россия в кольчуге и красной юбке с красным знаменем

[1884] Русский инвалид. 1917. 12 мая.

[1885] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1628.

[1886] Новый Сатирикон. 1917. № 16. С. 5.

[1887] *Пришвин М.М.* Дневники. 1918–1919. Книга вторая. М., 1994. С. 51.

в одной руке и мечом в другой вела в бой полки солдат. Ее пыталась удержать маленькая лысая фигурка мужичка в черном, напоминавшая Ленина. Примечателен лозунг: «Вперед! Только русские штыки принесут свободу германскому народу!» (Приложение №3. Илл. 53) Война обретала значение революционно-освободительной. Неудивительно, что в этот период рождается бонапартистский образ главного идеолога наступления — Керенского. Однако пропаганда вела наступление и на внутреннем фронте: на рисунке А. Лебедева царевна-Россия приставляла меч к горлу «старого строя» (Приложение №3. Илл. 54). Художники пытались оправдать первые разочарования людей в революции, вернуть им веру в позитивные перемены. В июньском номере «Стрекозы» появился рисунок, на котором царевна-Россия стоит под защитой солдата и говорит: «Он немного опьянел от свободы, но Керенскому удалось его отрезвить, и теперь у меня опять могучий защитник, на которого я могу положиться!»

От эксплуатации абстрактных фемининных образов Керенский перешел к воспеванию реальных женщин-героинь. Практически одновременно с началом наступления на фронте в Петрограде на площади перед Исаакиевским собором прошла торжественная церемония вручения знамени первому в России женскому ударному Батальону смерти, набранному из женщин-добровольцев. 27 июня батальон прибыл в расположение войск Западного фронта. Однако данная пропагандистская инициатива властей привела к неоднозначным реакциям: по преимуществу патриархальное российское общество с подозрением отнеслось к женщинам на фронте, да и солдаты, уставшие от войны, с раздражением встретили такое «пополнение». Разницу во взглядах на войну мужчин и женщин высмеял «Новый Сатирикон», опубликовавший карикатуру под названием «Новобранца провожают» (Приложение №3. Илл. 55). На рисунке рыдал муж-дезертир, провожавший на фронт жену-добровольца, вокруг них стояли дети, а на заднем плане маршировали уже ставшие под ружье другие женщины, за которыми с детьми на руках бежали мужья. В свете высмеивания женской эмансипации, характерной для многих либеральных изданий,

подобная карикатура воспринималась неоднозначно. В конце концов в августе главнокомандующий Л.Г. Корнилов запретил создавать новые женские батальоны, а старые было решено использовать только в качестве вспомогательных сил. Тем не менее образ женщины-ударницы регулярно встречается на протяжении революции 1917 г. (Приложение №3. Илл. 56).

Кроме того, эксплуатация женской темы революции на фоне падения нравов в обществе, распространявшейся в печати порнографии, порождала иные аллегории революционных завоеваний. 26 мая Марина Цветаева, не поддавшись на новый виток визуальной пропаганды, создает собственный пророческий фемининный образ свободы: «Свершается страшная спевка, — / Обедня еще впереди! / — Свобода! — Гулящая девка / На шалой солдатской груди!». Чуть позднее «шалая солдатская грудь» I пулеметного полка проявила себя в полной красе в дни июньской демонстрации в Петрограде, а также восстания 3–4 июля 1917 г. Для июльского номера «Бича» художники М. Бобышов и Б. Антоновский подготовили диптих под названием «Дева Революция», изображавший два ее состояния: в первом варианте 27 февраля 1917 г. она была в образе молодой женщины с красным фригийским колпаком на голове, а во втором случае, 3–4 июля, — в виде вульгарной рыночной торговки, превратившей революционное красное знамя в фартук (Приложение №3. Илл. 57, 58).

В «Огоньке» в качестве карикатуры была предложена иная, хотя и близкая по смыслу динамика состояний женщины-России. На первой стадии она была воплощением непорочной девы-свободы, на втором этапе изображалась курящей, в неприличной позе сидящей рядом с подозрительным типом, на третьем – пьяная, в разорванном платье и с безумными глазами под знаменем анархии. Карикатурный образ пьяной России коррелировал с поэтическим образом блудницы, встречавшемся, в частности, в 1917 г. в творчестве А. Ахматовой: «...Когда приневская столица, / Забыв величие свое, / Как опьяневшая блудница, / Не знала, кто берет ее...»

В этот период в письменной речи создателя поэтического образа Прекрасной Дамы символиста А. Блока вместо слова «женщины» стало появляться

слово «бл…ди», в близком контексте он употреблял и слово «бабы», когда речь заходила о проявлении архаичных форм протеста (женские погромы и драки)[1888]. В результате, в процессе российской революции образ женщины-невесты оказался вытеснен образом распутной девки/бабы уже появлявшимся в 1914 г. в «Мистических образах войны» Н. Гончаровой и оказавшимся более подходящим для социально-психологических катаклизмов 1917 г. благодаря своей эсхатологической природе (тема Вавилонской блудницы).

Свободная Россия, персонифицированная в «медовый месяц революции» в образе невесты или русской царевны, осенью преобразилась посредством совершенного над ней акта насилия. Насилие над женщиной, таким образом, в семиосфере отождествлялось с насилием над идеалами русской революции и Свободной Россией. Подобная аллегория краха России встречалась в корреспонденции обывателей накануне революции. Чаще всего Россию изображали изнасилованной или выставленной на продажу дешевой проституткой. Житель Пензы пророчески написал в январе 1917 г.: «Мне будущая Россия представляется в виде раздетой проститутки, выставленной в витрине мирового магазина. А у продавца на физиономии написано: покупайте, а то все равно %% нечем платить. Картина, как видишь, не очень привлекательная…»[1889]. Примечательно, что насилие над Россией-Женщиной отразилось в пространстве слухов известиями о массовом изнасиловании единственных остававшихся до последнего верными прежнему правительству и охранявших Зимний дворец бойцов женского батальона смерти М. Бочкаревой. Женщины-добровольцы Бочкаревой, вероятно, были лучшим олицетворением образов тех бедовых красных баб, которыми до революции любовались Малявин, Архипов, Петров-Водкин.

Следует заметить, что факторами обывательской апатии становились не только события политической истории, но и кризис повседневных сфер

[1888] *Блок А.* Дневник. М., 1989. С. 229, 233.

[1889] ГА РФ Ф. 102. Оп. 265. Д.1071. Л.73.

существования[1890]. Последний выражался в росте преступности в городах, кризисе коммунального хозяйства и санитарных проблемах, росте заболеваемости. Самыми распространенными болезнями в Петрограде и Москве были отравления и дизентерия[1891]. Потеряв надежды на правительство, обыватели создавали домовые комитеты, в обязанность которых входила ночная охрана домов от преступников, борьба с продовольственными хвостами и продовольственное снабжение жильцов продуктами[1892].

Таким образом, «медовый месяц» революции ознаменовался формированием ряда позитивных революционных образов, наиболее ярким из которых следует признать персонификацию России, освобожденной солдатами и рабочими, в образе невесты. В ней отразились наиболее актуальные революционные ценности: демократии, межклассовой солидарности, которые намечали путь дальнейших преобразований страны. Тем самым революция приобретала характер общенародного патриотического акта. Однако уже в апреле начались первые разочарования, произошла смена эмоционального цикла революции. В журнале «Бич» появилась карикатура М. Ага «История русской революции в одном лице», в которой визуализировались четыре эмоциональные стадии первого этапа революции — «медового месяца»: сомнения кануна, радость февраля, тревога марта, отвращение апреля. (Приложение №3. Илл. 59). Эти стадии первого этапа вполне можно экстраполировать на весь 1917 г., и тогда эмоция отвращения придется на октябрь-ноябрь.

[1890] См.: *Аксенов В.Б.* Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 г. Дисс… кандидата исторических наук. М., 2002.

[1891] ЦИАМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 3745; Еженедельник статистического отделения Петроградской городской управы, 1917.

[1892] ЦИАМ Ф.179. Оп.3. Д. 138. Л. 3; Д. 1568. Л. 3; Д. 147, Л. 1-2.

4. Психическая теория и психоэмоциональная динамика российского общества в 1914-1917 гг.

Революции относятся к тем массовым историческим явлениям, которые нельзя понять без изучения социально-психологических процессов. В противном случае возникает опасность конспирологических интерпретаций. Однако анализ массовых настроений, в силу специфической источниковой базы, неразработанной методологии, вызывает определенные трудности и часто недооценивается историками. В свое время С.П. Мельгунов высокомерно отозвался о «психологическом подходе» в истории российской революции: «Пусть социологи и моралисты ищут объяснение… в искажении идеологических основ человеческой психики и мышления. Пусть психиатры отнесут все это в область болезненных явлений века; пусть припишут это влиянию массового психоза. Я хотел бы прежде всего восстановить реальное изображение и прошлого, и настоящего»[1893]. Как результат – Мельгунов и февральскую революцию, и октябрьский переворот рассмотрел в качестве «заговоров элит», упустив из вида вызревание объективных предпосылок в виде социокультурных трансформаций общества. Ради справедливости отметим, что современные Мельгунову «психологические теории» грешили некоторой односторонностью, неверифицируемыми обобщениями. Так, в 1923 г. П.А. Сорокин делал вывод о том, что в революции происходит «“примитивизация” механизма нервной системы», которая «не может не вести к “примитивизации” всей психической жизни и деятельности»[1894]. Система аргументации Сорокина, или, например, отказ от таковой у Н.И. Кареева, приходившего к аналогичным заключениям[1895], не может удовлетворить современного историка, что, тем не менее, не означает ошибочности выводов русских социологов.

[1893] *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. М., 2017. С. 79-80.

[1894] *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2004. С. 165.

[1895] См.: *Кареев Н.И.* Общие основы социологии. Пг., 1919.

В конечном счете даже советская историография, рассматривавшая революцию как проявление классовой сознательности беднейших слоев населения, стала допускать роль стихийных процессов, поднимала проблему нравственного и морального облика революционных масс, «психологического климата», о чем писали П.В. Волобуев, Г.Л. Соболев, Ю.И. Кирьянов, В.Ф. Шишкин, Б.Ф. Поршнев, А.Я. Грунт и др[1896]. В современной историографии российской революции возрастает интерес к ее психоэмоциональному измерению. Исследования революции В.П. Булдакова, Б.И. Колоницкого, И.В. Нарского, М.Д. Стейнберга, Р.Г. Суни, У. Розенберга, А. Майера, П. Холквиста и некоторых других авторов затрагивают проблематику «истории эмоций», вне которой едва ли возможно понять феномен революционного насилия, выходящего за рамки политической истории[1897].

[1896] См: Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969; Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970; *Волобуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964; *Соболев Г.Л.* Письма в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1. С. 159-173.

[1897] См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015; *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001; *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа». М., 2017; *Нарский И., Хмелевская Ю.* «Упоение» бунтом в русской революции (на примере разгрома винных складов в России в 1917 году) // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. М., 2010. С.259-281; *Rosenberg W.* «Reading Soldiers» Moods: Russian Military Censorship and the Configuration of Feeling in World War I // The American Historical Review. Vol. 119. 2014. № 3.P. 714–740; *Mayer A.* The furies: violence and terror in the French and Russian revolutions. Princeton UP, 2000; *Steinberg M. D.* Proletarian Imagination. Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925. Itaca, L., 2002; *Holquist P.* Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914 – 1921. Cambridge, Mass.: Harvard UP, 2002; *Suny R. G.*

Серьезной проблемой изучения эмоциональной истории является то, что эмоции мимолетны, быстро приходят на смену друг другу, кроме того, зафиксированные в источниках личного происхождения, в большой степени относятся к сфере субъективных переживаний. Одним из выходов является исследование не самих эмоций, а их психических последствий. Любая затянувшаяся эмоция приводит к эмоциональному перегреву. В случае, когда речь идет о позитивных эмоциях – возникает эустресс, негативных – дистресс[1898]. Оба вида стресса отрицательно сказываются на нервно-психическом состоянии индивидов. Эмоциональный взрыв февральско-мартовских дней не мог не отразиться на душевном здоровье обывателей, что подтверждается разными источниками: как статистикой движения душевнобольных в городских клиниках, так и наблюдениями современников. Однако и здесь имеются свои методологические особенности, связанные с тем, что русская психиатрическая школа была во многом политизирована, некоторые психиатры склонны были как правительственную реакцию, так и революционную экзальтацию рассматривать в психопатологическом ключе.

Проблема психического здоровья общества включает в себя не только реакции на относительно кратковременные события (война, революция), но и на процессы культурной модернизации, изменения длительных структур повседневности. Не случайно Й. Радкау период с 1880-х до 1930-х гг. определил как «эпоху нервозности», признавая в то же время, что во многом этот дискурс

Thinking about Feelings. Affective Dispositions and Emotional Ties in Imperial Russia and the Ottoman Empire // Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe. DeKalb. 2011; *Aksenov V.* Rumors and Mythologems of the Russian Revolution // Russian Studies in History. 2017. #56:4. P.225-249.

[1898] В медицине, физиологии, психологии встречаются разные определения дистресса и эустресса. В одном случае эустресс рассматривается как мобилизующее организм напряжение, в то время как дистресс – напряжение, нарушающее работу различных систем организма; в другом случае имеется в виду эмоциональная природа: эустресс вызывается положительными, а дистресс – отрицательными эмоциями. В настоящем параграфе я буду придерживаться второго подхода.

искусственно подогревался как определенной модой в обществе на неврастению, так и самими публикациями на эту тему[1899]. А. Бринтлингер считает, что российские психиатры на рубеже веков «агрессивно» писали историю психиатрии в целях самолегитимации[1900]. Близкую позицию занимает И. Сироткина, рассматривая развитие в России патографического жанра как стигматизацию психиатрическим сообществом определенных групп населения[1901]. Особенно доставалось творческой интеллигенции, которую обвиняли то в слабости воли, то в патологическом альтруизме. М. Миллер пишет о формировании в начале XX в. в России феномена «политической психиатрии»: тенденции использовать психиатрические диагнозы и теории в целях политической борьбы[1902].

В мае 1917 г. профессор-психиатр П.Я. Розенбах писал об охватившем общество «революционном психозе». Он приводил конкретные клинические случаи пациентов, обратившихся к нему за помощью под влиянием событий февраля-марта 1917 г., делал выводы на основании общих наблюдений за массовыми явлениями. Например, говорил о комитетомании и делегатомании как примерах массового психоза. Более того, Розенбах полагал, что радикальные политические партии собирают вокруг себя психопатов и дегенератов: «Вообще среди представителей самых крайних учений на протяжении истории было много полупомешанных... Это дегенераты с сохраненной умственной жизнью, но неуравновешенные и склонные усваивать вычурные идеи. Такие типы падки на крайние социальные учения… В искусстве они создавали школы футуризма и кубизма, так как их не удовлетворяли обычные формы… Я не хочу этим сказать, чтобы вообще вожаки крайних течений были

[1899] См.: *Радкау Й.* Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера. М., 2017.

[1900] *Brintlinger A.* Writing about Madness: Russian Attitudes toward Psyche and Psychiatry, 1887-1907 // Madness and the Mad in Russian Culture / Ed. by A. Brintlinger, I. Vinitsky. Toronto, Buffalo, London, 2007. P. 173.

[1901] См.: *Сироткина И.* Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. М., 2008.

[1902] *Miller M.* Psychiatric Diagnosis as Political Critique: Russia in War and Revolution // Russian Culter in War and Revolution, 1914-1922. Book 2… P. 246-255.

психопатами. Но если рассмотреть группу их адептов, то, наверное, среди них процент психопатов и дегенератов гораздо выше, чем среди партий умеренных»[1903]. Помимо Розенбаха идеи о негативном влиянии революции 1917 г. на психическое состояние российского общества разделяли В.М. Бехтерев, В.П. Осипов и др.

Психиатрический подход к революции появился много ранее 1917 г. В 1880-х гг. один из основоположников русской психиатрии В.Х. Кандинский писал о феномене психических эпидемий, распространение которых объяснял «душевной контагиозностью» – инстинктом подражания, объяснявшего заразительность чувств и эмоций, – и в качестве примеров приводил массовые религиозные движения, а также революции[1904]. Термин «революционный невроз» ввели в научный оборот в 1905 г. О. Кабанес и Л. Насс, и спустя всего пару месяцев после выхода французского текста он был переведен и опубликован в революционном Петербурге[1905]. На прошедшем в 1905 г. II Съезде отечественных психиатров в г. Киеве обсуждалось влияние революции и правительственных контрмер на психическое здоровье населения, в результате чего была принята резолюция, в которой призывалось устранить «административно-полицейский произвол», приводивший к росту душевных расстройств[1906]. Под влиянием декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г. один из основоположников русской судебной психиатрии В.П. Сербский на дверях своего кабинета повесил табличку: «Жандармы и полицейские в качестве пациентов не принимаются». Неудивительно, что в специализированных журналах периода первой революции появляются публикации о

[1903] Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 18 мая.

[1904] См.: *Кандинский В.Х.* Общепонятные психологические этюды М., 1881.

[1905] *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. СПб., 1906.

[1906] Труды второго съезда отечественных психиатров, происходившего в Киеве с 4 по 11 сентября 1905 г. Киев, 1907. С. 503.

влиянии общественно-политических событий на душевное здоровье населения[1907]. В это время активно изучается феномен «травматического психоза/невроза» – расстройства, вызванного внешними факторами психического характера.

Однако не только политическая борьба давала пищу психиатрическим исследованиям. В социокультурной сфере происходили не менее острые конфликты «старого» и «нового» искусства, модерна и архаики, столкновения эмоциональных режимов разных сообществ (сельского и городского), раскалывавших общество и затруднявших взаимопонимание между его членами. Многие исследователи отмечают, что нервозность была социокультурной особенностью эпохи модерна, в культуре Серебряного века зримо присутствовали психопатические черты[1908]. Из представителей нового искусства чаще других диагноза безумия удостаивались футуристы.

Оригинальную этиологию русского футуризма предложил профессор-психиатр Е.П. Радин. Он связал его появление с нервно-психическими потрясениями молодежи, пережитыми в 1905 – 1907 гг[1909]. Романтическую интерпретацию футуризма как психического отклонения предложил А. Закржевский, называвший их «огненными рыцарями безумия», которые должны были оживить застывшую культуру[1910].

[1907] См.: *Рыбаков Ф.Е.* Душевные расстройства в связи с современными политическими событиями // Русский врач. 1905. №51; 1906. №3,8; *Скляр Н.И.* О влиянии текущих политических событий на душевные заболевания // Русский врач. 1906. №8, №15; *Павловская Л.С.* Два случая душевного заболевания под влиянием общественных событий. Отдельный оттиск из журнала «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии». Июнь 1906. Спб., 1906.

[1908] См.: *Эткинд А.М.* Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996; *Сироткина И.Е.* Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX - начала XX веков. М., 2008; *Радкау Й.* Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера. М., 2017.

[1909] См.: *Радин Е.* Футуризм и безумие. СПб., 1914.

[1910] См.: *Закржевский А.* Рыцари безумия (футуристы). Киев, 1914.

Футуристы объявлялись безумцами потому, что являлись революционерами в искусстве. Неудивительно, что революционерам в политике ставили те же диагнозы. В.В. Розанов, описавший революцию 1905 г. в психиатрической терминологии, увидел на картине И.Е. Репина «17 октября 1905 г» сумасшедших революционеров: «Несут на плечах маньяка, с сумасшедшим выражением лица и потерявшего шапку… Лицо его не ясно в мысли, как именно у сумасшедшего, и видны только “глаза в одну точку”... Репин, не замечая сам того, нарисовал “масленицу русской революции”, карнавал ее, полный безумия, цветов и блаженства»[1911]. Выступивший в поддержку лейтенанта П.П. Шмидта В.П. Сербский настаивал на проведении судебно-психиатрической экспертизы, которая должна была доказать, по его мнению, что преступление было совершенно под воздействием маниакальной экзальтации.

Проблема безумия, остро вставшая перед интеллектуальными элитами накануне Первой мировой войны, привела к нетривиальным попыткам увидеть в этом феномене общественную ценность. Н.В. Вавулин выделил низшие формы безумия (тупоумие, слабоумие, кретинизм и проч., свойственные недоразвитым субъектам) и высшие (паранойя, истеричность, неврастения и проч., свойственные людям с утонченными и более совершенными, чем у обычных людей, душевными способностями), считая последние степенью гениальности. Вавулин полагал, что «высшее безумие двигало человечество вперед, освещая будущее, подобно Моисееву столпу», «вносило содержание в эмоциональную жизнь народов», «способствовало развитию культуры и цивилизации»[1912].

Совсем иначе тема сумасшествия зазвучала в годы мировой войны. Война, мыслившаяся как безумие, теперь означала гибель культуры и цивилизации. При этом тема безумия из художественно-философского пространства чаще стала переходить в область военно-психиатрической практики. Уже в сентябре 1914 г. В.М. Бехтерев, описывая линию фронта как гигантский

[1911] *Розанов В.В.* О картине И. Е. Репина “17-е октября” // Новое время. 1913. №13290.

[1912] *Вавулин Н.* Безумие, его смысл и ценность. СПб., 1913. С. 128.

сумасшедший дом, предложил начать срочную эвакуацию душевнобольных для их лечения в городских больницах в тылу[1913]. В декабре 1914 г. Бехтерев попытался подвести итоги психической динамики российского общества в статье «Психические заболевания и война». В ней автор связал рост душевных расстройств как с травмами головы, полученными солдатами на фронте, так и нервно-эмоциональным перенапряжением в прифронтовой зоне[1914]. Такие же неутешительные картины рисовал профессор П.Я. Розенбах[1915]. Современные исследователи Первой мировой все чаще обращают внимание на феномен «шелл-шока»[1916].

Вероятно, в русской художественной литературе самым сильным произведением на тему безумия войны следует назвать рассказ Л. Андреева «Красный смех», в котором в форме дневника описывался процесс схождения с ума – на фронте и в тылу. Написанный в годы русско-японской войны, он более соответствовал картинам Первой мировой. Словосочетание «красный смех», в котором прилагательное «красный» выступало синонимом «кровавый», а смех имел форму зловещей истерики, было эсхатологической метафорой наступавших «последних времен». Заметим, что массовое распространение религиозного мистицизма, эсхатологии, свойственное военному времени, В.Х. Кандинский рассматривал в качестве «душевной эпидемии»[1917]. Тем не менее начало войны очередной раз раскололо русскую интеллектуальную элиту. Военно-

[1913] Московский листок. 1914. 20 сентября.

[1914] Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1914. 15 декабря.

[1915] См.: *Розенбах П.Я.* Современная война и истерия. Пг., 1915.

[1916] *Фридлендер К.* Несколько аспектов шелл-шока в России, 1914 – 1916 // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 315-325; *Плампер Я.* Страх в русской армии в 1878 – 1917 гг.: К истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С.453-460; *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; *Merridale C.* The Collective Mind: Trauma and Shell-Shock in Twentieth-Century Russia // Journal of Contemporary History. 35. Heft 1. (January 2000). P. 39-55.

[1917] *Кандинский В.Х.* Общепонятные психологические этюды... С. 120.

патриотическая эйфория, захватившая часть общества (показательно, что ей поддался даже сам Л. Андреев), воспринималась другой ее частью в качестве психоза. Н.А. Бердяев отреагировал на книгу В.В. Розанова «Война 1914 г. и русское возрождение», уличив ее автора в алогизме и назвав его «мистической бабой», подчиняющейся первородной стихии. Баба-крестьянка, как представительница архаичного эмоционального сообщества, для которого не характерно подавление эмоций, вызывала ужас в среде великосветского эмоционального сообщества, предписывавшего подавление эмоций. Горожан пугала не только эмоциональность «баб», но и тот алогизм, который звучал в их рассуждениях на городских рынках, в трамваях о верховной власти[1918].

Метафоры «красного смеха» и «мистической бабы», как предчувствия приближающегося безумия-катастрофы, были визуализированы в серии работ художника Ф. Малявина «Бабы». Одна из первых работ называлась «Смех», и на ней были изображены бабы в красных одеждах. Ярче всего эта тема раскрылась в написанной в разгар первой революции картине «Вихрь». И.Е. Репин, почувствовав исходившее от нее эмоциональное напряжение, оставил восторженный отзыв, назвав ее «самой яркой картиной революционного движения»: «Подходя, вы замечаете в хаосе окровавленных лохмотьев загадочно пляшущих русских баб… В лицах и движениях фигур видна холодная оргия медленных движений и затаенной жестокости»[1919].

Однако «бабы» вызывали не только восторг, но и провоцировали эмоцию страха. В конце 1916 г. в Москве состоялась очередная выставка работ Малявина, на которой он представил своих как прежних, так и новых «баб». Критик записал впечатления от выставки: «Красная баба идет… Кажется, она все испепелит и своротит на своей дороге. Гудит эта картина, к зрительному впечатлению как будто примешивается и слуховое… Страшные бабы… Недаром Малявин возвращается к ним так настойчиво. Он в них почуял Россию»[1920]. В дни

[1918] Дневник Л.А. Тихомирова... С. 95-96.

[1919] Новое о Репине. Л., 1969. С. 20.

[1920] Московский листок. 1916. 20 декабря.

февральского социального взрыва разрушительная функция «красной бабы» проявилась в полной мере: нередко роковую роль эмоциональных провокаторов играли женщины, которые своей истеричностью заражали мужчин и провоцировали насилие[1921]. «Красный смех» «красной бабы» оказался предвестником безумия «красной смуты».

Таким образом к началу революции 1917 г. в российском обществе уже сложились определенные как медицинские, так и литературно-философские традиции ее интерпретации в психиатрическом ключе. События февральско-мартовский дней предоставили новый материал для анализа революции в данном русле.

Февральскую революцию 1917 г. можно описать как революцию эмоций. В ней оказались тесно сплетенными совершенно разные, порой диаметрально противоположные порывы, которые определяли течение политических процессов. Учитывая, что подавляющее большинство россиян поддерживало идею свержения верховной власти, уместно предположить доминирование в февральской революции позитивных эмоций. Написанные по горячим следам воспоминания, кажется, подтверждают это предположение. Член ЦК кадетов А.В. Тыркова в своем дневнике представляла февральские беспорядки в Петрограде в виде всеобщего восторга, безобидного праздника, отметив, что «толпа ни разу не была оскорбительна»[1922]. Схожие эмоционально-восторженные оценки сохранили записи Е. Зозули, Н. Морозова, И. Даинского, Н.П. Окунева и других очевидцев[1923]. Даже консервативно настроенному Б.В. Никольскому, не испытывавшему восторга от революции, передалось 28 февраля

[1921] *Булдаков В.П.* Красная смута… С. 55.

[1922] *Тыркова А.В.* Петроградский дневник // Звенья: Исторический альманах. Вып.2. М.-СПб., 1992. С.328.

[1923] См.: *Даинский И.* Как произошла русская революция. М.,1917; *Зозуля Е.Д.* Что запомнилось. (Революционные дни в Петрограде). Пг., б.г.; *Морозов Н.К.* Семь дней революции. События в Москве. Дневник очевидца. 1917 г. М., 1917. *Окунев Н.П.* Дневник москвича, 1917-1924: В 2х кн. Кн.1. М., 1990.

праздничное настроение[1924]. «Лица у всех взволнованные, радостные – чувствовался истинный праздник, всех охватило какое-то умиление. Вот когда сказалось братство и общность настроения», – записал 1 марта в своем дневнике москвич Н.П. Окунев[1925].

Однако другие современники отметили эмоциональную амбивалентность революционных дней. 3 марта русский монархист, член «прогрессивного блока» В.В. Шульгин записал: «Ах – толпа… Подлые и благородные порывы ей одинаково доступны и приходят мгновенно друг другу на смену»[1926]. Следует заметить, что мгновенная смена настроений является одним из признаков невротического расстройства. После перехода на сторону восставшего народа войск, казачества агрессия революционных масс возросла, направившись на своих давнишних врагов – городовых, околоточных, старших офицеров и т.д. Американский историк Фрэнк Голдер, которому довелось очутиться в февральские дни на улицах Петрограда, описал «большую охоту», которую устроила толпа на полицейских чинов, сопровождавшуюся улюлюканьем и прочими эмоциональными возгласами[1927]. Вследствие чего эмоции лагеря преследуемых были прямо противоположными. Начальник петроградского охранного отделения К.И. Глобачев нарисовал иную, страшную своими подробностями картину поведения толп, убивавших чинов полиции[1928].

Реконструируя эмоциональную обстановку февральского восстания можно выстроить следующую условную динамику эмоций тех дней: страх (перед возможным голодом), гнев (относительно неспособности власти наладить снабжение хлебом), ярость (по отношению к полиции как представителю

[1924] *Никольский Б.В.* Дневник. 1896-1918. Т.2.: 1904-1918. СПб., 2015. С. 279.

[1925] *Окунев Н.П.* Дневник москвича, 1917-1924. В 2-х кн. Кн. 1. 1917-1920. М., 1997. С. 14

1926 *Шульгин В.В.* Дни. 1920: Записки. М., 1989. С.268.

[1927] War, Revolution and Peace in Russia: The passages of Frank Golder, 1914-1927. Stanford, 1992, p.37.

[1928] *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения М., 2009. С. 83.

власти), удивление (от перехода войск на сторону восставших), восторг (по поводу победы революции). Примечательно, что сами современники выстраивали эмоциональную периодизацию революции: удивление (конец февраля), радость (начало марта), сомнение (конец марта), брезгливость (начало апреля)[1929].

Нельзя утверждать, что каждая новая эмоция полностью вытесняла предыдущую. Правильнее говорить о доминировании определенной эмоции в общем эмоциональном аккорде. Так, согласно свидетельству К.И. Глобачева, даже в первых числах марта в Таврическом дворце сохранялось подавленное и тревожное настроение[1930]. Адвокат Николай Карабчевский вспоминал свои впечатления от визита к председателю Временного правительства князю Г.Е. Львову, в душу которого проникла «какая-то сосредоточенно-покорная грусть»[1931]. Схожим образом описывал состояние Львова П.П. Менделеев: «Премьер глубоко сидел в кресле, устало согнувшись над письменным столом. Начал уверять, что жизнь скоро совсем наладится… Но от слов его не веяло обычной убежденностью. Ни бодрости, ни энергии. Скорее, слепая покорность судьбе»[1932]. Хотя март в восприятии современников стал «медовым месяцем революции», чувство страха никуда не делось: на смену старым фобиям перед протопоповскими пулеметами пришли новые – перед черными автомобилями и белыми крестами.

В марте 1917 г. в печати стала появляться информация о возрастании поступлений душевнобольных в городские клиники в несколько раз по сравнению с дореволюционным периодом[1933]. Корреспондент «Биржевых ведомостей» сообщал о «небывалом» наплыве психических больных, указывая, что в

[1929] Бич. 1917. №16. Апрель.

[1930] *Глобачев К.И.* Правда о русской революции... С. 92.

[1931] *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 168.

[1932] *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни… С. 408.

[1933] Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 8 марта.

одну только больницу Николая Чудотворца за неделю доставили 150 человек[1934]. Автор делил вновь прибывших пациентов на страдающих манией преследования и тех, кто пребывал в возбужденном состоянии, постоянно «звал на баррикады». Среди первой категории журналист выделил вице-адмирала В.А. Карцева (в прошлом командира крейсера «Аврора»): «Адмирал страдает манией преследования; ему все время кажется, что его преследуют, что за ним гонятся по пятам… И мысль о самоубийстве приходит к нему как единственный выход. Он этим бредит, кричит, требует оружия»[1935]. Воспоминания К.И. Глобачева, находившегося вместе с Карцевым под арестом в Министерском павильоне Таврического дворца, подтверждают сведения корреспондента. Бывший начальник Охранки вспоминал, что вице-адмирал «с первого дня своего ареста стал обнаруживать признаки сильного расстройства нервов. Однажды в 4 часа утра он вскочил со своего кресла, в котором спал, и бросился на часового с намерением выхватить у него винтовку. Тогда другой часовой выстрелил и пробил ему пулей плечо на вылет… Карцева солдаты оттащили от часового и передали двум явившимся на крики санитарам. Оказалось, что на него нашел припадок острого умопомешательства, и он имел намерение, вырвав винтовку из рук часового, покончить самоубийством»[1936].

Покушались на самоубийство и в стане «революционеров». В этом случае причиной оказывался пережитый эустресс. Характерным примером стал суицид солдата 3-го железнодорожного батальона Николая Мануйлова, делегированного в Петроград для передачи редакции «Известий Совета солдатских и рабочих депутатов» коллективного приветствия. Редактор, по-видимому, потерял записку в массе поступавших обращений, писем и прочих материалов, но солдат, исключительно эмоционально воспринимавший события последнего времени, не смог вынести эту ничтожную неудачу и застрелился, оставив предсмертное письмо: «Я прибыл в Петроград 3 марта... Приветствие от

[1934] Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 9 марта.

[1935] Там же.

[1936] *Глобачев К.И.* Указ. Соч. С. 95 – 96.

батальона не попало в “Известия”. Председатель забыл дать записку. Я просил три раза редактора внести поправку. Он забывал. А я терзался и душевно болел, и заболел. Все это сделало меня полоумным, парализованным, нервничал ужасно. Никогда в жизни не находился в таком состоянии. Хочется жить на новой заре лучшей народной жизни. Ведь цепи спали. Великий русский народ, ты стал на лучшую дорогу, сбросив с себя цепи рабства. Решил – шесть часов утра……»[1937]

Газетные сообщения и воспоминания свидетелей революции о росте психических расстройств находят подтверждение в официальной отчетности больниц, которая показывает, что в марте 1917 г. в столице случился двукратный рост сумасшествий по сравнению с аналогичным периодом за все годы войны. Пик поступлений пришелся на период с 5 по 15 марта. В среднем в марте 1917 г. 75 человек еженедельно поступали в психиатрические лечебницы, в то время как для февраля 1917 г. среднее еженедельное число поступлений составляло 48 человек (Приложение №1. Илл. 18).

Примечательно, что в феврале пик душевных расстройств среди мужчин пришелся на неделю с 13 по 19 февраля, а пик обращений женщин – с 20 по 26 февраля, т.е. непосредственно на период начала революции. Вместе с тем мартовское психическое обострение произошло в основном за счет мужчин, в то время как для женского населения столицы наиболее кризисным временем революции стала неделя 21 – 28 мая (Приложение №1. Илл. 19). В это время в столице проходили I Всероссийский съезд крестьянских депутатов и Всероссийский съезд офицерских депутатов, выборы в городские районные управы, а также по всей России – епархиальные съезды православного духовенства и мирян, на которых избирались делегаты для Всероссийского съезда. Впервые женщины России получили возможность реализации избирательного права, для некоторых из них это оказалось непростым нервным испытанием. Хотя, конечно, нельзя сказать, что рост поступлений в психиатрические больницы женщин происходил за счет избирательниц. Вероятно, сказывалось

[1937] Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 16 марта.

накопленное психологическое напряжение за предшествующий период, которое теперь вылилось во время сезонного весеннего обострения. Б.В. Никольский писал о развившейся в мае 1917 г. тяжелой формы неврастении у его супруги, не включенной в активную политическую жизнь[1938].

Обращают на себя также пики самоубийств душевнобольных, пришедшиеся на недели до 16 апреля, 13 августа, 10 сентября. При этом важно отметить, что с августа 1917 г. количество самоубийств среди пациентов психиатрических лечебниц начинает превышать число вновь поступавших душевнобольных (но больше всего самоубийств было совершено за апрель 1917 г). Очередной резкий рост поступлений начался 15 – 22 октября, когда Петроград находился во власти слухов о готовящемся вооруженном восстании большевиков.

Статистика динамики душевных расстройств с точки зрения абсолютных числовых величин касается незначительной части населения. К тому же, как отмечали психиатры, среди больных преобладали те, кто в силу определенных причин имел предрасположенность к нервно-психическим расстройствам. Однако, во-первых, далеко не все петроградцы, переживавшие неврозы и психозы, обращались за медицинской помощью, а, во-вторых, именно эта категория населения наиболее чутко реагировала на эмоциональный климат, в силу чего может восприниматься в качестве некоей лакмусовой бумажки, демонстрирующей тенденции общего характера.

Эмоциональный фон отражался на политических процессах, определял поведение отдельных политиков, форму их действий. В разгар апрельского кризиса М. Горький в «Несвоевременных мыслях» писал о том, что вся политика держалась на эмоциях, которые вели к искривлениям психики и вносили в политику темные инстинкты: «Мы живем в буре политических эмоций... Это - естественно, но это не может не грозить некоторым искривлением психики, искусственным развитием ее в одну сторону. Политика - почва, на которой быстро и обильно разрастается чертополох ядовитой вражды, злых

[1938] *Никольский Б.В.* Дневник... С. 287.

подозрений, бесстыдной лжи, клеветы, болезненных честолюбий»[1939]. Учитывая, что 1917 г. отличался чрезвычайно насыщенным эмоциональным фоном, политическим лидерам, для поддержания в глазах общества соответствующего реноме, необходимо было ему соответствовать. Наибольших успехов в «эмоциональной политике» достиг А.Ф. Керенский. Исследователи его культа, сложившегося уже весной 1917 г., обращают внимание на то, что министр очень тонко чувствовал темп политической жизни, что заметно отличало его от прочих членов Временного правительства[1940]. Стремительность Керенского восхищала современников. Газеты с восторгом описывали распорядок дня министра, восхищаясь тем, что за три часа Керенский успевал посетить и поприветствовать девять воинских частей[1941].

Но Керенского отличал не только насыщенный график, а, в первую очередь, эмоциональная насыщенность его выступлений. Талантливый оратор, он умело манипулировал зрителями, выбрав для себя сценический образ актера-неврастеника, предполагавший истерические пассажи, драматические паузы, полуобморочное состояние, т.е. все то, что соответствовало особенностям психологической атмосферы. Ученица К.С. Станиславского и жена А.Я. Таирова актриса А.Г. Коонен вспоминала одно из собраний: «И выступление Керенского, и атмосфера в зале производили впечатление какого-то истерического театрального представления. Керенский показался мне похожим на актера-неврастеника (амплуа, еще не вышедшее из моды), который самозабвенно играл роль вождя, увлекающего за собой толпу. Дамы, слушая его, хватались за голову, рыдали, срывали с рук кольца и браслеты и бросали их на сцену»[1942]. Причем в экстаз впадали не только экзальтированные дамы, но и офицеры – георгиевские кавалеры, бросавшие к ногам министра свои кресты, некоторые

[1939] Новая жизнь. 1917. 20 апреля.

[1940] *Колоницкий Б.И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М., 2017. С. 188.

[1941] Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 9 мая.

[1942] *Коонен А.Г.* Страницы жизни. М., 1985. С. 233.

также падали в обморок. Керенский, по-видимому, в глазах определенной части общества олицетворял того рыцаря-безумца, носителя высшей формы безумия, о котором писали Вавулин, Закржевский.

Однако рано или поздно эмоциональный фон меняется, затянувшиеся эмоции либо затухают, либо приводят к невротическим расстройствам. Современники обращали внимание, что в конце мая на смену буйным психам стали приходить «тихие сумасшедшие»: «Они бродят по улицам и никого не трогают, у них, главным образом, тихое помешательство»[1943]. В августе 1917 г. неврастеник-Керенский уже не удовлетворял эмоциональные потребности общества, на политическую сцену восходил герой иного амплуа – Л.Г. Корнилов. Примечательно, что последующий конфликт Керенского-Корнилова также может быть рассмотрен в эмоционально-психическом ключе: Керенский решил не дожидаться развязки и первым нанести удар по генералу, не выдержав нервного напряжения, вызванного страхом перед гипотетическим военным переворотом. Обращает на себя внимание и роковая роль В.Н. Львова – признанного впоследствии психически больным. Наводит на подозрения о неврозе и самоубийство А.М. Крымова. Вероятно, до конца понять причину конфликта генерала и министра не удастся без учета общей эмоциональной атмосферы, резко усугубившейся после падения Риги, на фоне которой разыгрывалось противостояние Корнилова и Керенского. Вот как настроения кануна «мятежа» описал корреспондент в заметке под названием «Нервы Петрограда» от 25 августа: «Наступили страшные дни, когда население Петрограда не может не чувствовать непосредственной тревоги за себя. Совсем на-днях страшные слова о том, что Россия гибнет, еще казались несколько риторическими. Для большинства петроградцев в эти слова еще не вливалось живое, личное, прямо физическое ощущение тревоги. Теперь все сразу переменилось. Переменилась даже погода. После ясных, жарких дней ранней осени тяжелые мрачные тучи

[1943] Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 30 мая.

затянули серым трауром петроградское небо и льют холодные, нудные дожди…. Нервы сразу поддались и началось бегство»[1944].

Ценным источником, позволяющим проследить динамику общественных настроений в 1917 г., является журнальная карикатура. Среди ее сюжетов можно отметить условно «позитивные» (либо темы из дореволюционного прошлого, которые уже не пугали обывателей, а потому вызывали позитивные эмоции, либо касавшиеся малозначительных, смешных явлений современной действительности) и «негативные» (привлекавшие внимание современников к тревожным симптомам современности, воплощавшие в себе актуальные фобии обывателей). Анализ более тысячи карикатур из таких популярных в обывательской среде журналов как «Новый Сатирикон», «Стрекоза», «Будильник», «Бич» позволяет выстроить следующую динамику позитивных и негативных эмоций, отразившихся в карикатуре (Приложение №1. Илл. 20.). Как видно из графика, с середины марта по середину июня в обществе доминировали позитивные эмоции, однако затем увеличивается число карикатур, посвященных таким эмоционально-негативным сюжетам, как рост преступности, транспортный кризис и общая хозяйственная разруха, угроза голода, угроза Гражданской войны. Показательно, что в целом динамика эмоций в карикатуре коррелирует с движением душевнобольных в петроградских клиниках: мартовско-апрельский пик позитивных карикатур совпадает с психическими расстройствами, вызванными сильным эустрессом, а пик негативных эмоций в августе и сентябре соответствует пикам самоубийств.

Октябрь для петроградцев прошел в ожиданиях вступления в город немцев и восстания большевиков. О последнем с 10 октября практически ежедневно писали газеты. 18 октября в статье «Нельзя молчать» М. Горький высказался по поводу слухов о большевистском восстании: «Все настойчивее распространяются слухи о том, что 20-го октября предстоит “выступление большевиков”... Значит - снова грузовые автомобили, тесно набитые людьми с винтовками и револьверами в дрожащих от страха руках, и эти винтовки

[1944] Биржевые ведомости. Веч. Вып. 1917. 25 августа.

будут стрелять в стекла магазинов, в людей - куда попало! Будут стрелять только потому, что люди, вооруженные ими, захотят убить свой страх. Вспыхнут и начнут чадить, отравляя злобой, ненавистью, местью, все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухою жизни, ложью и грязью политики - люди будут убивать друг друга, не умея уничтожить своей звериной глупости»[1945]. Тем не менее в ночь самого восстания мирная жизнь города не прекращалась: в то время, как пушки Петропавловской крепости обстреливали Зимний, работали рестораны, обыватели возвращались из театров, концертов. Скорее известие о захвате власти большевиками внесло некоторое успокоение в настроения обывателей: жить в состоянии ожидания катастрофы намного тяжелее, чем после свершившейся трагедии, когда срабатывают внутренние мобилизационные механизмы. П.А. Сорокин не без облегчения записал в дневнике после прихода большевиков к власти: «Пучина, наконец-то, разверзлась»[1946]. Тем самым октябрьский переворот оказался менее значимым эмоциональным событием для рядовых горожан, чем февральский социальный взрыв, однако, спровоцировав Гражданскую войну, начал очередной этап российской революции, породивший новые поводы для ухудшения нервно-психологической ситуации в российском обществе.

Таким образом мы видим, что эмоциональная динамика российской революции была тесно сопряжена с политической историей и в ряде случаев выступала не только следствием политических событий, но и определяла их направленность. Популярность политических лидеров была связана как с выдвигаемыми ими лозунгами, так и тем психотипом, который они демонстрировали. Так, выбранное А.Ф. Керенским амплуа неврастеника соответствовало психоэмоциональной обстановке весны, но потеряло актуальность летом-осенью 1917 г., когда массовая эйфория сменилась апатией. Политическая борьба разыгрывалась на фоне обострявшегося невротического состояния общества, что влияло на ее исход. Выявленная корреляция между движением

[1945] Новая жизнь. 1917. 18 октября.

[1946] *Сорокин П.* Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 99.

душевнобольных в городских клиниках и социально-политическими событиями указывает на присутствие психопатологического фактора в революции. Вместе с тем он не являлся исключительным следствием российской революции, а во многом определялся невротическим характером социокультурных трансформаций начала XX века, усиленных Первой мировой войной. В этом отношении показательно сравнение П.Я. Розенбаха фанатиков-революционеров с художниками-футуристами. Выдвинутая теория революционного невроза/психоза частично была продолжением политических баталий периода первой российской революции, частично – опиралась на клинические данные 1917 г.

***

Российская революция 1917 г. была объективным и закономерным событием. Ее предпосылки вызревали с конца XIX в., но окончательные причины сформировались в годы Первой мировой войны во многом по причине негибкости верховной власти, цеплявшейся за самодержавные основания. Несмотря на это, объективных причин к тому, чтобы революция началась именно 23 февраля, не было. Хлебный бунт, разгоревшийся в политический протест, произошел во многом под воздействием слухов, во власти которых оказалось и общество, и полиция, ожидавшая революционные беспорядки 14 февраля. Слухи выражали явные и скрытые общественные фобии (перед голодом, перед полицейскими провокациями и т. д.), поэтому с первых дней революции в ее основу легло стихийное насилие, ставшее некоей защитной реакцией толпы как общественного организма. Первым от этого насилия пострадали городовые — напуганное массовое сознание обывателей приписывало им стрельбу по народу из пулеметов с крыш и чердаков. Однако даже после победы революции, в так называемый период «медового месяца», обстановка в столице оставалась нервозной: на смену страхам перед «протопоповскими пулеметами» пришли страхи перед «белыми крестами» и «черными автомобилями».

Последние трансформировались в городскую легенду, а затем в мифему, развитие которой отражало метаморфозы обывательских страхов перед революционным насилием (от черносотенных организаций до уголовников и леворадикальных анархиствующих групп). В революции 1917 г. с первых ее дней стихийные процессы оказывались доминирующими, чувственно-эмоциональное определяло рациональное отношение к событиям, вследствие чего слухи вытесняли «факты» и становились значимым фактором социально-политической истории. Отсюда рождалась их прогностическая способность, а также способность влиять на текущие и будущие события, известная как «самоисполняющееся пророчество». Несмотря на то, что и накануне февраля, и накануне октября власти из слухов «знали» о приближающейся трагической развязке, они своими действиями лишь способствовали реализации наименее благоприятных для себя сценариев. Завладев умами обывателей, слухи как будто программировали массовое сознание на исполнение «пророчества».

Амбивалентность настроений весны 1917 г. отчасти объясняется парадоксальной природой революции, в которой проявились несбывшиеся мечты периода патриотической мобилизации общества 1914 г. Тогда надежды на общенациональное единение провалились, теперь революция дарила новые надежды на начало возрождения страны. Революционный энтузиазм февральско-мартовских дней нес в себе сильнейшую патриотическую составляющую, главной ценностью которой становилась идея свободной демократической России. Революция, ставшая преддверием Пасхи, наделялась сакральным смыслом, что проявилось в ее соответствующей интерпретации: революция как воскрешение. Миф о «великой бескровной» должен был лечь в основу очередной патриотической концепции.

Российская революция, сочетавшая общие как негативные, так и позитивные реакции, оказалась сильным эмоциональным потрясением для публики. Инверсии негативного и позитивного отразились в цикличности эмоциональной динамики 1917 г.: начавшись с тревоги января–февраля 1917 г., она пришла к еще более тревожно-эсхатологическим переживаниям осени 1917 г. При

этом даже позитивные эмоции несли печать нервно-психической девиации: с восторгом принявшие революцию граждане России пережили сильный эустресс, негативно сказавшийся на психологической обстановке. Статистика поступлений душевнобольных в городские больницы Петрограда показывает, что 1917 г. стал самым сильным нервно-психологическим потрясением для горожан с 1914 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская революция 1917 г. до сих пор остается одной из актуальнейших тем исторических исследований. Несмотря на определенное перепроизводство работ в советской историографии, в 1990-х гг. интерес к ней в отечественной науке подогревался открывшимися возможностями по применению новых методологических подходов, а 100-летний юбилей в XXI в. актуализировал анализ политики памяти. Несмотря на слабые попытки чиновников разного уровня объявить об общественном примирении, современному российскому обществу еще далеко до консенсуса в этом вопросе. Нет полного единства и в научном сообществе. Вероятно, наиболее важным достижением историков в XXI в. стало достигнутое согласие по определению событий 1917 – 1922 гг. как единого революционного процесса под названием «Великая российская революция». Здесь наблюдается не только сближение с периодизацией Великой Французской революции, но и отдается дань восприятию событий столетней давности современниками, которые рассматривали Гражданскую войну как закономерное следствие революции и ее очередной этап.

Вместе с тем представляется очевидным, что также как этап Гражданской войны был каузально связан с Октябрем 1917 г., так и Февраль 1917 г. – с Первой мировой войной. В свое время Е.Н. Городецкий метко заметил, что «Краткий курс ВКП (б)» «пристегнул» Февраль к царской России, а Октябрь – к советской истории[1947]. Тем самым российская революция была искусственно разрезана надвое. Во избежание такого деления важно рассмотреть единство процессов 1914 – 1917 гг. Основные вопросы революции – о земле, рабочий вопрос, вопрос о власти – вызревали еще с конца XIX в., но легшее в основу 1917 г. социальное насилие, ментальный кризис во многом оказались следствием процессов, происходивших в 1914 – 1916 гг. и наложивших свою

[1947] *Городецкий Е. Н.* Обсуждение доклада Драбкина Я. С. Нерешенные проблемы изучения социальных революций // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969. С. 251.

печать на видение обществом того, как эти вопросы можно решить. В этом контексте оправданно будет выделить события 1914 – 1922 гг. в единую эпоху катастроф, или войны и революции, тем более что такие хронологические рамки распространены в англоязычной историографии[1948]. С этой точки зрения период 1914 – 1917 гг. важен в качестве начального этапа российской смуты.

Анализ существующей историографии показывает, что с самого начала в ней уделялось внимание социально-психологическим проблемам революции (как в рамках социокультурного, так и классового подходов). Тем не менее исследование причин революции в силу доминировавшей политической и экономической истории преимущественно велось на примере «объективных» показателей. Это привело к определенным крайностям: изучение революции сквозь призму исключительно глобальных, «объективных» процессов ограничило понимание такого сложного и многопланового явления как революция. События февраля 1917 г. с точки зрения экономического детерминизма предстают как исключительно реакция на резкое ухудшение экономической ситуации в империи, некоторые авторы ошибочно констатируют начало голода в январе – феврале 1917 г. Вместе с тем очевидно, что до настоящего голода эпохи Гражданской войны тогда было далеко, да и последующий голод не стал толчком к революции, что говорит о переоцененности исключительно одних экономических показателей для социально-политической истории. Для людей объективные показатели редко имеют большее значение, чем субъективные представления о личном достатке, личной безопасности, о степени справедливости в распределении материальных благ. Поводом к февральскому социальному взрыву стал не реальный голод, а субъективный страх перед якобы надвигающимся голодом, усиленный слухами.

[1948] См.: *Engelstein L.* Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921. Oxford University Press, 2017; *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass.; London, 2002.

Исследования, которые отрицают наличие серьезного экономического кризиса в России на рубеже 1916-1917 гг. склонны отрицать и объективные причины российской революции. В этом случае некоторые историки впадают в иную крайность: начинают воспринимать революцию как исключительно результат чьих-то политтехнологических усилий, заговор внутренних или внешних врагов России. На рубеже XX – XXI вв. это стало особенно актуально в контексте распространения теорий о так называемых «цветных революциях». В современной России популярность теории о «цветных революциях» отчасти стала следствием перенесенной определенными слоями общества исторической травмы 1990-х гг., которая породила конспирологическую гипотезу, что распад СССР стал результатом политической технологии по манипулятивному воздействию на массовое сознание граждан страны[1949]. Следует заметить, что известнейший теоретик «цветных революций» Джин Шарп когда разрабатывал свою теорию «политики ненасильственных действий» учитывал и опыт революции 1917 г., поэтому наличие «общих мест» не означает искусственного характера событий отечественной истории столетней давности и не доказывает вмешательства в историю «третьих сил»[1950]. Да и механическое обращение современных теорий в прошлое едва ли может быть признано методологически грамотным. Тем не менее пристальное внимание некоторых историков к определенным общественным группам в период 1914 – начала 1917 гг. позволяет обнаружить в их деятельности некоторые черты заговорщичества. Так, под подозрения попадают деятели Земгора и ЦВПК, депутаты Государственной думы (преимущественно либералы), выражавшие оппозиционные взгляды. Однако в этом случае нужно задуматься над вопросом: были ли эти взгляды сформированы в этих группах и затем распространены на все

[1949] Более подробно об отечественной конспирологии рубежа XX – XXI вв. и ее истоках см.: *Яблоков И.* Русская культура заговора. Конспирологические теории на постсоветском пространстве. М., 2020.

[1950] См.: *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. М., 1993.

общество или, наоборот, эти группы, состоявшие из представителей разных слоев общества, отражали массовые настроения широких социальных страт? Как отметил К. Манхейм, в революционные времена политики, считающие, что подталкивают своими действиями массы, в действительности сами подталкиваются ими к определенным действиям[1951]. Анализ общественных настроений российских подданных показывает глубинный, в некоторых случаях архетипический уровень оппозиционности. В этом плане характерна скандальная речь П.Н. Милюкова 1 ноября 1916 г.: консерваторы обвинили лидера кадетов в желании окончательно подорвать авторитет верховной власти в стране, вместе с тем Милюков озвучил в очень мягких выражениях лишь малую толику того, о чем говорили на улицах. Вышедшие в начале ноября поддельные речи Милюкова и Н.С. Чхеидзе показали, что «народное творчество» было куда более революционно, чем настроения депутатов Думы.

У обоих подходов есть нечто общее: игнорирование исторической роли так называемого «маленького человека», обывателя. История в этих подходах превращается в историю либо обезличенных абстрактных процессов (экономических, политических, социальных), либо в историю «элит», чем принижается значимость изучения общественных настроений. Позиция, согласно которой действия обывателей носят статистически ничтожный характер, являются не более чем случайными флуктуациями, а, значит, исторически несущественны, ошибочна. Она не только игнорирует зависимость «элит» от народа, но и упускает из внимания скрытые социально-психологические механизмы самоорганизации общества как динамической системы.

Вместе с тем нельзя не отметить некоторые детские болезни социальной истории, доставшиеся по наследству от классового подхода: изучение общественных настроений нередко ведется в русле поиска политической сознательности тех или иных слоев, когда же оказывается, что протест носит не сознательно-организованный, а стихийный характер, делается вывод об отсутствии объективных причин к революции. В свое время переоценка значения

[1951] *Манхейм К.* Возрастание иррациональных элементов в общественном сознании… С. 14.

классовой сознательности пролетариата не позволила В.И. Ленину предугадать начало революции в России, а некоторых современных историков приводит к неоправданному противопоставлению сознательных и стихийных компонентов революционного движения: «Они (рабочие. – В.А.) приняли самое активное участие в революционном движении и в свержении монархии по причине фрустрированности, относительной депривации, неблагоприятной демографической структуры, податливости пропаганде и манипуляции, а не в силу своей революционности, организованности и сознательности»[1952]. Вместе с тем еще в конце 1960-х гг. историки «нового направления» обращали внимание на значимую роль стихийного компонента революции: «В самой стихийности движения, коль скоро она имеет место, необходимо видеть и еще одну сторону: само по себе стихийное выступление масс есть показатель того, что движение имеет глубокие корни»[1953]. Внимательное изучение массовых стихийных процессов (как, например, революционизации общественной психологии) позволяет обнаружить скрытую логику, алгоритмы этих процессов, в которых рациональные и иррациональные, стихийные и организованные компоненты обеспечивают самоорганизацию общественной системы. В социальной синергетике, рассматривающей общество как открытую динамическую систему, переход в новое качественное состояние связан с точками бифуркации, когда совокупность случайных флуктуаций обретает общий вектор и переводит систему из хаотического состояния в упорядоченное. Изучение структуры и динамики массовых настроений позволяет выявить эти скрытые механизмы самоорганизации общества.

Первый «механизм» связан с социальной ролью эмоций. Характерно, что многие современники, как революционеры из числа социал-демократов,

[1952] *Миронов Б.Н.* Рабочие в революции 1917 г.: субъект истории или пушечное мясо? // Социологические исследования. 2017. №2. С. 31.

[1953] *Грунт А.Я.* О характере и механизме развития революционного творчества масс (из опыта Октябрьской революции 1917 г.) // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М.: Наука, 1969. С. 61.

стоявшие на материалистических позициях, так и либералы-идеалисты недооценивали роль стихийных факторов в революции, в результате чего не опознали в событиях 23 – 25 февраля 1917 г. начало грандиозных перемен, посчитав, что имеет место «хлебный бунтик». Понимание революции ограничивалось, следуя классификации социального действа М. Вебера, целерациональной формой. Аффективно-эмоциональные формы социального поведения считались случайными, не существенными, не имеющими отношения к антиправительственному и антисамодержавному движению. Тем не менее изучение протестных акций, бунтов 1914 – 1917 гг. показывает, что и политический рабочий протест, и «пьяные беспорядки» призывников, и погромы солдаток, и антинемецкие погромы «патриотов» имели в своей основе плохо контролируемое стихийно-эмоциональное начало, в котором проявлялись, иногда неожиданно для массы участников, политические мотивы. Важно отметить, что позитивные и негативные эмоции имели тенденцию перетекать друг в друга. Характерно, что если антинемецкий погром в Москве в мае 1915 г. отчасти был связан с негодованием от потери Перемышля, то антинемецкий погром в Петрограде в октябре 1914 г., наоборот, подпитывался положительной эмоцией радости по поводу успехов русской армии под Варшавой и взятия союзниками Циндао. Тем не менее оба из них спровоцировали эмоции страха и ненависти по адресу подозревавшихся в шпионаже «внутренних врагов» и привели к актам насилия в отношение невинных людей, в том числе стариков. Свидетели февральских дней 1917 г. отмечали, что революционная толпа легко переходила из состояния восторга и радости в состояние страха и ненависти. Основоположники социальной психологии еще в конце XIX в. обратили внимание на внушаемость толпы, однако отмечали в ней расово-культурную предрасположенность[1954]. Русский психиатр В.Х. Кандинский, наоборот, относил этот феномен к сфере психического и ввел понятие «душевной (эмоциональной) контагиозности»[1955]. В современной психологии эмоциональная

[1954] *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 169.

[1955] См.: *Кандинский В.Х.* Общепонятные психологические этюды. М., 1881.

заразительность хорошо известна, а последние открытия в сфере нейрофизиологии позволили связать ее природу с зеркальными нейронами[1956]. Другая особенность эмоций – относительно быстрое угасание. Изучение патриотической кампании 1914 г. показывает, что попытка длительного сплочения общества на основе военно-патриотических чувств несостоятельна, так как в конечном счете велика вероятность сильных разочарований и переадресации той ненависти, которая изначально адресовалась внешнему врагу, – врагу внутреннему, которым может стать сама власть. В итоге затянувшиеся эмоции, эмоциональный перегрев усиливают невротизацию общества, проявляются в росте душевных расстройств, что еще больше усиливает значимость стихийных процессов, превалирования иррациональных факторов над рациональными.

Эмоции выполняют свои социальные функции не только в толпе, когда субъекты находятся в непосредственном контакте друг с другом, но и посредством передачи культурных знаков, образов, символов. Воздействие образов на реципиентов опирается на эмоциональную власть образа и, тем самым, перепроизводство определенных образов способно изменить отношение к ним основной массы потребителей. Изучение материалов перлюстрации, дневников и воспоминаний современников демонстрирует, что с середины 1915 г. обыватели испытывали сильное раздражение от навязываемых пропагандой патриотических сюжетов. Изображение картин немецких зверств вызывало скептицизм и приводило современников к выводам, что на войне любой человек становится зверем, вне зависимости от своего подданства и этнической принадлежности. Однако «механика» взаимоотношений образ – реципиент подразумевает специфику восприятия сообщения принимающим субъектом в соответствии с его визуальным опытом. Игнорирование того, что одни и те же образы оказывают разное воздействие на разные социальные группы, приводит к репрезентационным ошибкам. Здесь, вероятно, наиболее ярким примером окажется стратегия фотографической саморепрезентации царской власти

[1956] См.: *Косоногов В.* Зеркальные нейроны: краткий научный обзор. Ростов-на-Дону, 2009.

в годы Первой мировой войны, которая, во-первых, вступала в противоречие с символической саморепрезентацией в качестве власти самодержавной, а, во-вторых, не учитывала особенности визуальной культуры крестьянской массы. Как следствие крестьяне, рассматривая фотографии, запечатлевавшие встречи царя одетого в типовую солдатскую шинель с рядовыми солдатами, крестьянами, и не находя в них самодержавных атрибутов, приходили, в одних случаях, к выводам что царь глупый, в других – что подменный, ненастоящий. Учитывая распространенность в годы войны эсхатологических настроений разочарования в царе приводили к высказываниям, что Николай II является Антихристом. Анализ устных высказываний крестьян, а также их оскорбительных действий по отношению царских изображений свидетельствует о глубоко личном раздражении или даже ненависти по отношению к императору, что не может объясняться сознательной пропагандой тех или иных сил (социалистов и прочих оппозиционно-настроенных кругов общества). На архетипическом уровне в сознании народа (в первую очередь необразованных или малообразованных слоев) присутствует набор неких стереотипных образов врагов (антагонистов), который закреплен в фольклоре (сказках, легендах, песнях). В зависимости от того, как складывается внутренняя ситуация, определенные события активируют эти образы, в результате чего появляются абсурдные для одних, но кажущиеся истинными для других образы императриц-шпионок, царя-пьяницы, главнокомандующего-предателя, священника-пулеметчика и т.д. Характерно, что даже в самых абсурдных из них обнаруживается некий исторический факт, который народная фантазия исказила в соответствии с определенными архетипическими моделями (иногда сказочными сюжетами). Тем самым возникновение искаженных образов хоть и обнаруживает автоматически-бессознательный характер, в то же время демонстрирует подчиненность определенной логике.

Помимо емких визуальных или вербальных образов проводниками эмоций выступают также массовые слухи. Слухи не только отражают массовые настроения, но и выполняют несколько важных социальных функций: в

условиях информационного кризиса, падения доверия к официальной информации они восполняют информационные лакуны, как правило искаженными в той или иной степени фактами; слухи выполняют когнитивную функцию, предлагая объяснительные модели, нередко заимствованные из фольклора; слухи провоцируют ошибочные контрдействия, приводящие к исполнению неверных слухов. Последняя функция слухов хорошо известна в социологии под разными названиями: «теорема Томаса», «Эдипов эффект» К. Поппера или теория самоисполняющегося пророчества Р. Мертона. В основе теории Мертона лежит утверждение, что ложное предсказание, кажущееся современникам истинным, будет влиять на поведение людей так, что их действия сами приведут к исполнению этого предсказания[1957]. Механизм самоисполнения слуха можно проследить на нескольких уровнях в годы войны: политическом, экономическом и социальном. В общем виде он обнаруживается во взаимоотношении власти и общества, которое можно определить как кризис доверия. С середины 1915 г. усиливается недоверие власти к общественным организациям – Земгору, ЦВПК, – а также Государственной думе. Благодаря донесениям агентов Охранного отделения, в которых пересказывались в том числе и слухи об их революционной деятельности, а также традиционной для консерваторов подозрительности к общественным инициативам, создается представление об их тайной революционной работе. Показательна дискуссия на секретном заседании Совета министров осенью 1915 г., во время которой был озвучен слух о том, что Земгор создает свою собственную армию с 300 бронированными автомобилями. Департамент полиции отмечал, что Государственная дума провоцирует рабочие беспорядки. Все это повлекло наступление власти на самостоятельность общественных организаций, сокращение сроков сессии Государственной думы, что лишь усиливало общественное недовольство и приводило, действительно, к революционизации общества. Исследователи отмечают, что оппозиционность общественных деятелей носила во многом вынужденный характер. Несмотря на то что большинство депутатов

[1957] *Merton R. K.* Social Theory and Social Structure. Free Press. 1968. P. 477.

Государственной думы высказывалось против революции вплоть до февраля 1917 г., царский указ об очередном прерывании сессии 25 февраля, принятый в надежде на то, что роспуск Думы лишит восставших организационного центра, привел к тому, что депутаты Думы, оставшиеся в Таврическом дворце, во многом помимо своей воли сыграли организационную роль в событиях февральской революции. Механизм самоисполняющегося пророчества обнаруживается и в отношении Охранного отделения и Департамента полиции к рабочей группе ЦВПК. В январе 1917 г. агенты Охранки в своих донесениях пересказывали абсурдные слухи, согласно которым рабочая группа под руководством П.Н. Милюкова готовит вооруженные провокации 14 февраля. На основании этих донесений, полагая, что роспуск рабочей группы поспособствует снижения рабочего протеста, власти приняли решение арестовать членов рабочей группы, что и было сделано 27 января. Однако арест рабочей группы вызвал лишь новые возмущения как самих рабочих, так и членов ЦВПК, депутатов Думы, а, кроме того, в условиях отсутствующей посреднической организации между промышленниками и рабочими 22 февраля администрация Путиловского завода приняла решение о локауте, в результате чего 36 тыс. рабочих оказались на улице и на следующий день присоединились к протестующим толпам женщин-работниц. Самоисполняющееся пророчество проявилось в событиях 1917 г. и на бытовом экономическом уровне. В феврале 1917 г. в среде петроградских обывателей распространяются слухи о критической нехватке хлеба в столице и приближении голода. В них присутствует и взрывоопасный политический подтекст: говорят, что по приказу министра внутренних дел А.Д. Протопопова подвоз хлеба в столицу запрещен с целью спровоцировать народные беспорядки и затем жестоко их подавить, что наделяет хлебные «хвосты» революционным зарядом. Несмотря на попытки правительства успокоить обывателей и констатацию того, что запасов муки в Петрограде достаточно, а также на увеличение отдельными булочными выпечки хлеба в два раза, спрос на хлеб резко возрастает в результате чего хлебные магазины

закрываются. Вызванный паническими слухами недостаток хлеба на фоне общего политического кризиса становится толчком к революционным событиям.

Очевидно, что механизм самоисполняющегося пророчества связан не со случайным стечением обстоятельств, а определяется наличием глубокого, системного кризиса в обществе, одним из проявлений которого оказывается кризис информационный, характеризующийся сильным падением доверия к официальным источникам информации, что мешает нормальному взаимодействию общества и власти и повышает значимость абсурдных, искаженных устной молвой и массовыми страхами слухов. При этом информационный кризис, имеющий в своей основе психологические черты, обладает определенной инерцией: несмотря на свержение царской власти российская революция развивалась во многом в соответствии с теми страхами и надеждами, которые будоражили общество. В конечном счете это сказывалось на психической атмосфере революции, в которой проявлялись психопатологические черты. Парадоксальный характер российской революции подчеркивают символы позитивного и негативного порядка, проявлявшиеся на уровне политического языка, подверженного, по свидетельству современников, не разуму, а сильным эмоциям.

Таким образом, ситуация социально-политического кризиса запускает скрытые психологические механизмы, которые способствуют росту оппозиционных настроений и действий. Случайные факторы, как, например, слухи, накапливаясь и приобретая определенную политическую форму, обретают общий вектор, начинают провоцировать типичные реакции обывателей, делая революцию объективным и закономерным явлением. В этом плане российская революция была предопределена не только глобальными объективными проблемами (крестьянское малоземелье, нерешенный рабочий вопрос, противоречия политической системы), но и стихийными процессами в самом обществе периода Первой мировой войны. Не случайно, что современники, предчувствуя приближение революции в 1916 г., пытались выстроить динамику общественных настроений и указывали на лето-осень 1915 г. как переломный

момент, пройденную точку невозврата (или точку бифуркации), после которой революция обретала закономерный характер. Этим объясняется значительное количество сбывшихся пророчеств о приближающейся революции, которые обнаруживаются в 1916 г. в массе источников личного происхождения.

Ментальные процессы рассмотренной эпохи продемонстрировали тщетность попыток различных политических сил (от революционеров до сотрудников охранки) повлиять на внутриполитическую ситуацию в стране с помощью тех или иных «технологий». В условиях усугублявшегося социально-психологического кризиса технологии, в основе которых лежала определенная логика, оказывались малоэффективными по причине пробуждения в массах архаичных инстинктов, движимых не рассудком, а эмоциями, аффектами. В этом отношении время Первой мировой войны продемонстрировало некоторые заблуждения образованной части общества, рассеяло распространенные мифы: невиданная ранее жестокость на полях сражений, применение новых технологий человекоубийства, оружия массового поражения показало несостоятельность романтизированных представлений о культурном прогрессе человечества, способности знания и культуры противостоять архаичному насилию и ненависти в условиях, когда иррациональное начинает довлеть над рациональным. Абсурдные слухи поднимали из глубин массового сознания архаичные образы, вызывавшие эмоциональные реакции, становившиеся стимулами социально-политических действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Фонд 58 Московское губернское жандармское управление

Оп. 7. Д. 298, 323, 334;

Оп. 9. Д. 350, 369;

Фонд 97. Управление дворцового коменданта министерства императорского двора.

Оп. 1. Д. 51;

Оп. 4. Д. 10, 12, 19, 36, 124;

Фонд 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел.

Оп. 71. Д. 74;

Оп. 73. Д. 1ч.19, 7ч.213, 9ч.Ж, 9ч.Д, 13, 59, 64, 86, 99;

Оп. 74. Д. 7ч.16, 14ч.4, 58;

Оп. 75. Д. 10ч.4, 10ч.6;

Оп. 123. Д. 4ч.3.л.А, 61ч.2л.Б, 61ч.5.л.А, 61ч.8.л.Б, 61ч.9.л.А, 108ч.60, 108ч.61л.А, 108ч.61л.Б, 138;

Оп. 211. Д. 1516, 1988;

Оп. 244. Д. 101-Б, 102, 244, 226, 341л.Б1;

Оп. 245. Д. 3ч.8.л.Б, 3ч.30л.Б., 3ч.83л.Б, 4ч.9.л.Б, 4ч.9г, 4ч.45, 4ч.45л.Б, 4ч.89л.Б, 33.т.1, 33т.2, 33т.3, 33т.4, 33т.5, 33т.6, 45, 122, 279, 280, 281, 286, 288,

Оп. 246. Д. 33, 59, 59ч.1., 59ч.9, 59ч.9б, 122, 291, 291ч.2;

Оп. 265. Д. 967, 968, 975 – 980, 988, 992 – 999, 1003 – 1010, 1012 – 1014, 1022, 1042, 1044 – 1047, 1064 – 1072, 1074

Оп. 267. Д. 47;

Оп. 302. Д. 35, 41, 45, 54, 58, 65, 188, 193;

Фонд 111. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде (охранное отделение) при петроградском градоначальнике.

Оп. 5. Д. 473, 474, 506, 600, 669, 669а;

Фонд Р5881. П.Е. Мельгунова-Степанова.

Оп. 2. Д. 781.

Фонд 1788. Министерство Внутренних Дел Временного правительства.

Оп.1. Д. 6, 7, 10, 23, 24(б), 35, 38, 44, 74

Оп.2. Д. 70

Оп.5. Д. 6, 7.

Оп.9. Д. 10, 15.

Фонд 1791. Главное управление по делам милиции.

Оп.1. Д. 238, 706.

Фонд 1800. Департамент общих дел МВД.

Оп.1. Д. 12, 17, 18, 181, 187.

Фонд 5141. Управление Петроградской городской милицией.

Оп.1. Д. 4, 8, 10, 38, 40, 56, 59.

Фонд 6281. Коллекция документов периода Первой мировой войны.

Оп.1. Д. 1, 9, 23, 70, 72, 181.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Фонд 150. Петроградское общество заводчиков и фабрикантов

Оп. 1. Д. 669;

Оп. 2. Д. 5, 7;

Фонд 560. Общая канцелярия министра финансов

Оп. 26. Д. 1132, 1146 – 1149, 1216 – 1219;

Фонд 733 Департамент народного просвещения

Оп. 199. Д. 328, 360;

Оп. 201. Д. 509;

Фонд 740. Департамент общих дел Министерства народного просвещения

Оп. 43. Д. 116, 117.

Фонд 776. Главное управление по делам печати МВД

Оп. 25. Д. 1126 – 1130, 1132, 1138, 1139, 1161 – 1165, 1180, 1181, 1221;

Фонд 777. Петроградский комитет по делам о печати

Оп. 22. Д. 9, 10, 12;

Оп. 23. Д. 11 – 15;

Фонд 796. Канцелярия Синода

Оп. 199. 4 делопр. 2 ст. Д. 496;

Оп. 201. 6 отд. 2 ст. Д. 82, 121, 139, 6 отд. 3 ст. Д. 73, 82, 109;

Фонд 797 Канцелярия обер-прокурора Синода

Оп. 86. 2 отд. 3 ст. Д. 14, 23, 29, 102, 221, 259, 3 отд. 5 ст. Д. 22, 32, 59, 129, 136 (а);

Фонд 1279 Следственная комиссия при Государственной думе

Оп. 1. Д. 5, 6;

Фонд 1282. Канцелярия министра внутренних дел

Оп. 1. Д. 732, 741, 1165;

Фонд 1284. Департамент общих дел МВД

Оп. 47. Д. 363;

Фонд 1405 Министерство юстиции

Оп. 521. Д. 475, 476;

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Фонд 763. Петроградская комиссия по проверке призыва чинов запаса и ополчения

Оп. 1. Д. 16, 27, 28, 36 – 38;

Фонд 1352. Военный прокурор Петроградского военно-окружного суда

Оп. 1. Д. 1821, 1912, 1920, 1940, 1960, 1988;

Фонд 2003. Штаб верховного главнокомандующего (Ставка), г. Могилев.

Оп. 1. Д. 1486;

Фонд 2754. 140-й пехотный Зарайский полк

Оп. 2. Д. 306;

Фонд 13838. Военная цензура при главном почтамте Петрограда

Оп. 1. Д. 18, 26;

Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ)

Фонд 1. Московское Врачебное управление.

Оп.2. Д. 3741, 3744, 3745, 3748, 3751.

Фонд 131. Московская судебная палата.

Оп.17. Д. 1019, 1021, 1080, 1154.

Оп.18. Д. 428, 562, 563, 565.

Оп.60. Д. 247, 594, 685.

Оп.61. Д. 88.

Оп.90. Д. 15, 30, 65, 67.

Фонд 179. Московская городская дума и московская городская управа.

Оп.2. Д. 3665.

Оп.3. Д. 147, 282, 623, 1568.

Оп.21 Д. 3626, 4734, 4736, 4897.

Фонд 199. Московский столичный и губернский статистический комитет.

Оп.2. Д. 1027.

Российский государственный архив кинофотофонодокументов (РГА КФФД)

Ед. хр. № 2-57765, 4-20716, 4-19776, 0-269997, 0-269993, 2-29069, 4-1359, 4-12233, 4-11962, 2-100090, 4-19731, 2-1830, 2-57270, 4-24, 0-269983, 5-9517, 2110500, 2-115, 2-27, 2-43312, 0-267535, 4-17850, 0-276559, 2-100226, 0-276528, 2-100230, 2-100243, 4-19767, 4-3802, 0-271463, 2-5947, 2-33015, 2-4295, 2-4315, 2-54454, 2-5912, 6-54, 2-48450, 4-19768, 2-29543, 2-14, 2-4300, 2-100618, 4-18724, 5-9523, 5-9507, 4-1593, 2-841, 2-3168, 2-4281, 2-8081, 4-20412, 2-3167, 2-4282, 4-20720, 2-99623, 4-20723, 2-100086, 5-8844, 5-8863, 2-100792, 4-16416, 0-265256, 0-276543, 0-275012, 0-271436, 4-

13477, 0-275011, 0-275016, 0-275015, 4-13509, 2-57264, 4-15868, 4-12202, 2-59662, 4-13499, 2-29726.

Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГА КФФД СПб.)

Ед. хр. А. 4067, Ар. 96270, Г. 14, Г. 34, Г. 39, Г. 40, Г. 43, Г. 46, Г. 74, Г. 76, Г. 200, Г. 793, Г. 794, Г. 2613, Г. 4264, Г. 11275, Г. 13824, Г. 14564, Г. 14570, Г. 15613, Г. 16050, Г. 18895, Д. 484, Д. 488, Д. 1651, Д. 2001, Д. 2004, Д. 1732, Д. 3540, Д. 4297, Е. 1793, Е. 1813.

Фотоархив Музейного ведомства Финляндии

Коллекция фотографий, снятых в июле 1914 г. этнографом А. Вяйсяненом в мордовском селе Вечканово Самарской губернии.

Отдел изобразительных материалов РГБ

ИО 12. Коллекция открыток периода Первой мировой войны

Коллекция лубка периода Первой мировой войны.

Периодика за 1914-1917 гг.

1. Аполлон.
2. Биржевые ведомости. Вечерний выпуск.
3. Биржевые ведомости. Утренний выпуск.
4. Бич.
5. Будильник.
6. Ведомости комиссариата московского градоначальства
7. Ведомости Петроградского Градоначальства
8. Вестник военного и морского духовенства
9. Вестник Европы
10. Вечернее время

11. Вокруг света
12. Газета-копейка
13. Голос Руси
14. Ежегодник. Торгово-промышленный мир России. Год войны. Ч. 4. Отдел V. Пг., 1916.
15. Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве.
16. Еженедельник статистического отделения петроградской городской управы
17. Еженедельник статистического отделения Санкт-петербургской городской управы.
18. Земледельческая газета
19. Земщина.
20. Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета
21. Известия Петроградской городской думы
22. Искры
23. Исторический вестник
24. Киев
25. Летопись войны
26. Маленькая газета
27. Минская газета-копейка.
28. Минский голос
29. Миссионерское обозрение
30. Московские церковные ведомости
31. Московский листок
32. Народное эхо.
33. Нива
34. Николаевская газета.
35. Новое время
36. Новое звено

37.Новый Сатирикон

38.Обозрение кинематографов, скетинг-рингов и театров

39.Огонек

40.Одесский листок

41.Пермские ведомости.

42.Петербургский листок.

43.Петроградский листок.

44.Природа и люди.

45.Путь Освобождения.

46.Речь.

47.Русская воля.

48.Русские ведомости

49.Русский инвалид

50.Русское слово.

51.Саратовский листок.

52.Северные записки.

53.Сибирская жизнь

54.Солнце России

55.Старый Владимирец

56.Стрекоза

57.Утро России

58.Церковные ведомости

59.Церковный вестник

60.XX век

Интернет-ресурсы:

1. Русский военный лубок. Коллекция Государственной публичной исторической библиотеки. http://vvpmv.shpl.ru/

2. Mobilisation of Russian Army at start of World War One. Br. Pathé https://www.britishpathe.com/video/russian-army-1

Опубликованные документы личного происхождения (дневники, воспоминания, письма)

1. Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника: В 2 кн. Кн. 1. Париж, 1988.
2. Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915–1933. Кн. 1. М., 2010.
3. Арамилев В.В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося. 1914–1917 гг. М., 2015.
4. Архиепископ Василий (Кривошеин). Спасенный Богом: Воспоминания; Письма родным. М., 2019.
5. Ахматова А. Малое собрание сочинений. СПб., 2012.
6. Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. Л., 1927.
7. Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916-1917-1918. М., 2003.
8. Блок А. Дневник. М., 1989.
9. Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921.
10. Бочкарева М. Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. Койданава, 2013.
11. Британишский Л.Р. Дневник 1913–1915 / Публ., вступ. заметка и прим. Владимира Британишского. СПб., 2014.
12. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963.
13. Булгаков В.Ф. Опомнитесь, люди-братья!: история воззвания единомышленников Л.Н. Толстого против Мировой войны 1914-1918 г.г. Т.1. М., 1922.
14. Быв. иер. Илиодор. Святой черт. М., 1917.
15. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991.
16. Вертинский А.Н. Дорогой длинною... Стихи и песни. Рассказы, зарисовки, размышления. Письма. М., 1990.

17. Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 гг. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 84-110.
18. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997.
19. Воейков В.Н. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936.
20. Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003.
21. Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневник 1914–1915 годов. СПб., 2001.
22. Генерал В.И. Селивачев. Дневники. 1901-1914. М., 2019.
23. Генерал В.И. Селивачев. Дневники. Январь – август 1915. М., 2020.
24. Генерал В.С. Михайлов, 1875–1929: Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007.
25. Гильдебрандт-Арбенина О. Девочка, катящая серсо: Мемуарные записи, дневники. М., 2007.
26. Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929
27. Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М., 2003.
28. Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 100-122.
29. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997.
30. Голубев П.С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1914. № 48.
31. Городцов В.А. Дневники ученого. 1914-1918: Из собрания Государственного исторического музея. В 2 кн. Кн. 1,2. М., 2019.
32. Даинский И. Как произошла русская революция. М., 1917.
33. Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М., 1992.
34. Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне. Берлин, 1924.

35. Две тетради. Дневник Н.А. Миротворской / Публ. Д. Иванов. М., 2010.
36. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997.
37. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008.
38. Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 годы. М., 1995.
39. Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. Рига, 1924.
40. Дневники, воспоминания, письма великого князя Андрея Владимировича. М., 2018.
41. Дневники императора Николая II. Том II. 1905–1917. М., 2007.
42. «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева. 1902–1953 гг. М., 1997.
43. Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. №7-12.
44. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.
45. Жевахов Н.Д. Воспоминания. Т. 1. Сентябрь 1915 — Март 1917. Валаам, 1993.
46. Жилкин И.В. Московский погром // Вестник Европы. 1915. № 9.
47. Зозуля Е.Д. Что запомнилось. (Революционные дни в Петрограде). Пг., 1917.
48. Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991.
49. Кельсон З. Милиция февральской революции. Воспоминания // Былое. № 1 (29). 1925. С. 161-179.
50. Коонен А.Г. Страницы жизни. М., 1985.
51. Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914-1917). СПб., 2017.
52. Кривощеков А.И. Легенды о войне // Исторический вестник. 1915. № 10.

53. Кузмин М. Дневник 1908-1915 /Предисловие, подг. текста и комментарии Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб., 2009.
54. Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992
55. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке: (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). Пг., 1920.
56. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994.
57. Мартышевский Я.Е. По скорбному пути: Воспоминания. 1914 – 1918. М., 2016.
58. Мельгунова-Степанова П.Е. Дневник: 1914-19120 / Вступ. ст., коммент., именной указ. В.Д. Лебедева. М., 2014.
59. Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864-1933. М., 2017.
60. Милюков П.Н. Как принята была война в России? // Воспоминания. М., 1991.
61. Морозов Н.К. Семь дней революции. События в Москве. Дневник очевидца. 1917 г. М., 1917.
62. Морфесси Ю. Жизнь, любовь, сцена: воспоминания русского баяна. Париж, 1931.
63. Мосолов А. При дворе императора. Рига, 1938.
64. На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы. М., 1997.
65. Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М., 2018.
66. Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. Т. 2.: 1904–1918. СПб., 2015.
67. Новое о Репине. Л., 1969.
68. Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания: 1869-1920. В 2-х тт. М., 2017.
69. Окунев Н.П. Дневник москвича (1917–1924). Париж, 1990.

70. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. 2. Думская монархия. Мюнхен, 1949.
71. Палеолог М. Дневник посла. М., 2003.
72. Паскаль П. Русский дневник. Во французской военной миссии. 1916-1918. Екатеринбург, 2014.
73. Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. Л., 1926.
74. Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 1. Берлин, 1922.
75. Письма с войны 1914-1917 / Сост. А.Б. Асташов, П.А. Симмонс. М., 2015.
76. Письмо священника Григория Петрова митрополиту Антонию. Б.м. 1908.
77. Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М., 2015.
78. Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. К.А. Соловьев. М., 2014.
79. Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. Книга вторая. М., 1994.
80. Романов В.Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.). СПб., 2019.
81. Ростковский Ф.Я. Дневник для записывания… М., 2001.
82. Русская армия в Великой войне: Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М., 1942.
83. Сайн-Витгенштейн Е.Н. Дневник. Париж, 1986.
84. Семина Х.Д. Записки сестры милосердия. Кавказский фронт. 19141–918 гг. М., 2016.
85. Сиверс А.М. Дневник 1916-1919 г. М., 2019.
86. Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016.

87. Смирнов С. Записки сельского священника. М., 2008.
88. Снесарев А.Е. Письма с фронта. 1914 – 1917. М., 2012.
89. Снесарев А.Е. Дневник 1916-1917. М., 2014.
90. Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М.,1992.
91. Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. 1914–1917. Кн. 1. Нью-Йорк, 1960.
92. Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928.
93. Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000.
94. Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991.
95. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924.
96. Толстая С.А. Дневники в двух томах. Том 2. Дневники 1901-1910. Еже-дневники. М., 1978.
97. Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.
98. Три брата (То, что было): Сборник документов / Составители, авторы предисловия и комментариев К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова. М., 2019.
99. Тыркова А.В. Петроградский дневник // Звенья: Исторический альма-нах. Вып.2. М.-СПб., 1992.
100. Успенский Л. Записки старого петербуржца. Л., 1970.
101. Федорченко С. Народ на войне. М., 1990.
102. Финдейзен Н.Ф. Дневники. 1915-1920. СПб., 2016.
103. Фурманов Д.А. Дневник: 1914-1916. М., 2015.
104. Хутариев-Гарнишевский В.В. Призраки измены. Русские спец-службы на Балтике в воспоминаниях подполковника В.В. Владими-рова, 1910-1917 гг.: Сборник воспоминаний и документов. М., 2019.
105. Чубинский М.П. Год революции (1917) (из дневника) // 1917 год в судьбах России и мира. М., 1997.
106. Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. М., 1991.
107. Чукоккала. М., 1979.
108. Шаховской В.Н. Так проходит мирская слава. 1893-1917. М., 2019.
109. Шиль С.Н. Крымские записки. 1916-1921. М., 2018.

110. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: В 3 т. Т. 1: Канун семнадцатого года. М., 1992.
111. Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989.
112. Шульгин В.В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002.
113. Юров И. История моей жизни. Рыбинск, 2017.
114. Юсупов Ф.Ф. Мемуары. В 2 кн. М., 1998.

Отчеты, стенограммы, законодательство

1. Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916.
3. Новое Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903.
4. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914-1917 гг. М., 2006-2009.
5. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т.1- 7. М. – Л., 1927.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение I. СПб., 1909.
7. Приказы начальника Штаба Верховного главнокомандующего за 1915 год. № 1–423. 6 сентября–31 декабря. Б. м., 1915.
8. Приказы начальника Штаба Верховного главнокомандующего за 1916 год / Россия. Штаб Верховного Главнокомандующего (1914–1917). [Б.м.], 1916. Ч. 1.
9. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т.1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004.

10. Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999.
11. Стенографический отчет заседания Государственной Думы, созванной на основании Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г. СПб., 1914.
12. Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия пятая. Пг., 1917.
13. Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1916.
14. Четырнадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.; Л., 1925.
15. Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926.

Художественные произведения

1. Андреев Л. Красный смех. Отрывки из найденной рукописи. Берлин, б.г.
2. Ахматова А. Избранное. М., 1993.
3. Ветер семнадцатого года. Российский политический плакат 1917 г. М., 2017.
4. Вишневский В. Художественные фильмы дореволюционной России (Фильмографическое описание). М., 1945.
5. Лубочная картинка и плакат периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. Иллюстрированный каталог / Сост. В.П. Панфилова, А.П. Слесарев. Ч. 1,2. М., 2004.
6. Мятлев. В.П. Стихотворения (1901–1919 гг.). Биографическая справка и комментарии А.А. Григорова. Публикация Н.А. Дружневой // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 6. 2007.

7. Пастернак Б. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Доктор Живаго. М., 1990.
8. Реликвии Великого Октября. Из фондов центрального музея революции СССР и Государственного музея Великой Октябрьской Социалистической революции. Каталог. М., 1987.

Публицистика

1. Архимандрит Михаил Как я стал народным социалистом. СПб., 1907.
2. Архимандрит Михаил. Двенадцать писем о свободе и христианстве. СПб., 1909
3. Архимандрит Михаил. Христианство и социал-демократия. СПб, 1906.
4. Бердяев Н.А. Душа России. М., 1915.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990
6. Бехтерев В.М. Война и психозы // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1914. № 4–6. С. 329–330.
7. Бутенко А.А. Война и психические заболевания у женщин // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. Ежемесячный журнал. 1914–1915. № 10–12.
8. Вавулин Н. Безумие, его смысл и ценность. СПб., 1913.
9. Виппер Р.Ю. Теория прогресса и всемирная война 1914 г. // Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921.
10. Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990.
11. Закржевский А. Рыцари безумия (футуристы). Киев, 1914.
12. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.
13. Карташев А.В. Прения // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге. История в материалах и документах. Т. 3. 1914-1917. М., 2009.
14. Кривощеков А.И. Легенды о войне // Исторический вестник. 1915. № 10.

15.Кузьмин-Караваев В.Д. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 412–417.
16.Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1, 23, 26.
17.Мейер А.А. Религиозный смысл мессианизма // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге. История в материалах и документах. Т. 3. 1914–1917. М., 2009.
18.Мельгунов С.П. О современных литературных нравах. М., 1916.
19.Мережковский Д.С. О религиозной лжи национализма // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге. История в материалах и документах. Т. 3. 1914-1917. М., 2009.
20.Мережковский Д.С. Грядущий хам. СПб., 1906.
21.Мережковский Д.С. Революция и религия // Русская мысль. М., 1907.
22.Никитин М.П. О массовых галлюцинациях и иллюзиях // Вестник психологии. 1904. Вып. 2.
23.Нольде Б.Э. Начало войны // Русская мысль. 1914. №10.
24.Обухов А. Война и дети // Русская мысль. 1914. № 10.
25.Павловская Л.С. Два случая душевного заболевания под влиянием общественных событий. Отдельный оттиск из журнала «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии». Июнь 1906. Спб., 1906.
26.Потресов А.Н. Рубикон. 1917-1918. Публицистика. М., 2016.
27.Прения по докладу К.М. Аггеева «Ближайшие судьбы Русской Церкви. По поводу записки думского духовенства» // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах. 1907–1917 гг. Т. 3. 1914–1917 гг. М., 2009.
28.Преображенский И. Величайшая из великих войн за правду Божию, за свободу народов. Чудесное на войне. Пг., 1916.
29.Протоиерей Митрофан Зноско-Боровский. Православие. Римо-католичество. Протестантизм. Сектантство. Сравнительное богословие. М., 1998.

30.Радин Е. Футуризм и безумие. СПб., 1914.

31.Рачинский Г.А. Братство и свобода // Русская мысль. 1914. № 12.

32.Ренников А. В стране чудес. Правда о Прибалтийских немцах. Пг., 1915.

33.Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1914.

34.Розанов В.В. О картине И. Е. Репина “17-е октября” // Новое время. 1913. №13290.

35.Розанов В.В. Бегство из духовного сословия // Новый Путь. 1904. № 8. С. 249–251.

36.Розенбах П.Я. Современная война и истерия. Пг., 1915.

37.Рыбаков Ф. Е. Душевные расстройства в связи с текущими политическими событиями // Русский врач. 1905. № 51. С. 1593–1595; 1906. № 3. С. 65–67; № 8. С. 221–222.

38.Скляр Н.И. О влиянии текущих политических событий на душевные заболевания // Русский врач. 1906. №8, С. 222-224; №15.

39.Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12.

40.Тарновский Е.Н. Война и движение преступности в 1911–1916 гг. // Сб. статей по пролетарской революции и праву. Пг., 1918.

41.Тихомиров Л.А. Современное положение приходского вопроса. М. 1907.

42.Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12.

43.Труды второго съезда отечественных психиатров, происходившего в Киеве с 4 по 11 сентября 1905 г. Киев, 1907.

44.Фигурин М. Об уменьшении преступности за время войны и о возможных причинах этого // Журнал министерства юстиции. 1916. № 3.

45.Шумков Г.Е. Первые шаги психиатрии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Доклад в заседании Общества киевских врачей 28 октября 1906 г. Киев, 1907.

46. Эрн В.Ф. От Канта к Круппу // Меч и крест. Статьи о современных событиях. М., 1915.
47. Ювачев И.П. Война и вера // Исторический вестник. 1915. Т. 139. № 2. Февраль.

Научная литература

1. Абдурахманова И.В. Образ полиции в массовом правосознании накануне и во время Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2006. № 1. С. 27–31.
2. Аврех А.Я Царизм накануне свержения. М., 1989.
3. Аврех А.Я. О некоторых вопросах революционной ситуации // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 30-44.
4. Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.
5. Аврех А.Я. Царизм и IV Государственная дума (1912–1914). М., 1981.
6. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне. (1914–1917). Т. 1. 1914 год. Начало. М., 2014.
7. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914-1918). М., 2020.
8. Аксенов В.Б. «Черное авто» как символ революционного насилия в 1917 г: фобия, мифологема, эмоциональный стимул // Антропологический форум. 2017. №32. С.112-141.
9. Аксенов В.Б. 1917 год в художественном восприятии современников // Отечественная история. 2002. №1. С.96-101.
10. Аксенов В.Б. Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 года. Проблемы легитимности // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 36-50
11. Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 г. Дисс… кандидата исторических наук. М., 2002.

12. Аксенов В.Б. Убить икону: визуальное мышление крестьян и функции царского портрета в период кризиса карнавальной культуры 1914–1917 гг. // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 6. Київ: Інститут історії України, 2012. С. 386–410.
13. Аксенов В.Б. «Революционный психоз»: массовая эйфория и нервно-психические расстройства в 1917 г. // Великая российская революция 1917: Сто лет изучения. М., 2017. С. 465–474.
14. Аксенов В.Б. «Сухой закон» 1914 г.: от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. № 4. С. 126–139.
15. Аксенов В.Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 гг.: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. № 4. 2012. С. 137–145.
16. Аксенов В.Б. Массовые настроения в эпоху Гражданской войны: историографические традиции и перспективы изучения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М., СПб., 2018.
17. Аксенов В.Б. От Родины-царицы к Родине-бабе: особенности феминной репрезентации России в годы Первой мировой войны // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. №4. 2015. С. 9-27
18. Александров Н.М. Общественное сознание сельского населения в начальный период Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914-1918: материалы Международ. науч. конф. М., 2014. С. 141-146.
19. Алехин Д. В. Городское население Тамбовской губернии и Первая мировая война (июль 1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
20. Асташов А.Б. Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 35-46.

21. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 г.: военный опыт и современность. М., 2014.
22. Асташов А.Б. Членовредительство и симуляция болезней в русской армии во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2012. № 34(4). С. 6-18.
23. Асташов А.Б. Фронтовая повседневность российских солдат, август 1914 — февраль 1917 г. Автореферат дисс. … доктора исторических наук. М., 2018.
24. Бабашкин В.В. Крестьянин как романтик. Златовратский Н.Н. Устои. История одной деревни. М.: Гос. Издат. Худ. Лит., 1951 // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. №3. С. 152–161.
25. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007.
26. Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011.
27. Байрау Д. Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: православное военное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 752-774.
28. Базанов С.Н. Первая мировая. От «войны до победного конца» к «миру любой ценой». М., 2017.
29. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
30. Басин С.Г. Самара в период империалистической войны (1914 — февраль 1917 гг.) // Учен. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. Вып. 15. Куйбышев, 1955. С. 90-130.
31. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965
32. Бахурин Ю. Фронт и тыл великой войны. М., 2019.
33. Бахурин Ю. Бестиарий великой войны. Неизвестные военно-технические проекты Российской империи // Родина. 2014. № 8. С. 42-46.

34. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов, 2004.
35. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция: 1914 — февраль 1917 гг. По материалам Калужской и Орловской губерний. Дисс. … канд. ист. наук. Калуга, 2007.
36. Белоглазова Е.В. Полидискурсность в контексте идей о дискурсной гетерогенности // Актуальные проблемы современной лингвистики. Вып. 2. СПб., 2010. С. 105–111.
37. Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010.
38. Бессонов И.А. Образ чудовищных птиц в эсхатологических рассказах // Живая старина. 2012. № 1. С. 4–7.
39. Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. М., 2014.
40. Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994.
41. Бибикова Л.В. С.Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов» // Российская история. 2018. № 5. С. 141–157.
42. Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986.
43. Бокарев Ю.П. «Умом Россию не понять» (поведение крестьян в революционную эпоху) // Революция и человек. М., 1996. С. 80-91.
44. Бородкин Л.И. Вызовы нестабильности: концепции синергетики в изучении исторического развития России // Уральский исторический вестник. № 2 (63). 2019. С. 127-136.
45. Борщукова Е.Д. Русская религиозно-философская мысль о характере и вероятных последствиях первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета. 2014. №5. С. 73-77.
46. Борщукова Е.Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны. Автореферат дисс… канд. ист. наук. СПб., 2002.
47. Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и городские средние слои. М., 1981.

48. Боулт, Дж. Э., Балыбина Ю.В. Николай Калмаков и лабиринт декадентства, 1873 -1955. М., 2008.
49. Буганов А.В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX–XX вв. Историко-этнографическое исследование. М., 2013.
50. Буганов А.В. Личности и эпохи в исторической памяти русских крестьян XIX — начале XX в. // Социология власти. 2003. № 2. С. 98-112.
51. Булдаков В.П. Август 1914-го: природа «патриотических» настроений // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 4. С. 4-22.
52. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
53. Булдаков В.П. Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. М., 2014. С. 11-22.
54. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017.
55. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015.
56. Булдаков В.П. Метанарративы и микронарративы Русской революции: к переосмыслению сложившихся представлений // Столетие русской революции 1917 года и ее значение в мировой истории и культуре. Будапешт: Russica Pannonicana. 2018. С. 77-90.
57. Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 55-76.
58. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012.
59. Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917 — 1918 гг. М., 2010.

60. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.
61. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.
62. Буров Я. Деревня на переломе. М.; Л., 1926.
63. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века. М., 1996.
64. Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб., 2008.
65. Вартанов А. Место фотографии в культуре // Советское фото. 1986. № 10. С. 23-39.
66. Варустина Е.Л. Доктрины либерально-кадетской интеллигенции о войне // Историк и революция. СПб., 1999. С. 87-94.
67. Ватник Н. С. «Германская война» и повседневная жизнь учащихся средних школ России в 1914–1917 гг. // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: Материалы Междунар. науч. конф. М., 2014. С. 260-265.
68. Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков. М., 1996.
69. Вибе П.П. Немецкие и менонитские колонии Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2003. № 10. С. 193-198.
70. Виницкий И. Заговор чувств, или русская история на эмоциональном повороте // Семиотика августа в XX веке: трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. НЛО. № 117. 2012. С. 441-460.
71. Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны). СПб., 2014.
72. Волобуев П.В. Дискуссии // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 — февраль 1917. СПб., 1997. С. 200-201.

73. Волобуев П.В. По поводу числа убитых и раненых в Петрограде в дни Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Статьи. М., 2000.
74. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964.
75. Востриков Н.И. Борьба за массы. М., 1970.
76. Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912.
77. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917). М., 2003.
78. Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.
79. Ганелин Р.Ш. Первая мировая война и конец Российской империи: Февральская революция. Т. 3 Февральская революция. СПб., 2014
80. Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. А.Н. Яхонтов и его «Тяжелые дни». История текста и издания // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 670-703.
81. Гейдорн Г. Монополии. Пресса. Война: Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год: Роль прессы в подготовке первой мировой войны. М., 1964.
82. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939.
83. Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте»: В 4 т. Т. 1. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926.
84. Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011.
85. Голубинов Я.А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самара, 2009.
86. Гольдин С. Евреи и шпиономания в русской армии в годы Первой мировой войны // Лехаим. 2007. № 3.

87.Гордон А.В. Война в крестьянском сознании: преображение традиций // Русское крестьянство и Первая мировая война: сб. научных статей. М., 2016. С. 106-117.

88. Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989.

89. Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1984.

90. Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989.

91. Граве Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926.

92. Гребенкин И.Н. «За что воюем?» Национальные интересы и цели России в общественном восприятии // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной науч. конф. М., 2014. С. 42-47.

93. Гречкина Э.Р. Средние слои на пути к социализму. Таллин, 1976.

94. Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007.

95. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

96. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения крестьян в XIX в. М., 1986.

97. Гужва Д.Г. Военная печать как основное средство укрепления морального духа военнослужащих русской армии в годы Великой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной науч. конф. М., 2014. С. 573-580.

98. Дажина В.Д. Великая война (1914-1918) и судьбы европейского искусства. М., 2014.

99. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. СПб., 1905.

100. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2009.

101. Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции. М., 1996. С. 22-39.

102. Дашковская О.Д. Ярославская епархия в конце XVIII — начале XX вв.: проблемы экономического развития. Автореф. дисс. … кандидата исторических наук. Ярославль, 2005.

103. Джекобсон М., Джекобсон Л. Преступление и наказание в русском песенном фольклоре (до 1917). М., 2006.

104. Джумига Е.Ю. Чутки як ментальна складова повсякденного життя мешканців одеси в період Першої світової війни (1914-1917 гг.) (Слухи как ментальная составляющая повседневной жизни жителей одессы в период Первой мировой войны (1914-1917)) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. №35. С. 98-101.

105. Дубровская Е.Ю. Повседневная жизнь российских военных в Финляндии в годы Первой мировой войны // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. С. 83-98.

106. Дунаева Н.А. Характер общественных настроений Поволжского крестьянства в условиях Первой мировой войны // Русское крестьянство и Первая мировая война: Сб. научных статей. М., 2016. С. 127-136.

107. Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: превратности индокринации и восприятия // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 58-67.

108. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.

109. Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского электрозавода в советском обществе 1920-х–1930-х гг. М., 2000.

110. Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287–232.

111. Забуга Н.А. Протестные выступления рабочих Лысьвенского завода в 1914 г. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Сборник материалов четвертой региональной молодежной научной конференции. Новосибирск, 2010. С. 131-137.

112. Запорожцева О.Г. Повседневная жизнь Российской провинциалки в период Первой мировой войны // Семья. Общество. Государство: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Ставрополь, 2014. С. 152-159.

113. Зезегова О.И. Повседневная жизнь интеллигента в годы Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь России XVII-XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. СПб., 2014. С. 265-270.

114. Земцов Б.Н. Революция 1917 г.: социальные предпосылки. М., 1999.

115. Земцов Л.И. Крестьянство и приходское духовенство в начале XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Т. 5. Вып. 1. Белгород, 2008. С. 73-79.

116. Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948. По материалам ЦК ВКП (б) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 99–108.

117. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999.

118. Иванов Л.М. Дела о привлечении крестьян к ответственности по статьям 103 и 246 как источник для изучения крестьянских настроений кануна первой русской революции // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VIII. С. 119–134.

119. Изард К. Психология эмоций. СПб., 1999.

120. Изменение социальной структуры советского общества. Октябрь 1917–1920 гг. М., 1976.

121. Измозик В.С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII - начало XX века. М., 2015.

122. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл в годы Первой мировой войны, 1914–1918. Дисс… канд. ист. наук. Хабаровск, 1999.

123. Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969.

124. История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935.

125. История первой мировой войны 1914-1918 / Под редакцией доктора исторических наук И.И. Ростунова. М., 1975.

126. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. Под ред. А.К. Соколова. М. 2004.

127. Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. СПб., 1906

128. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997.

129. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999.

130. Кандидов Б. Церковный фронт в годы мировой войны. М., 1927.

131. Кандинский В.Х. Общепонятные психологические этюды. М., 1881.

132. Карамзин Н.М. История государства Российского в XII тт. В 3х кн. Кн.3. Москва, 2004.

133. Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг., 1919.

134. Карташов А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1, 2. М. 1991.

135. Кирьянов Ю.И. Были ли антивоенные стачки в России в 1914 году? // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 43–52.

136. Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. — февраль 1917 г.). М., 2005.

137. Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX- XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 — февраль 1917. СПб., 1997. С. 55-76.

138. Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 100–140.

139. Кирьянов Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 432-443.

140. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1965.

141. Ключевский В.О. Курс русской истории. СПб., 1904.

142. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.

143. Колоницкий Б.И. "Забытая война"? Политика памяти, российская культура эпохи первой мировой войны и культурная память // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти В.Б. Голофаста. Редактор и составитель - О. Б. Божков. СПб., 2015. С. 318-334.

144. Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М., 2017.

145. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

146. Колоницкий Б.И. К вопросу об источниках «Синей книги» З.Н. Гиппиус // Русская эмиграция: Литература, история, кинолетопись (Материалы международной конференции, Таллинн, 12–14 сентября 2002). Таллинн, 2004. С. 23–34.

147. Колоницкий Б.И. К изучению механизма десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999. С. 72–86.

148. Колоницкий Б.И. Конспирологический резонанс: шпиономания как потребность («Дело Мясоедова» в общественном сознании, 1915–1917) // Пятые чтения памяти Вениамина Иоффе. Право на имя. Биографика XX века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. СПб., 2008. С. 77-95.

149. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001;

150. Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. М., 1997. С. 356-365.

151. Косоногов В. Зеркальные нейроны: краткий научный обзор. Ростов-на-Дону, 2009.

152. Крайкин В.В. Начальный период Первой мировой войны в сознании провинциальных жителей (на материале Орловской губернии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 96. С. 51-55.

153. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4. С. 5-24.

154. Крусанов А. В. Русский авангард 1907–1932 гг. Исторический обзор. В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. М., 2010.

155. Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45-60.

156. Купцова И.В. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.). СПб., 2004.

157. Ланге Г. Душевные движения. Психофизиологический этюд. СПб., 1896.

158. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Т. 1, 2. М., 2010.

159. Лебина Н. Б Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-е–1930-е годы. СПб., 1999.

160. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.

161. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1980.

162. Лейберов И.П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979.

163. Леонов С.В. Эволюция массового сознания в России в Первую мировую войну // Россия в мировых войнах XX века. Материалы научной конференции. М.; Курск, 2002. С. 61–73.

164. Леонов С.В. «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901–1917 гг.) // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003. С. 95-172.

165. Леонтьева Т.Г. «Победа зависит не от количества штыков и снарядов»: настроения Тверской провинции в 1914–1917 гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2014. № 1. С. 24-38.

166. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — XX вв. М., 2002.

167. Литвак Б.Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971. С. 199-214.

168. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979.

169. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

170. Лор Э. Русский национализм и российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

171. Лотман Ю. М. Люди и знаки. / В кн. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2010.

172. Лурье М. Политические и тюремные песни в начале XX века. Между пропагандой и фольклором // Русский политический фольклор. Исследования и публикации. М., 2013. С. 19-38.

173. Лыкосов М.В. Антибуржуазная кампания в русской консервативной печати периода Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2011. Т. 10. Вып. 6: Журналистика. С. 17-22.

174. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006.

175. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М., 2009.

176. Манхейм К. Возрастание иррациональных элементов в общественном сознании. Атмосфера ожидания насилия // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М., 2009. С. 12 – 22.

177. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979.

178. Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961.

179. Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 2017.

180. Меницкий И. Революционное движение военных годов (1914–1917). Т. 1. Первый год войны (Москва). М., 1925.

181. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы международной конференции. М., 1996. С. 76-87.

182. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1994.

183. Минц И.И. История Великого Октября. Т. 1-3. М., 1967-1973.

184. Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры / Ред.-сост. Н.Н. Мазур. М.; СПб., 2018.

185. Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934.

186. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX в. М., 2012.

187. Миронов Б.Н. Американский историк о русском духовном сословии // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 153–158.

188. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2000.

189. Миронов Б.Н. Рабочие в революции 1917 г.: субъект истории или пушечное мясо? // Социологические исследования. 2017. №2. С. 24-35.

190. Михайлов Н.В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. Спб., 1997. С. 149 – 165.

191. Михайловский Н.К. Герои и толпа: В 2 т. М., 1999.

192. Морисси С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 288-302.

193. Моррис Ч.У. Основания теории знаков. Семиотика. М., 1983.

194. Московичи С. Век толп. М., 1998.

195. Нарский И., Хмелевская Ю. «Упоение» бунтом в русской революции (на примере разгрома винных складов в России в 1917 году) // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. М., 2010. С.259-281.

196. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

197. Нелипович С.Г. Цена победы. Генеральное наступление российской императорской армии летом–осенью 1916 года: поставленные задачи и достигнутые цели // Военно-исторический журнал. 2011. № 10. С. 3–10.

198. Нелипович С.Г. Крючковиана: мертворожденная легенда // Время великой войны: от глобального переустройства до трансформаций повседневности. М., 2016. С. 35-51.

199. Николаев А.Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне Февральской революции // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. № 5. С. 1-39.

200. Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля - 3 марта 1917 года: в 2 тт. СПб., 2017.

201. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985.

202. Никольской С.Н., Никольской М.Н. Бомбардировщики «Илья Муромец» в бою. Воздушные линкоры Российской империи. М., 2008.

203. Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. М., 2016.

204. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб., 2002.

205. Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая Мировая война (Материалы международного научного коллоквиума) / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 49-57.

206. Осетрова Е. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 55–82.

207. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». М., 2008.

208. Оськин М.В. Российские дезертиры Первой мировой войны // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. 2014. Вып. 5 (60). С. 46-60.

209. Павлов Д.Б. Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917–1922 гг. М., 2011.

210. Панофски Э. Этюды по иконологии. СПб., 2009.

211. Парыгин Б.Д. Социальная психология: проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999.

212. Парыгин Б.Д. Социальное настроение как объект исторической науки // История и психология. М., 1971. С. 90-105.

213. Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М., 1966.

214. Патраш Н.В. Повседневная жизнь населения псковской губернии в условиях Первой мировой войны (по материалам судопроизвосдтва) // Псковский исторический вестник. Вып. 2. С. 41 – 45.

215. Перегудова З.И. Политический сыск в России. 1880-1917 М., 2013.

216. Петров Ю.А. Великая российская революция 1917 года: уроки истории // Научные труды Вольного Экономического общества России. 2017. Т. 204. № 2. С. 181-191.

217. Петров Ю.А. Великая российская революция: проблемы исторической памяти // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. №1. Т. 8. С. 6-9.

218. Петровская Е. Антифотография. М., 2003.

219. Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 266–270.

220. Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3(7). С. 88-95.

221. Пихоя Р.Г. Записки археографа. М., 2016.

222. Плампер Я. История эмоций. М., 2018.

223. Плампер Я. Страх в русской армии в 1878–1917 гг.: К истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст. Челябинск, 2007. С. 453–460.

224. Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков. М., 1924.

225. Попов А. Отношение крестьян к РПЦ в первой четверти XX в. (по материалам Архангельской губернии). Архангельск, 2004.

226. Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8-10.

227. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

228. Поршнева О.С. Эволюция общественных настроений в России в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1917 г.) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы междунар. науч. конф. М., 2014. С. 134-140.

229. Поршнева О.С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185-199.

230. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

231. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.

232. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 1998.

233. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.

234. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М., 1999.

235. Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147-162.

236. Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера. М., 2017.

237. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997.

238. Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1. Вып. 3: 1855–1917 гг. / науч. ред. Е.С. Сонина; библиогр. ред. Н.В. Градобоева; предисл. И.А. Пильщикова и В.С. Парсамова. М.: Пробел-2000, 2017.

239. Репинецкий А.И. Женщины и дети в годы Первой мировой войны (на материалах Поволжья) // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала первой мировой войны). СПб., 2014. С. 457–462.

240. Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М., 2012.

241. Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

242. Розенталь И.С. Политические клубы, кружки, салоны // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2: Власть. Общество. Культура. М., 2011. С. 161-201.

243. Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей / Ред. Я.Плампер, Ш. Шахадат, М. Эли. М., 2010.

244. Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011.

245. Руйе А. Фотография. Между документом и современным искусством. СПб., 2014.

246. Румянцев А.Г. «Полицейские пулеметы» в Феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. СПб., 2015. С. 38–54.

247. Савинова Н.В. Антинемецкие настроения населения Российской империи в 1914–1917 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2. С. 179-185.

248. Санборн Д. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 202-215.

249. Сарабьянов Д. В. Русская живопись. Пробуждение памяти. М., 1998.

250. Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.

251. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. М., 1999.

252. Сенявская Е.С. «Без бабы и без вина и война не нужна»: проблемы фронтовой морали в период Первой мировой войны // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1. С. 32-48.

253. Сигеле С. Преступная толпа // Преступная толпа. М., 1998.

254. Синова И.В. Повседневная жизнь детей в условиях Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь России XVII-XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. СПб., 2014. С. 487-492.

255. Сириков М.А. Очерки по аграрной статистике. 1924.

256. Сироткина И. Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. М., 2008.

257. Смолич И.К. История Русской православной церкви (1700–1917). Ч. 1. М., 1997.

258. Соболев Г.Л. Письма в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1. С. 159-173.

259. Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004.

260. Соболев Г.Л. Проблемы общественной психологии в исторических исследованиях // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967.

261. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Ред. В.В. Бабашкин. М., 2015.

262. Соловьев К.А. Взаимодействие Совета министров и представительных учреждений России в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 50-61.

263. Сорокин П.А. Социология революции. М., 2004.

264. Срибная А.В. Сестры милосердия в годы Первой мировой войны

265. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004.

266. Стейнберг М. Представление о «личности» в среде рабочих интеллигентов // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. Спб., 1997. С. 96-113.

267. Стейнберг М. Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сборник статей. М., 2010. С. 202–226.

268. Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века) СПб., 2007.

269. Стрэчен Х. Культуры патриотизма в Европе времен Первой мировой войны // Культуры патриотизма в период Первой мировой войны: сборник статей. СПб., 2020. С. 12-38.

270. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — нач. XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.

271. Сухова О.А. Социальные настроения и массовое социальное поведение провинциального общества в годы Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революция. Эл. Сборник. Вып. 2. Самара, 2014. С. 105-127.

272. Тард Г. Социальная логика. СПб., 1901.

273. Тарсаидзе А. Четыре мифа. Нью-Йорк, 1969.

274. Трифонова Л.В. Традиционный интерьер парадных помещений крестьянского дома Заонежья конца XIX — начала XX вв. // Кижский вестник (Сборник статей). Вып. 9. Петрозаводск, 2004.

275. Тубалова И.В. Фольклор как прототекстовая среда полифонического текста бытовой культуры: к проблеме полидискурсивности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 96–102.

276. Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России 1914-1917 гг. М., 1972.

277. Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 236-249.

278. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М., 2002.

279. Урнов М.Ю. Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования. М., 2007.

280. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. М., 1994.

281. Фассел П. Великая война и современная память. СПб., 2015.

282. Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

283. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700–1917. М., 2003.

284. Филиппова Т. А., Баратов П. Н. «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М., 2014.

285. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002.

286. Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. М., 2008.

287. Флеер М.Г. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л., 1926.

288. Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914 – 1917 гг.). Л., 1988.

289. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

290. Фридберг Д., Галлезе В. Движение, эмоция и эмпатия в эстетическом переживании // Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры. СПб., 2018. С. 476-488.

291. Фридлендер К. Несколько аспектов шелл-шока в России, 1914–1916 // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999. С. 315–325.

292. Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи. СПб., 2019.

293. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 2010.

294. Фуко М. Археология знаний. Киев, 1996.

295. Фуллер У. Внутренний враг. Шпиономания и закат императорской России. М., 2009.

296. Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 17-33.

297. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991. М., 2004.

298. Хоменко Д.Ю. Рост антиеврейских настроений в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX–XX веков: Сб. материалов всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2014. С. 50-55.

299. Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913-1917 гг. М., 2020.

300. Черменский Е.Д. Россия в период империалистической войны. Вторая революция в России. (1914 — март 1917). М., 1954.

301. Чернявская В.Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 106–111.

302. Чистов К.В. Традиция и вариативность // Советская этнография. 1983. № 2. С. 14-22.

303. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения. М., 1993.

304. Шевырин В.М. Земский и городской союзы (1914-1917 гг.) Аналитический обзор. М., 2000.

305. Шевырин В.М. Сотрудничество и борьба: власть и общественные организации в годы Первой мировой войны // Россия и современный мир. 2015. № 1. С. 95-123.

306. Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Российские либералы о Первой мировой войне // Новейшая история России. 2014. №3. С. 184-194.

307. Шенк Ф.Б. «Августовское переживание»: начало Первой мировой войны как поворотный пункт немецкой истории // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. С. 441-454.

308. Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956.

309. Шишкин В.Ф. 1917 год в нравственном развитии пролетариата // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 240-255.

310. Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т.2. От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Кн.1. М., 2009.

311. Шубин А. В. Конспирологи о причинах Февральской революции // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 75—99.

312. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX века. Тамбов, 2004.

313. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.

314. Энгл Б. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. Т. 4. История. С. 148–178.

315. Эткинд А.М. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996.

316. Юдин Н.В. Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. М., 2013.

317. Юдин Н.В. Патриотический подъем в начале Первой мировой войны: конструктивистский ракурс // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №4 (37). С. 17 – 25.

318. Юрганов А.Л. Первая мировая война и кризис русского модернизма (окончание) // Россия XXI. 2017. №1, 2.

319. Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, сексе и чувствительности в прежние времена и теперь. М., 2019.

320. Яблоков И. Русская культура заговора. Конспирологические теории на постсоветском пространстве. М., 2020.

321. Якунин В.Н. Хозяйственная культура Самарской епархии: формирование доходов духовенства в 1850-е — 1950-е гг. // Вектор науки ТГУ. № 4 (18). 2011. С. 127-129.

322. Ян Х. Патриотический Петроград: культурная жизнь и массовые развлечения во время Первой мировой войны // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 387-395.

323. Яров С.В. Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999.

Научная литература на иностранных языках

324. Aksenov V. Rumors and Mythologems of the Russian Revolution // Russian Studies in History. 2017. #56:4. P.225-249.

325. Allport G., Postman L. Psychology of Rumor. Russell and Russell. 1951.

326. Barthes R. The Discourse of History // Comparative Criticism. 3. 1981.

327. Besancon A. The Intellectual Origins of Leninism. Oxford, 1981.

328. Brintlinger A. Writing about Madness: Russian Attitudes toward Psyche and Psychiatry, 1887-1907 // Madness and the Mad in Russian Culture / Ed. by A. Brintlinger, I. Vinitsky. Toronto, Buffalo, London, 2007.

329. Brubaker R. In the name of the nation: reflections on nationalism and patriotism // Citizenship Studies. 2004. № 8(2).

330. Burbank J. Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922. New York; Oxford, 1986.

331. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, 1965.

332. Chulos Chris J. Converging Worlds. Religion and Community in Peasant Russia, 1867–1917. Northern Illinois University Press, 2003.

333. Cohen, Aaron J. Oh, That! Myth, Memory and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review. 2003. Vol. 62, No 1. P. 69 – 86.

334. Cohen A. Imagining the Unimaginable: World War, Modern Art, and the Politics of Public Culture in Russia, 1914–1917. Lincoln; London: University of Nebrasca Press, 2008.

335. DeMause, Lloyd. The New psychohistory. New York: Psychohistory Press. 1975.

336. DeMause, Lloyd. Foundations of Psychohistory. New York: Creative Roots. 1982.

337. DeMause, Lloyd. The Emotional Life of Nations. New York: Karnac. 2002.

338. Edith W. Clowes The Limits of Discourse: Solov'ev's Language of Syzygy and the Project of Thinking Total-Unity // Slavic Review. 1996. Fall. Vol. 55. № 3.

339. Elias N. The Civilizing Process. Oxford: Blackwell, 1994.

340. Emotions and Social Change: Historical and Sociological Perspectives. Ed. by D. Lemmings and A. Brooks. Routledge, 2014.

341. Emotions in Politics: The Affect Dimension in Political Tansion. Ed. by N. Demertzis. Palgrave Macmillan UK, 2013.

342. Engelstein L. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Cornel University Press, 1992.

343. Engelstein L. Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914 – 1921. Oxford University Press. 2017.

344. Ferguson N. The Pity War. L., 1998.

345. Figes O. A. People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. New York, 1998.

346. Figes O., Kolonitskiy B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. Yale University Press, 1999.

347. Frank S. Popular Justice, Community and Culture among the Russian Peasantry 1870–1900 // The World of the Russian Peasant: Post-Emancipation Culture and Society / Ed. B. Eklof and St. Frank. Boston : Unwin Hyman, 1990.

348. Franz X. Eder Historische Diskursanalysen. Genealogie, Theorie, Anwendungen. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften. 2006.

349. Freeze G.L. Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia // Journal of Modern History. 1996. № 68. P. 308–350.

350. Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983.

351. Gaudin C. Circulation and Production of News and Rumor in Rural Russia during World War I // Russian Culture in War and Revolution, 1914-1922. Book 2. Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory. Bloomington, Indiana, 2014.

352. Gross D.M. The Secret History of Emotion: From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science. Chicago: University of Chicago Press, 2006.

353. Hasegawa Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. Univ of Washington Pr., 1980.

354. Hasegawa Ts. Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd. Belknap Press of Harvard University Press. 2017.

355. Hedda J. His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia. Northern Illinois University Press, 2008.

356. Hempel C. G. The Function of General Laws in History // Journal of Philosophy. 1942. №39(2). P. 35-48.

357. Hingley R. Nightingale fever: Russian poets in revolution. New York, 1982.

358. Holquist P. Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914 – 1921. Cambridge, Mass.: Harvard UP, 2002.

359. Hunter E. A sociological analysis of certain types of patriotism. New York, 1932. P. 22-26; Hobsbaum E. Nations and nationalism since 1870: programme, myth, reality. Cambridge, 1990.

360. Jahn Hubertus F. Patriotic Culture in Russia During World War I. Ithaca; London, 1995.

361. Jones S. Russia in Revolution. Being the Experience of an Englishman in Petrograd During the Upheaval. London, 1917.

362. Knapp R. A Psychology of Rumor. Public Opinion Quarterly. 8/1. 22–37. 1944.

363. Koenker D, Rosenberg W. Strikes and Revolution in Russia. Princeton, 1989.

364. Krylova A. Reginald E. Zelnik, and Igal Halfin Discussion of Anna Krylova's «Beyond the Spontaneity-Consciousness Paradigm: „Class Instinct" as a Promising Category of Historical Analysis» // Slavic Review. Vol. 62. № 1.

365. Lefebvre G. La Grande peur de 1789. Suivi de Les foules révolutionnaires. Paris, 1988.

366. Link J., Link-Heer U. Diskurs / Interdiskurs und Literaturanalyse // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1990. № 2. S. 88–99.

367. Lohr E. War Nationalism // The Empire and Nationalism at War. Bloomington, Indiana, 2014.

368. Lyons M. New Directions in the History of Written Culture // Culture and History Digital Journal. Vol. 1. #2. 2012.

369. Malia M. What is the Intelligentsia // The Russian Intelligentsia / Ed. R. Pipes. New York; London, 1961.

370. Mayer A. The furies: violence and terror in the French and Russian revolutions. Princeton UP, 2000.

371. Merridale C. The Collective Mind: Trauma and Shell-Shock in Twentieth-Century Russia // Journal of Contemporary History. 35. Heft 1. (January 2000). P. 39–55.

372. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. Free Press. 1968.

373. Miller M. Psychiatric Diagnosis as Political Critique: Russia in War and Revolution // Russian Culter in War and Revolution, 1914-1922. Book 2. P. 246-255.

374. Nation und Emotion: Deutschland und Frankreich im Vergleich. 19. und 20. Jahrhundert (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft). Gottingen, 1995.

375. Nussbaum N. Political Emotions: Why Love Matters for Justice. Belknap Press, 2013.

376. Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. Munchen: C.H. Beck, 2009.

377. Pearl D. Creating a Culture of Revolution. Workers and the revolutionary movement in Late Imperial Russia. Bloomington, Indiana, 2015.

378. Political Emotions. Ed. by J. Staiger, A. Cvetcovich, A. Reynolds. Routledge, 2010.

379. Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. N.Y.: Cambridge University Press, 2001.

380. Redfield R. The Little Community, and Peasant Society and Culture. Chicago. L., 1960.

381. Riabov O. V. The Symbol of “Mother Russia” Across Two Epochs: From the First World War to the Civil War // Cultural History of Russia in

the Great War and Revolution. 1914 – 1922. Bloomington: Slavica Publishers, 2013. Pp.73-98.

382. Rosenberg W. «Reading Soldiers» Moods: Russian Military Censorship and the Configuration of Feeling in World War I // The American Historical Review. Vol. 119. 2014. № 3.P. 714–740.

383. Rosenwein B.H. Emotional Communities in the Early Middle Ages. Ithaca: Cornell University Press, 2006.

384. Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003.

385. Scheer M. Are emotions a kind of practice (and is that what makes them have a history?) A Bourdieuan approach to understanding emotion // History and Theory. 2012. #51/2.

386. Scheff T. Repression of Emotion: A Danger to Modern Societies? // Emotions in Politics. The Affect Dimension in Political Tension. Palgrave Macmillan, 2013.

387. Seavoy R.E. Famine in Peasant Societies. N.Y., L., 1986.

388. Shanin T. Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World. Oxford, 1990.

389. Smith S. Class and Gender: Women's Strikes in St. Petersburg, 1895–1917 and in Shanghai, 1895–1927 // Social history. #19. 1994.

390. Smith S.A. Citizenship and the Russian Nation during World War I // Slavic Review. Vol. 59. № 2.

391. Smith S. A. Russia in Revolution. An Empire in Crisis, 1890–1920. Oxford, 2017.

392. State, Society, and Mobilization in Europe during the First World War. Cambridge, 1997.

393. Stern W. Zur Psychologie der Aussage. Experimentelle Untersuchungen über Erinnerungstreue. Zeitschrift für die gesamte Strafechtswissenschaft. Vol. XXII. Cahier 2/3, 1902.

394. Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813–836.

395. Steinberg M. D. Proletarian Imagination. Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925. Itaca, L., 2002.

396. Steinberg M.D. Voices of Revolution, 1917. New Heaven; London, 2001.

397. Stern W. Zur Psychologie der Aussage. Experimentelle Untersuchungen über Erinnerungstreue. Zeitschrift für die gesamte Strafechtswissenschaft. Vol. XXII. Cahier 2/3, 1902.

398. Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930. Princeton, 1990.

399. Stites R. Days and nights in wartime Russia: cultural life, 1914–1917 // European Culture in the Great War. The arts, entertainment and propaganda, 1914–1918 / Ed. by Aviel Roshwald and Richard Stites. Cambridge University Press, 2002.

400. Stockdale M. Mobilizing the Nation: Patriotic Culture in Russia's Great War and Revolution, 1914–20 // Russian Culture in War and Revolution, 1914–22. Book 2: Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory. Bloomington, Indiana, 2014.

401. Stolarski C. Press Photography in Russia's Great War and Revolution // Russian Culture in War and Revolution, 1914–22, Book 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions. Bloomington, Indiana 2014.

402. Suny R. G. Thinking about Feelings. Affective Dispositions and Emotional Ties in Imperial Russia and the Ottoman Empire // Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe. DeKalb. 2011.

403. Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. Indiana University Press, 1994.

404. Suny R.G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and The Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

405. Tesich S. A Government of Lies // The Nation. 1992. Vol. 254. January 6/13.

406. Thomas W.I., Thomas D.S. The child in America: Behavior problems and programs. New York: Knopf, 1928.

407. Thomson S., Hoggett P. Politics and the Emotions: The Affective Turn in Contemporary Political Studies. Bloomsbury Academic, 2012.

408. Tompkins S.R. The Russian Intelligentsia: Makers of the Revolutionary State. Norman, 1957.

409. Verhey J. Der «Geist von 1914» und die Erfindung der Volksgemeinschaft. Hamburg: Hamburger Edition, 2000.

410. War, Revolution and Peace in Russia: The passages of Frank Golder, 1914-1927. Stanford, 1992.

411. Westen D. The Political Brain: The Role of Emotion in Deciding the Fate of the Nation. New York, 2007.

412. Williams R. Marxism and Literature. Oxford, 1977.

413. Winter J. Remembering War. The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century. Yale University Press, New Heaven and London. 2006.

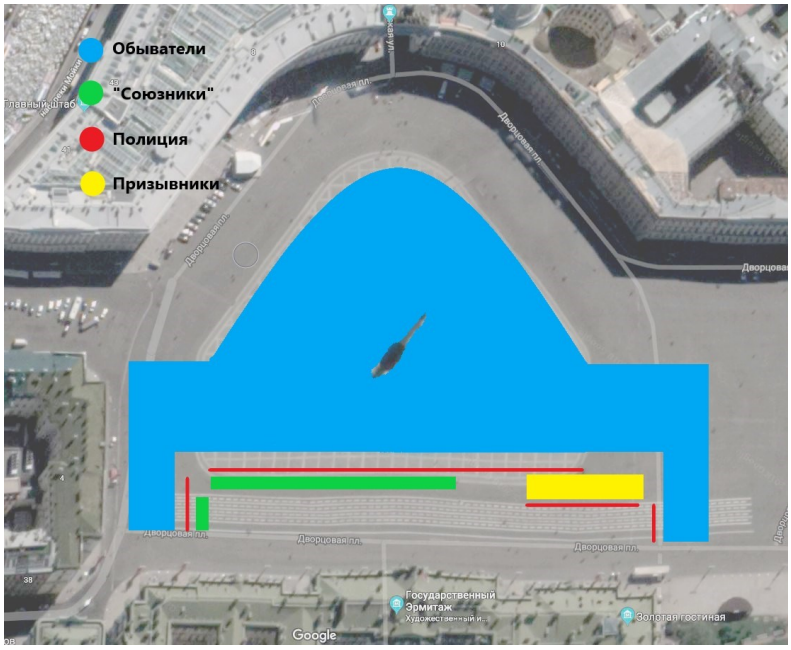
414. Wolff N. Not Quite Hope and Other Political Emotions in the Gilded Age. Oxford University Press, 2019.

415. Zeldin Th. France, 1848–1945. Vol. 1: Ambition, Love. Oxford: Oxford UP, 1979.

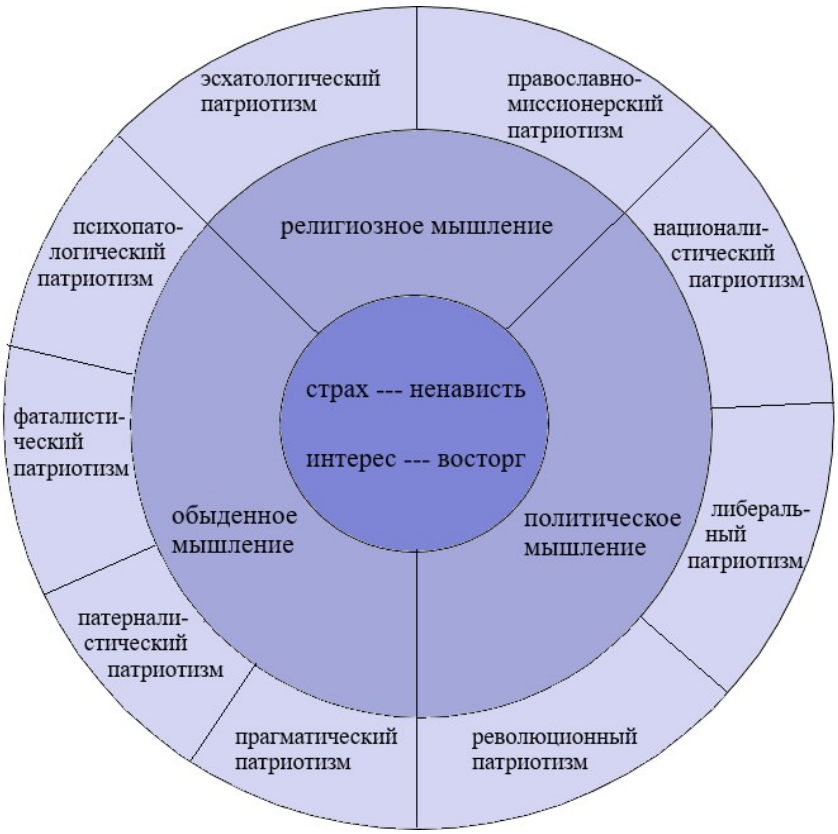
416. Ziemann B. War Experiences in Rural Germany. 1914–1923. Oxford, N.Y., 2007.

ПРИЛОЖЕНИЯ

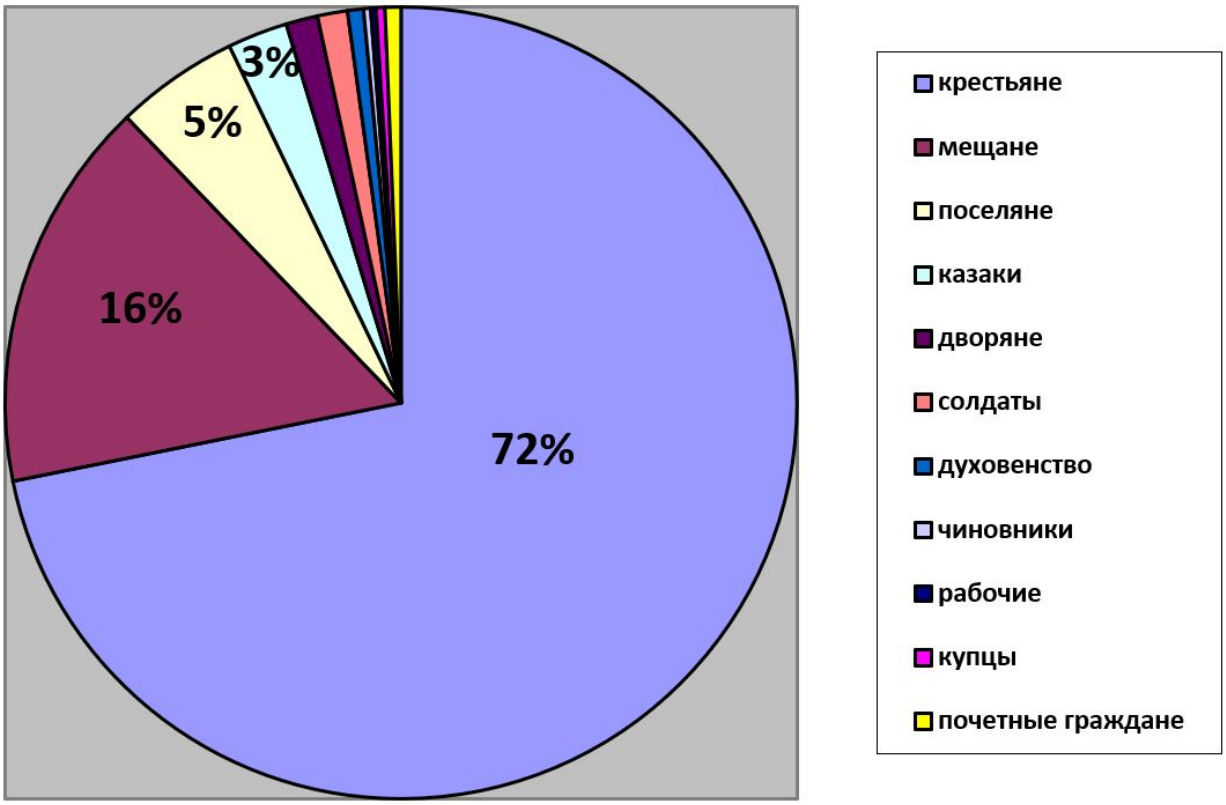
Приложение 1. Графики и диаграммы



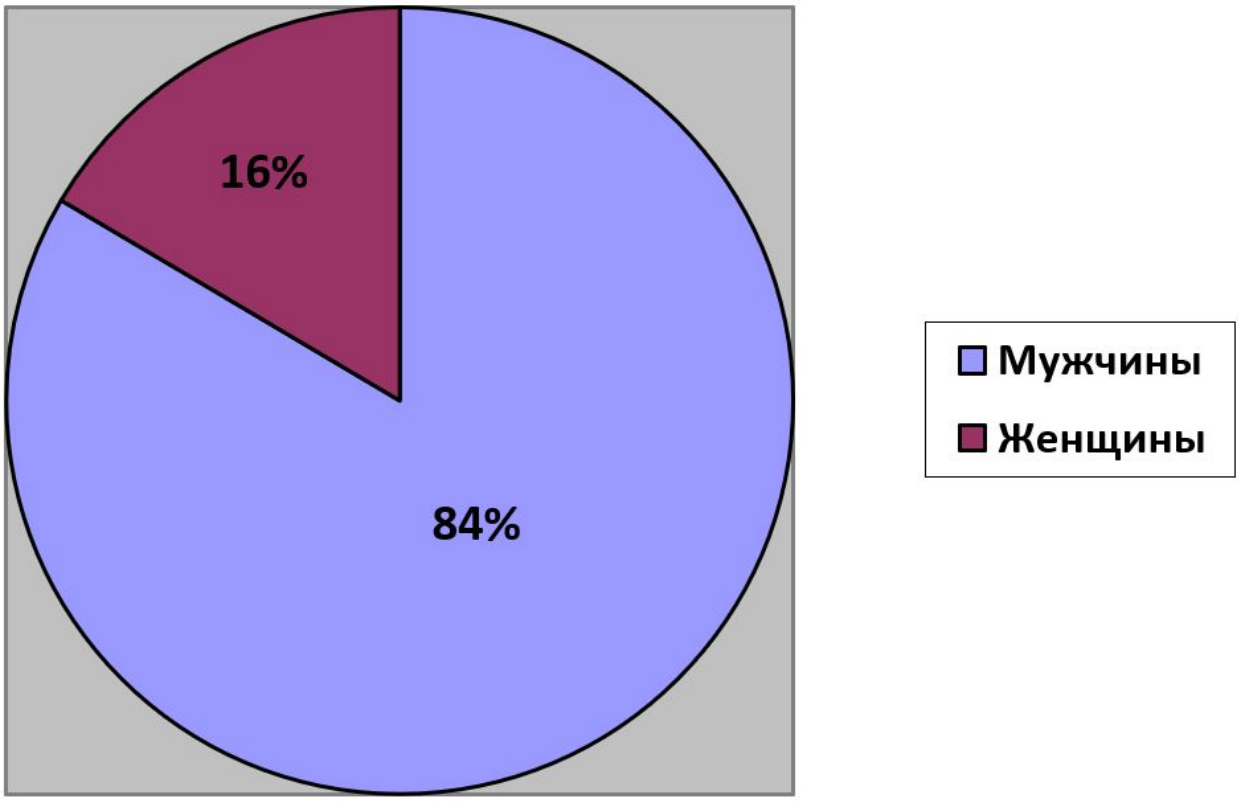
Илл. 1. Реконструкция манифестации 20 июля 1914 г. на Дворцовой площади.



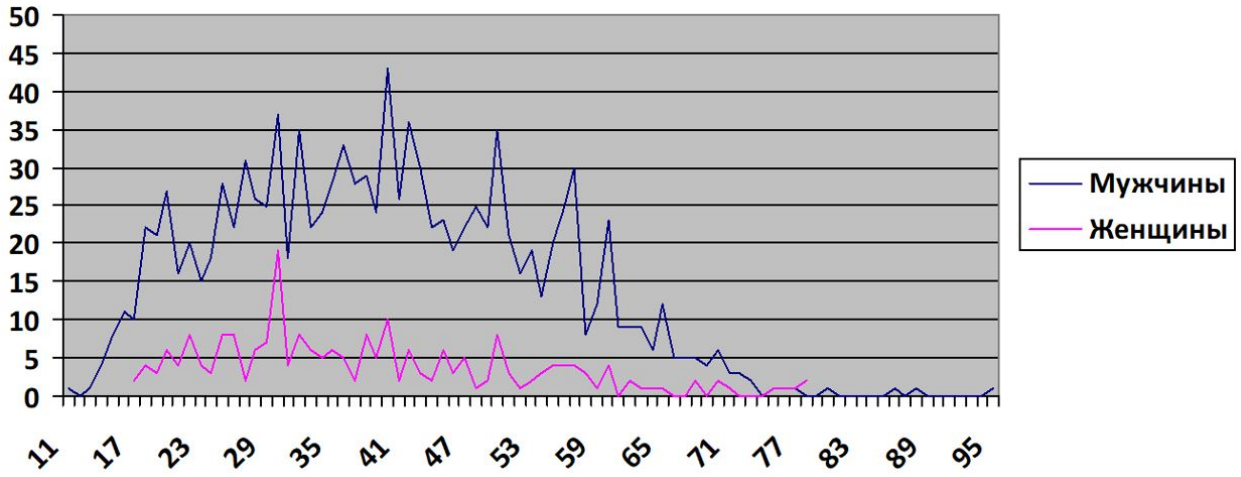
Илл. 2. Схема структуры патриотического сознания летом 1914 г.



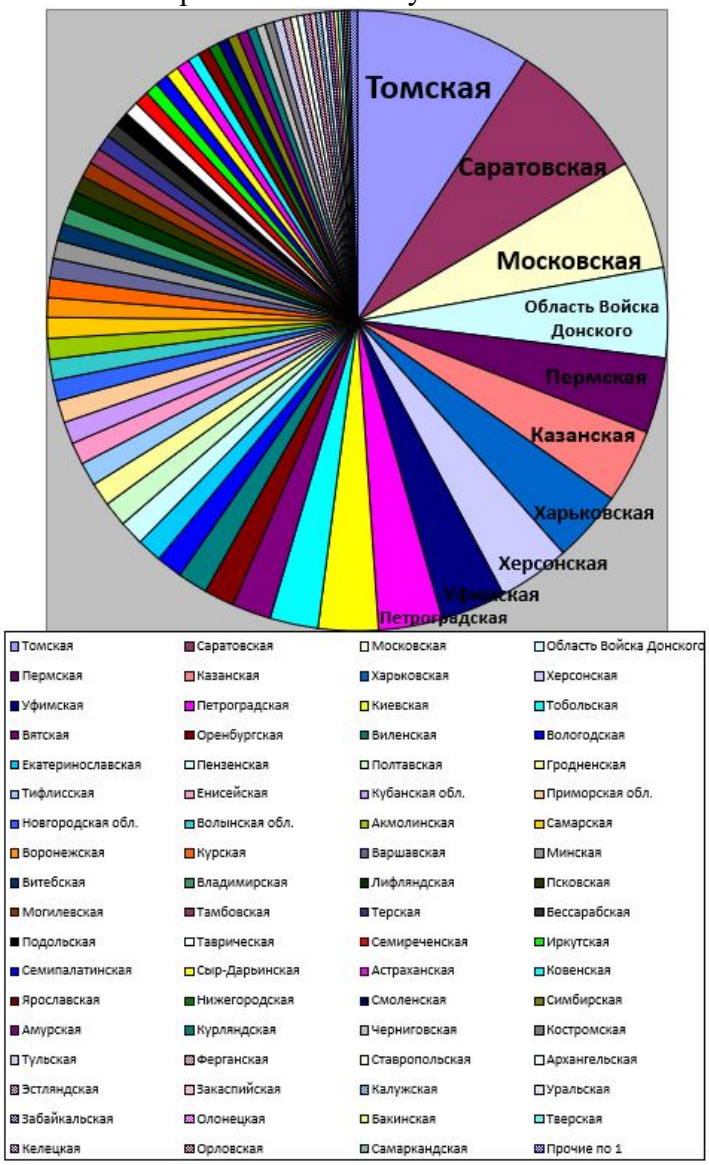
Илл. 3. Социальный состав хулителей (по докладам Министерству юстиции за 1914–1916 гг.)



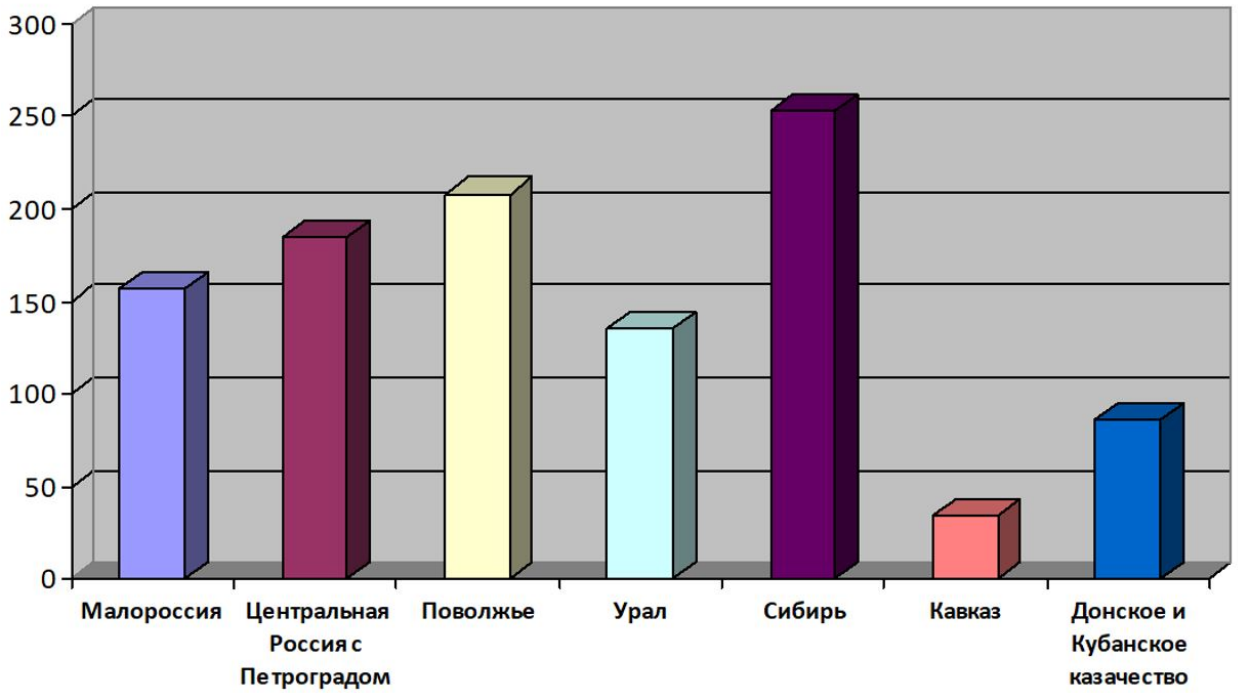
Илл. 4. Гендерный состав хулителей



Илл. 5. Половозрастной состав хулителей

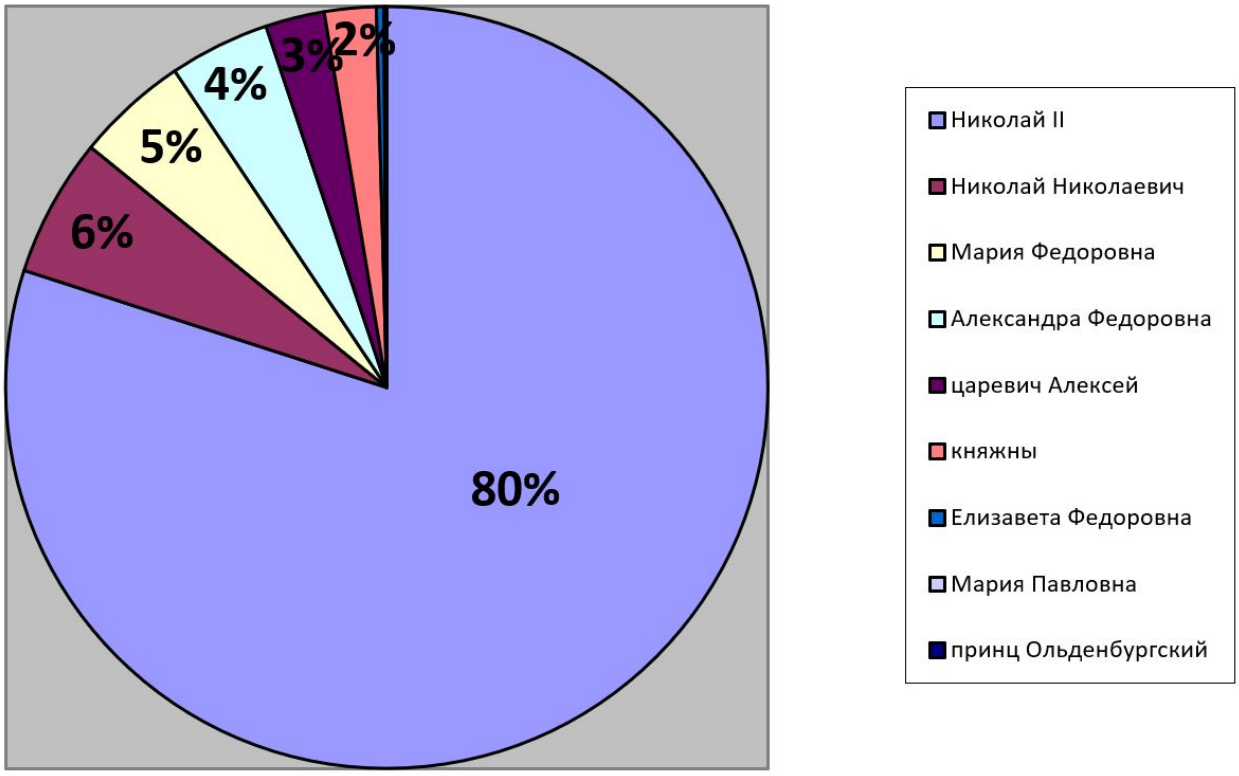


Илл. 6. Территориальное распределение оскорблений

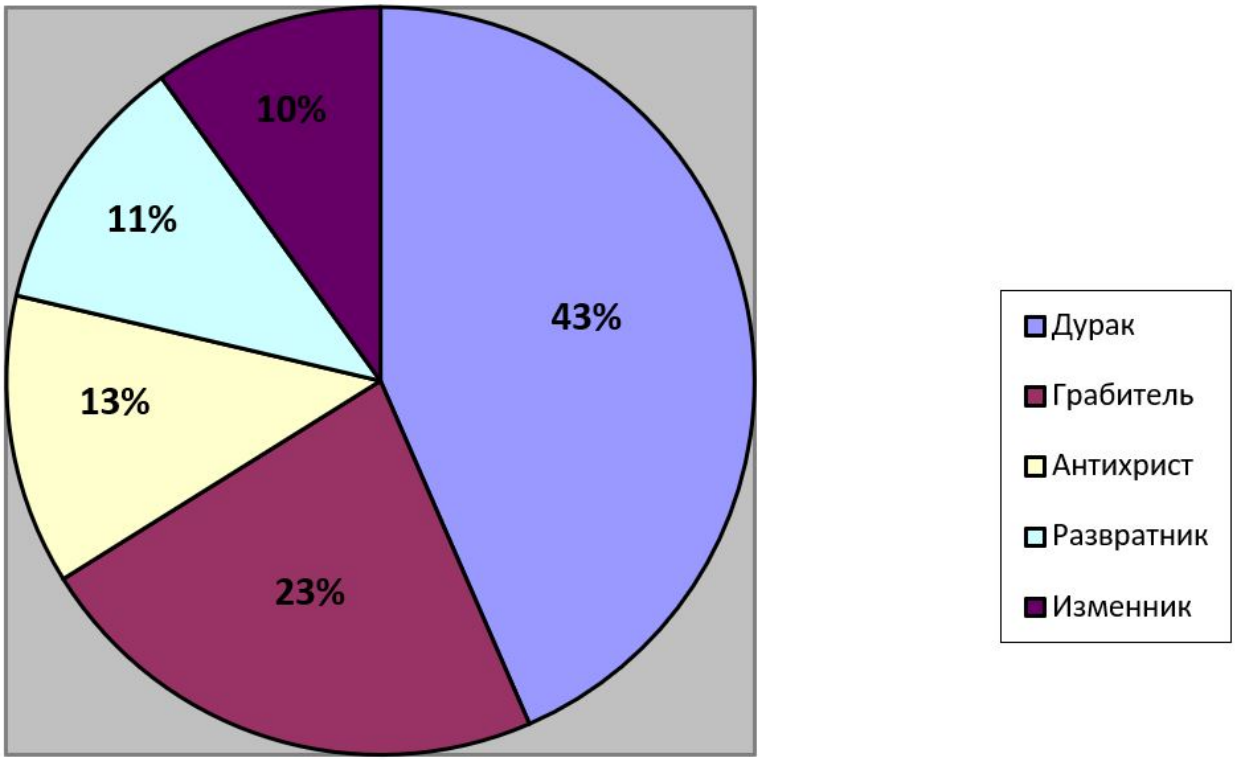


Илл. 7. Распределение оскорблений по регионам

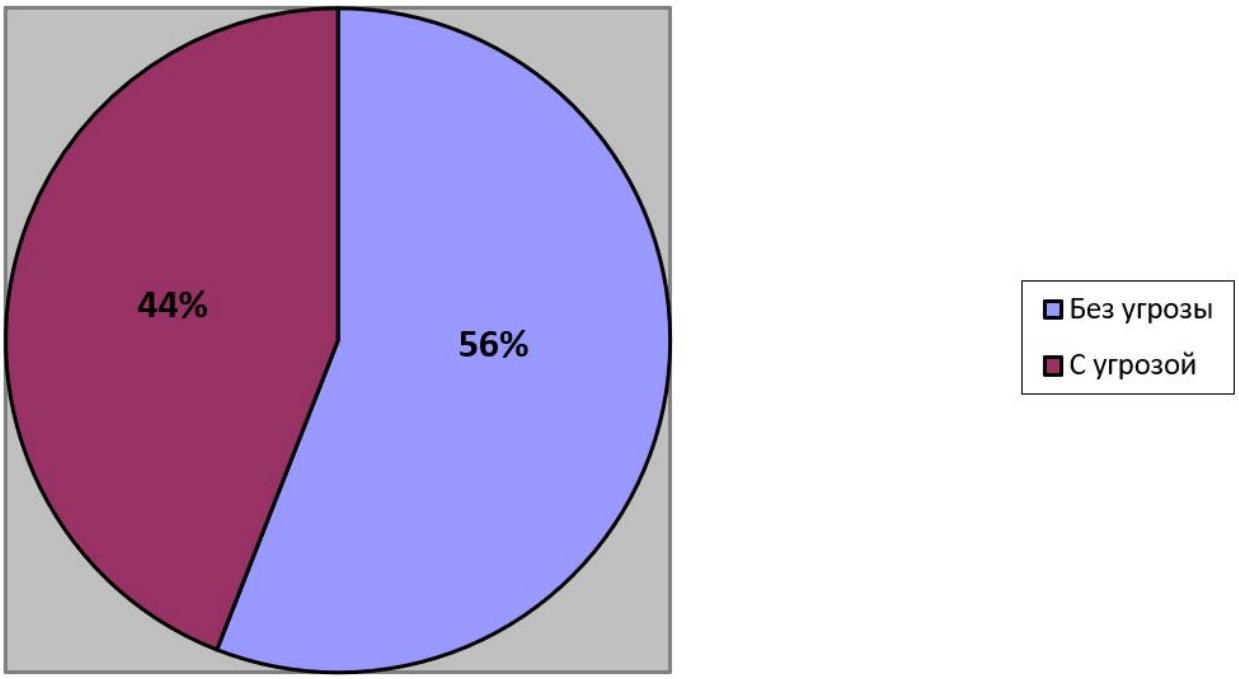
Илл. 8. Карта зафиксированных оскорблений императора



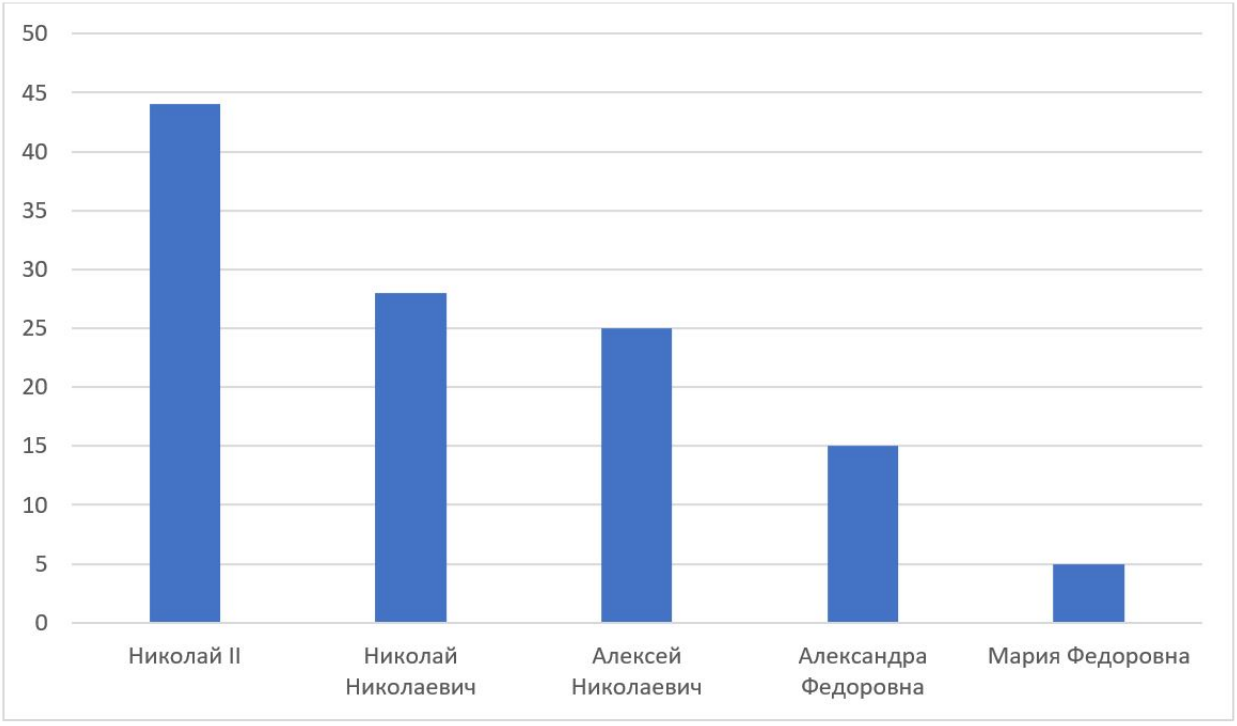
Илл. 9. Упоминания представителей правящей династии в оскорбительных высказываниях



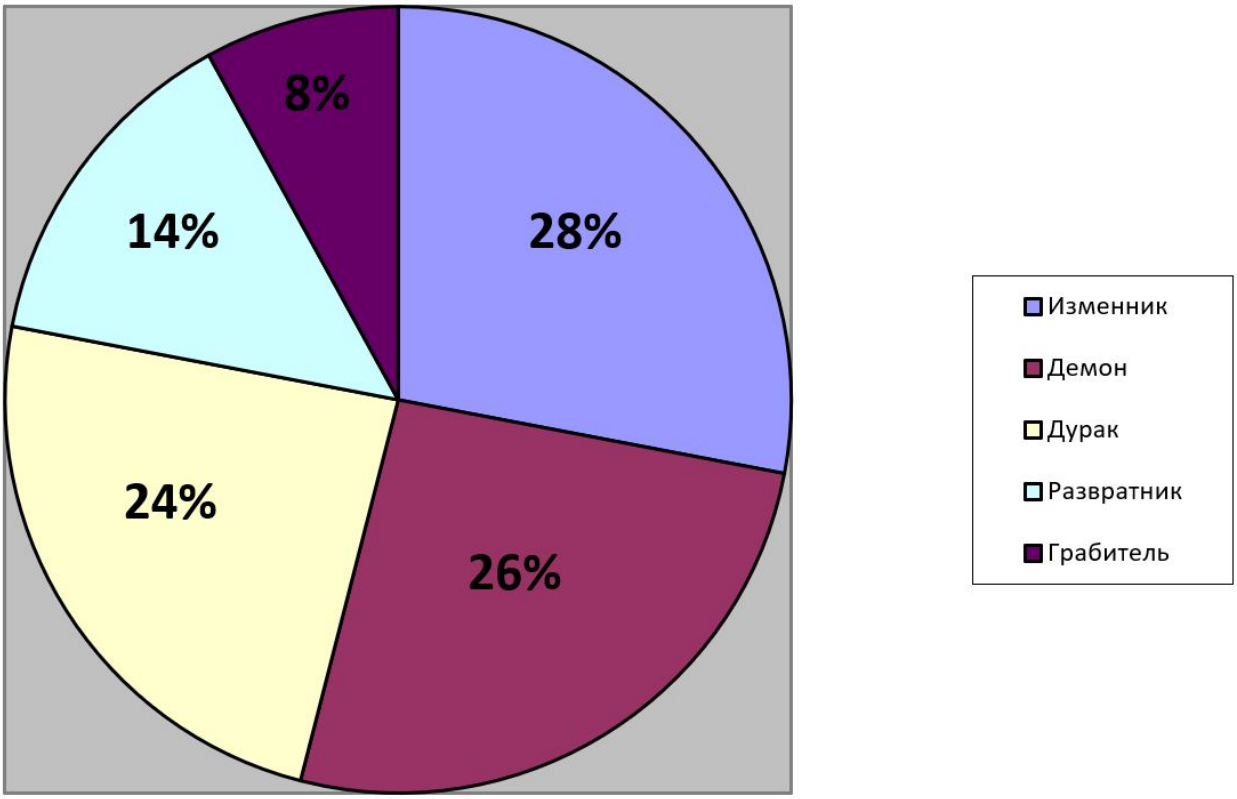
Илл. 10. Структура оскорблений императора



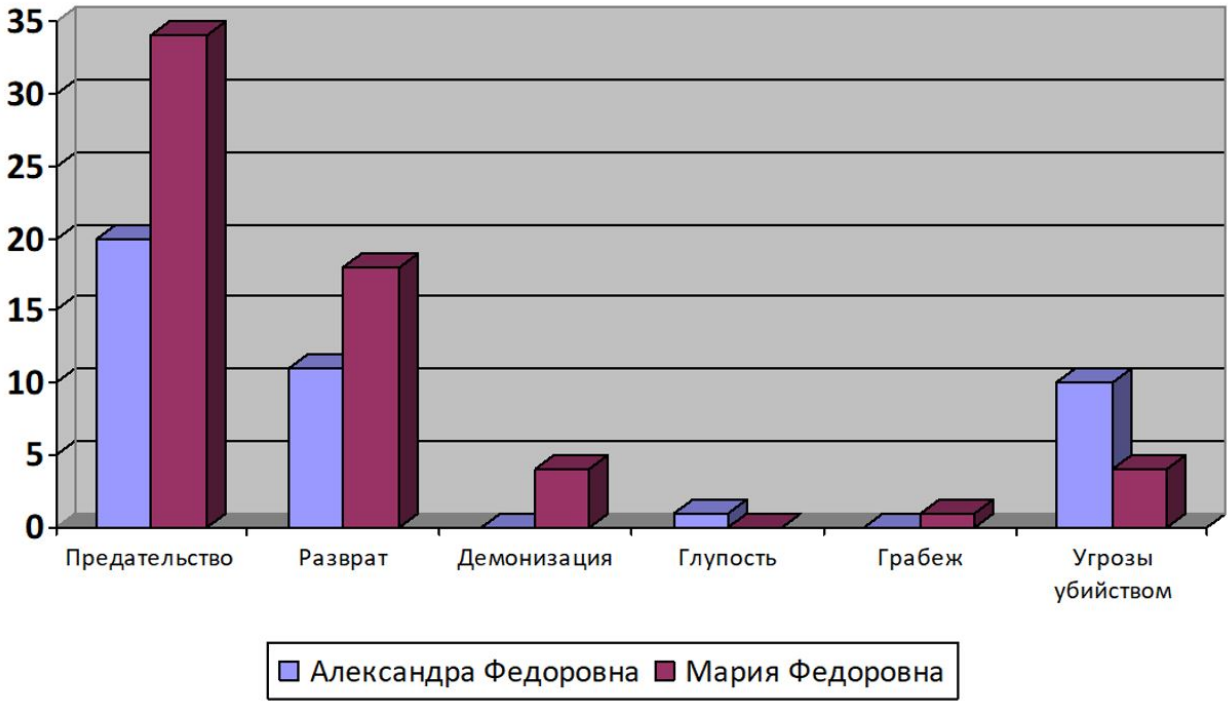
Илл. 11. Оскорбления царя, включавшие угрозы насилия



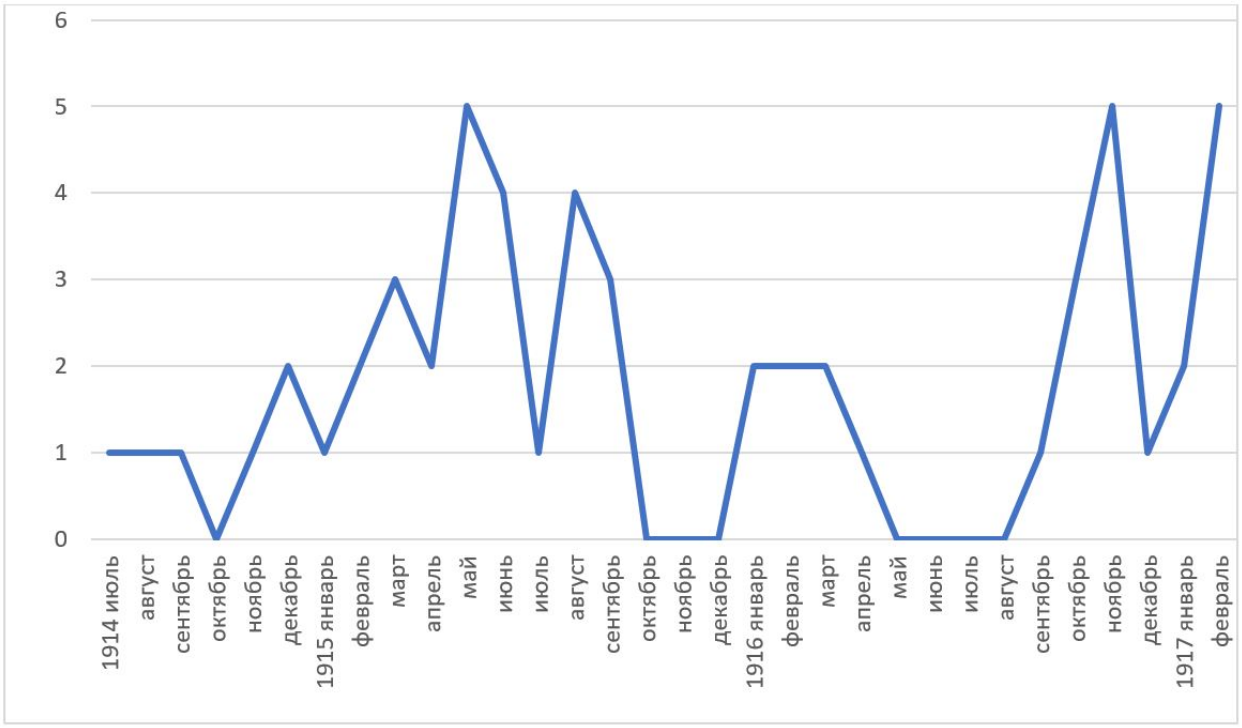
Илл. 12. Пожелания смерти и угрозы убийством членам династии в процентном отношении от общего числа оскорблений



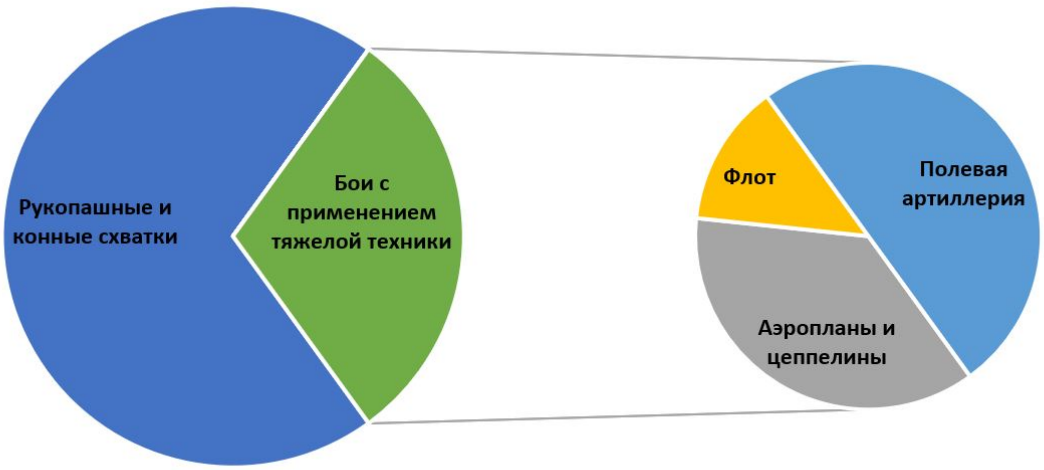
Илл. 13. Структура оскорблений великого князя Николая Николаевича



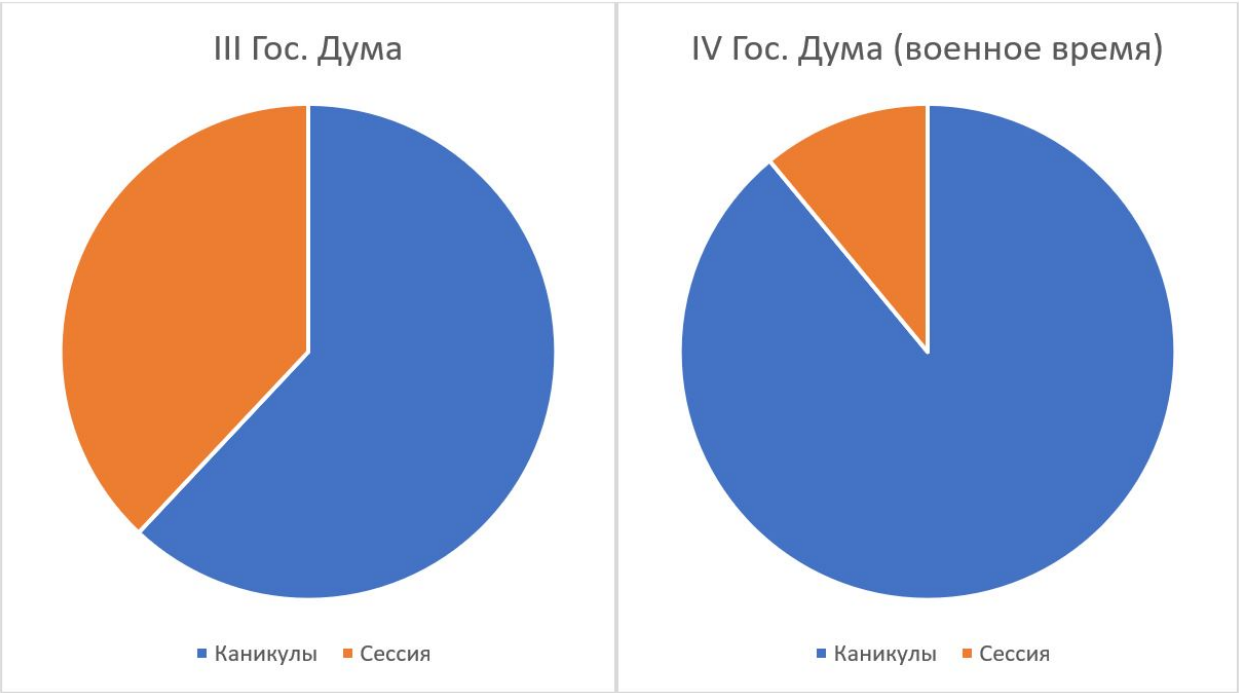
Илл. 14. Сравнительная диаграмма оскорблений Александры Федоровны и Марии Федоровны



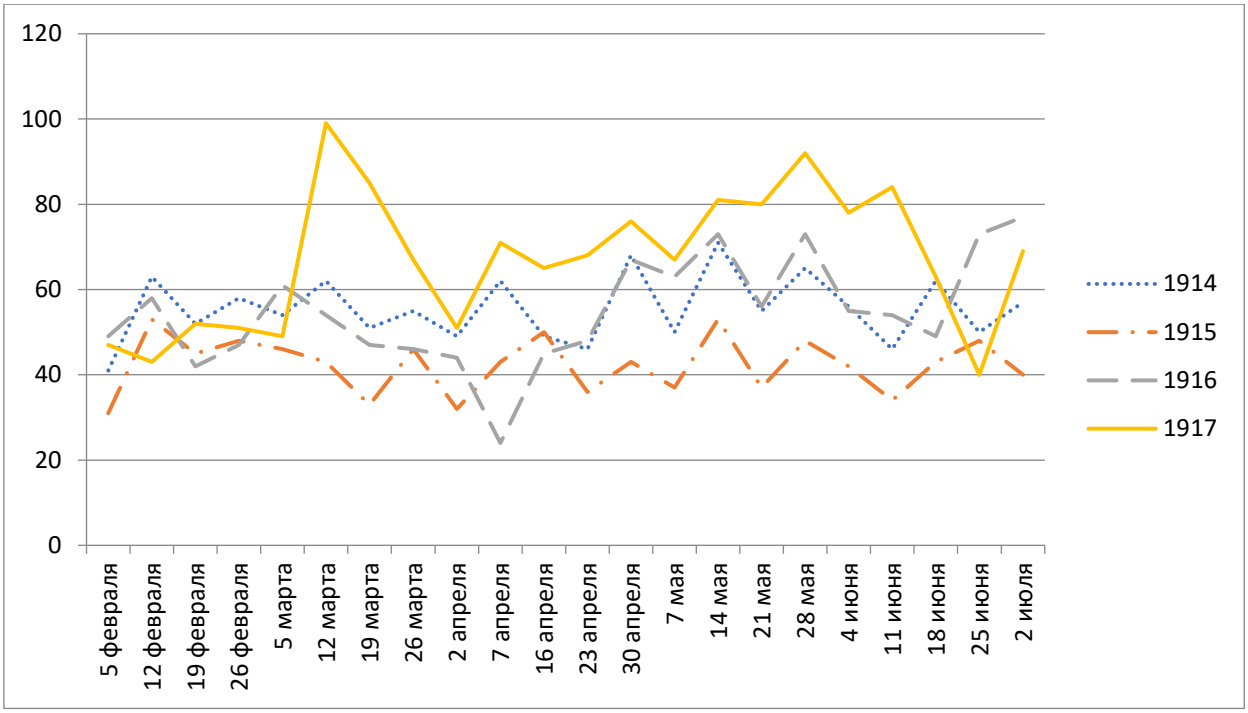
Илл. 15 динамика сюжетов основных пессимистических слухов Петрограда и Москвы в 1914-начале 1917 гг.



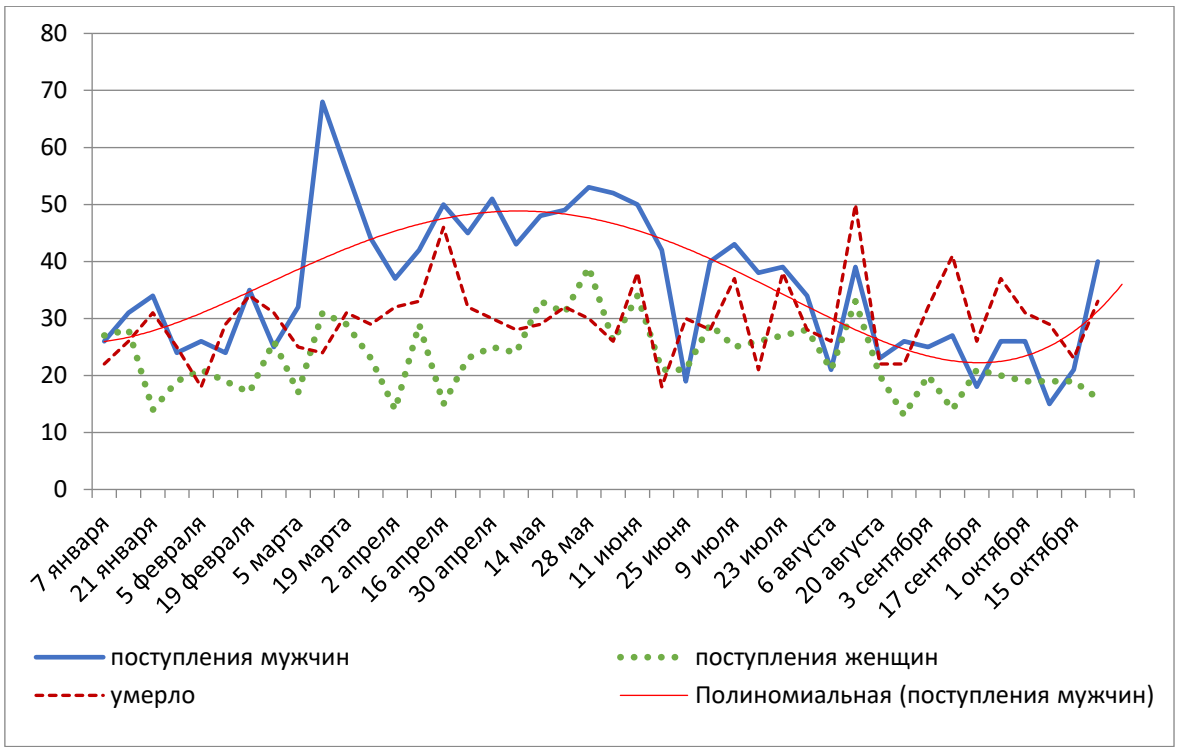
Илл. 16. Типы сражений с точки зрения их «технологичности» по лубочным картинкам.



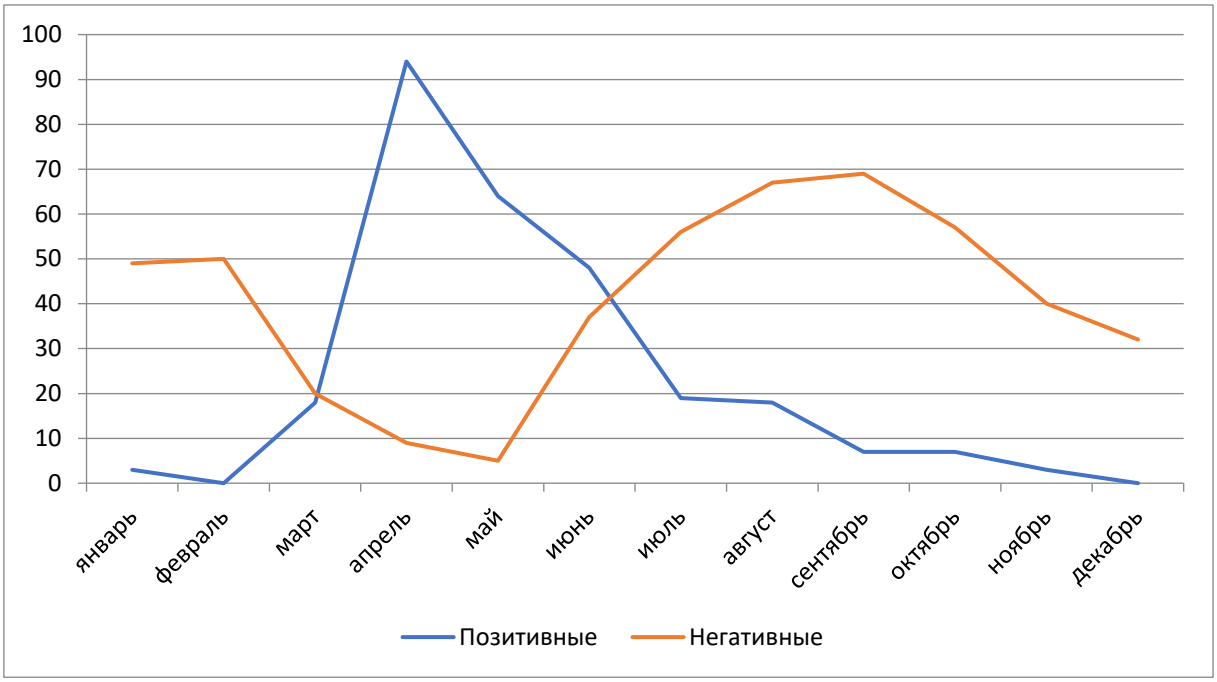
Илл. 17. Работа Государственной Думы в мирное и военное время



Илл. 18. Сравнительный график поступлений душевнобольных в городские клиники Петрограда за февраль-июнь 1914-1917 гг.



Илл. 19. Движение душевнобольных и их смертность в городских больницах Петрограда в 1917 г.



Илл. 20. Динамика позитивных и негативных эмоций, отраженных в карикатурах

Приложение 2. Фотодокументы

Илл. 1. Первый ряд из членов «Союза русского народа» на Дворцовой площади 20 июля 1914 г. Почтовая иллюстрированная карточка.

Илл. 2. Война России с немцами. День объявления войны. Почтовая иллюстрированная карточка.

Илл. 3. Женщина оплакивает своего мужа, ушедшего на войну. Июль 1914 г. Село Вечканово Самарской губернии. Фотограф А. Вяйсянен. Музейное ведомство Финляндии. Фотоархив.

Илл. 4. Мобилизованный прощается с семьей. Июль 1914 г. Село Вечканово Самарской губернии. Фотограф А. Вяйсянен. Музейное ведомство Финляндии. Фотоархив.

Илл. 5. Мобилизованный целует ребенка на прощание. Июль 1914 г. Село Вечканово Самарской губернии. Фотограф А. Вяйсянен. Музейное ведомство Финляндии. Фотоархив.

Илл. 6. Товарищи прощаются перед отъездом на войну. Июль 1914 г. Село Вечканово Самарской губернии. Фотограф А. Вяйсянен. Музейное ведомство Финляндии. Фотоархив.

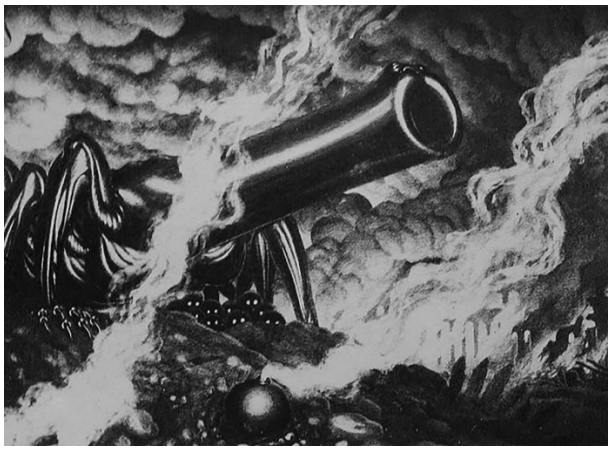
Илл. 7. Мобилизованные отправляются на призывные участки. Июль 1914 г. Село Вечканово Самарской губернии. Фотограф А. Вяйсянен. Музейное ведомство Финляндии. Фотоархив.

Илл. 8. Солдаты с революционными знаменами. Март 1917. Петроград.

Приложение 3. Печатная графика (лубок, плакаты, журнальные иллюстрации, открытки)

Илл. 1. Война России с немцами. Действие наших бризантных снарядов. Текст: «В боях на р. Висле искусные окопы неприятеля трудно было брать обычным артиллерийским огнем…». Плакат. 1914-1916.

Илл. 2. Лягушка. Текст: «Всколыхнулися болота... / Немец пушку увязил / … Ваше дело - из под пушек / Выгонять одних лягушек…». Лубок. М.: Типо-литография Е.Ф. Челнокова, 1914-1916.



Илл. 3. Н.К. Калмаков. Гнев войны. 1915-1917.

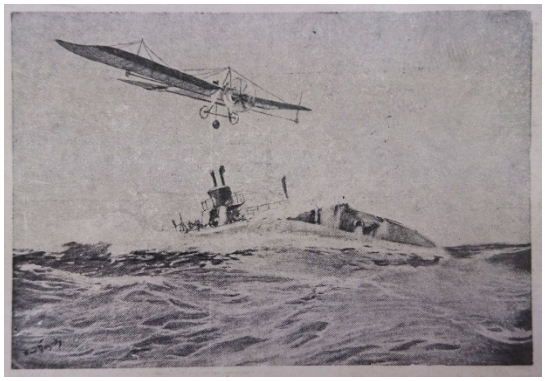
Илл. 4. Н.К. Калмаков. Пушка. Почтовая карточка. 1914-1916.

Илл. 5. Рисунок французской гаубицы // Вокруг света. 1916. № 30

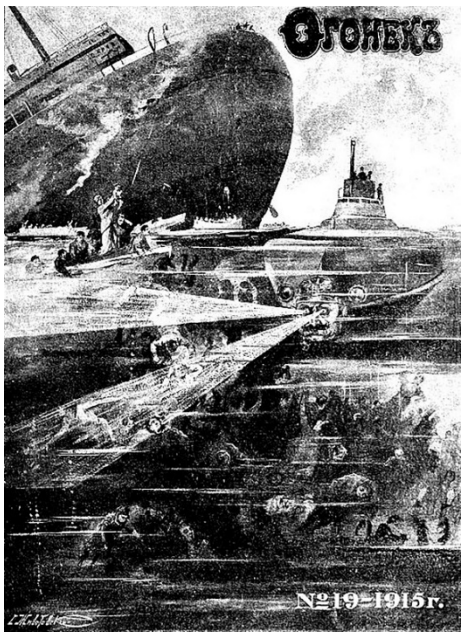
Илл. 6. Война в воздухе. Плакат. М.: Издание литографии Т-ва И.Д. Сытина, 1914.

Илл. 7. Н.С. Гончарова. Ангелы и аэропланы // Мистические образы войны. М.: Изд. В. Н. Кашина (Типо-литогр. Т-ва И.Н.Кушнерев и К°). 1914. № 10.

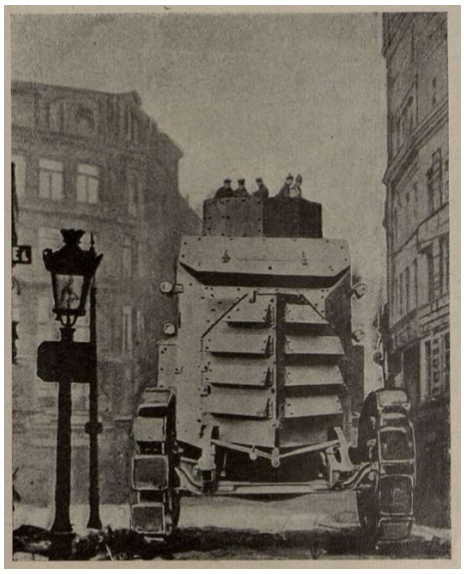
Илл. 8. В.А. Табурин. Текст: «Ни с небом, ни с ветром не дружись, а земли-матушки держись». Почтовая карточка. 1914-1916.



Илл. 9. Бой аэроплана с подводной лодкой. Почтовая карточка. СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1914.



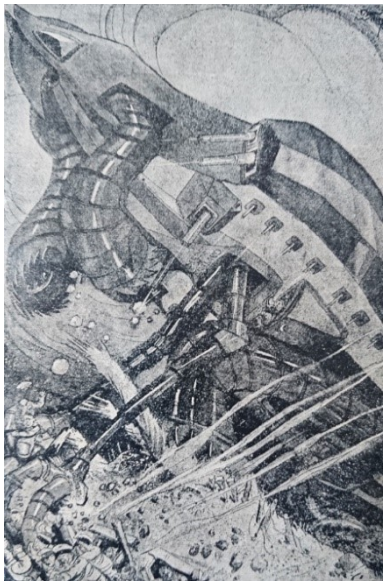
Илл. 10. С.В. Животовский. Кайзер при гибели «Лузитании» // Огонек. 1915. № 19. Обложка.



Илл. 11. Самый большой германский блиндированный автомобиль // Великая война в образах и картинках. 1914.

Илл. 12. Современные путешествующие крепости в бою // Вокруг света. 1916. № 47. С. 712.

Илл. 13. Нападение путешествующих крепостей будущего на неприятельский город // Вокруг света. 1916. № 47. С. 713



Илл. 14. Современная фантастика // Вокруг света. 1916. № 48. С. 733.

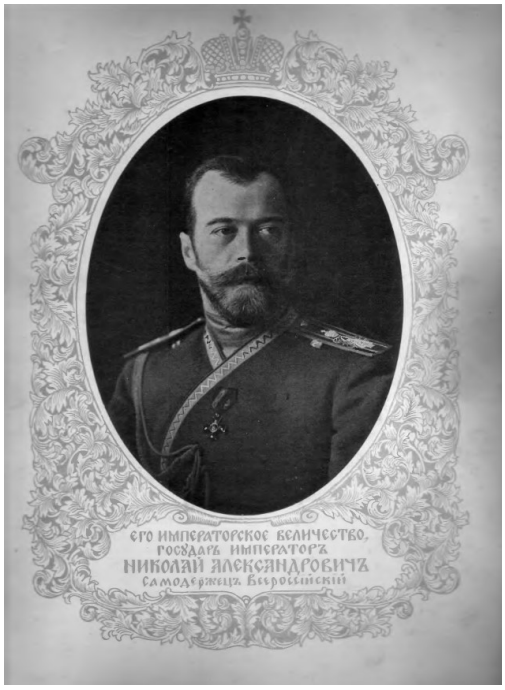
Илл. 15. «Видение на небе». Почтовая карточка. Издательство Марфо-Мариинской обители, 1915.

Илл. 16. Pauwels. С вами Бог. Почтовая карточка. СПб., Тип. И.В. Леонтьева, 1914.

Илл. 17. Явление Георгия Победоносца русскому пехотинцу. Почтовая карточка. 1914-1917.

Илл. 18. Коронация Николая II. Николай II въезжает в Кремль на белой лошади 9 мая 1896 г. Почтовая карточка.

Илл. 19. Л. Туксен. Коронация Николая II и Александры Федоровны в Успенском соборе Кремля. Эрмитаж, С.-Петербург.



Илл. 20. Его императорское величество, государь император Николай Александрович, самодержец всероссийский // Летопись войны. 1914. № 1.

Илл. 21. Николай II и Н.В. Рузский // Летопись войны. 1914. № 8.

Илл. 22. Николай II в действующей армии. Почтовая карточка. 1914-1916.

Илл. 23. Николай II в действующей армии. Почтовая карточка. 1914-1916.

Илл. 24. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич // Летопись войны. 1915. № 30.

Илл. 25. Николай II и Николай Николаевич. Летопись войны. 1915. № 38.

Илл. 26. Красносельские маневры в высочайшем присутствии. Почтовая карточка. Киев: Издательство «Рассвет», 1914.

Илл. 27. Николай II беседует с крестьянами // Летопись войны. 1916. № 83.

Илл. 28. Николай II беседует с лесником // Летопись войны. 1916. № 99.

Илл. 29. Августейшие братья по оружию: Николай II, Георг V, Альберт I // Нива. 1914. № 34.

Илл. 30. Принятие Николаем II рапорта перед автомобилем // Летопись войны. 1915. № 40.

Илл. 31. Николай II и царевич Алексей // Летопись войны. 1916. № 119.

Илл. 32. Геройский подвиг донского казака Кузьмы Крючкова во время схватки с немецкими кавалеристами. Лубок. М.: Хромо-Литография И.А. Морозова, 1914-1915.

Илл. 33. Худ. А. Найден. Сюжет А. Колишина. Москва в дни священной войны. Почтовая карточка. М.: Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1914-1916.

Илл. 34. Худ. А. Найден. Сюжет А. Колишина. Поможе сотворить… Почтовая карточка. М.: Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1914-1916.

Илл. 35. Медсестра и раненый. №193. Почтовая карточка. М.: Изд. Тамаркин, 1914-1916.

Илл. 36. Медсестра и раненый. №191. Почтовая карточка. М.: Изд. Тамаркин, 1914-1916.

Илл. 37. Подвиг сестры милосердия Е.П. Коркиной. Лубок.1915.

Илл. 38. Ре-Ми. Палка о двух концах // Новый Сатирикон. 1915. № 27. Обложка.

Илл. 39. М. Диков. Москва в положении // Будильник. 1915. № 41. С. 4.

Илл. 40. Д. Моор. На позиции! // Будильник. 1915. № 28. Обложка.

Илл. 41. А.А. Радаков. Наша зоология // Новый Сатирикон. 1916. № 50. С. 8.

Илл. 42. Временное правительство. Великое освобождение России. 1917. Плакат.

Илл. 43. Б. Антоновский. Один из «батюшек» // «Новый Сатирикон». 1917. № 14. С. 7.

Илл. 44. С.В. Животовский. Черный автомобиль // Огонек. 1917. №12. С. 190.

Илл. 44. Мисс. Труд и Свобода // Новый Сатирикон. 1917. № 11. С. 13.

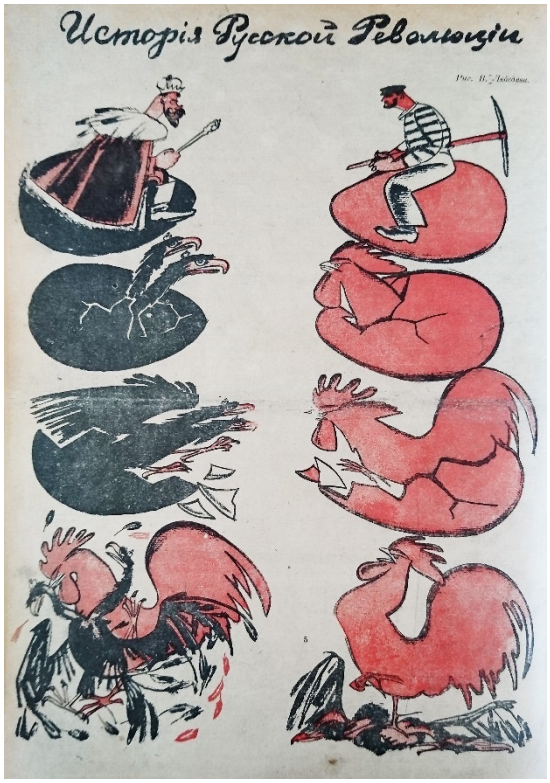
Илл. 45. Н. Николаевский «Новый Вифлеем»

Илл. 46. Огонек. 1917.

Илл. 47. Огонек. 1917. Март.

Илл. 48. Огонек. 1917. Октябрь

Илл. 49. А. Лебедев. Свобода // XX век. 1917. № 14. Обложка.



Илл. 50. В. Лебедев. История Русской Революции // Новый Сатирикон. 1917. № 14. С. 16.

Илл. 51. Худ. Ре-Ми. Слава вам! Новый Сатирикон. 1917. №11.

Илл. 52. Наши министры. А.Ф. Керенский. Текст: Вперед! Для меня нет ни подводных камней, ни мелей, ни мин… // Пугач. 1917. № 10.

Илл. 53. Худ. Д. Мельников. Вперед! Только русские штыки принесут свободу... Будильник. №19. 1917. Май.

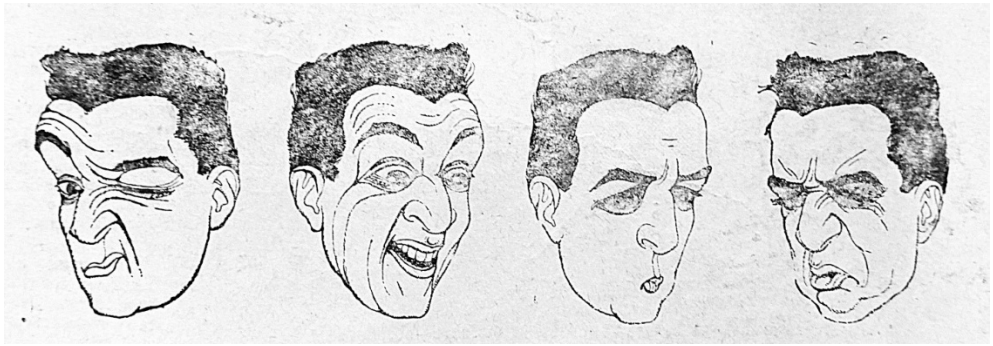
Илл. 54. Худ. А. Лебедев Нет, чудовище, больше уж никогда... Стрекоза. 1917. №21. Июнь.

Илл. 55. Новобранца провожают // Новый Сатирикон. 1917. № 22. С. 8.

Илл. 56. Смутные дни рокового брожения, / Смело ты вышла на поле сражения… // Пугач. 1917. № 16. Обложка.

Илл. 57. М. Бобышов. Дева Революция. 27 февраля // Бич. 1917. № 28.

Илл. 58. Б. Антоновский. Дева Революция. 3–4 июля // Бич. 1917. № 28.



Илл. 59. Худ. М. Ага. История русской революции в одном лице. Бич. №16. 1917. Апрель.

Илл. 60. Крещение революции. Плакат. Худ. А.Куликов. 1917 г.

Приложение 4. Список наиболее резонансных тревожных слухов, циркулировавших в Петрограде и Москве (июль 1914 – февраль 1917)

1914

Июль: Слух о немецких зверствах

Август: Слухи о предопределенности революции после войны; Императрица Александра Федоровна и великая княгиня Елизавета Федоровна склоняют императора к сепаратному миру.

Сентябрь: Слухи о предложениях Германии заключить сепаратный мир; Слухи о поражениях русской армии

Октябрь: новых сюжетов не выявлено

Ноябрь: новых сюжетов не выявлено

Декабрь: Распутин — немецкий шпион; Александра Федоровна —немецкая шпионка.

1915

Январь: Слух о предложении Н.А. Маклакова заключить сепаратный мир

Февраль: Слух об измене Н.В. Рузского; Слух, что С.Ю. Витте покончил с собой, когда стало известно, что он шпион.

Март: Слух об измене вел. кн. Марии Павловны; Слух о том, что МВД готовит провокации к окончанию войны; Слух о массовых изменах в связи с делом Мясоедова.

Апрель: Слух об организации агентами Мясоедова взрыва на Охтенском пороховом заводе; Слух об оргиях Распутина;

Май: Слух об организации шпионами взрывов в Москве; Слух о выселении всех евреев из столицы в связи с тем, что в синагоге нашли телеграф; Слух о предстоящем погроме в Петрограде; Слух о том, что после каждой поездки Николая II на фронт начинаются поражения русской армии.

Июнь: Слух о финансировании Германией русских революционных организаций; Слух о скором взятии Петрограда немцами; Слух о скором смещении

с должности верховного главнокомандующего Николая Николаевича; Слух о намерении царя заключить сепаратный мир.

Июль: Слух о том, что немецкие шпионы отравляют колодцы.

Август: Слух о бегстве Николая II в Германию; Слух о скупке евреями и немцами медной монеты; Слухи о заговоре с целью заточить императрицу в монастырь; Слух об отправке императрицами хлеба в Германию.

Сентябрь: Слух о том, что Николай II собирается передать регентство Александре Федоровне; Слух о том, что на войну будут брать девок; Слух о регентстве Михаила Александровича.

Октябрь: Правительство готовит на январь 1916 г. революцию, для чего на предметы первой необходимости искусственно подняты цены.

Ноябрь: новых сюжетов не выявлено

Декабрь: новых сюжетов не выявлено

1916

Январь: Слух о смерти Вильгельма II и скором окончании войны; Слух об антицарском заговоре.

Февраль: Слух о том, что императрица Александра Федоровна сумасшедшая; Слух о том, что Распутин — Антихрист.

Март: Слух о подготовке Хвостовым убийства Распутина; Слух о том, что арестованные за акции протеста рабочие и студенты потом бесследно исчезают;

Апрель: Слухи о новом готовящемся погроме в Москве.

Май: новых сюжетов не выявлено

Июнь: новых сюжетов не выявлено

Июль: новых сюжетов не выявлено

Август: новых сюжетов не выявлено

Сентябрь: Слух о том, что Николай II собирается стать патриархом.

Октябрь: Слух о том, что полицию вооружают пулеметами для подавления возможных в скором времени возмущений; Слух о новом наборе новобранцев; Слух о том, что Протопопов сумасшедший.

Ноябрь: Слух о разводе царя с царицей; Слух о том, что царь будет советоваться с народом, продолжать ли войну; Слухи о дерзкой речи П.Н. Милюкова, оскорбившего царя и царицу; Слухи о наркотической зависимости Николая II; Слух о передаче Николаем командования армией А.А. Брусилову или М.В. Алексееву.

Декабрь: Слух, что Распутин жив; А.А. Брусилов совершил самоубийство.

1917

Январь: Слух о покушении офицера на Александру Федоровну; Слухи о приближении голода; Слух о том, что правительство советуется с духом Распутина;

Февраль: Слухи о рабочих выступлениях 14 февраля; Слухи о расставленных на крышах «протопоповских пулеметах»; Слухи, что хлеб не привозят по приказу Протопопова, планирующего спровоцировать беспорядки; Слух о введении в Петрограде карточек и ограничениях продажи хлеба; Слух о том, что П.Н. Милюков ходит по заводам и вооружает рабочих.